

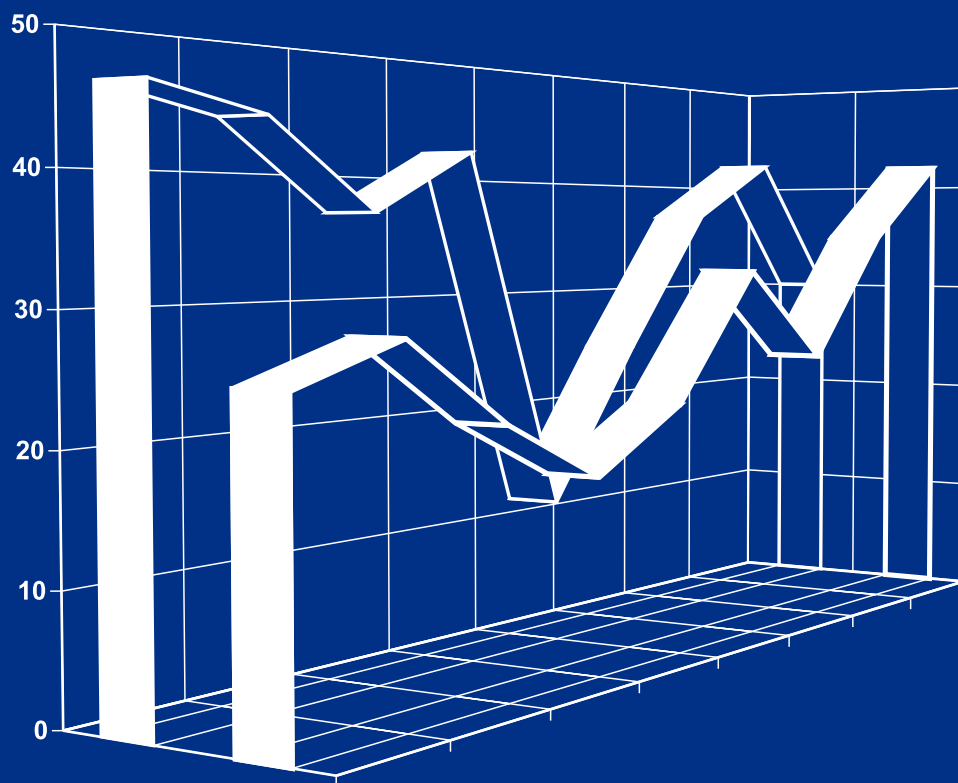
От мнений — к пониманию

ВЕСТНИК

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION HERALD

ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Данные. Анализ. Дискуссии

3-4 (127)

ИЮЛЬ — ДЕКАБРЬ 2018

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3–4(127)

Выходит 2 раза в год. Год издания 26-й

Июль–декабрь 2018

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Т. Шанин
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
Н.А. Зоркая
(ответственный редактор)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ	
Эмиль Паин. Динамика ксенофобии в эпоху популизма: опыт макросоциального анализа	17
Лев Гудков, Карина Пипия. Параметры ксенофобии, расизма и антисемитизма в современной России	33
Лев Гудков, Наталия Зоркая, Екатерина Кочергина, Евгения Лёзина. Антисемитизм в России: мнения еврейского населения	65
Алексей Левинсон. Об отношении к евреям в современной России	110
Дарья Веденяпина. Еврейская община как ключевой фактор в построении идентичности российскими евреями поколения 20-40-летних	123
Лариса Косова. Быть женщиной: динамика массовых представлений о гендерных ролях	140
Екатерина Кочергина. Представления о гендерных ролях и гендерном равенстве в России. Анализ данных массовых опросов за 30 лет	151
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	
Людмила Богомазова. Конструирование образа экономического кризиса 2014 года в российских онлайн-изданиях: сравнительный анализ	162
Анастасия Казун, Оксана Дорофеева. Сообщения СМИ и результаты кандидатов на выборах президента РФ 2018: Для кого всего важнее региональные новости?	174
Леонид Ашкинази, Григорий Головин. Исследование пассивного словарного запаса носителей русского языка посредством интернета	183
ДИСКУССИИ	
Евгения Лёзина. Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы	192
Лев Гудков. Вторичный, или возвратный, тоталитаризм	207
Авторы номера	261
SUMMARY	262
Список статей, опубликованных в журнале в 2018 г.	267

Ответственный редактор
выпуска Н.А. Зоркая

Редактор
Е.Л. Коган

Корректор
Е.В. Пищулина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

3–4(127)

Twice

July–December 2018

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Teodor Shanin
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS 3

ETHNIC AND SOCIAL DISCRIMINATION

Dynamics of xenophobia in the populist era: a macro social analysis
trial (by Emil Pain) 17

Parameters of xenophobia, racism and anti-Semitism in modern
day Russia (by Lev Gudkov, Karina Pipiia) 33

Anti-Semitism in Russia: the Jewish population viewpoint
(by Lev Gudkov, Nalabila Zorkaya, Ekaterina Kochergina, Jane Lezina) 65

Attitude towards jews (by Alexej Levinson) 110

Community as a key factor in constructing of Jewish identity
by Russian Jews born between 1980-2000. (by Dasha Vedenyapina) 123

Being a woman: dynamics of mass attitudes towards gender roles
(by Larisa Kosova) 140

Beliefs regarding gender roles and gender equality in Russia.
An analysis of mass surveys spanning 30 years
(by Ekaterina Kochergina) 151

SOCIAL PROCESSES IN CONTEMPORARY RUSSIA

Russian Online Media Construction of the Economic Crisis
of 2014 Image: a Comparative Analysis (by Liudmila Bogomazova) 162

Media coverage and the results of the 2018 Russian presidential
election: for which candidates is regional news the most important?
(by Anastasija Kazun and Oxana Dorofeeva) 174

A study of receptive vocabulary by means of internet
(by Ashkinazi Leonid and Grigoriy Golovin) 183

DISCUSSIONS

Denazification of West Germany. 70 years Since the Programme's
Completion (by Jane Lezina) 192

Recurrent totalitarianism (by Lev Gudkov) 207

Authors of the issue 261

SUMMARY 262

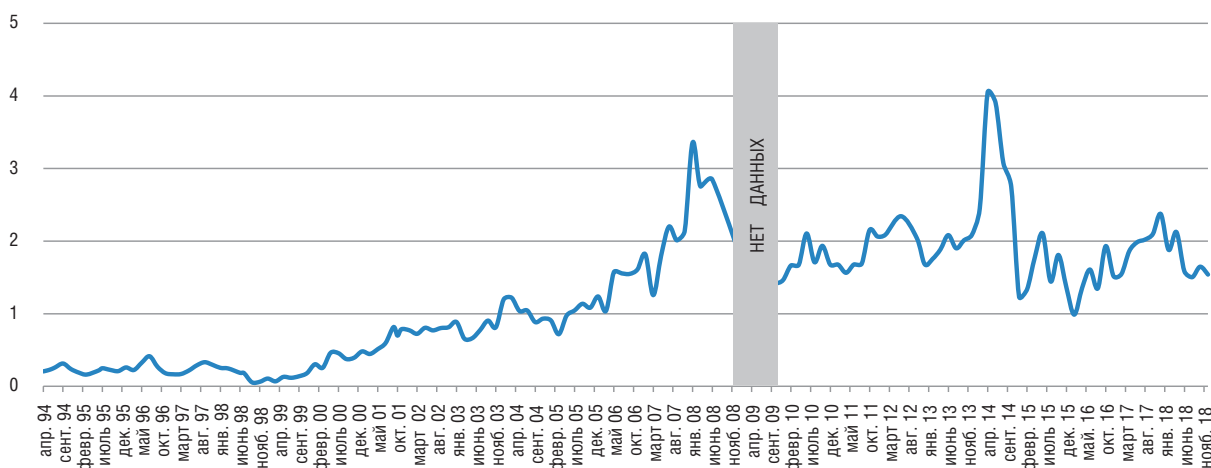
LIST OF PUBLICATIONS. 2018 267

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ

«Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?»

«Как бы Вы оценили экономическое положение России?» (отношение положительных оценок — «хорошее» и «среднее» к отрицательным — «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

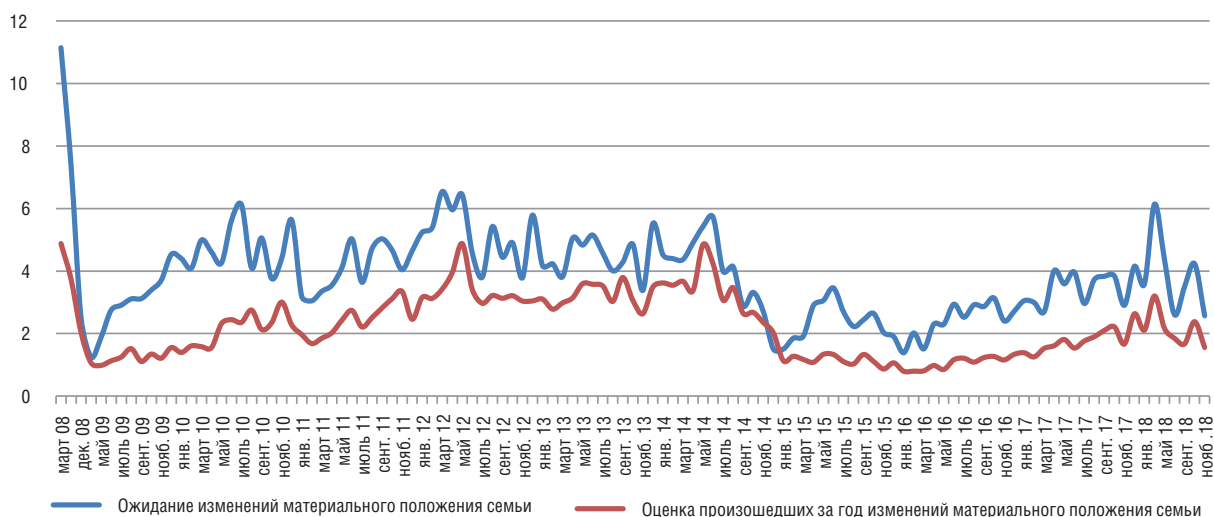

В 1994 г. $N=3000$, в 1995—2001 гг. $N=2400$, в 2002—2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

«Как изменилось материальное положение вашей семьи за последний год?»

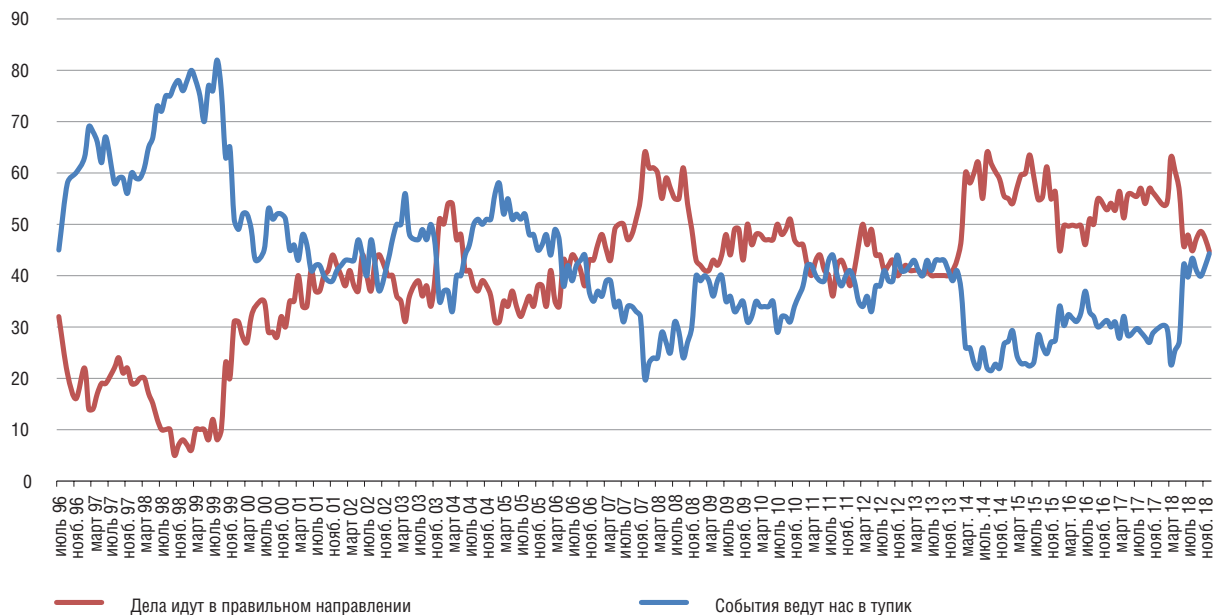
«Как, по-вашему, изменится материальное положение вашей семьи в ближайший год?»

(отношение положительных оценок — «улучшится» и «не изменится» к отрицательной — «ухудшится»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

А. «Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или Вам кажется, что страна движется по неверному пути?» (в % от числа опрошенных)

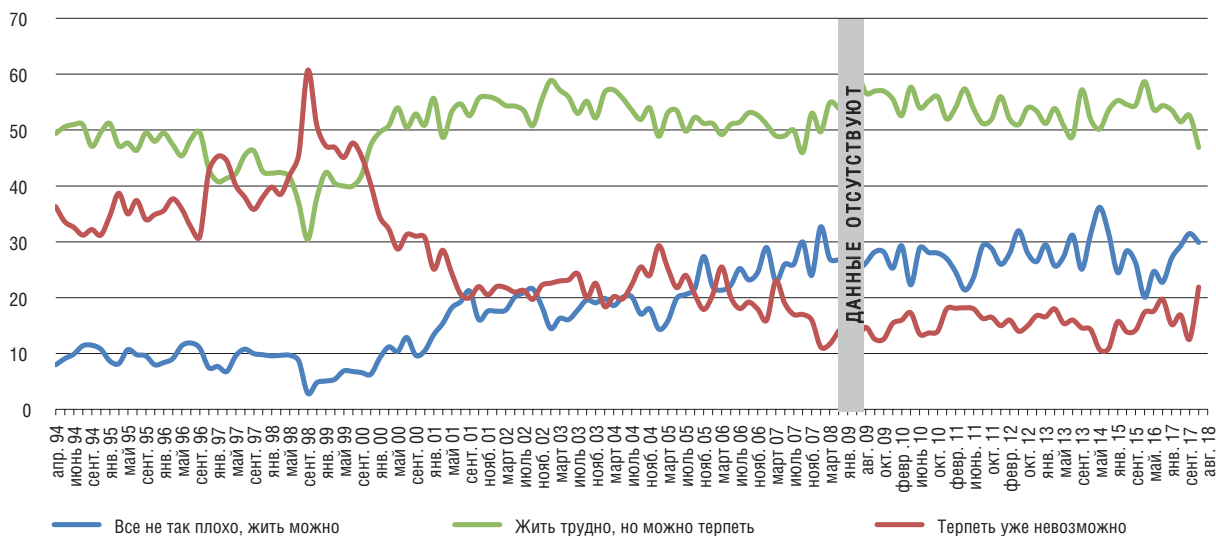

N=1600.

После объявления о начале пенсионной реформы индексы резко снизились и остаются низкими до конца года.

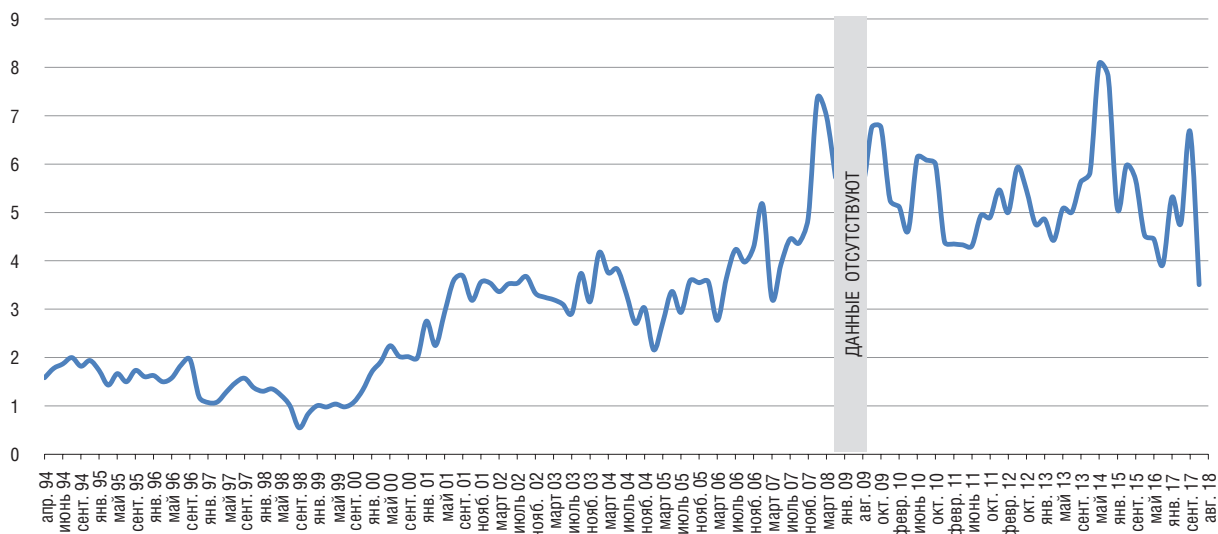
3. «ЗАПАС ПРОЧНОСТИ» НАСЕЛЕНИЯ

А. «Какое из следующих высказываний более всего соответствует Вашей жизненной ситуации?»

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

Б. Отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» (затруднившиеся с ответом не учитываются)

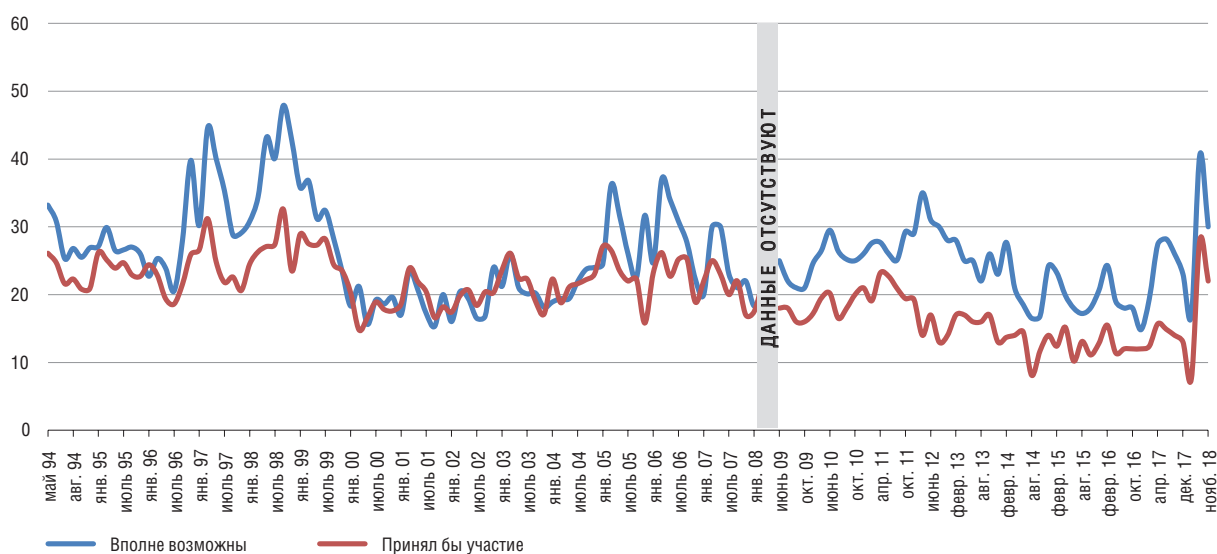

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

4. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

А. ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

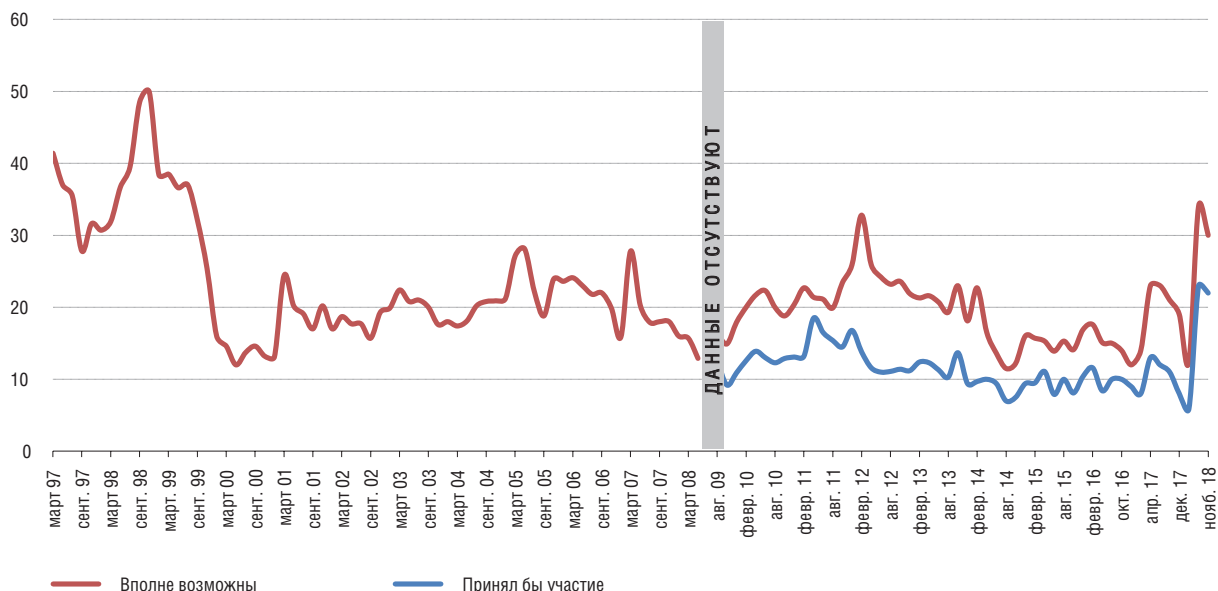

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

* До марта 1997 г. задавался в формулировке «Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?».

Б. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Возможны ли, на Ваш взгляд, в Вашем городе, сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?»*; «Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?» (в % от числа опрошенных)

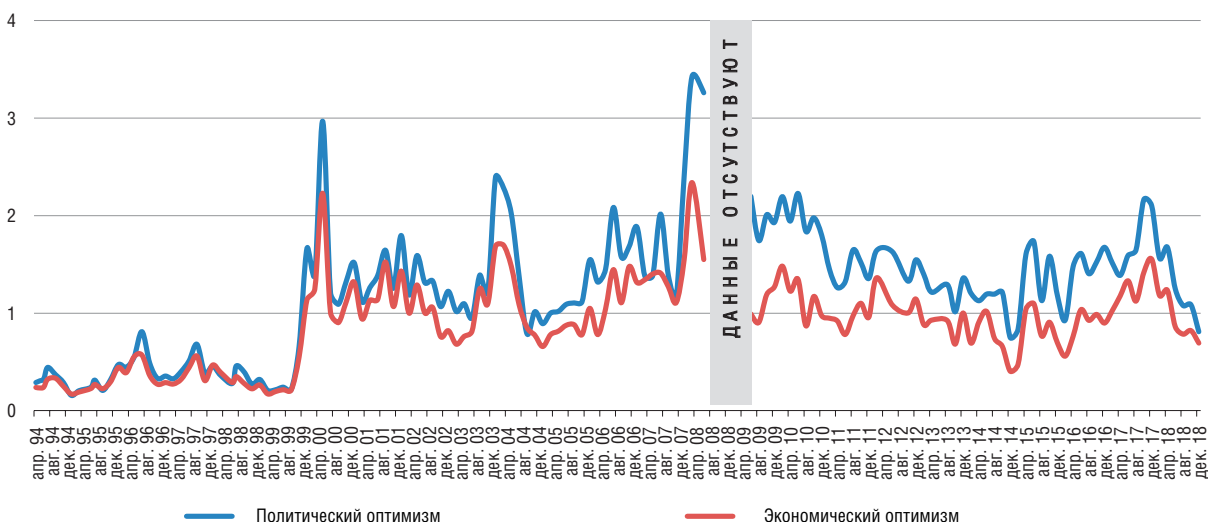

В 1997–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

5. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?»;
«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?»

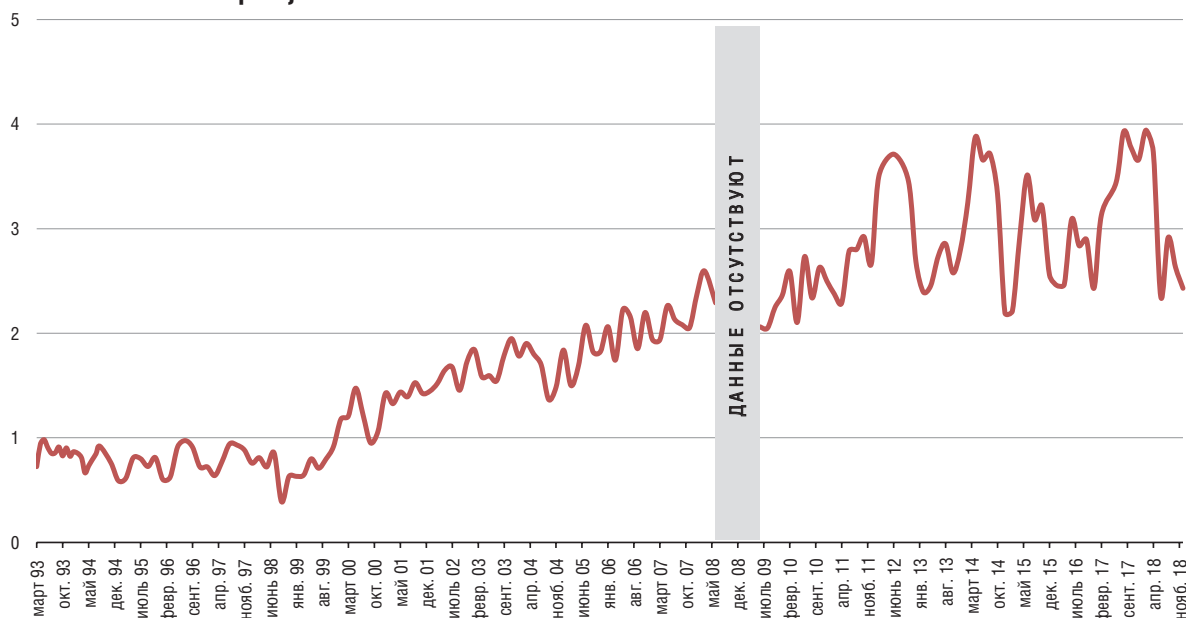
(отношение положительных оценок – «значительное улучшение ситуации» и «некоторое улучшение ситуации» к отрицательным – «некоторое ухудшение ситуации» и «значительное ухудшение ситуации»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

6. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

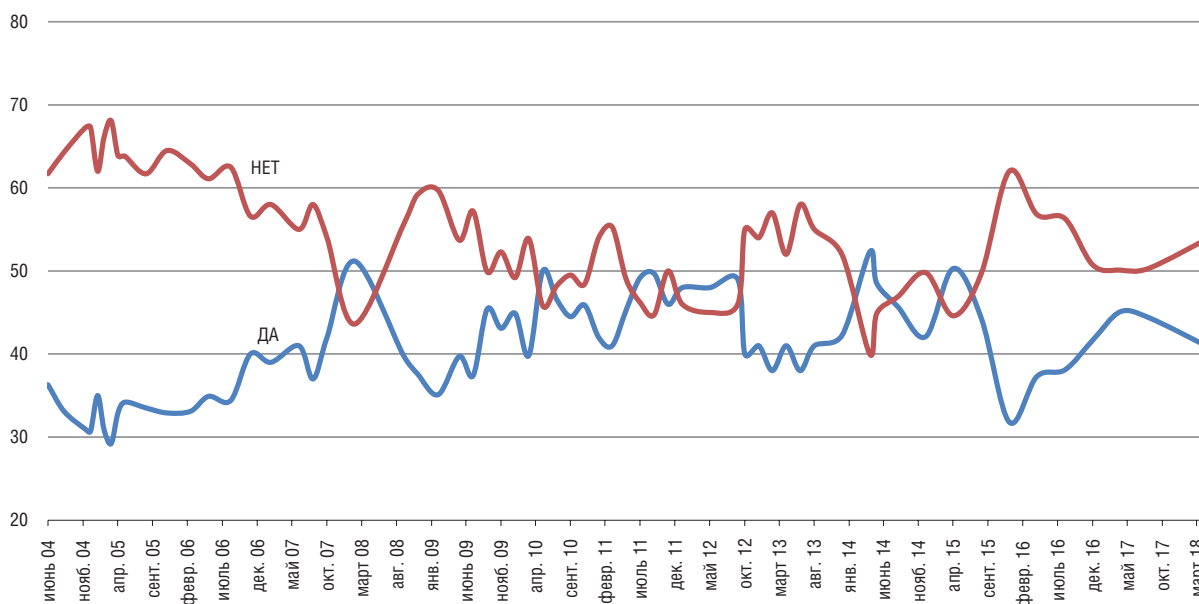
«Что Вы можете сказать о своем настроении в последние дни?» (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

7. ЯСНОСТЬ ПЕРСПЕКТИВ

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?

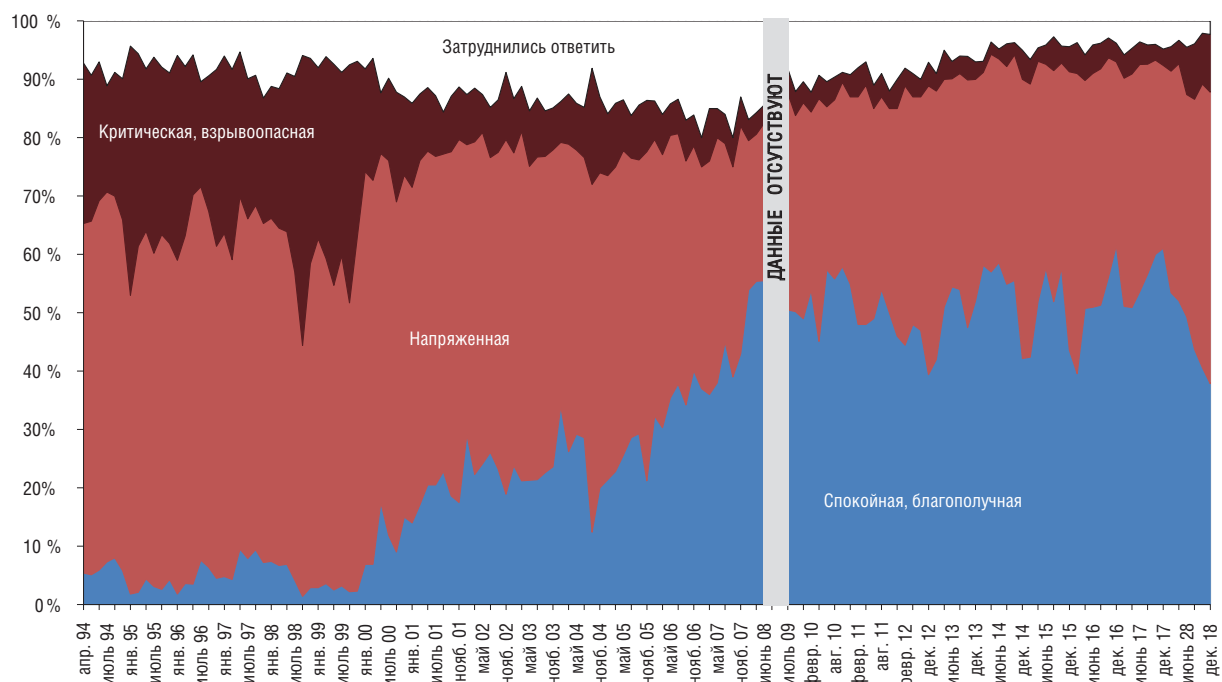

$N=1600$.

«Крымский синдром» и патриотическая мобилизация закончились, но уверенности в будущем нет.

8. ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Как Вы оценили бы в целом политическую обстановку в России?

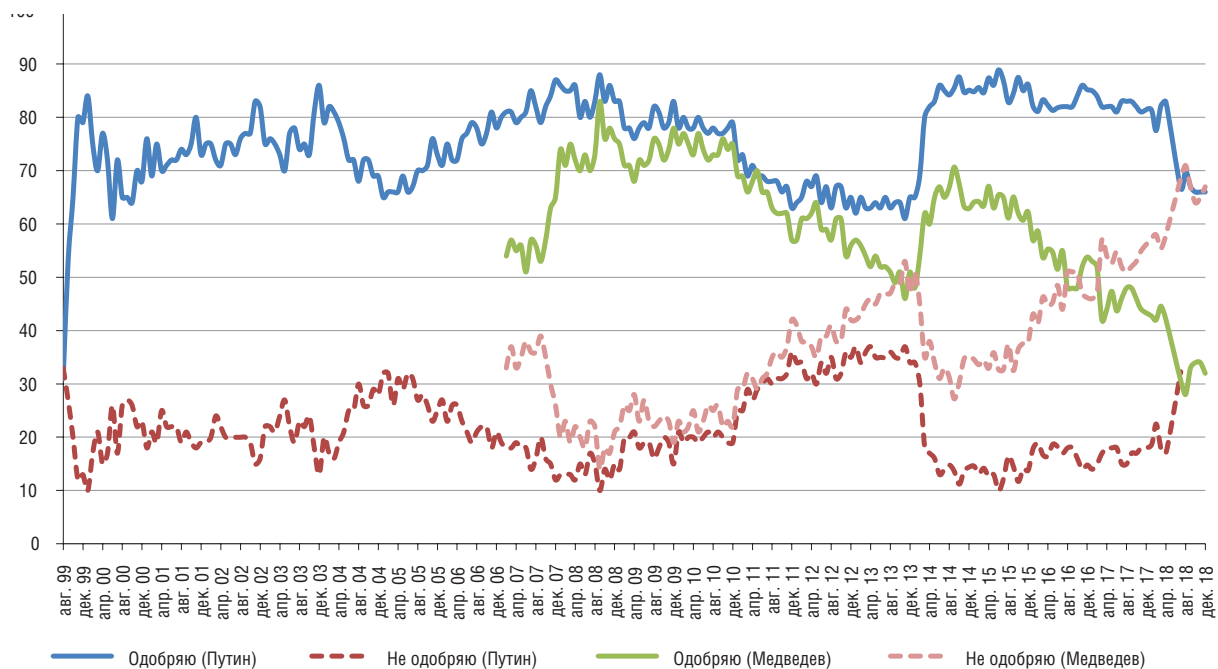

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

9. ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ

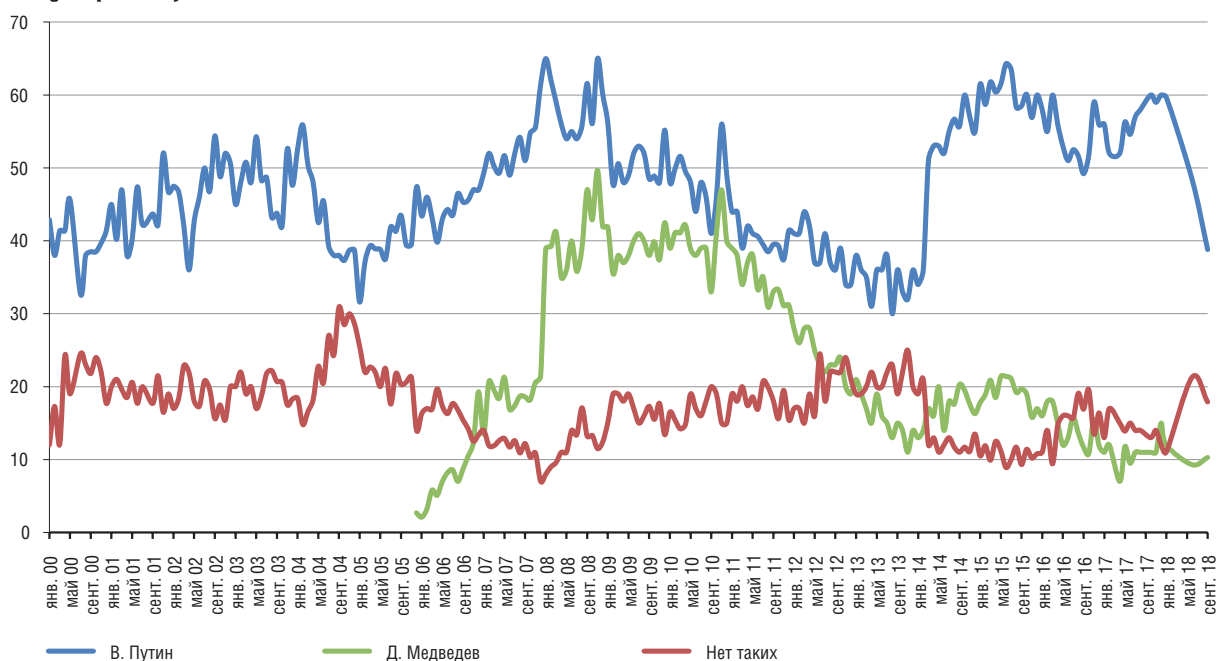
А. 1. «Одобрите ли Вы деятельность Владимира Путина?»;

А. 2. «Одобрите ли Вы деятельность Дмитрия Медведева?»

$N=1600$.

Б. Доверие к Владимиру Путину и Дмитрию Медведеву (в % от числа опрошенных, по данным «открытого» вопроса: «Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете»)

N=1600.

10. ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ

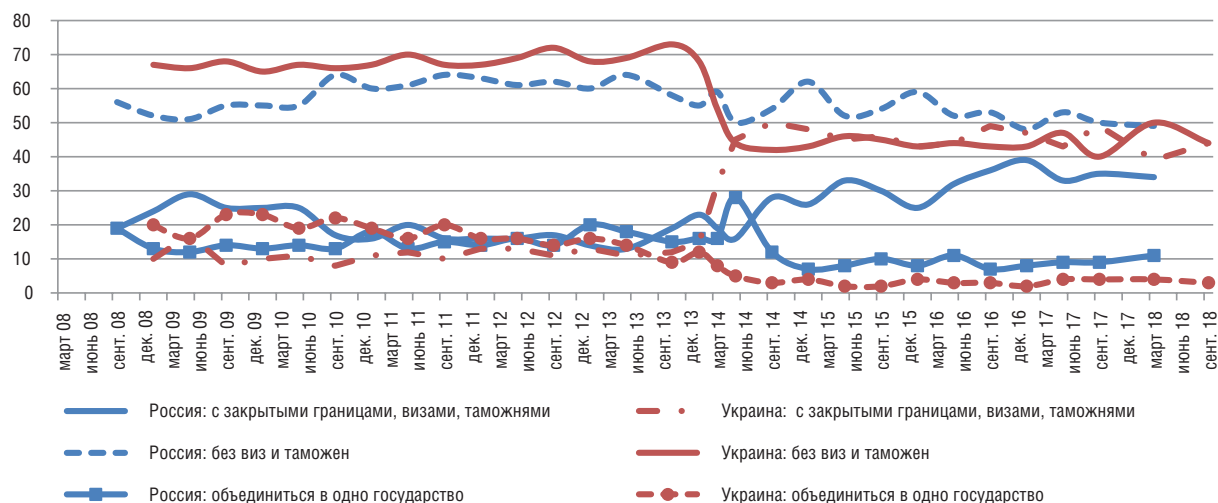
А. Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политикам, собравших от 2% и более в последних трех замерах, по данным «открытого» вопроса)

Вариант ответа	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
	VII	VII	VII	VII	VII	VII	VII	XII	VII	I	VI** IX**
Груднин Павел	-*	-	-	-	-	-	-	-	-	6	7 4
Жириновский Владимир	11	10	14	10	9	11	14	13	12	15	14 15
Зюганов Геннадий	9	9	11	11	10	10	11	9	7	8	7 8
Лавров Сергей	6	6	8	4	4	16	16	20	21	25	14 10
Медведев Дмитрий	41	39	35	22	15	18	21	12	11	12	9 10
Миронов Сергей	3	3	5	4	3	3	3	4	3	2	2 2
Навальный Алексей	-	-	-	-	-	-	-	-	2	3	2 3
Песков Дмитрий	-	-	-	-	-	-	-	2	4	4	1 1
Путин Владимир	53	48	40	41	38	55	64	56	57	60	48 39
Рогозин Дмитрий	2	2	1	1	2	2	3	2	1	2	1 1
Собянин Сергей	-	-	4	3	4	4	5	4	3	7	4 4
Шойгу Сергей	16	15	21	11	18	22	1	23	25	31	19 15
Нет таких	15	16	21	18	18	13	13	16	14	11	21 18
Не интересуюсь политиками, политикой	13	17	15	16	22	14	10	12	10	14	- 1
Затрудняюсь ответить	6	6	5	7	4	6	4	5	7	3	12 18

N=1600, * – вариант не был назван, ** - открытый вопрос – респонденты САМИ называют деятелей, которым они доверяют.

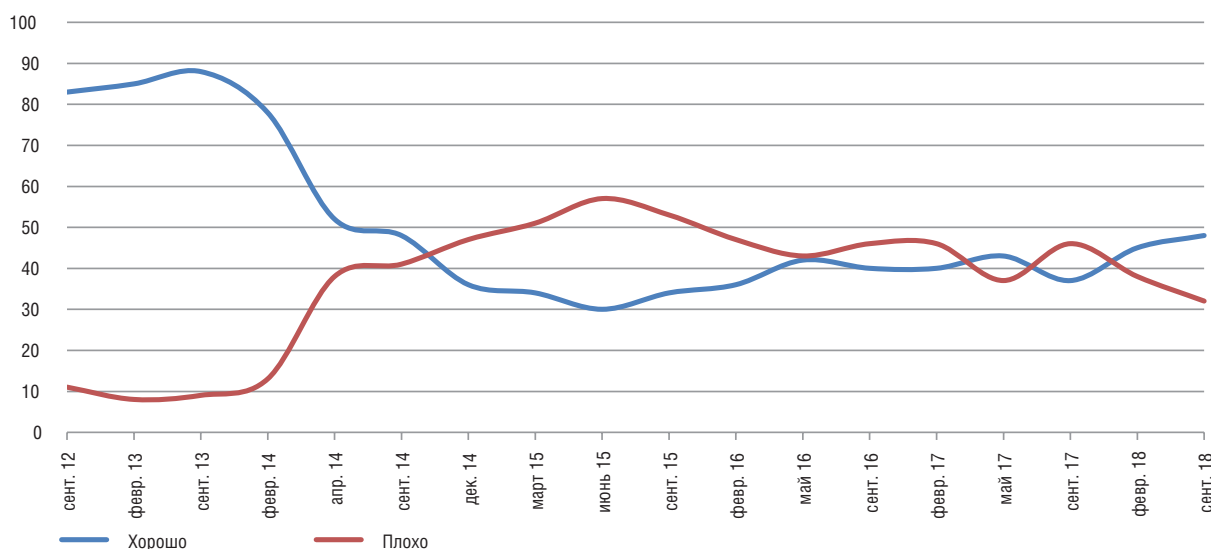
11. РОССИЯ И УКРАИНА

А. «С каким из следующих мнений по поводу отношений России с Украиной вы бы скорее согласились?» (данные Левада-центра и КМИС)

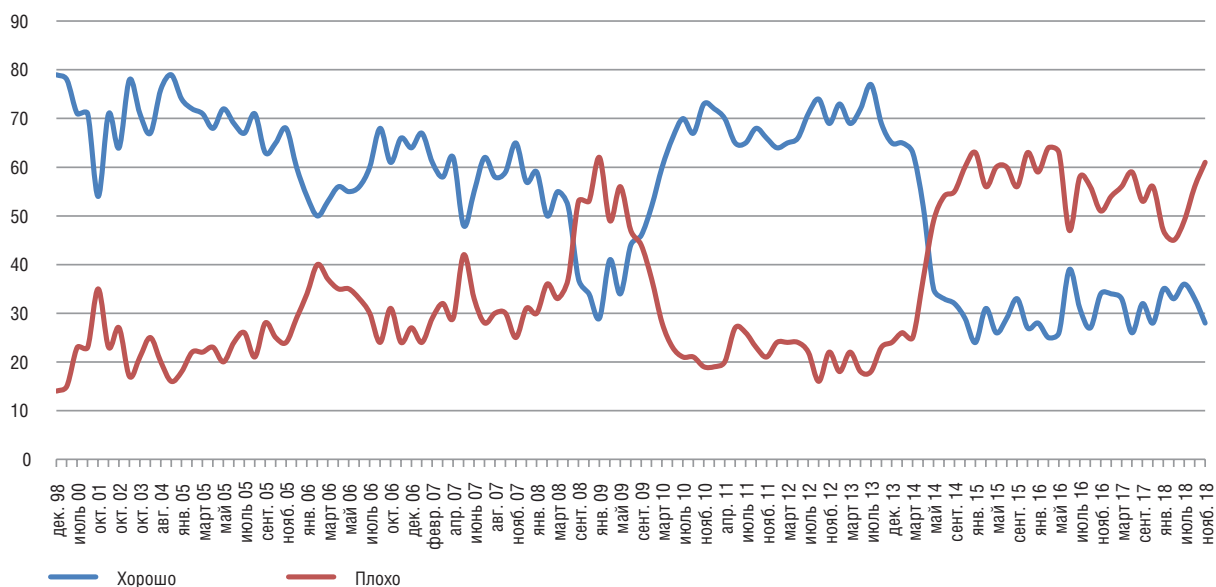
КМИС, $N = 2000$; Левада-центр, $N=1600$.

Б. «Как Вы в целом относитесь сейчас к России?» Мнение жителей Украины – данные КМИС (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

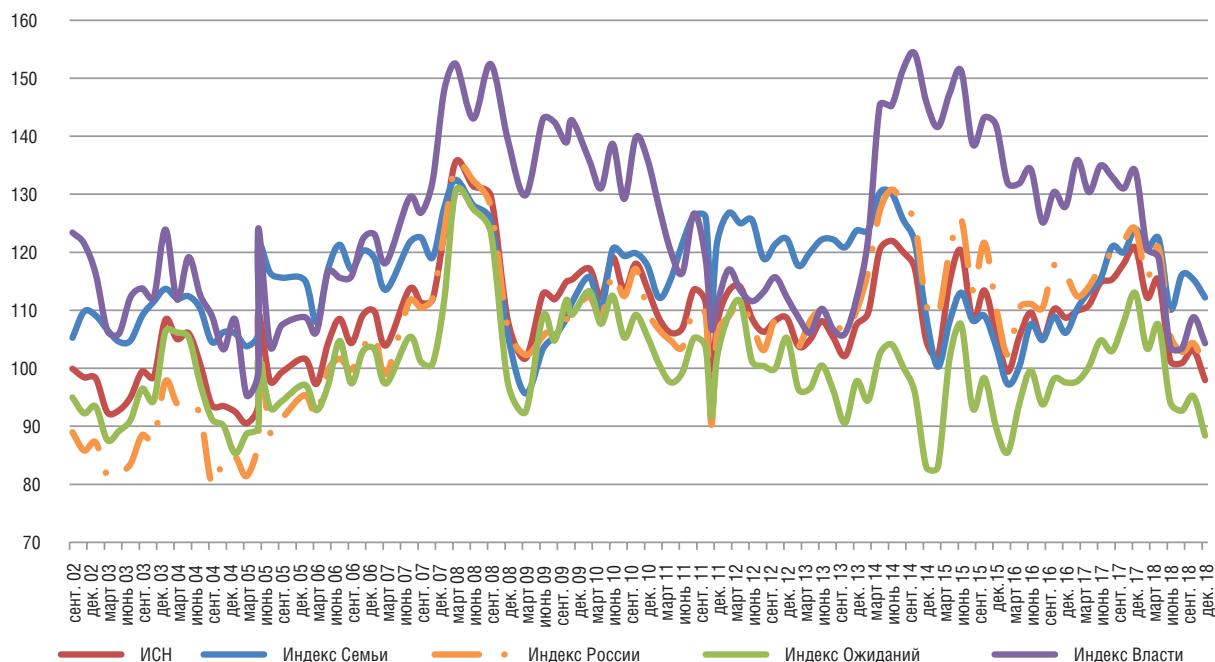
КМИС, $N = 2000$; Левада-центр, $N=1600$.

В. «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?» Мнение россиян – данные Левада-центра (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

КМИС, N = 2000; Левада-центр, N=1600.

12. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

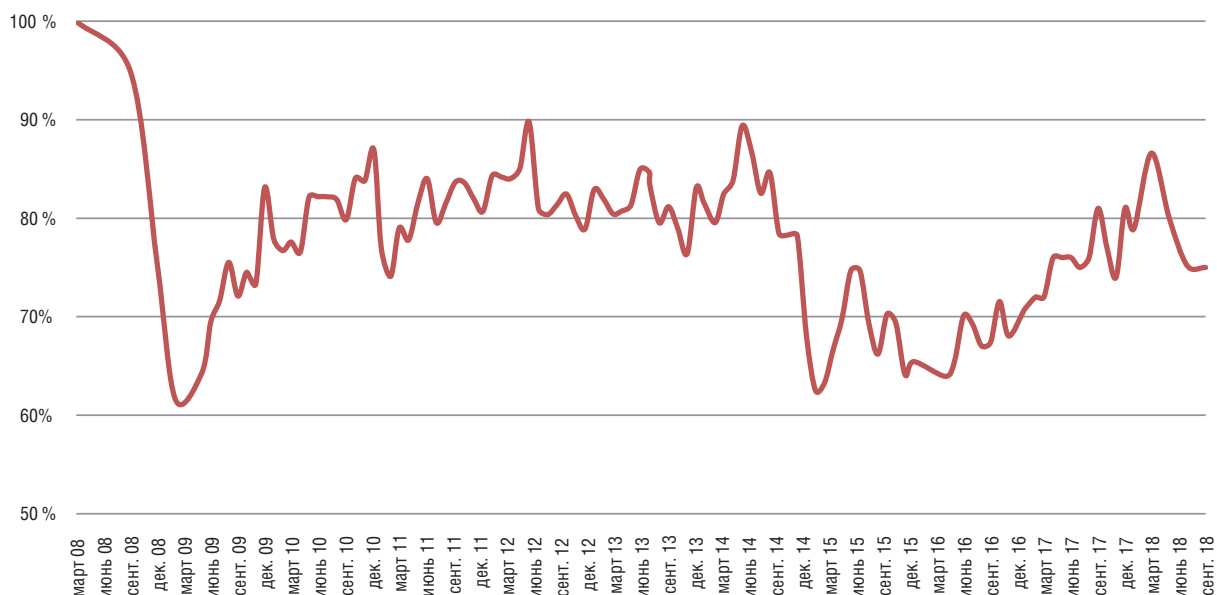

2018 год, потенциально имевший все шансы стать особенно позитивным и праздничным – выборы Президента страны, проведение чемпионата мира по футболу (одному из самых «народных» видов спорта), открытие Крымского моста (символа объединения с присоединенными территориями), в итоге закончился на минорной ноте.

Вторая половина года отмечена плавным ухудшением общественных настроений как по сводным индикаторам – индексам потребительских настроений (ИПН) и социальных настроений (ИСН), так и по отдельным составляющим этих показателей. Более всего потребительские настроения ухудшились более всего – за полгода ИПН снизился на 7%. Со второй половины года стало очевидно, что потенциал роста денежных доходов населения исчерпан. Это нашло свое отражение в особенно быстром снижении субъективных оценок изменения личного материального положения семей (текущего и ближайших перспектив), которые ухудшились за шесть месяцев на 12%. На покупательском поведении такие настроения отражаются пока в меньшей степени, но тем не менее к концу года треть опрошенных считали, что по возможности лучше воздерживаться от потребительских расходов (в начале 2018 г. доля таких ответов составляла 20–25%).

Ухудшение социальных настроений (ИСН) было менее значительным, но в декабре ускорилось и это существенное отличие от обычной динамики в предпраздничный период, которое подтверждает долговременный характер понижательной динамики. Особенность сегодняшней ситуации в обществе состоит в накоплении негативных ожиданий на будущее, сужении перспектив и росте неопределенности, что выражается в более быстром ухудшении субъективных оценок, связанных с будущими обстоятельствами, по сравнению с представлениями о текущем положении дел.

13. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ

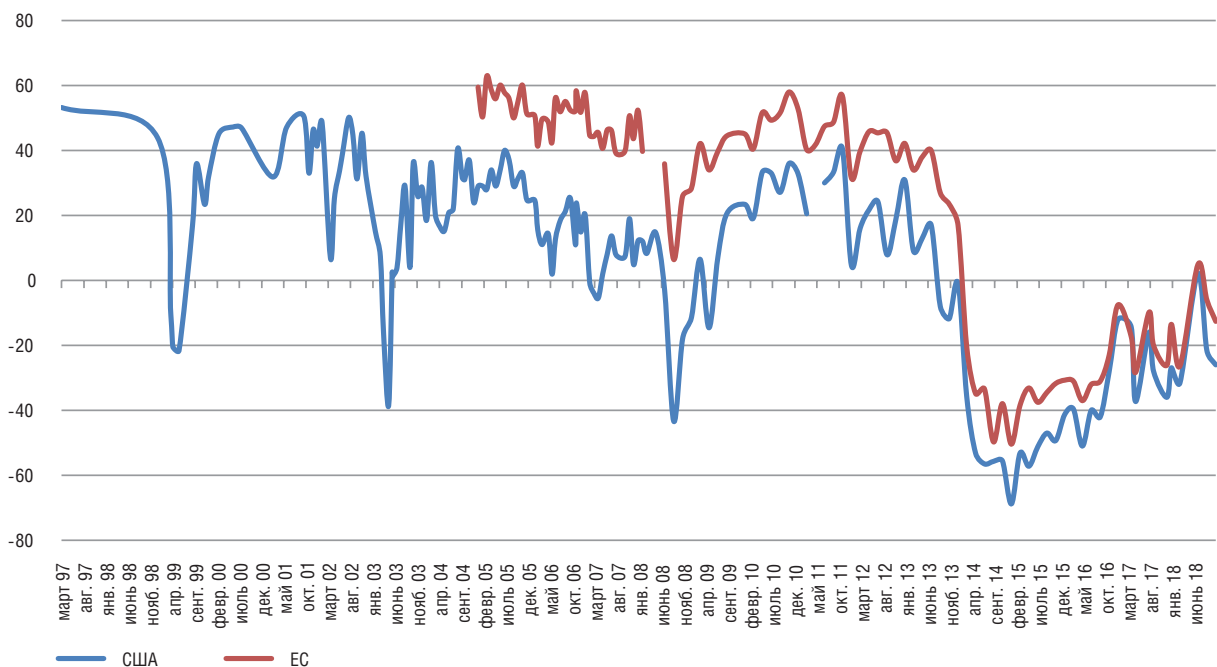
14. ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ СТРАНАМ

А. Отношение к США и Евросоюзу

«Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?»

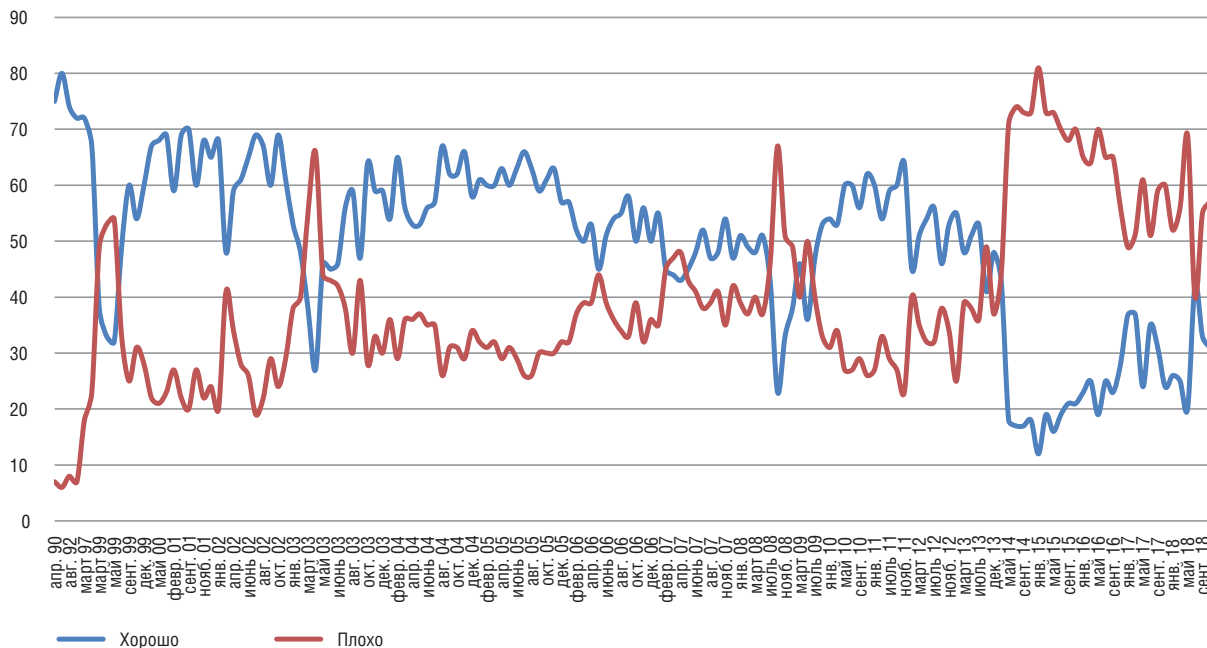
«Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?»

(разница положительных и отрицательных оценок по данным закрытых вопросов)

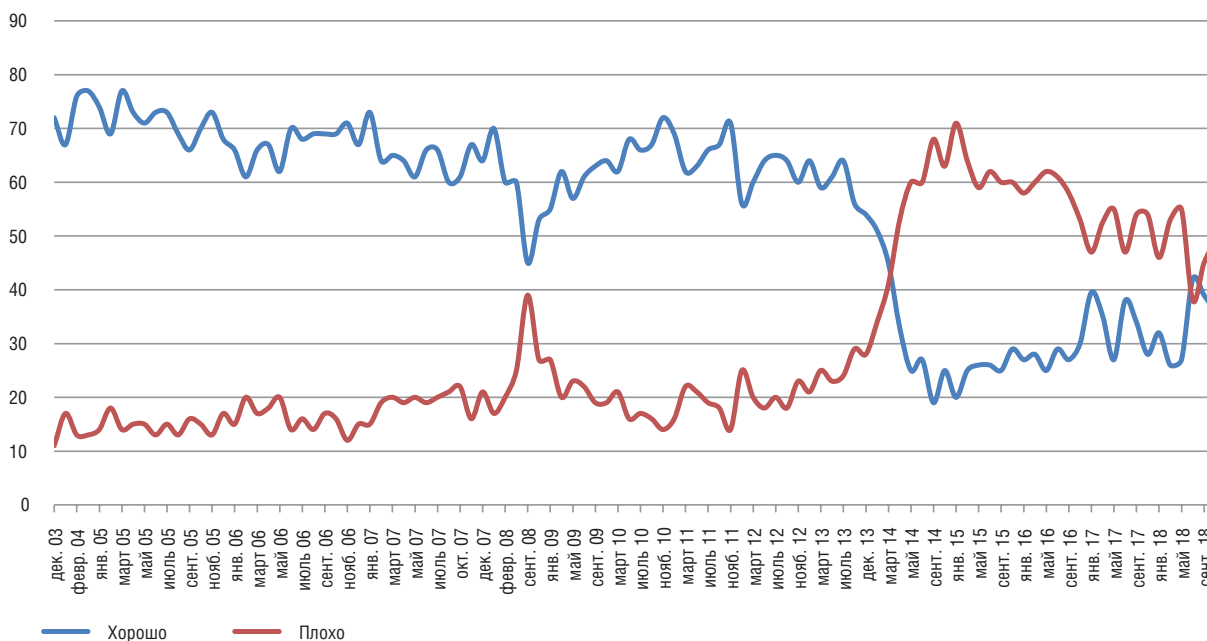
N=1600.

Б. «Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?» (отношение положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600.

В. «Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?» (отношение положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600.

Г. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее близкими друзьями, союзниками России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних трех замерах, по данным «открытого» вопроса; ответы ранжированы по последнему замеру)

	2005 Май	2006 Май	2007 Август	2009 Март	2010 Май	2011 Май	2012 Май	2013 Май	2014 Май	2015 Май	2016 Май	2017 Май	2018 Май
Беларусь	46	47	38	50	49	35	34	46	51	55	50	46	49
Китай	12	24	19	18	16	18	16	20	40	43	36	39	40
Казахстан	20	33	39	38	32	33	28	31	37	41	39	34	32
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	10	15	21
Индия	16	15	14	12	14	16	9	7	13	18	18	14	19
Армения	9	14	15	15	15	11	11	12	15	18	13	12	11
Куба	-	-	-	8	10	13	8	9	10	14	10	11	11
Узбекистан	4	6	6	9	5	7	5	5	6	8	9	9	11
Киргизия	5	7	7	9	4	6	5	5	6	10	7	8	8
Азербайджан	5	7	5	10	8	9	9	8	9	11	7	9	8
Таджикистан	3	3	7	9	4	5	4	5	8	7	6	9	7
Болгария	11	10	9	9	8	9	7	10	8	4	4	4	7
Сербия	3	4	3	5	5	4	4	3	5	8	6	5	6
Иран	2	4	3	2	2	1	2	1	2	2	2	4	5
Германия	23	22	24	17	24	20	17	14	4	2	2	2	5
Венесуэла	-	-	2	8	10	6	5	6	5	9	6	3	4
Северная Корея	-	-	-	-	-	4	1	1	3	3	3	3	4
Франция	13	8	9	9	11	9	9	4	1	1	2	2	4
Монголия	-	-	-	3	4	5	2	3	3	6	3	3	4
Египет	2	1	2	2	2	5	2	2	2	4	3	2	4
Молдавия	4	4	4	5	3	4	4	6	7	2	2	8	4
Грузия	-	-	-	-	-	2	1	2	1	3	2	4	3
Италия	6	7	8	5	8	6	7	5	3	1	3	4	3
Туркмения	2	2	8	5	1	3	2	2	3	4	2	4	3
Бразилия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
Израиль	5	3	3	3	4	5	4	3	4	2	3	3	3
Чехия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2	2	2
Нет таких/ Затруднились ответить	24	28	28	27	23	26	35	29	29	25	25	26	20

N=1600.

Д. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее недружественно, враждебно настроенных по отношению к России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних трех замерах, по данным «открытого» вопроса; ответы ранжированы по последнему замеру)

	2005 Май	2006 Май	2007 Август	2009 Март	2010 Май	2011 Май	2012 Май	2013 Май	2014 Май	2015 Май	2016 Май	2017 Май	2018 Май
США	23	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72	69	78
Украина	13	27	23	41	13	20	15	11	30	37	48	50	49
Великобритания	3	5	3	8	6	8	7	9	18	21	18	15	38
Латвия	49	46	36	35	36	35	26	21	23	25	23	24	26
Польша	4	7	20	10	14	20	8	8	12	22	24	21	24
Литва	42	42	32	35	35	34	25	17	24	25	23	24	23
Германия	3	2	2	3	1	4	3	3	18	19	19	24	17
Эстония	32	28	60	30	28	30	23	16	21	19	16	16	15
Грузия	38	44	46	62	57	50	41	33	19	11	10	9	8
Франция	<1	1	1	1	<1	1	1	2	5	7	4	8	8
Канада	1	1	<1	1	<1	1	1	1	7	8	6	3	8
Израиль	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5
Ирак	10	9	8	5	9	9	8	7	3	2	2	3	4
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	4	4
Япония	6	4	3	3	3	9	6	7	5	6	5	6	3
Афганистан	12	12	11	7	14	15	8	10	5	4	2	3	3
Турция	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	29	8	3
Северная Корея	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Иран	6	7	7	3	7	7	7	5	2	2	2	2	2
Румыния	2	2	2	3	3	3	1	2	2	3	2	2	2
Нет таких/ затруднились ответить	20	23	19	18	21	15	28	31	20	17	15	14	12

N=1600.

Проблемы этнической и социальной дискриминации

Эмиль ПАИН

Динамика ксенофобии в эпоху популизма: опыт макросоциального анализа¹

Эта статья зародилась в процессе подготовки моего выступления на второй Московской Международной конференции по противодействию антисемитизму, расизму и ксенофобии (29–30 октября 2018 года) и выросла из коротких тезисов, требовавших развития и объяснения. Начну с того, что объясню наибольшее внимание автора к антисемитизму в ряду других проявлений ксенофобии. Оно связано прежде всего с требованиями тематики конференции. Эмпирическая опора статьи на материалы «Левада-Центра» 2018 года (отчеты о проведении количественных и качественных исследований о состоянии и динамике общественного мнения) также во многом связана с тем, что эти научные отчеты были подготовлены по заказу Российского еврейского конгресса (РЕК) специально к указанной конференции. Однако еще важнее то, что я разделяю теоретические подходы указанных исследований и, в частности, присоединюсь к определениям ксенофобии и антисемитизма, содержащимся в отчетах «Левада-Центра». Вместе с тем «прогнозирование трендов и кризисов» (одна из трех заявленных целей конференции) может дать неодинаковые результаты при использовании разной научной оптики. Макросоциальный анализ, положенный в основу данной статьи, учитывает влияние на динамику ксенофобии исторически длительных стадий или циклов этнополитических процессов. Такой анализ позволяет дать уточнения оценкам, сделанным на основе социологических опросов, охватывающих сравнительно короткий (по историческим меркам) временной период. И, наконец, отмечу, что ос-

новной целью данной статьи является попытка дать целостную интерпретацию результатов социологического ранжирования недоброжелательности россиян к различным этническим фобиям на основе сделанного автором статьи анализа фундаментальных изменений этнополитической ситуации в современной России в сравнении с 1990 годами и началом 2000-х. В статье затрагиваются этнополитические тенденции, проявляющиеся в России, но связанные с глобальными процессами, прежде всего наблюдаемыми в наше время, одно из распространенных названий которого «эпоха популизма». Сущность популизма и его влияние на динамику ксенофобии также являются предметом нашего анализа.

Глобальные изменения в расселении евреев и географии антисемитизма

В научном отчете «Левада-Центра» об исследовании проявлений антисемитизма отражено уменьшение нетерпимости к евреям в российском обществе и ослабление восприятия антисемитизма как реальной угрозы. Эта позитивная динамика в России контрастирует с ситуацией в странах Западной Европы, где некоторых проявлений антисемитизма существенно больше, чем в России, а тревоги по поводу угрозы антисемитизма характерны для большей доли населения [Отчет о проведенном «Левада-Центром» по заказу РЕК социологическом исследовании, 2018]². Правда, рост недовольства евреями по поводу усиления антисемитизма

¹ Доклад подготовлен в рамках исследования по гранту Российского научного фонда № 15-18-00064 в РАНХиГС.

² Параметры ксенофобии, расизма и антисемитизма в современной России // Отчет о проведенном «Левада-Центром» по заказу РЕК социологическом исследовании. Август 2018 г. (Неопубликованные материалы).

в ряде стран ЕС сопровождается приростом там же еврейского населения, тогда как вербально выраженные представления об уменьшении антисемитизма в России не остановили убыли их численности в Российской Федерации. Мы еще обсудим этот курьез и охарактеризуем сложившуюся ситуацию количественно, а пока зададимся вопросом: в чем причина отмеченных различий в динамике ксенофобии в России и на Западе?

Полагаю, что одной из самых значимых, глубинных и долгосрочных причин уменьшения остроты проблемы антисемитизма в России и одновременно ее перемещения в другие регионы мира являются изменения в расселении мирового еврейства в XIX – начале XXI века.

Российская империя к XIX веку стала основным местом проживания мирового еврейства. По данным переписи населения 1897 года, здесь было сосредоточено 5,2 млн евреев [Россия. Демография еврейского населения Российской империи (1772–1917): Электронная еврейская энциклопедия ОРТ, 1994]¹, что составляло (в зависимости от различных экспертных оценок) от половины до 2/3 общей численности евреев в мире. Последняя советская перепись населения (1989) зафиксировала в СССР лишь 1,48 млн евреев [Тольц, 2016]², т.е. примерно 10% от их численности в мире. А в современной России, согласно переписи 2010 года, их менее 158 тысяч человек [Тольц, 2016]³, т.е. всего около 1% евреев мира. В большинстве остальных бывших республик СССР сокращение численности евреев было еще более радикальным вплоть до практически полного их исчезновения из состава населения (например, в Таджикистане) [Тольц, 2016]⁴.

В мировой истории известны случаи проявления антисемитизма при фактическом отсутствии евреев, но в России такого не произошло – с драматическим, почти четырехкратным сокращением численности евреев в стране только за постсоветский период существенно уменьшилась и враждебность к ним. Такой вывод вытекает из материалов «Левада-Центра», по крайней мере, из бесед с горожанами на фокус-группах, которые объясняют исчерпание темы антисемитизма так: «евреев уже нет», «мо-

¹ Россия. Демография еврейского населения Российской империи (1772–1917) // Электронная еврейская энциклопедия. [Электронный ресурс]. <https://eleven.co.il/jews-of-russia/general/15443/>

² Тольц М. Евреи на постсоветском пространстве: новые демографические данные // Демоскоп. 2016. № 693–694. [Электронный ресурс]. <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0693/tema01.php>

³ Там же

⁴ Там же.

жет, они и есть, но не заметны», «евреев меньше стало» [Проблема антисемитизма в глазах евреев и других групп российского городского населения, 2018]⁵.

Вывод о зависимости между динамикой ксенофобии (в данном случае антисемитизма) и изменением численности евреев в стране подтверждается, с некоторыми оговорками и дополнениями, процессом, противоположным российскому. Речь идет о притоке больших масс евреев в ряд стран Европы, который сопровождался параллельным притоком других этнических и религиозных групп мигрантов, выступающих конкурентами евреям, прежде всего в культурно-символической сфере. Так, после Холокоста еврейская община Германии практически полностью обновилась в значительной мере за счет еврейских иммигрантов из бывших республик СССР. По расчетам института Moses Mendelssohn Zentrum, Германия в 2000-е обогнала Израиль и США по темпам прироста еврейской иммиграции [Германия обогнала Израиль по интенсивности еврейской миграции, 2003]⁶. К 2009 году численность евреев в Германии составила 118 тысяч человек, а уже к 2020-му эта страна потеснит Россию с седьмого места в десятке стран с наибольшей численностью еврейского населения.

Здесь самое время обратить внимание на логическую неувязку: в России, где положение евреев, по принятой системе оценок, улучшается, их численность сокращается беспрецедентно быстрыми темпами, а в Германии, где антисемитизм, по тем же стандартным оценкам, растет и численность евреев, причем очень быстро. Так, может быть, при оценке положения евреев стоит учитывать не только результаты опросов, но и «голосование ногами»?

Богатая Германия притягивает к себе не только евреев. В те же послевоенные годы (особенно с 1960-х) здесь наблюдался гигантский приток мусульманского населения, составляющего ныне от 3,5 до 4 млн жителей [Religionen: In Deutschland leben mehr Muslime als erwartet, 2009]⁷. Взаимоотношения между двумя указанными сообществами пришлого населения создают постоянное поле напряжения и объ-

⁵ Отчет о проведенном качественном исследовании: «Проблема антисемитизма в глазах евреев и других групп российского городского населения». М.: Левада-Центр, 2018.

⁶ Германия обогнала Израиль по интенсивности еврейской миграции // Lenta.ru. 06.06.2003. [Электронный ресурс]. <https://lenta.ru/news/2003/06/06/germany/>

⁷ In Deutschland leben mehr Muslime als erwartet // Die Welt. 23.06.2009. [Электронный ресурс]. <https://www.welt.de/politik/article3984811/In-Deutschland-leben-mehr-Muslime-als-erwartet.html>

ясняют львиную долю преступлений на почве ненависти, зафиксированных в 2004–2015 годы. При этом Германия наряду с Францией лидирует по числу таких преступлений среди государств, входящих в зону ответственности ОБСЕ [Antisemitism. Overview of data available in the European Union 2004–2015, 2014]¹.

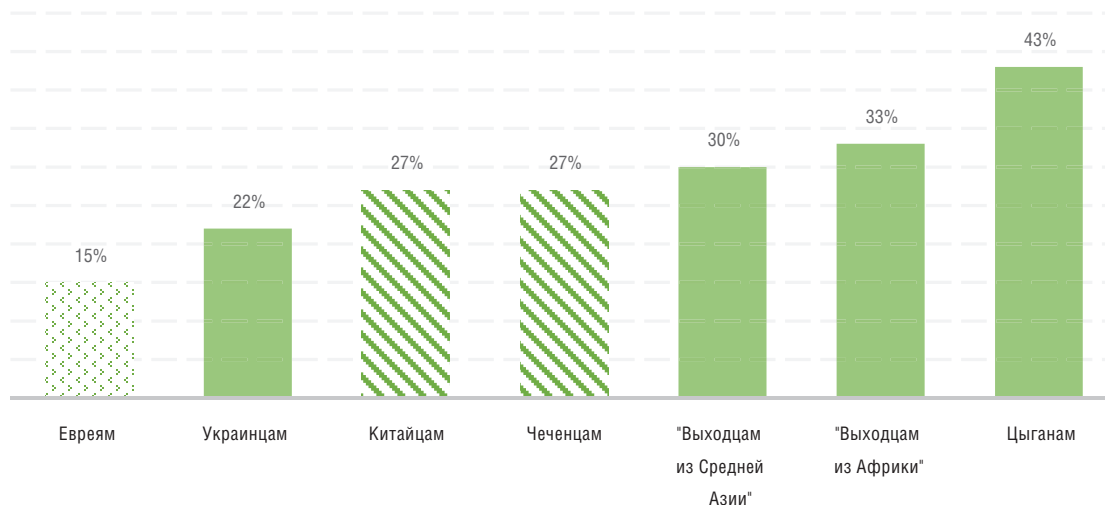
Франция тоже пережила трагедию Холокоста, обусловившего обновление состава ее еврейской общины, но еще больше на эти перемены повлиял процесс деколонизации 1950–1960-х, сопровождавшийся исходом евреев из бывших французских колоний. Если в начале XX века в историко-культурном составе еврейской общины Франции преобладали европейские евреи, *ашкенази*, то в начале XXI века большинство французских евреев составляют *сефарды*, выходцы из Северной Африки (Магриба), к ним примыкают *мизрахи* с Ближнего Востока [France: un portrait de la population juive, 2002]². Основную часть этих переселенцев составляют иммигранты (либо их потомки), покинувшие бывшие французские колонии (прежде всего Алжир) после того, как те стали независимыми арабскими государствами. В тот же временной период (конец XX – начало XXI века) и из тех же мест во Францию прибыли, притом в значительно большем количестве, арабо-мусульманские мигранты. Уже по этой причине на 500–550 тысяч французских евреев в этой стране ныне приходится не менее 3–4 млн человек арабского происхождения

(цифры приблизительные, поскольку во Франции отсутствует этническая статистика). В религиозном же составе населения численность мусульман в 6–8 раз превосходит численность иудеев. Подчеркну, что и для еврейских, и для арабских жителей Франции характерны весьма жесткие и устойчивые представления об образе «культурно чужого». И у тех, и у других в высокой степени эмоциональное отношение к более чем полувековому арабо-израильскому конфликту (более чувствительное, чем, например, в России, где антисионизм ныне проявляется слабо [Проблема антисемитизма в глазах евреев и других групп российского городского населения, 2018]³), и уже поэтому символические следствия этого конфликта быстро переместились на французскую территорию, обуславливая общий рост ксенофобии во Франции в разных формах (антисемитизм, арабо- и исламофобия, ненависть к мигрантам и др.).

Иерархия ксенофобии в России: давние стереотипы в новых условиях

Если в странах, характеризующихся параллельным притоком еврейской и исламской иммиграций, происходит наложение, мультипликация и взаимный разогрев разных проявлений ксенофобии, то в России *антисемитизм замещается и вытесняется другими фобиями*. Уже к середине 1990-х он был отодвинут на шкале культурной дистанции этнического большинства антикавказскими и прежде всего анти-

САМАЯ СИЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ К... (доля респондентов в июле 2018 года, поддерживающих позицию «не пуск(а) бы их в Россию», %)

¹ Antisemitism. Overview of data available in the European Union 2004–2015, European union agency for fundamental rights, October 2015.

² France: un portrait de la population juive // Par religioscope, 5 decembre 2002 [Электронный ресурс]. <https://www.religion.info/2002/12/05/france-un-portrait-de-la-population-juive/>

³ Отчет о проведенном качественном исследовании: «Проблема антисемитизма в глазах евреев и других групп российского городского населения». Указ. соч.

чеченскими фобиями [Паин, 2004а]¹. По мере притока в Россию мигрантов из стран Центральной Азии они вытесняют кавказцев с первых мест в иерархии ксенофобии и сами становятся основным объектом недоброжелательства (пик таких настроений пришелся на 2013 год). В 2014–2016 годы и эти фобии оказались приглушенными, на сей раз смесью антиукраинских и антизападных настроений, вспыхнувших под влиянием «крымского синдрома». Наконец, в 2018-м на шкале социальной дистанции наивысшие места заняли африканцы и цыгане. Такой вывод вытекает из исследования «Левада-Центра» (см. рис.) [Отчет о проведенном «Левада-Центром» по заказу РЕК социологическом исследовании, 2018]². Социологи использовали традиционную, хорошо проверенную в мировой практике методологию шкалирования социальной дистанции, которая замерялась вопросами анкеты с семипозиционной шкалой индикаторов: от выраженной толерантности до крайней степени неприятия «Другого» — отказа видеть его в своей стране.

В представленной на рисунке иерархии культурного негативизма в России много интересного и неожиданного.

На втором и третьем месте стоят выходцы из Африки (33%) и Средней Азии (30%). Высокая ксенофобия к представителям трех среднеазиатских республик неплохо поддается объяснению: они составляют ныне в России львиную долю мигрантов, и на них прежде всего распространяется такая разновидность ксенофобии, как мигрантофобия. Но почему в группу лидеров попали африканцы, составляющие мизерную часть российского населения? Дело в то, что численность и удельный вес той или иной этнической группы в составе населения страны не всегда определяет отношение к ней большинства жителей. Уменьшение антисемитизма в России связано не только с уменьшением численности евреев, но и со стиранием внешних различий между этой общностью и большинством населения страны, прежде всего жителями городов с их полиэтнической, многокультурной средой. Та часть городских русскоязычных евреев, которая осталась в России после нескольких волн исхода российских евреев в Израиль, США и в страны Западной Европы, уже одним этим доказала свою готовность и

способность интегрироваться в складывающуюся российскую политическую нацию. Что касается африканцев, то они не только внешне сильно выделяются по своим физико-антропологическим характеристикам, но и заметны в современной России непривлекательным социальным статусом. Жители СССР сталкивались с африканцами в крупнейших городах только как со студентами. В 1989 году «в советских вузах учились почти 30 тысяч африканских студентов» [Африканцам не рады в России, 2016]³. Ныне африканские студенты, хоть и в меньшем количестве, сохранились и числятся в 42 вузах крупнейших городов страны, но к ним добавились тысячи нелегальных мигрантов в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и еще пяти крупнейших российских городах. Они прибывают в Россию, как правило, по учебной или туристической визе и пропадают здесь из поля зрения официального учета, переходя в статус нелегальных мигрантов. По данным правозащитных организаций, «в 2015 году только в Москве нелегально находились порядка 5–6 тысяч граждан Нигерии, а всего выходящих из Африки было около 11–12 тысяч. Это граждане Демократической Республики Конго (ДРК), Камеруна, Кот-д'Ивуара, Ганы и некоторых иных стран» [Злоключения африканцев в России. Как живут африканские беженцы и мигранты в России, 2016]⁴. Без визы и российских документов они зачастую живут в положении, близком к рабскому, и оно часто вызывает у окружающих не столько сочувствие, сколько страх и неприязнь. Впрочем, и в Советском Союзе с его демонстративной, показной любовью к угнетенным чернокожим Америки и народам «братской Африки», захваченной белыми колонизаторами, существовали разнообразные проявления расизма, в том числе и по отношению к чернокожим. Как отмечает В. Шнирельман, «корни расистских установок в современной России уходят в советскую эпоху»⁵. Не случайно уже в 1990-е многие наши сограждане использовали презрительную и откровенно расистскую кличку «черные» по отношению к среднеазиатским и кавказским мигрантам. Итак, африканофобия ныне в нашей стране — это прежде всего разновидность мигрантофо-

³ Африканцам не рады в России // [Электронный ресурс]. <https://inosmi.ru/social/20160612/236835030.html>

⁴ Злоключения африканцев в России. Как живут африканские беженцы и мигранты в России // [Электронный ресурс]. <https://www.gazeta.ru/social/2016/11/29/10385585.shtml>

⁵ Шнирельман В. Новый расизм в России // [Электронный ресурс]. http://www.manwb.ru/articles/world_today/tolerance/NewRasizm_VikSHnir/

¹ Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 239–240.

² Параметры ксенофобии, расизма и антисемитизма в современной России. «Левада-Центр». Указ. соч.

бии, характерной для большинства крупнейших стран глобального Севера, и сам это факт дополнительно легитимирует мигрантофобию в России по отношению к африканцам, доминирующим среди мигрантов на Западе. Все это понятно, тем не менее полностью удовлетворяющих меня объяснений столь высокому месту африканофобии в общей иерархии фобий именно сейчас, в современной России, я пока не нахожу. Требуется дополнительный анализ.

Чеченцы, долго (с середины 1990-х по начало 2000-х) возвышавшиеся на шкале этнического негативизма, ныне оказались лишь на четвертом месте. Это связано как с общим изменением этнополитической ситуации в России в 2000-е, когда проблема мигрантов оттеснила по своей остроте и актуальности традиционную проблему внутрироссийского этнического сепаратизма, а также с тем, что за последние пять лет (по крайней мере, после 2013 года — взрыва пассажирского автобуса в Волгограде) в информационном потоке не было упоминаний о связи террористических актов в российских городах с именами представителей народов Северного Кавказа.

На той же ступени неприязни (четвертой в иерархии) оказались в 2018 году и китайцы. Официальная Россия выступает за дружбу с Китаем, тем не менее китайцев «не пускал бы» в страну каждый четвертый россиянин. В ряде восточных регионов антикитайские настроения населения сильнее антикавказских. Как отмечает В. Дятлов, известный исследователь проблем этнических меньшинств в Сибири и на Дальнем Востоке, здесь антикитайские фобии и запугивание населения «желтой угрозой» имеют давние корни. Они также связаны с конспирологическими, расистскими мифами о «сионистском заговоре», предполагающем «китайское нашествие» на Россию [Дятлов, 2010]¹.

Как свидетельствуют материалы социологических исследований ВЦИОМа (ныне «Левада-Центр») 1990–2002 годов, россияне еще недавно почти не отличали украинцев от русских и с полным правом могли назвать их «братьями» и уж точно «своими» [Паин, 2004а]², а ныне относятся к ним ненамного лучше, чем к «чужим» китайцам. Любопытно, что политический заказ на демонстративную дружбу с Китаем не останавливает массовые фобии этнического большинства к китайцам, в то время как политиче-

ски ангажированная демонстрация ненависти к Украине привела к быстрому слому (надеюсь, ненадолго) давнего позитивного стереотипа у русских по отношению к «братьям-украинцам».

Зато евреев русские респонденты (они составляют свыше 80% выборки) считают «почти своими», более близкими, чем украинцев. Все это любопытно и заслуживает подробного комментария, но я все же уделю основное внимание в анализе этой иерархии лишь двум этническим сообществам, занимающим крайние ступени, — цыганам и евреям.

На вершине иерархии этнического недоброжелательства россиян в июле 2018 года оказались цыгане — 43% опрошенных ответили, что «не пускали бы их в Россию». Само это новое место цыган на шкале этнических фобий, никогда ранее не отмечавшееся в нашей стране, а также заметный отрыв показателей антицыганских фобий от показателей фобий по отношению к шести другим оцениваемым общностям, многим могут показаться удивительными. Вместе с тем уже в данных упомянутых социологических исследованиях 1990–2002 годов образ цыган вместе с образами чеченцев и азербайджанцев набрал наибольшую долю негативных оценок россиян, что давало мне основание в 2004 году включить эти фобии в единую группу на шкале культурной дистанции, которую я тогда условно назвал «совсем чужие» [Паин, 2004а]³. Примерно в таких же терминах можно охарактеризовать стереотипы восприятия цыган массовым сознанием жителей многих европейских стран.

В этой связи обращает на себя внимание рост антицыганских настроений в Европе за десятилетие, 2008–2018. Какая-то часть этих негативных настроений связана с началом массового переселения цыган (2008) из мест их основного расселения (прежде всего из Румынии, Венгрии, Болгарии и Словакии) в наиболее развитые государства ЕС. Так, по Франции в 2009–2010 годы прокатились волнения местного населения, связанные с требованиями выдворения из страны недавно прибывших цыган и завершившиеся их массовой депортацией в 2010 году [Цыгане — изгои Европы, 2010]⁴. Вместе с тем антицыганские волнения наблюдались и в местах исхода цыганских мигрантов, например, в Болгарии в сентябре — октябре 2011-го [Около 3 тысяч человек вышли на акцию про-

¹ Дятлов В.И. «Желтая опасность» как орудие «мирового еврейского заговора»: на границе «великих ксенофобий» // Азиатская Россия: сб. науч. ст. Иркутск, 2010. С. 313–329.

² Паин Э.А. Этнополитический маятник... С. 240.

³ Там же.

⁴ Цыгане — изгои Европы // [Электронный ресурс]. <https://inosmi.ru/europe/20100824/162385444.html>

теста в Болгарии, 2011]¹. В том же году конфликт местных жителей с цыганами, по своим мотивам похожий на болгарский, произошел в России (в поселке Сагра, агломерация Екатеринбург) [Кожевин, 2011]². В августе 2016 года около 300 жителей села Лоциновка (Одесская область, Украина) устроили массовые погромы домов местной цыганской общины.

Уже в 2000 году Комитет ООН по устранению расовой дискриминации и Подкомиссия ООН по правам человека подготовили совместный доклад, в котором была отмечена чрезвычайно тревожная ситуация с положением европейских цыган, среди которых 90% людей в трудоспособном возрасте не имели работы, а среди занятых тотально преобладали лица с низкой квалификацией [Катин, 2000]³. В последнее десятилетие сравнительные исследования положения цыган по всем странам Европы не проводились, однако данные, собранные по странам, в которых сосредоточено более трети всех цыган мира, показывают, что ситуация улучшилась ненамного. В Венгрии «безработица среди цыган достигает 70%, а в некоторых цыганских поселках не имеет работы фактически 100% взрослого трудоспособного населения»; в Румынии с ее почти трехмиллионным цыганским населением (во всем мире насчитывается около 10 млн цыган) «60% — безработные, а среди трудящихся почти все заняты неквалифицированным трудом» [Полонский, 2013]⁴. Примерно такой же тип и уровень занятости характерны для цыган России [В России может появиться омбудсмен по правам цыган, 2011]⁵.

Во всех упомянутых документах ООН и международных правозащитных организаций, равно как и в большинстве публицистических выступлений по указанной тематике, причиной драматической ситуации цыган называют расизм, ксенофобию и, как следствие, скрытую дискриминацию представителей этой общности на рынке труда. По моему же убеждению, это односторонняя оценка, исходящая исклю-

чительно из внешних обстоятельств жизни цыган и не затрагивающая внутреннего состояния общности, прежде всего крайне низкой ориентации большинства ее представителей на интеграцию в современные европейские общества. Для обоснования этого тезиса я использую доказательство от противного, а именно один из эпизодов истории евреев в Новое время, характеризующий процесс преодоления их традиционной замкнутости в общинах (кагалах).

Евреи, как и цыгане, долгое время существовали исключительно как диаспоральные общности. Да и ныне 2/3 евреев проживают за пределами своего национального государства. В языках обеих общностей есть специальные термины для описания всех этнически чужих: евреи называли неевреев «гой», цыгане именовали нецыган «гадже». Обе общности пережили Холокост и в настоящее время сопоставимы по численности населения. В современном мире около 15 млн евреев и около 10–12 млн цыган. Разумеется, издревле существовали различия в образе жизни этих народов, но особенно заметными они стали в Новое время, по крайней мере, с середины XVIII века. В этот период значительное распространение в еврейской среде всех стран Европы получили идеи движения «Хаскала», еврейского Просвещения, ориентирующего на изменение отношений между евреями и неевреями путем искоренения традиционной еврейской обособленности от нееврейской среды и на интеграцию евреев в европейское общество прежде всего за счет получения светского образования. С тех пор выдающиеся представители еврейской духовной элиты, которыми гордятся евреи мира, а также менее известные лидеры еврейского общественного мнения в разных регионах и странах формировали ценности достижения евреев в наиболее престижных сферах деятельности европейских стран: финансы и бизнес; медицина и юриспруденция; наука и искусство. Эти ценности закрепились и транслируются по каналам семейных традиций, обеспечив высокий интеграционный потенциал евреев. Если в социальной структуре цыган в большинстве стран мира преобладают безработные и малоквалифицированные работники, то у евреев доля лиц с высокими квалификационными и образовательными показателями, как правило, выше средней по стране проживания.

Исторический опыт еврейского Просвещения может быть полезным уроком и для цыган. Улучшение их положения в России и других странах невозможно без развития внутрицы-

¹ Около 3 тысячи человек вышли на акцию протеста в Болгарии // Подборности: [Электронный ресурс]. <https://regnum.ru/news/polit/1451431.html>

² Кожевин И. Тихий уральский поселок превратился в ночное поле боя // [Электронный ресурс]. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=499194>

³ Катин В. Цыгане — жертвы расизма в Европе // [Электронный ресурс]. http://www.ng.ru/world/2000-08-25/6_gitanes.html

⁴ Полонский И. «Цыганский вопрос»: есть ли решение? // [Электронный ресурс]. <https://www.sensusunovus.ru/analytics/2013/05/12/16358.html>

⁵ В России может появиться омбудсмен по правам цыган // [Электронный ресурс]. <https://iz.ru/news/508503>

ганского движения наподобие «Хаскалы». Этот опыт может иметь и более широкое распространение, поскольку ныне в условиях масштабных глобальных миграций появилось много новых диаспоральных групп этнических меньшинств, слабо ориентированных на интеграцию. Они вызывают ксенофобию местного населения и сами зачастую выступают основными инициаторами ксенофобии. По мнению Жерома Фурке, исследователя проблемы французских евреев, основным рассадником антисемитизма во Франции стали пригороды больших городов, такие как Сен-Дени и Монтрей, где обосновались выходцы из арабских и африканских стран, слабо интегрированные во французское общество [Прокофьев, 2018]¹. Этому способствовала и политика мультикультурализма, точнее, та ее часть, которая поощряла расселение этнических групп в особых анклавах, закреплявших архаизацию жизни мигрантов и их потомков на два-три поколения.

Такого жесткого территориального распределения этнических и религиозных общин в городах России пока нет, что в какой-то мере блокирует межэтническую конфликтность. В этом отношении еще важнее такая российская особенность, как отсутствие в массовом сознании россиян исторически закрепленного, строго определенного образа «культурно чужого». Именно поэтому этот образ постоянно меняется. В России преобладает *диффузная, безадресная ксенофобия*, являющаяся заменой более глубоких, слабо осознанных форм недовольства личности и атомизированного общества фундаментальными условиями жизни. «Культурно чужие» воспринимаются российским массовым сознанием чаще всего как существенно менее болезненное явление, нежели социальное неравенство, коррупция, повышение пенсионного возраста и другие проблемы. И это обстоятельство обуславливает возможность одного из самых перспективных направлений противодействия ксенофобии, а именно *трансформацию негативной энергии ксенофобии и ее канализацию в сферу гражданской протестной активности*. На этой основе возможна гражданская консолидация общества.

Вероятность такой трансформации общественного сознания довольно велика даже без дополнительного стимулирования. Это показали выборы губернаторов в 2018 году. Анали-

зируя их результаты, группа уважаемых мной экспертов отметила, что в России отчетливо проявилась «уязвимость перед внезапной эскалацией протеста», которая характерна для стандартного сценария «цветных революций». При этом «не стоит ожидать “цветной революции” в России в близком будущем <...>, однако представление об устойчивости и значительном запасе прочности политического режима следует считать преувеличенным, а потенциал протестной консолидации — сильно недооцененным» [Зубаревич и др., 2018]². Впрочем, последствия такой консолидации заранее не очевидны. Много будет зависть от того, какие политические силы воспользуются протестной активностью граждан. К обсуждению этого вопроса мы еще вернемся при обсуждении двух типов этнополитических процессов.

О цикличности этнополитических процессов и влиянии нового цикла на ксенофобию

Перемещение основной части еврейского населения с территории бывшей Российской империи в новые места расселения, прежде всего в Израиль, США и страны ЕС, — это пример линейных процессов, в которых можно выделить начало, стадии и направления развития. Но наряду с линейными существуют и циклические процессы, предполагающие периодическую повторяемость некоторых исторических коллизий. В этнополитической сфере можно говорить, например, о повторяющемся чередовании процессов локализации и глобализации, национализма и космополитизма. Суверенные нации возникли в XVI–XVII веках как антитеза средневековому универсализму. Средневековый человек должен был проявлять лояльность прежде всего мировым религиям и династиям (типа Габсбургов), а также элите завоевателей, кичившихся своей инородностью (норманны в Англии, викинги на Руси, монголы-чингизиды от Средней Азии до Индии и т.п.). В Новое время универсализм стал отступать под напором национализма. Вначале в европейских странах, прошедших Реформацию, а затем и в остальной Европе стала доминировать лояльность своему государству, своему национальному монарху и своей народной религии, использующей национальный язык. В начале XVIII века после Великой французской революции обозначился процесс перехода от суверенитета национального

¹ Прокофьев В. Почему во Франции усиливаются антисемитские настроения // РГОД. 10.01.2018. [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2018/01/10/pochemu-vo-francii-usilivaiutsia-antisemitskie-nastroeniia.html>

² Стресс-тест на пол-России. Технологии электорального доминирования и их ограничения: Анализ региональных выборов 2018 года / Под ред. К. Рогова // Фонд «Либеральная миссия». 01.10.2018. [Электронный ресурс]. <http://www.liberal.ru/articles/7275>

монарха к народному суверенитету, от национализма державного и этнического к гражданскому, в котором народ (граждане) формируют национальные интересы. Но вот пришел век XX и возродил спрос на универсалистские космополитические идеологии. Их было немало, и коммунизм с его идеей мировой революции, равно как и исламский фундаментализм, стремящийся к созданию всемирной исламской уммы, — это лишь отдельные примеры космополитических доктрин, рассматривающих идею отмирания наций и национальных государств в качестве идеальной цели на будущее. К началу XXI века представление о начавшемся переходе мира в новую, постнациональную эпоху стал доминирующим среди интеллектуалов. Однако сегодня все отчетливее проявляется кризис концепции «постнационального мира». Как заметил выдающийся социолог Энтони Гидденс, мир устал и страдает от «космополитической перегрузки»¹. Есть множество признаков очередного отступления космополитизма и нового возвышения идеи нации: выход Великобритании из ЕС, избрание Дональда Трампа президентом США, приход к власти евроскептиков в Италии, обострение национал-сепаратизма в Каталонии и повсеместный подъем национал-популизма. Исследования показывают, что даже в странах ЕС, т.е. наиболее интегрированном союзе государств современного мира, жизненная активность и основные интересы населения в основном сосредоточены в границах национальных государств и национальная повестка для них существенно важнее общеевропейской [Паин, Федюнин, 2017]². Теоретический анализ также не оставляет сомнений в том, что гипотеза о наступлении «постнациональной эпохи» оказалась необоснованной, поскольку реальной альтернативой государствам в современном мире выступают лишь более архаичные политические формы, такие как империи и племена [Delannoi, 2018]³.

Возрождение идеи нации стимулирует рост национализма в двух противоположных формах — этнического (настаивающего на принципах доминирования в полиэтническом обществе определенных этнических групп) и гражданско-политического, основанного

¹ Гидденс Э. «Мы страдаем от “космополитической перегрузки”, и перед нами стоит серьезная задача — создать ответственный капитализм» // Гейфтер. 31.01.2018. [Электронный ресурс]. <http://geifter.ru/archive/23882>

² Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017. С. 244–258.

³ Delannoi G. La nation contre le nationalisme, ou la résistance des nations. Paris: Presses universitaires de France, 2018.

на принципе народного суверенитета и предполагающего возвышение роли гражданского общества в политической системе. Понятно, что подъем этнического национализма прямо связан с ростом ксенофобии, тогда как гражданский национализм, напротив, создает долгосрочные предпосылки для снижения в обществе угроз ксенофобии. Некоторые позитивные следствия нового подъема гражданского национализма проявились в экономически развитых странах мира, например, в процессе критического пересмотра и вытеснения политики мультикультурализма, точнее, его негативной стороны — коммунитаризма, обуславливающего раскол общества на изолированные и часто враждебные общины. Некоторые известные исследователи, такие как Мишель Маффесоли, определяли эту политику как неутралинизм [Маффесоли, 2016]⁴. Взамен ему в ряде стран ЕС все больше утверждается политика интеграции разных культурных общностей в единое национально-гражданское сообщество. Так, новый закон Германии, принятый в июле 2016 года, с учетом проблемных последствий мирового миграционного кризиса 2014–2015 годов, увязывает пребывание мигранта в Германии с доказанными успехами в его интеграции в национальное сообщество. Закон стимулирует достижительность в этой сфере. Он, в частности, предполагает, что «человек, получающий образование, остается в стране на все время учебы. Дальше его вид на жительство зависит от успешной интеграции. Для того чтобы мигрантам было проще стать налогоплательщиками, за их трудоустройство правительство выплачивает компенсации работодателям» [Три линии. Вопреки мрачным прогнозам, Германия не рухнула под напором беженцев. Как немцы решают проблемы массовой миграции?, 2018]⁵. Одновременно создаются стимулы для возвращения не прижившихся мигрантов на родину, и их отток в 2017 году увеличился на 50%.

Переосмысление идеи нации и культурного разнообразия приводит к тому, что вновь обретает интеллектуальную легитимность одна из классических идей теории модернизации о необходимости движения общества от империи к нации. Эта цель весьма актуальна для со-

⁴ Маффесоли М. Каждому свое племя: от контракта к пакту // Посредник. Массмедиа, общество и культура / Сб. статей под руководством В.А. Подороги. М.: Институт философии РАН, 2016. При этом Маффесоли вовсе не вкладывал негативный смысл в термин «неутралинизм».

⁵ Тумакова И. Три линии. Вопреки мрачным прогнозам Германия не рухнула под напором беженцев // [Электронный ресурс]. https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/24/78326-tri-linii?utm_source=push

временной России, сохраняющей множество признаков «имперского синдрома» [Паин, 2004b]¹. В неоднократно упомянутом отчете «Левада-Центра» отмечается, что в нашей стране «происходит процесс реабилитации и восстановления имперского сознания или этнической иерархии», а также укрепляются «претензии на доминирующее положение русских» [Отчет о проведенном «Левада-Центром» по заказу РЕК социологическом исследовании, 2018]². Соглашаясь с этим выводом, отмечу, что постимперскую систему нельзя назвать устойчивой: она сталкивается с целым рядом новых социально-экономических и политических вызовов, и это столкновение неизбежно порождает кризис имперского порядка, точнее, его остатков.

Больше всего воспроизводству традиционной имперской ситуации препятствует такое новое обстоятельство, как радикально возросшая в постсоветские годы социальная и территориальная мобильность населения. В эпоху классических империй народы, как колонизированные, так и жители метрополии, веками сохраняли свои особые уклады, поскольку большая часть населения рождалась и умирала в границах своих этнических территорий. По переписи 1926 года, даже после пертурбаций Гражданской войны, только 25% населения СССР жили за пределами мест, где они родились, тогда как, по данным последней российской переписи 2010 года, таких было уже более половины (53,8%) [Население России. 2010–2011. 18–19-й ежегодный демографический доклад, 2013]³.

Территориальная мобильность в Российской Федерации иная, чем была в СССР. В Советском Союзе свободные перемещения сдерживались государственным регулированием перемещения населения, институтом прописки, дефицитом жилья и отсутствием собственности на него. Ныне массовые миграции сминают «имперское тело», перемешивают

население, приводят к целому ряду фундаментальных изменений в поведении людей. Многочисленные исследования показывают, что мигранты из национальных республик, оседая в городах России, уже во втором поколении характеризуются радикально иными нормами поведения, чем их сородичи, оставшиеся в республиках. Однако процесс культурной адаптации к новым условиям носит длительный и болезненный характер, он чреват конфликтами между «понаехавшим» и местным населением [Мукомель, 2011]⁴.

Новые этнополитические процессы положили начало изменениям сущности русского национализма. С момента зарождения, со времен образования первой националистической партии («Союз русского народа», 1905 год), этот национализм был имперским и ставил целью сохранение и расширение империи. Однако в 2011–2013 годы, в период подъема столкновений с кавказскими мигрантами, русские националисты стали в массе своей поддерживать совершенно антиимперский лозунг «Долой Кавказ». Этот новый антиимперский пафос в русском национализме сильно ослаб в 2014–2015 годы, когда внимание масс было переключено на события в Крыму и Донбассе. Вместе с тем политический пульс российского общественного мнения очень неровен, и в условиях растущего недовольства масс российской политической элитой, проявляемого в том числе и горячими сторонниками присоединения Крыма, русский национализм может и ожить. Представители некогда массовых низовых ячеек русских националистов неизбежно будут искать новые формы своей самореализации, и этот политический ресурс будут пытаться использовать разные политические силы.

Во времена Российской империи и СССР численность русского населения в колонизированных районах росла, а сейчас она сокращается в большинстве республик Российской Федерации, что приводит к развитию у этнического большинства России (особенно у жителей республик РФ) не столько имперского, сколько защитного националистического сознания (такого же, как национализм меньшинств), оказывающего влияние и на государственную политику. Последняя становится все более противоречивой — имперской по декларациям и антиимперской по результатам. Так, провозглашая цель сохранения или даже укрепления влияния России в странах СНГ, российская

¹ Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, Фонд «Либеральная миссия», 2003. The imperial syndrome and its influence on Russian nationalism // The New Russian Nationalism: Imperialism, ethnicity and authoritarianism, 2000-2015 / Edited by Pål Kolstø and Helge Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2016. P. 46–74.

² Параметры ксенофобии, расизма и антисемитизма в современной России // Отчет о проведенном «Левада-Центром» по заказу РЕК социологическом исследовании. Август 2018 г. (Неопубликованные материалы).

³ Население России. 2010–2011. 18–19-й ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. М., 2013. С. 462.

⁴ Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1.

власть во многом достигает обратного результата. Примером может служить миграционная политика. Действуя под влиянием требований русского населения ограничить приток иноэтнических мигрантов, российские власти проводят все более рестриктивную миграционную политику в отношении этнических меньшинств из числа трудовых мигрантов, прибывающих из республик бывшего СССР. Для этой категории мигрантов ежегодно снижаются трудовые квоты; с 2007 года стали действовать ограничения на их участие в розничной торговле; одновременно с этим усиливаются наказания за нарушения миграционного законодательства. Результат не заставил себя ждать, и в 2017 году миграционный прирост населения России снизился почти на одну пятую [Щербакова, 2018]¹. Одновременно сжался один из основных каналов воздействия России на государства СНГ, ведь денежные переводы трудовых мигрантов составляли заметную долю (в некоторых странах до трети) внутреннего национального продукта этих государств.

Такая же двойственность российской политики характерна и по отношению к национальной проблематике внутри Российской Федерации. Власть провозглашает цель сохранения целостности России, но, уступая давлению русского оборонительного национализма в ряде республик, принимает летом 2017 года решение о новом порядке изучения национальных языков². Согласно этим нововведениям, государственные языки республик РФ утрачивают статус обязательных для изучения. Это сразу же вызвало недовольство республиканских элит, при этом в некоторых республиках (например, в Чувашии и Коми) оно впервые открыто проявилось с начала 2000-х [Брицкая, 2017; Чувашские старейшины заявили об «ущемлении» языков малых народов, 2017]³. Ныне эти формы недовольства вливают-

ся в русло куда более полноводной реки спонтанного низового протеста против пенсионной реформы и широкого круга проявлений социальной несправедливости. Поражение на региональных выборах 2018 года глав сразу четырех регионов России показывает, что спонтанные протесты становятся политически результативными. Но возникает вопрос: кто может быть основным политическим бенефициаром этого процесса? Судя по результатам упомянутых региональных выборов, пока выгоду получили только национал-популистские партии ЛДПР и КПРФ, характеризующиеся даже бóльшим потенциалом имперских амбиций и ксенофобии, чем нынешняя власть. Впрочем, такое заявление требует объяснений и ответа на вопросы о сущности популизма и об основаниях для идентификации с этим явлением разных политических субъектов — партий и персон.

Эпоха популизма и ее российские герои

Популизм, еще недавно рассматривавшийся в политической науке как маргинальное явление, характерное преимущественно для стран Латинской Америки, в последние годы диагностируется чуть ли не на всех континентах. Повсеместно проявляются движения и настроения, определяемые наблюдателями как «популистские». Одни исследователи в этой связи провозгласили наступление «эпохи популизма» [Krstev, 2007]⁴, другие говорят о всепроникающем «популистском духе времени» [Mudde, 2004]⁵. Можно выделить несколько подходов (в одних аспектах конкурирующих друг с другом, а в других дополняющих) в определении сущности популизма, однако анализ этих трактовок и широкого круга теоретических вопросов, связанных с вычленением концепта «популизм» из множества явлений современной политической культуры, — тема специальной публикации, и она подготовлена [Паин, Федюнин, 2019]⁶, поэтому здесь я лишь перечислю некоторые свойства, которые в данной статье используются для определения популизма.

Главный признак, отмечаемый большинством экспертов, — связь популизма с идеей противопоставления двух частей общества: «праведного народа» и «неправедной элиты»

¹ Щербакова Е.М. Миграция в России, предварительные итоги 2017 года // Демоскоп. 2018. № 763–764 // [Электронный ресурс]. <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0763/barom01.php>

² 20 июля 2017 года на заседании Совета по межнациональным отношениям (Йошкар-Ола) В.В. Путин заявил: «Заставлять человека изучать язык, который родным для него не является, так же недопустимо, как и снижать уровень преподавания русского». Президент России дал распоряжение прокуратуре проверить добровольность изучения языков титульных народов в республиках РФ.

³ Чувашские старейшины заявили об ущемлении языков малых народов // «Наша версия» в Чувашии. [Электронный ресурс]. <https://ch.versia.ru/chuvashskie-aksakaly-zayavili-ob-ushhemlenii-yazykov-malux-narodov>. Языковой барьер. В Республике Коми идут баталии // «Новая газета» 15 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/11/15/74562-yazykovoy-barier>

⁴ Krstev I. The Populist Moment // Eurozine. 18.09. URL: <https://www.eurozine.com/the-populist-moment/> (accessed 30.07.2018).

⁵ Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. Vol. 39. No. 4 (Autumn 2004). P. 541–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x

⁶ Такая статья подготовлена: Паин Э., Федюнин С. Популизм и элитизм в современной России: анализ взаимосвязи // (принято к публикации). «Полис», 2019. №1.

[Mudde, 2004]¹. В зависимости от того, в каких терминах описывается хороший народ и плохая элита, выделяются две основные разновидности популизма: а) социальный (народ — трудящийся, бедный, справедливый, а элита — коррумпированная, эксплуататорская, несправедливая и т.д.); б) национал-популизм (народ — истинный представитель «нашей» веры, этничности, национальной культуры, а элита — либо «культурно чужая», либо поддерживает «культурно чужих»).

Еще один важный отличительный признак предлагает Р. Джансен, рассматривающий популизм в качестве «метода политической практики», нацеленного на «мобилизацию обычно маргинальных слоев общества» и их вовлечение в публичную и протестную политическую активность [Jansen, 2011]². Такая мобилизация пассивных слоев общества предполагает различные формы манипуляции массовым сознанием за счет многочисленных обещаний народу (зачастую заведомо невыполнимых) либо эксплуатации его страхов и фобий.

Применяя эти критерии, нетрудно идентифицировать ЛДПР и КПРФ как национал-популистские партии. Национал-популистами можно смело назвать также и бессменных лидеров ЛДПР и КПРФ В. Жириновского и Г. Зюганова, вот уже более четверти века возглавляющих эти опоры российской «системной оппозиции». Обе партии претендуют на представительство народных интересов и соединяют в политической пропаганде как социальную, так и националистическую риторику. Жириновцы с 2003 года используют лозунг: «Мы за бедных, мы за русских». КПРФ также ныне именуется не только «партией трудящихся», но и «патриотической партией», понимая под патриотизмом прежде всего полную поддержку идеи политического доминирования этнического большинства — русских. Кирилл Николенко считает началом такой трактовки патриотизма книгу Г. Зюганова «Верность», в которой было впервые сформулирована идея о роли русского национального самосознания как щита, защищающего Россию. По мнению лидера коммунистов, именно самосознание русских вступает как «главный противник антисоветских и антикоммунистических сил» [Николенко, 2013]³.

Примечательно, что лозунг ЛДПР и фактическая, хотя и скрытая, солидаризация с ним Зюганова в его книге появились одновременно в 2003 году, и по этому поводу продолжается спор о приоритете КПРФ в защите национал-патриотизма и русского народа [Зюганов, 2004]⁴. Уже в 2004 году X съезд КПРФ принял резолюцию «Коммунисты и русский вопрос», в котором спасение русского народа определяется в качестве главной цели партии. В 2007-м постановление «О задачах КПРФ по защите русской культуры как основы духовного единства многонациональной России» выдвинуло программу имперской иерархической организации межэтнических отношений, и на вершине этой иерархии стоит «государствообразующий» русский народ. Риторика политического доминирования русского большинства занимает важное место в партийной агитации и отражена как в партийных документах, так и в выступлениях Зюганова [Предвыборная программа КПРФ. «Политика большинства призвана побеждать. Вернуть украденную у нас Родину!»]⁵.

КПРФ и ЛДПР представляют собой два разных и взаимодополняющих фрагмента имперского национал-популизма.

Коммунисты отстаивают концепцию сталинской советской империи, и к этой идеологии тяготеют такие «красные» империалисты, как Захар Прилепин, Максим Шевченко, Александр Гиркин (Стрелков), полковник Владимир Квачков и другие. По мнению многих исследователей, для этой когорты «красных» национал-патриотов характерен сталинский антисемитизм, проскальзывающий в их публичных высказываниях [Гельман, Железнов, 2018; Снегирь, 2016]⁶.

Жириновцы собирают вокруг себя другой отряд русских имперских националистов. Они, как и КПРФ, выступают за политическое до-

¹ См. напр., *Mudde C. The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. No. 4 (Autumn 2004). P. 543.*

² *Jansen R. Populist Mobilization: A New Theoretical Approach to Populism // Sociological Theory. Vol. 29. No. 2 (June 2011). P. 82.*

³ Цит. по: *Николенко К. КПРФ и «русский вопрос» // [Электронный ресурс]. <http://comstol.info/2013/05/politika/6632>*

⁴ Об этом прямо сказано в предисловии к новой книге Зюганова: «В последнее время многие политики и общественные движения начали говорить о патриотизме. В российских верхах стало модно называться государственниками и даже изображать время от времени из себя радетелей за русский народ. При этом тщательно замалчивается, что неоспоримый приоритет в отстаивании интересов русских, всех народов России принадлежит КПРФ и ее лидеру Г. Зюганову / Г. Зюганов. О русских и России. // [Электронный ресурс]. <https://kprf.ru/personal/zyuganov/zbooks/25058.html>

⁵ См.: Предвыборная программа КПРФ. «Политика большинства призвана побеждать. Вернуть украденную у нас Родину!» // [Электронный ресурс]. www.kprf.ru, 12.10.2011

⁶ *Гельман З. «Ядовитые грибы» Максима Шевченко // [Электронный ресурс]. <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&id=3960&in=view>; Идеолог «Новороссии» Стрелков: Холокост спровоцировали евреи // [Электронный ресурс]. <https://grimnir74.livejournal.com/10619403.html>; Полковник Квачков и «русский православный социализм» // [Электронный ресурс]. <http://www.krasnoetv.ru/node/27593>*

минирование русских и приветствуют все разновидности имперской территориальной экспансии России, какими бы утопичными ни казались подобные прожекты. Жириновский бросил сакраментальную фразу «Русский солдат еще будет мыть свои сапоги в Индийском океане!» в мае 1993 года, а сегодня она находит больший отклик в среде имперцев, чем в 1990-е. Основной рупор российских ультраправых национал-империалистов, «Царьград», преподносит ее как пророчество [Афанасьев, 2017]¹. Эта газета и одноименный телеканал принадлежат известному богачу Константину Малофееву, спонсирующему добрую дюжину подобных учреждений, пропагандирующих идеи православного фундаментализма, воинствующего монархизма и черносотенного национализма. Подобные силы, выводящие свою политическую генетику от крайне правых монархических, антибольшевистских движений, могут быть обозначены как «белые» имперские националисты. Пока они больше группируются вокруг Кремля, но в качестве «запасного политического аэродрома» все теснее сближаются с ЛДПР. Понятно, что эта партия «белым» имперцам ближе, чем «красная» КПРФ. Да и жириновцы не прочь расширить свою социальную базу за счет «белых» русских националистов и других крайне правых политических сил. Совсем недавно, 7 июня 2018 года, в Москве в здании Государственной думы РФ партия ЛДПР провела конференцию под названием «Всемирный конгресс миролюбивых сил», делегатами которого оказались ультраправые движения, как российские («Славянское объединение и возрождение»), так и западные (Национал-демократическая партия Германии и Северное движение сопротивления). «Славянское объединение и возрождение» на своей страничке в социальной сети, во-первых, выболтало информацию об участии зарубежных одиозных организаций в мероприятии в Государственной думе, а во-вторых, похвалилось, что конгресс помог российским ультраправым завести «дружеские отношения и договориться о сотрудничестве» с североевропейскими и немецкими национал-социалистами [ЛДПР будет спасать человечество от термоядерной войны вместе с неонацистами, 2018]².

¹ Пророчество Жириновского сбывается: мы помоем сапоги в Индийском океане? // [Электронный ресурс]. https://tsargrad.tv/articles/prorochestvo-zhirinovskogo-sbyvaetsja-my-pomoem-sapogi-v-indijskom-okeane_97825

² ЛДПР будет спасать человечество от термоядерной войны вместе с неонацистами // [Электронный ресурс]. <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2018/06/d39572/>

В российском политическом дискурсе наибольшее количество обвинений в популизме (это явление воспринимается только негативно) адресовано вовсе не «системной оппозиции», а Алексею Навальному, причем сыплются эти обвинения как со стороны Кремля, так и со стороны либеральной оппозиции. Владимир Путин неоднократно сравнивал А. Навального с презираемым им Михаилом Саакашвили, бывшим президентом Грузии, а впоследствии украинским оппозиционером [Гатинский, 2017]³. В этом сравнении легко угадывается и намек на опасность повторения в России сценария «цветной революции», подобной тем, что произошли в Грузии и Украине.

В стане российской демократической оппозиции фигура А. Навального также выступает объектом постоянной критики. Одни упрекают его в популизме, понимаемом как стратегия манипулирования массами с помощью раздачи несбыточных обещаний [Мовчан, Сеньшин, Задорожный, 2017]⁴, другие подчеркивают склонность Навального к вождизму [Шимов, 2017]⁵. В оппозиционных медиа регулярно поднимается вопрос: не станет ли новый лидер народных масс еще более авторитарным вождем, чем Путин? Публицист Станислав Белковский еще в 2013 году выдвинул лозунг: «Лучше Путин, чем Навальный» [Белковский, 2009]⁶.

Вне зависимости от этих оценок фигуру А. Навального действительно можно отнести к категории популистов, и для этого есть несколько весомых причин.

Во-первых, А. Навальный использует в качестве основного инструмента для привлечения масс на свою сторону классическое для популизма противопоставление «хорошего народа» и «плохой элиты» (коррупцированной, авторитарной, эгоистичной, аморальной). Именно Навальному принадлежит знаменитая фраза «жулики и воры», адресованная первоначально

³ Гатинский А. Путин сравнил Навального с «бегущим по площадям Саакашвили» // РБК. 14.12.2017. [Электронный ресурс]. <https://www.rbc.ru/politics/14/12/2017/5a326c7a9a7947629623b45f> (проверено 07.08.2018).

⁴ «Навальный все чудовищно упрощает. Он хочет власти здесь и сейчас». Экономист Андрей Мовчан — об опасности авторитаризма в постпутинской России // Знак. 13.07.2017. [Электронный ресурс]. https://www.znak.com/2017-07-3/ekonomist_andrey_movchan_ob_opasnosti_avtoritarizma_v_postputinskoy_rossii (проверено 30.07.2018).

⁵ Шимов Я. Противовес Навальному появится сразу // Радио «Свобода». 19.06.2017 // [Электронный ресурс]. <https://www.svoboda.org/a/28623381.html> (проверено 03.08.2018).

⁶ Белковский С. Лучше Путин, чем Навальный // «Московский комсомолец». 04.2009. [Электронный ресурс]. <http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2013/09/04/910383-luchshe-putin-chem-navalnyiy.html> (проверено 13.07.2018).

функционерам партии «Единая Россия» и затем ставшая популярной формулой для обозначения российского правящего класса в целом.

Во-вторых, выдвинутый Навальным во время массовых протестов 2011–2012 годов лозунг «Мы здесь власть» выражает свойственное популизму противопоставление идеи суверенного народа существующему политическому порядку, нарушающему Конституцию вместе с провозглашенным в ней принципом народного суверенитета¹.

В-третьих, А. Навальный является чуть ли не единственным из либерально настроенных оппозиционеров, кто не только апеллирует к широкому слою (и прежде всего к молодежи и городскому среднему классу), но и не без успеха добивается их политической мобилизации, аккумулируя недовольство разных социальных групп несправедливостью существующего в России социального порядка. А. Навальный противопоставляет этому свою программу преобразований, потенциально привлекательную для широкого круга россиян и одновременно стандартную для риторики социального популизма. В этой программе весь джентльменский набор популистской активности: борьба с коррупцией, снижение неравенства, повышение благосостояния граждан, увеличение финансирования образования и медицины, меры по дебиюкратизации и децентрализации государственной власти, проведение политической либерализации, а также реформирование судебной системы и правоохранительных органов².

Помимо обвинений в популизме и вождизме сторонники либеральных идей постоянно критикуют Навального за его (этно)националистические взгляды [Акунин, 2012]³. Эти упреки заслуживают специального анализа.

Мне уже приходилось писать, но сейчас повторю свой вывод о том, что даже те высказывания А. Навального, которые обычно маркируются как «националистические», в подавляющем большинстве случаев не содержат ксенофобии. Навальный не обсуждает особенности поведения тех или иных этнических групп и тем более не выдвигает требований коллективной ответственности, типичных для этнонационалистов-ксенофобов. В период

с июня 2010 года по июнь 2013 года доля дискурса, который можно охарактеризовать как имеющий признаки националистического, составила около 3% от всех постов Навального в его блоге в ЖЖ [Паин, 2014]⁴. Эта доля поднималась в некоторые месяцы (апрель — май 2012 года) до максимума (5%), а иногда вовсе не проявлялась (например, с февраля по июнь 2013 года). За эти три года к этнополитической тематике можно отнести лишь 40 выступлений, среди которых 34 были связаны с высказываниями по поводу Северного Кавказа, порядков в этих республиках и поведением некоторых местных руководителей, которые используют бюджетные средства как собственные, теряя остатки уважения и к закону, и к общепринятым нормам морали. В высказываниях Навального также не заметно каких-либо проявлений русского этнического или культурного превосходства, и сосредоточены они на главной для этого политика теме — противодействии коррумпированной элите («жуликам и ворам»), осуждении коррупции и казнокрадства на примере северокавказских республик⁵. В риторике Навального доля социального популизма, обращенного против российских властей, с годами только увеличивалась, достигнув пика во время его президентской кампании [Программа Алексея Навального, 2018]⁶. Наконец, важно учитывать эволюцию взглядов Навального на национализм. Если в 2007 году этот политик выступил в роли сооснователя движения «Народ», продвигая идею защиты интересов русских как титульной нации, то в 2015-м в беседах с польским диссидентом Адамом Михником он уже описывал свои взгляды как «гражданский национализм» [Михник, Навальный, 2015]⁷. Изменилась и стратегия Навального в отношении русского национализма. Он больше не появлялся на «Русских маршах». После присоединения Крыма в марте 2014 года он (в отличие от большинства русских националистов и части национал-демократов) не встал на позиции российских властей и категорически выступил против войны на востоке Украины и проекта «Новороссия».

Фигура А. Навального соответствует определению популиста в строгом смысле слова. Он является харизматическим лидером антиэли-

¹ Panizza F. Introduction: Populism and the Mirror of Democracy // Populism and the Mirror of Democracy / Ed. by F. Panizza. London and New York, 2005. P. 4.

² Программа Алексея Навального – 2018 // [Электронный ресурс]. <https://2018.navalny.com/platform/> (проверено 01.08.2018).

³ Акунин Б. Разговор с политиком // «Живой журнал». 03.01.2012 [Электронный ресурс]. <https://borisakunin.livejournal.com/49763.html> (проверено 10.08.2018).

⁴ Паин Э.А. Современный русский национализм в зеркале Рунета // Россия — не Украина: современные акценты национализма / Сост. А. Верховский. М.: Центр «Сова». 2014. С. 8–31.

⁵ Там же.

⁶ Программа Алексея Навального – 2018 // [Электронный ресурс]. <https://2018.navalny.com/platform/> (проверено 01.08.2018).

⁷ Михник А., Навальный А. Диалоги. М.: Новое издательство, 2015.

тарного движения, который действует от имени народа и стремится к постоянному увеличению числа сторонников, вовлекаемых в протестную политическую активность против коррумпированной элиты. Это движение социального популизма. Как оценить такое движение с точки зрения требований политической модернизации и противодействия ксенофобии?

В современной литературе встречаются неоднозначные оценки влияния популизма на демократию. Одни авторы настаивают на том, что популизм по своей сути антидемократичен. Другие защищают и даже превозносят популизм, считая его «подлинным голосом демократии». Нам ближе третья точка зрения, согласно которой популизм не выступает против демократии как таковой (если понимать демократию как реализацию идеи народного суверенитета и принципа большинства), но при этом не соответствует модели развитой *либеральной* демократии [Паин, Федюнин, 2019]¹.

Такая модель демократии возможна лишь в определенных политических условиях, она требует хотя бы минимального уровня институционально политического плюрализма и соответствующей традиции в политической культуре. В тех же обществах, где культура политического участия слабо укоренена в массовой практике, и правящая элита не привыкла действовать по демократическим правилам, популизм может содействовать первым шагам к демократии. Так, выход из коммунистической системы и становление демократии в Польше в конце 1980-х неразрывно связаны с именем Леха Валенсы, который и как лидер протеста, и как избранный президент Польши (1990–1995) демонстрировал явные признаки популизма, но при этом объединял вокруг себя представителей разных этнических групп. Постсоветская Россия также сделала шаги к демократии в начале 1990-х при правлении популиста Бориса Ельцина, а успех либеральных реформ и достижения в противодействии коррупции в Грузии 2000-х во многом связаны с именем президента-популиста Михаила Саакашвили. То же можно сказать и о мирной революции в Ар-

мении (весна 2018 года), которую невозможно представить без ее неформального «народного» лидера Николы Пашиняна.

В современной России также есть политики,двигающиеся от национал-популизма начала 2000-х к нынешнему протестному, гражданскому (а вовсе не этническому), антикоррупционному и антиэлитарному популизму. Такой популизм может быть едва ли не единственной реальной альтернативой популизму, основанному на ксенофобии.

Итак, в 2000-е в России стала постепенно изменяться этнополитическая ситуация. Традиционные для империи проблемы, а именно взаимоотношения этнических территорий и имперского центра, а также этнического сепаратизма автохтонных колонизированных народов и антисемитизма стали вытесняться новыми проблемами мигрантов и других обособленных слабо интегрированных в складывающееся национальное сообщество диаспор этнических меньшинств (например, цыган). Перемены базовых сторон этнополитической ситуации, отразившиеся в динамике ксенофобии, объясняет также подъем в России политического движения национал-популизма, проявившегося и в других странах глобального севера. Мы пытались на российских примерах показать многоликость популизма и его неоднозначное воздействие на динамику ксенофобии. Национал-популизм может выступать в качестве основной угрозы роста ксенофобии, тогда как социальный популизм способен содействовать трансформации этнических, расовых и религиозных фобий в гражданскую протестную активность

Так или иначе, но возможности противодействия вероятному росту ксенофобии во многом будут зависеть от выбора ответственными представителями российского общества стратегии поддержки тех или иных политических сил, уже заявивших о себе и проявившихся в современной России.

¹ Подробнее см.: Паин Э., Федюнин С. Популизм и элитизм в современной России: анализ взаимосвязи // (принято к публикации). «Полис», 2019.

Список литературы

1. *Delannoi G.* La nation contre le nationalisme, ou la résistance des nations. Paris: Presses universitaires de France, 2018.
2. *Jansen R.* Populist Mobilization: A New Theoretical Approach to Populism // *Sociol. Theory.* 2011. Vol. 29. No. 2. P. 82.
3. *Krastev I.* The populist moment [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurozine.com/the-populist-moment/> (дата обращения: 17.12.2018).
4. *Mudde C.* The Populist Zeitgeist // *Gov. Oppos.* 2004. Vol. 39. No. 4. P. 542–563.
5. *Акунин Б.* Разговор с политиком [Электронный ресурс]. URL: <https://borisakunin.livejournal.com/49763.html> (дата обращения: 17.12.2018).
6. *Афанасьев А.* Пророчество Жириновского сбывается: мы помоем сапоги в Индийском океане? [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/articles/prorochestvo-zhirinovskogo-sbyvaetsja-my-pomoe-sapogi-v-indijskom-okeane_97825 (дата обращения: 17.12.2018).
7. *Белковский С.* Лучше Путин, чем Навальный – МК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2013/09/04/910383-luchshe-putin-chem-navalnyiy.html> (дата обращения: 17.12.2018).
8. *Брицкая Т.* Языковой барьер. В Республике Коми идут баталии. Пока словесные: людей разделил приказ чиновников [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/11/15/74562-yazykovoy-barier> (дата обращения: 17.12.2018).
9. *Гатинский А.* Путин сравнил Навального с «бегающим по площадям Саакашвили»: Политика: РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/12/2017/5a326c7a9a7947629623b45f> (дата обращения: 17.12.2018).
10. *Гельман З. (Реховот).* «Ядовитые грибы» Максима Шевченко [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&id=3960&in=view> (дата обращения: 17.12.2018).
11. *Дятлов В.И.* «Желтая опасность» как орудие «мирового еврейского заговора»: на границе «великих ксенофобий» // *Азиатская Россия.* 2010. С. 313–329.
12. *Железнов А.* Идеолог «Новороссии» Стрелков: Холокост спровоцировали евреи – Алексей С. Железнов. Странник и пришелец [Электронный ресурс]. URL: <https://grimnir74.livejournal.com/10619403.html> (дата обращения: 17.12.2018).
13. *Зубаревич Н. и др.* Стресс-тест на пол-России технологии электорального доминирования и их ограничения. Анализ региональных выборов 2018 г., 2018.
14. *Зюганов Г.А.* О русских и России [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/personal/zyuganov/zbooks/25058.html> (дата обращения: 17.12.2018).
15. *Катин В.* Цыгане – жертвы расизма в Европе [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2000-08-25/6_gitanes.html (дата обращения: 17.12.2018).
16. *Кожевин И.* Тихий уральский поселок превратился в ночное поле боя [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=499194> (дата обращения: 17.12.2018).
17. *Маффесоли М.* Каждому свое племя: от контракта к пакту // *Посредник. Массмедиа, общество и культура / под ред. В.А. Подорога.* М.: Институт философии РАН, 2016.
18. *Михник А., Навальный А.* Диалоги., 2015. 104 с.
19. *Мовчан А., Сеньшин Е., Задорожный А.* Навальный все чудовищно упрощает. Он хочет власти здесь и сейчас. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/2017/07/13/ru-pub-71542> (дата обращения: 17.12.2018).
20. *Мукомель В.И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // *Мир России. Социология. Этнология.* 2011. № 1.
21. *Николенко К.* КППФ и «русский вопрос» [Электронный ресурс]. URL: <http://comstol.info/2013/05/politika/6632> (дата обращения: 17.12.2018).
22. Отчет о проведенном «Левада-Центром» по заказу РЕК социологическом исследовании. Параметры ксенофобии, расизма и антисемитизма в современной России. М.: Левада-Центр, 2018.
23. *Паин Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2004а. С. 239–240.
24. *Паин Э.А.* Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004б. 248 с.
25. *Паин Э.А.* Современный русский национализм в зеркале рунета // *Россия – не Украина: современные акценты национа-*

- лизма / под ред. А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2014. С. 8–31.
26. Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017. С. 244–258.
 27. Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Популизм и элитизм в современной России: анализ взаимосвязи // Полис. 2019. № 1.
 28. Полонский И. «Цыганский вопрос»: есть ли решение? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sensusnovus.ru/analytics/2013/05/12/16358.html> (дата обращения: 17.12.2018).
 29. Прокофьев В. Почему во Франции усиливаются антисемитские настроения [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/01/10/pochemu-vo-francii-usilivaiutsia-antisemitskie-nastroeniia.html> (дата обращения: 17.12.2018).
 30. Снегирь О. Полковник Квачков и «русский православный социализм» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krasnoetv.ru/pode/27593> (дата обращения: 17.12.2018).
 31. Тольц М.С. Евреи на постсоветском пространстве: новые демографические данные // 2016. Т. 693–694. С. 1–22.
 32. Шимов Я. Противовес Навальному появится сразу; [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/28623381.html> (дата обращения: 17.12.2018).
 33. Щербакова Е.М. Миграция в России, предварительные итоги 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0763/barom01.php> (дата обращения: 17.12.2018).
 34. Предвыборная программа КПРФ. «Политика большинства призвана побеждать. Вернуть украденную у нас Родину!» [Электронный ресурс]. URL: www.kprf.ru, 12.10.2011.
 35. Россия. Демография еврейского населения Российской империи (1772–1917): Электронная еврейская энциклопедия ОПТ [Электронный ресурс]. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/general/15443/> (дата обращения: 17.12.2018).
 36. France: un portrait de la population juive [Электронный ресурс]. URL: <https://www.religion.info/2002/12/05/france-un-portrait-de-la-population-juive/> (дата обращения: 17.12.2018).
 37. Германия обогнала Израиль по интенсивности еврейской миграции [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2003/06/06/germany/> (дата обращения: 17.12.2018).
 38. Religiöner: In Deutschland leben mehr Muslime als erwartet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.welt.de/politik/article3984811/In-Deutschland-leben-mehr-Muslime-als-erwartet.html> (дата обращения: 17.12.2018).
 39. Цыгане – изгои Европы [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/europe/20100824/162385444.html> (дата обращения: 17.12.2018).
 40. Около 3 тысяч человек вышли на акцию протеста в Болгарии [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1451431.html> (дата обращения: 17.12.2018).
 41. В России может появиться омбудсмен по правам цыган [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/508503> (дата обращения: 17.12.2018).
 42. Население России. 2010–2011. 18–19-й ежегодный демографический доклад / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 462 с.
 43. Antisemitism. Overview of data available in the European Union 2004–2015 // 2014.
 44. Африканцам не рады в России [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/social/20160612/236835030.html> (дата обращения: 17.12.2018).
 45. Злоключения африканцев в России. Как живут африканские беженцы и мигранты в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/11/29/10385585.shtml> (дата обращения: 17.12.2018).
 46. Чувашские старейшины заявили об «ущемлении» языков малых народов [Электронный ресурс]. URL: <https://ch.versia.ru/chuvashskie-aksakaly-zayavili-ob-ushhemlenii-yazykov-malyx-narodov> (дата обращения: 17.12.2018).
 47. Проблема антисемитизма в глазах евреев и других групп российского городского населения. М.: Левада-Центр, 2018.
 48. Три линии. Вопреки мрачным прогнозам, Германия не рухнула под напором беженцев. Как немцы решают проблемы массовой миграции? [Электронный ресурс]. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/24/78326-tri-linii?utm_source=push (дата обращения: 17.12.2018).
 49. ЛДПР будет спасать человечество от термоядерной войны вместе с неонацистами [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2018/06/d39572/> (дата обращения: 17.12.2018).
 50. Программа Алексея Навального [Электронный ресурс]. URL: <https://2018.navalny.com/platform/> (дата обращения: 17.12.2018).

Лев ГУДКОВ
Карина ПИПИЯ

Параметры ксенофобии, расизма и антисемитизма в современной России¹

Определение ксенофобии²

Ксенофобию в общем виде можно определить как проявление негативных установок по отношению к представителям различных этнонациональных или этноконфессиональных общностей (народов) или стран, а также к социальным группам, воспринимаемым как «чужие» в местном, принимающем или «большом» сообществе.

В отличие от национализма, под которым чаще всего понимается род более артикулируемых, оформленных в виде тех или иных общественно-политических идеологий, манифестаций, систематически представленных доктрин, содержащих обоснование единства происхождения, судьбы и коллективных интересов этнической или политической, гражданской социальной общности, соответствующих практик их защиты и реализации, ксенофобия выражается главным образом в виде диффузных, нечетких и слабо обоснованных негативных реакций членов этнической группы на внешние текущие события, прежде всего необходимость взаимодействия с любыми «другими». Устойчи-

вость (повторяющийся характер) этих реакций позволяет говорить, что подобные проявления не случайны, что они результат навязываемых в группе коллективных представлений, усваиваемых в процессе групповой социализации, воспроизводимой при смене поколений общностью «культуры повседневности», в которой негативные установки по отношению к разнообразным «не-членам» той группы или общности, к которой принадлежит сам носитель ксенофобии, играют важную социальную роль поддержания базовых представлений о «своих» и «чужих», защиты «своих», утверждения достоинств группы или снятия, компенсации комплексов неполноценности, возникающих при сравнении «своих» и «других» (достатка, образа жизни, престижности и проч.).

Национализм ангажированных или элитных групп содержит апелляцию к «интересам» «этнического большинства», «коренного», «титularyного» или «государствообразующего народа», «национального целого», что всегда предполагает определенную структуру коллективной идентичности (мифы о «единстве происхождения» и «общности судьбы», проекции жизни общности в будущем). Ксенофобия же выражается прежде всего как требование эксклюзивности — стремление к ограничению прав «иностранцев» или «приезжих», лишению этнических групп / меньшинств или внешних мигрантов допуска к социальным ресурсам, социальным позициям, благам, правам, преимуществам, которыми обладают (действительно или виртуально) представители «коренного народа», как и другие подобные практики. Основу ксенофобии составляют архаические механизмы организации социального порядка, поскольку они вытекают из мифов, обычаев, морали закрытых племенных или сословных обществ, из механизмов консолидации и поддержания традиционных образований.

¹ По материалам отчета о проведенном «Левада-Центром» по заказу РЕК социологическом исследовании. В исследовании принимали участие также Н. Зоркая и Е. Кочергина. Опрос проведен 23–30 августа 2018 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше в 136 населенных пунктах, 52 субъектах РФ.

² В настоящей работе акцент сделан на анализе ксенофобских установок и их изменений в России; меньше внимание уделено проблеме антисемитизма, поскольку сравнительно недавно (в 2016 году) «Левада-Центром» было проведено большое исследование населения России по этой теме (см. Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Лёзина Е. Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации // ВОМ. 2016. № 1–2. С. 140–197). Отдельно в 2018 году проводилось исследование евреев России по этой же теме (количественный опрос и серия фокус-групп), посвященное среди прочего динамике ксенофобских и антисемитских настроений в обществе и форм их выражения, а также оценкам потенциальных угроз российскими евреями (см. в этом номере: Левинсон А. Об отношении к евреям в современной России. С. 110).

Степень токсичности или агрессивности ксенофобии определяется не столько распространенностью тех или иные предрассудков, сколько реальными возможностями *дискриминации* тех, кто стигматизируется как «чужие», *практиками* действительного исключения из общественной, экономической, политической и других сфер жизни тех, кто объявляется «чужими» или не принадлежащими к основной (или доминирующей этнической) группе населения. В этом плане функции ксенофобии сводятся, с одной стороны, к жесткому маркированию границ «своей» группы или общности, удержания аморфной и слабо рационализируемой групповой идентичности (сознания «Мы»), а с другой — ксенофобия — это и архаичная форма защиты общей идентичности, групповых представлений, коллективных мифов и ценностей от размывания, эрозии, вызванной все более частыми контактами и взаимодействиями с другими социальными акторами, воспринимаемыми как «чужие», непонятные, опасные для данной общности или даже «враждебные» ей, несущие угрозу тем или иным аспектам существования или ценностям данной общности. В ситуации сохранения или воспроизводства общества-государства, неразвитости правовой культуры, гражданского общества, социального взаимодействия, основанного на способности воспринимать и работать с социальным многообразием акторов и т.д., ксенофобские установки играют роль своего рода «социального клея», сплачивающие общество на негативной основе и работающие не на социальное развитие и усложнение структуры общества, а на самоизоляцию и эксклюзию.

В отличие от национализма, который предполагает более или менее артикулированную, рационализированную или доведенную до концептуально идеологизированной совокупности взглядов, убеждений, верований, ксенофобия всегда крайне аморфна, принципиально не может быть аргументирована и систематически выражена. Другими словами, опасность ксенофобии резко повышается в тех случаях, когда она соединяется с насильем как инструментом реализации ксенофобских установок и требований. Не важно, идет ли при этом речь о стихийных эксцессах толпы или государственно организованной системе административного управления. В первом случае мы имеем дело с отдельными проявлениями агрессии и погромов, во втором — с систематической практикой этнической или культурной дискриминации, легитимизируемой

соответствующей идеологией национализма, открытого или латентного (как это было в послевоенные годы советской власти).

Русский национализм в настоящем виде представляет собой результат разложения имперской культуры, претендовавшей ранее на этнический универсализм при фактическом неравноправном положении внутренних этнонациональных общностей (разделение народов на союзные республики, автономные республики, автономные края или регионы, этнические группы, лишенные своих государственно-административных форм, а значит, прав, ресурсов, институтов и т.п.). Поэтому сегодня мы фиксируем следы данной институциональной системы в виде устойчивых предпочтений и предрассудков этнического характера, потенциальных конфликтов и напряжений, нерешенных проблем обеспечения равенства прав граждан, независимо от их национальной принадлежности, выражающихся в тех или иных иррациональных установках. Далеко не всегда значимые для одних групп проблемы взаимодействия с «другими», «чужими», «не такими, как мы» оказываются «интересными», актуальными, «проблемой» для основной массы населения. Об этом мы можем судить по колеблющейся от исследования к исследованию доле ответов «затрудняюсь ответить» на соответствующие вопросы анкеты.

Помимо своей предметной или содержательной стороны (направленности на те или иные этнические, расовые или культурные объекты коллективной неприязни) ксенофобия может и должна характеризоваться *интенсивностью* своих выражений: от слабых, едва воспринимаемых (латентных, спящих) предрассудков, предпочтений и антипатий, этнических клише (стереотипов и образов «чужих») до выражения прямой агрессии и склонности к изоляции или настоятельных требований от властей проведения политики дискриминации, вплоть до стихийных или спровоцированных беспорядков и погромов.

Ксенофобия выражается в первую очередь как *вербальная неприязнь или агрессия в отношении «чужих»* (часто подобные негативные вербальные установки называют *hate speech*, или «язык ненависти»). Обычно ксенофобские проявления сдерживаются регулируемыми нормами социально допустимого поведения, ограничивающего в развитых странах мира открытое проявление агрессии, нетерпимости к «другим», открытой враждебности. То же можно сказать и о России. Здесь выражение открыто

расистских, антисемитских или ксенофобских взглядов воспринимается как нежелательный радикализм (фашизм), грозящий нестабильностью, социальными беспорядками и общей дезорганизацией жизни, что постоянно (начиная с конца 1980-х) вызывает явное осуждение со стороны общественного мнения. Именно поэтому ни одна собственно националистическая партия или движение, включая антисемитские, антимигрантские или антикавказские (РНЕ, «Конгресс русских общин», Партия национального возрождения «Народная воля», ДПНМ и т.п.), не получала сколько-нибудь значительной массовой поддержки на реальных выборах или в предварительных электоральных опросах, несмотря на широко распространенное сочувствие их лозунгам. (Об этом свидетельствует успех тех партий, которые выражают те же самые требования в более приличной и умеренной форме, например «Родины» Д. Рогозина в 2003 году).

Ксенофобия в принципе не устранима, поскольку порождающие ее элементы играют значимую роль в системах базовой этнонациональной и социальной идентификации, а стало быть, в поддержании социального порядка в обществе. Негативизм, враждебность, этническая неприязнь к «другим» — как составляющие ксенофобии в целом — представляют собой необходимое условие образования и воспроизводства массового позитивного представления о собственной общности, набор механизмов коллективного самоопределения, средство конституирования ценностных, в том числе идеальных, значений «Мы». Ксенофобию невозможно уничтожить. Можно лишь до некоторой степени регулировать наиболее деструктивные ее проявления [Гудков, Дубин, 2007]¹. Ее социальная опасность заключается не в самом содержании негативных предрассудков и представлений, а в их злоупотреблении и использовании различными общественными силами и государственными институтами — политическими и общественными партиями и движениями, СМИ, мобилизующими массы к активным действиям против «чужих», апеллирующих к полиции и судам, закрепляющими дискриминационное положение меньшинств разной природы и типа (подобное инструментальное использование ксенофобских настроений было заметно,

скажем, в 2013 году на примере этнических погромов в московском районе Бирюлево).

*Более глубокий взгляд на природу ксенофобии приводит к выводу, что она концентрируется на нескольких проблемных точках или узлах воспроизводства социальной структуры либо социального порядка данного общества. Установление социальной дистанции при процессах воспроизводства социальной общности (запрет или ограничение, нежелание видеть «чужих», «не своих») проявляется в виде **негативной оценки или установки в отношении:***

а) брака с «чужими» (этнически или расово «чужими»);

б) запрета на доступ в «общину» (проживание на территории доминирующей общности, нежелание жить рядом или работать вместе с «чужими», общаться с «инородцами»);

в) доступа к символическим позициям престижа, авторитета, влияния или господства в социальной структуре — регулирования (контроль, ограничение) приема на работу в органы правопорядка или вооруженных сил (запрет на доступ к структурам, обладающим монополией на насилие), в системах образования, массовых коммуникаций;

г) доступа к высшим позициям в социальной иерархии общества — к власти, правительству, руководству, к избранию «другого», «чужого» президентом, воплощающим и охраняющим символические значения и ценности всего коллективного целого.

Выражение негативизма в отношении вообразимых «чужих» (с которыми в повседневной практике *абсолютное большинство населения*, членов сообщества или группы *никогда не имело дела*) служит средством для артикуляции собственных достоинств, добродетелей, ценностей или значимых качеств, но в негативной форме, самоутверждения без тесной связи с достижениями. Только отталкиваясь от более или менее выраженного образа «чужого», традиционная и слабо структурированная, недифференцированная социальная среда «этнического большинства» может выразить собственные позитивные качества. «Чужой» здесь нужен как условие и проекция всего плохого и вытесненного в самооценках, от чего группа старается избавиться, приписывая эти свойства вообразимому «другому». В таком случае уровень агрессии низок, поскольку взаимодействие с виртуальным «другим» носит условный характер, лишенный прямого практического значения для повседневной жизни. (Это обстоятельство не отменяет ее значимости для других

¹ Гудков Л., Дубин Б. Невозможный национализм: Риторика номенклатуры и ксенофобия масс // Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). М., 2007. С. 283.

целей, например политической эксплуатации властями потенциала ксенофобии в ситуациях мобилизации населения для поддержки власти, солидарности «со своими» против «чужих».) К тому же оно указывает на характер формирования собственной идентичности, самопонимания и понимания общества, которым присущи антимодерные черты.

Общие параметры ксенофобии, антисемитизма и расизма

Социальная дистанция

Для данного исследования мы взяли несколько образов «нерусских», людей другой этнонациональной принадлежности, в качестве

условных диагностических средств, фиксирующих определенный диапазон социальных дистанций — от образа современного европейца (полюс модерности, цивилизованности) до образа представителя традиционной Азии и Кавказа (образы и зоны советской и досоветской колонизации), с одной стороны, и культурно или расово предельно чужих (темнокожие, цыгане) — с другой. (табл. 1).

Социально-демографические различия в характере и интенсивности проявления ксенофобских или расовых установок между разными социальными группами населения слабо выражены, что говорит о интегративном характере негативистских, этнических представ-

Таблица 1

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К...

	С симпатией, интересом	Спокойно, без особых чувств	С раздражением, неприязнью	С недоверием, страхом	Сумма негатива
Евреям	10	80	5	5	10
Англичанам	10	76	9	5	14
Чеченцам	6	65	13	16	29
Цыганам	3	51	21	25	46
Темнокожим	7	74	9	8	17
Узбекам	6	73	12	9	21

Август 2018 года, N = 1600

Таблица 2

ОТНОСЯТСЯ НЕГАТИВНО (С РАЗДРАЖЕНИЕМ, С НЕДОВЕРИЕМ, СТРАХОМ) К...

	Евреям	Англичанам	Чеченцам	Цыганам	Темнокожим	Узбекам
В среднем	10	14	29	46	17	21
Возраст						
18–24 года	9	7	27	47	15	19
25–39 лет	10	8	31	46	16	23
40–54 года	12	16	27	46	16	20
55 лет и старше	9	21	30	45	21	21
Образование						
Высшее	8	13	30	48	17	23
Среднее специальное	9	13	29	46	16	20
Среднее общее	12	17	27	44	18	21
Ниже среднего	12	24	37	40	24	21
Потребительский статус						
Едва хватает на еду	15	17	32	44	21	23
Хватает на еду и одежду	9	15	27	46	16	19
Могут позволить себе ТДП	7	12	30	47	17	24
Тип поселения						
Москва	9	13	52	66	40	30
Большой город	8	12	27	45	14	23
Средний город	8	17	29	46	15	23
Малый город	10	14	24	41	13	15
Село	13	16	28	44	19	22

Август 2018 года, N = 1600

лений. Тем не менее можно отметить как тенденцию некоторое повышение негативизма и resentment у малообразованных, пожилых и бедных респондентов. Резкое увеличение этнических и расовых антипатий фиксируется лишь в Москве по отношению к «культурно чужим» или «культурно иным» — *цыганам, чеченцам* (здесь действуют и социальные факторы враждебности — их концентрация и визуальное присутствие в столице, а также «агрессивная и демонстративная манера поведения» по мнению самих «коренных» жителей), *темнокожим* выходцам из африканских стран и *приезжим* из Средней Азии (узбекам, таджикам, киргизам). Это объясняется тем, что Москва (в меньшей степени — Санкт-Петербург и другие мегаполисы) притягивают мигрантов из разных регионов и стран мира, здесь сформирован рынок труда, это центр финансово-административной активности, поэтому здесь самая высокая доля приезжих, самая высокая интенсивность межэтнических контактов (и конфликтов).

Если исходить из этих замеров, то на первый взгляд кажется, что масштабы ксенофобии и расизма в России не так велики, если не считать давних предубеждений против цыган (поддерживаемых негативными сообщениями в СМИ о цыганах как торговцах наркотиками, асоциальных элементах и т.п.) и чеченцев (что не требует особых объяснений: две чеченские войны оставили глубокий след в массовом сознании о чеченцах как о «сепаратистах», «жестоких бандитах», «нецивилизованных варварах», сохраняющих архаические нравы и обычаи). Основная масса населения относится к «иным», по крайней мере, «без особых чувств». Однако за этими относительно спокойными или нейтральными показателями отношений к «другим» скрываются вполне определенные негативные установки — отчуждение, безразличие (вплоть до уничижительного отношения, жестокости или расчеловечивания), стремление к установлению жестких барьеров по отношению к чужим или даже готовность к изгнанию их из России (табл. 3).

Таблица 3
В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ЛИЧНО ГОТОВЫ ИМЕТЬ ДЕЛО...

С евреями?	Август 2010 г.	Июль 2018 г.
Готов(а) видеть их среди членов семьи	2	6
Готов(а) видеть их среди близких друзей	3	8
Готов(а) видеть их среди соседей	8	13
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	9	6
Готов(а) видеть их среди жителей России	27	32
Пускал(а) бы их в Россию только временно	17	11
Не пускал(а) бы их в Россию	17	15
Затрудняюсь ответить	16	10
С китайцами?	Август 2010 г.	Июль 2018 г.
Готов(а) видеть их среди членов семьи	1	2
Готов(а) видеть их среди близких друзей	1	5
Готов(а) видеть их среди соседей	5	8
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	5	4
Готов(а) видеть их среди жителей России	13	20
Пускал(а) бы их в Россию только временно	30	27
Не пускал(а) бы их в Россию	32	27
Затрудняюсь ответить	13	9
С выходцами из Африки (темнокожими)?	Август 2010 г.	Июль 2018 г.
Готов(а) видеть их среди членов семьи	1	1
Готов(а) видеть их среди близких друзей	1	3
Готов(а) видеть их среди соседей	5	6
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	5	2
Готов(а) видеть их среди жителей России	15	17
Пускал(а) бы их в Россию только временно	29	27
Не пускал(а) бы их в Россию		33
Затрудняюсь ответить		10

Продолжение табл. 3

С выходцами из Средней Азии (таджиками, узбеками)?	Август 2010 г.	Июль 2018 г.
Готов(а) видеть их среди членов семьи	1	2
Готов(а) видеть их среди близких друзей	1	3
Готов(а) видеть их среди соседей	4	6
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	4	3
Готов(а) видеть их среди жителей России	18	19
Пускал(а) бы их в Россию только временно	29	30
Не пускал(а) бы их в Россию	29	30
Затрудняюсь ответить	13	6
С украинцами?	Август 2010 г.	Июль 2018 г.
Готов(а) видеть их среди членов семьи	5	6
Готов(а) видеть их среди близких друзей	4	6
Готов(а) видеть их среди соседей	10	8
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	6	3
Готов(а) видеть их среди жителей России	31	29
Пускал(а) бы их в Россию только временно	20	20
Не пускал(а) бы их в Россию	13	22
Затрудняюсь ответить	12	7
С цыганами?	Август 2010 г.	Июль 2018 г.
Готов(а) видеть их среди членов семьи	1	1
Готов(а) видеть их среди близких друзей	1	1
Готов(а) видеть их среди соседей	3	5
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	2	1
Готов(а) видеть их среди жителей России	24	23
Пускал(а) бы их в Россию только временно	19	18
Не пускал(а) бы их в Россию	35	43
Затрудняюсь ответить	15	8
С чеченцами?	Август 2010 г.	Июль 2018 г.
Готов(а) видеть их среди членов семьи	1	2
Готов(а) видеть их среди близких друзей	1	4
Готов(а) видеть их среди соседей	4	7
Готов(а) видеть их среди коллег по работе	3	2
Готов(а) видеть их среди жителей России	22	31
Пускал(а) бы их в Россию только временно	19	19
Не пускал(а) бы их в Россию	38	27
Затрудняюсь ответить	13	9

N = 1600

По результатам опроса доля (условных) радикальных ксенофобов, которые «не пускали бы» в Россию все семь предложенных этнических категорий, составила 8% от выборки в целом¹. Это указывает на ядро потенциально

¹ Если выделить эту группу и проанализировать ее установки отдельно, то можно отметить высокую степень поддержки лозунга «Россия для русских» (из них 60% высказывают одобрение самому радикальному варианту «Поддерживаю, ее давно пора осуществить»); полную поддержку ограничения притока трудовых мигрантов (91%); одобрение дискриминационных объявлений о сдаче жилья или о найме на работу по этническому или религиозному признаку, которое демонстрирует каждый второй радикальный ксенофоб. Из них суммарно 30% опро-

агрессивной, ксенофобски и расистски настроенной части населения России.

За период в восемь лет (это относительно большой срок для изменений массовых установок) степень установки на эксклюзию в отношении евреев и гастарбайтеров из Средней Азии практически не изменилась: 15–17% в первом случае и 29–30% во втором (что находится в пределах допустимой стандартной

шенных «очень часто» и «довольно часто» чувствуют враждебность к людям других национальностей, что на 19 п.п. выше, чем показатель ощущения враждебности по выборке в целом.

ошибки измерения для общероссийских опросов). Несколько заметнее поддержка негативной установки снизилась в отношении чеченцев (с 38 до 22%), китайцев (с 32 до 27%) и, напротив, повысилась или ужесточилась в отношении цыган (с 35 до 43%), темнокожих (с 26 до 33%) и особенно украинцев (с 13 до 22%). Скачок в последнем случае, несомненно, вызван политическими причинами, главным образом государственной пропагандой. Именно это обстоятельство заставляет обратить особое внимание на условия и инструменты активизации ксенофобии и этнического негативизма; данный пример может служить моделью раскручивания этнических кампаний дискриминации и вражды.

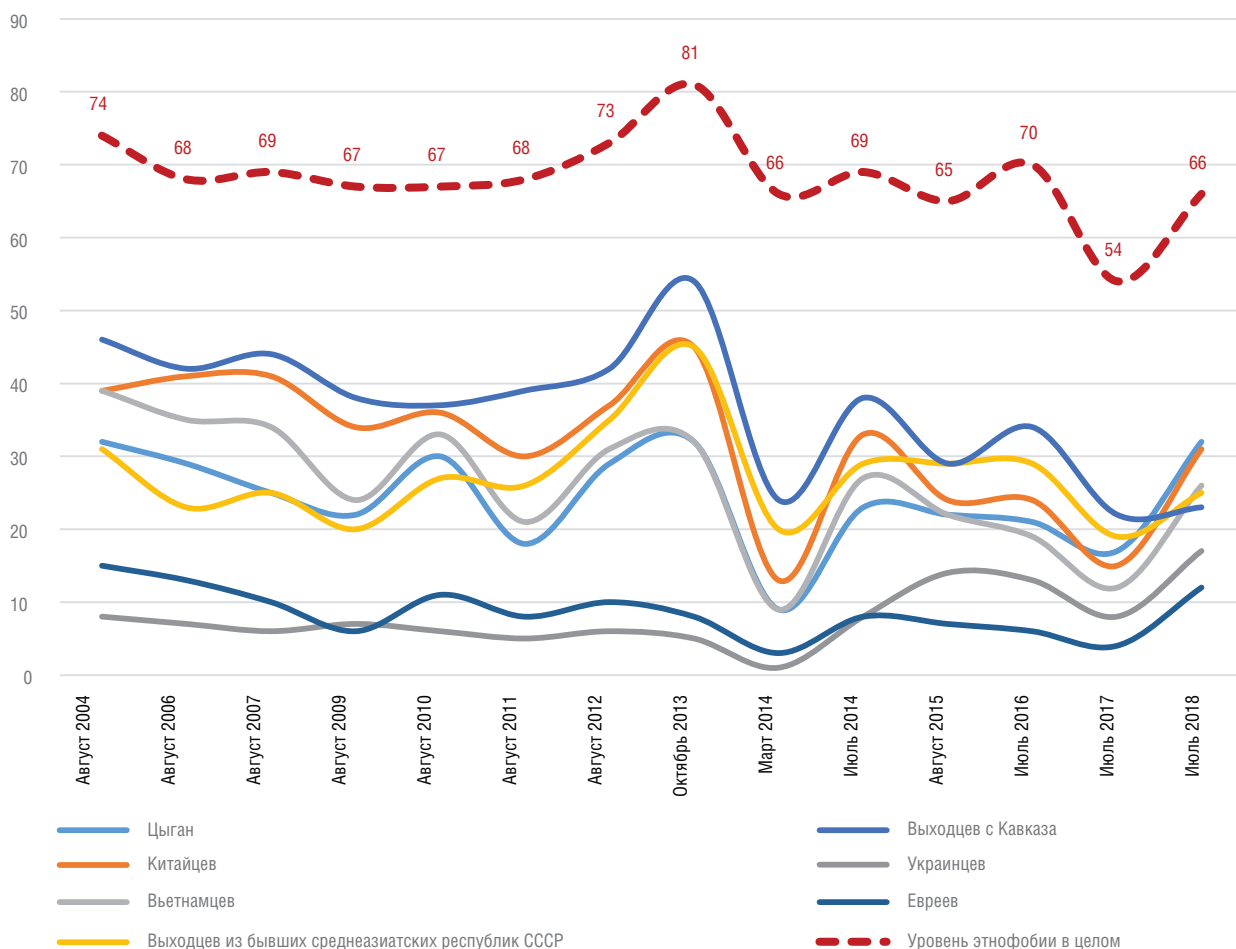
Распределение ответов на вопрос, который измеряет крайнюю степень установки на этнический изоляционизм, демонстрирует рост антицыганских настроений. Согласно данным

замера в июле 2018 года, цыгане возглавили рейтинг по нежелательности проживания в РФ среди россиян. Следует обратить внимание, что за последний год произошло перераспределение антипатий: ранее население демонстрировало высокий уровень поддержки изоляционистских установок в отношении выходцев с Кавказа и выходцев из Средней Азии, сейчас — в отношении цыган (32%) и китайцев (31%).

Цель вопроса на социальную дистанцию сводится к пониманию допустимой границы взаимодействия с «другим». В исследовании эта дистанция измерялась вопросом с семипозиционной шкалой: от выраженной толерантности, когда человек готов вступить в брак или принять в качестве родственника человека с иной этнической или расовой принадлежностью, до крайней степени неприятия — отказа видеть «другого» в своей стране (рис. 2).

Рисунок 1

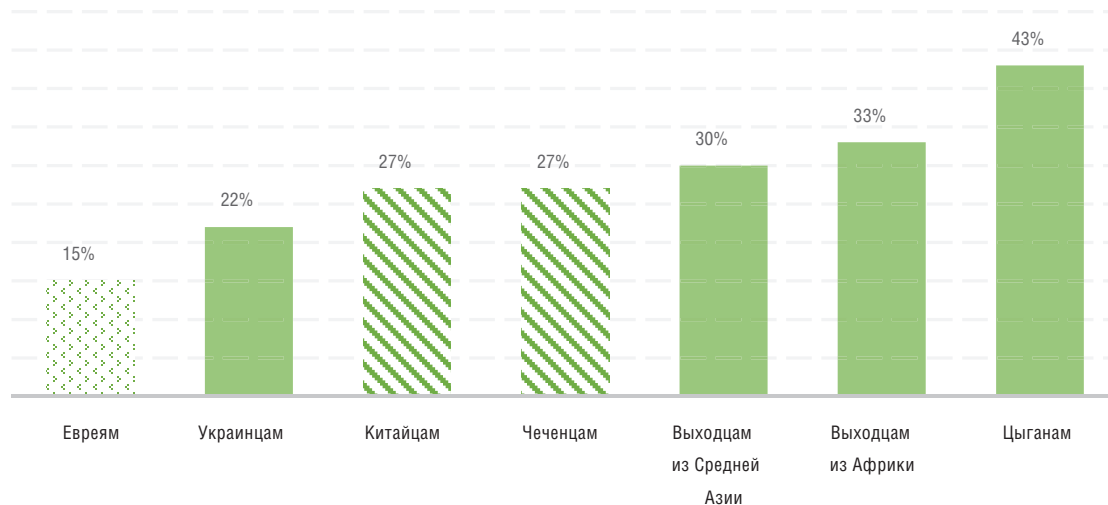
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ ОГРАНИЧИТЬ ПРОЖИВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ... (в процентах; респонденты могли дать более одного ответа)

N = 1600

Рисунок 2

САМАЯ СИЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ К... (доля респондентов в июле 2018 года, поддерживающих позицию «не пускал(а) бы их в Россию», в процентах)

$N = 1600$

Согласно рис. 2, самая жесткая (негативно окрашенная) социальная дистанция у россиян выражена к цыганам: в июле 2018 года 43% опрошенных сказали, что «не пускали бы» их в Россию. На втором и третьем местах поддержка изоляционистских барьеров в отношении темнокожих (33%) и выходцев из Средней Азии (30%). Каждый четвертый россиянин «не пускал бы» в страну китайцев и чеченцев (по 27%), а каждый пятый — украинцев (22%). Минимальный уровень поддержки позиции на запрет проживания в стране — из предложенных для выбора — фиксируется в отношении евреев,

Таблица 4

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО ЕСТЬ НАРОДЫ, КОТОРЫЕ САМА ИСТОРИЯ ПОСТАВИЛА ВЫШЕ ДРУГИХ НАРОДОВ?

	1992 апрель	2015 сентябрь	2018 август
Согласен	22	28	27
Не согласен	61	66	64
Затрудняюсь ответить	17	6	9
Число опрошенных	1600	1200	1600

Таблица 5

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ ИЛИ НЕТ, ЧТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ БЫ КАЖДЫЙ НАРОД ЖИЛ ТОЛЬКО НА СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ?

	1997 октябрь	1999 апрель	2015 сентябрь	2018 август
Согласен	36	39	46	41
Не согласен	38	38	45	54
Мне все равно, эта проблема меня не интересует	21	—	—	—
Затрудняюсь ответить	5	23	9	6
Число опрошенных	1500	2000	1200	1600

которых «не пускали бы» 15% россиян. Ранее «Левада-Центр» неоднократно отмечал снижение антисемитизма в России за последние годы и рост благожелательного отношения русского населения к евреям [Гудков и др., 2016]¹.

Представления о социальном и национальном неравенстве

Подобные представления являются рудиментами традиционной социально-институциональной иерархии положения людей в досоветской и советской России (СССР). Административное членение территорий и органов

¹ Гудков Л.Д., Зоркая Н.А., Кочергина Е.В., Лёзина Е.В. Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2.

власти, вытекающие отсюда неравенство прав, наличие всевозможных привилегий (сословных, номенклатурных, ведомственных, региональных, конфессиональных и т.п.) отразились и в устойчивости взглядов определенной части россиян (примерно четверти населения) на структуру этнонациональных образований и отношений, получающих как бы «историческое» идеологическое оправдание (табл. 4 и 5).

За четверть века особых изменений в этом отношении не произошло. Можно отметить лишь слабое влияние «крымского синдрома» — рост на 5–6 п.п. при стандартном допуске колебаний в 3,4% (соотношение да/нет составляет 0,36–0,42). Но если сформулировать вопрос более четко, направив его на выявление скрываемого комплекса имперского превосходства (за которым таится комплекс гражданской и социальной неполноценности частного индивида), мы получим совсем другую картину: претензии на доминирование за тот же период выросли более чем вдвое — с 20 до 46% (табл. 6). После распада СССР и отделения союзных республик, ставших с большим или меньшим успехом национальными государствами или диктатурами, опирающимися на этническое большинство населения (титовские, или коренные, народы), в России медленно, но уверенно растет стремление к гомогенизации национального состава и соответственно укрепляются претензии на доминирующее положение русских. Под влиянием идеологической политики возрождения «сильной России», возвращения к «традиционным ценностям русских» происходит процесс реабилитации и восстановления имперского сознания или этнической иерархии, ослабляется сознание необходимости формирования гражданской нации (коллективной идентичности, основывающейся на общности политических институтов, прав и свобод, соответственно отодвигающей проблематику равенства прав этнических, религиозных объединений и общностей на задний план), снижается иммунитет по отношению к неприятию любого потенци-

ального, в том числе этнонационального, неравноправия.

Претензии на доминирующие позиции русских к настоящему времени все же не стали господствующими, они уравновешиваются более трезвыми, толерантными и политически более рациональными представлениями о гражданском равенстве всех живущих в России.

Однако доля последних уменьшилась почти в полтора раза за 26 лет: с 65 до 44% (табл. 6).

Реакции защиты «своих» (т.е. русского большинства) коснулись главным образом требования ограничить доступ к символическим позициям во власти и в гораздо меньшей степени к социально-репродуктивным институтам. Представление, что верховная власть и силовые структуры (армия, полиция, спецслужбы) должны быть представлены только этнически русскими — репрезентирующим «государствообразующий народ», которым доверяет большинство, — разделяли в последние 20 лет больше половины опрошенных: 53–55% (лишь в 2018 году эта цифра снизилась до 48%, с учетом допустимой стандартной погрешности измерения снижение составило 2–3 п.п.). Для силовых структур изменений практически нет — тут волна желания ограничить доступ для «инородцев», заметная в 2000-е и 2010-е, сегодня откатилась на уровень середины 1990-х. Иначе говоря, готовность одобрить подобные дискриминационные меры, если власти предпримут такие действия, проявившаяся во второй половине 1990-х, остается на высоком уровне и сохраняется практически без изменений.

Другое дело, готовность ограничить допуск абитуриентов по этнонациональным критериям к высшему и среднему образованию поднялась с 9 до 18%; поставить барьеры при приеме на работу «нерусских» учителей и преподавателей в средней и высшей школе — с 19 до 33%, ввести селекцию этнических кадров при приеме на работу в средствах массовой информации и коммуникации несколько усилилась — с 21 до 28–29%.

Таблица 6

С КАКИМ ИЗ ПРИВЕДЕННЫХ НИЖЕ СУЖДЕНИЙ ВЫ БЫ СКОРЕЕ МОГЛИ СОГЛАСИТЬСЯ?

	1992 апрель	1999 апрель	2018 август
Русские в России при занятии государственных должностей должны иметь определенные преимущества перед людьми других национальностей	20	31	46
Русские не должны иметь никаких преимуществ перед людьми других национальностей при занятии государственных должностей	65	48	44
Затрудняюсь ответить	15	21	10
Число опрошенных	2100	2000	1600

Рисунок 3
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ ПРИНИМАТЬ ВО ВНИМАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ПРИ...
(динамика по годам)

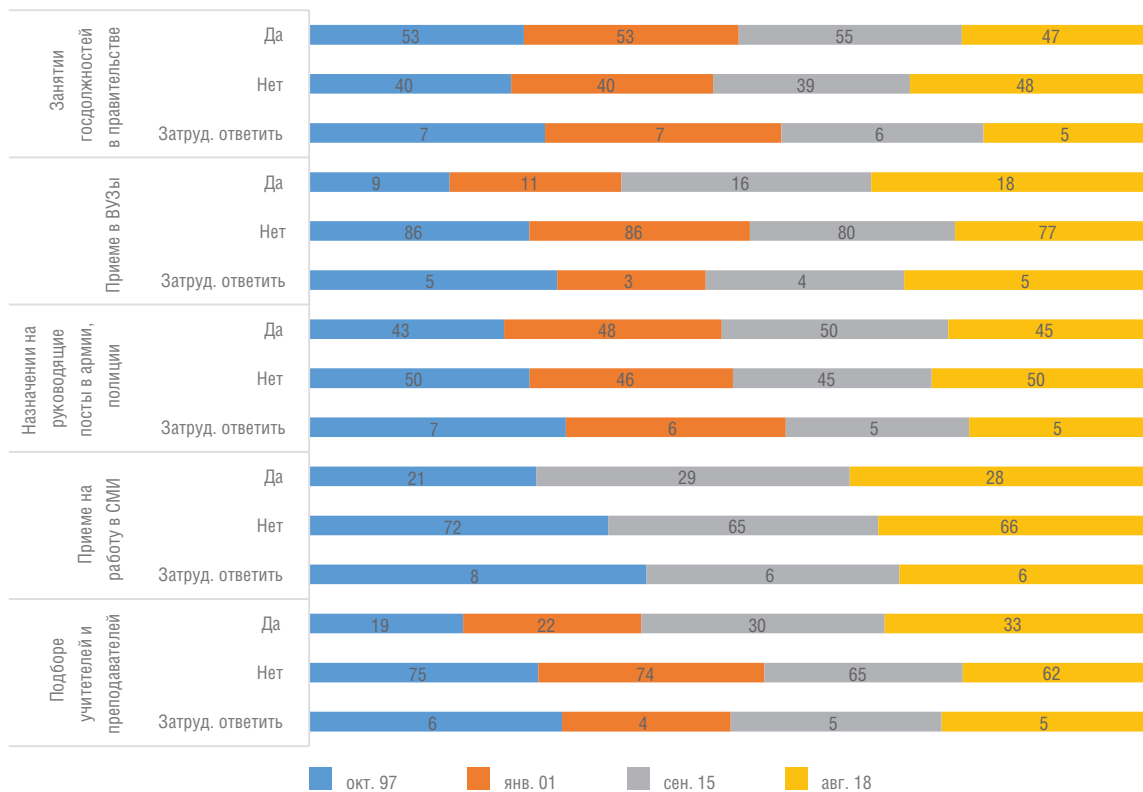
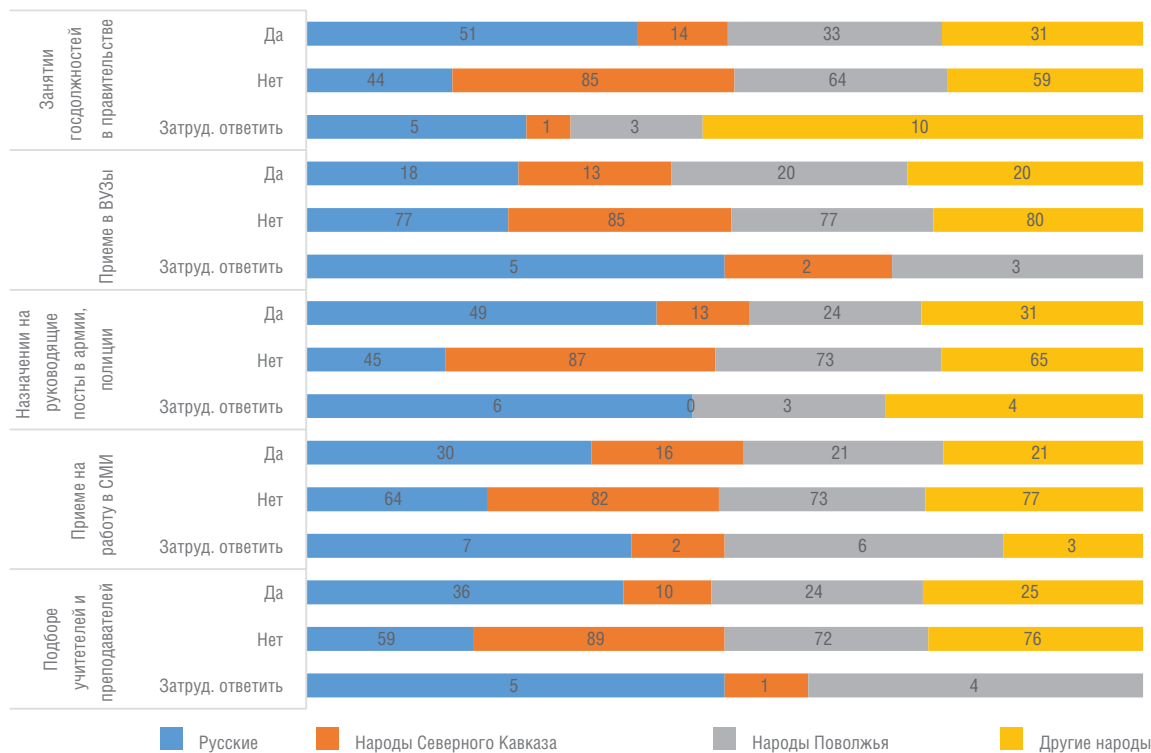

Рисунок 4
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ ПРИНИМАТЬ ВО ВНИМАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ПРИ...
(по национальному составу)

Во всех ответах на эти диагностические вопросы русские респонденты оказываются в большей степени склонны к дискриминационным ограничениям, чем этнически нерусские. В особенности это относится к властным позициям, силовым структурам и системе образования. Расхождения во мнениях групп русских и других национальностей, попадающих в выборку общероссийских массовых исследований, составляют от полутора до трехкратных величин. Дискриминационный эффект ксенофобских установок русских здесь не вызывает сомнений.

Данные социологического опроса свидетельствуют, что среди русских (т.е. доминантного большинства населения) большинство (51 против 40%) выступает за предоставление дополнительных преимуществ и гарантий русским при занятии значимых социальных позиций. Напротив, представители различных этноконфессиональных общностей (в основном мусульмане) решительно высказываются против такой политики. 72% опрошенных среди респондентов, принадлежащих к народам Северного Кавказа, 58% — к народам Поволжья (татары, башкиры и др.), 63% — к другим этнонациональным меньшинствам (последние приводятся здесь суммарно, в силу численно малых групп, получаемых при данном дизайне и размере выборки, различия между которыми статистически незначимы).

Формально это предполагает введение обязательно-принудительной государственно сертифицированной идентификации этнонациональной принадлежности в виде соответствующей записи в паспорте при рождении, далее не подлежащей изменению (*5-й пункт в советском паспорте*). За восстановление этой практики выступают 45% русских (столько же против); среди респондентов других наци-

ональностей за этническую паспортизацию высказываются существенно меньшее число опрошенных, 33–37%, и гораздо больше настроенных против — 56–59%.

Подобное распределение, которого не было в 1990-е, означает слабое, но все же последовательно усиливающееся стремление к обеспечению определенных позиций для большинства русского населения, чувствующего свою незащищенность и неуверенность в ближайшем будущем. Характер мнений среди русского большинства указывает, что сама по себе эта проблема не слишком заботит людей (соотношение «за» и «против» соответствующих изменений выражено слабо — 1,3; в сравнении с этим у людей с другой этнической идентификацией оно выражено гораздо более контрастно — от 0,19 до 0,56).

Оправдание этнического неравенства

Основания для апологии доминирования русских носят давний и хорошо известный характер: это сочетание фрустрированного распадом империи и великой державы сознания большинства и массовый ресентимент населения, ищущего причины своей бедности и зависимости, коллективной неполноценности вовне, нуждающегося в своего рода козле отпущения, жертве, на которую можно свалить все неудачи, трудности повседневной жизни. Поэтому здесь так сильно действуют аргументы государственного «патриотизма»: бескорыстного самопожертвования русских ради государства (в основном декларативного), оправдания государственного произвола в советские времена, завистливый комплекс, представление о за- силые и могуществе «нерусских», приведших к разного рода бедствиям России (от революции до навязанных демократами-западниками стране реформ) (табл. 8–12).

Таблица 8

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО НЕРУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОДЛИННЫМ ПАТРИОТОМ РОССИИ?

	2015 сентябрь	2018 август
Согласен	31	27
Не согласен	61	65
Затрудняюсь ответить	8	8
Число опрошенных	1200	1600

Таблица 9

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В РОССИИ ЖИВУТ В ЦЕЛОМ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ РУССКИХ?

	2004	2005	2006	2018
Значительно лучше	17	11	10	8
Несколько лучше	21	20	19	17
Примерно так же	34	44	43	47
Несколько хуже	13	14	12	13
Значительно хуже	4	2	3	2
Затрудняюсь ответить	11	9	13	13
Лучше/хуже	2,2	1,9	1,9	1,7

N = 1600

Таблица 10

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ИМЕЮТ СЛИШКОМ МНОГО ВЛАСТИ В НАШЕЙ СТРАНЕ?

	2004	2005	2006	2009	2017	2018
Определенно да	16	15	12	11	11	11
Скорее да	31	31	26	24	22	23
Скорее нет	34	30	32	27	28	39
Определенно нет	11	16	19	20	20	14
Затрудняюсь ответить	8	8	11	18	19	13
Число опрошенных	1600	1900	1600	1600	6000	1600
Да/нет	1,04	1,0	0,75	0,74	0,69	0,64

Таблица 11

ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕТ СО СЛЕДУЮЩИМ МНЕНИЕМ: В СЕГОДНЯШНИХ БЕДАХ РОССИИ ВИНОВАТЫ ЖИВУЩИЕ НА ЕЕ ТЕРРИТОРИИ ЛЮДИ НЕРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ?

	1999 февраль	2018 август
Да, согласен	7	8
Скорее согласен	14	16
Скорее не согласен	27	40
Нет, не согласен	44	27
Затрудняюсь ответить	8	9

N = 1600

Анализируя динамику массовых представлений (табл. 8–11), можно сказать, что за 15–18 лет заметно уменьшается доля массового этнически окрашенного ресентимента, завистливо настроенных или ущемленных респондентов и, напротив, несколько увеличивается массив тех, кто не склонен к ксенофобским взглядам и позициям (отрицает привычные дискриминационные стереотипы). Идет явное снижение мнений, что «нерусские живут лучше» (с 38 до 25%, при том что мнение «нерусские живут хуже русских» остается практически на том же уровне — 17–15%). Уменьшается доля мнений о «слишком большой власти», которую имеют национальные меньшинства» (с 47 до 34%). Сохраняется представление о том, что социальные различия (как основа массовой зависти и переноса собственных комплексов и фрустраций на

других) не определяются принадлежностью к тем или иным этническим группам. Эти сдвиги можно рассматривать как эрозию социальных оснований ксенофобии. Кроме того, в целом категоричность всех ксенофобских мнений несколько стерлась.

Тем не менее свыше 20% опрошенных по-прежнему готовы винить «инородцев» в том, что они причина неудовлетворительного положения дел в России, сегодняшних бед страны, перенося ответственность с собственной общественно-политической пассивности и осознания своей беспомощности на воображаемых врагов или «чужих», предателей и т.п. Этот компонент массового сознания чрезвычайно важен для понимания авторитарных тенденций в российском обществе и основы потенциального агрессивного антисемитизма и ксенофобии.

Антисемитская составляющая русского национализма

В сравнении с отношением к другим этническим группам общественное мнение в России о евреях сохраняет известную благосклонность и отсутствие агрессии и неприязни. Это можно заметить на выражении минимальной готовности к установлению социальной дистанции и другим рестрикционным мерам и действиям (табл. 1, рис. 2). Но это же можно сказать и об идеологической составляющей антисемитизма, базовом компоненте русского конспирологического национализма (если брать плоскость антиеврейских взглядов), а именно о тезисе существования мирового еврейского заговора. Последние четверть века (после ослабления цензуры в период перестройки и выхода на поверхность наиболее темных, черносотенных, предрассудков русского национализма) знают о таком мифе примерно треть населения, лишь последний замер этого года показал заметное сокращение информированности о данной идеологии. Пока трудно сказать, с чем мы имеем дело: со случайной флуктуацией замеров или с обозначившейся тенденцией вытеснения этого тезиса из массового сознания по причинам его ухода из информационного поля.

Из тех, кто слышал о заговоре, обычно лишь 3–4% фанатично верят в его существование, еще 11–13% допускают высокую вероятность его существования (но не имеют достаточных аргументов для обоснования своей веры); именно они оказываются готовой почвой для подхватывания подобных идей и агрессии. Остальные принимают этот тезис без каких-либо рассуждений или критических соображений.

Примечательно, что, хотя в столицах и больших городах (например, в Москве) информированность о таком мифе распространена значительно шире, чем в провинции, в средних и малых городах, в селе вера в реальность заговора существенно ниже: соотношение «знающих» и «верящих» в Москве составляет 0,4 (19 и 44%), в крупных городах — 0,6, в средних — 0,8, в малых — 0,9, в селе — 1,2 (в последнем случае преобладает уверенность в заговоре, хотя слышали о нем здесь вдвое меньше, чем в Москве, — 21 и 44%). Социально-демографический анализ распределения мнений о существовании заговора указывает на социальную среду, в которой сохраняется и воспроизводится этот миф (табл. 14б): это наиболее фрустрированные в социальном плане группы мужчин среднего и старшего возраста, со средним уровнем образования, невысокими или низкими доходами, занимающих неустойчивое социальное положение (нижние слои среднего слоя) и живущие чаще в небольших городах.

Примечательно, что выросшая к концу 1990-х убежденность в существовании сионистского заговора распространена намного меньше, чем вера в существование некоего (не еврейского) мирового заговора против России. Такие представления еще в сентябре 2004 года разделяли 45% опрошенных, не разделяли лишь 39%, а 16% затруднились ответить. Позднее такие вопросы «Левада-Центром» не повторялись.

Вместе с тем подчеркнем один крайне важный момент: ослабление **иммунитета** против угрозы формирования наиболее опасных с общественной точки зрения организованных

Таблица 12

ИНОГДА МОЖНО УСЛЫШАТЬ О ТОМ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ МИРОВОЙ СИОНИСТСКИЙ ЗАГОВОР, НАПРАВЛЕННЫЙ НА УСТАНОВЛЕНИЕ ГОСПОДСТВА ЕВРЕЕВ НАД ДРУГИМИ НАРОДАМИ. ВЫ СЛЫШАЛИ ИЛИ НЕ СЛЫШАЛИ О ТАКОМ ЗАГОВОРЕ?

	1990 декабрь	1992 апрель	1997 октябрь	1999 сентябрь	2015 сентябрь	2018 август
Да, слышал	32	33	32	34	34	25
Нет, впервые слышу	68	67	68	66	66	75
Число опрошенных	1700	1570	1500	1200	1600	1600

Таблица 13

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ТАКОЙ ЗАГОВОР НА САМОМ ДЕЛЕ?

а) динамика мнений

	1990 декабрь	1992 апрель	1997 октябрь	1999 сентябрь	2018 август
Да, существует	7	11	13	16	17
Нет, не существует	24	29	38	40	56
Затруднились ответить	69	60	49	44	27
Число опрошенных	1700	1600	1500	1200	1600

Продолжение табл. 13

б) распределение полученных ответов в зависимости от социально-демографических характеристик опрошенных

	Существует	Не существует	Затруднились ответить	Да/нет
Мужчины	20	57	23	0,35
Женщины	15	56	29	0,27
Возраст				
18–24 года	9	68	23	0,13
25–39 лет	17	59	24	0,29
40–54 года	22	56	22	0,39
55 лет и старше	16	51	33	0,31
Образование				
Высшее	16	61	23	0,26
Среднее специальное	19	54	27	0,35
Среднее	16	57	27	0,28
Неполное среднее и ниже	17	42	41	0,4
Потребительский статус				
Бедные	18	50	32	0,36
Нуждающиеся	18	55	27	0,33
С умеренным достатком	15	63	22	0,24
Тип поселения				
Москва	19	70	11	0,27
Большой город (свыше 500 тысяч жителей)	17	60	23	0,28
Средний город (от 100 до 500 тысяч)	18	51	31	0,35
Малый город (до 100 тысяч)	15	60	25	0,25
Село	18	49	34	0,37

Август 2018 года, N = 1600

движений радикальных националистов. Они впервые обнаружили в публичном пространстве в годы перестройки, когда снятие цензуры и легализация разных общественно-политических сил произвела впечатление полной свободы для всех, в том числе и для русских нацистов. Появление радикальных изданий (мелких, но откровенно агрессивных) вызвало шок и чувство угрозы. Оно было осознано как опасность русского фашизма и стало причиной консолидации демократических сил, понимающих необходимость борьбы с этими явлениями. При этом под русским фашизмом часто понимались самые разные проявления, от скинхедов и агрессивных молодежных группировок контркультурного характера, демонстрирующих свой нонконформизм путем ношения нацистской символики, до выступлений респектабельных политиков и деятелей, принадлежащих к «Союзу русских писателей». Сегодня, кажется, иммунитет и сознание опасности такого рода явлений заметно ослабли.

Причины этого лежат в общем стремлении большинства обеспечить приоритеты и преимущества русских, закрепить их в виде ряда социальных привилегий и гарантий при доступе к социальным позициям и распределения социальных благ и ресурсов, с одной стороны, а с другой — отчетливо выраженной тенденции к укреплению русского национализма, поддержанного всей внутренней и внешней политикой государства, — «возрождением России как великой державы», возвращением к традиционным ценностям, корням, пропагандой милитаризма и имперского величия, ставших особенно заметными после подавления оппозиционных выступлений в 2011–2013 годы и «крымской патриотической мобилизации». Во всяком случае, широко распространенные опасения перед появлением русского фашизма, фиксируемые социологическими методами еще в середине 2000-х, к настоящему времени заметно ослабли (табл. 13). Доля мнений, что фашистов в России нет или ста-

Таблица 13

ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ ФАШИСТЫ, ЕСЛИ ДА, ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ИХ СТАЛО БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ?

	2004 август	2006 август	2018 август
Есть, стало больше	47	53	26
Есть, стало меньше	17	12	25
Нет	15	13	24
Затрудняюсь ответить	22	23	25

N = 1600

Таблица 15

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ФАШИСТАМИ ТЕХ, КТО... (ответы ранжированы по убыванию по второму столбцу, 100% по строке)

	Определенно это фашисты + скорее это фашисты	Вряд ли это фашисты + определенно это не фашисты	Затруднились ответить	Разница определенных мнений
Выступает под лозунгом «Россия для русских»	20	69	11	-49
Требует предоставления русским преимуществ как государствообразующей нации	24	59	17	-35
Рассуждает о превосходстве русских над прочими нациями	39	47	14	-8
Исповедует расовую или национальную нетерпимость	59	28	14	+31
Использует фашистскую символику	72	19	9	+52

ло меньше, увеличилась с 32 до 49%, что «они есть и их стало больше» — сократилась вдвое (с 47–53 до 26%).

Отметим прежде всего слабое понимание того, что такое фашизм, размытость представлений о том, кого следует понимать под фашистами. Настоящий опрос показывает, что уходит сознание: фашизм — это определенные институциональные практики и идеологии расовой и национальной исключительности, национального и этнического превосходства, все сильнее акцент ставится на внешних признаках (табл. 15). При этом (вопреки диффузным и аморфным требованиям предоставления русским особых прав и преимуществ) большинством отрицается эта потенциальная особенность развития русского национализма. Фашисты — это преимущественно те, кто носят или используют фашистскую символику (для радикальной самодемонстрации или идентификации себя в таком качестве — 72%), исповедуют расовую или национальную нетерпимость, но без привязки к собственно русским националистам (59%), в меньшей степени — те, кто рассуждает о превосходстве русских над прочими нациями (39%). Последних заметно меньше, чем отрицающих фашизоидный характер таких утверждений.

Поддержка ксенофобских лозунгов

В последние годы этнический (в том числе русский) национализм практически исчез из российской политической повестки и партийной борьбы. Вместе с тем его наследие в виде лозунгов «Россия для русских» и «Хватит кормить Кавказ» находит поддержку у населения и в настоящее время. Теоретические дискуссии о том, следует ли понимать одобрение данных лозунгов как проявление ксенофобии или они в целом не противоречат идее добрососедства русского (доминирующего) большинства с остальными этническими группами и меньшинствами, остаются за рамками данной статьи. Однако необходимо отметить, что анализ тех россиян, кто в рамках массовых опросов выражает симпатию подобным лозунгам, демонстрирует большой уровень поддержки этнического изоляционизма, ощущения межнационального дискомфорта и мигрантофобии в их среде, чем в среде противников этих лозунгов или тех, кому они неинтересны. И чем выше степень поддержки, тем выше одобрение других возможных ксенофобских мер и идей [Пипия, 2017]¹.

¹ Пипия К.Д. К пониманию одного ксенофобского лозунга «Россия для русских» // Вестник общественного мнения. 2017. № 3–4.

Если обратиться к тому, как население понимает лозунг «Россия для русских», то можно увидеть, что каждый второй рассматривает его в первую очередь как государственную поддержку русской культуры и традиций. За ограничительные меры в отношении «нерусских» этнических групп выступает меньшее количество опрошенных. Вместе с тем понимание лозунга дифференцируется в зависимости от этнической принадлежности респондентов. Выборка данного исследования не предоставляет возможности дифференцировать при анализе ответы людей с более или менее дробной этнической самоидентификацией. Поэтому в данном случае мы разделяем массив опрошенных на респондентов, относящихся к «русским», и тех, кто причислил себя к другой этничности.

Респонденты с «нерусской» этнической принадлежностью реже, чем русские, понимают под этим лозунгом государственную поддержку русской культуры и русских традиций (40 против 52%). Они также в 2 раза реже отмечают, что этот лозунг свидетельствует об административном контроле за действиями других

этнических групп, которые выказывают враждебность ценностям и традициям русского народа (15 против 30%); реже понимают под ним преимущества при занятии государственных и руководящих должностей, привилегии при поступлении в вузы (20 против 24%).

Таким образом, нельзя однозначно рассматривать поддержку лозунга «Россия для русских» только как желание большей со стороны государства поддержки русской культуры, потому что более чем для трети респондентов она свидетельствует об этнической изоляции, дискриминации на рынке труда и в образовательной сфере, административном контроле «нерусских» этнических групп. (На это отчасти указывает избирательность со стороны полиции при досмотре в метро и на транспорте, так называемый racial profiling, когда досматривают тех, кто этнически и визуально отличается от большинства и рассматривается как потенциальный нарушитель общественного порядка.)

Ранее мы указывали на снижение уровня поддержки лозунга «Россия для русских», которая в 2017 году достигла минимального значе-

Рисунок 5

ЧТО, ПО-ВАШЕМУ, ОЗНАЧАЕТ ЛОЗУНГ «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ»? (респондентам предлагалась карточка, они могли выбрать более одного ответа; в процентах)

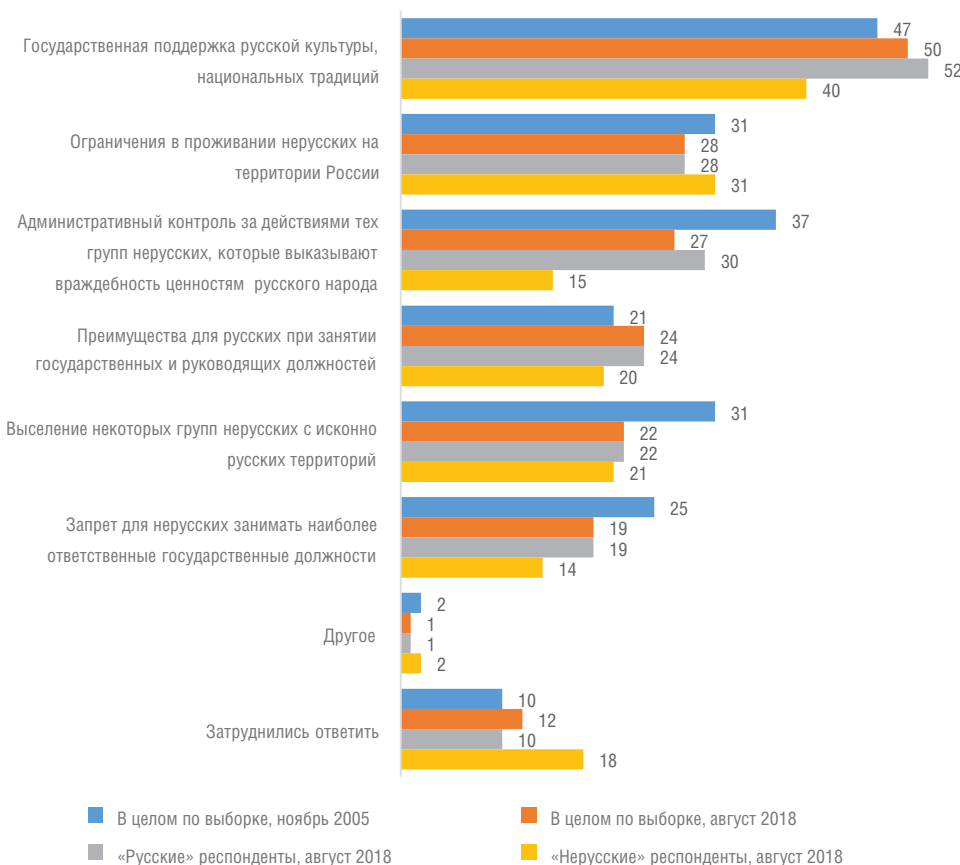
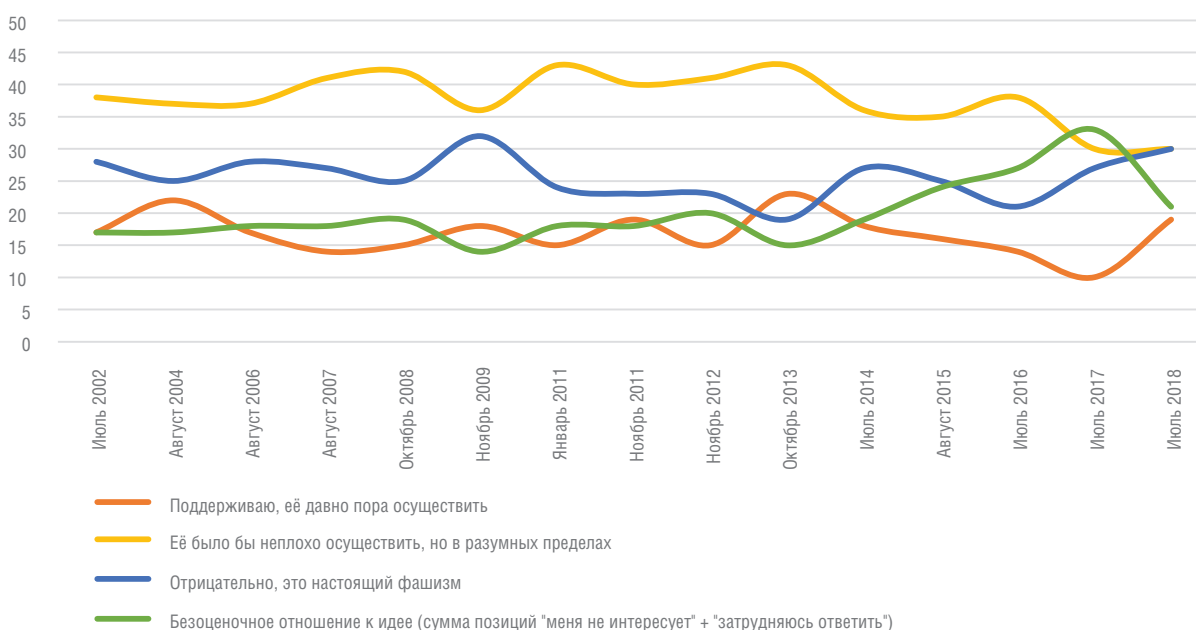

Таблица 17
ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ЛИ ВЫ ЛОЗУНГ «ХВАТИТ КОРМИТЬ КАВКАЗ?»

	В среднем по выборке						Этническая принадлежность (2018 г.)	
	2011 XI	2012 XI	2013 X	2014 VII	2017 I	2018 VII	«Русские»	«Нерусские»
Определенно поддерживаю	28	26	35	19	16	21	23	13
Скорее поддерживаю	34	39	36	33	28	24	26	14
Скорее не поддерживаю	18	17	15	23	25	26	26	25
Определенно не поддерживаю	6	6	3	10	15	18	14	39
Затруднились ответить	15	11	11	15	16	11	11	9
Число опрошенных	800	800	800	800	1600	1600		

Рисунок 6
ДИНАМИКА ПОДДЕРЖКИ ИДЕИ «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ»

ния за все годы замеров. Однако в 2018 году его поддержка стабилизировалась, вернувшись к более привычным значениям. Причем это произошло за счет роста числа тех опрошенных, кто выбирал самую радикальную форму согласия — «поддерживаю, ее давно пора осуществить»: с 10% в 2017 году до 19% в 2018 году. На 12 п.п. сократилась доля россиян с безоценочным отношением (тех, кому эта проблематика неинтересна, и тех, кто затруднился ответить на данный вопрос).

Динамика общественного мнения в отношении лозунга «Хватит кормить Кавказ», появившегося в ходе второй чеченской войны, более устойчива. За год его суммарная поддержка не изменилась: 44% в 2017 году против 45% в 2018 году. Отчасти это коррелирует с данными об этническом изоляционизме, в котором «выходцы с Кавказа» перестали домини-

ровать как наиболее нежелательные этнические группы (в отличие от цыган, китайцев и пр., отношение к которым за год обострилось). Различия в поддержке этого лозунга между «русскими» и «нерусскими» этническими группами не исчезли — первые в 2 раза чаще демонстрируют суммарное одобрение — 49 против 27%. Однако в настоящее время негативный образ «выходцев с Кавказа» перестал быть фокусом этнической ксенофобии среди населения России.

На снижение актуальности радикальной националистической риторики указывает и распределение ответов на проективный вопрос о количестве русских, которые разделяют крайние националистические взгляды (его можно рассматривать как индикатор восприятия этнического национализма в качестве общественной проблемы). Если в 2004–2011 годах преобладало мнение о том, что «русских наци-

оналистов стало больше» в последние годы, то сейчас в целом по выборке оценки распределены практически равномерно. Это указывает на отсутствие сформированного массового мнения: 35% опрошенных считают, что «стало больше», 32% — их число «осталось прежним», 21% — что «стало меньше».

Такая слабая поляризация мнений характерна как для респондентов с русской этнической принадлежностью, так и для носителей иной этничности. Более того, «нерусские» участники исследования (те, кто потенциально мог стать объектом подобных националистических групп и, по идее, должен быть более чувствителен к восприятию подъема подобных националистических настроений в обществе) чаще указывают на снижение доли националистов в обществе (на 9 п.п.). Напротив, «рус-

ские» респонденты чуть чаще отмечали рост числа русских, которые разделяют крайние националистические взгляды (на 6 п.п.), хотя распределение мнений в обеих группах существенным образом не дифференцируется.

Мотивация тех участников исследования, которые ощущают подъем русского национализма в обществе, обосновывается поведенческим и экономическим факторами. 43% респондентов, которые указали на рост русского национализма, объясняют его «вызывающими действиями, поведением национальных меньшинств» и терактами, по сути, рассматривая кажущийся подъем как вынужденный механизм защиты от «чужих». Вторым по популярности мотивом стали «плохие условия жизни в России», который исследователи часто трактуют как ресентимент — перенос раздражения

Таблица 18

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧИСЛО РУССКИХ, КОТОРЫЕ РАЗДЕЛЯЮТ КРАЙНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ, ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТАЛО БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ, ЧЕМ 5-6 ЛЕТ НАЗАД?

	2004 XII	2005 XI	2006 XII	2011 VIII	2018 VIII	Этническая принадлежность, 2018	
						«Русские»	«Нерусские»
Стало больше	58	55	47	52	35	36	30
Стало меньше	8	8	10	14	21	20	29
Осталось прежним	20	24	25	21	32	32	27
Затруднились ответить	14	13	18	14	13	12	15
Число опрошенных	1600	1600	1600	800	1600		

Таблица 19

КАКОВА, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА РОСТА РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ В НАШИ ДНИ? (в процентах от тех респондентов, кто считает, что стало больше; респондентам предлагалась карточка, они могли выбрать более одного ответа)

	2004 XII	2005 XI	2006 XII	2011 III	2018 VIII	Этническая принадлежность, 2018	
						«Русские»	«Нерусские»
Национальные предрас- судки русского населения	3	4	5	5	11	10	16
Вызывающие действия, поведение национальных меньшинств	20	22	30	44	32	33	24
Плохие условия жизни в России	24	23	30	21	29	29	27
Террористические акты последних лет	32	33	16	15	11	11	9
Власти слабы и не могут справиться со вспышками национализма	8	4	5	6	3	3	4
Власти не хотят бороться с национализмом, заинтересованы в его раздувании	8	5	8	4	7	7	6
Другое	<1	1	1	<1	2	1	3
Затруднились ответить	4	8	5	4	7	7	10
Число опрошенных	1600	1600	1600	800	1600		

и недовольства на «других» (в данном случае этнически отличных), служащий причиной роста ксенофобии и национализма в обществе (на это указывала, например, Л. Гринфельд).

Финансовое неблагополучие оказывает влияние на формирование установок в сфере межэтнических отношений и в поддержке национализма. На это указывает распределение ответов на вопрос о причинах подъема русского национализма в зависимости от самооценок респондентами своей жизненной ситуации, положения своей семьи.

Если среди опрошенных, которые довольны своим положением, и тех, кто готов терпеть трудности, доминирует *защитное* понимание национализма, то среди респондентов, которые признаются, что их «бедственное положение терпеть уже невозможно», практически каждый второй указывает на плохие условия жизни как причину роста националистических настроений. Несмотря на то что прямую связь между экономическим фактором и ксенофобскими настроениями установить практически невозможно, напрашивается вывод о том, что до тех пор, пока население готово адаптироваться к трудностям, ксенофобия сдерживается, но, как только наступает признание невозможности дальше терпеть, приспосабливается или активизируется ресентиментное сознание, начинается поиск «другого», виноватого в сложившихся обстоя-

тельствах. Например, суммарная поддержка лозунга «Хватит кормить Кавказ» в 3 раза выше среди самой неблагополучной группы респондентов в сравнении с теми, кто ответил, что у них «все в полном порядке» (62 против 22% соответственно).

Каждый десятый участник опроса считает, что основная причина роста русского национализма — это «национальные предрассудки русского населения» (среди «русских» респондентов это мнение поддерживают 10% опрошенных, среди «нерусских» — 16%). Примечательно, что в российском общественном мнении слабо выражена связь национализма и политики властей, в отличие от нынешней ситуации в США, где действия президента и его администрации часто критикуются за явную националистическую и популистскую риторику, провоцирующую рост ксенофобии среди населения.

«В чужой монастырь со своим уставом не ходят»

Часто разграничение ксенофобии и расизма (который никогда не был актуальной проблемой в советской или постсоветской истории страны) проходит по двум основаниям. Первое — это понимание природы феномена, скорее биологической у расизма и социально обусловленной у ксенофобии. Второе — степень институализации и, следовательно, территори-

Таблица 20

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИЧИНАХ ПОДЪЕМА РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ САМООЦЕНОК РЕСПОНДЕНТАМИ СВОЕГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОЛОЖЕНИЯ СВОЕЙ СЕМЬИ (в процентах от тех респондентов, кто считает, что стало больше)

	Тип адаптации			
	Все в полном порядке	Все не так плохо, и можно жить	Жить трудно, но можно терпеть	Терпеть уже невозможно
Национальные предрассудки русского населения	25	15	6	10
Вызывающие действия, поведение национальных меньшинств	29	34	33	24
Плохие условия жизни в России	4	27	27	46
Террористические акты последних лет	5	11	13	6
Власти слабы и не могут справиться со вспышками национализма	3	3	3	3
Власти не хотят бороться с национализмом, заинтересованы в его раздувании	9	4	9	5
Другое	4	—	1	4
Затруднились ответить	21	7	7	2

Август 2018 года, N = 1600

альных, правовых и прочих ограничений, основанных на принципе расовой принадлежности. В случае с ксенофобией речь идет о массовых настроениях, как правило, не имеющих институциональной поддержки. Вместе с тем некоторые исследователи используют синтетический термин «культурный расизм», под которым понимаются установки, рассматривающие культурные и этнические характеристики и модели поведения как непреодолимые и не интегрируемые особенности тех или иных этнических и расовых групп, провоцирующие «большинство» на негативное отношение к их носителям.

Доля сторонников мнения, согласно которому отрицательное отношение к приезжим из стран СНГ отчасти объясняется поведением самих приезжих, за девять лет значимо не изменилась: 78 против 80%. Примечательно, что в 2014–2016 годах отмечался реальный спад миграционного притока в Россию, но это не спровоцировало существенного улучшения восприятия мигрантов. Стоит подчеркнуть, что между мигрантами и приезжими из стран СНГ давно поставлен знак равенства, чему немало способствовала как рациональная причина — доминирование «выходцев из Средней Азии» во

внешней миграции в Россию, так и инкорпорирование подобных (этнически окрашенных) образов мигрантов в СМИ.

Особенности «поведения» лидируют и в списке возможных причин, по которым приезжие из стран СНГ раздражают население. Участники исследования должны были назвать их самостоятельно, а интервьюер зафиксировать в прекодификаторе или внести то, что было названо, в категорию «Другое». Каждый десятый респондент сказал, что его «ничего не раздражает» в приезжих из СНГ или он лично не сталкивался с ними, однако большинство опрошенных все-таки указало на одну и более причину.

Для 41% россиян самым раздражающим фактором стало развязное и наглое поведение приезжих, несоблюдение обычаев принимающей страны. Причем те респонденты, которые давали наиболее подробные ответы, указывали именно на личностные характеристики (наглость, заносчивость, высокомерность, грубость, злость), а не на коллективные особенности культуры или традиций. Представление о том, что принимающее население раздражает в большей степени общение на чужом языке кажется преувеличенным — в рамках опроса эту

Таблица 21

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ СОГЛАСИТЬСЯ С МНЕНИЕМ, ЧТО ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРИЕЗЖИМ ИЗ СТРАН СНГ ОТЧАСТИ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ПОВЕДЕНИЕМ САМИХ ПРИЕЗЖИХ?

	2006 апрель	2007 апрель	2018 август
Определенно да	22	35	36
Скорее да	40	43	44
Скорее нет	22	11	9
Определенно нет	7	4	5
Затруднились ответить	9	7	6

Август 2018 года, $N = 1600$

Таблица 22

ЕСТЬ ЛИ ЧТО-НИБУДЬ, ЧТО ВАС ЛИЧНО РАЗДРАЖАЕТ В ПРИЕЗЖИХ ИЗ СТРАН СНГ? ЕСЛИ ЕСТЬ, ТО, ЧТО ИМЕННО?
(прекодификатор; множественный выбор; ранжировано по убыванию)

Они ведут себя развязно, как хозяева, не соблюдают обычаев нашей страны / наглые, бескультурные, грубые / со своим уставом в чужой монастырь лезут	41
Занимают рабочие места, соглашаются работать за мизерную оплату	22
Заполонили все рынки / рыночная мафия	20
Занимаются преступной деятельностью / хулиганят / теракты организуют	17
Враждебно относятся к русским / пристают к русским женщинам	15
Говорят на своем языке / не знают русского языка	1
Стало очень много приезжих / они везде / их присутствие здесь	1
Другое	2
Ничего не раздражает / нет такого / не сталкивалась / не знаю	11
Затруднились ответить	19

Август, 2018 года; $N = 1600$

причину отметил только 1% опрошенных (что меньше значения статистической погрешности для подобных исследований). Вероятно, большинство россиян рассматривают приезжих как временных трудовых работников, поэтому обязательность знания русского языка на них не распространяется (в отличие от тех, кто претендует на гражданство, — 87% россиян в 2012 году заявили, что владение русским языком обязательно для того, чтобы считаться гражданином страны).

На втором месте — представление о конкуренции с местным населением на рынке труда, демпинге оплаты труда из-за согласия мигрантов работать за более низкую зарплату. С этим мнением корреспондирует восприятие приезжих как узко специализированных работников рыночной сферы (каждый пятый респондент указал, что они «заполнили все рынки»).

17% отметили этническую преступность как раздражающий фактор. Интересно, что данная причина является одной из самых излюбленных тем в СМИ, хотя, по данным статистики МВД, преступления, совершенные иностранными гражданами из СНГ за январь — июль 2018 года, составляют 3,3% от числа всех расследуемых преступлений в стране¹, поэтому делать вывод о том, что в России у преступности «этническое лицо», некорректно.

На враждебное отношение к русским со стороны приезжих из СНГ указал каждый шестой участник исследования (17%). В эту же категорию попадали и те респонденты, кто отмечал *приставания* к «нашим» (русским) женщинам. Интересно, что причины, по которым приезжие вызывают раздражение у местного населения, по их собственному признанию, во многом лишены собственно этнической проблематики, этнические термины («русские», «русских» и т.п.) редко встречались в ответах.

Несмотря на то что сам вопрос анкеты не подразумевал высказывания позиции о же-

лаемой политике в отношении приезжих из СНГ, некоторые респонденты говорили, что «Надо ограничивать въезд», «Зачем приехали? Пусть живут в аулах», «Чтобы уехали» и т.п. Результаты другого общероссийского опроса, проведенного в июле 2018 года, по-прежнему свидетельствуют о преобладающей установке на изоляционизм, значительно уступающей благожелательному отношению к притоку трудовых мигрантов в Россию. В свою очередь, экономисты не раз указывали, что подобная мигрантофобия затрудняет реализацию экономической политики России, заинтересованной в иностранной трудовой силе, которая, осознавая институциональную и настроенческую неблагожелательность принимающей страны и связанными с ними риски, может переориентироваться на рынок труда других государств [Коровкин, 2018]².

Респондентами практически не высказывались положительные характеристики приезжих. Максимумом «благожелательного» отношения к ним стала позиция — «ничего не раздражает», которую суммарно указали 11% респондентов. Только три человека из 1600 участников исследования охарактеризовали приезжих как «недантических», «достойно ведут себя», «ведут себя нормально».

Таким образом, большинство жителей России отличает пристрастный характер отношения к приезжим. Более того, изменения в общественном мнении свидетельствуют об ослаблении чувствительности к дискриминации: в 2011 году доля согласных с тем, что полиция одинаково (что должно было бы означать «объективно и беспристрастно») относится ко всем, составляла 13%, в 2018-м — 25%; несогласных, исходящих из фактического положения дел на улицах, 61 и 44% соответственно. Другими словами, оппортунизм большинства заставляет закрывать глаза на очевидные факты, если это определяется внутренними интересами людей.

Таблица 23

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКОЙ ПОЛИТИКИ ДОЛЖНО ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ?

	2017 июль	2018 июль
Ограничивать приток трудовых мигрантов	58	67
Способствовать притоку трудовых мигрантов	6	14
Мне все равно	30	17
Затруднились ответить	6	2

Июль 2018 года, N = 1600

¹ Статистика по состоянию преступности доступна на сайте МВД. URL: <https://мвд.рф/>

² Коровкин В. Издержки недоверия: как ксенофобия вредит российской экономике. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/28/08/2018/5b852b969a7947326a35a622>

Преуменьшение дискриминации со стороны полиции вызвано конформизмом или же желанием вытеснить проблемы существующих напряжений.

Бытовая ксенофобия

Электоральные предпочтения населения и статистика по преступлениям на почве ксенофобии демонстрируют в России отсутствие политически и институционально оформленной ксенофобии, точнее — формы ее крайней радикализации, приводящей к насилию. Однако ксенофобия на бытовом уровне, подразумевающая те или иные «исключающие» и дискриминирующие практики в повседневной жизни россиян, присутствует в общественном мнении. Респондентам задавался вопрос на измерение актуальности ксенофобских настроений в их повседневной жизни. Их спрашивали, встречаются ли им объявления о сдаче жилья или предложения о работе, в которых содержатся ограничения по национальному или религиозному признаку, а также о том, какие чувства у них вызывают подобные объявления.

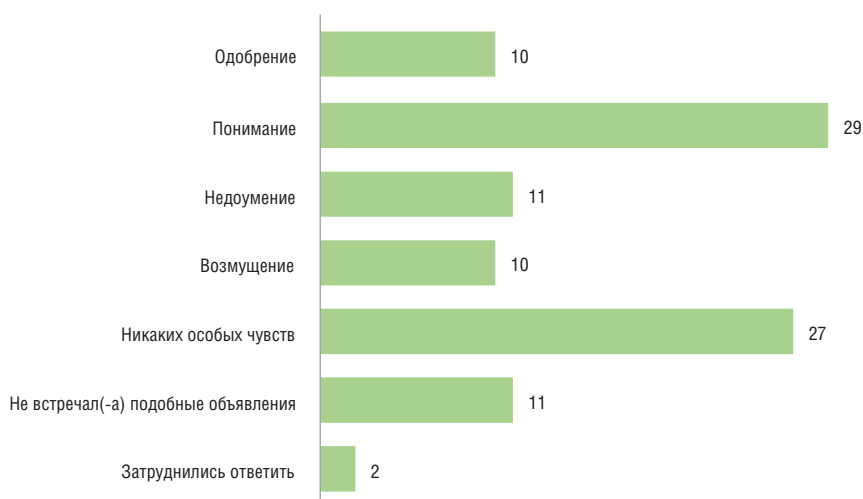
Таблица 24

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ СО УТВЕРЖДЕНИЕМ «ПОЛИЦИЯ ОБРАЩАЕТСЯ ОДИНАКОВО С ЛЮДЬМИ РАЗНЫХ РАС И НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ?»

	2011 ноябрь	2018 август
Полностью согласен	1	9
Скорее согласен	12	16
В равной мере согласен и не согласен	22	21
Скорее не согласен	42	30
Полностью не согласен	19	14
Затрудняется ответить	4	10

Рисунок 7

ОТНОШЕНИЕ К ДИСКРИМИНАЦИОННЫМ ОБЪЯВЛЕНИЯМ (в процентах от всех опрошенных)

Июль 2018 года, N = 1600

добные объявления (или они реже обращают на них внимание), а отношение к такой повседневной дискриминации преимущественно безразличное. Лояльность к подобным ограничительным практикам сильнее выражена среди жителей Москвы, которые в силу масштабного миграционного потока в столицу более чувствительны к проблеме миграции, демонстрируя высокую поддержку рестриктивных мер в

Таблица 24

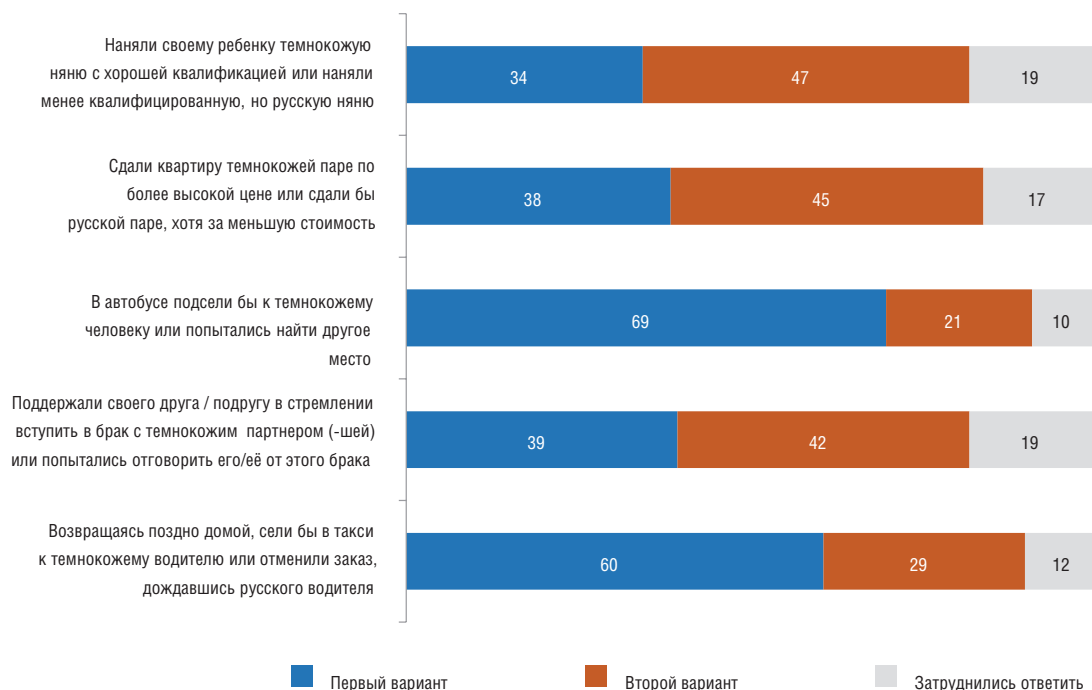
В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ И НА ИНТЕРНЕТ-САЙТАХ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ ОБЪЯВЛЕНИЯ О СДАЧЕ ЖИЛЬЯ ИЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О РАБОТЕ, В КОТОРЫХ СОДЕРЖАТСЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ИЛИ РЕЛИГИОЗНОМУ ПРИЗНАКУ, НАПРИМЕР, «СДАМ РУССКОЙ СЕМЬЕ» ИЛИ «КАВКАЗ ПРОСЬБА НЕ БЕСПОКОИТЬ». КАКОЕ ЧУВСТВО У ВАС ЛИЧНО ВЫЗЫВАЮТ ПОДОБНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ? (в процентах; распределение ответов по типу населенного пункта)

	В целом по выборке	Размер населенного пункта				
		Москва	Города, более 500 тысяч	Города, от 100 до 500 тысяч	Города, до 100 тысяч	Село
Одобрение	10	19	12	8	7	11
Понимание	29	44	31	31	25	23
Недоумение	11	7	12	13	11	9
Возмущение	10	4	8	10	12	13
Никаких особых чувств	27	22	28	24	32	27
Не встречал(-а) подобные объявления	11	3	6	13	12	17
Затруднились ответить	2	3	3	1	1	1

Июль 2018 года, N = 1600

Рисунок 8

СКАЖИТЕ, КАКОЕ РЕШЕНИЕ ИЗ ДВУХ ВОЗМОЖНЫХ ВЫ БЫ ЛИЧНО ПРИНЯЛИ В СЛЕДУЮЩИХ СИТУАЦИЯХ... (респондентам предлагалась карточка; один ответ в каждой строке; сумма ответов «определенно первое» + «скорее первое» и «скорее второе» + «определенно второе»)

Август 2018 года, N = 1600

Респондентам предлагалось пять ситуаций: наем няни своему ребенку, сдача в аренду своей квартиры, личная поездка в автобусе, совет другу, личная поездка в такси. В каждой из них они могли бы взаимодействовать с темнокожим человеком или отказаться от подобного контакта в ущерб собственным интересам (т.е. расовая неприязнь оказывается в таком случае выше личных интересов).

Наиболее близкая (декларативная) социальная дистанция у россиян отмечается при контактах в транспорте. Практически две трети опрошенных готовы подсесть в автобусе к темнокожему человеку (69%) или сесть в такси к темнокожему водителю, возвращаясь домой поздно вечером (60%). То есть для большинства россиян своего рода биологический расизм, функционирующий на уровне физиологического неприятия (неприязнь от возможного телесного контакта — сесть рядом, запах и т.п.), не характерен¹. Напротив, самая длинная (расовая) дистанция отмечается в отношении детей: практически каждый второй участник опроса отдаст предпочтение русской, но низкоквалифицированной няне для своего ребенка вместо темнокожей няни с более высокой квалификацией (противоположного выбора придерживаются 34% опрошенных).

Доля россиян, готовых выразить поддержку своему другу/подруге в стремлении вступить в межрасовый брак, уже в 2 раза меньше — это готов сделать только каждый третий респондент в целом по выборке (39%). Ранее мы отмечали высокий уровень социальной дистанции в отношении этнических групп, делая вывод о сохраняющейся табуированности в общественном мнении межэтнических и межрасовых браков.

38% россиян готовы сдать свою квартиру темнокожей паре (против 45% опрошенных, кто готов сдать русской паре, но за меньшую стоимость, т.е. в ущерб личной выгоде). Среди жителей Москвы, где рынок сдачи и аренды жилья наиболее развит, готовность сдавать «своим» в полтора раза выше, чем в целом по выборке. 64% опрошенных москвичей сдали бы квартиру только русской паре.

14% участников исследования во всех пяти ситуациях вступили бы в контакт с темнокожим человеком. Напротив, 12% опрошенных в целом по выборке отказались от расового контакта, даже если подобная дистанция наносит

¹ Хотя история недавнего прошлого в США доказывает, что такое неприятие на физиологическом уровне имело место. Вспомним хотя бы существование раздельных туалетов для «белых» и «черных».

ущерб их финансовым или прочим интересам. Получается, что доля условных бытовых расистов в выборке составила десятую часть опрошенных. Однако и по данным других исследований «Левада-Центра» доля респондентов, поддерживающих, например, этническую изоляцию в отношении всех этнических групп, также составляет примерно 8–10%. То есть в российском обществе существуют устойчивые 10% граждан, наиболее негативно настроенных к иноэтничным и инорасовым группам.

Возрастные различия в ситуациях выбора при возможном расовом контакте свидетельствуют о более близкой социальной дистанции у молодежи и более высокой дистанцированности от подобного взаимодействия у респондентов старшего возраста. Среди самой молодой возрастной когорты 18–24 лет готовность к расовому контакту в самых тесных (проективных) ситуациях брака и найма няни для своего ребенка выше, чем отказ от темнокожего партнера в пользу русского (соотношение 1,5:1). Исследования в других европейских странах также демонстрируют более высокий уровень этнической (расовой) толерантности в среде молодежи, которая положительно воспринимает этническое разнообразие, в отличие от старших возрастных когорт.

Благожелательность к межрасовым бракам более выражена и в группе респондентов с высшим образованием, где практически каждый второй поддержал бы своего друга в стремлении вступить в брак с партнером другой расы, и, напротив, каждый третий опрошенный попробовал бы отговорить его от подобного союза. В других образовательных группах это распределение перевернуто: половина опрошенных против межрасового брака, треть — за.

Если в ситуации расового контакта на транспорте между «русскими» и «нерусскими» участниками исследования практически нет различий, то выбор в пользу русской няни, русского арендодателя и русского брачного партнера более выражен среди «русских» респондентов.

Влияние источников информации на уровень ксенофобии

В целом ксенофобия в содержательном плане представляет собой осадочные слои давних идеологических воззрений, племенных стереотипов, предрассудков, архаических мифов, фобий или идеальных ориентиров, смешанных между собой, спрессованных в трудно различимую массу представлений о «других», «чужих», вызывающих страх, подозрения или

Таблица 25

ПРЕДПОЧТЕНИЕ «СВОЕГО» ИЛИ ИНОРАСОВОГО ПАРТНЕРА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА И УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ (в процентах)

	В целом по выборке	Возраст				Образование			
		18-24 года	25-39 лет	40-54 года	55 +	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего
Наняли темнокожую няню	34	43	41	34	25	39	33	32	26
Наняли русскую няню	47	39	43	46	54	46	49	45	55
Нет ответа	19	18	16	20	21	16	18	23	19
Сдали темнокожей семье	38	44	45	39	30	43	37	35	31
Сдали русской семье	45	41	39	44	51	41	44	49	54
Нет ответа	17	15	17	16	19	16	19	16	15
Подсели к темнокожему	69	68	72	71	66	73	70	66	59
Искали другое место	20	19	18	20	23	18	19	22	33
Нет ответа	10	13	10	9	11	9	11	12	7
Поддержали расовый брак	39	47	47	39	31	44	38	37	36
Против расового брака	42	32	33	43	51	37	43	44	49
Нет ответа	19	21	20	18	18	19	19	19	15
Сели к темнокожему водителю	59	64	65	59	53	63	60	56	50
Вызвали другого водителя	29	24	23	30	34	28	28	29	37
Нет ответа	12	12	12	12	13	9	13	15	13

Август 2018 года, N = 1600

зависть и скрытое восхищение. Большая часть этих этнонациональных, политических или религиозных установок возникла очень давно (за горизонтом не только настоящего времени, но и многих поколений назад). Специальный анализ показал бы их связь с разными фазами российской модернизации и интересами прежних элит и партийных групп, вступавших в конкуренцию за влияние, или следы имперской колонизации конца XIX — первой половины XX веков, втягивание в общее пространство ментальных образов тех или иных актуальных для советской пропаганды и политики индустриализации положений. Но эта задача выходит за рамки нашего анализа. Именно потому, что эти представления не являются реакциями на события текущего времени, они сохраняются и воспроизводятся в социальной среде, которая лишена средств социальной рефлексии и сознательной проработки этих представлений. В повседневной среде этнические представления чаще всего передаются некритически, суггестивно, будучи включенными в состав первич-

ной социализации и раннего формирования представлений об окружающих и о самих себе. Чем более рутинны и традиционны эти группы (как правило, с невысоким уровнем образования, занятые трудом, не требующим специального образования и интеллектуальных навыков), тем более устойчивы оказываются сами подобные предрассудки. В первую очередь они играют роль негативных образов, отталкиваясь от которых группы устанавливают позитивные представления о самих себе, своих достоинствах и барьерах по отношению к чужим группам и общностям, то есть средством выражения (негативной идентичности) собственной идентичности.

Но это не значит, что такого рода этнические образы, предрассудки и предубеждения по отношению к любым «чужим», «другим», «не-нашим» остаются всегда одними и теми же. Под влиянием пропаганды, техник политического манипулирования, административного принуждения, контроля над средствами информации можно добиться акцентирования одних

черт этнических представлений и подавления других, педалирования угроз и опасностей, исходящих от одних «иностранцев» или «инородцев» и, напротив, повышения симпатии к другим. Так, на протяжении последних пяти лет мы видим резкое усиление неприязни и враждебности к украинцам, которые всегда в России воспринимались как «свои» и близкие, почти как один народ или народ, имеющий одни корни с русскими и белорусами, и, напротив, повышение симпатии к китайцам (или, точнее, редуцию прежней враждебности, подозрительности и антипатии) [«Друзья» и «враги» России, 2018]¹. В какой-то степени, то же самое можно зафиксировать и в отношении чеченцев, бывших во второй половине 1990-х объектом особой неприязни и страхов.

Поэтому правильнее говорить о том, что меняется не структура ксенофобии, а интенсивность ее выражения под действием тех или иных институтов (политических, масс-коммуникативных, пропагандистских, религиозных, образовательных и т.п.).

Анализируя зависимость наиболее значимых для респондентов источников информации и выражения ксенофобских или расистских взглядов, можно установить следующую закономерность: сильнее всего прослеживается связь между слушателями различных ра-

диостанций и уровнем ксенофобии; на втором месте — интернет-издания (информационные порталы, сайты и т.п.), на третьем и четвертом — соответственно социальные сети и межличностные сети отношений (друзья, родственники, коллеги по работе, соседи и т.п.). Телевидение, вопреки ожиданиям, не выделяется здесь сколько-нибудь значимым образом — телевизионная аудитория (как целое) характеризуется средними показателями ксенофобии и расизма. Возможное объяснение этому: гигантский охват телевидением, приводящий к усреднению ответов телезрителей (его смотрят от 67% взрослых в Москве до 76–77% в провинции, в малых городах и селе, где часто один (реже два) федеральный канал ТВ оказывается единственным средством массовой коммуникации, где затрагиваются вопросы общезначимого порядка). Наши вопросы не позволяют в данном случае дифференцировать аудитории различных ТВ-каналов и передач, а они по степени нетерпимости, ксенофобии и демагогии по национальным вопросам могут различаться самым радикальным образом, например, «Царьград» или «Территория заблуждений» кардинально отличается от передач канала «Культура» или даже «Спас».

Можно выдвинуть следующее предположение, объясняющее такое распределение

Таблица 26

НЕГАТИВИЗМ, ПРОЯВЛЯЕМЫЙ В ОТНОШЕНИИ ЛЮДЕЙ РАЗНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ И РАСОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОСТОЯННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩИМ ИСТОЧНИКОМ ИНФОРМАЦИИ

Источники информации	Цыганам	Чеченцам	Темнокожим	Узбекам	Евреям	Англичанам	Сумма негативных ответов (по каналу)
Радио	54	41	25	25	12	14	171
Друзья и проч.	50	39	26	28	10	12	165
Интернет	45	29	17	25	9	12	137
Телевидение	46	28	17	19	10	17	137
Газеты	40	18	20	22	10	24	134
Социальные сети	45	28	14	24	10	11	132
Журналы	36	20	13	19	6	16	110
Затруднились назвать канал или источник	47	18	28	20	17	14	144
Сумма негативных ответов (по отношению к этническим группам)	363	221	160	182	84	120	***

Август 2018 года, N = 1600

¹ Китай в этом плане вышел на второе место в качестве дружеской, союзнической или партнерской страны. См. пресс-релиз «Друзья и враги России». URL: <https://www.levada.ru/2018/06/14/druzya-i-vragi-rossii-3/>

ксенофобских установок и предпочтения, отдаваемые тем или иным информационным каналам и источникам ксенофобских (расо-

вых, антисемитских) сведений об окружающей действительности. И радио, и Интернет (но не социальные сети) гораздо менее подлежат цензурному контролю и ограничениям. Множество мелких и местных радиостанций ведут прямой эфир и интерактивные передачи, где люди с пониженным самоконтролем и невысокой гражданской культурой толерантности получают доступ к прямому эфиру и открытым высказываниям (пусть и коротким). На многих сайтах, даже общероссийских газет или интернет-порталах, есть разделы комментариев, которые притягивают людей ущемленных, закомплексованных и агрессивных, для которых это оказывается единственной возможностью публичного высказывания. Здесь воспроизводится характерный для неформального общения среди «своих» уровень недопустимой ни в каких других обстоятельствах неконтролируемой агрессии, ксенофобии, ресентимента. Крайне редко в таких сегментах медиакоммуникации бывают сдержанные и обоснованные суждения и взвешенные аргументы и соображения, чаще это выплеск сознания, несдерживаемой ничем агрессии и ненависти. По составу (не по степени эмоциональности и грубости) это ничем не отличается от уровня бытовой или обиходной ментальности и ксенофобии, характерной для «друзей, соседей и т.п.».

Доверие

Социальное доверие выступает одним из базовых социологических индикаторов, которые могут определять установки и поведение людей. Применительно к изучению ксенофоб-

ских настроений можно предположить, что высокий уровень «доверия окружающим людям» (стандартный измеритель радиуса социального доверия и социального капитала в международных исследованиях) в значительной степени смягчает неприязнь в отношении «чужих», и наоборот (на проблему снижения доверия в «принимающем» обществе в связи с притоком мигрантов указывал, например, П. Коллиер [Коллиер, 2016]¹).

Если обратиться к результатам опроса, можно проследить, что респонденты с низким уровнем межличностного доверия (которые считают, что осторожность в отношении с другими людьми не мешает, или вовсе не доверяют окружающим) чаще поддерживают институциональные ограничения в отношении носителей иной («нерусской») этничности, чем участники исследования, которые скорее доверяют окружающим их людям.

Каждый второй «не доверяющий» респондент поддерживает мнение, согласно которому следует принимать во внимание национальность человека при занятии государственных должностей (против каждого третьего среди «доверяющих»), по сути, выступая за возвращение 5-го пункта. Опрошенные с низким уровнем межличностного доверия также чаще отмечают, что нужно учитывать национальность при приеме на работу в органы госбезопасности (47 против 35%), предоставлять преимущества русским кандидатам при занятии государственных должностей (48 против 40%), и соглашались с тем, что «национальные меньшинства имеют слишком много власти в нашей стране»

Рисунок 9

УРОВЕНЬ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ И ПОДДЕРЖКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

¹ Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М., 2016. 384 с.

(35 против 28%). Нельзя сделать вывод о том, что высокий уровень межличностного доверия делает человека более толерантным в отношении этнических и прочих меньшинств, но он в значительной мере нейтрализует его отношение к ним, не поляризуя восприятие в сторону только негативных или позитивных образов. В рамках исследования «доверяющие» респонденты чаще оценивали свое отношение к цыганам и чеченцам как «спокойное, без особых чувств», чем опрошенные, которые не доверяют окружающим их людям.

Типология массовых ксенофобских установок

Результаты настоящего, как и предшествующих исследований ксенофобии, антисемитизма и расизма в СССР и России, позволяют аналитически выделить ряд социальных типов ксенофобов или значимых для проблематики изучения и профилактики ксенофобии массовых установок. Для нас ключевыми будут два критерия: функция данного вида ксенофобии и распространенность его в общей массе населения. Типология построена по принципу ядра, его ближней и дальней оболочки и аморфной, диффузной периферии со слабой интенсивностью негативистских реакций:

1. Ядро радикальных ксенофобов составляют 7–8% взрослого населения. Оно может увеличиваться до 15–18% или даже 20% в периоды острых социальных кризисов, но затем спадает до относительного минимума. Как правило, разрастание ядра достигает своего максимума уже после прохождения пика кризиса, с некоторой временной задержкой относительно апогея кризисной напряженности. Важно подчеркнуть, что ядро ксенофобов сочетает все виды негативных реакций по отношению к любым «чужим» — не только неприязнь, доходящую до вербальной агрессии, к различным этническим и национальным общностям, к представителям других рас, но и к мигрантам, к людям, не разделяющим профессиональные взгляды РПЦ (а также радикального ислама), — к католикам, протестантам, баптистам, «Свидетелям Иеговы», иудеям и т.п., представителям художественного авангарда, контр- или альтернативной культуры, сторонникам сообщества ЛГБТ и т.п., а также к политическим противникам авторитарного режима: либералам-западникам, демократам, иногда к коммунистам и т.п. Респондентов, причисляемых к ядру, сочетающему антисемитские, расистские и ксенофобские взгляды, отличает повышенная склонность и готовность

к агрессии, чувство ущемленности и обделенности, «комплекс жертвы», сознание, что их жизненные обстоятельства определяются не ими самими, а внешними силами. Уровень образования носителей этих убеждения — средний (как правило, это люди со средним специальным образованием), но среди них можно указать и на маргиналов-шовинистов с более высоким уровнем образования, способных довести эту смесь негативистских представлений до более или менее оформленных идеологий (русского традиционализма или антилиберального православного национализма) с упором на центральную роль государства, Великой державы, империи, армии и т.п. По своим убеждениям это догматически мыслящие националисты (самого разного толка), недавно уверовавшие и причастившиеся к одной из традиционных конфессий, а потому наделяющие себя особым чувством превосходства. Чрезвычайно важным у таких респондентов оказывается упор на необходимости жестких авторитарных, силовых, репрессивных методов при проведении политики в отношении ко всем, кто объявляется «чужим» для большинства, «врагом», несущим угрозу традиционным ценностям «большинства». Именно из этой среды вербуются активисты для радикальных националистических организаций, готовых к «активным действиям», в том числе к погромам, к участию в парамилитарных объединениях типа SERB, «Офицеров России», казачьих дружин или православных хоругвеносцев и им подобных молодежных группировок (футбольные фанаты, наследники скинхедов, русских фашистов и проч.).

2. Следует учесть, что потенциально агрессивное ксенофобско-расистское ядро не состоит только из русских, сюда же можно включить и других «националистов» из числа этнонациональных меньшинств (татар, якутов, чеченцев и др.).

3. Следующий тип «сочувствующих» радикальным ксенофобам представляет собой довольно пассивную среду поддержки националистов и согласия с взглядами радикального ядра, однако эти люди не готовы к открытым общественным выступлениям. Они перекладывают ответственность за критическое или «неудовлетворительное», с их точки зрения, положение дел в стране на государство и склонны одобрять и поддерживать жесткие административные меры против мигрантов, иноверцев, гарантии обеспечения преимуществ или привилегий для русских при доступе к социально значимым благам и позициям (приоритетность

для русских медицинского обслуживания, доступа к образованию, ограничениям для нерусских при приеме на работу в государственные органы управления, полиции, армии, СМИ и т.п.). Параметры этого типа довольно подвижны и зависят от общественно-политической ситуации и экономического положения в стране. Можно оценить распространенность подобного типа установок в 20–30% населения России.

4. Третий тип — тип «защитной или компенсаторной» ксенофобии, выявляемый в социологических исследованиях, представляет собой совершенно иные по функции реакции населения. Его можно назвать «племенной» или «трайбалистской» ксенофобией, когда предрассудки и предубеждения против «несвоих», «чужих» являются условием поддержания и выражения собственной групповой идентичности; без отнесения к чужим не могут быть выражены особенности и достоинства своей общности и группы. Это самые аморфные и примитивные по характеру и семантике, составу представления о «чужих», воспроизводящиеся в виде анекдотов, нерационализируемых предрассудков и стереотипов о воображаемых других, с которыми эти люди никогда не имели дела в реальности. Абсолютное большинство населения России никогда в жизни не встречали англичанина, чеченца, китайца или еврея; они знают о них и их культуре только из опосредованных источников — рассказов бывалых людей («быличек», из третьих рук), СМИ и т.п. Это наиболее широкий круг носителей потенциальных или спящих антисемитских, расовых или ксенофобских установок. Как говорили в ходе интервью респонденты, «у нас таких нет», поэтому отношение к ним «спокойное, безразличное, как ко всем другим национальностям». Другими словами, выражение подобных рутинных ксенофобских, негативных или на первый взгляд дискриминационных, оскорбительных, установок не связано ни с какими социальными интересами, поэтому такого рода представления оказываются нейтральными и не могут быть активированы в ходе каких-то общественных кампаний по мобилизации «своих» против «чужих» или внешних «врагов». Зона действия подобных представлений может охватывать две трети населения.

5. Следует учесть, что эмпирически четких границ между разными типами носителей ксенофобских взглядов и убеждений провести нельзя, поскольку второй и третий типы наслаиваются, частично пересекаются или при некоторых обстоятельствах могут сочетаться,

образуя, в случае агрессивной пропаганды и мобилизации со стороны государства и подчиненных ему СМИ, партий и общественных организаций, временные агломерации возбужденных социальных контингентов. Например, до середины 2000-х мы не фиксировали сколько-нибудь заметной враждебности по отношению к украинцам (а, скажем, до 1993 года — к чеченцам как особым этнически выделенным категориям населения), но после 2014 года мы наблюдали резкий и постоянный рост неприязни в сочетании с враждебностью к украинцам.

6. Устойчивым иммунитетом против ксенофобии, антисемитизма и расизма характеризуется лишь относительно небольшая часть российского населения — от 15 до 20%. Это наиболее образованная часть российского общества с твердыми гуманистическими и правовыми убеждениями, преимущественно жители столиц и крупнейших городов.

Выводы и заключения

1. За время, прошедшее после распада СССР, уровень диффузной массовой ксенофобии существенно поднялся. Последний всплеск этнонациональной напряженности приходится на 2013 год, после которой в результате конфронтации с Западом и гибридной войны на Украине общая «внутренняя» ксенофобия несколько снизилась и изменила структуру: антикавказские установки уступили первое место антицыганским, антимигрантским (в особенности по отношению к приезжим, временным трудовым работникам из Средней Азии), расистским (по отношению к темнокожим, китайцам и другим), сузившись до умеренно выраженных античеченских настроений. Новым явлением стал рост антиукраинских предрассудков и предубеждений, чего не было за весь период социологических наблюдений и исследований. Отчасти это объясняется уходом из повседневной повестки отношений с приезжими из Закавказья (азербайджанцами, грузинами и в меньшей степени — армянами). Антисемитизм остается на низком уровне.

2. Условно можно выделить несколько типов ксенофобских и антиксенофобских форм массового сознания. Ядро радикальных ксенофобов составляют от 8 до 15% взрослого населения, увеличиваясь до 20% в периоды острых социальных кризисов, но затем спадая до относительного минимума. Респондентов, причисляемых к ядру, сочетающему антисемитские, расистские и ксенофобские взгляды, отличает повышенная склонность и готовность

к агрессии, чувство ущемленности и обделенности, «комплекс жертвы», сознание, что их жизненные обстоятельства определяются не ими самими, а внешними силами. Потенциально агрессивное ксенофобско-расистское ядро не состоит только из русских, сюда же можно включить и других националистов из числа этнонациональных меньшинств.

3. Ядро ксенофобски настроенных обывателей окружает гораздо более пассивная среда сочувствующих радикальным ксенофобам и националистам разных знамен (русских, нерусских — «титulyных», или «коренных», народов), разделяющих их основные идеи и лозунги, но не готовых к прямым общественным действиям или выступлениям в поддержку активистов-радикалов. Они перекалывают ответственность за критическое или «неудовлетворительное», с их точки зрения, положение дел в стране на государство. Поэтому они ожидают и готовы одобрять и поддерживать жесткие административные меры против мигрантов, иноверцев, любых «чужих», требуя гарантий обеспечения преимуществ или привилегий для русских при доступе к социально значимым благам и позициям (сюда входит не только приоритетность для русских медицинского обслуживания, доступа к образованию, установление ограничений для «чужих» при приеме на работу в государственные органы управления, полиции, армии, СМИ и т.п.). Параметры этого типа довольно эластичны и зависят от общественно-политической ситуации и экономического положения в стране. Но в любом случае распространенность подобного типа установок можно оценить в 20–30% от населения России.

4. Третий тип ксенофобии представляет собой пласт рутинных бытовых представлений о «других», «чужих», инородцах, которые не направлены непосредственно против других этнических общностей или народов. Это довольно аморфная смесь представлений об окружающих этническую группу народов, отложившихся в фольклорных, традиционных представлениях, анекдотах, рассказах, служащих в первую очередь условием собственной идентификации (через отталкивания от образов «чужих», «других», «не таких, как мы»).

5. В целом состояние массовой ксенофобии можно оценить как «спящую агрессивность», которая может перейти в открытые выражения этнической или национальной враждебности и агрессии только при официальной государственной поддержке и мобилизации, т.е. сознательно инициированная и последовательно

проводимая политика направляемой агрессии против определенных этнических групп (как это было, например, против грузин после войны 2008 года или чеченцев во время первой и второй чеченских войн, против латышей или эстонцев во время кратковременных пропагандистских кампаний). Но даже в этом случае провоцирование ксенофобских акций против отдельных этнонациональных групп невозможно без работы организованных групп и движений. Политика властей сводится как к постоянному контролю радикально настроенных националистических групп и организаций (вплоть до полного разгрома, как это было в отношении различных мелких группировок русских крайне правых), так и к негласной поддержке лояльных власти групп (казачьих формирований, SERB, «Антимайдана», «Офицеров России», православных объединений разной степени экстремизма). Несмотря на постоянный мониторинг, контроль, давление властей на различные националистические организации (как русских, так и исламских), ядро ксенофобских, расовых, антисемитских и националистических представлений воспроизводится, что создает условия при некоторых обстоятельствах для быстрого разворачивания тех или иных ксенофобских кампаний, если в них включаются государственные СМИ, общественно-политические организации и поддерживаемые властями ГОНГО («Государством организованные негосударственные организации»).

6. За последние 25 лет отмечается эрозия первоначально вполне определенной и значимой группы россиян, выступающей против любых форм этнонациональной дискриминации с лозунгами толерантности, поддержки мультикультурализма, сопротивления против открытого выражения радикалами этнической или этноконфессиональной агрессии, враждебности, неприязни. Если еще в середине 1990-х иммунитет против таких проявлений был характерен для более чем половины населения России, то сегодня его признаки можно обнаружить лишь у 28–30% совершеннолетнего населения.

Рекомендации для практической политики

1. Эффективная политика противодействия массовой ксенофобии, антисемитизму и расизму предполагает дифференцированное отношение к разным формам этнического негативизма и неприязни. Как уже было отмечено, бессмысленно пытаться устранить и искоренить в обществе ксенофобию и расизм как таковые, это невозможно. Вопрос может стоять

только о необходимости регулирования особо опасных форм их проявлений и оценки пригодности имеющихся для этого средств, с одной стороны, и разумной работы по просвещению и социализации молодежи к более толерантным формам социальной жизни — с другой, надеясь на умеренный успех в будущем.

2. В этом плане эффективная политика может вестись только с использованием базовых социальных институтов: СМИ и формирования общественного мнения (успешный опыт есть в Европе и США), правоохранительных органов и судов под непрерывным контролем общественного мнения, а также постоянная деятельность общественных организаций, следящих за подобными нарушениями и эксцессами. Полиция и суды должны быть в состоянии пресекать и подвергать законным санкциям без исключения проявления ксенофобии и расизма на любых уровнях социальной иерархии. Сегодня этого не происходит в полном объеме, поскольку сама полиция выступает одним из главных факторов этнонационального насилия. Политики же вообще освобождены от ответственности за соответствующие заявления и действия, часто носящие оскорбительный по отношению к тем или иным этническим или религиозным группам характер.

3. Долгосрочная стратегия должна ориентироваться на молодежь (причем с акцентом на те группы, которые обладают большими культурными и социальными ресурсами и капиталом). Только здесь может быть эффективной политика просвещения, которая должна строиться на расширении знания о других народах и нациях, этнических общностях, их проблемах и ценностях, способствуя формированию социального воображения и чувству эмпатии. Здесь, и только здесь, может быть полезным изложение исторического опыта взаимодействия народов, ознакомление молодежи с разными образцами национальных политик и т.п. В отношении других групп такая работа будет бесперспективной. Важно лишь осознавать, что массовая школа в данном случае не будет давать возможностей для подобной работы, поскольку

реагирует только на внутриведомственные императивы и указания. Нужны образцы поведения и отношения к людям другого цвета кожи или формы глаз, которые задавали бы авторитетные или значимые для молодежи фигуры в сфере массовой культуры (например, блогеры и инфлюенсеры).

4. Другая часть подобной работы предполагает регулярный и систематический мониторинг проявлений диффузной и разлитой ксенофобии (не только в обществе или, точнее, среди населения, но и в СМИ, в массовой культуре — кино, литературе, публицистике, массовой культуре), ее динамики, а не только мониторинг националистического и расового экстремизма, нападений на представителей этнических меньшинств, погромов или публикаций в СМИ и Интернете, в социальных сетях материалов, провоцирующих агрессию. Поток расовых и этнических стереотипов, имперских предрассудков, националистических представлений идет непрерывно по каналам ТВ и Интернета, он настолько постоянен, что не воспринимается как нечто чрезвычайное и недопустимое. Важен фактор длительного, непрекращающегося принуждения к соблюдению норм цивилизованного взаимодействия, а не проповедь хороших манер и осуждение людей вроде Владимира Жириновского или Петра Толстого.

5. Остается актуальным вопрос о формировании позитивного общественного мнения относительно национально-гражданской идентичности (общероссийской) со стороны государства и общественных организаций. Именно чувство позитивной сопричастности (реальной, а не декларируемой), ответственности и консолидации со страной и ее гражданами, вне зависимости от их этнической или конфессиональной принадлежности, может сдерживать рост ксенофобии, но для этого население должно понимать основы подобной консолидации и ее государственных символов (праздников и пр.), отвечая без затруднений на вопрос о том, «кто такие россияне».

Список литературы

1. Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации / Л.Д. Гудков [и др.] // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2. С. 140–197.
2. Гудков Л.Д., Бочарова О.А. Иерархия этнических установок населения // ИБМ, 1994. № 1. С. 17–19.
3. Гудков Л.Д. Динамика этнических стереотипов (сравнение замеров 1989 и 1994 гг.). // ИБМ. 1995. № 2. С. 23–27. = Перевод: Dynamics of Ethnic Stereotypes: A comparison of 1989 and 1994 Measurements. // Sociological research. Armonk, N.Y., 1996. January – February. Vol. 35. No. 1. P. 43–54.
4. Гудков Л.Д. Этнические стереотипы населения: сравнение двух замеров // ИБМ. 1995. № 3. С. 14–16.
5. Гудков Л.Д. Этнические фобии в структуре национальной идентификации // ИБМ. 1996. № 5. С. 22–27. = Перевод: Ethnic Phobias in the Structure of National Identification // Sociological research. Armonk, N.Y., 1997. July – August. Vol. 36. No 4. P. 60–74.
6. Гудков Л.Д. Антисемитизм в постсоветской России / Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский центр Карнеги, 1999. С. 44–98.
7. Гудков Л.Д. Динамика ксенофобии в постсоветской России / Вестник Института Кеннана в России. Вып. 1. 2002. С. 49–61.
8. Гудков Л.Д. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2005. № 6 (80). С. 60–76.
9. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Своеобразие русского национализма // Pro et contra. 2005. Сентябрь – октябрь.
10. Гудков Л.Д. Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня // НГ. № 282 (3678). С. 10. 26.12.2005. [Электронный ресурс]. http://www.ng.ru/printed/ideas/2005-12-26/10_xenophobia.html, свободный.
11. Гудков Л.Д. «Россия для русских»: ксенофобия и антимигрантские настроения в России // Нужны ли мигранты российскому обществу? М.: Фонд «Либеральная миссия». 2006. С. 31–78.
12. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Невозможный национализм: Риторика номенклатуры и ксенофобия масс // Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. С. 276–310. [Сост. М. Ларюэль.]
13. Гудков Л.Д. Russian Nationalism and Xenophobia // Identities and Politics During the Putin Presidency. The Foundations of Russia's Stability. Ph. Casula and J. Perovic (eds). (Soviet and Postsoviet politics and society. Ed by A.Umland). Ibidem-Verlag, Stuttgart, 2009. P. 158–175.
14. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / Изд-во Института Гайдара, 2017. 384 с.; М., 2016. 384 с.
15. Коровкин В. Издержки недоверия: как ксенофобия вредит российской экономике / В. Коровкин // РБК. 2018. 28 авг. [Электронный ресурс]. <https://www.rbc.ru/opinions/economics/28/08/2018/5b852b969a7947326a35a622>, свободный. Загл. с экрана.
16. Министерство внутренних дел РФ: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–июль 2018 года. [Электронный ресурс]. <https://мвд.рф/>, свободный. Загл. с экрана.
17. Пипия К.Д. К пониманию одного ксенофобского лозунга «Россия для русских» / К.Д. Пипия // Вестник общественного мнения. 2017. № 3–4. С. 159–170.

Лев ГУДКОВ
Наталья ЗОРКАЯ
Екатерина КОЧЕРГИНА
Евгения ЛЁЗИНА

Антисемитизм в России: мнения еврейского населения

Оценка респондентами остроты проблемы антисемитизма и динамики его проявлений¹

Отправной точкой для проведения настоящего исследования служит основанное на результатах предыдущих массовых общероссийских исследований, проведенных по заказу РЕК, представление о том, что в последние многие годы мы не наблюдаем явного роста антисемитизма. На фоне весьма высокого уровня ксенофобии, нараставшего с середины 1990-х годов по отношению к представителям различных этнонациональных общностей, прежде всего к приезжим из кавказских и среднеазиатских республик бывшего СССР, массовый негативизм по отношению к евреям выражен достаточно слабо. Но таковы были зафиксированные в социологических опросах установки всего населения России. Общенациональная репрезентативная выборка не позволяла при этом сколько-нибудь определенно судить о том, а как смотрят на те же проблемы сами российские евреи, насколько они обеспокоены угрозой агрессивного национализма, расизма и антисемитизма в России. Потребность ответить

¹ Исследование проведено по заказу Российского еврейского конгресса в 2018 году, опрошено 517 человек старше 16 лет, проживающих в 21 городе РФ. Все приводимые в настоящем тексте данные представляют собой распределение ответов в процентах к числу всех опрошенных.

В настоящем исследовании была использована значительная часть вопросов общеевропейского опроса, проводившимся Агентством Европейского союза по основным правам (АОП) в восьми странах Европейского союза в 2012 году [EU Agency for Fundamental Rights, 2013], направленного на мониторинг антисемитизма, личного опыта опрошенных с подобными проявлениями, среди еврейского населения. Использование одних и тех же вопросов дает возможность сравнить мнения и оценки российских евреев с такими же оценками среди евреев из других стран, т.е. оценить современный масштаб антисемитизма в России в общеевропейском контексте. Отметим, что методика европейского опроса иная: в отличие от российского опроса, проводившегося методом интервью face-to-face, европейское исследование — опрос онлайн. Это означает, что респонденты самостоятельно принимали решение отвечать на анкету.

на эти вопросы обусловила проведение настоящего социологического исследования.

Проблема антисемитизма по своей остроте уступает многим другим социальным проблемам, таким как коррупция, безработица, расизм, наплыв мигрантов. «Очень острой» в России ее считают 16% опрошенных, хотя обеспокоены в той или иной степени ею более половины респондентов (55%), почти в той же степени, что и существованием расизма в России.

В европейских странах озабоченность антисемитизмом выражается заметно более интенсивно (табл. 2). Причем, как показывают данные по другим странам [1]² (прежде всего по Венгрии, Польше, Франции, где опыт столкновения с антисемитизмом, как и оценки его роста, особенно высоки), это связано с ростом националистических настроений, усилением в политике правых популистов, авторитаризма, особенно в Польше и Венгрии. Там антисемитизм включен в общий негативный контекст массовых ксенофобских реакций населения на наплыв беженцев-мусульман. Во Франции, где и так велика доля населения, имеющего неевропейские корни, это сочетается с угрозой роста арабского антисемитизма.

На это ясно указывает очень высокая обеспокоенность европейского населения ростом антисемитизма в их странах за последние пять лет. В европейских странах 76% говорят о росте антисемитизма (в том числе 44% о значительном росте), тогда как в России таковых 17% (о значительном 5%). Большинство евреев в России считают, что уровень антисемитизма в последние годы не изменился или уменьшился (табл. 3).

² Discrimination and Hate Crime Against Jews in EU Member States: Experiences and Perceptions of Antisemitism. European Union Agency for Fundamental Rights. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2013, doi:10.2811/70380.

Таблица 1
НАСКОЛЬКО СЕРЬЕЗНОЙ ПРОБЛЕМОЙ ЯВЛЯЕТСЯ В РОССИИ...

	Очень серьезная	Довольно серьезная	Не очень серьезная	Не является проблемой	Затрудняюсь ответить
Безработица	28	46	20	5	2
Расизм	22	33	31	12	3
Антисемитизм	16	39	33	10	2
Мигранты	20	39	29	9	3
Коррупция	66	27	3	3	1
Нетерпимое отношение к мусульманам	10	38	30	17	6

Таблица 2
НАСКОЛЬКО СЕРЬЕЗНОЙ ПРОБЛЕМОЙ ДЛЯ ВАШЕЙ СТРАНЫ ЯВЛЯЕТСЯ АНТИСЕМИТИЗМ?

	Очень серьезная проблема	Довольно серьезная проблема	Не очень серьезная проблема	Не является проблемой
Среднее по 8 странам ЕС ¹	28	38	30	4
Россия	16	39	33	10

Таблица 3
ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ ПРОЯВЛЕНИЯ АНТИСЕМИТИЗМА В ВАШЕЙ СТРАНЕ УВЕЛИЧИЛИСЬ, ОСТАЛИСЬ НА ПРЕЖНЕМ УРОВНЕ ИЛИ УМЕНЬШИЛИСЬ?

	Значительно увеличились	Несколько увеличились	Остались на прежнем уровне	Немного уменьшились	Значительно уменьшились
Среднее по 8 странам ЕС	44	32	18	3	2
Россия	5	12	43	23	10

В России, судя по ответам большинства опрошенных евреев, рост антисемитизма в последние годы был незначительным. Факты прямых, насильственных проявлений антисемитизма — осквернений еврейских кладбищ, вандализма в отношении культурных и религиозных объектов, проявления агрессии по отношению к евреям на улице и в других публичных местах, антисемитских граффити — были отмечены довольно незначительной долей опрошенных (5–9%). Но заметная часть опрошенных отметила усиление антисемитских проявлений в Интернете и социальных сетях (33%). Речь здесь во многом идет об активном присутствии в Интернете явно антисемитски настроенных групп и сообществ, представляющих идеологический антисемитизм и антисионизм. Это малочисленные и маргинальные группы (по отношению к официальным заявлениям руководства страны, проводимой им политике и большинству российского общества) — мелкие националистические «партии» и ассоциации, главным образом православных националистов, однако имеющие свои интер-

¹ Исследование АОП проводилось в семи странах Евросоюза — Франции, Германии, Бельгии, Швеции, Италии, Венгрии, Латвии и восьмой стране — Великобритании.

нет-площадки и свою регулярную печать. До известной степени их сдерживает руководство РПЦ, а также государственная цензура. Вместе с тем 21% респондентов обратили внимание на рост антисемитизма в прессе, еще 17% — в политической и культурной жизни, что указывает на просачивание антисемитских настроений, негативных стереотипов, мифов, конспирологических антисемитских идей из менее подконтрольной сферы Интернета в другие СМИ и публичную сферу (табл. 4).

Чаше других о росте антисемитских проявлений в целом упоминали мужчины, молодые люди в возрасте 16–24 лет, жители Москвы и Санкт-Петербурга. Например, если в среднем по выборке о росте антисемитизма в Интернете и социальных сетях заявили 33% опрошенных, то среди молодежи этот показатель достиг 40%, по Москве — 38%, а по Санкт-Петербургу — 44%. О росте антисемитских проявлений в прессе в целом заявили 17% всех респондентов, но в выделенных группах его отметили 21% мужчин, 25% петербуржцев, 20% москвичей и 19% молодежи. Это те группы, в которых по результатам опроса, наиболее сильно выражена ценность собственной еврейской идентичности и необходимость ее утверждения и защиты.

Таблица 4

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАК ИЗМЕНИЛАСЬ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ ЧАСТОТА СЛЕДУЮЩИХ ЯВЛЕНИЙ?

	Значительно возросла	Немного выросла	Осталась на прежнем уровне	Немного сократилась	Сильно сократилась	Не знаю / Затрудняюсь ответить
Антисемитские граффити	1	4	38	17	23	16
Осквернение еврейских кладбищ, могил	1	7	37	21	19	16
Вандализм по отношению к зданиям, где расположены институты еврейской культуры, еврейские организации, общины и т.п.	1	8	37	20	21	14
Проявление агрессии по отношению к евреям на улице и в других публичных местах	2	7	35	21	24	11
Антисемитизм в прессе	4	13	37	20	13	13
Антисемитизм в политической и культурной жизни	4	13	37	19	16	12
Антисемитизм в Интернете и социальных сетях	16	17	32	14	9	13

Таблица 5

ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАСКОЛЬКО СЕРЬЕЗНЫМИ ДЛЯ СТРАНЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ЯВЛЯЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

		Очень серьез- ная проблема	Довольно серьезная проблема	Не очень серьезная проблема	Не является проблемой	Не знаю / Затрудняюсь ответить
Антисемитские граффити	Россия	4	16	41	36	3
	Среднее, 8 стран ЕС	15	30	41	9	5
Вандализм по отношению к зданиям, где расположены институты еврейской культуры, еврейские организации, общины и т.п.	Россия	11	24	37	25	3
	Среднее, 8 стран ЕС	19	31	37	8	5
Проявление агрессии по отношению к евреям на улице и в других публичных местах	Россия	10	15	38	34	3
	Среднее, 8 стран ЕС	24	30	35	9	2
Антисемитизм в прессе	Россия	10	25	36	25	4
	Среднее, 8 стран ЕС	27	32	30	10	2
Антисемитизм в политической и культурной жизни	Россия	9	24	36	27	4
	Среднее, 8 стран ЕС	17	27	39	14	3
Антисемитизм в Интернете и социальных сетях	Россия	22	29	25	18	6
	Среднее, 8 стран ЕС	46	29	13	3	9

При этом речь идет и о наиболее технологически продвинутых, информированных и социально активных группах — тех, кто чаще пользуется Интернетом, читает прессу и следит за новостями в СМИ, кто так или иначе участвует в общественно-политической жизни и поэтому более чувствителен к негативным проявлениям ксенофобских настроений и антисемитизма. Выше обеспокоенность этими явлениями и в двух столичных городах, где озабоченность

опрошенных антисемитскими настроениями особенно ярко выражена по сравнению с другими типами поселений¹.

Сравнение российских и европейских данных показывает значительные расхождения в интенсивности или остроте восприятия

¹ Напомним еще раз, что по своему социально-профессиональному, статусному положению опрошенное еврейское население в большей части входит в наиболее социально продвинутое и активную, социально и культурно обеспеченную часть общества.

проблем. В Европе гораздо более высокие показатели угрозы и частоты антисемитских эксцессов, чем в России, хотя иерархия «болевых зон» сходная. Европейские евреи значительно болезненнее воспринимают антисемитские проявления в Интернете, прессе и публичных местах, а также в политике и культурной жизни.

Личный опыт столкновения с проявлениями антисемитизма и восприимчивость к ним

Несмотря на отмеченное снижение антисемитских проявлений за последние пять лет, многим участникам российского опроса за последний год все же приходилось сталкиваться с различными антисемитскими высказываниями (табл. 6). Так, за последние 12 месяцев чаще другого респондентам доводилось слышать обвинения в том, что евреи обладают слишком большой властью в России: суждения в таком духе встречали 73% опрошенных (33% — часто или постоянно, 40% — иногда, лишь 26% респондентов никогда не слышали подобных слов). Также большинству участников опроса (53%) приходилось слышать утверждения, что евреи сами виноваты в антисемитизме, приблизительно по 50% опрошенных — что «евреи эксплуатируют тему Холокоста в корыстных целях» и что «Холокост — это миф или что его масштабы сильно преувеличены».

Важным для оценок самоопределения российских евреев является распределение данных о том, какие именно мнения или стереотипы, бытующие в обществе, считают «антисемит-

скими» сами евреи (табл. 7). Российские респонденты в первую очередь считают таковыми мнения, отрицающие или преуменьшающие значение Холокоста (70 и 72% соответственно выбрали варианты ответов «определенно да» и «скорее да»). Это еще раз подтверждает тезис, что память о Холокосте, несмотря на слабую проработку этого исторического события в российской публичной сфере, представляет одну из главных основ еврейской идентичности.

Помимо высказываний о Холокосте большинство российских евреев воспринимают как антисемитские суждения о том, что «мир был бы лучше, если бы не было Израиля» (так считают 69%, но рассматривают подобные высказывания как нечто чужое для российской реальности, поскольку 71% опрошенных никогда не встречались с такими высказываниями). Далее следуют обвинения самих евреев в том, что они причина распространения антисемитизма (67%), который возникает как реакция окружающих на поведения и образ жизни евреев, а также утверждения о том, что евреи обладают «чрезмерной властью» и влиянием в мире (65%).

Меньше респондентов «задевают» высказывания о том, что «интересы евреев в России отличаются от интересов остального населения» (48%) и что «евреи не в состоянии интегрироваться в российское общество» (51%). По всей видимости, это связано с тем, что с подобными высказываниями участникам опроса приходилось сталкиваться относительно редко: 75% заявили, что никогда не слышали похожих на

Таблица 6

ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ ВСТРЕЧАТЬ В РОССИИ ЛЮДЕЙ НЕ ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, УТВЕРЖДАЮЩИХ, ЧТО...

	Постоянно	Часто	Иногда	Никогда	Не знаю / Затрудняюсь ответить
У евреев в России слишком много власти (в экономике, политике, медиа)	11	22	40	26	2
Евреи эксплуатируют тему Холокоста в корыстных целях	7	16	27	47	2
Холокост — это миф или что его масштабы преувеличены	5	14	30	49	3
Израильяне ведут себя, «как нацисты» по отношению к палестинцам	6	16	28	46	4
Мир был бы лучше, если бы не было Израиля	2	4	19	71	4
Евреи не в состоянии интегрироваться в российское общество	1	4	16	75	3
Интересы евреев в России очень отличаются от интересов остального населения	3	10	27	57	3
Евреи сами виноваты в антисемитизме	5	15	33	43	4

Таблица 7

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРОЯВЛЕНИЕм АНТИСЕМИТИЗМА СЛЕДУЮЩИЕ УТВЕРЖДЕНИЯ, СДЕЛАННЫЕ НЕ ЕВРЕЕМ? (ответы ранжированы по первому столбцу)

	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Не знаю / Затрудняюсь ответить
Холокост — это миф или что его масштабы преувеличены	49	23	14	9	6
Мир был бы лучше, если бы не было Израиля	48	21	13	13	5
Евреи эксплуатируют тему Холокоста в корыстных целях	42	28	15	11	5
Евреи сами виноваты в антисемитизме	42	25	15	11	6
У евреев в России слишком много власти (в экономике, политике, медиа)	28	37	22	11	2
Израильтяне ведут себя, «как нацисты» по отношению к палестинцам	28	29	21	14	8
Евреи не в состоянии интегрироваться в российское общество	23	28	25	18	7
Интересы евреев в России очень отличаются от интересов остального населения	22	26	30	16	6

первое суждение, и 57% — нечто вроде вторых заявлений.

В какой-то степени, такие мнения могут свидетельствовать об ассимилированности евреев в российском обществе, ослаблении их прежней социальной стигматизированности и изолированности в повседневной жизни страны. Нормы племенного сознания и общинной жизни (в традиционном смысле) сегодня не характерны для значительной части опрошенных, в основном проживающих в крупных городах (это видно из данных о следовании еврейским традициям и предписаниям, см. в соответствующем разделе), что отражается на эрозии барьеров между разными этническими группами.

Полученные данные коррелируют с данными всероссийского опроса 2015 года, исследовавшего структуру массовых установок по отношению к евреям среди россиян и соответственно фиксирующего параметры распространения антисемитизма. Хотя в ходе общероссийского опроса было зафиксировано ослабление антисемитских стереотипов и клише по сравнению с более ранним периодом, тем не менее можно говорить об их живучести в российском массовом сознании, особенно в стереотипах представлений о качествах еврейского народа [3]¹. В частности, очень устойчивы представления об особой меркантильности евреев (по мнению 67% опрошенных во всероссийском опросе, «евреи живут богаче других», еще 57% согласились там же, что «для евреев

деньги важнее человеческих отношений»). Также 40% россиян заявляли о склонности евреев преувеличивать собственные беды, страдания и жертвы, а 32% опрошенных отмечали, что «евреи занимают слишком много места в культурной жизни России».

Негативные стереотипы, как показали результаты опроса 2015 года, особенно характерны, с одной стороны, для представителей «социальной периферии» (пожилых, средне- или низкообразованных, малообеспеченных граждан), а с другой — для москвичей — наиболее образованных, обеспеченных и адаптированных категорий населения по сравнению с жителями других регионов. Поэтому закономерно, что опрос российских евреев также указывает на большую обеспокоенность антисемитскими проявлениями, фиксируемую именно в столичных городах — Москве и Санкт-Петербурге, в наиболее активной и образованной, продвинутой среде. Здесь успешность евреев в профессиональном плане вызывает зависть и антипатию среди менее дееспособных категорий населения, навешивающих клеймо традиционных характеристик на своих социальных конкурентов и тем самым компенсирующих собственную ущербность или неполноценность.

Тем не менее, если сравнивать российское исследование с имеющимися в нашем распоряжении европейскими данными, бросается в глаза, что российские евреи гораздо менее единодушны в восприятии приведенных негативных высказываний и их квалификации как антисемитских по сравнению с европейцами (как это видно из табл. 8). В среднем россий-

¹ См.: Отчет об исследовании «Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации». М., 2016. С. 29–33.

Таблица 8

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРОЯВЛЕНИЕ АНТИСЕМИТИЗМА СЛЕДУЮЩИЕ УТВЕРЖДЕНИЯ, СДЕЛАННЫЕ НЕ ЕВРЕЕМ (совокупность ответов «определенно да» и «скорее да»)

	ЕС	Россия	Расхождение
Холокост — это миф или что его масштабы преувеличены	94	72	22
У евреев слишком много власти [в стране] (в экономике, политике, медиа)	91	65	26
Евреи эксплуатируют тему Холокоста в корыстных целях	90	70	20
Евреи не в состоянии интегрироваться в общество [страны]	84	51	33
Израильтяне ведут себя, «как нацисты» по отношению к палестинцам	81	57	24
Интересы евреев [в стране] очень отличаются от интересов остального населения	79	48	31

ские евреи не столь категоричны (в сравнении с европейскими евреями) в признании антисемитского характера предложенных для оценки высказываний в анкете. Расхождения в ответах россиян и европейцев могут составлять от 20 до 33 п.п. Возможно, здесь следует говорить о разном пороге чувствительности, о различной восприимчивости российских и европейских евреев к фактам дискриминации, а также и о реальном подъеме антисемитизма во многих европейских странах.

Оценка антисемитского характера отдельных мнений или действий не евреев

В дополнение к негативным высказываниям о евреях в проводившемся исследовании также анализировалось, в какой степени респонденты воспринимают некоторые виды поведения или действий не евреев в качестве антисемитских. Соответствующие вопросы, в частности, охватывали мнения о еврейском народе и государстве Израиль и отношения к ним (табл. 9).

Как выяснилось, в большинстве случаев перечисленные в вопросах мнения или действия в качестве антисемитских воспринимают лишь от четверти до трети опрошенных (27–32%). Другими словами, среди российских евреев на этот счет нет явного общего мнения, нормы от-

ношения или консенсуса. Исключением является выраженные предубеждения против брака с евреями (утверждение, что тот или иной знакомый (или знакомая) респондента не готовы жениться на еврейке или выйти замуж за еврея). Здесь доминирует полное согласие относительно антисемитской природы подобных установок (оно выражено 65% опрошенных).

Общественные среды распространения антисемитизма

В целом, если сравнивать данные российского и европейского опросов, создается впечатление, что европейским евреям действительно значительно чаще приходится сталкиваться с антисемитизмом на различных общественных площадках и в разных институциональных средах. Возможно, это говорит о большей ассимилированности или интегрированности российских евреев, размытости отличий в образе жизни, воспитании и ментальности евреев и не евреев, давнем опыте скрывания своей еврейской идентичности, но, может быть, и об ослаблении влияния негативных антисемитских стереотипов и мифов для самоидентификации. Одним из примеров, подтверждающих это соображение, может служить некоторая подвижка (впрочем, не слишком значительная) в позитивном отношении евреев к межэтническим

Таблица 9

БУДЕТЕ ЛИ ВЫ СЧИТАТЬ АНТИСЕМИТОМ НЕ ЕВРЕЯ, ЕСЛИ ОН/ОНА...

	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Не знаю / Затрудняюсь ответить
Не женился бы на еврейке / не вышла бы замуж за еврея	27	28	26	16	4
Всегда отмечает, кто из его/ее знакомых еврей (еврейка)	8	24	43	20	4
Считает, что у евреев особый характер	8	20	45	24	3
Не считает евреев, живущих в России, русскими	7	20	44	26	4
Критикует Израиль	5	22	49	21	3

бракам (табл. 10). Одобрение подобных союзов поднялось с 65 до 69% за последние 12 лет, иначе говоря, такое мнение о браке с гоем давно стало нормой, а не исключением (доля противников осталась той же самой — 22 и 21%).

Сравнение данных о частоте антисемитских проявлений, отмечаемых евреями из России и из европейских стран, показывает это со всей очевидностью.

С антисемитскими высказываниями респонденты чаще всего сталкивались в Интернете, в повседневных ситуациях общения (например, среди коллег, знакомых) — об этом сообщили примерно 40% опрошенных, а также в политических выступлениях или дискуссиях, в ток-шоу на телевидении, на радио, в газетах. 28% сталкивались с такими реакциями окружающих в публичных местах, на улице или в общественном транспорте (табл. 11).

Но значение подобных антисемитских выпадов или высказываний существенно различается в Европе и в России. Ксенофобские, расистские и антисемитские представления, лозунги и публичные высказывания играют важную роль как средства массовой мобилиза-

ции сторонников крайне правых популистских партий. Эти движения набирают силу, их идеи открыто транслируют в публичное и политическое пространство в более или менее явной форме.

В России ксенофобские, тем более расистские, идеи редко приобретают открыто политический характер, они цензурируются и в некоторых случаях становятся объектом уголовных преследований. Но то, что называется бытовой ксенофобией, которая обычно сопровождается латентным расизмом, распространено довольно широко. Ксенофобия такого рода направлена прежде всего на представителей кавказских и среднеазиатских народов, мусульман. Она представляет собой в большинстве случаев элементарные, защитные формы не гражданской, а скорее размывающейся трибалистской идентичности населения, не обладающего институциональными средствами обеспечения своего социального положения и потому воспринимающих всех «чужих» как угрозу. В качестве дополнительного фактора сохранения или возбуждения массовой ксенофобии можно указать на периодические пропагандистские кампании

Таблица 10

СОГЛАСИЛИСЬ БЫ ВЫ С ТЕМ, ЧТОБЫ ВАШИ ДЕТИ (БУДУЩИЕ, ВОЗМОЖНЫЕ ДЕТИ) ЗАКЛЮЧИЛИ БРАК С НЕ ЕВРЕЕМ/НЕ ЕВРЕЙКОЙ?

	2006 г. XII	2018 г. IV–V
Безусловно, да	29	40
Скорее да	36	29
Скорее был/а бы против	14	14
Определенно был/а бы против	8	7
Трудно сказать, не знаю	14	10

Таблица 11

ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ГДЕ ВЫ ЛИЧНО СЛЫШАЛИ, ИЛИ ВИДЕЛИ, ИЛИ ЧИТАЛИ ПОДОБНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ?

(множественный выбор)

	Россия	ЕС
В Интернете (блогах, соцсетях)	70	75
В повседневной ситуации общения (например, среди друзей, коллег)	41	51
В политических выступлениях или дискуссиях, ток-шоу на телевидении, на радио, в газетах	40	47
В публичном месте (например, на улице, в общественном транспорте)	28	47
В образовательном учреждении (в вузе, в университете, в школе)	11	25
В политических выступлениях или дискуссиях, общественных собраниях, на которых вы присутствовали	10	35
На политических мероприятиях (например, на демонстрации)	8	42
На культурных мероприятиях (например, на выставке, в театре, в кино)	5	24
На спортивных мероприятиях	2	-
Другое	2	10
Не помню, затрудняюсь ответить	4	5

«борьбы с терроризмом», призывы к бдительности и осторожности в отношениях с приезжими.

Дело не только в более интенсивных проявлениях антисемитизма в европейском контексте, но и в большей информированности и социальной чувствительности европейцев к проблемам дискриминации меньшинств, пониманию социальных угроз для демократии, скрытых в росте ксенофобии. В этих странах, где сложились открытые политические системы, глубоко осмыслен опыт тоталитаризма в его различных формах — фашизма, нацизма, агрессивного национализма — и укоренено сознание необходимости борьбы с подобными явлениями. Поэтому порог терпимости к проявлениям этнонациональной исключительности и ксенофобии здесь гораздо более низкий, а средства борьбы с ними более формализованы, публичны и институционально закреплены и доступны всем, кто может пострадать от этой агрессии или сознает опасность таких явлений. Как можно предположить, с этим связана однозначная и острая реакция европейских евреев на открытые проявления антисемитских взглядов и стереотипов (здесь, несомненно, следует учитывать широко распространяемые в системе массового образования и в политике знания об истории преследований евреев и о проблематике Холокоста в Европе).

Параметры антисемитизма

Дискриминация

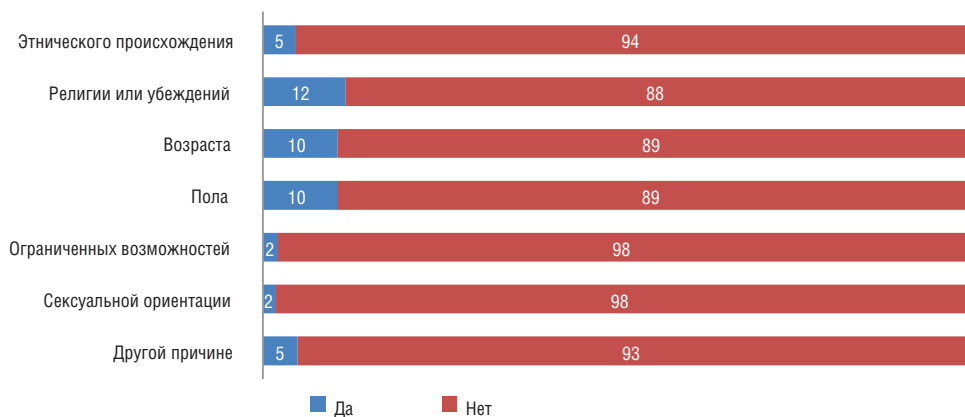
Проблема изучения дискриминации заключается в ее неоднозначности и многообразных

унижения, ущемления гражданских прав тех или иных этнонациональных или этноконфессиональных меньшинств. В России нынешний антисемитизм — наследник как советского государственного антисемитизма, так и более ранних форм аграрной ксенофобии и религиозной юдофобии, присущих консервативным силам в процессах модернизации. Хотя с распадом Советского Союза институциональный антисемитизм исчез и дискриминация евреев при приеме на работу, при поступлении в высшие учебные заведения и т.п. если и не полностью исчезла (по крайней мере, в основных сферах социальной жизни современной России), то заметно ослабла, тем не менее антисемитизм бытовой продолжает существовать. Можно также говорить и о существовании идеологического антисемитизма различных националистических групп, в том числе религиозных. С позиций официальных органов власти и их СМИ, высших иерархов РПЦ и руководства Московской патриархии такого рода группы и группировки занимают исключительно маргинальные позиции и не имеют большого распространения, однако специалисты общественных организаций, таких как информационно-аналитический центр «Сова» или Институт этнологии РАН, утверждают, что в интернет-пространстве существует множество антисемитски направленных изданий и сообществ, оказывающих определенное влияние на аудиторию.

Об ущемлении своих прав заявляли 10–12% опрошенных евреев¹. Относительно чаще упоминались такие формы дискриминации, как ограничения прав и возможностей по религи-

Диаграмма 1

ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ЧУВСТВОВАЛИ ЛИ ВЫ СЕБЯ ДИСКРИМИНИРУЕМЫМ ПО ПРИЧИНЕ... (N = 517)

латентных, или скрытых, формах проявления, расходящихся с декларируемыми в законодательных актах России принципами недопустимости разжигания межнациональной розни,

¹ Поскольку выборка исследования невелика, полноценное и статистически надежное сравнение между группами возможно лишь по признакам возраста, типа поселения, пола (образование в данном случае не является дифференцирующим признаком, поскольку подавляющее большинство опрошенных имеет одно и более высших образований).

озному (12%), половому (10%) и возрастному (10%) признакам (диаграмма 1). Меньше всего говорят о дискриминации по признаку сексуальной ориентации, инвалидности (или прав людей с ограниченными возможностями) и этнической принадлежности.

Сильнее задевает, как утверждают опрошенные евреи, проявления не этнической дискриминации, а религиозной. В случаях открытого манифестирования своей религиозной принадлежности и взглядов евреями высока вероятность того, что это может стать поводом для выражения окружающими негативных антисемитских установок, усиления восприятия иудеев как чужих, не вписывающихся в привычную для большинства россиян социальную среду и манеру поведения. Для определенной части населения характерно агрессивное и подозрительное отношение к «инаковости», такого рода люди не готовы воспринимать и принимать культурное разнообразие в стране.

Похожие вопросы о дискриминации, заданные в европейском исследовании АОП (табл. 12), свидетельствуют, что примерно треть опрошенных подвергалась дискриминации в той или иной форме за последние 12 месяцев. В среднем, по восьми странам, где проходило исследование, 19% опрошенных подвергались дискриминации по этническому признаку, 13% — религиозной дискриминации и столько же — гендерной. Реже всего респонденты говорили о дискриминации по признакам сексуальной ориентации, ограниченным возможностям или другим причинам. Эта картина существенно отличается от полученной нами в данном исследовании. Во-первых, о случаях дискриминации в России (вне зависимости от характера или поводов этой дискриминации) опрошенные вообще говорят гораздо реже, чем в Европе, а во-вторых, евреи в России меньше подвержены дискриминации по этническому признаку.

Таблица 12

ПРОЦЕНТ УПОМЯНУТЫХ СЛУЧАЕВ ДИСКРИМИНАЦИИ ЕВРЕЕВ В ИССЛЕДОВАНИИ АОП (приведены средние значения опроса евреев по восьми странам, в которых проводилось исследование)

Дискриминация имела место по мотивам...	
Религии или убеждений	19
Этнического происхождения	13
Возраста	13
Пола	9
Ограниченных возможностей	3
Сексуальной ориентации	3
Другой причине	2

В России респонденты чаще всего сталкиваются с дискриминацией во время поиска работы (на это обстоятельство указали 23% опрошенных, но из них только 9% объясняют это антисемитизмом работодателей (табл. 13)). Тем не менее на рабочем месте половина случаев дискриминации связана с антисемитизмом. То же происходит в учебных заведениях — половина случаев дискриминации основана на антисемитизме окружающих или администрации. Треть дискриминации при поиске жилья также объясняется антисемитскими предрассудками. Мы видим, что, хотя случаев дискриминации немного, тем не менее все еще до половины этих случаев связывается респондентами с антисемитизмом и нетерпимостью к евреям. Это подтверждает наши предыдущие наблюдения в исследованиях антисемитизма — низовой антисемитизм распространен в России не только в латентной форме и проявляет себя в ситуациях неформальных социальных взаимодействий, хотя на государственном уровне и в институтах он в открытой форме отсутствует.

В табл. 13 приведены абсолютные значения опрошенных, столкнувшихся с дискриминацией в перечисленных ранее ситуациях (поиск работы, аренда жилья, на рабочем месте и т.п.). В таблице указано число респондентов (из 517 опрошенных), которые во время поиска работы столкнулись с дискриминацией, а также число случаев, когда эта дискриминация была вызвана антисемитизмом.

Таким образом, параметры откровенной дискриминации по антисемитским мотивам, невелики — на такие случаи указывали от 0,5 до 3% респондентов, но они, безусловно, есть, что придает им гораздо большее значение в сознании евреев, помнящих о многолетней практике государственного антисемитизма как советских, так и дореволюционных времен.

Из-за малочисленности наших данных мы не можем провести прямое сравнение с данны-

ми европейского исследования. Однако европейские данные показывают, что уровень дискриминации в аналогичных ситуациях ниже, чем в России. Особенно это выражено в ситуациях оказания образовательных услуг и на рабочем месте. Среди евреев, проживающих в европейских странах, дискриминация в указанных ситуациях социального взаимодействия выражена гораздо слабее, чем в таких же ситуациях в России. Чаще всего дискриминация происходит во время поиска работы или на рабочем месте, 11 и 10% соответственно (табл. 14).

Следует очень осторожно обращаться с полученными данными. Число опрошенных,

которые в течение последних 12 месяцев сталкивались с антисемитской дискриминацией, в общей выборке исследования очень мало. Это не дает возможности на более детальный и математический анализ полученных распределений, поэтому мы приводим абсолютные числа, а не процентные соотношения.

Опыт антисемитских нападений

Антисемитизм в России последних 20–30 лет нельзя рассматривать в отрыве от других видов и форм ксенофобии (этнической, социально или политически мотивированной агрессии и вражды к мигрантам, религиозной

Таблица 13

ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ЧУВСТВОВАЛИ ЛИ ВЫ СЕБЯ ДИСКРИМИНИРУЕМЫМ ПО ЛЮБЫМ ПРИЧИНАМ? (абсолютные значения, $N = 517$)

Во время поиска работы	33
Почувствовали ли вы, что эта дискриминация произошла потому, что вы еврей (еврейка)?	3
На рабочем месте	34
Почувствовали ли вы, что эта дискриминация произошла потому, что вы еврей (еврейка)?	17
Находясь в поиске жилья для аренды или покупки	9
Почувствовали ли вы, что эта дискриминация произошла потому, что вы еврей (еврейка)?	3
Со стороны людей, работающих в платных или бесплатных медицинских учреждениях	31
Почувствовали ли вы, что эта дискриминация произошла потому, что вы еврей (еврейка)?	5
Со стороны людей, работающих в школе, университете или на курсах	29
Почувствовали ли вы, что эта дискриминация произошла потому, что вы еврей (еврейка)?	15

Таблица 14

ПОЧУВСТВОВАЛИ ЛИ ВЫ, ЧТО КАКИЕ-ТО ИЗ НАЗВАННЫХ ВАМИ ИНЦИДЕНТОВ ДИСКРИМИНАЦИИ ПРОИЗОШЛИ ПОТОМУ, ЧТО ВЫ ЕВРЕЙ (ЕВРЕЙКА)? (% от тех, отметил дискриминацию по перечисленным позициям)

	Среднее по 8 странам ЕС
Во время поиска работы	10
На рабочем месте	11
Поиск жилья для аренды или покупки	4
Со стороны людей, работающих в медицинских учреждениях	3
Со стороны людей, работающих в школе, университете или на курсах	8

Таблица 15

АБСОЛЮТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ФАКТОВ ДИСКРИМИНАЦИИ И ИХ СВЯЗИ С ЕВРЕЙСКИМ ПРОИСХОЖДЕНИЕМ ($N = 517$)

	Абсолютные значения
Почувствовали ли вы, что дискриминация во время поиска работы произошла потому, что вы еврей (еврейка)?	3
Почувствовали ли вы, что дискриминация на рабочем месте (со стороны людей, с которыми вы работаете) произошла потому, что вы еврей (еврейка)?	17
Почувствовали ли вы, находясь в поиске жилья для аренды или покупки (со стороны риелтора, собственника жилья), что дискриминация произошла потому, что вы еврей (еврейка)?	3
Почувствовали ли вы, что дискриминация со стороны людей, работающих в платных или бесплатных медицинских учреждениях (врач, медсестра, регистратор), произошла потому, что вы еврей (еврейка)?	5
Почувствовали ли вы, что дискриминация со стороны людей, работающих в школе, университете или на курсах (это могло произойти с вами как со школьником, студентом или как с родителем), произошла потому, что вы еврей (еврейка)?	15

нетерпимости). Это особый вид этнонациональных предрассудков и антипатий, хотя и не изолированный от других разновидностей ксенофобии. Сегодня антисемитизм предстает как часть (причем не самая выраженная) широкого спектра ксенофобских взглядов и настроений, обладающих разной степенью распространенности и, что важнее, разной интенсивностью проявления неприязни или открытой агрессии, присущих массовому сознанию российского общества в последние 10–15 лет.

По результатам предшествующих исследований антисемитизма в России («Левада-Центр», 2011, 2015 и др.) можно сказать, что в нынешних условиях антисемитизм сохраняется в первую очередь в функциональной роли общей парадигмы ксенофобии, способа выражения для любых других видов ксенофобии и лишь во второй — в качестве актуальной открытой агрессии против евреев, выражения ненависти к евреям. Это заключение подтверждается данными о нападениях на ксенофобской почве [2]¹.

В настоящем исследовании респондентов спрашивали о случаях насильственных действий или угрожающего поведения, проявленных по отношению к ним за последние пять лет и за последние 12 месяцев, предшествующих опросу.

Первый блок вопросов о ситуациях, в которых респонденты сталкивались с антисемитскими выпадами и проявлениями разной степени агрессивности, включает в себя шесть

вопросов, направленных на фиксацию таких происшествий в течение последних пяти лет (табл. 16). Эти вопросы описывают следующие ситуации:

- оскорбительные или угрожающие письма или сообщения;
- звонки с оскорблениями или угрозами;
- преследование, угрозы;
- оскорбительные и угрожающие комментарии в присутствии респондента;
- оскорбительные жесты в адрес респондента;
- оскорбительные комментарии по отношению к респонденту в Интернете, социальных сетях.

Подчеркнем, что приводимая здесь таблица покрывает все виды агрессии, а не только те, которые имеют под собой антисемитский мотив.

Наиболее распространенный вид агрессии, с которым сталкивались респонденты за последние пять лет, — оскорбительные и угрожающие комментарии по отношению к ним; второй и третий по частоте виды агрессии — оскорбительные жесты и публикация оскорбительных комментариев в Интернете. Более серьезные для жизни и здоровья человека случаи агрессии встречаются гораздо реже, большинство респондентов их практически никогда не испытывают (речь идет о преследованиях и stalking²).

Мужчины несколько чаще женщин сталкиваются с перечисленными видами угроз и на-

Таблица 16

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ СТАЛКИВАЛИСЬ ЛИ ВЫ С СИТУАЦИЯМИ, КОГДА... (N = 517)

	Однажды	Дважды	3–5 раз	6–10 раз	Более 10 раз	Постоянно	Никогда
Кто-то отпускал оскорбительные или угрожающие комментарии по отношению к вам в вашем присутствии?	10	7	9	4	3	2	65
Кто-то позволял себе оскорбительные жесты в ваш адрес?	6	6	6	3	2	3	73
Кто-то публиковал оскорбительные комментарии по отношению к вам в Интернете, социальных сетях?	5	5	7	2	5	3	73
Кто-то посылал вам оскорбительные или угрожающие письма или сообщения?	6	4	4	1	4	1	80
Кто-то звонил вам с оскорблениями или угрозами?	3	1	2	0	1	0	92
Кто-то выслеживал, поджидал вас, следовал за вами, угрожая?	3	0	1	0	0	0	94

² Stalking — нежелательное навязчивое внимание к одному человеку со стороны другого человека или группы людей. Stalking является формой домогательства и запугивания; как правило, выражается в преследовании жертвы, слежении за ней. Типичное поведение stalkеров включает постоянные телефонные звонки и оскорбления по телефону, посылку нежелательных подарков, выслеживание и шпионаж.

¹ Ксенофобия в цифрах: Преступления ненависти и противодействие им в России в 2017 году. Январь 2018 года / Под ред. А. Верховского. [Электронный ресурс]. <https://www.sova-center.ru/racism- xenophobia/ publications/2018/01/d38732/>

падений, в среднем на 5–7%. О словесном насилии и словесных угрозах значительно чаще других категорий опрошенных говорят молодые люди 16–24 лет, причем такое насилие носит повторяющийся характер. Как минимум 25% молодых сталкивались с угрозами и оскорблениями от 1 до 5 раз в последние пять лет. Пожилые люди почти не сталкиваются с перечисленными видами психологического насилия, в частности, в силу более узкого круга общения и низкой социальной активности, очень невысоким показателем пользования Интернетом и т.п. По оценке респондентов, столкнувшихся с любым из перечисленных видов насилия, почти половина ответивших (44%) считают, что эти происшествия произошли на почве антисемитизма (диаграмма 2).

При анализе социально-демографической структуры респондентов, столкнувшихся с антисемитизмом, мы видим, что только 31% опрошенных в возрасте 16–24 лет связывают насилие, произошедшее с ними в последние

пять лет, с антисемитизмом. В средних возрастных группах с антисемитизмом связывается 41% атак, а вот в старшей (55 лет и старше) в антисемитском характере атак уверены уже 65% опрошенных, хотя в последние пять лет с перечисленными видами агрессии сталкивалось не более 15% опрошенных. Иными словами, квалификация таких инцидентов как проявлений антисемитизма нарастает с возрастом.

Из 517 опрошенных с оскорблениями на почве антисемитизма сталкивались только 104, т.е. примерно каждый пятый опрошенный. Наиболее распространенные методы антисемитизма выражаются в угрозах и оскорблениях, но они редко переходят в реальные действия — выслеживания, преследования и физические атаки. Отметим, что эти проявления антисемитизма не носят систематический характер и не происходят на постоянной основе.

Как отмечалось, антисемитская агрессия — способ выражения ксенофобии вообще, а не обязательно актуальной агрессии против ев-

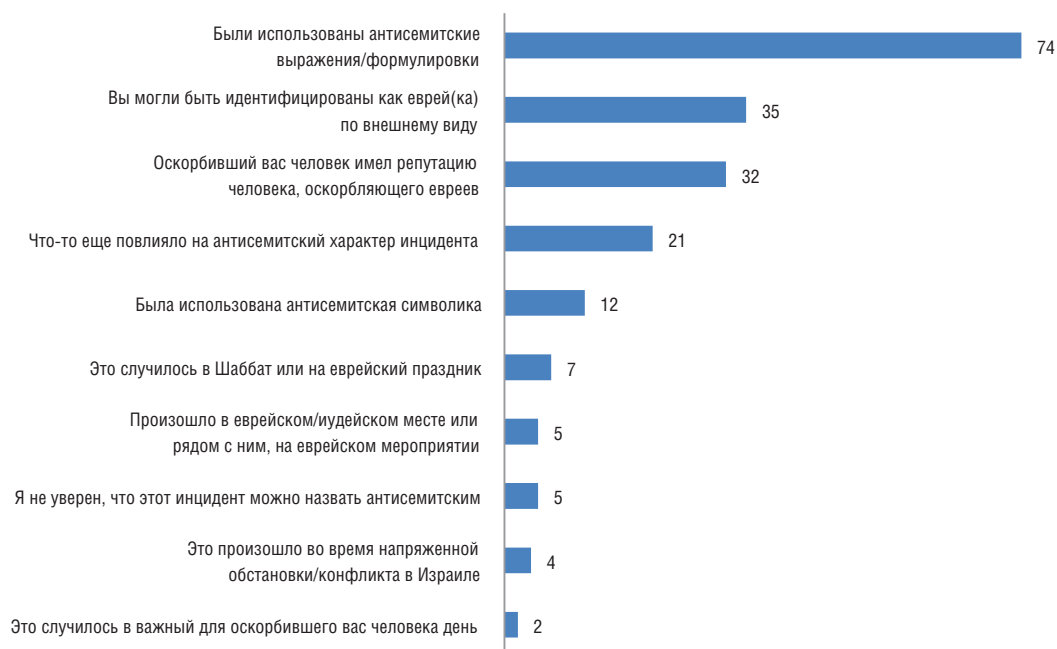
Диаграмма 2

КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ЭТО ПРОИЗОШЛО ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ВЫ ЕВРЕЙ/КА? (N = 236)

Диаграмма 3

ИМЕЕТ ЛИ ОТНОШЕНИЕ К ЭТОМУ ИНЦИДЕНТУ ЧТО-ЛИБО ИЗ НИЖЕПЕРЕЧИСЛЕННОГО? (N = 104)

реев, так, во всяком случае, показывают данные ответов самих опрошенных (диаграмма 3). В 74% случаев этих атак была использована антисемитская лексика, но определить потерпевшего как еврея, по мнению опрошенных, можно было только в трети случаев. Обращает на себя внимание низкий процент случаев использования антисемитской символики. Произошедшие случаи почти не связаны с еврейскими праздниками или организациями.

Сами респонденты считают наиболее серьезными происшествиями оскорбления и угрозы в реальной ситуации. Чаще всего эти происшествия выражаются в использовании антисемитских выражений. Причем не обязательно, чтобы человек, к которому эти комментарии обращены, мог быть идентифицирован как еврей/ка. К случаям антисемитизма, произошедшим онлайн или без непосредственного контакта с нападавшим, респонденты относят-

ся менее настороженно и не считают их опасными (диаграмма 4).

Публикацией оскорбительных антисемитских материалов в Интернете больше всего обеспокоены люди в возрасте 25–29 лет, таких почти 40% опрошенных, причем женщин больше, чем мужчин, — 34 и 25% соответственно. Более половины (64%) молодых людей, 16–24 года, обеспокоены вербальной агрессией и угрозами, выраженными в их присутствии, в других возрастных группах уровень обеспокоенности этим видом агрессии находится на уровне 44%.

Как и в случаях обычной, бытовой агрессии, не имеющей под собой ксенофобских мотивов, чаще всего проводниками антисемитских выступлений является кто-то, с кем жертва незнакома. По оценкам респондентов, часто эти люди придерживаются националистических взглядов. На втором месте среди агрессоров упоминаются знакомые и коллеги (табл. 17).

Диаграмма 4
КАКОЙ ИЗ ЭТИХ ИНЦИДЕНТОВ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ, ПРОИЗОШЕДШИХ С ВАМИ ПОТОМУ ЧТО ВЫ ЕВРЕЙ(КА), СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ СЕРЬЕЗНЫМ? (N = 103)

Таблица 17
КТО ВАС ОСКОРБЛЯЛ В ЭТОЙ СИТУАЦИИ? (N = 104)

	Всего	Пол	
		мужской	женский
Кто-то мне незнакомый	44	44	44
Кто-то придерживающийся националистических православных взглядов	28	30	26
Знакомый(ая) или друг/подруга	25	30	20
Кто-то, кого я знаю	22	22	22
Коллега по работе/учебе	16	15	18
Кто-то придерживающийся правых политических взглядов	16	22	10
Подросток или группа подростков	14	13	14
Кто-то придерживающийся радикальных исламских взглядов	8	7	8
Кто-то придерживающийся левых политических взглядов	4	6	2
Клиент(ка) на работе	1	0	2
Полицейский	0	0	0

Место происшествия подтверждает это предположение. Чаще всего такая вербальная агрессия происходит на улице или в каком-либо публичном месте, реже в доме или в местах, где есть много других людей (кафе, рестораны). Такой характер антисемитских случаев свидетельствует о наличии в городах, где проходил опрос, диффузного антисемитизма, пребывающего в спящем, латентном, состоянии (диаграмма 5). Есть небольшие различия в опыте антисемитизма между мужчинами и женщинами, но они не важны для общей картины существующего уровня насилия по отношению к евреям.

Можно говорить, что интенсивность антисемитских установок существенно ослабла. Актуальность и значимость антисемитизма вытеснены на периферию общественного сознания, его проводниками оказываются люди с уже существующими ксенофобскими или юдофобскими установками.

Вандализм

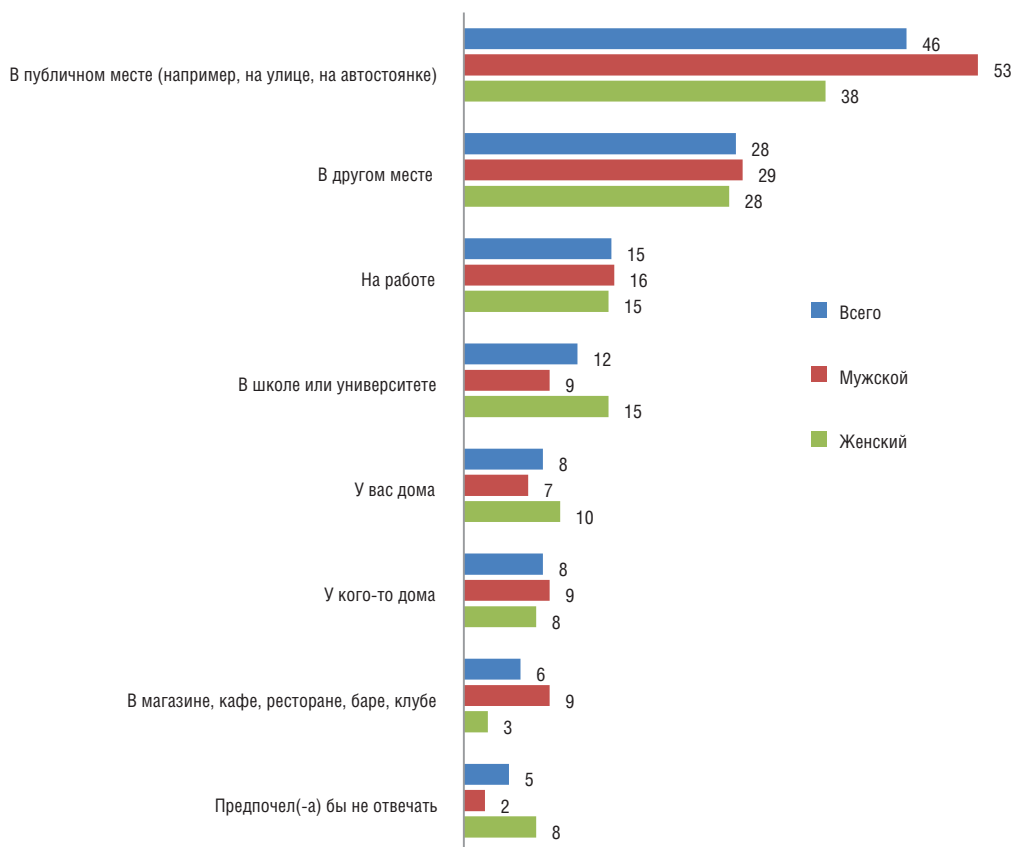
Перейдем к более серьезным происшествиям на почве национализма и ксенофобии. К вандализму относятся повреждения кладбищ, памятников, культурных объектов и различ-

ного имущества, принадлежащего евреям или еврейским организациям. Уголовный кодекс РФ классифицирует такие преступления по разным статьям УК и обычно относит их к вандализму, однако по замечанию центра «Сова» правоприменение этих статей к совершенным преступлениям не всегда последовательно и не описывает все возможные виды покушения на собственность.

Хотя данные центра «Сова» фиксируют абсолютный рост случаев вандализма, наше исследование не может подтвердить это наблюдение. Подавляющее большинство респондентов не сталкивались с вандализмом за последние пять лет. Из 10%, у которых такой опыт есть, только 16% уверены, что произошедшее случилось на почве антисемитизма (диаграмма 6). В масштабах опрошенной выборки это исчезающе малое количество случаев. Такие цифры не дают оснований для хоть какой-то надежной оценки угрозы вандализма. Расхождение с оценками «Совы» связано с тем, что мы фиксируем нападения на почве антисемитизма, в то время как «Сова» регистрирует все случаи покушения на собственность, в том числе нападения на объекты «идеологических против-

Диаграмма 5

МЕСТА, ГДЕ РЕСПОНДЕНТЫ СТОЛКНУЛИСЬ С АНТИСЕМИТСКИМИ ВЫПАДАМИ И ДРУГИМИ ИНЦИДЕНТАМИ (N = 85)

ников». Среди этих «противников» как государственные учреждения, так и здания «пятой колонны», а не только религиозные организации и не только еврейские организации.

Физическому насилию за последние пять лет также подверглось 10% опрошенных (46 человек) (диаграмма 7). Из этого числа за последние пять лет 13 человек из всей выборки (2,5%) сталкивались с физическим насилием, мотивированным или оправдываемым антисемитскими аргументами и основаниями.

Несмотря на малочисленность таких происшествий, обращает внимание, что в подавляющем большинстве случаев жертва могла быть идентифицирована как еврей или еврейка (соответствующая одежда, атрибуты и пр.), а нападающий употреблял антисемитские выражения и оскорбления. Но эти нападения не носят организованный характер, так как чаще всего агрессор всего один, он/она не знаком с жертвой, что подтверждает предыдущее наблюдение — акт агрессии имел «спонтанный характер», дело чаще всего происходило в публичном месте, нападающий — одиночка, не знакомый с жертвой, само нападение чаще всего не носило организованный характер и выразилось в форме антисемитских оскорблений и выкриков.

Важно, что пострадавшие не стремятся предавать такие случаи огласке или обращаться в правоохранительные органы. В качестве объяснения такому поведению респонденты приводят следующие причины: «справился с произошедшим самостоятельно» и «это неудобно/много мороки».

Процент информирования правоохранительных органов или других организаций в Европе несколько выше, чем в России, — в среднем 24% пострадавших сообщали об антисемитских инцидентах. Различается и мотивация респондентов. Так, опрошенные в рамках европейского исследования среди причин не обращения указывали следующие факторы — «это недостаточно серьезно» и «это бы ничего не изменило». Только 18% пострадавших говорят, что подать заявление в полицию или другую организацию слишком сложно (табл. 18).

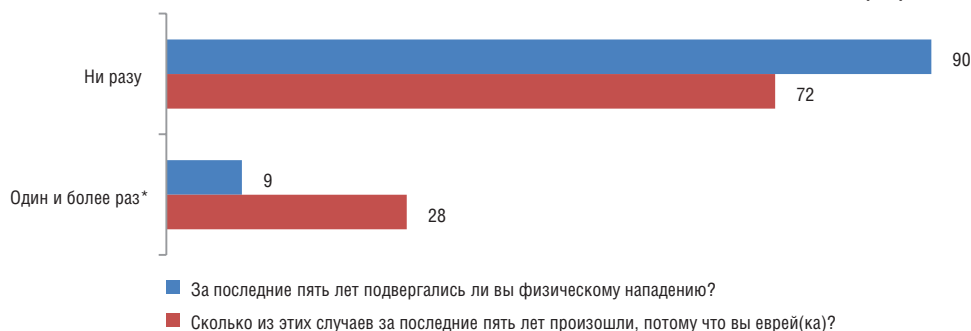
Российским правоохранительным органам нужно облегчить прием обращений граждан, в противном случае большая масса правонарушений, связанных с разжиганием ненависти к другим лицам или группам по национальным мотивам, остается вне их поля зрения, что, разумеется, не способствует борьбе с такими преступлениями.

Диаграмма 6
СЛУЧАИ ВАНДАЛИЗМА (N = 517)

*Сумма ответов «однажды», «дважды», «3–5 раз», «6–10 раз», «больше 10 раз».

Диаграмма 7
ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ ПОДВЕРГАЛИСЬ ЛИ ВЫ ФИЗИЧЕСКОМУ НАПАДЕНИЮ? (N = 517)
СКОЛЬКО ИЗ ЭТИХ СЛУЧАЕВ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ ПРОИЗОШЛИ ПОТОМУ, ЧТО ВЫ ЕВРЕЙ(КА)?

*Сумма ответов «однажды», «дважды», «3–5 раз», «6–10 раз», «больше 10 раз».

Таблица 18

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ СООБЩИЛИ О СЛУЧИВШЕМСЯ В ПОЛИЦИЮ?

	Среднее по 8 странам ЕС
Это недостаточно серьезно	27
Это неудобно/слишком много мороки	18
Ничего бы не произошло/это бы не изменило ситуацию	27
Я не доверяю полиции	10
Я сообщил(а) об этом в другие организации	7
Я самостоятельно разобрался(лась) с этим	23
Боюсь, что мне будут мстить	5
Другие причины	14

Диаграмма 13

ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ БЫЛИ ЛИ ВЫ СВИДЕТЕЛЕМ КАКИХ-ЛИБО ИЗ СЛЕДУЮЩИХ АНТИСЕМИТСКИХ ИНЦИДЕНТОВ? (Россия, N = 517)

Диаграмма 14

ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ СТАЛКИВАЛСЯ ЛИ ЧЛЕН ВАШЕЙ СЕМЬИ ИЛИ ДРУГОЙ БЛИЗКИЙ ЧЕЛОВЕК СО СЛЕДУЮЩИМИ ИНЦИДЕНТАМИ (N = 517)

Об оскорблениях или нападениях, участниками которых стали родственники или знакомые респондентов, за последние 12 месяцев, говорят только 13% опрошенных — 67 человек (диаграмма 13). Из этого числа 64% случаев составляют антисемитские оскорбления и только треть — физическое нападение. В пересчете на всю выборку это 8 и 2% соответственно.

По сравнению с данными АОП, российские евреи реже сталкиваются с антисемитскими проявлениями (как лично, так и в отношении родственников). Так, уровень антисемитских проявлений, о которых сообщили евреи во время европейского исследования, — 27% (среднее

по странам — участницам исследования). Но лишь четверть опрошенных (среднее по странам — участницам исследования) заявили, что с такими антисемитскими инцидентами сталкивались их родственники.

Опасения и беспокойства по поводу антисемитских атак и нападений

Евреев всегда выделяли в отдельную общность как окружающие их люди других этнических общностей, так и они сами. Не всякое выделение (и самоизоляция) были связаны с негативной стигматизацией или угрозами безопасности евреев, но в любом случае обособле-

ние извне не могло не сказываться на опасениях евреев за свою будущую безопасность и обостренные ожидания агрессии со стороны окружающих. Весь исторический опыт дискриминации и преследований евреев лишь подтверждал такого рода опасения.

Среди опрошенных российских евреев страх оказаться объектом агрессивного антисемитизма выражен сегодня достаточно слабо, только 9% респондентов отмечают такие опасения по отношению к самим себе (диаграмма 15). А вот опасения за своих родных и близких показывают уже более высокий уровень тревожности. Почти треть опрошенных — 27% — опасаются, что их родные и близкие могут стать объектами физического нападения, 41% беспокоятся о том, что их родственники могут стать объектами словесных атак и оскорблений. Такой перенос усиленного беспокойства на близких указывает на более высокую фоновую и нерационализируемую тревожность и страхи, которые слабее артикулируются и не могут объясняться конкретными причинами и фактами неприязни или вражды в отношении себя. Общая диффузная тревожность переносится на других и объективируется в форме беспокойства за близких

(что в целом вообще характерно для людей, но в данном случае важно, что речь идет об антисемитских угрозах).

Эти опасения существенно выше, чем число реальных нападений и антисемитских атак, зарегистрированных в России, или тех респондентов, которые информированы о подобных случаях агрессии. Это важный показатель уровня тревожности в еврейской среде, слабой защищенности евреев в обществе от проявлений антисемитизма. Кроме того, хронические опасения антисемитских атак стали важным компонентом еврейской идентичности. При высоком уровне антисемитизма страх стать объектом нападений увеличивается, что подталкивает к декларируемому отказу от еврейской идентичности и ассимиляции с титульной этничностью либо, напротив, усиливает сплоченность, укрепляет внутригрупповую идентичность еврейских общин, готовность к солидарности и взаимопомощи. Высокая тревожность по поводу негативного отношения окружающих к себе, группе, сообществу может приводить к реактивной идентичности, когда дискриминируемое меньшинство использует гипертрофированные формы самоутверждения себя в мире, например фундаментализм.

Диаграмма 15

НАСКОЛЬКО В ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ВЫ ОПАСАЕТЕСЬ БЫТЬ ОБЪЕКТОМ СЛОВЕСНОЙ ИЛИ ФИЗИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ, КОГДА НАХОДИТЕСЬ НА УЛИЦЕ ИЛИ В ДРУГОМ ПУБЛИЧНОМ МЕСТЕ? (сумма ответов «очень опасуюсь» + «опасуюсь» и «не очень опасуюсь» + «не опасуюсь», N = 517)

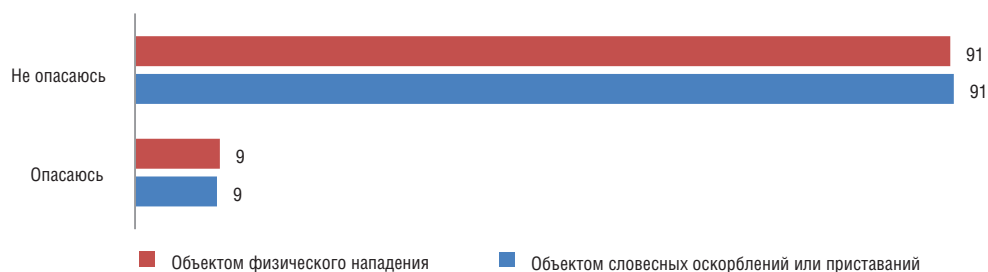

Диаграмма 16

НАСКОЛЬКО В ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ВЫ ОПАСАЕТЕСЬ, ЧТО ЧЛЕН ВАШЕЙ СЕМЬИ ИЛИ ДРУГОЙ БЛИЗКИЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ СТАТЬ ОБЪЕКТОМ СЛОВЕСНОЙ ИЛИ ФИЗИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ОН(А) ЕВРЕЙ(ЕВРЕЙКА), КОГДА НАХОДИТСЯ НА УЛИЦЕ ИЛИ В ДРУГОМ ПУБЛИЧНОМ МЕСТЕ? (сумма ответов «очень опасуюсь» + «опасуюсь» и «не очень опасуюсь» + «не опасуюсь», N = 517)

Последующий анализ ответов респондентов свидетельствует об отсутствии влияния этих опасений на ношение или демонстрацию вещей в публичных местах, которые могли бы помочь окружающим признать в человеке еврея или еврейку (чуть более половины опрошенных — 52% — носят такие предметы одежды всегда или иногда). Весомыми аргументами для отказа от демонстрации религиозных или этнических маркеров еврейства эти опасения являются только для 14% опрошенных. Наиболее выражены эти опасения среди молодых людей из малых и средних городов.

В европейских странах уровень тревожности, страх перед антисемитскими выпадами и нападениями оказывается выше, чем в России. Согласно докладу АОП в среднем 46% опрошенных боятся словесных оскорблений и 33% — физического нападения (табл. 19), в России, как было указано, опасаются таких явлений только 9% ответивших.

Высокий уровень антисемитских атак в Европе порождает высокую тревожность среди европейских евреев. В среднем половина опрошенных там боятся, что их родные могут стать жертвами словесных оскорблений, и около 40%, что они могут стать жертвами физического нападения.

Борьба с дискриминацией

Ключевым аспектом для понимания существующей в российском обществе дискриминации является правоприменение существующего законодательства, информированность и поведение граждан, связанное с информирование правоохранительных органов.

Большинство опрошенных (69%) говорят о том, что не знают ни об одной организации, занимающейся помощью людям, пострадавшим от дискриминации на любой почве (диаграмма 17).

Среди организаций, занимающихся такими проблемами, называют широкий круг. Чаще всего респонденты упоминают правозащитные организации, еврейские структуры и общины, совет по правам человека, институт омбудсмена. Меньше всего упоминаний государственных органов законодательной и исполнительной власти — местных и федеральных законодательных собраний, полиции, общественных палат. Это симптом того, что государство совершенно провалило работу по защите граждан от всех видов и форм дискриминации, которую должно делать согласно Конституции РФ. Недоверие полиции в вопросах информирования о преступлениях на почве ненависти говорит о полном неверии граждан в способности полиции решать такие дела, а также о том, что представления о сложившейся практике правоприменения в общем скорее негативные.

Информированность опрошенных о существующем законодательстве очень слабая. В РФ нет специальных законов, регламентирующих антисемитские проявления, кроме ст. 29 Конституции РФ и ст. 282 УК РФ; в остальных случаях мотивы национальной, расовой и межэтнической розни являются отягчающими обстоятельствами. Несмотря на такую скромную правовую базу, треть опрошенных считают, что законы, запрещающие антисемитизм и преуменьшение Холокоста, в России есть (и еще треть затрудняется ответить) (диаграмма 19).

Таблица 19

НАСКОЛЬКО В ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ВЫ ОПАСАЕТЕСЬ БЫТЬ ОБЪЕКТОМ СЛЕДУЮЩИХ ИНЦИДЕНТОВ ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ВЫ ЕВРЕЙ(ЕВРЕЙКА), КОГДА НАХОДИТЕСЬ НА УЛИЦЕ ИЛИ В ДРУГОМ ПУБЛИЧНОМ МЕСТЕ? (% от ответивших)

	Россия	Среднее по ЕС
Словесных оскорблений*	9	46
Физического нападения*	9	33

*Сумма ответов «опасаюсь» и «очень опасаюсь».

Диаграмма 17

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ УПОЛНОМОЧЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА ИЛИ ОРГАНИЗАЦИЮ, КОТОРЫЕ ПРЕДЛАГАЮТ ПОМОЩЬ ИЛИ СОВЕТ ЛЮДЯМ, ПОДВЕРГШИМСЯ ДИСКРИМИНАЦИИ ПО КАКОЙ-ЛИБО ПРИЧИНЕ? (N = 517)

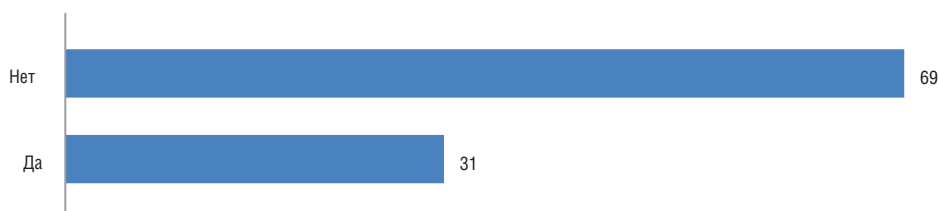

Диаграмма 18

КОГО БЫ ВЫ НАЗВАЛИ КАК УПОЛНОМОЧЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЛИ ОРГАНИЗАЦИЮ, КОТОРЫЕ ПРЕДЛАГАЮТ ПОМОЩЬ ИЛИ СОВЕТ ЛЮДЯМ, ПОДВЕРГШИМСЯ ДИСКРИМИНАЦИИ ПО КАКОЙ-ЛИБО ПРИЧИНЕ? (N = 517)

Диаграмма 19

ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ ЗАКОН, ЗАПРЕЩАЮЩИЙ ОТРИЦАНИЕ ИЛИ ПРЕУМЕНЬШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ХОЛОКОСТА? (N = 517)
ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ ЗАКОН, ЗАПРЕЩАЮЩИЙ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО К НАСИЛИЮ ИЛИ НЕНАВИСТИ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ? (N = 517)

Сопоставительные вопросы о законодательстве в сфере защиты граждан от этнической дискриминации, в том числе от антисемитизма, и закон о запрете преуменьшения Холокоста отражают общую осведомленность о законодательстве страны, в которой живут респонденты. ЕС обязывает все страны-участницы законодательно бороться с антисемитизмом, в том числе иметь национальные законы, защищающие от него своих граждан. Поэтому более половины опрошенных в ЕС говорят, что в их стране такое законодательство существует (табл. 20 и 21). В России нет, как мы уже отме-

чали, специальных законов, ограничивающих антисемитизм.

Дизайн нашей выборки был построен таким образом, что в нее отбирались респонденты двумя разными способами: 1) «из списка» евреев, предоставленного Российским еврейским конгрессом, сотрудничающих с еврейскими организациями и общинами; 2) методом «снежного кома», контакты респондентов давали люди «из списка». Вне зависимости от метода отбора все респонденты идентифицируют себя как евреи, неважно, по какому принципу — происхождения или религиозному.

Таблица 20

ЕСТЬ ЛИ [В СТРАНЕ] ЗАКОН, ЗАПРЕЩАЮЩИЙ ОТРИЦАНИЕ ИЛИ ПРЕУМЕНЬШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ХОЛОКОСТА? (% ОТ ОТВЕТИВШИХ)

	Россия	Среднее по ЕС
Да	9	54
Нет	48	31
Не знаю	44	15

Таблица 21

ЕСТЬ ЛИ [В СТРАНЕ] ЗАКОН, ЗАПРЕЩАЮЩИЙ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО К НАСИЛИЮ ИЛИ НЕНАВИСТИ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ? (% ОТ ОТВЕТИВШИХ)

	Россия	Среднее по ЕС
Да	26	74
Нет	40	14
Не знаю + возможно, есть	34	12

Мы провели анализ распределения ответов респондентов по этим двум группам в связи с опытом нападения и дискриминации. В целом ответы респондентов из двух групп не противоречат описанным выше паттернам. Из зафиксированных отличий мы считаем нужным указать на то, что респонденты «из списка» немного чаще сталкивались или были свидетелями оскорблений или атак на антисемитской почве и чаще склонны считать, что произошедшие нападение/атака являлись проявлением антисемитизма. Они или их близкие чаще сталкиваются с проявлением антисемитизма в публичных местах и подвергались дискриминации из-за религиозных убеждений и в 2 раза чаще респондентов, отобранных «снежным комом», носят символические вещи и знаки, по которым можно понять, что они евреи. Важно, отметить, что эти две группы респондентов сталкиваются с немного разным антисемитизмом. Респонденты «из списка» чаще встречаются со словесными угрозами и атаками в Интернете, т.е. направленным антисемитизмом, в то время как респонденты, набранные методом «снежного кома», чаще встречаются с бытовым антисемитизмом, не направленным против них как евреев.

Уровень опасения стать жертвой дискриминации или нападения у респондентов, набранных «по списку», не выше, чем у набранных методом «снежного кома». Опыт столкновений с проявлениями антисемитизма не влияет на практики ношения предметов или вещей, которые свидетельствует о том, что демонстрирующий их — еврей.

Мы считаем, что эти различия связаны с тем, что респонденты, отобранные «из списка», сильнее вовлечены в работу еврейских общин и

организаций и могут быть более религиозными, поэтому сталкиваются с антисемитизмом чаще, а также острее реагируют на проявления антисемитизма, чем те, кто тесно не связан с общиной или не является религиозным человеком.

Распространенность насилия в России в сравнении с европейскими странами

Для этого исследования мы проанализировали доклады информационно-аналитического центра «Сова» [2]¹, отчет Центра Кантора [6]² и доклады АОП, которые упоминались ранее. Различия в правовой базе, форме регистрации преступлений на этнической почве, временная разница опросов в разных странах несколько затрудняют сравнение положение дел в России и в странах ЕС. Тем не менее мы можем описать существующие тренды в Европе и России.

Европейское агентство фундаментальных прав сообщает о снижении числа преступлений на антисемитской почве в Европе. Тем не менее разница числа таких преступлений в Европейском союзе сильно варьирует от страны к стране (табл. 22). По словам составителей доклада, число преступлений на антисемитской почве сильно зависит от существующей практики правоприменения и законодательства, направленного на предотвращения преступлений на почве ненависти, а также от практики информирования властей о подобных инцидентах. Напомним, что 85% респондентов,

¹ Ксенофобия в цифрах: Преступления ненависти и противодействие им в России в 2017 году. Январь 2018 года / Под ред. А. Верховского [Электронный ресурс]. <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2018/01/d38732/>

² Антисемитизм в мире в 2017 году (основные положения ежегодного доклада Центра Кантора) [Электронный ресурс]. <http://www.moshekanor.com/docs/127/>

Таблица 22

АНТИСЕМИТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ПОЧВЕ НЕАВИСТИ В РЕГИОНЕ ОБСЕ В 2013 ГОДУ¹

Государство — член ЕС	Число зарегистрированных антисемитских преступлений на почве ненависти	Национальный контактный центр по преступлениям на почве ненависти
Австрия	37	Федеральное министерство по делам Европы и внешней политики, Федеральная канцелярия Австрии
Чехия	1	Федеральное министерство внутренних дел, Федеральное агентство по государственной защите и борьбе с терроризмом
Франция	450	Министерство внутренних дел, Департамент политики безопасности
Германия	1275	Министерство юстиции
Ирландия	2	Федеральное министерство внутренних дел
Польша	25	Министерство внутренних дел, Департамент контроля, жалоб и петиций
Испания	3	Обсерватория по расизму и ксенофобии в Испании
Швеция	79	Национальный совет по предупреждению преступности
Великобритания	318	Министерство юстиции

Таблица 23

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НА ПОЧВЕ АНТИСЕМИТИЗМА В РОССИИ, 2017 ГОД

	Данные центра «Сова»	Данные Центра Кантора
Физические нападения	5	НД
Вандализм и порча имущества	5	2
Оскорбления и угрозы в публичных местах	НД*	НД
Оскорбления и угрозы в Интернете	НД	НД

*НД — нет данных.

принявших участие в этом исследовании, не сообщили об антисемитских инцидентах, произошедших с ними, в правоохранительные органы или другие организации. Это препятствует сбору адекватной статистики по подобным преступлениям.

Наибольшее число преступлений зарегистрировано в Германии, — 1275 случаев, следом по числу преступлений идет Франция с 450 зарегистрированными преступлениями. замыкает тройку лидеров по числу зарегистрированных антисемитских преступлений Великобритания — 318 случаев в 2013 году. Из доклада не ясно, что входит в число этих инцидентов, какое количество случаев является вандализмом, физическими атаками, угрозами, преследованиями, словесными призывами и разжиганием ненависти. Основываясь на проведенном анализе, мы предполагаем, что наиболее часто эти преступления выражаются в словесных

оскорблениях, угрозах и публикациях антисемитских материалов в СМИ и в Интернете.

По данным центра «Сова», в среднем в России за последние пять лет совершается около пяти физических атак на антисемитской почве в год [4]². На всем постсоветском пространстве уровень насильственного антисемитизма очень низкий. В России антисемитизм сводится к устной форме, но не к насильственным действиям или вандализму. Из 48 случаев вандализма в 2017 году, о которых докладывает центр «Сова», только в пяти вандализму подверглись еврейские организации, основная атака направлена на идейных, а не на религиозных чужаков. Центр Кантора сообщает всего о двух случаях вандализма в России в 2017 году и не приводит данных о физических атаках на евреев (табл. 23).

Антисемитизм в России редко выражен в физических нападениях, вандализме и преследованиях. Он сосредоточен в медийной

¹ Antisemitism. Overview of data available in the European Union 2004–2015. European union agency for fundamental rights, October 2015.

² Антисемиты перекалифицировались в националистов // Ведомости [Электронный ресурс]. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/23/686981-antisemit-perekvalifitsirovalis>

и публичной сферах и выражается в словесной форме — в виде оскорблений, публикаций мультимедийных материалов антисемитской направленности, постов в социальных сетях с антисемитским содержанием. В докладе «Отчет об антисемитизме в России за первое полугодие 2018 года», подготовленном Еврейским конгрессом совместно с центром «Сова», подробно описывается правоприменительная практика в отношении преступлений на почве антисемитизма за последние полгода. Авторам статьи известно несколько приговоров, вынесенных за пропаганду антисемитизма в указанный период, все они касались высказываний в Интернете. В половине случаев виновные были приговорены к реальным срокам лишения свободы.

За публикацию антисемитских материалов по ч. 1. ст. 282 УК РФ (возбуждение национальной ненависти) были приговорены три человека. Еще трое были наказаны за пропаганду антисемитизма вкрупне с другими видами ненависти.

Хотя государственный антисемитизм в России сошел на нет после распада Советского Союза, сегодня мы настороженно отмечаем его возвращение в политическую жизнь России, об этом же говорили и наши респонденты. Даже признавая, что антисемитизм занимает сегодня скорее маргинальные позиции [6]¹, его сохранение в политической сфере следует рассматривать как тревожный знак, в перспективе дальнейшее проникновение антисемитизма в Интернет, социальные сети может привести к повышению уровня антисемитизма и его агрессивных форм проявления.

Несмотря на то что участники опроса разделились в оценках того, насколько эффективно российские власти сегодня борются с антисемитизмом, большинство (47%) все же считают эту борьбу не слишком результативной. Причем в данном вопросе выделяются отмеченные ранее группы самых молодых респондентов и жителей крупных городов: как показывает табл. 24, доля считающих, что борьба современных российских властей с антисемитизмом недостаточна, достигает 60% среди молодежи и почти 70% среди евреев Санкт-Петербурга.

Таблица 24

СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ВЛАСТИ В РОССИИ ЭФФЕКТИВНО БОРЮТСЯ С АНТИСЕМИТИЗМОМ?

Да («определенно да» + «скорее да»)	40
Нет («скорее нет» + «определенно нет»)	47
Затрудняюсь ответить	13

¹ Антисемитизм в мире в 2017 году (основные положения ежегодного доклада Центра Кантора) [Электронный ресурс]. <http://www.moshekanor.com/docs/127/>

Антисемитизм и установки на эмиграцию

Идентификация с Россией (как страной своего рождения и постоянного проживания) отчетливо выражена у большинства опрошенных. 98% имеет гражданство России, еще 7–8% — второе гражданство, а именно Израиля, у 1% есть гражданство других стран. 87% из них родились в России (что выше, чем соответствующая доля коренных россиян среди их родителей: 64–68%), 12% — в одной из республик бывшего СССР (у родителей аналогичный показатель составляет 29–33%).

В среднем степень своей привязанности к России опрошенные оценили достаточно высоко: на 3,74 балла из 5 возможных. По их собственным заявлениям, 61% из них «сильно привязаны» к ней (23% ощущают не слишком значимую и сильную связь с ней, а 15% вообще не чувствуют какой-либо своей зависимости или внутренней близости с Россией в целом). Примерно так же опрошенные оценили и свою связь с местом постоянного проживания (3,76 балла из 5 возможных). Каких-либо особых факторов (образование, доход, город), определяющих чувство родства со своей страной или с малой родиной, местом жительства, здесь выделить нельзя, за исключением возраста: чем старше опрошенные, тем сильнее их эмоциональное переживание этой внутренней связи — у молодых средний бал равен 3,1–3,2, у пожилых евреев — 4,2–4,3.

По мнению основной массы респондентов (53%), большинство российских евреев *останутся в России*, хотя перспективы сохранения у оставшихся евреев их еврейской идентичности кажутся этим опрошенным проблематичными: 32% считают, что они сохраняют свое еврейство, 21% полагают, что ассимилируются и утратят свою культуру и еврейское самосознание.

В отличие от большинства, еще 30% опрошенных считают, что большинство российских евреев *уедут из России* (в том числе 14% думают, что евреи уедут в Израиль, 16% — что они эмигрируют в США или в Европу, в такие страны, как, например, Германию). 17% затруднились дать однозначный ответ, они не знают, что бу-

дет дальше с евреями в России. Другими словами, нет явного доминирующего мнения и полной уверенности в будущем еврейства в России.

Сами же опрошенные на вопрос, задумывались ли они об эмиграции, разделились на две сопоставимые части (табл. 25): 56% (включая 5% уехавших и вернувшихся в Россию) не планируют радикальных изменений в своей жизни и не думают об эмиграции (во всяком случае, главной причиной их отъезда, если он состоится, будет не антисемитизм). 42% задумываются об этом, причем две трети из них (28%) объясняют эти размышления именно опасениями усиления в будущем антисемитизма.

Подчеркнем, что в сравнении с данными общероссийских опросов об эмиграционных настроениях среди опрошенных российских евреев доля людей, для которых вопрос об эмиграции является вполне актуальным, значительно выше. В среднем по России желание уехать из страны высказывали в разные периоды от 10 до 20% россиян (независимо от их национальности). Преимущественно это были молодые горожане. Однако сопоставлять описываемую категорию опрошенных евреев, думающих об эмиграции, надо не со всем населением России, а с группой, идентичной по своим социально-демографическим характеристикам (образованию, доходу, социальному статусу, тип жителя и т.п.). Если принять во внимание это соображение, то различия между евреями и другими категориями потенциальных эмигрантов исчезают: подобные установки на эмиграцию характерны для всего российского среднего класса — более образованных, квалифицированных, успешных и обеспеченных жителей крупных городов молодых и средних поколений.

В этом смысле параметры и типы мотивации отъезда (эмиграционный потенциал) типичны для всей социальной, культурной и моральной среды продвинутых групп российского населения, а не только для евреев.

Значительная часть тех, кто думал об эмиграции (а это примерно треть опрошенных) уже предпринимала определенные шаги для подготовки к отъезду. И именно этим евреи

отличаются от других групп российского населения, выразивших желание уехать из России насовсем. В отличие от настроений российской публики, которые в этом плане характеризуются скорее маниловской мечтательностью и неопределенностью (поскольку здесь, как правило, лишь 1–2% заявивших о своем желании уехать на ПМЖ в другую страну, реально занимаются подготовкой к отъезду — собирают документы, информацию о будущем месте работы и проживания и т.п.), среди евреев разговоры об эмиграции, когда они возникают, имеют вполне реальный и практический характер. Если для российской молодежи в целом желание уехать в другую страну (работать, учиться, жить) выражает скорее мечту о другой жизни, более комфортной, обустроенной и благополучной (при низких шансах на ее реализацию), для еврейской молодежи речь, как мы полагаем, в значительной степени идет о стремлении полнее реализовать свою этнонациональную идентичность. В России в целом разговоры об отъезде служат скорее признаком или выражением недовольства обстоятельствами жизни и отсутствием жизненных перспектив, чем готовностью к действию. Такое умозаключение подтверждается и другими данными настоящего опроса: среди молодых евреев сильнее, чем у кого-либо другого, выражена озабоченность своей еврейской идентичностью, интерес к религиозной культуре и еврейским традициям.

Выше среднего показателя установка на эмиграцию выражена в столицах (Москве и Санкт-Петербурге), минимальный показатель — в малых городах. С возрастом это желание уехать слабеет, снижаясь до минимума в пожилом возрасте. Наиболее сильным желанием эмигрировать из России характеризуются самые молодые (16–24 года) респонденты — таких 53% (среди людей пенсионного возраста — 13%). На вопрос о подготовке к эмиграции утвердительно так же чаще всего отвечали самые молодые — 54% (при среднем показателе в большинстве групп, равном примерно трети). Исключение составляют пожилые и бедные евреи, у которых эти показатели заметно ниже. В принципе,

Таблица 25

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ ДУМАЛИ ЛИ ВЫ ОБ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ, ПОТОМУ ЧТО НЕ ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ ЗДЕСЬ В БЕЗОПАСНОСТИ, БУДУЧИ ЕВРЕЕМ/КОЙ?

Я думаю об эмиграции, но еще не уехал	28
Я думал об эмиграции по другой причине	14
Я не думал об эмиграции	51
Я эмигрировал, но вернулся в Россию	5
Предпочитаю не отвечать, отказ от ответа	2

и в России в целом эмигрантские настроения выражены сильнее среди молодежи, но они очень редко переходят в реальные действия.

Таблица 26

ЗАНИМАЛИСЬ ЛИ ВЫ В ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ АКТИВНОЙ ПОДГОТОВКОЙ К ЭМИГРАЦИИ (НАПРИМЕР, ПОИСК ЖИЛЬЯ, РАБОТЫ, ПОДГОТОВКА К ПЕРЕЕЗДУ)?

(в % от думающих об эмиграции, N = 216)

Да	33
Нет	67
Предпочитаю не отвечать	0

При этом понятно, что для еврейского населения, начиная с постсоветских времен, репатриация в Израиль стала полностью доступной. В советское и постсоветское время волны эмиграции (особенно из столиц) были в значительной степени мотивированы общим желанием эмигрировать из страны, особенно на фоне казавшегося в конце 1980-х и начале 1990-х годов роста антисемитских проявлений в общественной и политической жизни. Сегодня, как представляется, несколько большую роль в мотивации отъезда играет идентификация с Израилем как второй родиной. 61% опрошенных ответили, что для их идентичности важна поддержка Израиля; этих опрошенных отличает высокая осведомленность о жизни в Израиле, связанная в том числе и с личным опытом посещения этой страны. У большей части опрошенных там живут родственники (лишь у 23% опрошенных нет родственников в Израиле). Легко предположить, что у еще большей доли опрошенных в Израиле есть много друзей, знакомых,

Таблица 27

БЫЛИ ЛИ ВЫ КОГДА-НИБУДЬ В ИЗРАИЛЕ?

Я никогда не был(а) в Израиле	29
Был(а) в Израиле с коротким визитом/на каникулах	62
Я жил(а) в Израиле больше года	9
Я родился(ась) в Израиле	0

Таблица 28

ЕСТЬ ЛИ У ВАС СЕМЬЯ ИЛИ РОДСТВЕННИКИ, ЖИВУЩИЕ В ИЗРАИЛЕ?

Да, почти все родственники	8
Да, многие из них	20
Да, некоторые из них	46
Нет	23
Затрудняюсь ответить	3

И все же в Израиль хотели бы эмигрировать только чуть больше половины опрошенных, думающих об эмиграции, примерно равные доли

хотели бы уехать в США, Канаду или в европейские страны.

Таблица 29

В КАКУЮ СТРАНУ ВЫ БЫ ХОТЕЛИ ЭМИГРИРОВАТЬ ИЛИ УЖЕ ЭМИГРИРОВАЛИ, НО ВЕРНУЛИСЬ? (в % от думающих об эмиграции, N = 240)

Израиль	54
США	12
Канада	8
Австралия/Новая Зеландия	5
Великобритания	3
Другое государство ЕС	14
Другая страна	4

Такое положение во многом объясняется соотношением так называемых выталкивающих и привлекающих факторов эмиграции. Как видно из табл. 28, наиболее важными причинами для эмиграции, как и 12 лет назад, является забота о лучшем будущем для детей и стремление к благополучной и цивилизованной жизни. Как «очень важные» причины респонденты оценивают и желание воссоединиться с родными и близкими, однако также и «неверие в улучшение социально-политических условий жизни в России». Стабильным по сравнению с серединой 2000-х остается и «стремление жить полноценной еврейской жизнью».

Подчеркнем вместе с тем, что «антисемитизм и недоброжелательность окружающих» как важнейшая причина отъезда существенно утратили свою остроту и значимость, хотя сказать, что они совсем утратили свою актуальность, было бы неправильным: доля подобных ответов опрошенных евреев снизилась с 45% в 2006 году до 29% в 2018-м (напротив, число тех, кто заявил, что это обстоятельство не является главным или решающим мотивом для решений об эмиграции, выросло с 16 до 29%)¹.

Таким образом, общее мнение евреев о причинах возможной эмиграции евреев из России складывается из притягательности воображаемого образа жизни в других странах, который следует обеспечить в первую очередь своим детям, представлений о благополучной и комфортной жизни в кругу семьи, что кажется невозможным в нынешней России. Но оправдывается это прежде всего заботой о будущем детей.

¹ Исследование 2006 года было проведено «Левада-Центром» по заказу Института изучения иудаизма в СНГ Штейнзальца; методика отбора респондентов («по спискам», предоставленным заказчиком, и методом «снежного кома»), так же, как и метод проведения опроса — интервью face-to-face, аналогична настоящему опросу.

Таблица 30

ОЦЕНКИ ВАЖНОСТИ ПРИЧИН ЭМИГРАЦИИ ЕВРЕЕВ ИЗ РОССИИ (ответы ранжированы по последнему замеру, в % от опрошенных)

	Очень важная причина		Не очень важная причина		Совсем не важная причина		Трудно сказать, не знаю	
	2006 XII	2018 IV–V	2006 XII	2018 IV–V	2006 XII	2018 IV–V	2006 XII	2018 IV–V
Желание обеспечить будущее детей	85	86	10	10	2	2	3	1
Стремление к благополучной и цивилизованной жизни	80	77	15	18	3	4	2	1
Желание воссоединиться с близкими	70	66	23	29	5	5	2	1
Неверие в возможность социально-политических улучшений в России	69	64	21	25	7	7	3	4
Желание жить полнокровной еврейской жизнью	44	42	37	42	15	15	4	2
Антисемитизм и недоброжелательное отношение к евреям	45	29	36	41	16	29	3	1

Таблица 31

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ ЛЕТ ДУМАЛИ ЛИ ВЫ ОБ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ, ПОТОМУ ЧТО ВЫ НЕ ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ ЗДЕСЬ В БЕЗОПАСНОСТИ, БУДУЧИ ЕВРЕЕМ/КОЙ?

	Я эмигрировал(а), но вернулся в Россию	Я думаю об эмиграции, но еще не уехал(а)	Я не думаю об эмиграции	Я думаю об эмиграции по другой причине	Предпочитаю не отвечать, отказ от ответа
Россия	5	28	51	14	2
Среднее по 8 странам ЕС	2	29	61	–	8

В европейских странах эмиграционные настроения близки по распространенности в России, хотя можно предполагать, что в более благополучной в экономическом и социальном планах Европе выталкивающим фактором скорее является высокая оценка распространенности антисемитизма и опасения роста его проявлений, при и так уже большей фиксации европейцами случаев личного столкновения с агрессивным антисемитским поведением.

Религиозность и традиции

Образование детей: светское vs религиозное

Дети (от младенчества до 18 лет) есть у четверти опрошенных евреев (у 24%). Если посмотреть, как распределяются эти дети по типу обучения, то мы получим следующую картину: у 38% опрошенных дети еще маленькие и пока не ходят в школу; трое из четырех детей школьного возраста посещают обычные школы, остальные занимаются в еврейских школах общеобразовательного типа (это не хедер, хотя бы в качестве дополнительных занятий). Разли-

чия между теми, у кого дети ходят в еврейскую школу, и теми, у кого дети учатся в обычных школах, статистически незначимы (ни по доходам, ни по уровню образования родителей, ни по месту их проживания), что указывает на относительную равнодоступность (или, напротив, недоступность) еврейского обучения¹. Такие распределения, несмотря на малочисленность выборки, можно экстраполировать на все еврейское население. Надо признать, что еврейские школы посещают мало детей (в абсолютных числах это дети всего 17 респондентов, то есть 3% выборки). Если пересчитать данные от тех респондентов, у кого есть дети школьного возраста, то доля посещающих еврейские школы будет выше (14%).

На вопрос: «Почему вы выбрали нееврейскую школу для вашего ребенка?» — 29% ответили, что «еврейская школа недоступна». Чаще такие ответы давали респонденты, живущие

¹ Исходя из данных настоящего опроса, мы не можем судить о проблемах еврейских школ или имеющейся практики еврейского образования.

в малых городах (61% родителей, или 15% всех опрошенных), где численность евреев очень ограничена и соответственно там таких школ нет. Поэтому выбор у абсолютного большинства родителей школы для обучения ребенка продиктован очевидными соображениями: преобладают чисто прагматичные основания — близко к дому, удобно (соображения материального толка — в обычной школе обучение дешевле, не значимо вообще). Другие чаще называемые причины — недоступность еврейской школы (на это указали чуть менее трети опрошенных родителей), а также желание, чтобы дети вписывались в окружающее общество, что они не должны чувствовать себя изолированными, замкнутыми в исключительно еврейской среде (на угрозу столкновения ребенка в обычной школе с антисемитизмом указывали примерно в 5 раз реже). О доступности еврейских школ можно говорить только применительно к Москве и крупнейшим городам. Резоны немногочисленной группы родителей, отдавших своих детей в еврейскую школу, заключаются главным образом в стремлении дать более качественное образование детям и сознательное стремление к формированию у них еврейских ценностей. Но это не требует особых объяснений.

Религиозность и традиции в структуре еврейской идентичности

На вопросы о важности тех или иных факторов для еврейской идентичности «вера в Бога» заняла последнее место в списке 10 предложенных вариантов ответов. Ответы респондентов о том, что религиозный фактор для них «очень важен» или «достаточно важен», составляют в сумме 48%, столько же образует сумма ответов — «не слишком важно» и «совсем не важно» — 47%. Более частыми — значит, и более значимыми — оказываются выбор варианта «празднование еврейских праздников в кругу семьи» (сумма ответов «очень важным» и «достаточно важным» составляет 60%). Таким образом, сохранение еврейских традиций именно в семье, в кругу близких людей, в обстановке эмоциональной близости и теплоты общей атмосферы оказывается более важным моментом воспроизводства еврейского самосознания, чем собственно религиозность. Другими словами, при значительной секуляризованности современной жизни и не слишком сильной включенности евреев в синагогальную или общинную жизнь поддержание общих ритуалов и праздников оказывается необходимым услови-

ем поддержания еврейской идентичности. 53% опрошенных ответили, что они евреи, но не следуют никаким религиозным традициям, не относят себя к каким-либо течениям иудаизма или другим религиям. Наиболее многочисленная группа среди собственно верующих или религиозных евреев — хабадники, чуть меньше — реформисты: к ним отнес себя каждый 11-й опрошенный. Заметная группа, 7%, считают себя евреями, но исповедуют другую религию, предположительно христианство.

Среди верующих несколько больше людей моложе 40 лет; тех, кому религия не важна, относительно больше среди людей старшего возраста, что указывает на инерцию советского атеистического воспитания или поиска своего мировоззрения у молодых. В составе религиозно-ориентированных респондентов выделяются жители городов среднего размера (от 100 до 500 тысяч), их 20% при среднем показателе по всей выборке 13%. Жители Москвы и крупных городов присутствуют в обеих группах в равной мере. Какие-либо заключения в этом плане (переносить эти распределения на всю совокупность еврейского населения России) можно делать лишь с большой осторожностью, поскольку на них могло влиять то, как отбирались респонденты в процессе организации опроса. В любом случае, те, кто подчеркивал важность религии в их жизни, сильнее и определеннее выражали ценность и значительность еврейской идентичности, т.е. старались подчеркнуть, продемонстрировать свою принадлежность к еврейскому миру, важность соблюдения традиций и обрядов (табл. 32). Речь в данном случае идет именно о *степени* символической значимости своей принадлежности к еврейскому миру, а не о том, евреи они или не евреи (абсолютное большинство в этом плане едино: и среди тех, кому важна религия, и для тех, кому она не важна, один и тот же уровень сознания единства евреев в мире: 92 и 88%).

Из последней таблицы мы видим, что среди высоко оценивающих роль религии в своей жизни сильнее выражена именно «еврейская идентичность», тогда как отмечание еврейских праздников в семье «очень важным» считает уже только треть данной группы.

Информированность опрошенных об иудейских праздниках и понятиях традиционной культуры весьма высока: подавляющее или относительное большинство знакомо с ними очень хорошо или достаточно хорошо (табл. 36).

Показательно сравнение с данными 2006 года: почти по всем позициям знания соответ-

Таблица 32

ВАЖНОСТЬ РЕЛИГИИ ДЛЯ ЖИЗНИ ОПРОШЕННЫХ И ЕВРЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (в % от соответствующей группы, суммы позитивных и негативных ответов; без затруднившихся ответить)

	Религия		Разница важно/ не важно
	Важна	Не важна	
Определенно да	63	41	+22
Скорее да	29	47	-18
Скорее нет	7	8	=
Определенно нет	1	1	=
Не знаю, трудно сказать	0	2	=

Таблица 33

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ ВЕРИТЕ В ТО, ЧТО ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД ЯВЛЯЕТСЯ ИЗБРАННЫМ?

	Религия		Разница важно/ не важно
	Важна	Не важна	
Верите всей душой	43	25	+18
Верите, но иногда сомневаетесь	24	18	+6
Обычно сомневаетесь, но иногда верите	11	17	-8
Совсем не верите	9	30	-21
Трудно сказать, не знаю	14	11	+3

Таблица 34

ГОРДИТЕСЬ ЛИ ВЫ ТЕМ, ЧТО ВЫ ЕВРЕЙ/ЕВРЕЙКА?

	Религия		Разница важно/ не важно
	Важна	Не важна	
Определенно да	58	39	+19
Скорее да	33	35	-2
Скорее нет	4	9	-5
Определенно нет	2	4	-2
Не знаю, трудно сказать	3	14	-11

Таблица 35

НАСКОЛЬКО ВАЖНО ПРАЗДНОВАНИЕ ЕВРЕЙСКИХ ПРАЗДНИКОВ В КРУГУ СЕМЬИ ДЛЯ ВАШЕЙ ЕВРЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ?

	Религия		Разница важно/ не важно
	Важна	Не важна	
Очень важно	32	7	+25
Довольно важно	49	30	+19
Скорее не важно	12	36	-24
Совершенно не важно	6	25	-19
Не знаю	1	1	0

ствующих понятий, артефактов и предметов культа возросло, а доля ничего «не знающих» в среднем сократилась вдвое и не превышает 7–8%. Понятно, что среди тех, для кого религия в их жизни важна, эти показатели намного выше, что косвенно может указывать и на более интенсивное следование религиозным традициям и обрядам. Само по себе знание

традиций и предписаний еще не означает их соблюдения, это обстоятельство в большей степени свидетельствует об образованности и о знании еврейской культуры респондентами. Однако фактор образования не является в это случае дифференцирующим (учитывая, что более 80% опрошенных имеют высшее образование).

Таблица 36

НАСКОЛЬКО ХОРОШО ВЫ ЗНАКОМЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ ЕВРЕЙСКИМИ ПОНЯТИЯМИ? (ответы ранжированы по последнему замеру)

	Очень хорошо знаком с этим понятием		Достаточно хорошо знаком с этим понятием		Знаком только в общих чертах		Слышал только понятие, но не знаю его значения		Никогда о таком не слышал	
	2006 XII	2018 IV–V	2006 XII	2018 IV–V	2006 XII	2018 IV–V	2006 XII	2018 IV–V	2006 XII	2018 IV–V
Шаббат	50	61	22	23	18	12	5	3	5	1
Пурим	45	51	22	22	18	17	8	6	8	4
Мезуза	44	49	19	21	16	15	8	7	14	8
Бар-мицва	40	47	20	20	17	18	8	8	15	7
Кашрут	38	46	22	24	19	19	11	5	11	6
Рош ха-Шана	46	46	19	22	15	17	7	8	12	7
Йом Кипур	45	45	19	23	16	17	9	9	11	6
Симхат-Тора	42	42	18	19	16	19	10	11	15	8

Таблица 37

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПО СРАВНЕНИЮ СО СТАРШИМ ПОКОЛЕНИЕМ ЕВРЕЕВ РОССИИ, СЕГОДНЯШНИЕ ЕВРЕЙСКИЕ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ (13–17 ЛЕТ) ИНТЕРЕСУЮТСЯ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИЕЙ В БОЛЬШЕЙ ИЛИ В МЕНЬШЕЙ СТЕПЕНИ?

	2006	2018	Разница больше/меньше
Гораздо больше старшего поколения	25	18	–7
Немного больше, чем старшее поколение	19	22	–3
И те, и другие интересуются в равной степени	11	18	+7
Немного в меньшей степени, чем старшее поколение	14	15	+1
В гораздо меньшей степени, чем старшее поколение	22	14	–6
Трудно сказать, не знаю	9	13	+4

В поколенческом разрезе здесь опять-таки выделяются молодые: группа 16–24-летних чаще других знает, что такое Шаббат, Пурим, кашрут, Бар-мицва, мезуза (соответственно 68, 57, 50, 57%), а 25–39-летние чаще знают, что такое Рош ха-Шана и Симхат-Тора (48 и 46%); 40–54-летние чаще хорошо знают о Йом-Кипур (47%). Но еще выше показатель хорошего знания понятий еврейской истории или еврейских традиций почти по всем позициям в группе со средним достатком. Предположительно, эта группа старше и проживает в более бедных городах; возможно, в данном случае играет роль и то, что на периферии лучше сохранилась память о советских временах, когда эти праздники были популярны в еврейской среде.

В опросах 2006 и 2018 годов респондентам предлагалось оценить, в какой степени молодые (13–17 лет) интересуются еврейской традицией в сравнении со старшими поколениями.

Доля респондентов, считающих, что молодые в той или иной степени интересуются еврейской религиозной традицией, за 12 лет сократилась с 44 до 40%, как сократилась и доля считающих, что «молодые интересуются меньше» — с 36 до 29%. Но важно, что на протяжении всего этого времени относительное большинство отмечает повышенный интерес молодых. По данным настоящего опроса этот показатель во всех группах примерно равный, т.е. это общее мнение. Чуть выше он только в группе 40–54-летних (48 при средней 40%) — потенциальных родителей молодых, а также среди жителей Москвы — 46%.

В опросе 2006 года 34% опрошенных вообще не соблюдали религиозные традиции (и еще 49% отвечали, что «в небольшой степени»); соблюдавших «большинство традиции или все традиции» было всего 17% опрошенных. Если выбрать как показатель для сравнения посе-

шение синагоги, то можно предположить, что доля религиозных евреев за этот период, по крайней мере, не сократилась.

Соблюдение религиозных традиций и предписаний

Сегодня, как и прежде, главным праздником, который встречают наиболее массово, предстает Песах. В повседневной жизни многие (около четверти) так или иначе отмечают Шаббат. Регулярно посещают синагогу 18%.

Как мы видим, несмотря на широко распространенные знания об иудейских практиках и традициях, 40% опрошенных не следуют ни одному из религиозных предписаний.

Систематически синагогу посещают евреи в средних городах (а не в столицах и крупнейших городах). В поселениях этого типа меньше всего никогда не посещающих синагогу — всего 13% (в среднем 36%).

Перечисленные религиозные традиции зна-

чимы примерно для трети всех опрошенных. Можно предполагать, что именно столько еврейских семей так или иначе ориентированы на то, чтобы следовать им. Знание о традициях (их ценность для респондентов) значительно превышает готовность к их соблюдению и поддержанию. Показательно, что в данном случае (в отличие от вопроса о знаниях о понятиях религиозной культуры) мы не наблюдаем никакой значимой динамики в сравнении с опросом 2006 года. Различия по основным социально-демографическим группам в подавляющем числе случаев несущественны и находятся в пределах статистической погрешности. Единственный систематически влияющий на ответы фактор — тип поселения.

Во всех приведенных таблицах мы видим, что высокие показатели важности соблюдения религиозных традиций (приводится сумма двух положительных ответов) фиксируются заметно чаще среднего по выборке в средних и малых городах. С известной долей осторожности можно

Таблица 38

КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ИУДЕЙСКИХ ПРАКТИК ВЫ СОБЛЮДАЕТЕ? (в %, ответы ранжированы)

Пасхальный Седер почти каждый или каждый год	40
Зажигаю свечи (почти) каждую пятницу	26
Пощусь на Йом-Кипур (почти) каждый год	24
Посещаю синагогу еженедельно или чаще	18
Ем дома только кошерное мясо (соблюдаю законы кашрута)	14
Не зажигаю свет на Шаббат	10
Ничего	41
Затрудняюсь ответить	4

Таблица 39

ПОСЕЩАЮТ СИНАГОГУ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ИЛИ ЧАЩЕ...

В среднем	18
Пол	
Мужчины	21
Женщины	15
Возраст	
16–24 года	13
25–39 лет	20
40–54 года	19
55 лет и старше	17
Образование	
Высшее	18
Среднее профессиональное	22
Среднее и ниже	8
Тип поселения	
Москва	15
Большой город	17
Средний город	29
Малый город	13

Таблица 40

НАСКОЛЬКО ДЛЯ ВАС ВАЖНО, ЧТОБЫ КАЖДАЯ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ЕВРЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ СОБЛЮДАЛАСЬ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ?

	Очень важно		Достаточно важно		Не слишком важно		Совсем не важно		Трудно сказать, не знаю	
	2006 XII	2018 IV-V	2006 XII	2018 IV-V	2006 XII	2018 IV-V	2006 XII	2018 IV-V	2006 XII	2018 IV-V
Чтобы мальчику, рожденному в вашей семье, было сделано обрезание в соответствии с еврейской религиозной традицией	18	17	16	18	23	23	36	35	8	7
Чтобы мальчику, рожденному в вашей семье, в 13 лет устраивали Бар-мицву	17	16	21	19	18	22	36	35	8	9
Чтобы свадьбы в вашей семье проходили в соответствии с еврейской традицией	14	13	17	18	25	26	39	37	4	6
Чтобы умерших в вашей семье хоронили по еврейскому обычаю	21	20	19	23	22	19	35	31	4	8
Не есть свинину, потому что так принято у евреев	18	19	15	16	23	20	42	39	2	5

Таблица 41

НАСКОЛЬКО ДЛЯ ВАС ВАЖНО, ЧТОБЫ МАЛЬЧИКУ, РОЖДЕННОМУ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ, БЫЛО СДЕЛАНО ОБРЕЗАНИЕ В СООТВЕТСТВИИ С ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИЕЙ?

	Всего	Санкт-Петербург	Москва	Миллионники	Средние и малые города
Очень важно/достаточно важно	35	23	32	41	44
Не слишком важно	23	23	25	20	21
Совсем не важно	35	51	41	26	25
Трудно сказать, не знаю	7	3	2	12	10

Таблица 42

НАСКОЛЬКО ДЛЯ ВАС ВАЖНО, ЧТОБЫ МАЛЬЧИКУ, РОЖДЕННОМУ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ, В 13 ЛЕТ УСТРАИВАЛИ БАР-МИЦВУ?

	Всего	Санкт-Петербург	Москва	Миллионники	Средние и малые города
Очень важно/достаточно важно	35	25	32	34	48
Не слишком важно	22	22	24	25	15
Совсем не важно	35	47	42	26	23
Трудно сказать, не знаю	9	6	2	14	15

Таблица 43

НАСКОЛЬКО ДЛЯ ВАС ВАЖНО, ЧТОБЫ СВАДЬБЫ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ ПРОХОДИЛИ В СООТВЕТСТВИИ С ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ?

	Всего	Санкт-Петербург	Москва	Миллионники	Средние и малые города
Очень важно/достаточно важно	31	25	30	31	42
Не слишком важно	26	24	24	31	26
Совсем не важно	37	45	44	31	26
Трудно сказать, не знаю	6	6	2	9	7

Таблица 44

НАСКОЛЬКО ДЛЯ ВАС ВАЖНО, ЧТОБЫ УМЕРШИХ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ ХОРОНИЛИ ПО ЕВРЕЙСКОМУ ОБЫЧАЮ?

	Всего	Санкт-Петербург	Москва	Миллионники	Средние и малые города
Очень важно/достаточно важно	43	35	38	48	53
Не слишком важно	19	18	19	21	15
Совсем не важно	31	41	40	19	23
Трудно сказать, не знаю	8	6	4	13	9

Таблица 45

НАСКОЛЬКО ДЛЯ ВАС КАК ЕВРЕЯ/ЕВРЕЙКИ ЯВЛЯЕТСЯ СЕРЬЕЗНОЙ ПРОБЛЕМОЙ НЕВОЗМОЖНОСТЬ СДЕЛАТЬ ОБРЕЗАНИЕ?

	Очень/довольно серьезной/проблемой	Не важно и не проблема совсем
Обрезание	24	76
Недоступность кошерных продуктов, прежде всего мяса	21	79

говорить, что значение *следованию религиозным традициям* больше всего сохраняется в периферийных городах небольшого размера, где люди живут в тесном непосредственном личном общении, где сильнее ощущается мнения окружающих, где среда носит более персонализированный характер, чем в крупных городах; здесь люди сильнее включены в местные сети общения. Сюда не доходит многообразие возможностей и благ современной жизни крупных городов и столиц, жизнь обыденна и рутинна, не так насыщена событиями «большого мира». Можно полагать, что общинная религиозная жизнь здесь представлена как один из центров локальной идентификации, события внутри общины выделяются сильнее на фоне рутинной повседневности. Не случайно и регулярное посещение синагоги здесь происходит заметно чаще, чем в других типах поселения. В каком-то смысле на социальной периферии общинная жизнь реальнее, чем в скорее виртуальной еврейской жизни жителей больших городов.

Как мы видим, примерно от одной пятой до четверти опрошенных (что коррелирует с другими вопросами о религиозности и иудейских традициях) составляют ту часть всех российских евреев, для идентичности которых важны собственно иудейские религиозные традиции. Однако для подавляющего большинства опрошенных евреев характерна более светская, секулярная позиция.

Еврейская идентичность

В наше исследование была также включена большая часть вопросов, повторяющих аналогичный по методике опрос российских евреев 2006 года. Это позволяет сделать ряд выводов,

имеющих принципиальное значение. За 12 лет проявились определенные тенденции, которые позволяют говорить об изменениях в структуре еврейской идентичности, происходящих под влиянием как внешних факторов, так и осмыслением евреями своего положения в качестве особой этнонациональной группы в России. Изменения не носят радикального характера (структура коллективной идентичности в основе своей вполне устойчива), но они указывают то направление, в котором происходит и, видимо, будет происходить трансформация еврейского сознания в России (самопонимания себя в отношениях с другими группами людей, перспективами жизни евреев в России, мотивами эмиграции и т.п.). Это заключение основывается на анализе мнений молодых евреев, которые в силу демографических причин с течением времени станут доминирующими в массе еврейской популяции. Поскольку выборка (организация опроса) строилась в значительной степени «на списках», предоставленных еврейскими организациями, с одной стороны, а с другой — на методике «снежного кома» (реализованное соотношение 40 к 60%), результаты исследования отражают мнение и евреев, сильнее включенных в жизнь и проблемы более консолидированной части еврейского сообщества. Прекращение государственного антисемитизма и открывшиеся возможности для еврейской общественной жизни дали толчок к росту еврейского самосознания.

Формальные и аскриптивные характеристики еврейской идентичности

Формальная (паспортная) идентификация еврейской идентичности (запись наци-

ональности в паспорте как государственная жесткая этнонациональная сертификация, пожизненное закрепление этнической принадлежности) сохраняется главным образом у людей старшего возраста, живших в советские годы. Только половина опрошенных помнит, что у них в паспорте стояла запись — «еврей/ка» (31%), у стольких же — «русский/ая» (27%) или иная — 4% (последнее скорее в малых городах). Паспортная идентификация «еврей» преобладает у людей старше 40 лет (до отмены 5-го пункта после краха советской системы); «русские» среди евреев — это главным образом *дети евреев*, испытывавших антисемитское давление в поздние советские годы и записавших их в русские, чтобы избежать возможных осложнений в их жизни (преимущественно это люди в возрасте 40–55 лет) или евреи старшего возраста. В первом случае их 41%, во втором — около 30%, причем такая практика чаще встречается не в столицах, а в провинции, главным образом в больших городах, где инерция стертого государственного антисемитизма сохраняется дольше, чем в Москве и Санкт-Петербурге (табл. 46).

Во всяком случае, у пожилых людей (старше 55 лет) фиксируется самый высокий процент записи в паспорте (63%), в следующей воз-

растной группе этот показатель в полтора раза меньше (40%). Объяснение этому может быть двойное: стремление уйти от советской практики дискриминации по 5-му пункту, с одной стороны, стремительно усиливающаяся ассимиляция и межнациональные браки — с другой.

Если бы восстановили закон об обязательной записи национальности, то 60% опрошенных записались бы «евреями» (среди молодежи — 67%), 21% взяли бы другую национальность (чаще всего «русские», 19%). За 12 лет стремление даже к формальной паспортной идентификации себя в качестве еврея/еврейки усилилось (на 7 п.п.), а вполне понятная боязнь дискриминации по 5-му пункту снизилась на ту же величину. Этот сдвиг происходит за счет молодых людей, живущих в столичных мегаполисах, где неприязненное отношение к евреям уходит быстрее, чем в периферийных городах (табл. 47).

У 98% опрошенных имеется только гражданство России, у еще 8–9% есть второе гражданство (преимущественно израильское — у 7%, гражданство других, не названных стран — у чуть больше 1%).

87% — евреи по рождению, 3% прошли обряд присоединения к еврейству, 6% не знают и 4% не считают себя евреями, отказываются от еврейства в силу ассимиляции или по каким-то

Таблица 46

КАКАЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ БЫЛА ЗАПИСАНА У ВАС В ПАСПОРТЕ?

	Еврей/ка	Русский/ая	Другая	В моем паспорте нет графы «Национальность»
В среднем	31	27	4	38
	Возраст			
16–24 года	5	15	3	77
25–39 лет	8	19	1	71
40–54 года	40	41	8	11
55 лет и старше	63	30	4	3
	Тип поселения			
Санкт-Петербург	29	21	1	49
Москва	31	22	3	44
Большой город	31	37	2	30
Малый город	28	31	9	33

Таблица 47

ЕСЛИ БЫ ЗАКОН ОБЯЗЫВАЛ ЗАПИСЫВАТЬ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ПАСПОРТ, КАКУЮ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАПИСАЛИ БЫ В СВОЙ ПАСПОРТ БОЛЬШИНСТВО ЗНАКОМЫХ ВАМ ЛИЧНО РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ?

	2006 XII	2018 IV–V
Еврей/еврейка	53	60
Русский/русская	26	19
Другую	2	3
Трудно сказать, не знаю	20	19

иным мотивам. При этом лишь у 72% мать является еврейкой по рождению (в том числе у 12% наполовину; у 24% мать не еврейка, преимущественно — 21% — русская), у 68% отец — еврей по рождению (в том числе у 10% — еврей наполовину; у 29% — не еврей, главным образом — 23% — русский). 3% опрошенных не знают, кто были по этнонациональной принадлежности их родители (отец или мать). Колебания в разных социально-демографических группах (возрастные группы, евреи, живущие в разных городах, с разным уровнем образования, доходов и проч.) незначительны и фактически не превышают допустимых статистических колебаний.

Доля межэтнических браков среди евреев (что известно и по данным общероссийских переписей) самая большая в России. По данным настоящего опроса, она составляет 52%. Среди наших респондентов, состоящих в браке или бывших в браке, но разведенных на момент опроса, лишь 34% имели супруга/супругу еврея/еврейку. Еще у 14% жена/муж были наполовину евреями. Большая часть состояли в браке с русскими (44%), еще 8% — в браке с людьми другой этнической принадлежности.

Вместе с тем за 12 лет значительно выросла доля евреев, которые, безусловно, были бы

не против, если бы их дети заключили брак с не евреем — с 29 до 40%; доля тех, кто против, осталась при этом прежней — 22–21%. То есть толерантность к межэтническим бракам стала сильнее.

Напомним, что нежелание других национальностей (прежде всего русских) вступать в брак с евреями воспринимается как серьезное проявление антисемитизма, так считают 57% опрошенных.

Холокост и еврейская идентичность

Основу еврейской идентичности составляет представление об особой исторической судьбе еврейского народа, живущего среди других народов и испытавшего тяжелейшие гонения, враждебное отношение извне. Структурирует это сознание прежде всего память о Холокосте. Трагичность и несправедливость такого положения компенсируется сознанием, с одной стороны, веры в избранность еврейского народа, сохраняющего свое единство, несмотря на все тяготы жизни, а с другой — в способность евреев добиться признания собственных достоинств благодаря высокому уровню образования и культуры, свидетельством чего служат их несомненные успехи в разных областях челове-

Таблица 48

ЕСЛИ БЫ ЗАКОН ОБЯЗЫВАЛ ЗАПИСЫВАТЬ В ПАСПОРТ, КАКУЮ БЫ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЗАПИСАЛО БЫ БОЛЬШИНСТВО ЗНАКОМЫХ ВАМ ЛИЧНО РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ?

	Еврей/ка	Русский/ая	Другая	Трудно сказать, не знаю
В среднем	60	19	2	19
Возраст				
16–24 года	67	20	0	13
25–39 лет	61	19	0	20
40–54 года	55	19	2	24
55 лет и старше	61	17	6	15
Тип поселения				
Санкт-Петербург	62	23	2	13
Москва	60	17	2	21
Большой город	63	18	2	18
Малый город	59	17	3	20

Таблица 49

СОГЛАСИЛИСЬ БЫ ВЫ С ТЕМ, ЧТОБЫ ВАШИ ДЕТИ (БУДУЩИЕ, ВОЗМОЖНЫЕ ДЕТИ) ЗАКЛЮЧИЛИ БРАК С НЕ ЕВРЕЕМ/НЕ ЕВРЕЙКОЙ?

	2006 XII	2018 IV–V
Безусловно, да	29	40
Скорее да	36	29
Скорее был/а бы против	14	14
Определенно был/а бы против	8	7
Трудно сказать, не знаю	14	10

ческой деятельности. Причем эти достижения считаются общими для всех евреев, где бы они ни жили (а не только предметом гордости евреев России). Именно это сознание и придает евреям понимание своего единства и позволяет считать себя уникальным народом («народ диаспоры»), проходящим сквозь отдельные государства и исторические эпохи.

Структура распределения мнений в двух опросах, разделенных больше, чем десятилетием, очень схожа: доминирующее большинство (половина опрошенных) согласно с тем, что евреи, живущие в разных странах, — это один народ. Статистические различия (незначительные) отмечаются в 2018 году. Они заключаются в том, что несколько большее число респондентов, чем в 2006-м, согласны с утверждением, что европейские или американские евреи близки между собой, но существенно отличаются от евреев, живущих на других континентах (15 и 23%, такие ответы несколько чаще дают московские опрошенные). Мнения о том, что евреи, живущие в разных ареалах мира, радикально отличаются друг от друга, чаще характерны для опрошенных методом «снежного кома», значит, более распространены среди респондентов, живущих в периферийных городах, в более замкнутой среде, соответственно в большей мере ощущающих свою изолированность и особость. Но все это очень слабые социальные различия, содержательную значимость которых не следует преувеличивать.

Другими словами, сознание исторической и культурной общности еврейского народа проявляется (в своем роде) гораздо сильнее, чем чувство гражданства или принадлежности к России. Данный компонент самосознания евреев в России и ранее был доминирующим (тог-

да такое мнение разделялось относительным большинством опрошенных), но к настоящему времени оно стало абсолютно преобладающим, если не практически всеобщим (в 2006 году так считали 79%, в 2018 году — 91%). Важно, что подобные ответы выражаются опрошенными со все большей определенностью и силой. Возникновение (и существование) собственно еврейского государства, Израиля, не меняет структуру этого самосознания, поскольку Израиль в определенном плане выступает в качестве символа этой исторической всемирной общности и судьбы, но не заменяет все многообразие значений «народа диаспоры». Ценности и достижения евреев в мире и истории более значимы, чем сам по себе успех Израиля (последнее включено впервые).

Гордятся тем, что они евреи, 83% (в 2006 году аналогичные ответы дали 79% опрошенных). Причем среди самых молодых респондентов (16–24 лет) такой ответ выбрали практически все — 91%, это самый высокий показатель среди всех возрастных групп; в этой же возрастной категории и самый низкий процент отрицательных ответов — всего 4% «не гордящихся» тем, что они «евреи» (для сравнения: в старших возрастных категориях доля негативных ответов — «не гордятся» — составляет 10–11%). В результате возникает и воспроизводится двойная идентичность евреев: это и отдельная этническая группа граждан внутри России, но это и люди, живущие с сознанием, что они — часть единого еврейского народа, рассеянного по миру, сохранившего себя, свою культуру, свое достоинство вопреки «злобы мира сего».

Память о Холокосте оказывается в этом ряду не просто свидетельством еще одной (исторически «однократной») трагедии, едва не

Таблица 50

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЕВРЕИ В РОССИИ, ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ, ЕВРЕИ В ИЗРАИЛЕ И ЕВРЕИ В КАКИХ-ТО ДРУГИХ СТРАНАХ — ЭТО ОДИН НАРОД ИЛИ СОВЕРШЕННО РАЗНЫЕ ЛЮДИ, МЕЖДУ КОТОРЫМИ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ РАЗЛИЧИЙ, ЧЕМ ОБЩЕГО? КАКАЯ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕЙ?

	2006 XII	2018 IV–V
Все евреи, даже живущие в разных странах, являются частью одного народа	51	49
Евреи, живущие в соседствующих или близких по своей культуре странах, похожи (например, восточноевропейские евреи, евреи Северной Америки). Но евреи, живущие в разных частях света, отличаются между собой	15	23
Евреи, живущие в одной стране (например, российские евреи, украинские евреи, французские евреи), похожи между собой. Но евреи, живущие в разных странах, отличаются между собой	19	16
Между евреями, живущими в разных странах, нет ничего общего, каждый имеет свои индивидуальные особенности	10	8
Трудно сказать, не знаю	6	4

уничтожившей еврейский народ, но условием соперевживания единства всех евреев в мире, неразрывности или общности судьбы евреев, где бы они ни жили. Именно это представление (более значимое для самоидентичности, чем кровное родство евреев) является несущей конструкцией еврейского сознания, консолидирующим убеждением практически всех респондентов (более общих значений, интегрирующих еврейскую общность в России, нет). Такие взгляды выражают существенно больше респондентов, чем убежденных в том, что «евреи — избранный народ» (в это верят 53–55% опрошенных), или разделяющих мнение о том, что еврей или еврейка — это только те, у кого родители евреи (57%), или подчеркивающих свою религиозную принадлежность как свидетельство собственной еврейскости. На веру в Бога как самый важный компонент своей еврейской идентичности указали 49% опрошенных.

55% верят в то, что евреи — «избранный народ»; 31% не верят, остальные в разной степени хотели бы верить, но испытывают большие сомнения. Такое распределение мнений о самих себе и евреях как об особом народе очень устойчивое, не изменившееся на протяжении последних 12 лет, указывает на то, что в структуре еврейской коллективной идентичности

резко усиливаются (и будут усиливаться в будущем) те значения и представления, которые зависят от собственного, сознательного личного выбора респондента. Это означает, что прежние нормы поддержания общности, характерные для жизни евреев в локальных общинах, где все знают друг друга, подчинены одним и тем же социальным формам организации жизни — синагога, праздники и т.п., а также внешним принудительным формам идентификации и поддержания идентичности. Советская паспортная система, дискриминация по 5-му пункту уступают место более общим и, что важно, современным, не традиционалистским формам усвоения еврейской истории и культуры через Интернет, чтение, СМИ, массовые системы коммуникации.

Этот комплекс идей и общих культурных значений в качестве основы или осевой структуры еврейской идентичности играет более важную роль, чем более ранние значения еврейства как закрытой родственно-племенной и конфессиональной общности. Что понятно, учитывая универсализм культуры современных высокообразованных евреев (в выборке респонденты с высшим образованием составляют 89%) и самостоятельность в поиске и выборе информации об истории, образе, о культуре

Таблица 51

ЧТО ВАЖНО ДЛЯ ВАШЕЙ ЕВРЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ? (ответы ранжированы по первому столбцу)

	Важно*	Не важно*	+/-
Память о Холокосте	91	8	11
Самосознание (самоидентичность): я — еврей/ка	89	10	9
Родители-евреи	80	18	4.4
Борьба с антисемитизмом	76	20	3,8
Еврейская культура (музыка, литература, искусство)	76	23	3,3
Пожертвования на еврейскую благотворительность	65	32	2
Поддержка Израиля	61	34	1,8
Еврейские праздники, ритуалы	59	40	1,5
Вера в Бога	49	48	1,0
Отношение окружающих (ты — еврей/ка)	41	57	0,7

*Сумма ответов «очень важно» + «скорее важно» и «скорее не важно» + «совершенно неважно».

Таблица 52

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ ВЕРИТЕ В ТО, ЧТО ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД ЯВЛЯЕТСЯ ИЗБРАННЫМ?

	2006 XII	2018 IV–V
Верите всей душой	37	34
Верите, но иногда сомневаетесь	16	21
Обычно сомневаетесь, но иногда верите	16	14
Совсем не верите	20	18
Трудно сказать, не знаю	11	13

и жизни традиционных евреев (праздниках и их смысле, предписаниях повседневного поведения и т.п.).

За 12 лет значение разных источников знания о евреях радикально изменилось: ведущая роль перешла от *еврейских газет и книжной литературы к Интернету* и межличностным сетям сверстников. Радио (в первую очередь, видимо, израильское) и ТВ отошли на второй план. Выход на первый план Интернета и социальных сетей указывает на самостоятельность и активность *самого респондента* в поиске важных для него сведений о различных аспектах еврейской жизни, истории, культуры и религии. Все другие механизмы воспроизводства идентичности — праздники, ритуалы, система родства и т.п. — по-прежнему играют важную, но дополнительную роль, скорее как еще одни смысловые компоненты воображаемого мира еврейской культуры, которые учитывают опрошенные в своей повседневной жизни, но не как обязательные предписания, которым не всегда и не все следуют.

Характерно, что и память о Холокосте, и самоутверждение индивидом себя как еврея выражается чрезвычайно интенсивно и сильно (более половины подчеркивают, что для них это *«очень важно»*, тогда как во всех других вариантах выбора ответа (участие в благотворительности, солидарность с Израилем, еврейские праздники, вера в Бога и проч.) «очень важным» считают лишь каждый четвертый или пятый опрошенный; даже опции «родители-евреи» или «антисемитизм» как условие еврейской идентичности «очень важными» признают лишь чуть больше трети опрошенных, что не сравнимо с первыми двумя факторами.

Есть некоторое противоречие, обнаруживаемое в разном значении, придаваемом опро-

шенными вариантам ответа «борьба с антисемитизмом» (важно — 76%) и «отношение ко мне окружающих как еврею» (важно — 41%). Если считать, что за «отношением окружающих» стоят «позитивные значения», филосемитизм или солидарность «своих», то мы получаем некоторую избыточность реакций опрошенных; более логичным было бы считать, что отношение окружающих априорно предполагается негативным, но его значимость для самосознания евреев усиленно отрицается, напротив, подчеркивается сила *позитивных моментов* для еврейской самоидентичности, активное самоутверждение (тогда как антисемитская стигматизация и внешнее принуждение, дискриминация евреев предполагает пассивный, зависимый от других людей или обстоятельств характер поддержания идентичности). Зависимость от внешних факторов вызывает известное внутреннее сопротивление у опрошенных, как бы несколько обесценивая значимость собственного выбора и гордости быть евреем. Тем не менее этот аспект — внешняя стигматизация и, следовательно, негативная идентичность — сохраняется, правда, проявляется и воспроизводится в другой модальности и форме — «необходимости борьбы с антисемитизмом». Другими словами, двойственность таких реакций указывает на глубокую травму, нанесенную (или наносимую) евреям социальным окружением, воспроизводимую из поколения в поколение. Скрытое значение исторического негативного опыта дискриминации евреев или памяти о ней сильнее проявляется у самых пожилых людей или у следующего за ними поколения. Именно этот момент требует объяснения, он превращается в главный фактор конституирования еврейского самосознания, подтягивающего все другие компоненты — традицию, праздники, внутри-

Таблица 53

ЧТО ИЛИ КТО ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ ВАС НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ГЛАВНЫМ ИСТОЧНИКОМ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ?

	2006 XII	2018 IV–V	+/-
Интернет	32	73	+39
Друзья	30	43	+13
Семья	24	30	+6
Раввины	20	19	=
Радио и телевидение	27	19	-8
Книги	38	18	-20
Еврейские газеты	42	10	-32
Учителя	9	3	-6
Другое	—	6	

общинные связи между евреями, особенности религии в качестве объясняющих аргументов трагедии. Даже то, что «родители-евреи», т.е. наличие безусловных характеристик идентичности (аскриптивных качеств индивида, как их называют социологи, не подлежащих изменению в течении жизни [в отличие от статуса, образования, дохода, семейного положения, жительства и т.п.]), судя по распределению ответов, уступает по значимости другим основаниям для сознания себя евреем (табл. 54).

Такое умозаключение подкрепляется и социально-демографическими характеристиками респондентов, которые подчеркивали наследуемый опыт выживания евреев: так, «память о Шоа» чаще, чем любые другие категории опрошенных, отмечали люди старшего возраста (старше 55 лет, живущие в Санкт-Петербурге — городе, где сильнее ощущаются напряжения между евреями и другими), «борьбу с антисемитизмом» отмечают те же категории опрошенных, но помимо петербуржцев такие ответы чаще дают и жители малых и средних городов), а также «отношение окружающих». Напротив, ответы «чувство гордости за то, что “я — еврей”», участие в еврейской благотворительности, «солидарность с Израилем», «вера в Бога», «еврейские праздники» чаще называли именно молодые люди.

Это новое, постсоветское поколение российских евреев живет уже в более свободном мире, чем предшествующие возрастные группы, с большими возможностями выбора, мобильности, в стране, в которой нет государственного антисемитизма и дискриминации евреев со стороны государственных органов. Для этих возрастных групп на первый план выходят собственный выбор, позитивное самоутверждение себя в качестве еврея (даже с некоторым вызовом антисемитскому окружению), вера в Бога и участие в деятельности еврейских общественных организациях. Это не пассивная идентификация с еврейством, а именно активность, деятельностное самоподтверждение своей еврейскости.

Наконец, можно также указать на символическую роль Израиля как сильного государства евреев, сумевшего дать отпор повторяющимся агрессиям и попыткам своего уничтожения со стороны арабских стран и палестинских террористов. Этот смысловой компонент более значим для людей, сохраняющих (в силу своего периферийного положения и более низкого уровня образования) инерцию памяти о советских временах, резко негативном отношении советских властей к политике израильского руководства.

Стремление не просто сохранить свои ценности в качестве основы еврейской идентич-

Таблица 54
ЧТО ВАЖНО ДЛЯ ЕВРЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ?

	Ответы «очень важно»	Группы респондентов с максимальными значениями ответов
Память о Холокосте	64	55 лет и старше, среднее специальное образование, С.-Петербург
Самоидентичность: я — еврей	56	16–39 лет, высшее образование, С.-Петербург
Родители-евреи	35	55 лет и старше; среднее специальное образование, малый город
Еврейская культура (музыка, литература, искусство и т.п.)	30	55 лет и старше, среднее специальное образование, С.-Петербург
Борьба с антисемитизмом	38	55 лет и старше, высшее образование; С.-Петербург
Пожертвования на еврейскую благотворительность	24	25–39 лет, среднее специальное образование, большой город
Поддержка Израиля	23	40–54 года, среднее специальное образование, малый город
Отмечание еврейских праздников	19	40–54 года, среднее специальное образование, малый город
Вера в Бога	18	25–39 лет, среднее специальное образование, малый город
Отношение окружающих (ты — еврей)	13	55 лет и старше, высшее образование; Москва

ности, но и поставить их выше «злой судьбы» и враждебности окружения, заставляет опрошенных самым нелогичным образом приуменьшать значение *антисемитизма как фактора негативной консолидации*, с одной стороны, и преувеличивать «реальную численность евреев в России», считать, что их больше, чем оказывается по переписи (объяснение — из-за антисемитизма евреи скрывают свою национальность). Такая реакция большинства опрошенных указывает на растущий потенциал еврейского движения, не ограничивающегося только реакцией на внешнее окружение, а все сильнее мотивированного внутренними ценностями и, главное, позитивными значениями своих до-

стижений. Собственно, именно это и внушает чувство этнонациональной гордости опрошенным (и принципиально отличает опрошенных евреев от культурного самосознания большинства населения России, культуры их окружения, чье национальное самосознание строится именно на негативной идентичности/неприязни, зависти к Западу, рессантименту по отношению к богатым и успешным, демократическим странам).

Ранее, в 2006 году, была использована более жесткая шкала ответов (без средней позиции колеблющихся «отчасти согласен, отчасти нет»). Сравнение данных исследований 2006 и 2018 годов показывает, что при более диф-

Таблица 55

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ С СУЖДЕНИЕМ... (2018 год, без затруднившихся с ответом)

	Полностью согласны + скорее согласны	Отчасти согласны, отчасти нет	Скорее не согласны + совершенно не согласны
Из-за антисемитизма евреи России утратили свою связь с еврейскими традициями, со своими корнями	23	22	53
Если бы не антисемитизм, евреи давно растворились бы среди других народов	19	24	52
Реальная численность евреев намного выше, чем по переписи, из-за антисемитизма евреи скрывают свою национальность	52	21	24
Главная причина стремления евреев к образованию не в антисемитизме, заставляющем евреев быть лучше других, а в том, что евреи — «народ книги», образование — одна из главных еврейских ценностей	74	15	9

Таблица 56

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ С СУЖДЕНИЕМ... (2006 г.)

	Полностью согласны + скорее согласны	Скорее не согласны + совершенно не согласны	Затруднились ответить
Из-за антисемитизма евреи России утратили свою связь с еврейскими традициями, со своими корнями	39	44	7
Если бы не антисемитизм, евреи давно растворились бы среди других народов	34	54	12
Реальная численность евреев намного выше, чем по переписи, из-за антисемитизма евреи скрывают свою национальность	72	19	9
Главная причина стремления евреев к образованию не в антисемитизме, заставляющем евреев быть лучше других, а в том, что евреи — «народ книги», образование — одна из главных еврейских ценностей	83	11	6

ференцированном варианте ответов в 2018-м определенная (и весьма значительная) доля опрошенных склоняется к менее категоричным утверждениям о консолидирующей роли антисемитизма, но удельный вес респондентов, отрицающих этот фактор в жизнестойкости еврейского народа, остается практически неизменным.

Однако явного единодушия в вопросе о роли антисемитизма в сохранении еврейской идентичности все же нет, скорее можно говорить о внутреннем противоречивом отношении к этой проблеме, являющейся своего рода источником внутренней работы еврейского самосознания.

Большинство опрошенных в 2006 году склонялось к мнению, что «ассимиляция евреев в России происходит не столько под влиянием антисемитизма, сколько потому, что евреи добровольно принимают ценности и культуру страны, в которой живут» (согласны с этим суждением 82% опрошенных). Но как бы отчасти в противоречии с этим «согласием» стоит столь же широко распространенное мнение, что «стремление евреев к получению образования связано прежде всего с тем, что антисемитизм вынуждает их быть “лучше других”, занимать в жизни более высокие позиции» (51% — тоже абсолютное большинство, хотя и менее выраженное).

Мы не стремимся в своей статье представить ту или иную позицию как бесспорно верную, наша задача показать, что такое противоречие является чрезвычайно продуктивным стимулом

внутренней работы евреев и усиления значимости мотивов к позитивным достижениям, накопленный эффект которых и демонстрирует особые качества еврейского народа среди других народов.

Но, если поставить проблемы антисемитизма в ряд с другими жизненными проблемами более повседневного и практического свойства, то окажется, что первые (антисемитизм в России) сильно уступают другим по значимости. Российских евреев гораздо больше волнуют такие вопросы, как коррупция, преступность или угроза безработицы, чем проблемы расовой или этнонациональной, конфессиональной дискриминации (табл. 57).

В разделе о религиозности мы уже отмечали, что относительное большинство (40%, самая большая группа респондентов в ряду возможных выборов позиции) не следует никаким еврейским традициям и предписаниям, рассматриваемым хотя бы даже в качестве семейных традиций (например, Шаббат). На вопрос: «Если вы следуете еврейским религиозным традициям, то к какому направлению иудаизма вы себя относите?» — 59% опрошенных отвечали: «Ни к какому». Остальные 40% идентифицируют себя с различными партикуляристскими религиозными группами и течениями: 14% считают себя хабадниками (это преимущественно жители малых и средних городов, пожилые, малообразованные и не очень образованные люди), 11% относят себя к реформистам (преимущественно молодые жители Москвы больших городов), 3–4% — к горским евреям, 2% — к литвакам.

Таблица 57

ИЕРАРХИЯ ПРОБЛЕМ, ЗНАЧИМЫХ ДЛЯ ЕВРЕЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

	Очень серьезная проблема	Довольно серьезная проблема	Сумма ответов «серьезная проблема»	Группы респондентов с максимальными значениями ответов
Коррупция	66	27	93	16–24 года, С.-Петербург
Преступность	27	50	77	Старшие возраста (старше 40 лет), С.-Петербург и Москва
Безработица	28	46	74	16–39 лет, среднее специальное образование, Москва
Мигранты	20	39	59	Среднее специальное образование, С.-Петербург
Расизм	22	33	55	16–25–39 лет, среднее специальное образование, С.-Петербург
Антисемитизм	15	39	54	16–24 года, 55 лет и старше, бедные или нуждающиеся, С.-Петербург
Нетерпимость к мусульманам	9	38	47	16–24 года, среднее специальное образование, Москва

Выводы

Несмотря на доминирование в еврейской среде представлений о сокращении антисемитизма, проведенный опрос в целом показал, что в России сохраняется проблема антисемитских проявлений¹. Особенно серьезна она в Интернете и СМИ. Хотя в России пока не проводился специальный мониторинг Рунета и социальных сетей на предмет распространенности антисемитских высказываний (при этом в российской прессе неоднократно отмечалась тенденция роста антисемитских высказываний официальных лиц [5]²), скорее всего на нашу страну можно распространить выводы опубликованного в начале июля 2018 года исследования под названием «Антисемитизм 2.0 и культура ненависти в Сети», выполненного Техническим университетом в Берлине: «Интернет сегодня является главным местом не только для формирования общественного мнения и размещения информации, но и для распространения антисемитизма. <...> Быстрота, свободный доступ, глобальный охват и анонимность способствуют почти безграничному распространению без всяких фильтров антисемитских идей» [7]³. Исследование, в ходе которого была проведена экспертиза более 300 тысяч текстов, курсировавших в Интернете, в частности в популярных соцсетях Twitter и Facebook, показало, что с 2007 по 2018 год число антисемитских комментариев выросло почти в 3 раза⁴.

Как было отмечено ранее, более трети респондентов проведенного «Левада-Центром» опроса отметили рост антисемитизма в Рунете, среди молодежи этот показатель достиг 40%. Хотя распространение антисемитизма в Интернете представляет глобальную тенденцию, понятно, что в российском контексте данная проблема имеет свои особенности, связанные с многолетней практикой российского и советского государственного антисемитизма. Именно поэтому она нуждается в дополнительном исследовании.

1. Проблема антисемитизма в России по своей остроте уступает другим социальным

¹ Кому выгодно разжигание антисемитских настроений // Расследование РАПСИ, 21.02.2017. [Электронный ресурс]. http://rapsinews.ru/incident_publication/20170221/277831139.html

² Мухаметшина Е. Российские политики стали позволять себе антисемитизм. Это может привести к его легализации в публичном пространстве, считают эксперты // «Ведомости». 2018. 28 фев. [Электронный ресурс]. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/02/28/752211-politiki-antisemitizm>

³ Цит. по: Исследователи озабочены ростом антисемитизма в Интернете // DW. 19.0.2018. [Электронный ресурс]. <https://p.dw.com/p/31ePD>.

⁴ Там же.

проблемам, таким как коррупция, безработица, расизм, наплыв мигрантов. «Очень острой» в России ее считают 16% опрошенных, хотя беспокойство в связи с потенциальным влиянием антисемитов в общественной жизни высказывают более половины респондентов (55%), столько же, сколько и существованием расизма в России.

2. По мнению большинства опрошенных, влияние антисемитски настроенных групп в последние годы было незначительным. Среди опрошенных российских евреев страх оказаться объектом агрессивного антисемитизма выражен сегодня достаточно слабо, только 9% респондентов отмечают такие опасения по отношению к самим себе. Факты прямых насильственных проявлений антисемитизма — случаев осквернений еврейских кладбищ, вандализма в отношении культурных и религиозных объектов, проявления агрессии по отношению к евреям на улице и в других публичных местах, антисемитских граффити — были отмечены 5–9% опрошенных. Но заметная часть опрошенных отметили усиление антисемитских проявлений в Интернете и социальных сетях (33%).

3. Случаи дискриминации упоминаются достаточно редко. Об ущемлении своих прав заявляли 10–12% опрошенных, однако почти во всех случаях речь не шла об ущемлении их прав из-за того, что они евреи. Чаще упоминались такие формы дискриминации, как ограничения прав и возможностей по религиозному (12%), половому (10%) и возрастному (10%) признакам. Меньше всего говорят о дискриминации по признаку сексуальной ориентации, инвалидности (или прав людей с ограниченными возможностями) и этнической принадлежности.

4. Данные опроса евреев коррелируют с данными всероссийского опроса 2015 года, исследовавшего структуру массовых установок по отношению к евреям, фиксировавшего параметры распространения антисемитизма. Хотя в ходе общероссийского опроса было зафиксировано ослабление антисемитских стереотипов и клише по сравнению с более ранним периодом, тем не менее можно было говорить об их живучести в российском массовом сознании, особенно в стереотипах представлений о качествах еврейского народа.

5. Идентификация с Россией (как страной рождения и постоянного проживания) отчетливо выражена у большинства опрошенных. 98% имеет гражданство России, еще 7–8% — второе гражданство, а именно Израиля, у 1% есть

гражданство других стран. 87% из них родились в России (что выше, чем соответствующая доля коренных россиян среди их родителей: 64–68%), 12% — в одной из республик бывшего СССР (у родителей аналогичный показатель составляет 29–33%). По их заявлениям, 61% из них «сильно привязаны» к ней (23% ощущают не слишком значимую и сильную связь с ней, а 15% вообще не чувствуют какой-либо своей зависимости или внутренней близости с Россией в целом). У 98% опрошенных имеется только гражданство России, у еще 8–9% есть второе гражданство (преимущественно израильское — у 7%, гражданство других не названных стран — у чуть больше 1%).

6. 87% опрошенных — евреи по рождению, 3% прошли обряд присоединения к еврейству, 6% не знают и 4% не считают себя евреями, отказываются от еврейства в силу ассимиляции или по каким-то иным мотивам. При этом лишь у 72% мать является еврейкой по рождению (в том числе у 12% наполовину; у 24% мать не еврейка, преимущественно — 21% — русская), у 68% отец еврей по рождению (в том числе у 10% еврей наполовину; у 29% не еврей, главным образом — 23% — русский). 3% опрошенных не знают, кто были по этнонациональной принадлежности их родители (отец или мать).

7. По мнению основной массы респондентов (53%), большинство российских евреев *останется в России*, хотя перспективы сохранения у оставшихся евреев их еврейской идентичности кажутся проблематичными: 32% считают, что они сохраняют свое еврейство, 21% полагают, что ассимилируются и утратят свою культуру и еврейское самосознание. Еще 30% опрошенных считают, что большинство российских евреев *уедут из России* (14% думают, что евреи уедут в Израиль, 16% — что они эмигрируют в США или в Европу, в такие страны, как, например, Германия). 17% затруднились дать однозначный ответ, они не знают, что будет дальше с евреями в России. Другими словами, нет явного доминирующего мнения и полной уверенности в будущем еврейства в России.

8. 56% респондентов не планируют радикальных изменений в своей жизни и не думают об эмиграции (во всяком случае, главной причиной их отъезда, если он состоится, будет не антисемитизм). 42% опрошенных думают о возможности эмиграции, значительная часть из них (28%) объясняют эти размышления опасениями усиления в будущем антисемитизма. Однако главные мотивы потенциальной эми-

грации заключаются в следующем: желание обеспечить будущее детей (86%), стремление к благополучной и цивилизованной жизни (77%), желание воссоединиться с близкими (66), неверие в возможность социально-политических улучшений в России (64%), желание жить полнокровной еврейской жизнью (42%).

9. Половина опрошенных полагает, что евреи, живущие в разных странах, — это один народ. Основу еврейской идентичности составляет представление об особой исторической судьбе еврейского народа, живущего среди других народов и испытывавшего тяжелейшие гонения, враждебное отношение извне. Структурирует это сознание прежде всего память о Холокосте. Трагичность и несправедливость такого положения компенсируется, с одной стороны, верой в избранность еврейского народа, сохраняющего свое единство, несмотря на все тяготы жизни, а с другой — в способность евреев добиться признания своих достоинств благодаря высокому уровню своего образования и культуры, свидетельством чего служат их несомненные успехи в разных областях человеческой деятельности. Причем эти достижения считаются общими для всех евреев, где бы они ни жили (а не только предметом гордости евреев России). Именно это сознание и придает евреям понимание своего единства и позволяет себя считать уникальным народом в мире («народ диаспоры»), проходящим сквозь отдельные государства и исторические эпохи.

10. Данные опроса позволяют говорить о том, что еврейская молодежь переживает новую волну интереса к еврейской культуре, традициям, связанным со стремлением обрести собственную идентичность.

11. 55% верят в то, что евреи — «избранный народ». Такое доминирующее мнение о самих себе очень устойчиво, оно не изменилось на протяжении последних 12 лет. В структуре еврейской коллективной идентичности усиливаются (и будут усиливаться в будущем) те значения и представления, которые зависят от собственного, сознательного личного выбора респондента. Это означает, что прежние нормы поддержания общности, характерные для жизни евреев в локальных общинах, где все знают друг друга, подчинены одним и тем же социальным формам организации жизни — синагога, праздники и т.п., а также внешние принудительные формы идентификации и поддержания идентичности, советская паспортная система уступают свое место более общим и, что важно, современным, не традиционалистским формам

усвоения еврейской истории и культуры через Интернет, чтение, СМИ, массовые системы коммуникации.

12. Относительное большинство (40%, самая большая группа респондентов в ряду возможных выборов позиции) не следуют никаким еврейским традициям и предписаниям, рассматриваемых хотя бы даже в качестве семейных традиций. 59% не следуют никаким еврейским религиозным традициям. Остальные 40% идентифицируют себя с различными религиозными группами и течениями: 14% считают себя хабадниками, 11% относят себя к реформистам (преимущественно молодые жители Москвы больших городов), 3–4% — к горским евреям, 2% — к литвакам.

13. Антисемитизм в Европе и в России схож по нескольким параметрам:

— антисемитизм чаще проявляется в словесной форме: оскорбления, угрозы, публикация антисемитских материалов в СМИ, антисемитская пропаганда;

— большое число антисемитских преступлений никогда не регистрируется, потому что о них не сообщают;

— основная площадка для выражения антисемитских настроений — Интернет. Наказание для частных лиц за публикацию антисемитского контента — мягкое и не является сдерживающим фактором для повторения таких публикаций.

Россия отличается от европейских стран в нескольких важных аспектах:

— истоки и характер антисемитизма. С исчезновением советского государственного антисемитизма положение евреев в России улучшилось, они поступают в университеты, занимают руководящие должности, открыты границы, разрешена деятельность еврейских общин;

— Россия, в отличие от других стран, не имеет законодательной базы для фиксирования и расследования подобных преступлений;

— антисемитизм в России встроен в ксенофобию и чаще проявляется на бытовом уровне. Его носители обычные граждане, а не участники тех или иных (неонацистских) организаций. Ксенофобия в России, в свою очередь, направлена против «этнически иных», а не евреев, ко-

торых все-таки признают за «своих». Главные объекты травли — уроженцы Кавказа, Средней Азии и темнокожие. В Европе же носители антисемитизма — сторонники правых партий, мусульмане и антисионисты;

— в российском антисемитизме нет антисионистского компонента в отличие от стран Европы, где волны антисемитизма тесно связаны с политикой Израиля на Ближнем Востоке.

Список литературы

1. EU Agency for Fundamental Rights Discrimination and hate crimes against Jews in EU member states: Experiences and perceptions of antisemitism / EU Agency for Fundamental Rights, 2013. 80 с.
2. *Верховский А.*, Ред. Ксенофобия в цифрах: преступления ненависти и противодействие им в России в 2017 году // 2017. Т. 5. С. 3-5.
3. *Гудков Л.Д.* [и др.]. Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 1–2 (122). С. 29–33.
4. *Мухаметшина Е.* Антисемиты перекалифицировались в националистов // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/23/686981-antisemitiperekvalifitsirovalis>.
5. *Мухаметшина Е.* Российские политики стали позволять себе антисемитизм // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/02/28/752211-politiki-antisemitizm> (дата обращения: 18.12.2018).
6. Антисемитизм в мире в 2017 году (основные положения ежегодного доклада Центра Кантора) // Центр Кантора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moshekantor.com/docs/127/> (дата обращения: 18.12.2018).
7. Исследователи озабочены ростом антисемитизма в интернете // DW [Электронный ресурс]. URL: <https://p.dw.com/p/31ePD> (дата обращения: 18.12.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Социально-демографические характеристики совокупности респондентов

Подавляющее большинство опрошенных (59%) имеют высшее образование, еще 18% — два высших образования, оконченную аспирантуру, докторантуру (не считая незаконченного высшего образования); по общероссийским данным этот показатель равен 27%. При этом половозрастной состав сопоставим с общероссийскими данными.

По всем характеристикам материального, потребительского статуса, а также социальному статусу городское еврейское население ближе всего к российскому протосреднему классу крупных городов России, данные о котором мы получали в ходе специальных направленных исследований, когда отбирали респондентов, имеющих высокий душевой доход, представляющих самые активные в социальном и экономическом плане возраст, высокую квалификацию и одно или два высших образования.

Высокий социальный статус евреев в России подтверждается сравнительными общероссийскими данными. Отметим наиболее важные позиции: каждый десятый опрошенный является независимым предпринимателем, каждый пятый занимает руководящие посты, а две пятых опрошенных — высококвалифицированные специалисты, это наиболее важные различия с общероссийскими данными.

Такое распределение социальных позиций отражается и в отнесении себя к определенному социальному слою.

В сравнении с 2006 годом мы видим существенное сокращение респондентов, относящих себя к низшему и низшему среднему слою (с 27 до 18%), в среднем по России таких было 42% в 2012 году (мы не располагаем более поздними данными по сопоставимой шкале). Большинство, как и по России, относят себя к средней части среднего слоя (этот показатель среди евреев вырос, он выше российского на 9 п.п.); кроме того, существенная группа — 15% — от-

Таблица 58
РОД ЗАНЯТИЙ ОПРОШЕННЫХ

	2018 г., российские евреи	2018 г., Россия
Независимый предприниматель, самозанятый	10	3
Руководитель, управленческий работник	19	3
Специалист без руководящих функций (со спец. образ.)	39	19
Служащий без специального образования	4	11
Рабочий (в том числе мастер, бригадир), в том числе в сельском хозяйстве	2	22
Учащийся, студент	8	4
Пенсионер (неработающий) по старости/выслуге лет	12	24
Пенсионер (неработающий) по инвалидности	1	2
Веду домашнее хозяйство, ухаживаю за ребенком	1	4
Не работаю и ищу работу	2	5
Не работаю и не ищу работу	3	3

Таблица 59
К КАКОМУ СЛОЮ В ОБЩЕСТВЕ ВЫ СКОРЕЕ ВСЕГО СЕБЯ ОТНЕСЛИ БЫ?

	2006 г., еврейское население	2018 г., еврейское население	2012 г., Россия
К низшему слою	3	1	13
К низшей части среднего слоя	24	17	29
К средней части среднего слоя	56	60	51
К высшей части среднего слоя	11	15	5
К высшему слою	2	1	1
Затрудняюсь ответить	8	6	3
Число опрошенных	406	517	1600

носит себя к высшей части среднего слоя, что в 3 раза выше общероссийского показателя.

Еще показательнее сравнение данных по потребительскому статусу еврейского населения и россиян в целом (табл. 60). В первом случае к беднейшим слоям себя относят лишь 3% опрошенных (среди российского населения — 24%). В то время как большинство россиян (52%) составляют люди, которые испытывают трудности с покупкой довольно дорогих бытовых предметов (среди опрошенных таких 24%), относительное большинство еврейского населения имеют средне-высокий потребительский статус 44%, по России в целом — 20%), а более одной четверти (27%) могут себе позволить и автомобиль (по России — 3%).

Однако сравнение самих опрошенных евреев со среднестатистической российской семьей показывает, что большинство опрошенных, как и 12 лет назад, считают, что их материальное положение такое же, хотя доля считающих, что оно выше, увеличилась с 20 до 29%, а что

ниже — сократилась вдвое (с 20 до 10%). Отметим, что, поскольку большинство опрошенных живут в столицах и крупных городах, речь идет о более высоком достатке, чем на периферии.

В качестве показателя значительного культурного и образовательного капитала можно рассматривать знание иностранных языков, прежде всего английского, что свидетельствует о включенности еврейского населения в более сложные и многообразные социальные взаимодействия и культурные контексты.

Хотя знание иврита, а тем более идиша, распространено на порядки слабее, все же около трети опрошенных хотя бы в какой-то мере знакомы с ивритом (если суммировать все позиции), а с идишем — языком уходящей культуры восточноевропейского еврейства — лишь 16%. При этом если в знании английского языка динамика положительная, то в знании иврита и идиша она отрицательная. Долю свободно владеющих ивритом можно считать ядром общего числа евреев, ориентированных на соблюдение традиции и, следованию, основам иудаизма.

Таблица 60

К КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ВЫ СКОРЕЕ МОГЛИ БЫ СЕБЯ ОТНЕСТИ?

	2018 г., еврейское население	2018 г., июнь, Россия
Нам не хватает денег даже на питание	1	6
Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду	2	18
Нам хватает денег на питание и одежду; покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы	24	52
Мы можем покупать некоторые дорогие вещи, такие как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль	44	20
Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах	27	3
Мы можем ни в чем себе не отказывать	3	1

Таблица 61

ЕСЛИ СРАВНИТЬ ВАШУ СЕМЬЮ СО СРЕДНЕЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕЙ, ТО КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

	2006 г. XII	2018 г. IV–V
Намного выше	2	4
Немного выше	18	25
Такое же	55	56
Немного ниже	15	8
Намного ниже	5	2
Трудно сказать, не знаю	6	5

Таблица 62

КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ СВОЕ ЗНАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА?

	2006 г.	2018 г.
Свободно говорю, читаю и пишу	22	37
Перевожу со словарем, но не говорю	37	30
Могу изъясняться, но не читаю	10	13
Не знаю совсем	32	20

Таблица 63

КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ СВОЕ ЗНАНИЕ ИДИША?

	2006 г.	2018 г.
Свободно говорю, читаю и пишу	4	2
Перевожу со словарем, но не говорю	4	5
Могу изъясняться, но не читаю	9	9
Не знаю совсем	84	84

Таблица 64

КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ СВОЕ ЗНАНИЕ ИВРИТА?

	2006 г.	2018 г.
Свободно говорю, читаю и пишу	11	6
Перевожу со словарем, но не говорю	16	12
Могу изъясняться, но не читаю	11	15
Не знаю совсем	63	67

Об отношении к евреям в современной России

Предварительные замечания

В этой статье описываются результаты качественных исследований, проведенных отделом социокультурных исследований «Левада-Центра» в 2015–2018 годах¹ по теме «Отношение к евреям в городах современной России». Исследование принадлежит к обширному циклу работ по этой проблематике, ведущихся коллективом ВЦИОМ и «Левада-Центра» с 1980-х годов. Исследования 2015–2018 годов проводились по заказу Российского еврейского конгресса.

Как и многие другие работы данного коллектива, это научные исследования, связанные с предметом общественного интереса. Общественный интерес предстает перед исследователями как таковой и в форме интереса заказчика исследования. Формулу «Антисемитизм в России есть или его нет?» нельзя считать научной постановкой вопроса, но в общественных дебатах в некоторой части российского и мирового еврейства присутствует именно она, заказчик ее принимает и транслирует исполнителю.

В названной формулировке вопрос выглядит вопросом о факте, а факт — удостоверяемым эмпирически. Однако исследователю ясно, что получить такое удостоверение как неоспоримое невозможно. Возможно выяснить, каковы мнения о существовании антисемитизма и на основании этих мнений предоставить заказчику ответ, что и было сделано в настоящем исследовании.

Далее, в той же еврейской среде существует отношение к антисемитизму как к неустранимому атрибуту исторического существования евреев (соответственно на названный выше вопрос дается заведомый ответ: антисемитизм есть, поскольку его не может не быть). Заказчик с необходимостью разделяет и эту постановку проблемы. Вопрос для исследования в таком случае формулируется как вопрос о «существующем ныне и ожидаемом уровне антисемитизма в России». Исследование, результаты которого обсуждаются в этой статье, имело в виду и эту цель.

¹ В исследовании и подготовке материалов, использованных в данной статье, принимали участие С. Королева и Ю. Брошадт. Автор приносит им благодарность.

В соответствии с замыслом заказчика выборка для описываемого здесь исследования была построена так, чтобы в различных городах России, где проживают евреи, провести встречи с местным еврейством и с представителями тех групп, которые образуют контекст или часть контекста для существования евреев². Заказчик исходил из гипотезы, что религиозность, т.е. включенность в жизнь религиозной общины и соответствующее вероучение, влияет на восприятие межэтнических/межконфессиональных отношений. Поэтому были запланированы фокус-группы с «религиозными» евреями и с теми, кто себя к религиозным не относит. Такие же различия были предусмотрены в группах русских (относящих и не относящих себя к православным) и мусульман, которые были разделены на «практикующих» и «этнических». (При этом не предполагалось обращаться к «истово верующим» данных конфессий, поскольку это относительно узкие группы среди вообще «верующих»/«практикующих»/«религиозных».)

Гипотеза нашла лишь частичное подтверждение. Среди «практикующих» мусульман и православных был отмечен особый тип претензий к евреям и/или иудеям, не встречавшийся у тех, кто не причисляет себя к верующим. Претензии состояли в том, что *иудеи считают себя выше нас* — мусульман или православных. В остальном в отношении обсуждаемых вопросов позиции людей, более или менее вовлеченных в религию, не различались. Среди евреев обсуждаемый статус не влиял на их представление о наличии/отсутствии антисемитизма. По этой причине исследование свелось к изучению положения еврейства в среде различных российских городов и трактовке темы антисемитизма в этой среде и в среде самого еврейства.

² Фокус-группы, индивидуальные интервью проводились в Москве, Хабаровске, Биробиджане, Казани и Махачкале (2015) и Дербенте, Томске, Казани, Калининграде (2018) среди следующих категорий респондентов:

- евреи «соблюдающие»;
- евреи «несоблюдающие»;
- русские верующие (православные);
- русские нерелигиозные;
- мусульмане «практикующие»;
- мусульмане «этнические».

Если говорить о собственно социологических вопросах, которые изучались в ходе исследования, они в основном сводились к следующим:

- евреи как тема, евреи как символический объект в массовом сознании различных групп населения, в том числе еврейского;
- место и функция антисемитского нарратива в обиходе различных групп населения.

В методическом отношении исследование было реализовано как серия фокус-групп в городах России с представителями в одних случаях, еврейского меньшинства — в других, этнического и конфессионального большинства. Набор участников проводился силами партнеров РЕК и «Левада-Центра» на местах, модерирование осуществляли сотрудники отдела социокультурных исследований «Левада-Центра» С. Королева и А. Левинсон. Проводилась аудиозапись с последующей расшифровкой. Эти материалы использованы при подготовке данной статьи. Дословные высказывания респондентов выделены курсивом, при этом даются условные обозначения категорий респондентов. В ходе фокус-групп применялся тест семантической атрибуции СЕМАТ. Результаты тестирования изложены далее в статье.

Евреи и отношение к ним как тема

Как только респонденты всех фокус-групп приходили к пониманию, что предметом обсуждения будут отношения между разными национальными группами, они первым делом старались сообщить, что национальные различия не имеют значения, на них не обращают внимания либо, напротив, что люди различных национальных групп сохраняют и поддерживают свою идентичность, но живут в мире и согласии друг с другом, и это положительная черта данного городского сообщества. Вот примеры из встреч с мусульманами:

— *С русскими, с евреями я никогда не встречал, чтобы мы какой-то конфликт имели.*

— *Мы здесь не занимаем таких позиций или, будем говорить, не ведем ту линию, которая мешала бы кому-то и кому-то противоречила бы.*

— *Как таковых конфликтов не было. Я родился сам в селе. Так что мы с евреями дружили* (мусульмане, г. Дербент).

Такой же ответ стараются дать евреи.

— *Вы знаете, у нас есть протестантское направление. Они нас любят, скажем так. Они нам, ну и мы им, мацой делимся, соком. И они нам иногда помогают. Они устраивают такие воскрес-*

ники... У нас здесь кладбище... старое кладбище... Оно в плохом состоянии, но тем не менее они раз в год примерно выезжают, помогают нам...

— *Тут недавно у них был на празднике, как он называется... навруз, тоже был... типа там собрали все конфессии и вот, праздник... Мы сюда приглашаем... В основном у нас приходят автономии. Ну, есть автономия немцев, автономия киргизов... Армяне там и т.д. Вот в этом плане у нас больше контактов. Именно по автономиям. Потому что религиозные — они более такие... зашоренные, правильно?* (евреи, г. Томск)

На вопрос об отношении к евреям люди из прочих этнокультурных групп спешат заявить о своем позитивном отношении. Можно видеть в этом реакцию на отмену прошлой нормы, которая была антисемитской. Норма дискредитирована, отменена или дезактуализирована. На этом «пустом» месте в порядке реакции возникает противоположное по знаку образование. Оно предстает как юдофильское:

— *Мне кажется, они порядочные люди и, как правило, обеспеченные* (русские, православные, г. Томск).

— *Без евреев вообще скучно будет.*

— *Можно, кстати, у них много чему научиться* (мусульмане, г. Казань).

— *С чувством юмора* (русские, православные, г. Томск).

Можно представить, что такое отношение будет трактоваться как «первертный антисемитизм», но в нашем представлении эта демонстративная юдофилия отражает не отношение к евреям, а желание оградить себя от подозрений в «неприличном» антисемитизме.

Получено значительное количество позитивных высказываний в отношении евреев. На первом месте стоит приписывание евреям качества «умные». Это показывает и тест семантической атрибуции (см. ниже), и высказывания респондентов.

— *Вот что хочу сказать: они очень умные люди, евреи... Вот это единственный плюс, который я могу сказать про евреев. Больше я не знаю, что...* (мусульмане, г. Дербент)

— *Как бы они мудрые* (мусульмане, г. Казань).

Можно сказать, что приписывание евреям положительных качеств, которые говорящими не отмечаются у «своих», является вариантом алиенации евреев, только по позитивному признаку.

Один вариант обсуждаемого отношения — отрицание самого существования тем «евреи» и «антисемитизм» ввиду физического отсутствия евреев. Этот вариант был широко представлен в дискурсе русского населения Калининграда.

— Евреи? Не встречался с такими.

— И я вот тоже.

Физически евреи есть, но их число представляется незначимым.

— Нет, здесь нет евреев. Ну, есть у нас Кацман... один.

Отрицается существование евреев как объекта отношений.

— А как можно к ним относиться, если их здесь нет?

Утверждение, что «евреев нет», — это риторическая фигура, назначение которой показать, что евреев нет как социального субъекта. Отсюда специальные оговорки в ответах.

— Как ни странно, я здесь не видела никаких евреев и с ними никогда не сталкивалась. У меня такое ощущение, что на моем пути они не попадались, и я считаю, что их нет;

— Я тоже как бы не сталкивался с ними, вообще как бы не вижу и не слышу их.

Соответственно нет и антисемитизма.

Вопрос: «А как у вас тут с антисемитизмом?»

— Чего? У нас его нет, даже невозможно сказать, что это такое (русские, неверующие, г. Калининград).

Нередко ссылались на то, что евреев «уже нет».

— У меня такое впечатление, что они все уехали.

— Да их даже уже не видно, по-моему. Они здесь живут? Или уже в Израиле?

Отрицание факта своего существования для других, для доминантного большинства, для городского сообщества встречалось среди тех, числил себя евреем:

— Нас нет здесь, ну, мы говорим, нет нас (евреи, г. Дербент).

Среди еврейства Томска указывали на это умаление социального существования евреев в городе.

— Евреев стало меньше. И поэтому... Ну, когда исчезающе малая величина остается, она уже не влияет ни на что (евреи старшие, г. Томск).

Там прозвучало и популярное в различных группах объяснение спада антисемитизма сокращением числа евреев или их, так сказать, социальным исчезновением.

— Почему на спад идут <антисемитские> настроения? Потому, видимо, что евреев меньше стало.

Для еврейской среды России характерно признание того, что, поскольку еврейство уменьшается физически, оно уменьшается и в своей значимости для себя и других. Но есть и готовность утверждать обратное.

— Потому что евреев становится меньше, их становится больше (евреи старшие, г. Томск).

У молодых евреев есть еще одно объяснение.

— Он изживает себя, антисемитизм, из-за того, что сейчас модно быть евреем (евреи религиозные, молодые, г. Томск).

Изменение политики властей и общественных настроений в отношении евреев, разрешение им обозначать свое присутствие в публичном пространстве города отмечаются представителями доминантных групп, которые объясняют, что евреев лично не встречали, но видят появляющиеся признаки их присутствия.

— Единственное, что я знаю про этих людей, что у них есть тут синагога, очень красивая, отреставрированная. Недавно открыли еврейскую школу... Православной школы нет в Томске, а еврейская открылась. Вот и все, что мне известно о евреях.

— Года два назад стал замечать, что у них какие-то праздники, они более открыто стали праздновать... Хотя я коренной томич в четырех коленах, я думаю, что мои предки особо тоже не видели и в те года еще... евреев здесь (русские, православные, г. Томск).

— Синагогу строят, значит, есть у нас евреи (русские, неверующие, г. Калининград).

В некоторых случаях говорят не об отсутствии евреев, а о том, что обнаружить их присутствие невозможно, т.е. они настолько ассимилированы (или настолько скрывают свое еврейство), что их не отличить от русских.

— Многие русские не отличают их <евреев> на вид. Я много раз сталкивался с тем, что, с моей точки зрения, видно, что человек... еврей, а вот рядом со мной человек говорит: «Да ты чо?».

— Я тоже не встречалась... А может, встречалась, но не знала. Нет, не сталкивалась (русские, православные, г. Томск).

— Есть, но... блин, ну как это сказать? Они же не ходят с табличками «Я — еврей». И их очень мало... (русские, неверующие, г. Калининград).

— Обычная нация, мне так кажется, нет того, чтобы что-то конкретное связывать с евреями... (мусульмане, г. Казань).

Отдельно стоит мнение евреев из Дербента о том, что они исторически мало отличались от других народов региона.

— У нас, у горских евреев, и менталитет тоже горский. Менталитет того народа, среди которого жили. Поэтому и много обычаев, практически перенятых. И множество житейских мудростей и... будем говорить, правил... Прак-

тически одинаковое отношение и к гостям, и к старшим, и в семье, и все остальное...

Таким образом, мы констатируем, что в русской и мусульманской городской среде популярно указание на отсутствие антисемитизма ввиду отсутствия евреев¹.

Также в ходе исследования существование антисемитизма в нынешней России *отрицали евреи*. Степень и настойчивость отрицания могли различаться, но в целом это была преобладающая позиция.

Молодые респонденты-евреи просто говорили, что им не приходилось сталкиваться с проявлениями антисемитизма, пожилые и старые вспоминали, что такие проявления (в отношении к ним лично или «вообще») были в прошлом, но теперь этого нет. Приехавшие из других стран (например, с Украины) сообщали, что *там-то этого было много, а здесь нет*.

Встречались мнения, что антисемитизма нет сейчас, но он может в любую минуту вернуться.

Необходимо отметить, что на указанную позицию евреев влияет сложившееся в этой среде понимание антисемитизма как действий, направленных на нанесение ущерба евреям или на их вытеснение с каких-либо позиций, из каких-либо мест либо недопущение на какие-то позиции. И при этом в обследованных сегментах российского еврейства имеется согласие по поводу меры или порогового уровня неких негативных проявлений в адрес евреев, чтобы их расценивать как антисемитизм. Так, сравнение этих позиций с позициями, принятыми в ряде международных исследований по проблемам антисемитизма, показывает, что обнаруженный нами уровень чувствительности к проявлениям и внимания к деталям этих проявлений в адрес евреев существенно ниже, нежели в самих исследованиях и документах².

¹ Здесь уместно вспомнить, что известен феномен «антисемитизма без евреев». См., напр.: *Lendvai P. Antisemitism without Jews*. Doubleday, Garden City, 1971. Похоже, что в исследованных сегментах российского общества этот феномен не представлен. Как мы постараемся показать далее, в российском обществе ситуация несколько иная.

² Этим может, в частности, объясняться то, что респонденты количественного опроса (евреи) в целом чаще дают положительные ответы на вопрос о существовании антисемитизма в России, чем респонденты фокус-групп, исходящие из своего обыденного понимания того, что считать антисемитизмом. Далее, существенна разница в ситуации получения ответов. Индивидуальный характер интервью в массовом опросе может стимулировать респондента-еврея скорее «пожаловаться», тогда как ситуация групповой дискуссии может скорее стимулировать выражение оптимизма, а также группового «заклинивания» ситуации. Не буди лихо, пока оно тихо, — было сказано на одной из групповых дискуссий с евреями.

Поэтому, даже зная о наличии предубеждений против евреев у представителей этнического большинства или у соседних меньшинств (если эти предубеждения не выражаются в действиях против евреев), наши респонденты квалифицируют ситуацию как отсутствие антисемитизма. *Антисемиты, конечно, есть, а вот антисемитизма нет* — так характеризуют это положение наши респонденты.

Методологизируя эти обстоятельства, мы далее предложим различать активный и пассивный антисемитизм.

Наличие/отсутствие антисемитизма

Проведенные качественные исследования позволяют сказать, что наличие активного антисемитизма (т.е. действий, направленных против евреев) не отмечают ни евреи, ни представители других национально-культурных групп.

Очень сильной является установка на отрицание любых межэтнических противоречий, конфликтов, в том числе конфликтов с евреями:

— *Как таковых конфликтов не было. Я в городе живу с 1958 года. Я не зря назвал город Дербент мудрым. Так что мы с евреями дружили (мусульмане, г. Дербент).*

— *Я такого (антисемитизма) не встречала лично (русские, православные, г. Томск).*

— *Они (татары) когда узнают, что я еврейка, им это приятно, они как-то ко мне относятся лучше, чем к русским (евреи, г. Казань).*

Надо понимать, что выяснение этого вопроса в указанных средах весьма близко к вопросу, испытывают ли опрашиваемые и проявляют ли они вражду к евреям. С учетом существовавших норм на «интернационализм» или существующих на «толерантность» и норм из кодекса русской интеллигенции, запрещающих дискриминацию по национальному признаку, вопрос оказывается вопросом: нарушаете ли вы эти нормы?

Впрочем, что касается этих норм как таковых, можно отметить их серьезную эрозию в последнее десятилетие. Выражать неприязнь в адрес иноэтнических групп — приезжих из Средней Азии или с Северного Кавказа — уже почти не считается нарушением правил приличия и хорошего тона. Интересно, что на этом фоне нормы, охраняющие евреев от различных проявлений вражды и агрессии, не ослабли, а, возможно, до какой-то степени укрепились.

— *В России сложно сказать, но в Томске мы не сталкивались (евреи, религиозные, г. Томск).*

В некоторых случаях евреями признавалось существование антисемитизма, но всегда указывали, что он очень слабый:

— Ну, я думаю, сейчас самая... самая слабая фаза (антисемитизма).

— Я тоже так думаю.

— Да, я тоже считаю...

— Да-да (евреи, г. Казань);

— (Антисемитизм в Татарстане) слабее, чем в коренной России. В коренной России сильнее, потому что там нет другой противопоставляющей себя народности, страты (евреи, г. Казань).

Евреи вспоминают, что им приходилось сталкиваться с проявлениями антисемитизма, но не здесь и не теперь:

— Вы знаете, здесь нет, а на Украине — да.

— Сейчас скажу. 68—69-й.

— А здесь нет. Нет (евреи, г. Калининград);

— Он бытовой, но всплывающий. Я вот год назад на работе лично столкнулась, очень сильный вариант (евреи, г. Казань).

В некоторых случаях респонденты становились на точку зрения, что антисемитизм как таковой существует (даже если его нет в данном городе или сообществе). И тогда указывались некоторые его причины:

— Ну, проверенная временем традиция, что же от нее отказываться-то? (евреи, г. Казань);

— Я думаю, что это просто зависть к тем людям, которые умеют себя организовать и, более того, правильно воспитывают своих детей (евреи, г. Казань);

— Ну, я думаю, необразованность... (евреи, г. Казань).

По некоторым свидетельствам, полученным от евреев (не от православных!), одним из источников антисемитских настроений является церковь:

— Если католики уже принесли извинения за гонения, которые были, то православные — до сих пор нет (евреи, г. Томск);

— Антисемитизм — это болезнь. Конечно. Это психическое заболевание. А понимаете, почему антисемитизм.

— Тут же разный есть антисемитизм — бытовой, государственный, еще какой-то... экономический. И самое неприятное, что церковь насаждает этот самый антисемитизм бытовой (евреи, г. Томск).

Не обошлось без упоминания коронного довода антисемитов, будто источником антисемитизма являются сами евреи:

— Есть такое выражение, оно мне не очень нравится, но некоторые считают, что евреи сами порождают антисемитизм... Ну, можно согла-

ситься, можно не согласиться (евреи, г. Казань).

Вопрос об Израиле

В исследованиях по антисемитизму отношение к Израилю считается одним из показателей отношения к евреям. По результатам фокус-групп можно заметить, что корреляция этих двух установок не всегда прямая. Один пример (из исследования 2015 г.) — отношение к Израилю евреев старшего поколения из Биробиджана. Оно, безусловно, позитивное, у многих дети переехали туда. Но в ценностном отношении в качестве «еврейского места № 1» Израиль в их глазах проигрывает Биробиджану. «Настоящие евреи», по их мнению, — те, кто живет в Биробиджане.

При всей гротескности такого подхода он указывает на важную тему или даже проблему.

Одна ее часть, так сказать, внутриеврейская, это определенный конфликт двух еврейских культур, он волнует некоторых представителей российского еврейства:

— Ну, я бы, например, еще затронула вопрос о влиянии израильской культуры на евреев. Я считаю, что идишская культура уходит, израильская приходит (г. Казань, евреи).

Вторая часть касается взаимоотношений евреев с их окружением. Как известно, главный *message* Израиля ко всем евреям на Земле состоит в том, что это — их родина, их дом. Между тем процесс ассимиляции евреев в России состоял, в частности, в обретении российской идентичности через признание России родиной, что было своего рода ответом главной претензии с другой стороны: самая сильная волна государственного антисемитизма строилась на отношении к евреям как к «безродным космополитам». Poleмика между российским еврейством и его оппонентами-антисемитами вращалась вокруг темы: родина/Израиль. Евреям отказывали в праве считать Россию родиной (*они же продали Россию!*), навязывали признание родиной Израиля (*езжай в свой Израиль!*). Если реакцией евреев на это не оказывался действительно отъезд (в Израиль или другую страну), то по необходимости она шла в направлении признания России своей родиной. Это признание могло быть делом внутренним или выражаться в публичных заявлениях, могло иметь традиционную для российской культуры форму аскрипции (*родину не выбирают*) или более современную (двойное гражданство, *multiple identity*), но тема России как родины оставалась для российских евреев весьма значимой на протяжении последних десятилетий:

— Я понимаю так: родина там, где ты родился. Все-таки это правильно. Есть, может быть, историческая родина и есть родина, которая... (евреи, г. Дербент).

Добавим наблюдение, сделанное в ходе исследований 2015 г.: вне зависимости от отношения самих евреев к Израилю для многих русских известная им принципиальная возможность для любого еврея уехать в Израиль устанавливала неустрашимое различие между ними и живущими рядом евреями. В случае чего вам есть куда уехать, а нам куда из России? Понятно, что это рассуждение принадлежит некоторому эпическому дискурсу. Фактологическое соображение, что число эмигрирующих из России русских теперь превышает число уезжающих евреев, в рамках такого дискурса не принимается во внимание. Симметричным образом эпическое высказывание о том, что тысячи евреев отдали жизнь за Россию как родину, не будет принято теми, кто его парирует «практическим» доводом — это потому, что они знали, что при немцах их всех уничтожат. Повторим, что тема Израиля связана с базовым (в настоящее время неактивным) недоверием евреям, с отказом им в возможности быть патриотами России.

Известна и другая сторона этой темы — ответственность российских евреев за действия Израиля. Эта тема в полуприкровенном виде была одной из основных в государственной кампании «борьбы с сионизмом» в позднесоветский период.

Наличие Израиля как родины для живущих в России евреев, таким образом, может создавать и проблемы для них. Однако в ходе исследований 2018 г. были обнаружены лишь слабые формы переноса на российских евреев ответственности за (предполагаемые) военные акции Израиля в отношении арабов. Так, по словам респондента из числа евреев, в Дербенте мусульманские активисты проводили акции с осуждением Израиля:

— Здесь было даже несколько акций, были и плакаты, и всё это дело... когда война была.

У местных евреев это вызвало опасения, они сочли адресатами этих акций себя. Однако выяснилось, что:

— Они (протестовавшие мусульмане) же не считают нас... связанными с Израилем.

Возможно, дело в том, что горские евреи в Дагестане считались «своими» и отличающимися от прочих евреев, ассоциируемых с Израилем.

В Томске, по рассказам евреев, в глазах русского окружения связь между местным еврей-

ством и Израилем усматривается, но оказывается имеющей амбивалентные значения:

— Все-таки как-то Израиль с евреями отождествляют. Но с одной стороны, пропаганда, что они там убивают арабов, с другой стороны — видят, что страна развивается, она все-таки становится такой очень... как сказать... удобной для жизни. Они на этом клочке земли... настолько много делается такого... хайтеков... Тоже это как-то влияет на людей (евреи, г. Томск).

Даже необычное для народов России наличие у евреев «двух родин» принимается как факт:

— Многие уехали... Которые уехали даже в Израиль, на свою родину, они многие приезжают, у них осталось гражданство. Они в Дербент приезжают, здесь месяца три живут, отдыхают, потом едут там, кто работает (мусульмане, г. Дербент);

— Ну, в Израиле живут. Но они здесь квартиры свои сдают, а не продают. Изначально здесь не рушат эти корни. У них даже родители здесь остаются, они к ним приезжают раз в году. Куда ни уезжали бы, они всегда возвращаются все равно (русские, г. Калининград).

Израиль, безусловно, выступает в глазах многих как страна евреев, родина евреев, место, куда они уезжают из России:

— Евреи? Уезжают? Конечно, уезжают.

М.: Куда?

— В Израиль больше (мусульмане, Казань);

— Если человек ездит в Израиль, видно, что он еврей (евреи, г. Томск).

Мотивации для отъезда евреев в Израиль, которые представляли себе их соседи по российским городам, были трех родов.

Во-первых, это мотивы, так сказать, сионистского характера, т.е. исходящие из того, что это репатриация:

— Они уехали в Израиль, на свою родину.

Во-вторых, это могли быть мотивы конфессиональные:

— Они уехали из религиозных побуждений. Потому что это святая земля, каждый старается ближе быть к святыне (мусульмане, г. Дербент).

В-третьих, это могли быть мотивы общие с другими людьми и не имеющие национальной специфики:

— Они здесь жили, а потом они переехали в Израиль. Наверно, как заводы закрылись. Здесь столько заводов было — и всё закрылось.

— Но и не только евреи. Уехали все русские почти. Здесь было половина русских. Потому что все заводы закрылись, работать негде, детей

учить негде... (мусульмане, г. Дербент).

То, что встречаются не сионистские мотивы отъезда в Израиль, признают и сами евреи:

— Ну, может быть, не по еврейским мотивам, а просто имея в виду Израиль как последний шанс, если в стране будет тоталитаризм (евреи, г. Казань);

— Ну, Израиль есть Израиль. Здесь были евреи, а там мы русские (смех) (евреи, г. Калининград).

Антисемитизм активный и пассивный

Дискуссии по теме «антисемитизм» идут давно. Корпус высказанных соображений огромен. К этим соображениям мы хотели бы добавить одно, на которое наталкивают мнения, выраженные нашими респондентами в ходе проводившихся групповых дискуссий.

Ни у кого из участников этих дискуссий не вызывает сомнений, что действия, направленные против евреев, следует называть антисемитизмом. (Периодически возникают претензии к термину, поскольку в нем вместо «евреев» как объекта фигурируют «семиты», в число которых входят и арабы.) Уточняя эти соображения, скажем, что респондентами имеются в виду планируемые или производимые действия с целью добиться устранения евреев с какого-либо места (из какого-либо места) или вообще их устранения, а также призывы к таким действиям, действия или призывы к действиям, имеющим целью причинение евреям вреда или ущерба, обоснование таких действий или намерений возложением вины/ответственности евреев за причиненные ущерб или вред другим народам.

В социологической интерпретации это можно назвать действиями по эксклюзии или понижению статуса евреев. В психологическом отношении это действенная или словесная агрессия в адрес евреев как объекта.

Под такое определение подпадает множество действий и событий, от бытового до государственного уровня, от насмешек до физического истребления.

Все названные формы отличает одно общее: они, физически или символически, направлены непосредственно против евреев.

Наше исследование первой (2015 г.) и второй (2018 г.) волн убедительно показало, что подобные феномены в современной российской действительности встречаются редко или исчезающе мало.

На этом основании нередко звучал вывод: «В России антисемитизма (больше) нет».

Наряду с этим исследования и обыденный опыт предоставляли свидетельства того, что от-

рицательное отношение к евреям в русской и мусульманской среде не исчезло, оно продолжает существовать и выражаться в повседневном общении в виде широко распространенных хулигельных, иронических, негативно окрашенных клише, паремий, речевых фигур.

Особое место занимают антиеврейские тексты в Интернете. Они существуют в изобилии, и их не становится меньше — возможно, даже наоборот.

Однако в этом случае речь идет о том, что антиеврейские высказывания имеют место в коммуникации *внутри* русской или мусульманской сред. *Они не адресованы евреям фактически и не имеют евреев в качестве «внутреннего адресата».*

Такие антисемитские по своему содержанию смысловые конструкции обслуживают нужды общения, социализации, институционализации конфликтов и других видов саморегуляции внутри этих групп и категорий населения РФ. Гротескные образы евреев как «чужих» или считающиеся «типично еврейскими» отрицательные черты служат в качестве отрицательных образцов, помогают строить образ «своих» на противопоставлении образу евреев как «чужих». Даже некоторые номинально положительные качества выступают отрицательными элементами конструкции самообраза русских («ум» как «еврейский ум», как антитеза «простоты»).

Повторим, что во всех этих случаях речь идет о коммуникации внутри русского или мусульманского сообществ, при этом в ситуациях, квалифицируемых как неформальные («бытовые»), включающих только «своих». Определенные нормы запрещают использование названных семантических элементов и конструкций в публичной, официальной сфере, в зоне контакта с «чужими». Они, в частности, запрещают употребление унижительных для евреев слов, сравнений, шуток и пр. в присутствии евреев, тем более в их адрес.

Таким образом, если считать эти явления формой антисемитизма, то надо заключить, что *антисемитизм в России продолжает существовать.*

Разрешить обнаруженное противоречие суждений о существовании/несуществовании антисемитизма в России помогает обращение к мнениям россиян — евреев и неевреев. Понятно, что они как носители обыденного сознания не утруждают себя дистинкциями и дифференцирующими определениями.

Обсуждая антисемитизм, они, как правило, имеют в виду *действия*, наносящие ущерб евреям. Собственную антипатию к евреям те, у кого

она есть, антисемитизмом не считают, поскольку они ее в какие-либо действия негативного характера в отношении евреев не претворяют и самим евреям свою антипатию не выражают¹.

Одной из форм антисемитизма можно считать претензии к евреям/иудеям за их предполагаемое плохое отношение к людям иной национальности или веры:

— *Мои предположения, что они (евреи) очень негативно относятся именно к людям, которые верят... в Христа, к христианам* (русские, православные, г. Томск);

— *Мне кажется, что в XXI веке, если мы хорошие люди, мы должны с уважением относиться ко всем религиям. Но они (евреи) к нам так не относятся. Они (евреи) на нас так смотрят, что мы все-таки ниже их* (русские, неверующие, г. Калининград);

— *Я думаю, должно быть такое воспитание, что должна быть у каждого вина. Перед другим. И у евреев перед мусульманами, и у мусульман перед евреями. Должно быть. Если по-человечески взять... Евреи не любят татар, насколько я знаю* (мусульмане, г. Казань);

— *В православии — у них своя религия, не думаю, что там конкретно написано «ненавидьте того, или того, или того»... А у евреев, по-моему, такая есть вещь* (русские, неверующие, г. Калининград);

— *Ну, они (евреи) считают, что они правы, а мусульмане и христиане заблуждаются. И ждут Мессию... продолжают, вернее, ждать. А ждутся Антихриста* (русские, православные, г. Томск).

Называют отдельные случаи дискриминации, осуществляемой евреями. То есть евреям предъявляются претензии в нарушении общечеловеческих норм, такие претензии должны быть предъявлены представителям любой национальной или иной группы, если они в нарушение общих правил создают преференции

¹ Отрицание антисемитизма в этой среде может иметь, как мы отметили, защитный характер — защита себя и своих от обвинений в предосудительном поведении. Оно может иметь и своего рода наступательный и, по сути дела, антисемитский характер. Вопрос о наличии либо отсутствии антисемитизма в России эта категория респондентов трактует как «вопрос от евреев» (что по сути верно), вопрос, подразумевающий, что антисемитизм в России есть и за это Россию можно обвинить с позиций т.н. общечеловеческих норм. Такое понимание принадлежит в целом системе взглядов, которая активизируется ситуацией «осажденной крепости» — противостояния России и Запада, резко обострившегося после присоединения Крыма. Интересный поворот в этой позиции состоит в акцентировании момента, что антисемитизма в России (обвиняемой Западом) нет, а на Украине (защищаемой Западом) он есть. В таком контексте отрицание антисемитизма в России оказывается частью «патриотической» позиции — новость для этой парадигмы.

для «своих». Вопрос лишь в том, выдвигаются ли такие претензии, например, в адрес русских, если те продвигают «своих», или это делается только в адрес каких-либо меньшинств:

— *Ну, я по Томску могу сказать. Научный руководитель продвигал своего аспиранта, который был явно слабее, но, поскольку он был свой, он продвигал его, отправлял на конференции, всячески его поддерживал...* (русские, православные, г. Томск).

Материал, полученный на фокус-группах, это не проявления антисемитизма, а скорее свидетелства о том, что такие проявления бывают.

На фокус-группах люди стремились смягчить негативизм.

Отношение к евреям часто бывает сложным. Люди не хотят высказывать прямые обвинения в их адрес. В основном это стереотипное обвинение евреев в жадности, хитрости. При высказывании обвинений люди стараются их смягчить:

— *Может быть, жадные* (русские, православные, г. Томск);

— *Ну, для меня евреи — иудеи. Ну, может, жадный народ* (мусульмане, г. Казань);

— *Хитрые* (русские, православные, г. Томск);

— *Он сказал: «Мы более прямые». Мои мысли как будто прочитал.*

— *У них вот это лицемерие к нам, к русским* (русские, православные, г. Томск).

Есть претензии не психологические, а социальные:

— *Среди интеллигенции, например, их достаточно много, а среди кругов... скажем так, простонародных каких-то, ремесленных — там, конечно, нет.*

— *Ну, вот я знаю, евреи — ростовщики, насколько я знаю, они пошли с ростовщиков* (русские, православные, г. Томск).

Отмечают положительные качества, но те, которых, как считается, нет в их собственном народе. То есть косвенным образом указывают на чуждость евреев, но это подается как своего рода похвала:

— *Евреи... Это целеустремленные люди, которых я, по крайней мере, знаю. Они по-своему, но достигают своих целей... По-своему — это значит, у них принцип какой-то есть, вроде чтобы никого и не обидеть, и сделать свое. Можно, кстати, у них много чему научиться.*

— *Они очень талантливы, эти евреи, они очень трудолюбивы. Честно говоря, ни одного алкаша-еврея я не знаю. Они хитрые, но они трудолюбивые, они талантливые.*

— *Ну, вообще, один из двигателей истории, евреи. Все наши боги — евреи. Карл Маркс — еврей, и Иисус Христос... И ученых сколько.*

— Вообще двигатель, очень активные, трудо-голики.

— Если музыку, например, рассматривать, то, наверное, талантливые все-таки евреи (мусульмане, г. Казань);

— Есть, конечно, зависть такая: евреи в общей массе живут лучше, меньше бухают... меньше дерутся... Ну, как правило, лучшие живут (русские, г. Томск);

— Во-первых, трудоголики... (мусульмане, г. Казань);

— Может быть, он (еврей) более одаренный... (мусульмане, г. Казань).

Если проанализировать их высказывания на эту тему, можно заметить, что «настоящим антисемитизмом» они считают прямые враждебные действия в адрес евреев. Хула, насмешки, оскорбления, остающиеся внутри нееврейской среды, им остаются в основном неизвестными. С антисемитскими выступлениями в Интернете сложнее, но антисемитские проявления и там «досягают» евреев только, если таковые сами вступают в эти пространства.

Поэтому можно заключить, что есть существенное различие между двумя формами проявления антисемитизма. А именно, одни интенциональны и являются формой агрессии, направленной против евреев, другие конвенциональны для нееврейской среды и не направлены против евреев. Соответственно мы предлагаем явления первого рода именовать *активным антисемитизмом*, а явления второго рода — *пассивным антисемитизмом*¹.

Изучение мнений экспертов позволяет сделать важное добавление. *Пассивный антисемитизм способен превращаться в активный*. Присутствующая в культуре нелюбовь к евреям может перейти в прямую агрессию (словесную, а то и действенную) при условии, о котором говорили и эксперты, и рядовые респонденты. Этим условием является сигнал со стороны инстанций, которые опознаются как государственные. Государственный антисемитизм открывает дорогу бытовому. После этого сигнала нормы, ныне охраняющие евреев от проявлений неприязни, вражды и пр., перестают действовать.

¹ Предложенное различение активных и пассивных форм негативно-го отношения членов некоей общности к каким-либо группам и категориям людей может быть усмотрено не только на примере отношения к еврейству. Так, отношение россиян в целом к Америке или Европе также бывает активным (и тогда может включать акции вплоть до военных) либо пассивным. Тогда речь идет об использовании воображаемого «Запада» или воображаемой «Америки» как источника внутренних трудностей, носителя чуждых начал, «не наших» настроений и пр. Собственно, Запад не является адресатом этих высказываний, они адресованы «своим».

О том, что государственного антисемитизма в настоящее время нет, говорили многие:

— Нету политической поддержки антисемитизма (евреи, г. Казань);

— Вот лет 10 назад еще у нас прямо вот здесь писали всякие гадости, то сейчас ничего такого нету... Нет, всё это идет на нет, потому, что человек... как сказать... понимает, что государственного-то нету, понимаете? (евреи, г. Томск).

— Какие-то должны быть предпосылки антисемитизма — ухудшение условий жизни, международная обстановка, какие-то, может, высказывания олигархов... каких-то наших, которые не нравятся людям. Всё это какой-то букет создает и когда-то может вспыхнуть (евреи, г. Томск);

— Предубеждение, с одной стороны, есть, с другой стороны, всегда требуются активные люди, и если попадают, то их, так сказать, принимают, потому что надо работать. И главное — это эффект. То есть это и деньги, и дело. Поэтому можно встречать у нас в мэрии... зам. мэра — он еврей... (евреи, г. Томск).

Весьма значимым является поведение первого лица государства:

— Наш президент не антисемит. Его окружение — одни евреи. Так что евреям, я думаю, живется нормально (евреи, г. Калининград);

— Вы посмотрите, это ж... Если бы этого не было, тогда бы у нашего президента не сидели бы один в чалме, другой с пейсами, третий с крестом. Значит, они относятся друг к другу хорошо. Все (русские, неверующие, г. Калининград);

— Путин, он же хорошо относится к евреям, ну по крайней мере, он встречается с Лазаром. Народ же видит и думает: «Раз Путин встречается с Лазаром, значит, евреи не такие плохие». Это на самом высоком уровне. Значит, и на более низком можно было (евреи, г. Томск).

Антисемитизм как фольклор

После выполнения исторических задач лишения еврейства его статуса этноса, народа антисемитизм в России перестал существовать в «классических» погромных форматах. Что касается так называемого бытового антисемитизма, судя по результатам проведенного исследования, и он слабо выражен, очевидно, ввиду того, что фактически потерял свой объект. Евреи либо просто отсутствуют в жизненном поле большинства россиян, либо не распознаются ими как таковые.

Расположенные на дистанции известные евреи — публичные персоны — в данное время объектами агрессии не являются.

Очень часто русские респонденты, не встречавшие евреев, сообщали нам, что о существовании евреев узнали «из разговоров», «из анекдотов». Значимость «еврейского анекдота» в структуре пассивного антисемитизма весьма высока:

— У меня из анекдотов просто.

— Вот я тоже... Я только из анекдотов, по «Уральским пельменям» я только слышала.

— Это то, что о них в анекдотах говорили... Как клише на них (русские, православные, г. Томск);

— Ну, раньше были, анекдоты ходили про евреев какие-то... Сейчас поменьше уже.

— Ну, сейчас вроде да, нет такого, чтобы... Сейчас больше так шутят над хохлами... уже (мусульмане, г. Казань);

— Ну, такой же анекдот существует. Умирает старый татарин и говорит: «Берегите евреев. Берегите евреев, их закончат — нас бить начнут» (евреи, г. Казань);

— Мне лично говорил один знакомый еврей, что анекдоты про евреев могут рассказывать только евреи. Для неевреев это неприлично (русские, православные, г. Томск).

Евреи в этом смысле являются персонажами культурных конструкций, которые существуют по законам фольклора.

Часть таких конструкций нередко называют «мифами»¹, акцентируя то значение слова «миф», которое указывает на несоответствие его содержания реальным фактам, подмену истины вымыслом, порой тенденциозным. Мы хотим подчеркнуть наряду с этим и другое значение, о котором много говорят фольклористы. Речь идет о том, что миф не нуждается в подтверждении реальными фактами, он функционирует иначе. Миф нуждается, во-первых, в том, чтобы быть повторяемым, воспроизводимым, а во-вторых, в сопровождении подобающим ритуалом. Ритуал, сопровождающий миф о евреях, это погром. Нам известны исторические реализации этого правила в Центральной России и на Украине в конце XIX — начале XX века². В силу разных обстоятельств эта полная форма более не существует, ритуал погрома подавлен. Наше исследование обнаружило ее ослабленные следы сперва в Дагестане (2015 г.), затем в Сибири (2018 г.). Спецификой существования такого «еврейского мифа», дезакту-

ализованного ввиду отсутствия сопровождающего его ритуала, является то, что это миф о ритуале, о приписываемом евреям кровавом ритуале (так называемый «кровавый навет»):

— В Кемерово... была такая фишка в Интернете, какой-то парень молодой... как они называются... я не знаю, какие-то патриоты, не патриоты... И вот он говорил, что это... ну, начал там перечислять, в том числе этот пожар — это жертвоприношение евреям перед Пейсах. И вот такие вот есть отдельные. Но, конечно, я считаю, что всё это такой... латентный характер имеет (евреи, г. Томск)³;

— Недавно, помните... лет 5—7 назад в Красноярске дети исчезли? Исчезли дети... потом вроде нашлись, это я уже не помню. Но там... Это вот люди, которые этим занимались, говорят, что евреи этих... девочки, мальчики небольшие... они их убили там с тем, чтобы подмешать кров в мацу. Хотя в Торе несколько раз говорится, что «крови, крови не ешьте» и «кровь выливайте». А они говорят, что евреи там... добавляют кровь (евреи, г. Томск).

Наряду с этим внутри корпуса фольклорных антисемитских тем существует тема еврейского всемирного заговора или закулисного еврейского правительства, которое правит миром вообще и Россией в частности. Такие рассказы встречались в ходе исследования 2015 г. Дезактуализованность этих мифов (их пассивная форма) выражалась в том, что они рассказывались без каких-либо эмоций, в частности, отрицательных. Получалось то, что евреи правят миром и Россией, — заурядный общеизвестный факт, не предполагающий от говорящих никаких действий.

«Еврейский анекдот» и другие паремии «на еврейскую тему» — это остро-концентрированное выражение осуждаемых и вытесняемых человеческих качеств, их пометка как чужих, чуждых данному (русскому, российскому) обществу.

Это весьма важный момент для понимания статуса евреев в современной российской действительности.

В образах еврея, евреев, еврейского, которые вскрываются исследованиями «Левада-Центра», можно обнаружить элементы того, что квалифицируется как «образ врага»⁴. Вместе с тем анекдотический в широком смысле

¹ Шнирельман В.А. Три мифа о заговоре: антисемитская пропаганда в современной России. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2017.

² Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918—1922 гг. /отв. ред. Л.Б. Милякова: сборник документов. М.: РОССПЭН, 2006.

³ См. об этом: https://gallery.mailchimp.com/bb6dbeca6a8eba1604dbc5c62/files/f8198558-f0de-44c3-ae31-d9775e850f4f/Отчет_об_уровне_антисемитизма_в_первом_полугодии_2018_год,_с.5.

⁴ Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7—79.

статус еврея, еврейского, означает отсутствие агрессии в его адрес (и еще, менее того, ожидания агрессии с его стороны). Такая конструкция знакома тем, кто изучает массовое сознание российского социума. Это образ врага, но врага побежденного. (Таким был образ немцев и японцев с начала 1990-х до резкого разрыва с Западом в марте 2014 г.)

Особенностью такого образа является наделение его определенным уровнем позитива — своеобразным флером если не дружелюбности, то полезности для «нас». Негативные коннотации образа не исчезают, а дезактуализируются. Побежденный враг безвреден (потому о роли евреев в управлении миром говорится равнодушно). Более того, побежденный враг в некоторых отношениях полезен. Именно в этом смысле в образе евреев отмечаются пусть чуждые «нам», но объективно положительные и полезные черты.

Одной из особенностей отношения современных россиян к евреям является то, что это отношение в целом не образует самостоятельного нарратива. Не образует нарратива и та часть отношения, которую внешний наблюдатель мог бы квалифицировать как антисемитизм. Немаловажный вывод — антисемитизм в современной России не существует как нарратив. Поэтому попытки в ходе фокус-групп спровоцировать соответствующий дискурс были неудачными. Все приводившиеся выше высказывания суть разрозненные фрагменты, не относящиеся к некоторому целому.

Целостностью обладает названный выше образ (но не нарратив) еврея, еврейского. Выявить его существование можно только с помощью проективных методик, т.е. средств выявления структур сознания, не подлежащих рефлексии субъекта.

В ходе проводимых нами фокус-групп использовалась подходящая для этих целей методика семантической атрибуции. Результаты тестов изложены в следующем разделе.

Результаты теста семантической атрибуции (СЕМАТ)

В ходе групповых дискуссий, среди прочего, проводились тесты из разряда проективных методик. Тест семантической атрибуции СЕМАТ разработан в «Левада-Центре» для выявления установок массового сознания различных категорий респондентов на фокус-группах. Он представляет собой одну из модификаций семантического дифференциала Ч. Осгуда¹ и

¹ Osgood C. E., Suci G., and P. Tannenbaum. The Measurement of Meaning. University of Illinois Press, 1957. ISBN 0-252-74539-6.

также использует ряды предикатов-антонимов (высокий-низкий, сильный-слабый и пр.). В рамках данного исследования с помощью этого теста изучались существующие образы наций, включая собственную, или, что то же — этнические стереотипы.

Процедура теста состояла в том, что респонденты распределяли набор из 16 пар предикатов (розданных им в случайном порядке на карточках) как определения к четырем различным национальностям. Получившиеся наборы определений обсуждались участниками. Как и вообще метод фокус-групп, эта проективная методика позволяет за счет *индивидуальных* действий респондентов получать эффект коллективного сознания, каковое в том или ином приближении является моделью массового сознания (или общественного мнения) данной целевой аудитории.

В результате мы имеем возможность сравнить образы-клише разных национально-конфессиональных групп. Тест построен таким способом, чтобы минимизировать воздействие внешнего социального контроля, использовать только спонтанные реакции респондентов. За счет этого мы получаем в аутентичном виде наиболее расхожие образы контактирующих национальных групп в глазах друг друга, а также их такие же расхожие самообразы.

Общую картину стереотипов, полученную в данном исследовании, в основном образуют сведения, какие качества приписывают себе и другим две условные этнокультурные общности — «русские» и «евреи». В силу конструкции выборки по этим общностям собрано более всего тестов. Дополнительные черты следуют из данных о том, какие качества приписывают русские, евреи, татары, аварцы другим меньшинствам (узбекам, полякам, чувашам и др.), по которым имеются менее представительные сведения.

Все обследованные общности сходны в том, что положительных черт они приписывают себе примерно в два раза больше, чем отрицательных. Но для характеристики их отношения к другому этносу существенно, что евреи и русских наделяют позитивными чертами в разы чаще, чем отрицательными, а русские — наоборот. Поскольку и татары в Казани русским, как и «своим» татарам, приписывают больше позитивных черт, нежели негативных (а евреям и другим меньшинствам — наоборот), можно заключить, что в этом отражается признаваемое другими общностями, в частности евреями, положение русских как доминантного этноса. Доминантный этнос утверждает свое положение

тем, что говорит о себе преимущественно хорошее, а о меньшинствах — преимущественно плохое. Меньшинства говорят о себе, разумеется, преимущественно хорошее, о русском большинстве — тоже, а о других меньшинствах, как и русские, чаще плохое.

Тесты позволяют выделить качества, которые мы назовем конститутивными для этнического стереотипа (их мы отметим знаком *), другие предикаты дополняют образ.

Рассмотрим вначале, какие положительные качества видят в евреях их соседи. Особенно важным кажется отметить признак «умные»*. Он принадлежит к разряду конститутивных и в самообразе евреев, и в расхожих представлениях о евреях у русских, татар и аварцев. Отметим также, что качество «умные» все эти общности *к себе не относят*. Евреи же, повторим, сами себя чуть ли не в первую очередь аттестуют именно как «умных». Получается, что быть «умными» — это не только черта евреев, не только признаваемое за ними преимущество, но также и функция евреев между другими этнокультурными группами.

Понятно, что лишь тонкая грань отделяет похвалу от зависти и осуждения. Поэтому не так неожиданно выглядит другой результат тестов: приписывая евреям эту своего рода избранность, народы-соседи называют их «высокомерными», и сами евреи отмечают у себя эту черту. (По-другому, это забота о поддержании статусной дистанции среди «других».) Сложнее объяснить совпадение мнений соседей и самих евреев по поводу признака «властолюбивые». Вряд ли имеется в виду психологическое значение слова. Скорее здесь отразилось распространенное представление, будто евреи при своей немногочисленности в российском (и мировом) обществе сравнительно многочисленны во властных инстанциях. Об этом не раз говорили на фокус-группах представители других народов. Евреи же отмечали это обстоятельство как признак/доказательство отсутствия государственного антисемитизма в современной России.

И соседи о евреях, и евреи о себе говорят, что они «добрые». Слово может означать готовность строить добрососедские отношения с другими в повседневной городской жизни бок о бок. («Плохими соседями» евреев, в отличие от приезжих из Азии и с Кавказа, никто не называл.) Другой смысл — они добры в отношениях к близким. Доброту к детям и к близким как свойство еврейских мужчин и женщин также отмечали на фокус-группах.

Как говорилось, в образе евреев, созданном русскими респондентами, представите-

лями большинства, позитивных черт мало. (Кроме «ума» и «доброты» отмечали «трудолюбие».) Интересно, что у представителей народов, находящихся, как и евреи, в меньшинстве, была готовность приписать евреям «почтительность к старшим». Это признак «роднит» народы с сильной ориентацией на традиционные ценности (например, аварцев) и еврейство, которое себе также приписывает эту черту как важную.

Представляет интерес образ русских, существующий в сознании евреев. Нам он интересен как свидетельство позиции еврейства в отношении доминантного этноса. Соотношение положительных и отрицательных черт, приписанных русским евреями, — 4:1. Существенно, что среди почти дюжины положительных черт практически все «угаданы» правильно, в том смысле, что русские сами приписывают их себе. Расхождение же состоит в следующем: евреи относят к русским определения «гостеприимные», «миролюбивые», «трудолюбивые», «передовые», сами же русские у себя этих черт в рамках данного исследования не отмечают. Но, если привлечь материалы аналогичного теста, проведенного нами среди русского населения Южного Урала, там все эти признаки в самохарактеристике русских присутствуют. Стоит особо отметить, что и приписываемые евреями русским немногочисленные отрицательные черты признаются русскими как таковые в самоаттестациях.

Следующий факт помогает оценить границы ассимиляции евреев с русским этносом. Из атрибутов, относимых евреями к русским, главный и чаще всего поминаемый — «открытые» — евреи *к себе не относят*. Напротив, главные, отмечаемые в своем самообразе признаки — «культурные», «умные», «воспитанные» — они не относят к русским.

Иначе говоря, евреи имеют определенное представление о народе, с которым живут «двести лет вместе», демонстрируют позитивную установку в отношении этого народа, понимание его национальных особенностей, ценимых им самим. Многие черты, присущие русским, евреи отмечают и у себя (или, если угодно, наоборот). При этом они сохраняют представление о своем отличии от русских по линии нескольких качеств. В русских сами русские — и евреи вместе с ними — ценят прежде всего «природные» и «душевные» качества. В своем этносе евреи из природных качеств ценят ум; далее следуют не природные, а культурные качества. (Атрибут «культурные» говорит об этом в первую очередь.)

Заключение

Евреи как особая этнокультурная общность в России существуют при дружеско-солидарном, но отчасти ревнивом отношении мусульманского меньшинства, снисходительно-критическом отношении русского большинства. Они имеют твердую установку на признание ведущей роли русского большинства, принимают ряд его социальных и антропологических признаков, но сохраняют сознание своей особенности и идентичности. Говорить о серьезной дискриминации евреев не приходится, как не приходится говорить и о полной их ассимиляции.

Современное российское еврейство полагает, что в данный момент антисемитизма как проблемы для проживания в России *нет*.

Это не означает, полагают они, что антисемитизм в России отсутствует. Он присутствует в слабых, «спящих» и латентных формах. (Мы определяем эту ситуацию как отсутствие активного антисемитизма при наличии пассивного.)

Представители мусульман, православных и безрелигиозного населения исследуемых городов демонстрировали незначительную степень интереса к «еврейскому вопросу», антисемитизм для них — «не тема». Одним из оснований указывалось уменьшение числа евреев в РФ или, как полагали некоторые, их полное исчезновение из этих городов. Дополнительно они указывали на полную ассимиляцию евреев, потерю внешних отличий от русских. (Внутреннюю свою сущность, однако, евреи продолжают сохранять.) Основная (нормативная) реакция состояла в декларировании своего нейтрального или позитивного отношения к евреям.

Негативная оценка некоторых черт евреев и мнения, что евреи властолюбивы и пр., продолжает сохраняться в этой среде, но в данное время не выплескивается на евреев ни реально, ни символически.

Таким образом, пассивный антисемитизм существует, активного же мы не отмечаем.

В еврейской среде высказано мнение, что антисемитизм находится в подавленных формах потому, что на уровне высшего государственного руководства демонстративно проводится политика дружественного отношения к евреям и Израилю. Но, полагают они, если на государственном уровне произойдет поворот к антисемитизму, это немедленно приведет к его подъему на местах (пассивный антисемитизм превратится в активный).

Мы считаем возможным добавить несколько соображений, которые призваны объяснить остающийся для многих неясным вопрос, по-

чему антисемитизм, считающийся многими неизменным атрибутом русской/славянской, христианской, христианско-мусульманской и вообще любой культуры в условиях современной России, себя не проявляет? Возможным объяснением является следующее. Исторически антисемитизм возникал как реакция тех или иных этносов на вторжение в их социальное и культурное пространство еврейского этноса как чужого элемента. История еврейства XX столетия в России — это история исторжения еврейского этноса из пространств, которые русские (и другие «коренные» этносы) считают принадлежащими им. Подчеркнем, что речь в данном случае идет о вытеснении из этого пространства евреев именно как этноса, как народа со своими языком, религией, культурой и определенным местом проживания. Эта историческая задача решалась разнообразными средствами и была решена. Еврейского народа на этих землях более нет. Существование людей, считающих себя или считающихся евреями, сегодня не противоречит данному выводу. В настоящих условиях существование таких физических лиц, а также различных культурных элементов, относимых к еврейским, функционально для механизмов российской культуры, но никаких исторических задач русский этнос в их отношении не решает и, по всей видимости, не будет решать в будущем.

Список литературы

1. Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага* / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7—79.
2. Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918—1922 гг. / отв. ред. Л.Б. Милякова: Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2006.
3. Шницерльман В.А. Три мифа о заговоре: антисемитская пропаганда в современной России. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2017. https://gallery.mailchimp.com/bb6dbeca6a8eba1604dbc5c62/files/f8198558-f0de-44c3-ae31-d9775e850f4f/Отчет_об_уровне_антисемитизма_в_первом_полугодии_2018_год, с. 5.
4. *Lendvai Paul: Antisemitism without Jews*. Doubleday, Garden City, 1971.
5. *Osgood C. E., Suci G., and P. Tannenbaum, The Measurement of Meaning*. University of Illinois Press, 1957. ISBN 0-252-74539-6.

Дарья ВЕДЕНЯПИНА

Еврейская община как ключевой фактор в построении идентичности российскими евреями поколения 20–40-летних¹

Настоящая статья посвящена трансформации еврейской идентичности в современной России в социальной, религиозной и политической сферах. Для исследования были выбраны респонденты, которые сами считают себя евреями. Изначально была выдвинута гипотеза, что существует определенный разрыв между поколением тех, кто помнит антисемитизм Советского государства и, опасаясь прихода к власти крайних правых, делает ставку на В. Путина, зарекомендовавшего себя в качестве гаранта безопасности для еврейского сообщества, и поколением молодых людей, которые не часто сталкиваются с антисемитизмом и зачастую находятся в привилегированном положении, будучи евреями: еврейская община, даже понимаемая в самом широком смысле этого слова — как среда, — действительно может служить мощным социальным лифтом.¹

Выстраивание идентичности «старшим» и «младшим» поколением советских/российских евреев

Советский Союз унаследовал тип традиционной кумулятивной еврейской идентичности с двумя основными компонентами — национальной и конфессиональной. В контексте советского государственного атеизма конфессиональная составляющая постепенно исчезала², осталась идентификация прежде всего по этническому признаку. В значительной степени эта идентификация была навязана обществом и государством. Она не претерпевает никаких трансформаций, не нуждается в подтверждении через определенное поведение, образ жизни носителей этой идентичности: такая форма идентичности в СССР была внешней и пассивной. В принципе, чтобы быть евреем в СССР, не нужно было соблюдать еврейские традиции,

ходить в синагогу, вести себя каким-то определенным образом. Поддерживал еврейскую идентичность также и государственный антисемитизм. По словам М. Членова³, важной частью еврейской идентификации была дискриминация евреев по этническому признаку.

Эта навязанная идентичность по этническому признаку в более молодом поколении, уже после отмены 5-го пункта в советском паспорте, сыграла роль в формировании феномена «светский еврей». На это же явление указывают, например, Ш. Санд и М. Вевьорка⁴. Оpozнание еврейского происхождения в обществе является мощным катализатором еврейской идентичности. Еврей чувствует себя «другим», в частности, потому, что окружающие говорят ему, что он «другой».

Более молодое поколение не помнит трудностей, связанных с 5-м пунктом, оно «гордится своим еврейством»⁵, ведет активную социальную жизнь как внутри еврейской общины, так и за ее пределами. Оно также характеризуется повышенным интересом к еврейским традициям и обычаям, в большей или меньшей степени религиозным: еврейская культура как таковая тесно связана с религиозной деятельностью⁶. Стоит также отметить, что появление

¹ Статья базируется на магистерской диссертации, написанной в рамках программы Sociologie d'enquête в Университете Декарта (Париж, Сорбонна).

² Об этом см., напр.: *Shternshis A. Soviet and Kosher*, Indiana University Press, 2006.

³ *Chlenov M. The Use and Misuse of Religion in Defence of National and Fundamental Values in The Soviet Union in When Religion is Used as a Weapon*. Southampton International Council of Christians and Jews, 1991. P. 77–83; также см.: *Webber J. Modern Jewish Identities // Jewish Identities in the New Europe / Ed. J.L. Webber*. Washington: Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies; Littman Library of Jewish Civilization, 1994. P. 74–75.

⁴ *Sand S. Comment j'ai cessé d'être juif*. Flammarion, 2015. P. 127; *Wiewiorka M. Les Juifs, La Pologne et Solidarnosc* (p. 71–191).

⁵ *Носенко-Штейн Е.* «Передайте об этом детям вашим, а их дети — следующему роду». Культурная память у российских евреев в наши дни. М.: Институт востоковедения РАН, 2013; *Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В.* Национальное самосознание российских евреев / *Материалы социологического исследования // Диаспоры*. М., 1997–1998, 2000. № 3. С. 52–86; 2001. № 1. С. 210–244; № 2–3. С. 224–262.

⁶ Продолжительная дискуссия на эту тему все еще открыта. Об этом см., напр.: *Санд Ш.* Как и почему я перестал быть евреем. М.: Эксмо, 2013.

в России в последние 20 лет еврейских учебных программ, культурных и общинных центров, светских и религиозных, способствовало значительному увеличению числа молодых людей, участвующих в жизни еврейской общины, для которых важна еврейская идентичность.

В ходе исследования выяснилось, что большинство (57%) респондентов в возрасте от 18 до 40 лет, позиционируя себя как евреев, утверждают, что происходят из нееврейских семей или сомневаются в том, что могут называть свою семью еврейской. Это позволяет говорить о разнице между поколениями и предположить, что между представителями обоих поколений существуют различия в культурной, религиозной и, возможно, политической практике, а также в элементах, которые они используют для построения еврейской идентичности. Мы задались следующими вопросами: каково отношение молодого поколения к религии (с учетом антирелигиозной секуляризации советской эпохи), отличается ли их определение еврейской идентичности, как передается знание и память в их семьях, имеют ли они, в свою очередь, влияние на своих родителей в том, что касается еврейского образования? И прежде всего мы предположили, что, не получив еврейской идентичности в семье, однако считая себя евреями, они имеют опыт определенной идентичностной «карьеры» вне семьи.

Эмпирическая часть работы состоит из двух частей: 27 директивных интервью, нескольких включенных и невключенных наблюдений и количественного опроса — 100 анкет, которые были распространены и собраны через Интернет. Также стоит упомянуть участие в десятках мероприятий, организованных светскими еврейскими организациями и (или) общинами, наблюдения в нескольких синагогах Москвы, участие в качестве волонтера в проекте, организованном «Джойнтом». Выборка для интервью: 10 мужчин и 10 женщин в возрасте от 22 до 40 лет.

Также были использованы анкета Р. Рывкиной¹ и данные, полученные в ходе исследований, посвященных антисемитизму, проведенных «Левада-Центром»². Большинство респондентов — люди 18–40 лет, то есть, предположительно, это поколение евреев, не испытывавших государственного антисемитизма и

прошедших «традиционную подготовку» в еврейских общинах.

Были также задействованы данные лонгитудного исследования, посвященного общинному голосованию, проведенного С. Струдель в Сарселе в самой большой еврейской общине Франции³.

Сложности эмпирической части исследования

Опросник (40 вопросов) был разослан во все известные еврейские интернет-ресурсы, во все местные общины ФЕОР и КЕРООР, во все еврейские культурные центры Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов (около 30 городов). К сожалению, только одно сообщество, Московское отделение еврейского молодежного клуба «Гилель», согласилось опубликовать у себя приглашение к участию в опросе. Отказы мотивировались наличием в опроснике раздела, посвященного политике и политической идентичности респондентов. Накопление массива анкет происходило отчасти методом «снежного кома», полученную выборку нельзя считать репрезентативной. Поколение старше 40 лет представлено слабо, нестоличные города представлены слабо, выборка была сравнительно небольшой и состояла в основном из светских евреев, почти половина из которых тем не менее посещают синагогу.

Эта неудача, однако, весьма информативна и в конечном счете полезна для исследования. С. Струдель отмечает, что наибольший процент отказов (28,4) в ее полевом исследовании вызывал вопрос о важности для респондентов принадлежности к иудаизму или еврейству. Во Франции этнокультурные и религиозные вопросы представляют для респондентов большую проблему, чем социальные и политические. В России ситуация прямо противоположная: респонденты готовы обсуждать детали своих религиозных практик, свою национальность и идентичность. Большая часть отказов связана с политическими вопросами. Это видно и по количеству ответов на раздел опросника, посвященный политике (на них ответила только треть от общего числа анкетиремых).

Феномен нового еврея⁴, еврейская религиозная / светская идентичность

Если взять советский период, то после отмены пункта «национальность» в российских

¹ Рывкина Р. Как живут евреи в России? М., 2005.

² Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Лёзина Е. Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2. С. 140–193.

³ Strudel S. Votes juifs. Itinéraires migratoires, religieux et politiques. Persée, Sciences Po, 1997.

⁴ См., напр.: Sand S. Comment j'ai cessé d'être juif, Flammarion, 2015.

паспортах евреи были освобождены и от обязательной еврейской этнической идентичности: достаточно быть гражданином СССР. Учитывая уровень ассимиляции русскоязычного еврейского населения, его светский характер, было бы логично предположить, что еврейская идентичность постепенно будет сведена к религиозной идентичности. На то, что старшее поколение не преминуло воспользоваться этой возможностью, указывает, в частности, свидетельство Р. Рывкиной, которая зафиксировала определенную сложность с выборкой в 2004 году — сразу после реформы обмена паспортов¹. Однако, судя по всему, сейчас можно говорить об эффекте «нового еврея» — человека, который недавно узнал или осознал, что он еврей, так как не перенял в достаточной мере еврейскую идентичность в семье и нуждается в подтверждении собственной идентичности через внешние институты, еврейские сообщества. Эта ситуация характерна не только для России, но и для мира в целом².

Актуальна ли разница между этническим и религиозным евреем для респондентов? Большинство опрошенных считает, что никакой разницы в значении между этими терминами не существует. Приведем свидетельства практикующего иудея и светской еврейки.

«Никогда не разделял: иудей — еврей. Это одно и то же, по-моему, просто от разных языков. Есть 613 заповедей и толкования к ним. Это наш еврейский образ жизни. Он не обязательно должен быть черно-белым, в шляпе и так далее. Мы читаем всякие майсы³ про ремесленника и троцу, но при этом он ест кошерное, в субботу не работает, соблюдает праздники и так далее, это — еврей. Прежде всего все мы состоим из соблюдения. Без этого мы некий генофонд, который ассимилируется и пропадает...»

«Я могу применить к себе оба термина. Имеет разную коннотацию тоже для меня. Как еврей это про происхождение и про наследие. Как иудей — про религиозную идентичность. Про многие вещи я говорю так: мои предки тысячами до меня делали определенный выбор. Кто я, чтобы поменять это? В каких ситуациях это приложимо? Что я должна была выйти замуж только за еврея. Это была очень большая идея в моей жизни. И папа в советское время говорил, что тоже всегда знал, что должен же-

ниться только на еврейке. Наверное, есть еще. Это самое основное, что я не могу поменять».

Все эти способы бытия и конструирования еврейской идентичности, равно как и способы «наследования» и «приумножения» традиционных практик и идентичности, могут быть проанализированы через призму социологических работ, посвященных коллективной памяти, которые мы используем ниже.

Таким образом, появление понятия «новый еврей» тесно связано именно с определением еврейского сообщества как этноса прежде всего самими его членами. Однако объективно необходимо поставить под сомнение подход к еврейскому меньшинству как классическому этническому меньшинству. Современные российские евреи не подходят под определение этнического меньшинства: у них нет своего языка, своей территории, своей светской культуры. Первичная социализация, о которой пойдет речь далее, основывается в том числе на принадлежности к определенному классу, что обусловлено социальным и профессиональным статусом родителей и семьи в целом. Пьер Бурдьё отмечает⁴, что социализация в семье одновременно стремительная, интенсивная и почти единственная, которую индивид получает в детстве. Социальный статус родителей, их профессия отчасти определяют предпочтения детей в обществе. Также можно сказать, что некоторые стереотипы поведения, унаследованные из прошлого, такие как культ образования, негативная идентичность — через антисемитизм, — сохраняются.

Свою роль сыграло и то, что большинство молодого еврейского населения являются *наследниками*⁵ усеченной советской еврейской идентичности, полученной ими от родителей. Кроме того, часто они росли в среде еврейских друзей своих бабушек, еврейских детей друзей своих родителей. Зачастую еврейство даже знакомых и родственников не проявлялось, но речь вполне может идти о передаче, транслировании определенной системы ценностей, а также принадлежности к определенному габитусу. Это вынуждает молодых евреев, выходя из возраста «первичной идентичности», подтверждать свое еврейство через вторичную социализацию в еврейских клубах и общинах. Принадлежность к еврейскому народу (то есть ко всем евреям мира) и, следовательно, особое отношение к государству Израиль как еврей-

¹ Рывкина Р. Как живут евреи в России? М., 2005. С. 441–442.

² Klein E. Lost Jews. The Struggle for Identity Today. L.: Macmillan Press, 1996; Religion or ethnicity? Jewish identities in evolution / Ed. Z. Gitelman. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2009.

³ Сказки.

⁴ Bourdieu P. Le sens pratique. Midnight editions, Paris, 1980.

⁵ Мы будем использовать этот термин П. Бурдьё для описания группы молодых евреев, получивших еврейскую идентичность в семье.

ской нации являются объединяющим фактором, важным для всех респондентов с выраженной еврейской идентичностью. Это положение связано с этническим параметром. Сейчас для многих молодых людей главным (но не единственным) признаком еврейства является идея этнического происхождения. Еврейство (принадлежность к еврейскому народу) может определяться по-разному: по законам государства Израиль, по еврейскому закону или даже по мнению окружающих (например, еврей по отцу является русским для евреев и евреем для русских), акторы, которые чувствуют себя евреями, но не являются галахическими евреями (не имеют матери-еврейки или достаточного наследия — назовем их *неофитами*), используют религиозную практику, чтобы подтвердить свою идентичность, объединиться с определенной системой ценностей, стать членами общины. В некотором смысле, стать истинными евреями.

Семейная трансмиссия в качестве основы для формирования новой (светской) еврейской идентичности, базирующейся на принадлежности к общине

В социологии выделяют два этапа социализации: 1) первичная, или семейная, социализация и 2) вторичная: школа, группы друзей и знакомых, профессиональные группы, а также культурные или религиозные учреждения. А. Мюксель в статье «Индивид и семейная память»¹ пишет о коллективном характере семейной памяти, выделяя три ее роли, участвующие в построении идентичности: роль *трансмиссии (transmission)* — таким образом человек принимает историю сообщества в ее различных аспектах, референтных (отсылочных, справочных) или ритуальных; роль *пробуждения (reviviscence)*, которая позволяет нам найти себя, перекинув мост из прошлого, связывая прошлое с будущим; роль *забывания (oubli)*, поскольку она позволяет через трансмиссию прийти к чему-то новому, сохраняя образ прошлого.

Как уже упоминалось, мы разделили респондентов по двум типам: *наследники* — евреи, которым еврейская идентичность была передана в детстве и которые ее развили впоследствии, и *неофиты* — евреи, у которых не было еврейской идентичности в семье, но которые заинтересовались этой темой, когда стали взрослеть. Следующий отрывок интервью иллюстрируют

¹ Muxel A. Individu et mémoire familiale, Paris, Nathan (Essais et Recherches), 1996. Article consacré de synthèse à la mémoire familiale dans F. de Singly (éd.). La famille. L'état des savoirs, Paris, La Découverte.

начало конструирования еврейской идентичности в ситуации отсутствия семейной трансмиссии.

«Помню, это был 90-й год. Мне 15 лет. Я вдруг начал слышать слова, которых раньше никогда не слышал: Израиль, евреи. В контексте того, что кто-то уезжает в Израиль. Некоторые заговорили об эмиграции. И потом мало-помалу я понял, что тоже имею к этому отношение. До этого я этого не знал, это было внезапное откровение».

В другом отрывке мы наблюдаем семейную трансмиссию в условиях советского времени. Респондент рассказывает о еврейской идентичности, полученной в семье, и о последующем опыте прихода в ортодоксальный иудаизм в подростковом возрасте.

«По советским меркам мои родители были традиционными евреями. Формат соблюдения предполагал. У нас даже на Кавказе я не скажу, чтобы были раввины, которые что-то знали. Были в основном самоучки. Либо они учились у старших родителей, и тоже было очень поверхностно. Были иногда раввины, которые ездили на Украину или в Литву учиться. Каждый год был Седер-Песах², маца, не ели мясное с молочным, не ели свинину. Но кошерного мяса не было. Иногда его привозили перед Песахом, но это из Москвы. А потом даже не знаю, как так сложилось. Что-то из еврейских традиций мы получили с детства, от мамы-папы, дедушек-бабушек. Потом мы углубились в соблюдение, более глубоко все это изучая. Перед свадьбой я учился в Иерусалиме, в Иешиве, а после свадьбы в месте, где готовят раввинов. На раввина я, конечно, не сдавал. Ну вот постепенно эти молодежные тусовки перешли в более серьезные вещи, я стал ходить на киддуш перед шабатом с друзьями. Ну а потом как-то более глубоко во все это проник, стал изучать Шулхан Арух, Талмуд немножко и Хасидут. И все это привязало больше к общине. И географически, и исторически. Работа тоже связана с этим».

Представителей группы «пробуждение» (*reviviscence*) объединяет потребность подтвердить свое еврейство, но по-новому по сравнению с поколением родителей.

«Это был некий путь, так просто случилось, стандартная формулировка: я вырос в абсолютно светской семье, советской, папа — учитель, мама — врач. Никогда не скрывали, что еврей, фамилия говорящая, внешность тоже. Где-то, наверное, в 25 лет ощутил тягу, нашел тут в МЕОЦе одного человека, раввина. Мы стали с ним учить недельные главы. Это было в общине «Среди своих». Раввин этой общины вел уроки на

² Праздничная трапеза на Пасху.

«Ульпан-Гиюр».¹ Я начал ходить. Ну, собственно говоря, и остался. Это место, где разговаривают на моем языке. Я чувствовал, что это мое место. Я нашел свою общину».

Третья ситуация — забывание как вариант развития, появления нового — также присутствует, учитывая состояние еврейской традиции после СССР. М. Хальбвакс описывает, как работает семейная и коллективная память сообразно со стадиями взросления индивида. Взрослый принимает участие в деятельности и разделяет идеи и ценности групп, к которым принадлежит, способами, которые определяются с возрастом. Вопрос состоит в том, как меняется его оценка этой деятельности, начиная с возраста, когда он участвует в практиках, не осознавая этого, до возраста сознательной практики. «Воспоминание в весьма значительной мере является реконструкцией прошлого при помощи данных, полученных в настоящем, и к тому же подготовленной предшествующими реконструкциями, которые уже сильно видоизменили прежнюю картину»².

В этом смысле община, которую нашли респонденты, играет роль родительского дома в широком смысле этого слова, родового дома, который можно понять, почувствовать, в который можно вернуться через практику. Эта практика иная, унифицированная, возможно, немного искусственная, но для них это продолжение практики их предков.

«Это важный момент для многих. Мне кажется, что сейчас возрождение связано с еврейской религией. Есть традиции более бытовые. Если принять тезис о том, что еврейская культура была утрачена. Где-то локально она сохранилась как бытовая, так и религиозная. Но когда что-то возрождают, возрождают не то, что было. Всегда возрождают другое. Что-то похожее, но другое. Поэтому это скорее всего не возрождение, просто помощь евреям прийти к соблюдению».

Встречаются, однако, попытки наладить аналог семейной трансмиссии силами общины, когда община берет на себя функции семьи. Например:

«Я организовываю мероприятия, связанные с возрождением еврейской традиции и бытовой истории еврейского народа. Сейчас наблюдается большой интерес к мероприятиям и подобным знаниям: школы для молодежи, еврейские ку-

линарные клубы. В «Джойнте» у нас есть программа помощи пожилым людям, я начинала как волонтер. Идея нашего проекта заключается в том, чтобы обеспечить передачу знаний еврейской традиции предыдущих поколений молодежи. То, что мать передавала дочери. Но уровень знаний старшего поколения часто очень низкий, а у нас в «Джойнте» есть возможность найти того, кто действительно мог бы передать традицию: у нас большая база».

Можно предположить, что в ситуации прерывания традиции, знания, опыт конструирования идентичности, коллективная память могут передаваться старшими братьями и сестрами. Э. Фавар³ упоминает передачу от старших сиблингов младшим⁴ как один из типов семейной трансмиссии. Брата часто считают главным наследником⁵, иногда он чувствует себя обязанным сохранить семейную память, свое социальное положение, свою идентичность. В следующем примере в роли наследника выступал старший брат респондентки, передавший ей знания об иудаизме и религиозное мировоззрение.

«Я стараюсь седе́р сделать дома, шабат. Просто чтобы организовать своих друзей. С хабадским братом, видите ли, я чувствую ответственность. Он стал религиозным, когда мне было 3 года, а ему 14. Я настолько выросла с этими ценностями, что не могу от них никуда деться. Участие родителей в общем сводилось к тому, что они отправили его в воскресную школу. С этого все началось. Учить иврит. А потом главное, что они сделали, — это не запрещали, а давали ему идти своим путем. Где-то не понимали, но давали ему выбор. А сейчас мама всегда говорит: ну я же мать раввина!»

В целом для группы наследников характерно убеждение, что религия передается по наследству в семье через призму мировоззрения, а также через повседневную практику.

«В детстве у меня не было никакой связи с христианством. Мой муж-христианин. До этого я просто знала, что оно есть, до этого это было как цвет кожи. Сейчас я ближе к ним. Я понимаю, что это дело случая. Его родителя встретили Меня, а не Щедровицкого. Но в церкви я гость. Поняла, что я не могу туда ходить. <...> Мой папа стал ходить в синагогу в 12 лет, его сестра старшая привела туда. Это было в середине 1970-х».

Большинство опрошенных считает, что не-

¹ «Ульпан-Гиюр» — школа катехизации перед обращением в иудаизм.

² Halbwachs M. Mémoire collective, 1950. Цит. по пер.: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

³ Favart É. La transmission familiale : s'approprier le passé familial entre frères et soeurs, Pensée plurielle. Vol. 11. 2006. No. 1. P. 83–89.

⁴ Э. Фавар использует термин La fratrie.

⁵ Trop héritier.

обходимо передать детям еврейскую идентичность.

«Еврей тот, у кого внуки-евреи», «У меня обязательно будут обрезанные дети. Это важно для еврейства. Но в моем случае они будут еще и крещены». «Мой ребенок ходит в детский сад, но не в еврейский. Я хотела, чтобы он изучал Пурим, Хануку и что-то еще, потому что у меня нет времени учить его, Пурим прошел мимо нас в этом году. Насчет школы будем смотреть. Мой муж за частную школу. Нет хорошей еврейской частной школы. Хотя я не считаю, что еврейская школа — это гарантия еврейской идентичности. Все основы все равно в семье».

Неофиты, впрочем, подчеркивают, что они строили свою идентичность зачастую вопреки воле своей семьи, которая скептически относилась к их духовным поискам.

«Я думаю, что моя семья восприняла мое решение принять гиюр как прихоть. Это сложно в моем случае, потому что мама недавно пришла в православие».

Следующий респондент подчеркивает важность вторичной социализации для формирования новой еврейской идентичности, особенно для неофитов.

«Антисемитизм — это вообще какая-то субъективная история. Когда человек очень этого сам боится, стесняется. Вот моя жена, она не в религиозной семье родилась. Ее это коснулось. Она стеснялась, пока не пришла в “Гилель”¹, не погрузилась в ту еврейскую жизнь. Это да, сталкивалась, но не с каким-то жестоким, но могли проехаться. А нас уже дома так воспитали, что мы никогда не скрывали своего еврейства».

Ситуация, в которой дети приводят родителей к религии и родители становятся достаточно мотивированными практиками, также весьма распространена. Мать одной из респонденток, узнав, что ее отец был евреем, привела свою дочь в еврейский молодежный клуб «Гилель». Девочка постепенно привлекала родителей к занятиям. Впоследствии мать девочки решила обратиться в иудаизм, пройдя гиюр в реформистской общине. Это явление также упоминается С. Струдель в ее исследовании о Сарселе².

Можно резюмировать, что в большей или меньшей степени родители передают свою идентичность детям. Их советскую идентичность, которая, как мы уже говорили, не требовала никаких действий со стороны агентов — она была пассивной. Однако обстоятельства

¹ Молодежный еврейский клуб.

² Strudel S. Votes juifs: itinéraires migratoires, religieux et politiques, Presses de Sciences Po, 1996. P. 174.

изменились, и теперь еврейская идентичность требует действий, так как в современной России у евреев есть все возможности для ассимиляции. Таким образом, интерес и потребность в общине является средством подтверждения своей идентичности. С. Струдель описывает тот же процесс в рамках своих исследований в Сарселе и Страсбурге и называет это явление «притязание на идентичность»³ (*revendication identitaire*).

Можно сказать, что новый еврей — это человек с сильной еврейской идентичностью, которая проявляется не только тогда, когда он встречается с антисемитизмом, как в поколении условных родителей, но и в том, как он проводит свой досуг, как формирует свой круг общения и во всех других аспектах своей социальной жизни.

Итак, выдвинутая нами гипотеза подтверждена таблицей сопряженности (multiple cross sorting) данных опросника. 65% опрошенных, посещающих синагогу и считающих этническую принадлежность основным критерием еврейской идентичности, утверждают, что происходят из нееврейской семьи.

Религия и светская еврейская идентичность

Еще в 1990-е одной из траекторий притязания на идентичность было присвоение русских писателей еврейского происхождения (Мандельштама, Пастернака и др.). Тогда на волне этнического возрождения советских нацменьшинств были изданы книги по так называемой русскоязычной еврейской культуре, организованы лекции и академические курсы по этой теме⁴. С открытием многих общинных центров, музеев, с появлением «Хабада» в 2000 году и его широкой миссионерской деятельностью, широким спектром социальных мероприятий, конференций, культурных вечеров и т.д. элементы традиционной еврейской культуры начинают проникать в эту несколько искусственную культуру. Светская еврейская культура 1990-х была культурой, подходящей скорее для класса интеллигенции и академической интеллигенции, она не решала проблем социализации, создания «поля» в терминологии Бурдьё⁵. «Хабаду» же, напротив, удалось создать, по выражению его администрации, универсальную «площадку для еврейского общения».

³ Ibid.

⁴ См., напр.: Кацис Л. Осип Мандельштам: мускус иудейства. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002. Та же стратегия описана у Ш. Санда. Sand S. Comment j'ai cessé d'être juif. Ch. «Une culture juive laïque?». Flammarion, 2015. P. 31–40.

⁵ Бурдьё П. Le champs.

Здесь стоит отметить момент, связанный с религиозной практикой и атеизмом. Еврейская культура, если ее понимать не как совокупность культурных объектов, созданных ассимилированными этническими евреями, является культурой в традиции иудаизма. Для новых же российских евреев характерно быть, по их собственному выражению, «нерелигиозными, но соблюдающими». Это возвращение к корням в сочетании с атеизмом или агностицизмом отмечено появлением так называемых евреев Йом Кипура, тех, кто на самом деле не практикует религиозные предписания, но если идут в синагогу, то предпочитают ортодоксальную.

Однако они часто утверждают, что не определяют своих детей в еврейские религиозные школы, потому что не являются религиозными фанатиками¹. Представляется, что между религиозной и светской деятельностью нет четкого разделения. Светские евреи участвуют в различных мероприятиях, проводимых еврейскими организациями, а развлекательные мероприятия, организуемые нерелигиозными еврейскими организациями, часто связаны с фестивалями и религиозными мероприятиями, нередко эти мероприятия финансируются совместно с религиозными общинами.

Однако светская идентичность нестабильна. Очень часто можно встретить рассказы о постепенном переходе к более строгой практике иудаизма. Это связано с тем, что многие культурные мероприятия организованы религиозными общинами. Так, вступая в сообщество, человек начинает постепенно практиковать.

«Понятно, что иудаизм я приняла, да. Но я не собираюсь отказываться от окружающей культуры. И к иудаизму я, собственно, пришла через культуру. Так что, я “культурник” и любитель других культур. К еврейству я пришла через танцы, через понимание культуры. В религию ушла через культуру».

Таблица 1
ТЫ ХОДИШЬ В СИНАГОГУ? (%)

Возраст	Нет	Да	Общее количество
16–19 лет	69	31	100 (13)
20–40 лет	43	57	100 (67)
41–78 лет	80	20	100 (20)

Создавая семьи, молодое поколение евреев также задает себе вопросы, связанные с идентичностью, старается выстроить общую идентичность, в том числе для последующей передачи детям. Вот пример такого выстраивания.

«У нас с мужем много борьбы было. На ценностном уровне надо было прийти к чему-то. Мы больше традиционные культурные евреи. И да, религиозно мы тоже что-то делаем, но это больше на культурном уровне, чем на религиозном. Я при этом соблюдала Шабат целый год в моей жизни, но потом отказалась от этого. Мой нерелигиозный муж не пользуется телефоном в субботу. Культурно — да, а религиозно не готова. Кроме того, мой муж всю жизнь работает на религиозных евреях. В общем, мы что-то делаем скорее вне синагоги. Еврейские лагеря отдыха, “Лимуд”, что-то в этом роде».

В исследовании, посвященном Сарселю, С. Струдель подчеркивает наличие серьезной религиозной практики среди молодежи: «18–24-летние отличаются от остальной части населения: почти половина из них говорят, что соблюдают предписания регулярно, 90% практикуют хотя бы время от времени»². Струдель отмечает, что ситуация Сарселя не уникальна. Опираясь на другие исследования, мы наблюдаем идентичный процесс в отношении еврейской молодежи России. Приведем здесь таблицу сопряженности, построенную на основе количественного опросника.

Из таблицы видно, что люди старшего возраста реже посещают синагогу. Это можно связать с отсутствием притязания на идентичность у представителей старшего поколения.

Еврейская община: опыт и границы понятия

Полученные нами эмпирические данные указывают на тот факт, что место, которое молодые люди отводят общине, весьма значительно. Общины, со своей стороны, стараются привлечь членов, в том числе через атмосферу

¹ Светские евреи предпочитают им светские еврейские школы, где преподаются, в частности, иврит и еврейская традиция.

² «Les 18–24 ans se distinguent du reste de la population: près de la moitié d'entre eux se disent pratiquants réguliers, 90% entre eux reconnaissent une pratique religieuse quel qu'en soit le degré». Elle ajoute que ce n'est pas spécifique juste pour Sarcelle, en s'appuyant sur d'autres recherches. (Strudel S. Votes juifs. Itinéraires migratoires, religieux et politiques, Persée, Sciences Po, 1997. P. 146.)

психологического комфорта, а также подчеркнуть, что цель сообщества — создать «второй дом». Отсюда, например, названия таких общин, как «Среди своих».

«Я знаю, что общинная молитва меня успокаивает. В крайнем случае, всегда найдется вино, чтобы можно было выпить и расслабиться. Ис кем-то поговорить. Поэтому я езжу в общину для удовлетворения деловых, общественных потребностей и для удовлетворения своих потребностей, связанных с культом».

Помимо психологического комфорта община может служить и гарантией помощи в различных жизненных ситуациях.

«Жизнь в общине — это совершенно новый и замечательный опыт для меня. Община очень поддерживает. В России этого особенно не хватает: чувства единства, которое существует в общине. Там тебе все всегда помогут».

«У меня скорее есть, ну поскольку я часть еврейской общины, у меня есть ощущение такого комьюнити, ну такого братства. Что помогут. Свои в беде не оставят».

Строгое соблюдение предписаний побуждает членов ортодоксальных общин переезжать в район общины, образуя своеобразный анклав еврейского населения вокруг синагоги. Следует отметить, что, являясь общепринятой практикой в мире, такие явления впервые фиксируются в истории евреев Москвы — до революции существовал запрет на расселение евреев за пределами черты оседлости, после же в СССР существовал государственный атеизм.

Опасаясь, что тема Израиля уведет нас в сторону от основной темы статьи, скажем буквально несколько слов об Израиле как о важнейшем элементе конструирования идентичности для современных российских евреев, в том числе (и даже особенно) светских. Еврейская община может также пониматься в максимально расширительном смысле как весь еврейский народ: это парадигма, на которую ссылаются члены Конгресса еврейских общин, настаивая на термине «община» по отношению к любой еврейской организации. Это также основа так называемой светской еврейской идентичности. У такой израильской идентичности есть две стороны. Практический фактор — знакомства, родственники, гражданство и фактор, который С. Струдель называет «воображаемая идентичность»¹. Советский государственный антисемитизм взрастил в советских евреях особую любовь к Израилю («Евреи, убирайтесь

¹ Strudel S. Votes juifs: itinéraires migratoires, religieux et politiques, Presses de Sciences Po, 1996. P. 159.

в свой Израиль!»). Для них он стал другим возможным домом, разумеется, символическим, убежищем, недостижимым для большинства населения. В современной кризисной ситуации, вне зависимости от политических предпочтений Израиль часто называют запасным аэродромом те, кто по израильскому закону имеют право на репатриацию.

Прочитируем здесь статью Ф. Тенниса, посвященную теориям социализации феномена коллективной идентичности. «Субъект сообщества всегда подчиняется сообществу, формируется им, он не способен отделиться от сообщества, скованный его теплом, строгостью правил и отсутствием пространства для индивидуальной инициативы. Человек общины находится под двойной печатью единства и тотальности: единства воли и культурных моделей, единства ума и общих убеждений. <...> Именно чувство принадлежности к сообществу доминирует в действиях индивидов»². Мы не готовы утверждать, что чувство принадлежности к сообществу доминирует в действиях и оценках респондентов, однако не будет ошибкой сказать, что принадлежность к сообществу влияет на суждения и решения многих из них.

Прежде чем перейти к описанию феномена еврейской общины в России, представим две основные теории социализации. Классическая теория очарования, к которой относятся работы Э. Дюркгейма и М. Вебера, в которой раскрывается идея индивида как имеющего значительную индивидуальную автономию, обладающего выбором в своих действиях. В свою очередь, П. Бурдьё и Ж.-К. Пассерон в книге «Наследники» предлагают критическую версию теории социализации или теорию разочарования, выдвигая идею, что действия индивида опосредованы структурированным социальным пространством. П. Бурдьё развил идею социализации, предложив понятие габитуса³, который определяет действия агентов, и понятие «пространство для маневра» (*marges de liberté*)⁴ для индивидов, ограниченных полем и габиту-

² «L'acteur de la communauté est toujours soumise à la collectivité, moulé par elle, incapable de s'en détacher, traversé par la chaleur du groupe, par la rigueur des codes et dépourvu d'un espace d'initiative individuelle. L'homme de la communauté est placé sous le double sceau de l'unité et de la totalité : unité de la volonté et des modèles culturels, unité des esprits et des croyances communes. <...> C'est le sentiment d'appartenance à la communauté qui domine l'action des individus». Цит. по: Dubet F., Martuccelli D. Théories de la socialisation et définitions sociologiques de l'école. In: Revue française de sociologie. 1996. 37-4. P. 511–535. Также Tönnies F. Entre communauté et société (1977).

³ Bourdieu P. Le sens pratique, Les éditions de minuit, Paris, 1980.

⁴ Bourdieu P. Méditations pascaliennes, Paris, Le Seuil, 1997. P. 248–251.

сом. В *Méditations pascaliennes* Бурдые представляет габитус как место, где встречаются социальное и индивидуальное, провоцируя борьбу между интериоризированным социальным планом и индивидуальным, что иногда приводит к возможности действовать вопреки правилам поля. В поисках согласия между социальным и индивидуальным индивид также может сделать выбор в пользу адаптации.

Вернемся к нашей теме. «Возрождение еврейской жизни», «ренессанс» — эти слова используются многими респондентами применительно к состоянию иудаизма и еврейской культуры в современной России. Такую формулировку часто применяет главный раввин России Берл Лазар и его окружение. Можно сказать, что, несмотря на определенный уровень и потенциал роста антисемитизма в обществе, государственная политика, а также, как отмечают респонденты, политика и личная воля президента В. Путина снижают проявления антисемитизма. Мы уже упоминали об успехах «Хабда» в России за последние 15 лет. Этому успеху способствовало несколько факторов: 1) конец эпохи еврейской олигархии после того, как пост президента перешел от Б. Ельцина к В. Путину,¹ и последовавшие за этим кадровые перестановки и политические решения, в том числе появление Берла Лазара на посту главного раввина России; 2) общий поворот к консерватизму и традиционализму: в конце 1980-х и в 1990-е, когда запрет на религиозную практику перестал действовать, первыми еврейскими общинами, появившимися в российских городах, стали реформистские. Мало-помалу они заняли маргинальное место в иерархии еврейских общин, а хасидский ортодоксальный иудаизм с его традиционными ценностями как в семейной, так и в общественной жизни стал самым популярным направлением. Немаловажно также то, что Федерация еврейских организаций России (ФЕОР) занимается широкой благотворительностью, а также социальной и культурно-просветительской работой с общинами, проводит крупные гуманитарные мероприятия. В 17 городах функционируют 190 благотворительных столовых, где каждый месяц бесплатно раздают более 40 тысяч блюд нуждающимся. Ежегодно раздают благотворительную мацу². Этническая благотворительность осуществляет не только

ФЕОР. Важную роль играет «Джойнт», который открыл более 200 «хасадим» (социальные центры для пожилых евреев) в стране. Программа, включающая в себя изучение основ иудаизма и еврейской культуры, проводится волонтерским движением при поддержке бизнес-подразделений «Джойнта».

Благотворительность, систематически осуществляемая в столицах и провинции, принесла свои плоды. Однако встречается и критическое отношение к благотворительной помощи членов общины, потому что, по мнению некоторых, в общине много людей, которые не работают, плохо интегрированы в общество, живут только за счет пожертвований.

«Дают цдаку³ в общину, в “Хабда” например, потому что они получают за это связи, протекцию, что-то и как-то. И я сейчас знаю про себя, то есть я знаю про важность благотворительности, но я знаю, что я даю больше в нееврейские организации, чем в еврейские. И для меня сейчас такой вопрос: а как правильно и как надо? И должна ли я все-таки поддерживать еврейскую общину или я поддерживаю нахлебников и бездельников, которые там плодятся и сидят, которые живут на эту цдаку? Потому что они сами не делают ничего, но говорят, что они за нас помолются. При том что мы евреи, у нас нет посредника как у христиан».

В этом фрагменте интервью мы видим, что пожертвования помогают получить полезные контакты, увеличить социальный капитал. Однако респондент спрашивает себя, должен ли еврей помогать своей общине. Характерно, что эта респондентка раньше более активно участвовала в жизни общины и такого вопроса для нее не было. Немного отдалившись от общины за последние три года, она признает, что начала критиковать ее и обращать внимание на проблемы (отметим, что это совпадает с теорией «общинного человека», согласно которой человек не способен отделить себя от сообщества и оценивает свои действия через призму ценностей сообщества, к которому принадлежит⁴).

Стоит также упомянуть такие особенности организации структуры «Хабда», как склонность к централизации⁵. Жесткая структура,

¹ Чарный С. Российская еврейская община: современная ситуация // Евреи Евразии. № 1(1). Июнь — август. 2002. [Электронная версия]. <http://library.jewseurasia.org/page66/news12005>

² [Электронная версия]. <http://www.feor.ru/programs/social/> сайт доступен 29.05.2018.

³ Пожертвование на общину, письменное обязательство в Торе жертвовать на нужды еврейского народа.

⁴ Dubet F., Martuccelli D. Théories de la socialisation et définitions sociologiques de l'école. In: Revue française de sociologie. 1996. 37–4. P. 511–535. См. также: Теннис Ф. Общность и общество (1977).

⁵ Это не свойство именно российского «Хабда», а свойство «Хабда» в целом. Strudel S. Votes juifs. Itinéraires migratoires, religieux et politiques, Persée, Sciences Po. 1997. P. 174.

иерархия, назначение раввинов в провинциальные города (институт «посланников», «шлихим»), традиционный уклад жизни, развитая инфраструктура (община становится источником удовлетворения всех потребностей), близость синагоги — все эти факторы способствуют воспроизводству общинного человека.

В свою очередь, влияние реформистского иудаизма по причинам, приведенным выше, а также в связи с иначе организованной работой на местах, невелико. Его члены в целом хорошо интегрированы в общество и не представляют политического единства (в том числе и администрация). По нашим наблюдениям, несмотря на то что представители интеллектуальных и творческих профессий в равной степени являются прихожанами ортодоксальных общин, реформистская община Москвы в значительной степени состоит из университетской и творческой интеллигенции. Это повышает средний уровень социальной и политической интеграции членов общины.

Если вернуться к социологической теории социализации, то реформистский иудаизм, более открытый обществу, предполагающий большую интеграцию в общественную жизнь вне еврейского сообщества, соответствует теории индивида модерна, который живет в более открытом и сложно устроенном обществе. «Он принадлежит к нескольким социальным кругам и играет большее количество ролей. Социализация ведет к возрастанию индивидуализации в том смысле, что каждый человек является частью различных кругов действия»¹. Этатизм, верность и уверенность в том, что от человека ничего не зависит, подавляют личность в субъекте, обесценивают индивидуальную волю, в то время как поиск идентичности провоцирует вступление в ортодоксальную общину.

Рассмотрим в этом контексте электоральные установки респондентов в соответствии с их уровнем практики иудаизма, включенностью в жизнь общины и социальным статусом, а также построение базовой и ситуативной политической идентичности в религиозной общине. Ситуативная идентичность может соответствовать одной и конфликтовать с другими ценностями, принятыми индивидом. В результате этого при-

знание индивидом своей идентичности является неполным, что хорошо видно на примере евреев, которые в последнее время стали более религиозными, при этом сохраняют политическую идентичность, отличную от той, что транслирует община (мы также рассматриваем примеры борьбы идентичностей, связанных с кризисом ценностей, полученных в семье, в частности на примере наследников диссидентов, которых было немало среди советской еврейской интеллигенции). Также стоит обратить внимание на «культурные коды», характерные для представителей определенного социального класса и их наследников. Например, одним из главных «кодов», нарушение которого болезненно для наследников советских диссидентов, если они решат проголосовать за В. Путина, является карьера последнего в КГБ. Такая карьера считается неприемлемой в этой среде. Эти нормы интернализированы самими респондентами, поэтому чувство раздвоенности, кризиса идентичности, которое они испытывают, — это не просто «проблемы с родителями», но их собственный внутренний конфликт². Важно также рассматривать выборы как один из аспектов социализации респондентов в общине и за ее пределами. Например, участие в выборах — это возможность для представителей еврейской общины присоединиться к национальному единству. Для многих респондентов, выражающих эмоциональную привязанность к России, это важный момент. Большинство респондентов заявили, что как члены общины они имеют обязательства перед общиной и не имеют права голосовать исключительно по своим личным политическим предпочтениям.

Используя интервью, а также количественные данные исследования, можно проследить основные возможные стратегии электорального поведения. Мы также обращаем внимание на то, что высокий уровень религиозного соблюдения постепенно исключает все другие пере-

1 «Il appartient à plusieurs cercles sociaux et doit accomplir un nombre croissant de tâches et de rôles. La socialisation conduit vers une individualisation croissante dans la mesure où chaque individu fait partie de cercles d'action différents»: Dubet F., Martuccelli D. Théories de la socialisation et définitions sociologiques de l'école. In: Revue française de sociologie. 1996. Vol.37., №4. 511–535. P. 514.

² «La propension à considérer le politique comme relevant de l'intime», à y «mettre de l'affect» n'est pas un trait psychologique, qui singulariserait cette éléctrice, mais manifeste simplement le fait que le vote reflète pour elle des conflits intimes et in fine les spécificités de sa trajectoire sociale. («Склонность рассматривать политическое как часть "интимного", "чувственного" — не психологическая черта именно этой избирательницы, но, напротив, показывает тот факт, что голосование отражает ее внутренние конфликты и в конечном итоге особенности ее социальной траектории.») Agrikoliansky E., Fretel J., Le Grignou B., Rozier S., Taiclé, A.-F. Je me sens devenir de droite: Trajectoires sociales et itinéraires électoraux in SPEL (Collectif Sociologie politique des élections). Les sens du vote. Une enquête sociologique (France 2011–2014). Presses Universitaire de Rennes, coll. «Res Publica », 2016. P. 87.

Политизация пространства общины

В парадигме имперского национализма русским является любой гражданин России, независимо от национальности, а также потомки российских граждан, так называемые соотечественники за рубежом¹. В качестве критерия принадлежности / оппозиции к русской нации принимается лояльность / оппозиция власти. Этатизм, который характерен для современного российского избирателя², соответствует внутреннему постулату представителей еврейской общины, еврейскому закону, согласно которому евреи должны в первую очередь заботиться о сохранении своей религии и о своей безопасности в странах диаспоры.

По сравнению с советским периодом изменились сами лекала, по которым молодые евреи оценивают, что является, а что не является проявлением антисемитизма. Молодое поколение более чутко реагирует на менее серьезные проявления антисемитизма, что вызывает недоумение и даже насмешки у старшего поколения³. Можно предположить, что это изменение уровня чувствительности той же природы, что и прочие социальные отношения поколенческого разлома, которые в настоящее время переоцениваются молодыми людьми (например, сексуального согласия, выстраивания личных границ и т.д.). Поэтому даже гомотопические дозы антисемитизма, производимые близкими друзьями, с которыми наши собеседники часто не расстаются или даже не ссорятся, тем не менее рассматриваются ими как антисемитизм.

Антисемитизм играет существенную роль в формировании светской еврейской идентичности. Однако, несмотря на то что среди самих евреев широко распространено мнение, что антисемитизм — «цемент, который скрепляет еврейский народ», одним из главных еврейских аргументов голосования за В. Путина является именно убежденность в том, что Путин победил антисемитизм⁴. На этом сходятся ре-

спонденты, и лояльные Путину, и оппозиционно настроенные.

«Еврей должен быть лояльным той власти, которая есть. Это закон. Это просто еврейский закон, в котором прописано, что мы должны уважительно относиться к власти той страны, в которой мы живем. Правитель страны, президент, царь и так далее, он поставлен всевышним, и мы его принимаем. Это было всегда, и в дореволюционные времена тоже. Это наша догма. Это Талмуд».

«Абсолютно согласен с точкой зрения свободы вероисповедания, свобод, которые нам сейчас открыты, с точки зрения того, что государство нам сейчас дает, хотя оно отделено от религии сто процентов, но не мешает, а разрешает, не препятствует нашему самовыражению, это, мне кажется, сейчас вообще эпоха ренессанса иудаизма в России».

Роль гражданина эпизодична, ее значение усиливается во время избирательной кампании и выборов — это возможность стать полезным членом общества в собственных глазах индивида и в глазах окружающих. Специфическая лексика, характерная для избирательного процесса, такая как формирование большинства или группы⁵, особенно важна в России с ее слабым опытом демократии и демократической процедуры выборов⁶. Терпимым является (и даже поощряется) голосование «единогласно». В случае общинного голосования это становится особенно важным, поскольку члены общины чувствуют ответственность перед коллективным целым, включая и политический выбор.

Община, являясь важным авторитетом в жизни прихожан, имеет возможность распространять определенное политическое мнение. Лидеры общин используют так называемое патриотическое воображение, повторяя послания президента в выступлениях, речах и словах, адресованных общине. Эта тема была разработана И. Делом⁷, который писал о возможностях религиозных институтов влиять на политическую идентичность прихожан, а также о «гибридном участии» в выборах как о религиозной акции. В случае еврейской общины соединяются элементы сакральности и «добродетели» избирательной деятельности: респон-

¹ Паин Е. Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2. С. 126–139;

² Лопова О. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПбГУ, 2002. С. 179.

³ Мы присутствовали при разговоре об «излишней чувствительности» молодого поколения в группе ортодоксальных (литовских) евреев в возрасте около 55–60 лет.

⁴ Община и В. Путин как гаранты отсутствия антисемитизма — мощный аргумент в глазах многих евреев, учитывая растущие антисемитские настроения в странах Европы. См., напр., данные FRA за последние годы. [Электронный ресурс]. <http://fra.europa.eu/en/publication/2018/2nd-survey-discrimination-hate-crime-against-jews>

⁵ Deloye Y., Olivier I. L'acte de vote. Presses de Sciences Po (P.F.N.S.P.). 2008. P. 15.

⁶ Lipman M., Gudkov L., Bakradze L. The Stalin Puzzle. Deciphering Post-Soviet Public Opinion. Carnegie Endowment, 2013. P. 22, 43.

⁷ Deloye Y., Olivier I. L'acte de vote. Presses de Sciences Po (P.F.N.S.P.). 2008. P. 15.

денты приводят отрывки из Талмуда, указывающие на необходимость лояльности к властям в странах диаспоры (*галута*) для обеспечения благополучия еврейского народа.

Приведем в качестве примера отрывок из интервью с респонденткой, работавшей ранее в правозащитной организации, участвовавшей в митингах и бывшей несколько раз наблюдателем на выборах. Разочарование в протестном движении начала 2010-х подвигли ее уйти из правозащитной организации и осознать себя традиционной еврейкой, пройти гиюр, переехать в район своей синагоги. Другими словами, на личностном уровне также происходят изменения — появляются новые ценности. Однако это ситуация весьма нестабильна¹.

«Мой выбор будет зависеть от того, что победит внутри меня. Я теперь уже голосую как член общины, и в этом плане (для меня значимы. — Д.В.) националистические идеи Навального. Раньше я старалась об этом не думать. Но он участвовал в “Русском марше”. И ты понимаешь, что в нем это есть. И очень не хочется услышать фразу “евреи у нас все отняли”. Потому что с нее очень многое начиналось. «Хрустальная ночь» — это же все про это. Недельные главы, которые мы сейчас читаем, они про исход из Египта, который начинался во многом так же: “Ой, как евреи надоели!”».

А. Навальный: лакмусовая бумажка еврейской идентичности

Фигура А. Навального является причиной колебаний и политической «конверсии» среди еврейских респондентов. Все респонденты признают, что Навальный — единственный удавшийся оппозиционный проект. Однако за последние годы они превратились из его последователей в критиков либо отчасти положительно оценивают его деятельность, но отказываются его поддерживать.

«Навальному как президенту, даже если бы ему дали баллотироваться, я бы не сочувствовал из-за его игр с националистами».

«Меня в какой-то момент расследования Навального вдохновляли, было даже, что я на Тверскую выходила, когда Навального то ли сажали в какой-то момент, то ли посадили, выпустили и посадили. В общем, в какой-то момент я выходи-

ла. Но потом я то ли посмотрела, почитала, как он планирует разбираться с многонациональностью Москвы, и что-то мне как-то это не очень понравилось. Я даже решила, что не очень буду вникать...»

«Он никогда и не скрывал, что он националист. Я его слушала на митинге в 2012 году еще. Как услышала, что он говорит, сразу себе сказала: нет, я явно пришла сюда не за этим».

Персонализация голосования и харизматический авторитет В. Путина²

Следует отметить, что, по общему мнению опрошенных, независимо от их политических предпочтений, Путин является единственным человеком, который может гарантировать еврейской общине спокойную жизнь. Именно он лично может ограничить агрессию против меньшинств, в частности евреев. Приведем здесь интервью с евреем «Хабада» из Марьиной Рощи.

«Я думаю, что эта опасность (прихода к власти крайне правых. — Д.В.) существует и на данный момент. Я считаю, что наш действующий президент, как ни громко это звучало бы, действительно является неким гарантом спокойствия общего. Происходят такие спокойные процессы, не радикальные. Ну, он является гарантом свобод. Я считаю, что на данный момент ему нет альтернативы».

Мы уже говорили об истории, связанной с отношением администрации В. Путина к еврейской общине. Следует добавить, что антисемитизм и оценка респондентами его уровня в России и Европе является важным аргументом в пользу кандидатуры Путина при голосовании. Таким образом, мы можем наблюдать персонализацию голосования: в данном случае члены общины связывают благополучие акторов, а также в целом их среды (*milieu*) лишь с одной личностью. С. Струдель, которая упоминает о феномене персонализации голосования среди сефардских евреев Сарселя, указывает, что избиратели, будучи арабского происхождения, относятся к будущему президенту в некотором смысле в парадигме родительско-детских отношений³. В силу различных причин, присущих советскому наследию, в России⁴, в том числе и среди еврейского населения, также наблюдается личное, даже сыновнее отношение к президенту.

¹ «La conversion n'est jamais totale». Agrikoliansky E., Fretel J., Le Grignou B., Rozier S., Taiclet A.-F. Je me sens devenir de droite: Trajectoires sociales et itinéraires électoraux in SPEL (Collectif Sociologie politique des élections) Les sens du vote. Une enquête sociologique (France 2011–2014), Presses Universitaire de Rennes, coll. «Res Publica», 2016. P. 91.

² Weber M. Les trois types purs de la domination légitime. Trad. E. Kauffmann avec la collaboration de J. Gauthier // Sociologie. Vol. 5. No 3.

³ Strudel S. Votes juifs: itinéraires migratoires, religieux et politiques. Presses de Sciences Po. 1996. P. 292.

⁴ Лопова О. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПбГУ, 2002.

«Мне кажется, на бытовом уровне ничего не изменилось. У кого-то, может быть, отношение поменялось в одну сторону, в другую. Но его (антисемитизма. — Д.В.) нет на государственном уровне. Даже больше того скажу, это идет лично от президента и от властных структур. Я это чувствовал на себе много раз. На уровне госсектора, мне кажется, там вообще есть запрет, даже если кто-то плохо относится к евреям, не показывать это и не допускать проявлений. Скорее всего это связано с личным отношением президента к евреям, может быть, и какие-то политические моменты, связанные с этим, хотя я не вижу особого резона для политических интересов. Политические объяснения не очень состоятельны. Скорее именно эмоциональные. Это именно к евреям. Власти стараются это так представить, что для всех конфессий, что и мусульманам надо создать условия, возможности соблюдать и жить по своим верованиям. Но мне кажется, для евреев сейчас созданы особые условия. Никогда за историю России такого не было».

Следует также упомянуть характерный для всего населения (а не только для еврейских избирателей) страх возвращения 1990-х. Бытует мнение, что Путин победил анархию и бандитизм постсоветского периода, позволив людям жить в относительной безопасности.

«Я исхожу из того, что вижу. Я смотрю на город в целом, как это было в 1990-е и сейчас. В 1990-е годы было много агрессии, насилия и опасности, а сейчас я вижу людей гораздо более спокойных: в материальном смысле и в смысле определенных возможностей, я не хочу сказать, что это целиком и полностью заслуга Путина, но в России, в принципе, лучше иметь царя. Лучшее управление, в принципе, — это управление, которое описано в Книгах Царств. Путин вполне подходит. Я бы не сказал, что это плохо. Хотя я определенно не эксперт».

Политический выбор может быть также обусловлен семейной трансмиссией. Часто такая политическая идентичность является частью ценностной модели, полученной человеком в семье. Иногда политическая идентичность, транслируемая семьей, находится в конфликте с политической и (или) религиозной идентичностью респондента.

«На самом деле, строго говоря, я не в общине, хотя уже 10 лет хожу в Марьину Рошу, но не могу присоединиться к общине по многим причинам: политика, даже хороший вкус. С точки зрения социальной реформисты меня больше устраивают, чем консерваторы. Феминизм, женский раввинат. Но меня не устраивает то, что свя-

зано с соблюдением. Меня не устраивает их пофигистическое отношение к кашруту, мобильники и машины в шабат. Я рос в энтропичной, околотеллигентской семье. Водился со всякими околориссидентскими людьми. Потом еще с неформальными, либеральными людьми. Взаимодействие с ними перевешивало. Это вызывает определенные сложности. Ну и евреи в России слишком правые. Это действительно вызывает определенные трудности. Я не дружу с людьми, с которыми молюсь».

Реактивное голосование против антисемитизма представлено также и среди молодых евреев. Мы думаем, что, хотя бы отчасти (учитывая, что уровень антисемитизма более или менее стабильный и достаточно низкий), этот тип унаследован от старшего поколения.

«Есть чисто еврейская причина голосовать за Путина. Учитывая марионеточность других кандидатов. Это единственное, что меня пугает, возможно, в будущем, прямо пугает меня. Рост национализма. Сейчас я чувствую свою личную защищенность, защищенность своей общины, сейчас я чувствую безопасность, если я отдам ребенка в еврейскую школу или в обычную школу евреям. Но с другой стороны, у меня был дедушка, который перед смертью занялся политикой, экономикой. И он мне перед смертью сказал, что после Путина у власти будет фашист, националист. И я это тоже иногда вспоминаю и думаю, что, возможно, так и будет. Иногда это мысль меня задевает. Но с другой стороны, именно Путин поддерживает, поднимает национализм».

Как это можно видеть на примере Марьиной Роши, играет свою роль и эффект «еврейского квартала», закрытого, обжитого пространства. Окружающая среда дружелюбна, известна, полезна, не опасна. Инфраструктура Марьиной Роши включает синагоги, кошерные магазины, культурные центры и школы. Многие люди из общины имеют здесь близких, в том числе и географически, друзей. Все это создает ощущение дома и боязнь его потерять.

(Если это личное отношение президента, то есть риск, если его не изберут?) «Ну вообще есть опасения по поводу правых. Если его не изберут, то, может, не сразу, но что-то изменится. Может, не будет плохо совсем. Здесь, в районе Марьиной Роши, даже не только здесь, но в основном здесь, вся полиция евреев на улице не останавливает. Особенно в шабат. Они знают, что такое шабат, информацию им передали, очевидно, сверху. Понятно, что не сам президент. Но они имеют право меня остановить. И потребовать документы. Я просто замечал. Они останавлива-

ются, присматриваются. Один раз даже спросили: «Есть висюльки?»¹. Я говорю — вот. Обычно все такого рода директивы спускаются сверху. Неформально. Потому что ни в уставе, ни в инструкциях такого не написано».

Кроме того, эффект «еврейского квартала» также влияет на уровень заинтересованности в том, что происходит за пределами микрокосма. В отличие от тех, кто сомневается, кто находится в состоянии ценностного конфликта, акторы, о которых мы только что упомянули, одновременно выказывают привязанность к фигуре президента Путина, будучи членами сообщества, наиболее влиятельная часть которого весьма определенно формулирует свои политические приоритеты. Голосуя, эти акторы получают возможность полнее социализироваться в общине.

Религиозные учреждения зачастую транслируют нравственные, социальные и культурные ценности, что формирует атмосферу близости в общине, крепкие связи между ее членами. Солидарность, проявляемая акторами (в ценностях, целях, в конечном счете в коллективной памяти), определяет способ социализации в рамках общины: чтобы войти в нее, нужно быть готовым разделить эти ценности и нормы. Более того, религиозная община, обогащенная историей, культурой, памятью, которая имеет право определять «хорошее» и «плохое», стремится в одностороннем порядке определять манеру и условия социализации актора.

И. Делой (Déloye), чью работу, ставшую уже классикой, мы упомянули выше, высвечивает политический аспект социализации католиков. Он пишет о XIX веке, но мы можем проследить те же черты в еврейской общине сегодняшней Москвы. «Расширенные катехизисы» (catéchismes augmentés), которые он цитирует, являются примером социализации в общине. Голосование рассматривалось как действие, если не сакральное в полном смысле этого слова, то как одно из обязательств добропорядочного католика, то есть как часть религиозных обязательств. Прочитаем здесь катехизис епархии Кемпера и Леона: «Грешит ли тот, кто не голосует? — Да, тот, кто не голосует, когда может, грешит. — Почему тот, кто не голосует, когда может, грешит? — Потому что тот, кто не проголосует, когда может, возможно, по-

¹ Цитит. — скрепленные вместе нити, которые должны носить мужчины иудеи достигшие 13 лет. Являются частью талита, молитвенного одеяния. Цитит должны быть видны из-под одежды, так как их предзнаменование — напоминать еврею о необходимости соблюдения заповедей.

зволит кандидату-врагу религии и церкви быть избранным»².

Это коррелирует с практикой цитирования Талмуда для обоснования определенных политических установок, например как причину голосовать за В. Путина. То есть респонденты определяют, за кого голосовать, не только на основе размышлений о том, что лучше для них, для общины, но и ссылаясь на Талмуд, одну из священных книг иудаизма (в России политизация религиозного пространства происходит не только в иудаизме, но и в православии и в исламе). Известно, что патриарх Кирилл призывал православных христиан идти голосовать. Хотя представители администрации еврейской общины категорически отрицают возможность говорить о политике в обществе, рядовые члены общины подтверждают, что подобные беседы, особенно во время религиозных или государственных праздников, происходят регулярно.

«Этатизм вполне в традиции еврейской общины. Очень многие, конечно, плюются. На последнем Пуриме Берл Лазар говорил 10 минут про федеральное послание Владимира Владимировича. О том, что сила России не в нефти, а в ее людях. Понятно, Лазар имел в виду евреев. Он это все перевел на державные рельсы. Можно пропускать мимо ушей».

Берл Лазар, говоря о важности миссионерства среди галахических евреев, называет цифру в 200 тысяч человек в Москве³. В результате данного полевого исследования мы обнаружили тенденцию к расширению общины. Об аналогичном явлении пишет С. Струдель по поводу общины Сарселя. Струдель считает, что это относится не только к Сарселю, но и к другим еврейским общинам во Франции (на момент 1997 года). Такое распространение сообщества она называет «коммунитаризация пространства»⁴. В ее исследовании также говорится о символическом преобразовании еврейского населения в общину. Она приводит конкретные примеры, которые в целом совпадают с тем, что мы можем наблюдать в России.

² «Celui qui ne vote pas fait-il un péché? — Oui, celui qui ne vote pas, quand il le peut, fait un péché. — Pourquoi celui qui ne vote pas, quand il le peut, fait-il un péché? — Parce que celui qui ne vote pas, quand il le peut, laissera peut-être, en ne votant pas, réussir un candidat ennemi de la religion et de l'Eglise».

³ Приведем демографическое исследование, указывающее на причины большого разброса в оценке количества евреев в России: Тольц М. Евреи на постсоветском пространстве: новые демографические данные // Демоскоп weekly. 2016. № 693–694. С. 2.

⁴ Strudel S. Votes juifs: itinéraires migratoires, religieux et politiques. Presses de Sciences Po, 1996. P. 323.

Во-первых, это светская деятельность, осуществляемая либо вместе с религиозными общинами, либо финансируемая религиозными общинами целиком. Во-вторых, в пространстве светских еврейских клубов находится множество священных знаков и символов иудаизма, например мезуза, священные еврейские книги и т.д. Идея возвращения в иудаизм евреев, которые не ходят в синагогу, является одной из ключевых идей «Хабата», о чем часто говорят ее руководители в России. Понятно, что в итоге влияние хабатской общины расширяется за счет группы так называемых светских евреев.

Мы составили таблицу сопряженности, взяв в качестве переменных следующие три вопроса:

1) У вас еврейская семья?¹

2) Вы ходите в синагогу?

3) Быть евреем это значит иметь «еврейскую кровь»?

Доля респондентов, которые считают свои семьи еврейскими, придают большое значение своему этническому происхождению, ходят в синагогу, близка к проценту тех, кто обращает внимание на свое этническое происхождение, но не посещает синагогу (35 против 42%). Тем не менее здесь нас больше интересует процент евреев, посещающих синагогу, указывающих на важность наличия «еврейской крови», но не считающих свою семью еврейской, — их доля составляет 65%. Этот показатель достаточно высок, чтобы предположить, что религиозные практики, а также социализация в рамках общины могут служить для этих респондентов

средством подтверждения их еврейской идентичности.

Таким образом, еврейскую общину можно охарактеризовать как несколько религиозных сообществ, связанных большим количеством «вен и кровеносных сосудов» — светских еврейских организаций, клубов, центров отдыха, благотворительных учреждений, школ и учреждений, проч. Эта структура позволяет актору социализироваться, находить свою идентичность, приобретать необходимые связи, то есть использовать сообщество как социальный лифт. Можно говорить о существовании общинного голосования. Однако мы считаем, что это скорее свойственно молодому поколению, которое гордится своим еврейством и поиском внешних возможностей для подтверждения собственной идентичности, в отличие от предыдущего поколения, в целом более ассимилированного и более травмированного государственным антисемитизмом советского периода. В свою очередь, такая система позволяет религиозным общинам, наиболее заинтересованным в этом, таким как «Хабат», возвращать евреев в иудаизм.

Заключение

Целью работы было проследить становление и развитие новой еврейской идентичности в России, а также ее краткосрочное проявление в политическом дискурсе в год президентских выборов. Утверждение еврейской идентичности принимает следующие формы: одни идентифицируют себя как часть

Таблица 2

У ВАС ЕВРЕЙСКАЯ СЕМЬЯ? (% от тех, кто не ходит в синагогу)

Быть евреем это значит иметь «еврейскую кровь»?	Нет	Да	Всего	Кол-во
«Еврейская кровь» — это важно?	Нет	35	100	20
	Да	42	100	24

Таблица 3

У ВАС ЕВРЕЙСКАЯ СЕМЬЯ? (% от тех, кто ходит в синагогу)

Быть евреем это значит иметь «еврейскую кровь»?	Нет	Да	Всего	Кол-во
«Еврейская кровь» — это важно?	Нет	54	100	22
	Да	35	100	17

¹ Согласно результатам опросника 40% опрошенных говорят, что они происходят из нееврейских семей, 18% сомневаются в своем происхождении. Можно предположить, что эти показатели коррелируют с процентом тех, кто считает, что еврейская идентичность — это этническая идентичность (по данным опросника: около половины уверены, что еврей должен иметь хотя бы одного из родителей-евреев).

этнической общности, народа (через историю и культуру), другие — прежде всего через религию, третьи утверждают, что не готовы разделять эти понятия. «Притязание на идентичность», которое разворачивается в России, где официальный антисемитизм и советская государственная секуляризация ослабили, относительная прежде всего к молодому поколению, людям 20–40 лет, тем, кто родился или, по крайней мере, стал взрослым после 1991 года. Многие российские евреи, долгое время считавшиеся потенциальными противниками политического режима, похоже, сегодня, наоборот, поддерживают В. Путина.

Список литературы

1. Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Национальное самосознание российских евреев. Материалы социологического исследования // Диаспоры. Москва, 1997–1998, 2000. № 3. С. 52–86; 2001. № 1. С. 210–244; № 2–3. С. 224–262.
2. Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Лёзина Е. Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2. С. 140–193.
3. Носенко-Штейн Е. «Передайте об этом детям вашим, а их дети — следующему роду». Культурная память у российских евреев в наши дни. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
4. Паин Е. Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2. С. 126–139.
5. Попова О. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПбГУ, 2002.
6. Тольц М. Евреи на постсоветском пространстве: новые демографические данные // Демоскоп weekly. 2016. № 693–694. С. 2.
7. Agrikoliansky E., Fretel J., Le Grignou B., Rozier S., Taiclet A.-F. Je me sens devenir de droite: Trajectoires sociales et itinéraires électoraux in SPEL (Collectif Sociologie politique des élections) Les sens du vote. Une enquête sociologique (France 2011–2014), Presses Universitaire de Rennes, coll. «ResPublica», 2016.
8. Badiou A., Butler J., Didi-Huberman G., Khiari S., Bourdieu P., Rancière J. Qu'est-ce qu'un peuple? Paris: La Fabrique Editions, 2013.
9. Barth F. Ethnic groups and boundaries: The Social Organization of Culture Difference, 1969.
10. Blum A., Gousseff C., Radvanyi J. Mutations identitaires en Russie. In: Revue d'études comparatives Est-Ouest. Vol. 34. 2003. No 4. Dossier : Recenser la Russie en 2002, sous la direction de Catherine Gousseff. P. 5–28.
11. Bourdieu P. Le sens pratique, Les éditions de minuit, Paris, 1980.
12. Bourdieu P. Méditations pascaliennes, Paris, Le Seuil, 1997. P. 248–251.
13. Bronnikova O. Compatriotes et expatriotes: le renouveau de la politique dans l'émigration russe, Thèse de doctorat de sociologie sous la dir. de Radvanyi J. et Berthomiere W., soutenue à INALCO le 27 janvier 2014.
14. Bruneau M. Diasporas et espaces transnationaux. Paris: Anthropos, 2004. 250 p.
15. Deloye Y., Olivier I. L'acte de vote. Presses de Sciences Po (P.F.N.S.P.), 2008.
16. Deloye Y. Socialisation religieuse et comportement électoral en France. L'affaire des catéchismes augmentés (19e–20e siècles) // Revue française de science politique. Vol. 52. No 2. 2002. P. 179–199.
17. Dubet F., Martuccelli D. Théories de la socialisation et définitions sociologiques de l'école. In: Revue française de sociologie. 1996. Vol.37, №4. P. 511–535. FAVART, Évelyne. «La transmission familiale: s'approprier le passé familial entre frères et sœurs». Pensée plurielle. Vol. No 11, No 1, 2006. P. 83–89.
18. Foucault M. Il faut défendre la société. Cours au Collège de France (1975–1976). Édition établie, dans le cadre de l'Association pour le Centre Michel Foucault, sous la dir. de Ewald F., Fontana A. Édition numérique (2012) à partir de l'édition CD-ROM, Le Foucault Électronique (ed. 2001).
19. Guerin-Pace F., Samuel O., Ville I. En quête d'appartenances. L'enquête Histoire de vie sur la construction des identités, INED, coll. «Grandes Enquêtes», 2009.
20. Hallbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris, Albin Michel, 1994.
21. Halbwachs M. Mémoire collective // Édition électronique à partir d'édition de 1950.
22. Klein E. Lost Jews. The Struggle for Identity Today. L.: Macmillan Press, 1996.
23. Religion or ethnicity? Jewish identities in evolution / Ed. Z. Gitelman. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2009.
24. Lienard G., Servais E. Le sens pratique. A propos du livre de Pierre Bourdieu //

- Revue française de sociologie. 1974. Vol.15, № 3. P. 413–421.
25. *Miller A.H., Erb G., Resinger W.M., Hesli V.L.* Emerging Party System in Post-Soviet Societies: Fact or Fiction? // *The J. of Politics*. 2000. Vol. 62. No 2. P. 487.
26. *Muxel A.* Individu et mémoire familial. Paris: La Découverte, 1996.
27. *Sand S.* Comment j'ai cessé d'être juif. Flammarion, 2015.
28. *Strudel S.* Votes juifs: itinéraires migratoires, religieux et politiques // Presses de Sciences Po, 1996.
29. *Tönnies F.* Entre communauté et société, 1977.
30. *Webber J.* Modern Jewish Identities // *Jewish Identities in the New Europe* / Ed. J.L. Webber, J. Washington: Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies; Littman Library of Jewish Civilization, 1994. P. 74–75.
31. *Wieviorka M.* Les Juifs, La Pologne et Solidarnosc. Paris: Denoël, 1984. ISB. No 2–7158–1534–4.
32. *Wihtol De Wenden C.* Les questions de citoyenneté, de diversité et de nation en référence au récent débat sur l'identité nationale en France. «Les communautés politiques en question: regards croisés sur l'immigration, la citoyenneté, la diversité et le pouvoir» sous dir. De Labelle M., Couture J., Remiggi F.W.; Presses de l'Université du Québec. P. 327.

Лариса КОСОВА

БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ: ДИНАМИКА МАССОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕНДЕРНЫХ РОЛЯХ

Анализируя проблемы гендерных отношений, необходимо учитывать как минимум два аспекта: официальную политику в области гендера и бытующую систему массовых представлений о нормативных гендерных ролях и отношениях. Процессы демократической трансформации стран во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов, в силу сокращения государственного контроля над экономической и общественной жизнью, изменили такие стороны существования, как структура обеспечения благополучия домохозяйств, асимметрия распределения семейных обязанностей, нормативные предписания гендерного поведения и, что не менее важно, ожидания в этих сферах. Но, хотя процессы трансформации режимов были действительно глобальными, транзит не вылился в форму последовательной модернизации социальных институтов. Анализируя демократизацию авторитарных режимов, Мельвил [Мельвил, 2010] показал, что в большинстве ситуаций демократического транзита инициатива шла сверху, необходимым триггером преобразований являлся раскол элит. Реформы начинались с предварительной либерализации режима, осуществлявшейся под полным контролем одной из элитных групп, в силу этого устойчивые институты демократии не возникали. Смена либеральных властных групп на консервативные привела к изменению направления процессов общественной трансформации.

Нелинейность процессов и обстоятельств транзита сказалась на динамике представлений о нормативных гендерных ролях и отношениях, можно проследить контаминацию трех групп установок:

- остатки советской нормативной системы;
- либеральные тенденции;
- неотрадиционализм — консервативные традиции, особо усилившиеся в последние годы.

Отметим, что каждая из этих тенденций имеет несколько планов, ни одна из них не является одномерной. Остановимся на этом подробнее.

Советская женщина — мать и труженица

С первых дней существования СССР заявил себя как государство гендерного равенства — семейные отношения стали ареной действительно радикальных преобразований. Так, в 1918 году равенство мужчин и женщин было закреплено законодательно. В 1920-м медицинские аборт получили легальный статус — мера для того времени беспрецедентная. Искусственное прерывание беременности было бесплатным, для проведения операции было достаточно желания женщины. В 1926 году постановлением ВЦИК РСФСР был введен новый Семейный кодекс, который максимально упростил процедуру установления отцовства: женщине было достаточно во время беременности или после рождения ребенка подать заявление о том, что имярек является отцом ее ребенка. Мужчину оповещали, у него был год на обжалование этого заявления в судебном порядке¹. Этим же постановлением были упрощены процедуры регистрации брака и развода, внебрачные дети получали те же права, что и дети, рожденные в браке. Супруги уравнивались в имущественных правах даже в ситуации официально не зарегистрированного брака. Постепенно возникла система детских садов и яслей, дающих женщине возможность стать независимым экономическим актором. Социальная политика первых лет советской власти была направлена на создание правовой и социальной основы для включения женщин в активную социальную и трудовую деятельность.

Однако такая тенденция сохранялась недолго, уже в конце 1920-х стало заметно усиление консервативных тенденций. С середины 1930-х советская власть обратилась к репрессивным методам регулирования сферы семейных и интимных отношений. В 1934 году было введено уголовное наказание за мужеложество, в 1936-м появился законодательный запрет на аборт, в 1944-м была крайне усложнена про-

¹ Постановление ВЦИК РСФСР от 19 ноября 1926 года «О введении в действие кодекса законов о браке, семье и опеке». [Электронный ресурс]. <http://museumreforms.ru/node/13940>

цедура разводов. Законодательство 1944 года лишало женщину прав на имущество, если она не состояла в зарегистрированном браке. Кроме того, дети, рожденные вне брака, лишались права носить имя отца и рассчитывать на выплату алиментов, а матери детей, рожденных вне брака, теряли право на установление отцовства. Приведем краткую цитату:

«Статья 19. Установить, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов...»

Статья 20. Отменить право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов по содержанию ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке»¹.

Процитированный выше указ, хотя и содержал в названии слова «усиление помощи» и «увеличение охраны», ставил женщин в чудовищную ситуацию. В условиях военного времени, приведших к резкому сокращению численности мужчин, их долгому пребыванию вне дома, государство фактически признавало незарегистрированное партнерство незаконным. Не будем забывать и о том, что в это время аборт был законодательно запрещен — искусственное прерывание беременности вело к уголовному наказанию. Дети, рожденные в рамках незарегистрированного партнерства, оказывались депривированными с самого рождения. Они не только обрекались на сложные материальные условия жизни, часто жестокую нищету; дети, рожденные вне брака, становились объектом безжалостных насмешек окружающих. Клеймо «безотцовщина», «прочерк в метрике вместо отца» отравило жизнь целому поколению детей, родившихся в конце войны и в послевоенное время.

Тотальный контроль над семейно-брачными отношениями сталинской эпохи и консерватизм эпохи Хрущева смягчился с приходом к власти Брежнева [Тольц, 2014]. Так, была упрощена процедура расторжения брака, отменен «прочерк в метрике вместо отца» для детей, рожденных вне брака. Однако административное регулирование сохранилось в полной мере: как отмечал И. Кон, состоялся переход от «командно-административных методов к мораль-

но-административным» [Кон, 2010]. Несмотря на законодательное упрощение процедуры развода, семейные конфликты, особенно членов партии, оставались центром пристального внимания партийных органов, использовавших такой арсенал средств «примирения супругов», как выговор по партийной линии или угрозу исключения из партии².

Официальная пропаганда советского времени называла СССР страной победившего гендерного равенства — включение женщин в производство и социальную жизнь, превращение женщины в «активного строителя социалистического общества» декларировалось в качестве одной из основных целей государственной политики. Действительно, уже к 1950-м половина трудоспособных женщин СССР вышла на оплачиваемый рынок труда, в 2015 году этот показатель составил 63,4% [Мужчины и женщины в России, 2016]. Уровень образования женщин в России не уступает аналогичным показателям у мужчин. По данным переписи 1989 года, удельный вес женщин среди взрослого населения в диапазоне возрастов 24–65 лет, получившего высшее образование, составлял 53%, мужчин — 47% [World Bank, 2006], в 2010-м эта пропорция выросла до 58 и 42% соответственно [Мужчины и женщины в России, 2016]. Советское государство на протяжении многих лет проводило специально организованные кампании, направленные на привлечение женщин к овладению профессиями, которые считались прерогативой мужчин. Подобная политика маркировалась как забота о самостоятельности женщин, создание условий их полноценного развития. Однако суть такой политики была проста и цинична: власти не хватало трудовых ресурсов для проведения ускоренной модернизации (точнее, милитаризации). Е. Здравомыслова описывает сложившиеся в Советском Союзе гендерные отношения термином «государственный патриархат» или «этакратический гендерный порядок» [Здравомыслова, 2016]. Фактически женщина была мобилизована государством дважды — как работник и как репродуктивная единица. Она работала и рожала на благо страны.

О том, что Россию, правопреемницу Советского Союза, с большой натяжкой можно назвать «страной победившего гендерного равенства», свидетельствуют данные Индекса гендерного неравенства, который ведется орга-

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»». [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=7182#0>

² Подробнее см.: Косова Л.Б. Динамика установок в сфере интимных отношений // Демографическое обозрение. 2017. № 4. С. 127–149.

низацией «Всемирный экономический форум» (ВЭФ) с 2006 года¹. Гендерный разрыв оценивается в четырех аспектах:

1. Участие и возможности в экономической сфере (данные о разрыве в заработной плате мужчин и женщин, участие в принятии решений, доступ к высококвалифицированным рабочим местам и др.).

2. Образование (данные о гендерных различиях в доступности всех ступеней образования).

3. Здоровье и продолжительность жизни (данные о различиях в ожидаемой продолжительности здоровой жизни).

4. Участие в политической деятельности (данные о гендерном представительстве в органах власти).

По данным ВЭФ, ни одна страна не достигла полного равноправия мужчин и женщин. Глобальный Индекс гендерного неравенства (ИГН) составил в 2017 году 68% (т.е. гендерный разрыв преодолен на 68%). Наибольшие успехи по преодолению гендерного неравенства достигнуты в сфере здоровья и образования — значения соответствующих показателей ИГН равны 96 и 95%. Гендерный разрыв в экономической и политической сферах остается очень значительным — 58 и 23% соответственно. По итогам 2017 года Россия занимает 71-е место среди 144 оцениваемых стран. В России рынок труда гендерно дискриминирован как по вертикали, так и по горизонтали: существуют значимые различия в оплате труда, сохраняются «мужские» и «женские» профессии. Женщины на руководящих постах представлены существенно меньше, чем мужчины. Например, в науке, здравоохранении, образовании среди рядовых сотрудников женщины составляют более половины занятых, но на уровне принятия решений их не более 5% [Семенова, 2017]. Еще хуже обстоят дела в политической сфере. Согласно ИГН, показатель преодоления политического неравенства мужчин и женщин в России составляет всего 8,5% (т.е. гендерный разрыв преодолен на 8,5%), что ставит Россию на 121-е место в мире.

Телка улетная и деловая женщина

Сокращение государственной регламентации и контроля в конце 1980-х дало толчок к появлению новых поведенческих сценариев. Точнее, поведенческие сценарии, существовавшие в советское время как маргинальные и маркировавшиеся негативно, вышли в сферу

публичного обсуждения, стали в ряд элементов корпуса допустимых практик. Одну из таких тенденций можно обозначить как «ренессанс женственности». Сексуальная привлекательность начала восприниматься как возможный социальный лифт, супружество или сожителство с обеспеченным партнером — как заманчивый жизненный сценарий. Выяснилось, что женщину украшают не только скромность и высокие трудовые показатели, но и стильная одежда, хорошая косметика, которые стали доступны с возникновением рынка и исчезновением товарного дефицита. Советская модель гендерного равенства содержала своеобразный перекося — оба супруга работали, но при этом большая часть домашних дел и заботы о детях ложилась на женщину. Неудивительно, что желание снять с себя хотя бы часть этой нагрузки привело к появлению тенденции, которую в перестроечной прессе называли «хочу назад на кухню».

Советская нормативная система, следуя в русле идеологии аскетизма (для масс, не для номенклатуры), с особым ханжеством выводила сексуальное удовольствие за рамки приличного. В советское время, по словам Кона, существовала установка на «асексуальное» воспитание молодежи. Кон приводит очень выразительную цитату из предисловия к книге «Новая книга о супружестве»². Книга была переведена с немецкого, опубликована в 1969 году и сразу стала бестселлером. Вот что написал в предисловии известный советский психолог профессор Н.В. Колбановский: «Чтобы ослабить напряжение центральной нервной системы от импульсов, идущих из половой сферы, необходимо отвлечь внимание растущей молодежи, в большинстве своем учащейся, в сторону познания различных явлений действительности. Работа в научных кружках, на станциях юных натуралистов и техников, занятия спортом, туризмом, проба своих творческих сил в поэзии, литературе, различных видах искусства, в общественной деятельности настолько захватывает и отвлекает внимание от половых переживаний, что подростки, юноши и девушки легко справляются с ними» [Кон, 2010: 64]. Либеральные изменения конца 1980-х — начала 1990-х сняли ханжеские табу: область запретного сузилась, интерес к эротике вышел в публичную сферу. Но, как любые поведенческие практики, долгое время лишённые публичного внимания и дискуссии, эти процессы неизбежно

¹ [Электронный ресурс]. <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2017/>

² Автором книги является Рудольф Нойберт, немецкий врач-гигиенист.

но несли на себе печать вульгаризации и коммерциализации.

Сокращение нормативных ограничений, приведших к снижению возраста сексуального дебюта, придали особую актуальность проблеме сексуального просвещения. В начале 1990-х была принята федеральная программа «Дети России», частью которой стала подпрограмма «Планирование семьи». В 1993-м на программу «Планирование семьи» государство выделило миллиард рублей, а в 1994-м — 2 млрд¹. Кроме того, была получена помощь от ООН на экспериментальную работу в сфере сексуального образования. Предполагалось в течение трех лет провести экспериментальные занятия по половому воспитанию в 16 школах 8 регионов². В задачи ассоциации «Планирование семьи» входило также обучение родителей и учителей. Но предпринимаемые шаги встречали усилившийся протест со стороны консервативной общественности, и в 1996 году эту деятельность приостановили, половое воспитание так и не было включено в школьную программу. Победило представление о том, что нравственное воспитание и сексуальное образование исключают друг друга.

1990-е дали толчок еще одной тенденции — появлению образа успешной деловой женщины, самостоятельно справляющейся с личными проблемами и, в отличие от образа успешной советской женщины, занимающей руководящую должность, не комплексующей по поводу отсутствия супруга или постоянного партнера. В значительном числе случаев эта роль была принята «поневоле». Начало экономических реформ дало резкий толчок росту женской безработицы. Именно в эти годы многие женщины вынужденно оставили свои профессии и занялись «челночной» торговлей — до 85% «челноков» составляли женщины [Воронина, 2013]. Их успешная деятельность не только поддержала многие семьи в условиях трансформации экономики, но и дала возможность дальнейшему развитию бизнеса, вырастая в магазинную торговлю, гостиничный бизнес, индустрию красоты и др. По данным за 2013 год, которые приводит Т. Гвилава, президент ассоциации «Женщины бизнеса», количество компаний, возглавляемых женщинами, в нашей странеросло на 17% ежегодно³.

¹ [Электронный ресурс]. <https://meduza.io/feature/2017/09/01/vmestopolovogo-vospitaniya-polovoy-razvrat>

² [Электронный ресурс]. <https://www.svoboda.org/a/388733.html>

³ [Электронный ресурс]. <https://foma.ru/muzhchina-i-zhenshchina-kto-v-dome-xozyajka.html>

Неотрадиционализм — назад к домострою?

В 1990-е гендерная проблематика ушла из сферы государственного интереса — этот круг вопросов оставался в фокусе внимания исследовательского сообщества и активистов феминистского движения. Однако демографические проблемы, накатывающиеся на постсоветское общество эхом военных потерь и репрессий советского времени, привлекли внимание власти к этой теме в середине 2000-х. В фертильный возраст вступали малочисленные поколения, что приводило к сокращению количества рождений. Это обстоятельство послужило толчком к изменению социальной политики российского государства. Был принят ряд законодательных мер, направленных на повышение рождаемости, например закон о материнском капитале⁴. Кроме того, было ужесточено законодательство об абортах. В законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» появился пункт о так называемых днях тишины. После того как женщина обратилась в медицинское учреждение по поводу прерывания беременности, врачам запрещается проводить ей операцию в течение двух дней на ранних (4–7-я недели) и поздних (11–12-я недели) сроках беременности, а при сроке беременности 8–10-я недели время на раздумье достигает семи суток. В это время пациентки должны пройти психологическое консультирование, которое фактически сводится к тому, что врачи и соцработники в разных формах убеждают женщину сохранить ребенка⁵. В случае нарушения данного пункта закона и сама пациентка, и медицинское учреждение подвергаются штрафу. Кроме того, в 2012 году врачи получили право отказаться от проведения аборта по религиозным убеждениям⁶.

Параллельно с изменением официальной социальной политики возник ряд общественных инициатив, призывающих вернуться к «традиционным» истокам. Выступая с позиций «пролайферов», инициаторы склоняют к отказу от добрачного секса, ограничить репродуктивные права женщины, отрицают само представление о том, что гендерные и семейные роли являются социальным конструктом и меняются в меняющихся социальных обстоятельствах. Эти взгляды поддерживаются значительной частью властных элит, и общественные движе-

⁴ [Электронный ресурс]. <http://pro-materinskiy-kapital.ru/wp-content/uploads/2016/02/zakon-materinskiy-kapital-2016.pdf>

⁵ [Электронный ресурс]. <https://rosmintrud.ru/docs/laws/104>

⁶ Закон «Об основах охраны здоровья граждан в России», пункт 3 статьи 70 «Лечащий врач».

ния, выступающие в защиту данной позиции, перестают быть общественными, они становятся проводниками государственной политики. Например, с 2007 года в разных регионах России стали проводиться акции «Неделя против аборта». Впервые такая инициатива была реализована в Краснодарском крае. Хотя была оформлена как отклик на общественный запрос, фактическими организаторами выступали РПЦ и местные власти. Инициатива была подхвачена другими регионами РФ, акции «Неделя против аборта» прошли в Костромской, Ростовской, Самарской, Воронежской, Омской, Томской, Курганской областях¹. Инициатором временного запрета абортов выступает Фонд социально-культурных инициатив, президентом которого является супруга премьер-министра РФ Светлана Медведева. Как указано на сайте Фонда, деятельность организации направлена на реализацию проектов по улучшению демографического и социального климата в российских семьях². В 2018 году запрет на аборты длился с 31 июля по 3 августа и был реализован во многих регионах РФ. Главный акушер-гинеколог Приморья Евгения Шутка, сообщила, что край участвует в акции уже в пятый раз, а главный врач владивостокского роддома № 3 Светлана Сагайдачная отметила, что временный запрет на выполнение абортов акцентирует необходимость бережного отношения к здоровью, напоминает об ответственности, которую должны нести мужчина и женщина за свои решения и поступки³.

Все более массовую поддержку находит инициатива, призывающая вывести аборты за сетку обязательного медицинского страхования (ОМС), т.е. фактически сделать их платными. Выступая в Государственной думе в январе 2015 года, патриарх Кирилл заявил, что считает морально оправданным выведение операции по искусственному прерыванию беременности из системы ОМС, которая поддерживается за счет налогоплательщиков, в том числе тех, которые категорически не приемлют аборты⁴. «Если бы удалось в два раза сократить количество абортов, у нас был бы устойчивый и мощный демографический рост», — заявил патриарх. Интересно, что предстоятель Русской православной церкви не принимает во внимание позицию самой женщины, ее репродуктивные права. Это

¹ [Электронный ресурс]. https://lenta.ru/brief/2018/04/05/prolife_power/

² [Электронный ресурс]. <http://fondsci.ru/>

³ «Коммерсантъ». 04.08.2018.

⁴ [Электронный ресурс]. <http://www.patriarchia.ru/db/text/3960558.html>

не просто консервативная традиция, это возврат к позиции абсолютного примата государства над индивидом, сведение роли индивида к ресурсу, которое государство имеет право использовать любым нужным ему способом в интересах, маркирующихся как государственные.

Запрет искусственного прерывания беременности поддерживает и уполномоченный по правам ребенка в РФ Анна Кузнецова. «Весь цивилизованный мир не первый год выступает против такого явления, как аборты, и мы поддерживаем эту позицию», — заявила она⁵. Госпожа Кузнецова не считала нужным упомянуть, что «весь мир» делится на две части, придерживающиеся противоположных взглядов на проблему. При этом, как указано в отчете Центра защиты репродуктивных прав (Center for Reproductive Rights), за период с 1950-х по 1990-е годы почти все промышленно развитые страны, а также ряд развивающихся либерализовали законодательство об абортах. Начиная с 1990-х этому примеру последовали еще более 30 стран, и лишь около десятка ужесточили ограничения⁶.

Россия в международном контексте

Тенденции архаизации не являются специфическими для России, они присутствуют во всех обществах с разной степенью выраженности. Чтобы определить место России в ряду других стран, воспользуемся данными исследования ISSP (International Social Survey Programme)⁷. В рамках указанного исследования было проведено несколько волн опросов, посвященных динамике семейных и гендерных ролей. Подобный дизайн исследования позволяет сравнить не только результаты, полученные в разных странах, но и отследить динамику установок внутри каждой страны — участницы исследования. В данной статье будут использованы данные опросов 1994, 2002 и 2012 годов. Список стран-участниц и число опрошенных в каждой стране приведены в приложении 1.

Для того чтобы получить контрастные точки для сравнения существующих тенденций, выбрать полюса нормативных систем, восполь-

⁵ [Электронный ресурс]. <https://lenta.ru/articles/2016/09/28/abortion/>

⁶ [Электронный ресурс]. https://www.reproductiverights.org/sites/crr.civicactions.net/files/documents/20Years_Reform_Report.pdf

⁷ Международная исследовательская программа, начатая в 1985 году. В настоящее время в ней принимают участие более 40 стран. Опросы проводятся по репрезентативным выборкам, единой методике и согласованной анкете, что обеспечивает сопоставимость данных. Данные находятся в открытом доступе на сайте Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=328&en=0>

зуюемся двумя вопросами, наиболее полно отражающими традиционалистские представления о семейных ролях:

— «Все, чего женщины хотят на самом деле, — это семья и дети»;

— «Дело мужчины — зарабатывать деньги, а женщины — вести домашнее хозяйство».

Респонденты могли выразить согласие или несогласие с этими утверждениями по пятипозиционной шкале, где 1 означала полное согласие, а 5 — полное несогласие. Распределение ответов респондентов показано на рис. 1 и 2¹.

Максимум несогласия с позицией «Все, чего женщины хотят на самом деле, — это семья и дети» выразили жители Дании: почти 45% респондентов категорически против этой позиции. Около 30% опрошенных в Швеции и Нидерландах также резко не согласны с таким видением женского предназначения. Высока доля несогласных в Австрии, Канаде, Франции, Исландии, Японии. А вот жители бывших соцстран в значительной степени солидаризируются с данным утверждением. Так, в Словакии полностью поддержали эту позицию 24% респондентов, категорически против высказались в 12 раз меньше — около 2%. В России доля полностью согласных с таким взглядом составляет 15%, категорически против данной позиции высказались 4%. В Венгрии 22% респондентов абсолютно согласны с тем, что «женщина хочет только семью и детей», противников у этой позиции 4%.

Похожее распределение ответов наблюдается и по отношению к другому утвержде-

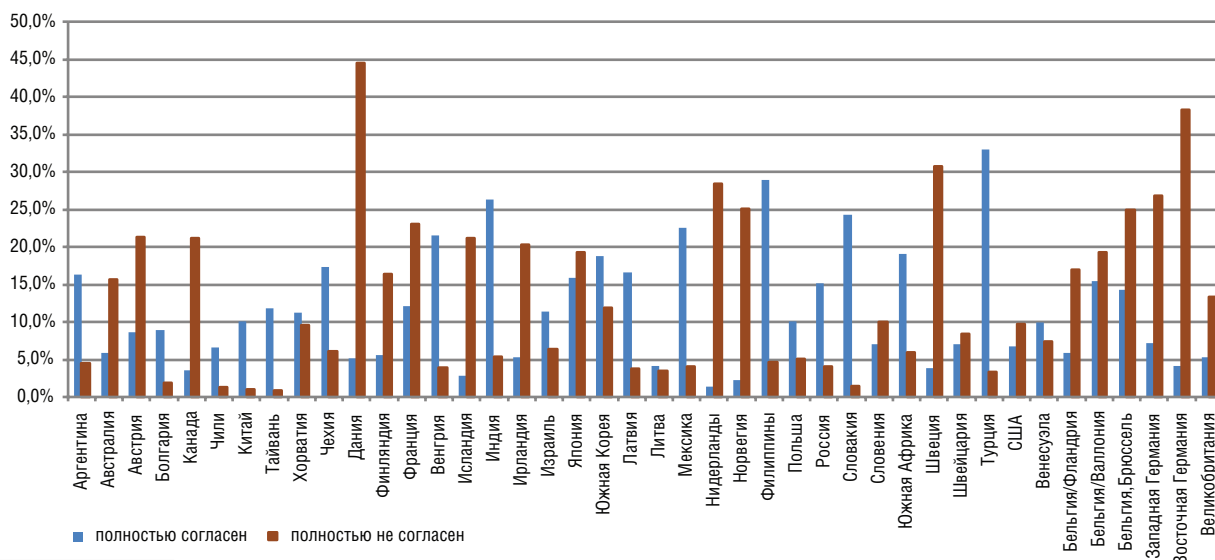
нию-пробнику «Дело мужчины — зарабатывать деньги, а женщины — вести домашнее хозяйство». Самый высокий уровень неприятия этой позиции также фиксируется в Дании, очень высока доля несогласных в Скандинавских странах, Франции, Канаде, Японии. А вот в странах бывшего социалистического лагеря, как и в предыдущем случае, соотношение согласных и несогласных с такой позицией склоняется в сторону одобрения традиционалистских взглядов. Так, в Латвии доля полностью согласных (24%) в 8 раз превосходит число тех, кто эту позицию полностью не поддерживает (3%). В России ситуация еще острее: полностью согласны с традиционным разделением семейных ролей 23%, полностью против 2%. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в Чехии, Венгрии, Словакии. Единственное исключение из этого ряда составляет Словения, там распределение ответов респондентов аналогично показателям экономически развитых стран.

Приведенные результаты позволяют выделить два полюса представлений о семейных и гендерных ролях. Один полюс образуют государства бывшего социалистического лагеря, склонные поддерживать традиционалистские взгляды на семейные и гендерные роли, другой — развитые демократии Старой Европы. Сфокусировавшись на этих двух кластерах, рассмотрим динамику анализируемых установок. Данные позволяют оценить изменения, произошедшие за 18 лет — с 1994 по 2012 год (рис. 3, 4).

Доля полностью согласных с позицией «все, чего женщины хотят на самом деле, — это семья

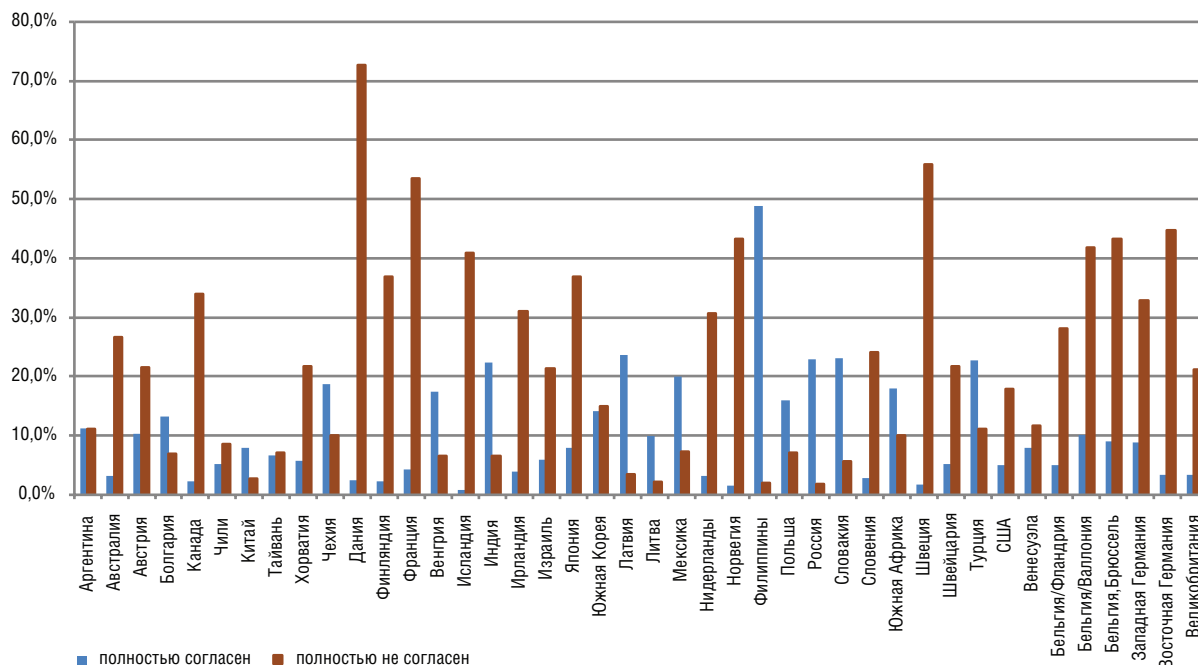
Рисунок 1

СТЕПЕНЬ СОГЛАСИЯ РЕСПОНДЕНТОВ С УТВЕРЖДЕНИЕМ «ВСЕ, ЧЕГО ЖЕНЩИНЫ ХОТЯТ НА САМОМ ДЕЛЕ, — ЭТО СЕМЬЯ И ДЕТИ» В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ ПО ДАННЫМ 2012 ГОДА

¹ Подготовлено на основе данных опроса 2012 года.

Рисунок 2

СТЕПЕНЬ СОГЛАСИЯ РЕСПОНДЕНТОВ С УТВЕРЖДЕНИЕМ «ДЕЛО МУЖЧИНЫ — ЗАРАБАТЫВАТЬ ДЕНЬГИ, А ЖЕНЩИНЫ — ВЕСТИ ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО» В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ ПО ДАННЫМ 2012 ГОДА

и дети» сокращается практически во всех анализируемых обществах. Даже в Венгрии и Словакии, где количество традиционалистов по-прежнему достаточно высоко, она существенно уменьшилось: в Венгрии с 45% в 1994 году до 22% в 2012-м, в Словакии с 39% в 2002-м до 24% в 2012-м. В этой общей тенденции есть два исключения — Латвия и Чехия. В Латвии, которая участвовала только в двух волнах исследования, доля полностью согласных с тем, что «все, чего женщины хотят на самом деле, — это семья и дети», выросла с 9% в 2002 году до 17% в 2012-м. В Чехии в 1994-м число тех, кто поддерживал традиционалистские представления, составляло 25%, в 2002-м оно осталось практически прежним — 26% полностью поддержали позицию «Все, чего женщины хотят на самом деле, — это семья и дети»¹, а в 2012-м сократилось до 17%. Иными словами, в Чехии фиксируется общий тренд на сокращение традиционалистских взглядов, но в отличие от других стран эта тенденция не линейна.

Интересна ситуация в России. Доля полностью поддерживающих позицию «Все, чего женщины хотят на самом деле, — это семья и дети» по сравнению с 1994 годом сократилась. Но, если в период с 1994 по 2002 год это

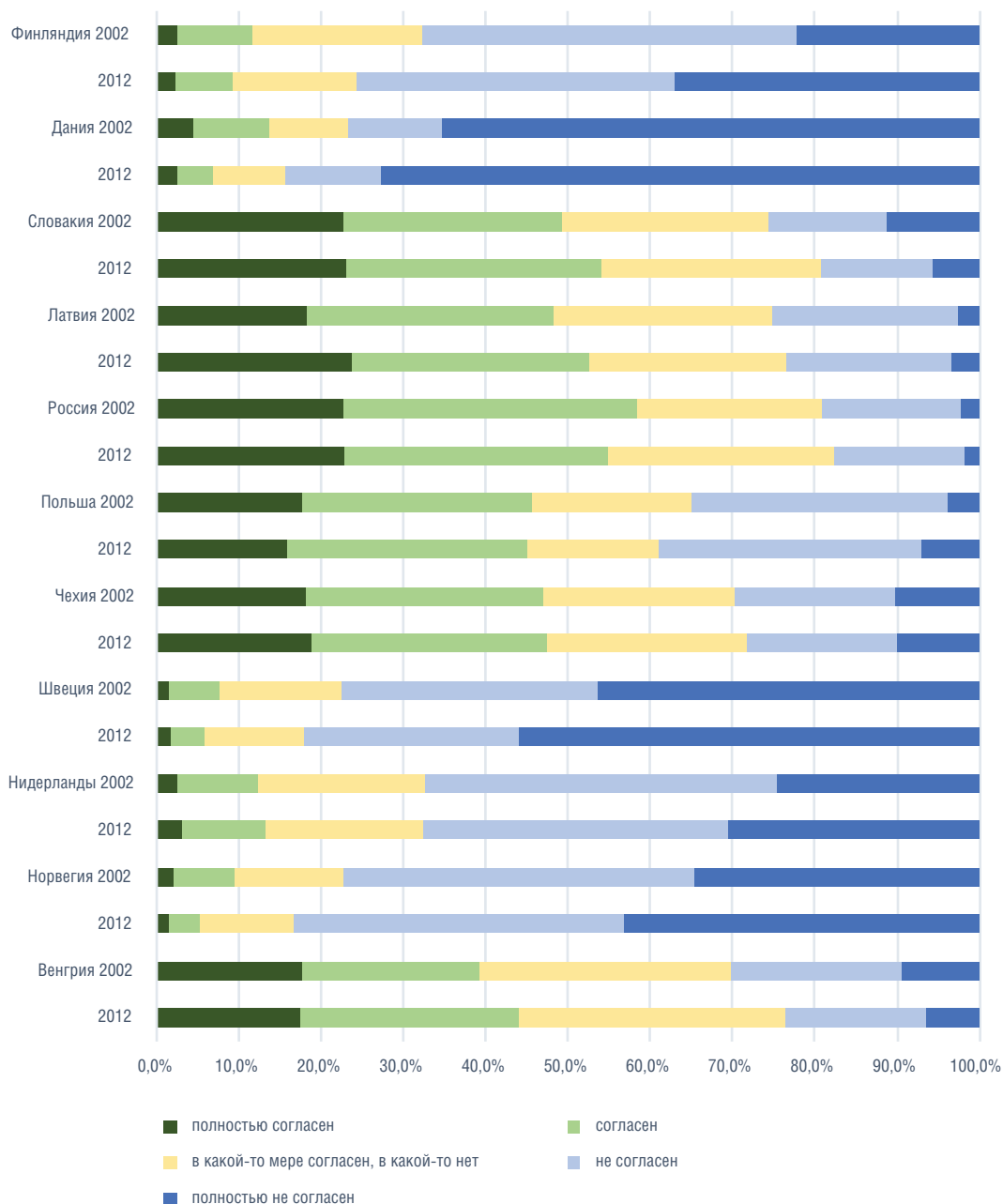
было сокращение почти на 5%, то с 2002-го по 2012-й изменений фактически не было — менее 1%. Более того, если мы обратим внимание на противоположный конец шкалы и суммируем количество тех, кто «не согласен» с традиционалистским представлением о женской роли, и тех, кто «полностью не согласен», мы увидим, что выросшее с 1994-го по 2002-й число респондентов, разделяющих эту позицию, уменьшилось к 2012 году. Более того, за эти годы последовательно росла доля затруднившихся ответить. В 1994-м они составляли 13%, в 2002-м — 21%, в 2012-м — 29%. Опросы фиксируют отклик массового сознания на изменения в гендерной политике российских властей.

Вопрос о разделении мужских и женских обязанностей задавался только в двух волнах исследования ISSP — в 2002-м и в 2012-м. В странах Старой Европы заметно выросло число несогласных с тем, что «дело мужчины — зарабатывать деньги, а женщины — вести домашнее хозяйство». Так, в Дании доля категорически не поддерживающих такую позицию увеличилась с 65% в 2002 году до 73% в 2012-м, в Швеции — с 47 до 56%, в Норвегии — с 35 до 43%. В бывших социалистических странах наблюдается обратная тенденция. Так, в Словакии число полностью поддерживающих этот взгляд фактически не изменилось — увеличилось на 1%, а вот доля полностью не согласных

¹ Полученный на выборке результат нельзя интерпретировать как рост показателя в генеральной совокупности.

Рисунок 3

ДИНАМИКА ПОДДЕРЖКИ РЕСПОНДЕНТАМИ УТВЕРЖДЕНИЯ «ВСЕ, ЧЕГО ЖЕНЩИНЫ ХОТЯТ НА САМОМ ДЕЛЕ, — ЭТО СЕМЬЯ И ДЕТИ»

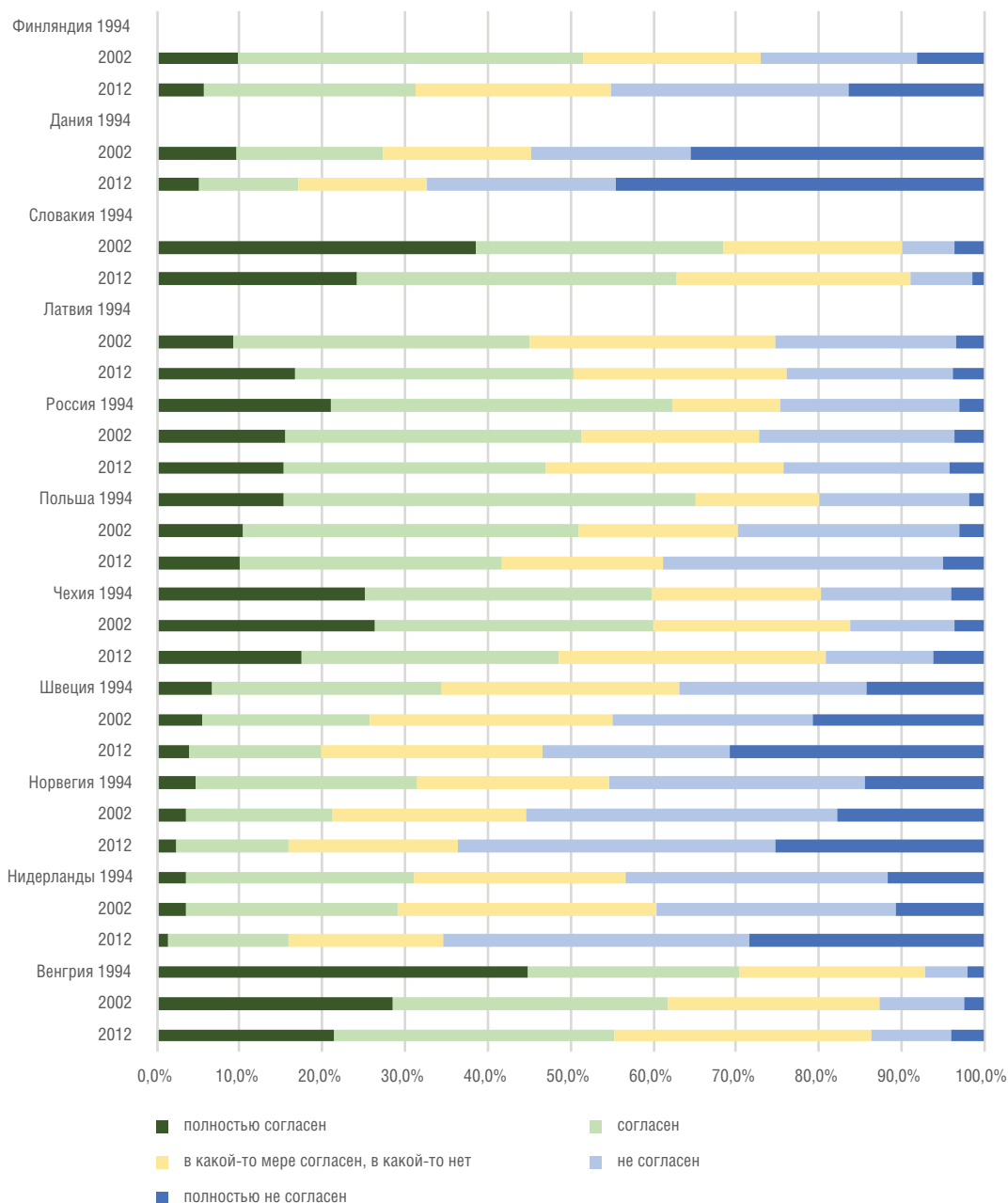
с утверждением «Дело мужчины — зарабатывать деньги, а женщины — вести домашнее хозяйство» сократилась почти в 2 раза с 11% в 2002 году до 6% в 2012-м. В Латвии число полностью придерживающихся традиционалистские взгляды на распределение мужских и женских ролей выросло с 18% в 2002 году до 24% в 2012-м. В России число занимающих крайние позиции на шкале «одобрение — неодобрение» практически не изменилось, но сократилась доля умеренных сторонников и противников

за счет увеличения количества затруднившихся ответить.

Данные позволяют говорить о разнонаправленных тенденциях в бывших социалистических странах и странах Старой Европы. Если в европейских странах, анализируемых в рамках данной статьи, последовательно сокращается поддержка традиционалистских взглядов на гендерные и семейные роли, то в странах бывшего соцлагеря фиксируется тенденция усиления традиционалистских взглядов.

Рисунок 4

ДИНАМИКА ПОДДЕРЖКИ РЕСПОНДЕНТАМИ УТВЕРЖДЕНИЯ «ДЕЛО МУЖЧИНЫ – ЗАРАБАТЫВАТЬ ДЕНЬГИ, А ЖЕНЩИНЫ – ВЕСТИ ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО»

Заключение

Анализ данных показывает, что, если в странах Старой Европы существует стабильная тенденция на сокращение традиционных представлений о роли женщины, ее месте в обществе, то нормативная система в странах бывшего соцлагеря демонстрирует «извивы и повороты» — происходит откат к консервативным, если не сказать архаичным, позициям. С одной стороны, это, безусловно, отклик массового сознания на усилившуюся в последнее время консервативную государственную про-

паганду. Однако не стоит забывать, что пропагандистские усилия будут эффективны только тогда, когда реципиенты готовы их принять. Советская модель гендерного равенства несла в себе значимый перекося: оба супруга работали, но при этом большая часть домашних дел и заботы о детях ложилась на женщину. Оплачиваемая работа, конечно, давала женщине некоторую экономическую независимость, но возлагала на нее тройную нагрузку — ответственность и за работу, и за дом, и за детей. Отцовство в советское время сводилось к ми-

нимуму обязанностей. Возможно, поэтому с изменением системы статусов — в том числе статуса домохозяйки — и сокращением контроля государства над сферой личной жизни возникла тенденция возврата к более традиционному распределению ролей, к разрушению предписывавшейся женщинам дихотомии «жена — работница».

Высокая представленность женщин на рынке труда обычно трактуется как один из важных признаков гендерного равенства. С этой позицией трудно спорить, но необходимо помнить, что идущая сверху политика выталкивания женщин в оплачиваемый труд в малой степени влияет на пересмотр массовых представлений о разделении семейных и гендерных ролей. В развитых европейских странах динамика нормативных систем в значительной степени была результатом низовых феминистских инициатив, находивших отражение в государственной политике, что обеспечило стабильный тренд на сокращение патриархальных представлений о семейных ролях и месте женщины. Иная ситуация складывалась в странах бывшего соцлагеря. Высокий уровень женской занятости был следствием государственной политики мобилизации человеческого ресурса для решения «поставленных государством» задач. С ослаблением государственного контроля возникает тенденция отстранения от навязываемой поведенческой практики. Лозунг «Женщина — на трактор» оказался недостаточным стимулом к изменению системы массовых представлений о гендерных и семейных ролях.

Список литературы

1. *Воронина О.А.* Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 3. С. 12–20.
2. *Здравомыслова Е.* Советский гендерный порядок. Материалы Heinrich Böll Foundation, 2016. [Электронный ресурс]. https://www.youtube.com/watch?v=DunU_oIEMQ
3. *Кон И.С.* Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. 3-е изд., испр. и доп. М.: Время, 2010. 608 с.
4. *Мельвиль А.* Демократический транзит: Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: Фонд общественных наук, 1999. 106 с.
5. Мужчины и женщины в России: Статистический сборник. М.: Росстат, 2016. 208 с. [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/wo-man16.pdf
6. *Семенова А., Ващенко В.* Эта женщина занята: Как менялась женская занятость в России на протяжении века. // *Gazeta.Ru.* 2017. 8 марта. [Электронный ресурс]. <https://www.gazeta.ru/social/2017/03/07/10562453.shtml>
7. *Тольц М.С.* От абортного термидора к законодательному либерализму: Политика в области брачно-семейных отношений как зеркало истории СССР // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Ю. Кваши. Сер. «Демографические исследования». Вып. 25. М.: Прспект, 2014. С. 139–150.
8. World Bank (2006). The World Bank Document. Russia: Gender Issues in Modern Russia (Based on Formal Statistics). Moscow: Alex Publishers. 204 p.

Приложение 1

СТРАНЫ-УЧАСТНИЦЫ ISSP, ПРЕДСТАВЛЕНО ЧИСЛО ОПРОШЕННЫХ В КАЖДОЙ ВОЛНЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. СПИСОК СОСТАВЛЕН НА ОСНОВЕ ДАННЫХ, ДОСТУПНЫХ АВТОРУ НА 1 АВГУСТА 2018 ГОДА.

	1994	2002	2012
Аргентина			977
Австралия	1779	1352	1612
Австрия	977	2047	1182
Бельгия/Фландрия		1360	1090
Бельгия/ Валлония			549
Бельгия/Брюссель			563
Болгария	1126	1003	1003
Канада	1440		972
Чили		1505	1564
Китай			5946
Хорватия			1000
Чехия	1024	1289	1804
Дания		1379	1403
Финляндия		1353	1171
Франция		1903	2409
Западная Германия	2324	936	1208
Восточная Германия	1097	431	558
Великобритания	984	1960	950
Венгрия	1500	1023	1012
Исландия			1172
Индия			1660
Ирландия	938	1240	1215
Израиль	1287	1209	1220
Япония	1307	1132	1212
Латвия		1000	1000
Литва			1187
Мексика		1495	1527
Нидерланды	1968	1249	1315
Норвегия	2087	1475	1444
Филиппины	1200	1200	1200
Польша	1597	1252	1115
Россия	1998	1798	1525
Словакия		1133	1128
Словения	1032	1093	1034
Южная Африка			2547
Южная Корея			1396
Испания	2494	2471	2595
Швеция	1272	1080	1060
Швейцария		1008	1237
Тайвань		1983	2072
Турция			1620
США	1447	1171	1302
Венесуэла			997
Всего	33590	46638	60753

Екатерина КОЧЕРГИНА

Представления о гендерных ролях и гендерном равенстве в России.

Анализ данных массовых опросов за 30 лет

Данные опросов общественного мнения свидетельствуют о разнонаправленных тенденциях в изменениях массовых представлений о гендерных ролях, ценностях и об установках. На первый взгляд кажется, что в российском обществе установки на гендерное равенство преобладают над консервативными установками. Однако детальный анализ имеющегося корпуса доказательств свидетельствует о более сложной картине. Мы можем говорить о снижении поддержки современных установок на участие женщин в политической и общественной жизни и о сужении гендерных сценариев в семье и профессиональной жизни. Самыми устойчивыми к влиянию консервативной пропаганды и давления государственных институтов остаются ценностные ориентации в области планирования семьи. Здесь отмечаются их развитие и переход к эгалитарным, хотя во многом и декларативным, формам. Благодаря широкому проникновению контрацепции и завершившемуся демографическому переходу вопросы планирования семьи решаются самими семьями без учета интересов государства и его политики. Наблюдаются различия в ценностных ориентациях по полу и возрасту опрошенных.

Консервативная политика

Переход к рыночной экономике в России имел тяжелые последствия для всего населения, но сильнее всего он ударил по женщинам¹. Рынок труда в 1990-е для женщин характеризовался:

- более низкой по сравнению с мужчинами квалификацией;
- более низкой по сравнению с мужчинами оплатой труда;
- горизонтальной профессиональной мобильностью;

¹ Бодрова В.В. Поведение женщин на рынке труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-zhenschin-na-rynke-truda> (дата обращения: 25.01.2019).

- тяжелыми и вредными условиями труда;
- более высоким уровнем безработицы среди женщин по сравнению с мужчинами;
- отчуждением женщин от участия в политических и управленческих структурах.

Как указывает В. Сокольская, с приходом либеральных реформ в России в 1992–1994 гг. уровень экономической активности женщин существенно снизился². В 1992-м он составлял 81,6%, но уже к 1998-му снизился до 73,3%, а для женщин в возрасте 15–72 лет составил 63,7 и 54,7% соответственно. Численность экономически активных мужчин за этот же временной период уменьшилась не так значительно — на 3,9 млн человек³. Причины снижения женской занятости были различны для разных возрастных групп: молодые женщины страдали от молодежной безработицы, женщины среднего возраста стали жертвами работодателей, желающих избавиться от женщин с детьми, женщины старшего возраста страдали от двух типов дискриминации одновременно — гендерной и возрастной.

Одновременно с экономическими изменениями в российском обществе начинают происходить и изменения ценностные. В 1989 г. только что образованный Всесоюзный центр изучения общественного мнения провел одно из первых в Советском Союзе масштабных исследований общественного мнения по теме положения женщины в советском обществе. Уже тогда появилось осознание глубокого конфликта между традиционными гендерными ролями, предписываемыми женщинам, и положением женщин в обществе, связанным с их профессиональной и общественно-политической активностью.

Результаты этого исследования позволили описать основные гендерные стереотипы, по-

² Сокольская В.В. Гендерные стереотипы на рынке труда (на примере монопрофильного города): дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06. / Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2003. С. 102. URL: <http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/448/1/urgu0174s.pdf>

³ Там же.

ложение женщин в советском обществе и зафиксировать намечающиеся изменения ценностных ориентаций в общественном мнении. В частности, был описан главенствующий в то время гендерный контракт «работающей матери». Вместе с тем это исследование опровергает расхожее утверждение о достигнутом в Советском Союзе гендерном равенстве. Социалистический строй не справился с задачей обеспечения альтернативных условий для женщин, когда те могли бы выбирать между семьей и работой без ущерба для своего социального и экономического положения. Повторяемые советской официальной пропагандой лозунги о гендерном равенстве не способствовали широкому распространению позитивного отношения к равенству полов при формировании рынка труда. Согласно данным исследования, около 70% опрошенных женщин указали, что основным мотивом, побуждающим их заниматься профессиональной деятельностью, является экономическая необходимость.

Этот же вывод подтверждают результаты более позднего исследования 1994 г. Основная причина, которая удерживает женщин от активного продвижения по службе, — наличие семьи и детей. Этому мнению придерживаются 41% мужчин и 46% женщин. Вторая причина низкой достижительской мотивации женщин — отсутствие желания расти по карьерной лестнице, так говорили 17% мужчин и 19% женщин (табл. 1).

Эти же причины фиксируются и в более поздних исследованиях. В списке проблем, с которыми чаще всего сталкиваются женщи-

ны на работе, лидирует именно «совмещение семейных и служебных обязанностей», существенно опережая по частоте упоминаний «низкую заработную плату» и «трудности продвижения по службе» (табл. 2). Рассматривая распределение ответов по основным социально-демографическим группам — полу, возрасту, образованию, потребительскому статусу и месту жительства, — мы видим, что проблема совмещения профессиональной занятости и ухода за семьей актуальна для хорошо образованных (43% опрошенных с высшим образованием) жительниц больших городов (49% москвичей) среднего и старшего возраста (более трети опрошенных в этих возрастных группах).

Гендерный контракт «работающей матери» отчетливо проявляет себя в опросах общественного мнения. По признанию респондентов, именно трудности сочетания семейных обязанностей мешают женщинам развиваться профессионально. Важно, что профессиональная сфера является для женщин вынужденной и побочна по отношению к семье. Эта ситуация не меняется или даже становится хуже на протяжении последних 30 лет. Ситуация выглядит особенно удручающей на фоне официальной статистики.

Согласно глобальному индексу гендерного развития (The Global Gender Gap Index)¹, российские женщины хорошо образованы, встроены в рынок труда, чаще мужчин заняты в дополнительных видах труда, но зарабатывают в среднем на 40% меньше мужчин и почти не вовлечены в государственное управление. Только 14% мест в российском парламенте заняты

Таблица 1

ПОЧЕМУ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, НЕ ВСЕМ ЖЕНЩИНАМ УДАЕТСЯ ДОБИТЬСЯ ТОГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ, КАКОГО ОНИ ХОТЕЛИ БЫ? (распределение по полу)

	Всего	Мужчины	Женщины
Не все женщины стремятся к продвижению по службе	18	17	19
Много времени занимает семья, воспитание детей	44	41	46
Недостает настойчивости, целеустремленности	6	6	6
Не хватает умения руководить людьми	5	7	4
Сказывается противодействие со стороны родных	1	1	0
Мешает предубеждение мужчин-коллег по работе	7	7	7
Мешает зависть со стороны женщин-коллег по работе	2	1	2
Другое	1	1	0
Затрудняюсь ответить	18	19	17

Ноябрь, 1994 г., N = 2000.

¹ The Global Gender Gap Report 2017. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2017>

Таблица 2

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, С КАКИМИ ТРУДНОСТЯМИ ЖЕНЩИНЫ ЧАЩЕ ВСЕГО СТАЛКИВАЮТСЯ НА РАБОТЕ? (множественный выбор)

	Всего	Пол		Возраст				Образование				Потребительский статус			Населенный пункт				
		Мужской	Женский	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	Высшее	Среднее специальное	Среднее	Ниже среднего	Только на продукты	На продукты и одежду	Можем ТДП и пр.	Москва	Более 500 тыс.	От 100 до 500 тыс.	Города до 100 тыс.	Село
Трудности сочетания семейных и служебных обязанностей	35	30	39	21	36	35	37	43	36	26	29	35	33	38	49	35	35	29	35
Низкая заработная плата	22	16	27	23	24	20	21	24	22	18	22	23	22	21	20	22	25	20	21
Меньший заработок, чем у коллег-мужчин в той же должности и с тем же опытом работы	19	17	22	24	21	21	16	19	20	23	16	22	18	19	19	15	23	22	19
Трудности продвижения по службе	19	14	22	21	19	19	18	22	17	17	17	18	18	21	21	17	24	17	17
Сокращение штатов, увольнения с работы	14	12	15	10	13	13	16	15	13	12	15	14	13	14	14	17	17	12	10
Дискриминация по половому признаку	10	7	12	10	11	11	8	11	11	7	8	8	9	13	9	17	10	8	5
Сексуальные приставания	8	7	8	10	10	8	4	8	8	6	7	5	7	11	8	7	9	6	8
Плохие условия труда	7	7	8	5	7	7	9	8	7	8	8	8	8	7	11	7	8	8	6
Другое	3	3	3	4	3	5	2	3	2	4	3	3	3	3	5	3	4	3	2
Затрудняюсь ответить	26	36	18	33	24	26	27	19	26	31	34	26	28	23	15	27	20	28	32

Ноябрь, 2017 г., N = 1600.

женщинами, среди министров женщин только 6%. С 2006 по 2017 г. Россия опустилась в этом рейтинге с 49-го на 71-е место. Это серьезное падение и ухудшение для российских женщин, происходящее из-за снижения всех оценок, составляющих данный индекс. Снижается экономическое участие женщин (падение с 22-го до 41-го места), политическое участие и политическая представленность (падение с 109-го до 121-го), снижается вовлеченность в профессиональное образование (падение с 19-го места в 2006-м до 50-го в 2017-м). Единственная сфе-

ра, где позиции российских женщин укрепились, — ожидаемая продолжительность жизни, сейчас Россия занимает по этому показателю первое место.

Семейные установки

Как уже отмечалось, самыми устойчивыми к влиянию консервативной пропаганды и давления государственных институтов остаются ценностные ориентации в области планирования семьи (табл. 3). Со времени проведения первого исследования (май 1989 г.) ценности

Таблица 3

С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СУЖДЕНИЙ О СЕМЬЕ И БРАКЕ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

	1989 г., май	2016 г., август
Предпочтительнее вступить в брак и жить в семье	89	80
Предпочтительнее в брак не вступать и жить одному (одной)	4	12
Затруднились ответить	7	8
Число опрошенных	1 700	1 600

семьи и брака изменились незначительно. Подавляющее большинство респондентов согласны с тем, что вступление в брак и жизнь в семье — самая предпочтительная стратегия для человека, почти за 30 лет количество респондентов, говорящих о необходимости вступления в брак, снизилось лишь на 9% (респонденты, считающие необязательным вступать в брак и заводить семью).

Среди основных мотивов для вступления в брак, как и в исследовании 1989 г., лидируют мотивы «рождение детей» (57% в 1989-м и 52% в 2016-м), «забота о значимом другом» (37% в 1989-м и 32% в 2016-м) и «создание круга поддержки» (41% в 1989-м и 44% в 2016-м) (табл. 4).

Наиболее существенным мотивом, побуждающим заводить семью, традиционно остается стремление воспитать детей, продолжить род (61% в 1989-м и 57% в 2016-м). На втором месте в «брачной мотивации» находится желание иметь рядом человека, «который поймет и поддержит в любой ситуации» (41% в 1989-м и 45% в 2016-м). На третьем — спасение от одиночества, «стремление быть кому-то нужным и самому проявлять заботу». Последние места в списке занимают такие причины, как социальная норма «надо вступать в брак» (6% в 1989-м и

20% в 2016-м), скрытое давление окружающих и «желание иметь постоянного сексуального партнера» (6% в 1989-м и 15% в 2016-м). На последних местах в перечне мотивов, побуждающих к созданию семьи, как в 1989-м, так и в 2007-м, находится романтическое стремление не расставаться с любимым человеком.

Наибольший интерес представляет анализ этого вопроса по социально-демографическим группам: полу, возрасту, образованию и потребительскому статусу (табл. 5). Лидирующий мотив для создания семьи во всех социальных группах — рождение детей. Следом, как и в основном распределении, идут мотивы иметь рядом кого-то близкого, который поймет тебя, и иметь устроенный быт и семью. Этот костяк мотивов не претерпел серьезных изменений за последние 30 лет. Но появились, а среди молодежи прочно закрепились, романтические мотивы создания семьи.

Эти менее сильные мотивы различаются по своей значимости в разных группах. Важный для старшего поколения, пожилых людей из бедных слоев населения, мотив одиночества (его называют 30% людей в возрасте старше 54 лет и 34% самых бедных респондентов) отчетливо слабеет в группах молодых и социально

Таблица 4

ДЛЯ ЧЕГО, С ВАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ЛЮДИ ВСТУПАЮТ В БРАК, ЗАВОДЯТ СЕМЬЮ? (множественный выбор, ответы отсортированы по убыванию, по последнему замеру)

	1989 г., май	2016 г., август
Чтобы были дети, продолжился род	57	52
Чтобы рядом был человек, который тебя поймет и поддержит в любой жизненной ситуации	41	44
Чтобы чувствовать себя нужным кому-то, чтобы иметь возможность о ком-то заботиться	37	32
Чтобы был уютный дом, благоустроенный быт	26	28
Иметь семью и детей — нравственный долг человека	25	26
Чтобы не быть одиноким	27	25
Чтобы не расставаться с любимым человеком	20	20
Принято вступать в брак, так поступают все, хотя не всем удается создать хорошую семью	6	20
Чтобы иметь постоянного сексуального партнера	6	15
Затрудняюсь ответить	2	1
Число опрошенных	1 700	1 600

устроенных и благополучных россиян (среди респондентов от 18–24 лет его называет 20%, а тех, кто может себе позволить товары длительного пользования, только 22%). Для молодого поколения более важно иметь постоянного сексуального партнера (23%), здесь выделяются мужчины (18% против 13% у женщин) или связи с любимым человеком (23%), чем мотив одиночества (20%). Секс в жизни пожилых людей, групп с низким образованием и низким потребительским статусом — самая слабая причина для создания семьи.

Что касается планирования семьи, общественное мнение демонстрирует развитие новых, связанных с более широким использо-

ванием методов контрацепции, установок, которые позволяют откладывать рождение детей. И это главное отличие современной молодежи от их родителей. Подавляющее большинство россиян считает, что планирование детей в семье должно быть осознанным и ответственным и реализовываться с помощью современных методов контрацепции (78%). Эта точка зрения находит поддержку среди всех социальных групп, чуть выше (82%) в основных репродуктивных возрастных группах 25–40 лет. Схожее распределение при ответе на данный вопрос были получены в 2013 г.: за планирование семьи выступают 77% опрошенных и только 14% полагались на «волю случая» (табл. 6).

Таблица 5

ДЛЯ ЧЕГО, С ВАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ЛЮДИ ВСТУПАЮТ В БРАК, ЗАВОДЯТ СЕМЬЮ? (множественный выбор; пол, возраст, образование, потребительский статус)

	Всего	Пол		Возраст					Образование			Потребительский статус		
		мужской	женский	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.
Чтобы не быть одинокими	25	26	25	20	23	26	30	26	25	27	24	34	25	22
Чтобы был уютный дом, благоустроенный быт	28	29	26	26	30	26	28	26	31	25	27	28	27	28
Чтобы были дети, продолжился род	52	50	54	52	50	51	54	53	52	53	50	58	50	53
Чтобы не расставаться с любимым человеком	20	19	22	23	23	19	18	23	21	20	16	17	19	26
Чтобы чувствовать себя нужным кому-то, чтобы иметь возможность о ком-то заботиться	32	30	33	27	32	34	32	31	31	25	40	33	31	32
Чтобы иметь постоянного сексуального партнера	15	18	13	23	20	13	9	19	15	15	10	10	15	19
Чтобы рядом был человек, который тебя поймет и поддержит в любой жизненной ситуации	44	42	45	41	43	41	47	46	43	42	41	43	43	46
Принято вступать в брак, так поступают все, хотя не всем удастся создать хорошую семью	20	18	21	24	19	17	20	20	21	16	19	13	21	20
Иметь семью и детей — нравственный долг человека	26	25	27	23	26	24	29	27	23	25	31	28	28	22
Затрудняюсь ответить	1	2	1	2	1	2	1	1	1	1	2	1	1	1

Август, 2016 г., N = 1600.

Таблица 6

КАКАЯ ИЗ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ ВАМ БЛИЖЕ?

	2013 г.	2017 г.
Нужно планировать рождение детей в семье, используя методы контрацепции	77	78
Нужно родить и вырастить столько детей, сколько даст Бог, не прибегая к контрацепции и абортам	14	13
Затрудняюсь ответить	10	9
Число опрошенных	800	1 600

Сравнение ответов респондентов в двух исследованиях обнаруживает существенные различия в установках социальных групп, выделяемых по полу, возрасту, уровню образования и потребительскому статусу. По сравнению с 2013 г. в возрастных группах 18–24 года и 25–39 лет на 8% выросло число респондентов, согласных с тем, что «нужно планировать рождение детей в семье»; на 10% увеличился показатель согласия с планированием семьи среди людей со средним уровнем образования; сходный тренд — рост на 10% — отмечается среди самых бедных слоев населения. Интересно, что растет число молодых, которые пока не планируют рождение детей и откладывают этот вопрос на неопределенное время: в Москве и среди молодежи (18–24) 17% опрошенных не планируют рождение детей, что на 8% больше, чем в 2013 г.; на 8% уменьшилось количество молодых людей (18–24), готовых планировать свое репродуктивное поведение.

Ответственность за предохранение от нежелательной беременности, по мнению опрошенных, лежит на обоих партнерах — так считают 74% опрошенных (76% женщин и 70% мужчин). Выше всего этот показатель в Москве, где за равную ответственность выступают 82%

опрошенных. Различий по данному вопросу среди разных социальных групп нет.

Важно оценить и установки россиян по отношению к абортам. Анализ исследований «Левада-Центра» демонстрирует снижение поддержки прерывания беременности среди россиян. Все больше респондентов, по сравнению с предыдущими волнами исследований, одобряют введение различных ограничений на производство абортов (рис. 1). Растет число людей, считающих, что необходимо вводить ограничения на проведение абортов. За 17 лет, с 1998 по 2015 г., доля людей, выступающих за введение ограничений на аборты, возросла с 18 до 35%.

На момент последнего опроса 59% респондентов выступили против вмешательства государства в планирование семьи и почти треть (27%) поддерживали вмешательство государства в эту сферу. Наибольшее неприятие государственного вмешательства демонстрируют москвичи — 75%. Более половины опрошенных поддерживают право женщины принимать решение об аборте самостоятельно (51%). Среди женщин такую точку зрения поддерживают 60% респондентов, среди мужчин — 40%. Существенных различий между разными социальными группами в данном вопросе нет.

Рисунок 1

Как вы считаете, аборты...

N = 1600.

Из тех мер, которые государство могло бы предпринимать для контроля за абортными, наибольшую поддержку среди респондентов находят меры просветительского и экономического характера. 57% опрошенных считают необходимым увеличение пособий по уходу за ребенком до прожиточного минимума. Создание государственных программ сексуального просвещения и введение обязательных уроков сексуального воспитания в школах одобряют 45 и 31% соответственно. Четверть опрошенных поддерживают распространение контрацептивов через покрытие их стоимости из системы ОМС (эта мера находит наибольший отклик у образованных жительниц крупных городов от 500 тысяч человек и провинции, в городах до 100 тысяч — 34 и 29% соответственно). 21% опрошенных выступают за пропаганду сексуального воздержания до брака, эта точка зрения устойчива во всех возрастных и образовательных группах и проявляется во всех опросах, проводимых «Левада-Центром» по поводу сексуальной жизни до брака, — в среднем 20–30% респондентов выступают с осуждением добрых сексуальных связей.

Рассматривая планирование семьи и семейные установки, необходимо описать и достигательские установки в жизни россиян. Отвечая на вопрос о том, что должен/должна сделать в своей жизни современный/ая мужчина/женщина, мы увидим удивительные различия в этих установках (табл. 7). Общество предписывает мужчинам установки достигательские — получить образование, построить карьеру, приобрести жилье и т.п. Для женщин список противоположный: современная россиянка, по мнению опрошенных, должна в первую очередь вступить в брак, родить детей, научиться готовить и получить образование.

Иначе говоря, в обществе доминируют консервативные установки в отношении ролей мужчины и женщины, их увлечений и стремлений. Мужчина видится добытчиком, защитником, кем-то более активным, кем-то, чьи интересы лежат вне семьи и заботы о ней. Женщине отводится роль матери, только в этой области она может самореализоваться, здесь мотив получения образования имеет вспомогательную функцию. Нужно быть образованной и умной, чтобы хорошо вести хозяйство и уха-

Таблица 7

ЧТО НА ВАШ ВЗГЛЯД ДОЛЖЕН/ДОЛЖНА СДЕЛАТЬ... (множественный выбор)

Современный мужчина до 30 лет	Пол			Современная женщина до 30 лет	Пол		
	Всего	мужской	женский		Всего	мужской	женский
Получить образование	65	64	66	Вступить в брак	77	75	78
Вступить в брак	56	54	58	Родить/завести детей	75	75	76
Пройти службу в армии	55	52	57	Получить образование	60	54	65
Сделать карьеру	52	48	55	Научиться готовить	52	48	56
Приобрести собственное жилье	46	44	47	Влюбиться	32	30	34
Родить/завести детей	40	38	41	Сделать карьеру	19	14	24
Приобрести автомобиль	30	34	27	Попутешествовать по стране/миру	18	15	20
Влюбиться	26	23	28	Приобрести собственное жилье	14	12	16
Завести бизнес, открыть свое дело	20	19	21	Принять участие в благотворительности	8	6	10
Попутешествовать по стране/миру	17	18	16	Приобрести автомобиль	6	7	5
Научиться готовить	9	6	11	Завести бизнес, открыть свое дело	4	3	6
Принять участие в благотворительности	9	8	9	Пройти службу в армии	3	2	3
Другое	1	1	1	Другое	0	0	0
Затрудняюсь ответить	3	3	3	Затрудняюсь ответить	3	4	1

Август, 2015 г., N = 800.

живать за детьми, а не строить карьеру, например, в науке. Такое распределение дополняет и объясняет виденные нами ранее результаты опросов о профессиональной и управленческой реализации женщин. Эти установки формируют не только желаемый портрет идеальных мужчины и женщины, но напрямую влияют на жизнь реальных, а не вымышленных идеотипических, мужчин и женщин. Например, эти представления влияют на время выхода женщин из декретного отпуска. Для большинства опрошенных (44%) женщине предпочтительнее оставаться в декретном отпуске до достижения детьми трехлетнего возраста. Еще треть россиян считают, что женщине лучше бросить работу совсем (10%) или выйти на нее к моменту, когда дети пойдут в школу (20%). Конечно, эти же установки есть в сознании работодателей, поэтому они менее охотно нанимают женщин фертильного возраста. Но хуже всего, что: 1) длительные перерывы в работе отрицательно сказываются на карьере женщин, они проигрывают в борьбе за руководящие должности мужчинам¹; 2) эти пе-

рерывы увеличивают разрыв в заработной плате между мужчинами и женщинами.

Политическое участие

В современной России, как и в Советском Союзе, несмотря на высокий образовательный статус и широкую представленность на рынке труда, участие женщин в политической и управленческой сфере остается минимальным и даже уменьшается.

Не в пример ценностям семейным, установки на участие в политике оказались очень шаткими и достаточно быстро, уже к середине 2000-х, сошли на нет. В опросе 1994 г. 50% респондентов согласились, что женщины должны участвовать в политике наравне с мужчинами. Чуть меньше половины, но все еще достаточно большой процент респондентов (45%) соглашались, что нужно повысить участие и число женщин в политической жизни страны. Отметим, что среди противников участия женщин в политике отметились 15% опрошенных мужчин и 6% женщин.

Таблица 8

КАКОЕ СУЖДЕНИЕ ВАМ БЛИЖЕ?

	Пол		Возраст				Образование				
	Всего	мужской	женский	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего
Женщине лучше вообще не иметь семьи	2	2	1	0	2	2	2	1	1	1	3
Женщине лучше иметь семью, но не заводить детей	1	1	1	2	1	1	1	1	2	1	1
Женщине лучше, родив детей, постараться работу не бросать	17	15	18	17	17	15	18	18	18	16	14
Женщине лучше, родив детей, оставить работу и воспитывать детей до трехлетнего возраста, потом вернуться на работу	44	42	45	46	43	45	41	46	46	39	41
Женщине лучше, родив детей, оставить работу и воспитывать их до школы, потом вернуться на работу	20	19	20	16	22	19	20	20	18	20	22
Женщине лучше, родив детей, совсем оставить работу и посвятить себя семье	10	12	9	8	8	12	12	8	11	11	11
Затрудняюсь ответить	6	9	4	9	6	6	5	4	4	11	7

Август 2015 г., N = 800.

¹ Рощин С.Ю., Солнцев С.А. Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике // WP4/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

Одобрение участия женщин в управление всегда было низким (табл. 9). Советские граждане одобряли участие женщин в управлении наравне с мужчинами, но признавали, что среди руководителей женщин должно быть меньшинство. Причина для такой уверенности — загруженность женщинами домашней работой.

Ситуация меняется со сменой политического руководства страны. Безусловное одобрение участия женщин в политике снижается с 40% в 2006-м до 21–23% в 2017-м (табл. 10).

При анализе отношения к участию женщин в политике среди разных социальных групп наибольшая разница в ответах проявляется между группами, выделяемыми по полу. Только 4% респондентов категорически против участия женщин в политике, среди мужчин таких 13%. Треть опрошенных женщин выражают полную поддержку участия женщин в полити-

ке, среди мужчин таких только 11%. Различия между социальными группами, выделяемым по другим основаниям — возрасту, уровню образования, потребительскому статусу и месту жительства, — менее контрастны. В среднем положительное отношение преобладает над негативным (положительное отношение по сумме ответов «определенно да» и «скорее да» составляет 65–70% в каждой из социальных групп).

Описанные тренды прослеживаются и в вопросах о занятии женщинами высоких государственных постов. С 35% в 2006-м до 16% в 2007-м, особенно после 2013 г., сокращается доля людей, определенно желающих видеть женщин на высших государственных постах. С этого года постепенно растет нежелание видеть женщин на государственных постах (табл. 11).

Чтобы оценить этот провал в установках на равенство, посмотрим на ответы респондентов

Таблица 9

ПОЧЕМУ ЖЕНЩИНЫ ЗНАЧИТЕЛЬНО РЕЖЕ, ЧЕМ МУЖЧИНЫ, СТАНОВЯТСЯ РУКОВОДИТЕЛЯМИ?

	Всего	Мужчины	Женщины
Женщины меньше стремятся к руководящей работе	13	13	13
У женщин меньше способностей к руководящей работе	8	15	3
Женщин несправедливо обходят при назначении на руководящие должности	17	15	18
У женщины меньше возможностей для руководящей работы из-за загруженности домашними делами	49	43	54
По другим причинам	1	1	1
Затрудняюсь ответить	12	14	11

Ноябрь, 1994 г., N = 2000.

Таблица 10

ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ?

	2006 I	2008 II	2012 II	2013 II	2014 II	2016 II	2017 II	2017 IX
Определенно да	40	30	22	29	17	24	21	23
Скорее да	35	39	53	46	51	53	45	48
Скорее нет	15	17	17	16	20	14	22	18
Определенно нет	5	6	4	5	5	6	8	6
Затрудняюсь ответить	5	9	4	4	6	4	3	6
Число опрошенных	1 600	1 600	800	800	800	800	1 600	1 600

Таблица 11

ХОТЕЛИ БЫ ВЫ, ЧТОБЫ В РОССИИ ЖЕНЩИНЫ ЗАНИМАЛИ ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОСТЫ НАРАВНЕ С МУЖЧИНАМИ?

	2006 I	2008 II	2012 II	2013 II	2014 II	2016 II	2017 II	2017 IX
Определенно да	35	27	21	26	15	18	15	16
Скорее да	35	37	49	40	48	46	41	44
Скорее нет	16	20	17	21	22	20	27	23
Определенно нет	8	8	7	7	7	8	11	8
Затрудняюсь ответить	6	9	5	6	8	7	7	8
Число опрошенных	1 600	1 600	800	800	800	800	1 600	1 600

на вопрос о том, может ли женщина занять символическое место национального лидера, очень важное в российской маскулинной культуре. В 1994 г. 47% россиян готовы были видеть женщину на посту президента России, хотя треть опрошенных (31%) были категоричны в оценке: «Президентом может стать только мужчина». Уже через пять лет, в 1999 г., ситуация изменилась: только 17% видели президентом женщину, весомые 55% респондентов хотели, чтобы на этот пост был избран мужчина, для четверти опрошенных пол президента не имел значения.

Число сторонников женщины-президента падает с 21% в 2006-м до 11% в 2017-м. Чуть больше половины респондентов после 2016 г. «определенно» не хотят видеть президентом женщину (табл. 12). При этом треть респондентов (32%) не видят среди российских политиков достойной женщины-кандидата, а большинство россиян — 53% — не хотят, чтобы в ближайшие 10–15 лет страну возглавила женщина. Сравним это с данными 1994 г., когда такую установку поддержали только треть опрошенных.

Женщины не только не могут претендовать на главный пост в стране, но и быть самостоятельными политическими субъектами. В 1994 г. для респондентов не составляло труда назвать известных политических деятелей. В топ по числу упоминаний тогда входили Маргарет Тэтчер (42%), Элла Памфилова (29%), Индира Ганди (17%), четвертое и пятое место занимали действующие политики того времени — Ирина Хакамада (13%) и Галина Старовойтова (12%). Но к 2017 г. (году последнего исследования) женщин-политиков в общественном сознании не осталось. В числе тех, кто в 2018-м все-таки могли бы стать потенциальными политическими лидерами России, опрошенные назвали спикера Совета Федерации Валентину Матвиенко (6,1%), общественного деятеля Ирину Хакамаду (1,4%), официального представителя МИДа Марию Захарову (1%), депутата питерского законодательного собрания Оксану Дмитриеву (0,6%), первую в мире женщину-космонавта Валентину

Терешкову (0,5%) и вице-спикера Госдумы от «Единой России» Ирину Яровую (0,5%).

Принципиально важно осознавать контекст, в котором существуют эти ответы. Политика и общественная атмосфера 1990-х радикально отличается от современной ситуации. Галина Старовойтова (в 1994 г. ее назвали 12% респондентов) была видным политиком, плотно занималась вопросами национальных конфликтов, дважды вносила на рассмотрение законопроект о люстрации, участвовала в спасении пленных военнослужащих во время первой чеченской кампании. Элла Памфилова, которую в 1995 г. назвали 29% опрошенных, также была видным демократическим деятелем 1990-х, но потом потеряла статус независимого политика и фактически ушла из политики, занявшись правозащитной деятельностью. Ни одна из женщин, названных в опросе 2017 г. (Матвиенко, Хакамада, Захарова, Дмитриева), и близко не подбираются к популярности Памфиловой, Старовойтовой и Хакамады 1994 года. Они также не являются самостоятельными политиками, не участвуют в конкурентной политической борьбе, не имеют своей политической программы, они — функционеры от власти (кроме Хакамады, которая давно ушла из политики). Все это характерно и для «мужской» политики: в общественном сознании сейчас нет и не может появиться сильных, харизматичных, независимых политиков-мужчин, способных участвовать в конкурентной политической борьбе. Самой конкурентной борьбы в классическом демократическом понимании в России нет. Напомним, что средняя и низовая бюрократия в России представлена именно женщинами (в органах государственной гражданской службы и муниципальной службы сейчас заняты 42 и 79% женщин соответственно). Женщины также заметно представлены в секторе общественных организаций и движений, занимающихся самыми сложными общественными и гуманитарными проблемами, — это домашнее насилие (центры «АННА»,

Таблица 12

ХОТЕЛИ БЫ ВЫ, ЧТОБЫ В БЛИЖАЙШИЕ 10-15 ЛЕТ ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИИ СТАЛА ЖЕНЩИНА?

	2006 I	2008 II	2012 II	2013 II	2014 II	2016 II	2017 II
Определенно да	21	17	14	16	12	12	11
Скорее да	24	24	31	27	32	22	22
Скорее нет	26	24	25	26	28	29	31
Определенно нет	19	20	17	13	14	20	23
Затрудняюсь ответить	11	16	13	18	14	18	13
Число респондентов	1 600	1 600	800	800	800	800	1 600

«Сестры» и др.), паллиативная помощь (фонд «Справедливая помощь»), помощь военнослужащим (Комитет солдатских матерей России), помощь заключенным и людям, вернувшимся из заключения, «Мемориал» и др. Среди работающих в этой сфере женщин огромное число увлеченных, высококлассных профессионалок, небезразличных к происходящему в стране, сочувствующих чужому горю. Но «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.» не предполагает финансирование женских программ, связанных с политической деятельностью или вовлечением женщин в политику, отмену списка запрещенных для женщин профессий или введение политических квот. Напротив, программа фокусируется исключительно на развитии семейных инициатив, забывая, что у женщин могут быть другие интересы — вне семьи и воспитания детей. Напомним, что более половины наших респонденток говорят о важности получения образования и еще четверть хотели бы «сделать карьеру», профессионально развиваться. Результаты опросов совершенно ясно дают понять, что сдерживающая женщин от профессионального развития сила — это необходимость заботиться о семье и воспитывать детей. Нам кажется важным указать, что государственные программы поддержки женщин, могли бы учитывать интересы женщин на профессиональное развитие.

Заключение

В обществе крепнут установки на планирование рождаемости, создание семьи, формируются установки на использование контрацепции. Этот процесс тесно связан с либеральными изменениями, улучшением социально-экономических показателей, завершением второго демографического перехода. Российские семьи хотят дать своим детям лучшее и откладывают деторождение до момента, когда будут к этому готовы.

При этом, как и в Советском Союзе, в России доминирует гендерный контракт «работающей матери», он отчетливо проявляет себя в опросах общественного мнения. Достижительские ориентации (построение карьеры, получение образования) являются побочными к ориентациям нормативным — создать семью, родить детей. Профессиональная сфера является для женщин вынужденной деятельностью. Эта ситуация не меняется и даже ухудшается на протяжении последних 30 лет, что тормозит экономическое развитие страны, дифференциацию общества, поддерживает дискримина-

ционные практики на рынке труда, ухудшает экономическое положение женщин. Напомним, что уход в длительный декретный отпуск негативно сказывается на заработной плате женщин, а домашний труд и вовсе не оплачивается. Данные опросов общественного мнения также позволяют увидеть косвенные признаки существующих на российском рынке труда дискриминационных практик. Женщины среднего возраста чаще подвергаются дискриминации со стороны работодателей, которые неохотно нанимают женщин с детьми. Женщины старшего возраста страдают от двух типов дискриминации одновременно — гендерной и возрастной. Что касается политической представленности и политического участия, общественные установки существенно ухудшились по сравнению с первыми опросами. К 2017 г. в общественном сознании нет ни одной женской фигуры, способной заниматься политической и управленческой деятельностью. Женщины составляют 54% населения России, они лучше, чем мужчины, образованны и встроены в рынок труда, несмотря на законодательный запрет на 456 профессий. При этом в законодательных органах власти процент женщин ничтожно низок: 17% — в Совете Федерации, 6% — в правительстве и 16% — в Государственной думе.

Список литературы

1. *Бодрова В.В.* Поведение женщин на рынке труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-zhenschin-na-rynke-truda> (дата обращения: 25.01.2019).
2. *Роцин С.Ю., Солнцев С.А.* Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике // WP4/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
3. *Сокольская В.В.* Гендерные стереотипы на рынке труда (на примере монопрофильного города): дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06 / Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2003. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/448/1/urgu0174s.pdf> (дата обращения: 23.01.2019).
4. The Global Gender Gap Report 2017. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2017> (дата обращения: 25.01.2019).

Социальные процессы в современной России

Людмила БОГОМАЗОВА

Конструирование образа экономического кризиса 2014 года в российских онлайн-изданиях: сравнительный анализ

Конец 2014 года был богат на экономические потрясения, которые впоследствии оказали влияние на российскую экономику и привели к событиям «черного вторника» — обвальному падению национальной валюты по отношению к доллару США и евро. В числе трудностей можно выделить снижение мировых цен на нефть, введение антироссийских санкций, а также не состоятельность сырьевой модели экономики в целом¹. Ввиду заметного ухудшения экономической ситуации в стране, которое подтверждается как данными официальной статистики², так и опросами общественного мнения³, упомянутые события в рассматриваемый период оказались в фокусе внимания российских СМИ.

Основной целью данного исследования является выявление того, каким образом конструировалось представление об экономическом кризисе в России с середины 2014 по конец 2016 года в онлайн-изданиях⁴ различной информационно направленной. Важность из-

учения данной темы объясняется способностью СМИ оказывать влияние на формирование общественного мнения в целом и на принятие политических⁵ и экономических решений граждан⁶ в частности. Данное утверждение оказывается особенно актуальным в период экономической нестабильности, который характеризуется повышенным вниманием аудитории к экономическим новостям⁷ из-за недоступности большинству населения альтернативных достоверных источников информации о текущей ситуации в стране. Кроме того, отсутствие у населения опыта столкновения с конкретной проблемой усиливает роль массовых коммуникаций в формировании представления о ней⁸.

Теоретическая основа исследования

В настоящей работе мы будем рассматривать экономический кризис как социальную проблему. Последняя, с точки зрения конструктивистского подхода, понимается как результат коллективного определения⁹. Спектор

¹ The economic and financial crisis in Russia. OSW Report. Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia, 2015. [сайт] URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/raport_crisis_in_russia_net.pdf.

² Реальные располагаемые денежные доходы населения по Российской Федерации // Росстат. 2017. [сайт] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

³ Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Итоги года / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2017.

⁴ Выбор онлайн-изданий объясняется их растущей популярностью среди россиян. Согласно опросу ФОМ, за последние 5 лет доля людей, узнающая новости чаще всего на новостных сайтах, заметно выросла. Источник: Источники информации: мониторинг // ФОМ. 2017. [сайт] URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13323>.

⁵ Lipset S.M. The significance of the 1992 election. PS: Political Science and Politics. 1993. Vol. 26. No. 1. P. 7–16.

⁶ Uhl M.W. And Action: TV sentiment and the US consumer // Applied Economics Letters. 2012. Vol. 19. P. 1029–1034.

⁷ Wu H.D., Stevenson R.L., Chen H., Guner N. The conditioned impact of recession news: A time-series analysis of economic communication in the United States, 1987–1996 // International Journal of Public Opinion Research. 2002. Vol. 14. No. 1. P. 19–36.

⁸ McCombs M., Graber D., Weaver D. Media agenda-setting in the presidential election. NY: Praeger Scientific. 1981.

⁹ Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / Пер. с англ. И. Ясавеева // Контексты современности – 2. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 150–159.

и Китсьюз¹ вводят понятие «утверждения требовательного характера», посредством которых определенные группы выражают недовольство в отношении текущего положения дел, требуя его изменения. Утверждения-требования могут выдвигаться различными способами: протестами и митингами, петициями и обращениями в суд, а также путем привлечения внимания к проблеме на аренах публичного дискурса², одной из которых являются СМИ.

Сравнительный анализ освещения экономического кризиса в российских онлайн-изданиях будет осуществляться путем кодировки данных на основе линейной модели коммуникации, разработанной американским политологом Г. Лассуэллом³. Она включает пять вопросов-компонентов коммуникации, получив ответы на которые можно сформировать представление о том или ином акте коммуникации: 1) кто? (источник информации); 2) что? (содержание сообщения); 3) по какому каналу? (способ донесения сообщения); 4) кому? (целевая аудитория послания); 5) с каким эффектом? (цель сообщения). При этом, ввиду того что последний пункт предполагает взаимодействие с читательской аудиторией, в анализ он включаться не будет.

В работе мы также отталкиваемся от теории установления информационной повестки дня, предложенной М. Маккомбсом и Д. Шоу⁴. Согласно авторам, СМИ не только предоставляют информацию аудитории, но и формируют ее мнения о степени важности тех или иных проблем. Во многом это касается политических новостей, в случае которых СМИ являются одним из основных источников информации⁵. Издания могут замалчивать или выделять определенные темы, устанавливая информационную повестку дня. В дальнейшем М. Маккомбс и его коллега⁶ разрабатывают подход установления повестки дня второго уровня, подразуме-

вающий обращение не к объектам (политикам, событиям, проблемам), а к их атрибутам (чертам, мнению, квалификациям), и анализ влияния тона освещения этих атрибутов на восприятие объектов аудиторией. Следующим этапом развития теории стало возникновение сетевой повестки дня⁷, предполагающей, что СМИ освещают не отдельные сюжеты, а связи событий, благодаря чему формируют у населения определенные ассоциации.

Однако СМИ оказывают влияние на общественное мнение не всегда. В числе прочего ограничивать воздействие массовых коммуникаций может личный опыт в отношении проблемы. Так, СМИ способны участвовать в формировании общественного мнения лишь по определенным вопросам⁸. Теоретики выделяют два вида тем, опыт взаимодействия с которыми у населения различается: «ненавязчивые вопросы» (unobtrusive issues), мнения о которых формируются преимущественно за счет их освещения в СМИ, и «навязчивые вопросы» (obtrusive issues), восприятие которых скорее зависит от личного опыта. Применяя данную классификацию к экономическим процессам, «ненавязчивыми» мы можем считать вопросы макроэкономики (например, ВВП, международная торговля), «навязчивыми» — потребительские цены. Таким образом, при наличии у человека опыта взаимодействия с теми или иными проблемами влияние СМИ на их восприятие снижается. Впрочем, полное разграничение личного опыта и массовой коммуникации представляется трудноосуществимым⁹. Примером может служить проблема безработицы. С одной стороны, она может коснуться каждого, и оценка положения индивида на рынке труда будет определяться преимущественно личным опытом. С другой — восприятие уровня безработицы как макроэкономического показателя будет зависеть от его освещения в СМИ¹⁰.

Говоря о специфике аудитории, которая также может ограничивать влияние СМИ на общественное мнение, следует обратиться к исследованию потребности в ориентации (need

¹ Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем / Пер. с англ. И. Ясавеева // Контексты современности – 2. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 160–163.

² Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / Пер. с англ. И. Ясавеева // Социальная реальность. 2008. № 2. С. 73–94.

³ Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // Communication in society. 2007. No. 24. P. 215–228.

⁴ McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.H. New directions in agenda-setting theory and research // Mass Communication and Society. 2014. Vol. 17.

⁵ Graber D. Mediated Politics and Citizenship in the Twenty-First Century // Annual Review of Psychology. 2004. Vol. 55. No. 1. P. 545–571.

⁶ Kiousis S., McCombs M. Agenda-setting effects and attitude strength: Political figures during the 1996 presidential election // Communication Research. 2004. Vol. 31. No. 1. P. 36–57.

⁷ McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.H. New directions in agenda-setting theory and research // Mass Communication and Society. 2014. Vol. 17. No. 6. P. 781–802.

⁸ McCombs M., Graber D., Weaver D. Media agenda-setting in the presidential election. NY: Praeger Scientific. 1981.

⁹ Winter J. Contingent conditions in the agenda-setting process. In: Wilhoit G., Bock H. de (eds) // Mass Communication Review Yearbook. Beverly Hills, CA: SAGE Publications, Inc. 1981.

¹⁰ Mutz D.C. Impersonal influence: effects of representations of public opinion on political attitudes // Political Behavior. 1992. Vol. 14. No. 2. P. 89–122.

for orientation). Согласно данному подходу, решающим фактором, определяющим способность СМИ формировать взгляды населения, оказывается степень актуальности тех или иных вопросов для аудитории¹. В случае отсутствия интереса населения попытки СМИ привлечь внимание к определенной проблеме окажутся безуспешными. И наоборот, если степень актуальности вопроса и связанной с ним неопределенности высока, значительна также и вероятность обращения аудитории к сообщениям СМИ². В результате роль массовых коммуникаций оказывается более серьезной.

Исследования влияния освещения экономических событий на общественное мнение демонстрируют, что доминирующее нелиберальное повествование и обращение к аудитории, прежде всего как к потребителям, нежели как к жертвам экономического кризиса, приводит к слабой обеспокоенности населения экономическим спадом³. Кроме того, влияние на принятие экономических решений аудиторией может оказывать использование в экономическом дискурсе метафор. Наделение продуктов, марок и хозяйствующих субъектов человеческими свойствами и использование метафор рождения и смерти в их отношении оказывается весьма распространенным явлением в освещении финансовых новостей. Людям, ознакомившимся с описанием экономической деятельности компании в терминах метафоры смерти («умирающая» компания), свойствен выбор наименее рискованных и при этом наименее доходных путей инвестирования⁴.

Особенно заметную роль экономические новости начинают играть в период спада, когда СМИ становятся практически безальтернативным источником информации о событиях и процессах в данной сфере. Именно поэтому освещение экономических вопросов является хорошим предиктором восприятия экономической ситуации населением в кризисный период⁵. Например, новости, содержащие

¹ Valenzuela S., Chernov G. Explicating the values-issue consistency hypothesis through need for orientation // Canadian Journal of Communication. 2016. Vol. 41. No. 1. P. 49–64.

² McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.H. New directions in agenda-setting theory and research // Mass Communication and Society. 2014. Vol. 17. No. 6. P. 781–802.

³ Media coverage of financial crisis may explain why people are not angrier about economy, study finds // News. The University of Sheffield. 2015. [сайт]. URL: <https://www.sheffield.ac.uk/news/nr/speri-newspaper-neoliberal-study-1.534767>.

⁴ Williams A.E. Metaphor, media, and the market // International Journal of Communication. 2013. No. 7. P. 1404–1417.

⁵ Wu H.D., Stevenson R.L., Chen H., Guner N. The conditioned impact of recession news: A time-series analysis of economic communication in

одновременно позитивную и негативную информацию, повышают экономическую неопределенность населения и снижают индекс потребительского доверия⁶.

Впрочем, для СМИ более характерно смещение в сторону негативных новостей. Этому есть несколько причин. Во-первых, аудитории свойственно реагировать именно на негативные тенденции с целью дальнейшего приспособления к изменяющимся условиям⁷. Во-вторых, «негативная асимметрия» в СМИ — результат ориентации на потребности аудитории, жаждущей драмы⁸. Подобные особенности характерны для СМИ разных стран⁹.

Методология и эмпирическая база исследования

В настоящем исследовании мы рассмотрим, каким образом конструировалось представление об экономическом кризисе в России на протяжении двух лет (с августа 2014 по декабрь 2016 года) в онлайн-изданиях различной информационной направленности.

Выбор начальной границы временного интервала объясняется заметным ухудшением экономических показателей (темп роста ВВП, мировые цены на нефть) в 2014 году по сравнению с этим же периодом в предыдущем году. Кроме того, именно во второй половине рассматриваемого года были введены антироссийские санкции как ответная реакция на присоединение Крыма к России. Что касается конечной точки (декабрь 2016 года), ее выбор связан с относительной стабилизацией экономической ситуации в стране, что подтверждается макроэкономическими показателями¹⁰.

В качестве информационной базы исследования была выбрана база данных «Фактива»,

the United States, 1987–1996 // International Journal of Public Opinion Research. 2002. Vol. 14. No. 1. P. 19–36.

⁶ Svensson H.M., Albæk E., van Dalen A., de Vreese C.H. The impact of ambiguous economic news on uncertainty and consumer confidence // European Journal of Communication. 2017. Vol. 32. No. 2. P. 85–99.

⁷ Shoemaker P. Hardwired for News: Using Biological and Cultural Evolution to Explain the Surveillance Function // Journal of Communication. 1996. Vol. 46. No 3. P. 32–47.

⁸ Хиллгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / Пер. с англ. И. Ясавеева // Социальная реальность. 2008. № 2. С. 73–94.

⁹ Ju Y. Issue obtrusiveness and negative bias: exploring the moderating factors for asymmetric news coverage of the economy // Asian Journal of Communication. 2014. Vol. 24. No. 5. P. 441–455; Soroka S.N. Good News and Bad News: Asymmetric Responses to Economic Information // The Journal of Politics. 2006. Vol. 68. No. 2. P. 372–385.

¹⁰ Ereport. Российская экономика. 2016. [сайт] URL: <http://www.ereport.ru/>; Динамика цен на нефть с 2014 года. Досье // Тасс.ру. 2017. [сайт] URL: <http://tass.ru/info/3315320>.

предоставляющая доступ к сообщениям различных видов СМИ (печатных, радио, телевидения, информагентств) и возможность визуализации данных, иллюстрации динамики и структуры упоминаний. Она содержит широкий набор источников, включая сообщения около 33 тысяч зарубежных и российских СМИ.

Для сравнения особенностей освещения экономического кризиса с целью обеспечения разнообразия выборки были выбраны три издания различной информационной направленности: «Известия» (общественно-политическое), «Коммерсантъ» (деловое) и «Комсомольская правда» (массовое). Согласно рейтингу «Медиалогии»¹, в 2018 году они являются наиболее цитируемыми и, соответственно, формирующими информационную повестку дня онлайн-изданиями. Преобладающее число публикаций в выбранных источниках относятся к разделам «Новости» и «Деловые новости» («Известия»), «Бизнес» и «Экономика» («Коммерсантъ»), «Новости» и «Экономика» («Комсомольская правда»).

Поиск публикаций осуществлен по запросам «экономический кризис» / «кризис и экономика» / «рецессия» / «стагнация» / «спад», так как внимание в данном случае обращено к конструированию именно кризиса, а не экономических проблем. Отбор статей основан на следующих критериях:

- соответствие статей выбранному временному интервалу и тематике (речь в публикации идет об экономическом кризисе);
- фокусировка статей на экономической ситуации в России.

Из дальнейшего анализа были исключены статьи, содержащие только эпизодические упоминания экономических трудностей и посвященные иной теме, а также тексты, относящиеся к событиям в других странах (например, Украина) или в другие периоды времени (на-

пример, 1990-е или мировой финансовый кризис 2008 года).

Количество статей, отобранных для анализа особенностей освещения экономического кризиса в данных онлайн-изданиях, представлено в табл. 1.

В рамках данного исследования применен содержательный контент-анализ, включающий подсчет публикаций с упоминанием ключевых слов и тематический анализ. Выбранный метод обусловлен наличием обширного по объему несистематизированного материала по изучаемой тематике и определенной частотой упоминания экономического кризиса в СМИ.

Анализ публикаций осуществлен как с помощью манифестного кодирования², нацеленного на подсчет количества публикаций с упоминанием ключевых слов, так и латентного кодирования, посредством которого можно определить неявные значения и смыслы анализируемых публикаций (например, тональность сообщения).

Единицей анализа выступает публикация в онлайн-издании, посвященная экономическому кризису 2014–2016 годов в России.

Для определения содержания сообщения используется индуктивный контент-анализ, для которого характерно формирование концептов из эмпирических данных.

Освещение экономического кризиса в онлайн-изданиях: общий очерк

По результатам проведенного индуктивного контент-анализа были выделены 13 категорий, характеризующих ключевую тематическую линию (содержание) каждой публикации (табл. 2). Анализ основных вопросов, рассматриваемых в сообщениях СМИ об экономическом кризисе, показал, что наибольшая доля статей вне зависимости от издания (24%) посвящена описанию положения промышленности и бизнеса в условиях неблагоприятной экономической ситуа-

Таблица 1
КОЛИЧЕСТВО ОТОБРАННЫХ ДЛЯ АНАЛИЗА СТАТЕЙ

Издание	Количество публикаций по запросу	Количество отобранных для анализа публикаций
«Известия»	250	86
«Коммерсантъ»	539	124
«Комсомольская правда»	350	75
Всего	1139	285

¹ Топ-10 самых цитируемых газет в соцмедиа. Январь-2018 // Медиалогия. 2018. [сайт] URL: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5830/#gazeti>.

² Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010.

ции. При этом рассмотренные онлайн-издания отдают предпочтение освещению именно российской действительности, нежели последствий кризиса для иностранных компаний в России. В публикациях упоминаются различные сектора экономики: первичный (сельское хозяйство и добыча природного сырья), вторичный (машиностроение, химическая и медицинская промышленность), третичный (гостиничный и ресторанный бизнесы). Второй по популярности темой сообщений СМИ является текущая экономическая ситуация — 17% публикаций посвящены информированию читателей о показателях трудовых и финансовых ресурсов страны, об уровне жизни населения, а также о темпах развития экономики страны, ценах на нефть и курсе иностранных валют. В онлайн-изданиях также активно публикуются материалы, содержащие антикризисные меры и методы стабилизации экономической ситуации в России: около 12% статей посвящены разнообразным путям «лечения» российской экономики.

Что касается тональности сообщений СМИ — благоприятного или враждебного отражения рассматриваемой в публикации темы¹, —

Таблица 2

ТЕМАТИКА ПУБЛИКАЦИЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ (N = 285 статей)

Тематика	Представленность (в %)
Состояние бизнеса и промышленности (автопром, электроэнергетика, розничная торговля, гостиничный бизнес)	24
Текущая экономическая ситуация (описание макроэкономических показателей: объем ВВП, безработица, инфляция и т.д.)	17
Пути выхода страны из кризиса/стабилизации экономической ситуации	12
Экономические прогнозы	10
Потребительское поведение населения	9
Финансовое поведение населения (сбережения, кредиты, вклады)	8
Деятельность финансовых организаций (изменение ставок, кредитование)	4
Антикризисные советы населению	3
Деятельность государства	3
Настроения населения (отношение к кризису, ожидания окончания кризиса)	3
Демографическое поведение населения (брачное и репродуктивное поведение; миграция)	2
Политическое поведение населения	2
Религиозное поведение, благотворительность	1
Другое	2
Всего	100

¹ Гурова Н. Оценка эмоционального тона сообщения: как не обманываться при определении и как кодировать // Ex Libris. 2010. [сайт] URL: <http://exlibris.ru/news/otsenka-emotsionalnogo-tona-soobshheniya-kak-ne-obmanyvatsya-pri-opredelenii-i-kak-kodirovat/>

существенного перекося в сторону негативного тона вне зависимости от издания не наблюдается (табл. 3). Таким образом, вопреки многочисленным исследованиям, подчеркивающим негативный уклон новостей, доля пессимистичных статей относительно экономики не столь велика. Хотя количество негативных статей преобладает, составляя 38%, 35% проанализированных публикаций являются нейтральными, а 27% — позитивными. Вероятно, подобные закономерности могут объясняться попытками групп интересов депроблематизировать ситуацию². Ограниченная независимость российских СМИ³ может способствовать более сильному влиянию отдельных социальных групп на медиадискуссию.

Наиболее частым источником аргументации в анализируемых изданиях является обращение к данным официальной статистики, результатам исследований маркетинговых компаний и организаций (рис. 1). В целом к количественным данным авторы обращаются в 75% статей. Наименее популярным обоснованием приводимых в статьях идей были ссылки на исторические события в России и прошлый

² Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы / Пер. с англ. И. Ясавеева // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во КГУ, 2007. С. 55–114.

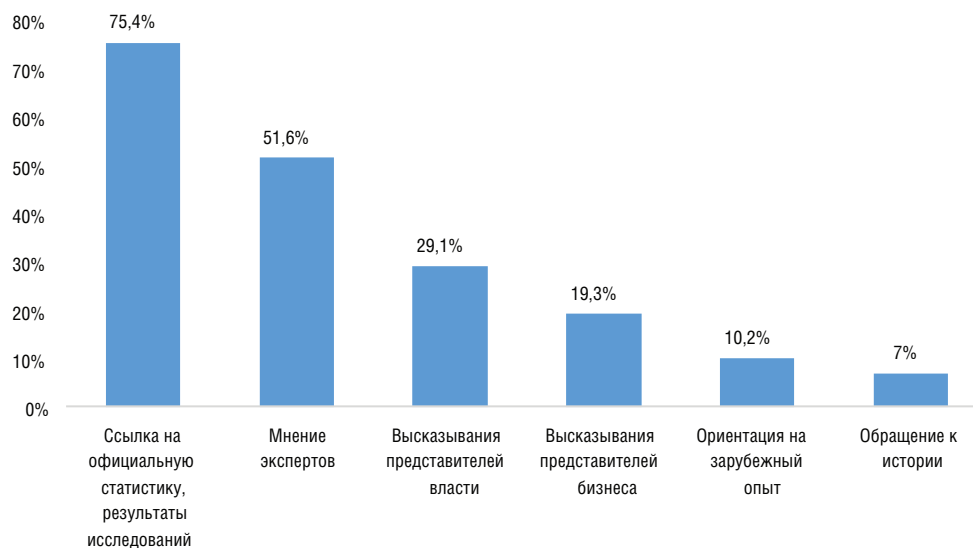
³ Индекс свободы прессы для России с 2002 по 2015 г. [сайт]. URL: <https://rsf.org/en/russia>.

Таблица 3

ТОНАЛЬНОСТЬ ПУБЛИКАЦИЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ (*N = 285 статей*)

Тональность	Представленность (в %)
Негативная	38
Нейтральная	35
Позитивная	27
Итого	100

Рисунок 1

ИСТОЧНИКИ АРГУМЕНТАЦИИ В ПУБЛИКАЦИЯХ (*% статей, содержащих соответствующее обоснование позиции*)

опыт страны (7%). Предположительно это может быть связано с отсутствием экономических потрясений, вызванных схожими причинами: «Сегодняшняя ситуация в экономике, конечно, разительно отличается от той, которая была 16 лет назад» («Известия», 10.10.2014). Кроме того, количественные показатели в статьях по экономической проблематике выглядят более убедительными для аудитории. В условиях, когда новости экономики пользуются невысоким доверием населения¹, выстраивание аргументации оказывается чрезвычайно важным.

Экономический кризис в онлайн-изданиях: сравнительный анализ

Впрочем, экономические новости в прессе было бы некорректно рассматривать как нечто гомогенное. Контент изданий может существенно различаться. Рассмотрев общие черты освещения экономического кризиса, мы обратимся к доминирующим сюжетам экономической дискуссии и ее различиям в зависимости от информационной направленности издания. Обратимся подробнее к наиболее часто встре-

чающимся сюжетам экономической дискуссии в рассматриваемых источниках.

«Известия». Наибольшая доля экономических статей газеты посвящена потребительскому поведению населения и способам стабилизации экономической ситуации в стране, — суммарная доля по обеим темам составляет около 33% (табл. 1 в приложении).

Содержание публикаций в «Известиях» о потребительском поведении претерпевало изменения на протяжении рассматриваемого периода. Для 2014 года были характерны новостные материалы о поддержании текущего уровня потребления россиянами и об отказе от чрезмерной экономии на продуктах питания, что объясняется причислением их к товарам первой необходимости. Иная ситуация сложилась с товарами «невынужденного спроса» (например, БАДы и витамины), а также с услугами индустрии развлечений. Более поздние статьи описывают тенденцию снижения потребительских стандартов и перехода на потребление высококалорийных и потенциально вредных продуктов (чипсы, семечки), а также алкогольных напитков домашнего производства (самогон), вызванных снижением покупательной способ-

¹ Медиапотребление сегодня: пять основных фактов. 2017. Исследование ВЦИОМ. [сайт] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116026>.

ности россиян. Исключением являются наиболее обеспеченные слои населения, не меняющие своих потребительских привычек. Таким образом, если в начале кризиса издание скорее депроблематизировало ситуацию, подчеркивая ее незначительное влияние на повседневную жизнь россиян, то по прошествии времени негативные тенденции в потреблении начали обозначаться более явно.

Падение цен на нефть и ослабление рубля освещаются преимущественно как возможность для осуществления масштабных структурных изменений российской экономики. В отличие от 2008 года, когда также произошло падение цен на нефть¹, текущий кризис позиционируется как серьезный стимул для поиска новых точек роста. Можно выделить несколько «рецептов подъема», которые рассматриваются экспертами «Известий». Во-первых, активно обсуждаются диверсификация экономики и постепенный уход от сырьевой зависимости путем поддержки и повышения инвестиций в малый и средний бизнес с целью импортозамещения и выхода на внешние рынки. Во-вторых, подчеркивается необходимость осуществления институциональных изменений, борьбы с коррупцией и чрезмерной бюрократизированностью экономики. В-третьих, издание уделяет внимание освещению идей «Столыпинского клуба», одной из которых является создание опережающего предложения денег с целью поддержания частного сектора и борьбы с высокими ставками по кредитам для бизнеса. Интересно, что «Известия» фокусируются именно на идеях реформирования экономики, предлагаемых «Столыпинским клубом», не освещая предложения конкурирующих организаций, также разрабатывающих стратегии развития России (например, Комитета гражданских инициатив). Вероятно, это делает транслируемую информацию менее объективной, поскольку представленными оказываются не все значимые точки зрения². Наконец, еще одним путем оздоровления экономики представляется ориентация на зарубежные страны и внедрение «зеленой экономики», подразумевающей формирование экологической инфраструктуры.

Содержание публикаций о финансовом поведении населения также изменяется на протяжении рассматриваемого временного пери-

ода. В 2014 году, согласно «Известиям», растут просроченные задолженности по кредитам физических лиц ввиду ухудшения финансового положения населения, возможных задержек зарплаты или потери основного источника дохода. Однако для 2016 года характерно снижение доли кредитных просрочек благодаря более внимательному рассмотрению заявок на кредит. По этой же причине снизилось количество кредитных мошенников в период кризиса. Если говорить о сберегательном поведении, то, ориентируясь на данные Росстата, издание опубликовало информацию об объемах сбережения граждан и о форме их хранения.

Что касается источников аргументации, несмотря на то что обращение к зарубежному опыту является одним из наименее распространенных способов обоснования сообщений (10%) вне зависимости от издания, именно в «Известиях» он используется чаще других (рис. 1 в приложении). Информация о зарубежных странах используется для его сравнения с российской действительностью и оценки возможности заимствования различных моделей и практик. При этом около половины публикаций в рассматриваемом издании (48%) относятся к нейтральным независимо от их содержания (табл. 2 в приложении).

Таким образом, освещение экономического кризиса в «Известиях» преимущественно основывается на фактологической информации. Помимо статистических данных издание нередко привлекает оценки экспертного сообщества и чаще других рассмотренных изданий анализирует зарубежный опыт преодоления экономических кризисов. Однако стратегии развития России могут освещаться однобоко. Отказ от освещения альтернативных предложений по реформированию экономики заставляет предположить, что объективность освещения может быть недостаточной.

«Коммерсантъ». Для делового издания «Коммерсантъ» характерна фокусировка на состоянии российского бизнеса в период кризиса. Более трети статей в онлайн-газете посвящены описанию трудностей, государственной поддержки и стратегий адаптации различных отраслей российской экономики к меняющейся экономической ситуации (табл. 1 в приложении). Материал публикуется не только в формате новостей с привлечением данных официальной статистики и результатов мониторингов научно-исследовательских центров, но также базируется на интервью с представителями российского малого и среднего бизне-

¹ Динамика цен на нефть с 2014 года. Досье // Тасс.ру. 2017. [сайт] URL: <http://tass.ru/info/3315320>.

² Saloski J. News reporting and professionalism — some constraints on the reporting of the news // Media, Culture and Society. 1989. Vol. 11. P. 207–228.

са: медиа- и лизингового рынка, автомобильного бизнеса и многих других. В отличие от «Известий» примерно половина публикаций «Коммерсанта» имеет негативный тон. Можно предположить, что это типично для статей, посвященных состоянию бизнеса, — именно эта тематика вне зависимости от издания характеризуется наибольшей долей негативных публикаций (26%).

Освещая положение российского бизнеса в условиях нестабильной экономики, «Коммерсантъ» рассматривает такие аспекты деятельности предприятий, как общее состояние той или иной сферы (прибыль и объемы производства), адаптация к кризису (например, снижение цен иностранными автомобильными концернами, поиск новых поставщиков) и построение отношений с клиентами в случае розничной торговли (ориентация на долгосрочное обслуживание, повышение лояльности потребителей). Наибольшее внимание в данном тематическом блоке занимает российское машиностроение. Согласно «Коммерсанту», рынок грузовиков и легковых автомобилей терпит большой спад в период 2014–2015 годов: отсутствие прежнего потребительского спроса и государственного заказа, а также недоступность прежних поставщиков имеют негативные последствия для развития отрасли. В более благоприятном положении оказалась химическая промышленность — экспорт калийных удобрений остается одним из наиболее перспективных.

Информационные сообщения о текущей экономической ситуации, как правило, представляют собой новостной материал со ссылками на официальную статистику, аналитику рейтинговых агентств и мнения экспертов. Внимание уделяется курсу рубля, ценам на нефть, показателям экономического роста и инвестиционному потенциалу страны, а также последствиям кризиса для населения: анализируется объем денежных доходов, покупательная способность, уровень бедности и экономического неравенства.

Наконец, для освещения потребительского поведения населения характерно скорее описание динамики потребления в различные периоды, нежели акцентирование внимания читателей на потреблении различных товарных категорий (продуктов питания, одежды, средств гигиены и т.д.), свойственное и «Известиям». Исключением является анализ спроса на рынке техники и электроники — несколько статей за анализируемый период были посвящены данной сфере розничной торговли.

Специфика аудитории газеты «Коммерсантъ» отчасти определяет характер освещения экономического кризиса. С одной стороны, ориентируясь на достаточно компетентную в области экономики аудиторию, издание уделяет большое внимание аргументации. Бытовые советы или сентиментальные истории про кризис не востребованы, поэтому практически не освещаются. С другой — данное деловое издание может выступать площадкой для выражения идей представителей бизнеса. Участие в обсуждении в СМИ экономических вопросов становится для различных групп способом продвижения собственных интересов, и кризис может выступать легитимной рамкой отраслевого лоббизма. Привлекая внимание к реальным или потенциальным трудностям, представители бизнеса аргументируют необходимость государственной поддержки¹. Отчасти с этим может быть связано большое число пессимистичных публикаций по данной тематике. Впрочем, нельзя недооценивать и влияние негативного опыта предпринимателей.

«Комсомольская правда». Массовая газета «Комсомольская правда» отличается от рассмотренных выше изданий краткостью публикаций. Наибольшая доля статей (32%) посвящена текущей экономической ситуации, когда обсуждают курс доллара и евро, цену нефти, состояние рынка труда и уровень жизни населения (табл. 1 в приложении). Кроме того, «Комсомольская правда» — единственное из представленных изданий, публикующее антикризисные советы населению, рекомендации относительно поведения на рынке труда и финансового поведения в условиях экономической нестабильности. Можно предположить, что подобный материал становится источником повышения финансовой грамотности населения ввиду его нацеленности на объяснение механизмов функционирования экономики. Именно в период кризиса растет уверенность населения в своей финансовой компетентности, что может быть обусловлено повышением внимания СМИ к данной теме².

Следует также отметить чрезмерную актуализацию кризиса в рубриках, на первый взгляд, вовсе не предполагающих освещение экономической ситуации. Примером является раздел «Афиша», в котором встречаются партнерские

¹ Барсукова С.Ю., Коробкова А.Д. Вступление России в ВТО в зеркале российских печатных СМИ // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 4. С. 20–44.

² Кузина О.Е. Финансовая грамотность россиян (динамика и перспективы) // Деньги и кредит. 2012. № 1. С. 68–72.

материалы¹, содержащие рекламу комиссионного магазина, выставок бюджетной бижутерии и т.д. Таким образом, тема кризиса, привлекающая значительное внимание аудитории, становится удобной рамкой для рекламы и продажи определенных товаров и услуг. В подобных публикациях в ненавязчивой форме рекомендуются те или иные компании с указанием на их полезность читателям в период неблагоприятной экономической ситуации.

Что касается способов аргументации, то в отличие от коллег массовая газета в меньшей степени ориентируется на мнения экспертов — лишь 35% публикаций опираются на такие источники (рис. 1 в приложении). При анализе экономической ситуации в России «Комсомольская правда» обращается не только к данным статистики, но и к официальным заявлениям политических деятелей и жизненному опыту людей. Она в большей степени, чем другие рассмотренные издания цитирует должностных лиц и ссылается не на объективные экономические показатели, а на мнения представителей власти. Ссылки в статьях «Комсомольской правды» на обыденный опыт, как правило, делаются на основе интервью с читателями о различных аспектах их жизни в условиях кризиса, например, о поиске работы или об альтернативных источниках заработка.

Вероятно, специфика освещения экономической ситуации в данном издании также отчасти объясняется спецификой аудитории. Ориентируясь на массовую аудиторию, не имеющую глубоких экономических знаний, журналисты упрощают информацию². Поэтому ссылки на авторитетные источники (коими выступают различные публичные фигуры, в том числе представители власти) и личный опыт россиян могут быть более востребованы, чем привлечение статистических данных или оценок экспертного сообщества.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что конструирование образа экономического кризиса в российских онлайн-изданиях различной информационной направленности обусловлено ориентаци-

ей на конкретную аудиторию. Внимание СМИ к определенным экономическим проблемам и аспектам кризиса подчинено читательскому интересу. «Известия», ориентированные на достаточно образованную аудиторию, публикуют больше материалов о различных альтернативах выхода из кризиса и стабилизации экономической ситуации. При этом данное издание не всегда сохраняет объективность и репрезентирует разнообразные мнения. Заняв определенную позицию, «Известия» порой пренебрегают освещением альтернативных взглядов. Для «Коммерсанта» — делового издания, которым интересуются представители бизнеса, аналитики и эксперты, — характерно обращение к таким последствиям кризиса, как изменение положения российской промышленности и частного сектора. В целом публикации в обоих изданиях неискушенным читателям могут показаться обезличенными — большой объем статистической информации и профессиональная лексика непонятны без глубоких экономических знаний, чего не скажешь о сообщениях в «Комсомольской правде». Отличительной чертой массового издания оказались антикризисные советы населению, нацеленные на повышение адаптации читателей к нестабильной экономической ситуации и повышение финансовой грамотности. При этом кризис для данного источника стал возможностью привлечения дополнительных денежных средств за счет публикации партнерских материалов в форме скрытой рекламы актуальных в кризис товаров и услуг.

Можно выделить несколько направлений дальнейшего изучения экономических дискуссий в СМИ. Во-первых, данная работа может стать основой для сравнительного анализа конструирования образа экономического кризиса, порожденного разными причинами (например, 2008 и 2014 годов). Во-вторых, можно обратиться к сравнению освещения кризиса в уже рассмотренных онлайн-изданиях и блогосфере. Предположительно, посты в блогах могут отчасти отражать общественное мнение об экономической ситуации. Неоднозначные оценки сходства или различия повесток дня в разных типах СМИ³ делают последнюю задачу особенно актуальной.

¹ Публикации, написанные в сотрудничестве с рекламодателями или по их заказу с целью извлечения прибыли, при этом не маркируемые как рекламный материал.

² Байтимерова С.И., Богомазова Л.В., Григорьева Е.А., Казун А.Д. Контроль и этика в профессиональной деятельности экономических журналистов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 1. С. 136–160.

³ Belt T.L., Just M.R., Crigler A.N. The 2008 Media Primary: Handicapping the Candidates in Newspapers, on TV, Cable, and the Internet // The International Journal of Press/Politics. 2012. Vol. 17. No. 3. P. 341–369; Shapiro M.A. Hemphill L. Politicians and the Policy Agenda: Does Use of Twitter by the U.S. Congress Direct New York Times Content? // Policy & Internet. 2017. Vol. 9. No. 1. P. 109–132.

Приложение

Таблица 1

ТЕМАТИКА ПУБЛИКАЦИЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ ПО ОНЛАЙН-ИЗДАНИЯМ (*N* = 285 статей)

Тематика	Онлайн-издание (представленность в %)			Итого
	«Известия»	«Коммерсантъ»	«Комсомольская правда»	
Состояние бизнеса и промышленности (автопром, электроэнергетика, розничная торговля, гостиничный бизнес)	14	34	12	24
Текущая экономическая ситуация (описание макроэкономических показателей: объем ВВП, безработица, инфляция и т.д.)	6	14	33	17
Пути выхода страны из кризиса/стабилизации экономической ситуации	16	6	17	12
Экономические прогнозы	11	10	9	10
Потребительское поведение населения	16	11	1	9
Финансовое поведение населения (сбережения, кредиты, вклады)	14	8	1	8
Деятельность финансовых организаций (изменение ставок, кредитование)	7	4	1	4
Антикризисные советы населению	–	–	12	3
Деятельность государства	2	2	7	3
Настроения населения (отношение к кризису, ожидания окончания кризиса)	1	7	–	3
Демографическое поведение населения (брачное и репродуктивное поведение, миграция)	4	1	4	2
Политическое поведение населения	6	2	–	2
Религиозное поведение, благотворительность	2	1	–	1
Другое	1	–	3	2
Всего	100	100	100	100

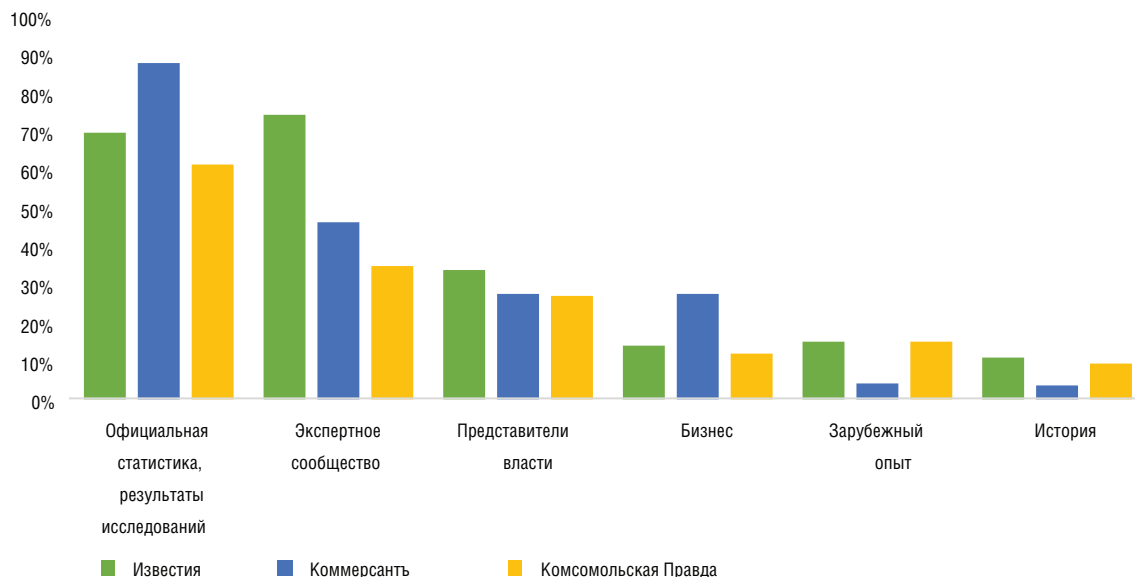
Таблица 2

ТОНАЛЬНОСТЬ ПУБЛИКАЦИЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ ПО ОНЛАЙН-ИЗДАНИЯМ (*N* = 285 статей)

Тональность	Онлайн-издание (представленность в %)			Итого
	«Известия»	«Коммерсантъ»	«Комсомольская правда»	
Негативная	30	47	29	38
Нейтральная	48	26	36	35
Позитивная	22	27	35	27
Итого	100	100	100	100

Рисунок 1

ИСТОЧНИКИ АРГУМЕНТАЦИИ В ПУБЛИКАЦИЯХ РОССИЙСКИХ ОНЛАЙН-ИЗДАНИЙ

Список литературы

1. Байтимерова С.И., Богомазова Л.В., Григорьева Е.А., Казун А.Д. Контроль и этика в профессиональной деятельности экономических журналистов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 1. С. 136–160.
2. Барсукова С.Ю., Коробкова А.Д. Вступление России в ВТО в зеркале российских печатных СМИ // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 4. С. 20–44.
3. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / Пер. с англ. И. Ясавеева // Контексты современности – 2. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 150–159.
4. Источники информации: мониторинг // ФОМ. 2017. [сайт] URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13323>.
5. Гурова Н. Оценка эмоционального тона сообщения: как не обманываться при определении и как кодировать // Ex Libris. 2010. [сайт] URL: <http://exlibris.ru/news/otsenka-emotsionalnogo-tona-soobshheniya-kak-ne-obmanuvatsya-pri-opredelenii-i-kak-kodirovat/>
6. Динамика цен на нефть с 2014 года. Досье // Тасс.ру. 2017. [сайт] URL: <http://tass.ru/info/3315320>.
7. Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс движения утверждений-требований и просторечные ресурсы / Пер. с англ. И. Ясавеева // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во КГУ, 2007. С. 55–114.
8. Индекс свободы прессы для России с 2002 по 2015 г. [сайт]. URL: <https://rsf.org/en/russia>.
9. Кузина О.Е. Финансовая грамотность россиян (динамика и перспективы) // Деньги и кредит. 2012. № 1. С. 68–72.
10. Медиапотребление сегодня: пять основных фактов. 2017. Исследование ВЦИОМ. [сайт] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116026>.
11. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Итоги года / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
12. Реальные располагаемые денежные доходы населения по Российской Федерации // Росстат. 2017. [сайт] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#
13. Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010.
14. Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем / Пер. с англ. И. Ясавеева // Контексты современности – 2. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 160–163.

15. Топ-10 самых цитируемых газет в соц-медиа, январь-2018 // Медиалогия. 2018. [сайт] URL: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5830/#gazeti>.
16. Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / Пер. с англ. И. Ясавеева // Социальная реальность. 2008. № 2. С. 73–94.
17. Belt T.L., Just M.R., Crigler A.N. The 2008 Media Primary: Handicapping the Candidates in Newspapers, on TV, Cable, and the Internet // The International Journal of Press/Politics. 2012. Vol. 17. No. 3. P. 341–369.
18. Ereport. Российская экономика. 2016. [сайт] URL: <http://www.ereport.ru/>
19. Graber D. Mediated Politics and Citizenship in the Twenty-First Century // Annual Review of Psychology. 2004. Vol. 55. No. 1. P. 545–571.
20. Ju Y. Issue obtrusiveness and negative bias: exploring the moderating factors for asymmetric news coverage of the economy // Asian Journal of Communication. 2014. Vol. 24. No. 5. P. 441–455.
21. Kioussis S., McCombs M. Agenda-setting effects and attitude strength: Political figures during the 1996 presidential election // Communication Research. 2004. Vol. 31. No. 1. P. 36–57.
22. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // Communication in society. 2007. No. 24. P. 215–228.
23. Lipset S.M. The significance of the 1992 election. PS: Political Science and Politics. 1993. Vol. 26. No. 1. P. 7–16.
24. McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.H. New directions in agenda-setting theory and research // Mass Communication and Society. 2014. Vol. 17. No. 6. P. 781–802.
25. McCombs M., Graber D., Weaver D. Media agenda-setting in the presidential election. NY: Praeger Scientific. 1981.
26. Media coverage of financial crisis may explain why people are not angrier about economy, study finds // News. The University of Sheffield. 2015. [сайт]. URL: <https://www.sheffield.ac.uk/news/nr/speri-newspaper-neoliberal-study-1.534767>
27. Mutz D.C. Impersonal influence: effects of representations of public opinion on political attitudes // Political Behavior. 1992. Vol. 14. No. 2. P. 89–122.
28. Shapiro M.A., Hemphill L. Politicians and the Policy Agenda: Does Use of Twitter by the U.S. Congress Direct New York Times Content? // Policy & Internet. 2017. Vol. 9. No. 1. P. 109–132.
29. Shoemaker P. Hardwired for News: Using Biological and Cultural Evolution to Explain the Surveillance Function // Journal of Communication. 1996. Vol. 46. No. 3. P. 32–47.
30. Soloski J. News reporting and professionalism – some constraints on the reporting of the news // Media, Culture and Society. 1989. Vol. 11. P. 207–228.
31. Soroka S.N. Good News and Bad News: Asymmetric Responses to Economic Information // The Journal of Politics. 2006. Vol. 68. No. 2. P. 372–385.
32. Svensson H.M., Albæk E., van Dalen A., de Vreese C.H. The impact of ambiguous economic news on uncertainty and consumer confidence // European Journal of Communication. 2017. Vol. 32. No. 2. P. 85–99.
33. The economic and financial crisis in Russia. OSW Report. Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia, 2015. [сайт] URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/raport_crisis_in_russia_net.pdf.
34. Uhl M.W. And Action: TV sentiment and the US consumer // Applied Economics Letters. 2012. Vol. 19. P. 1029–1034.
35. Valenzuela S., Chernov G. Explicating the values-issue consistency hypothesis through need for orientation // Canadian Journal of Communication. 2016. Vol. 41. No. 1. P. 49–64.
36. Williams A.E. Metaphor, media, and the market // International Journal of Communication. 2013. No. 7. P. 1404–1417.
37. Winter J. Contingent conditions in the agenda-setting process. In: Wilhoit G., Bock H. de (eds) // Mass Communication Review Yearbook. Beverly Hills, CA: Sage Publications, Inc. 1981.
38. Wu H.D., Stevenson R.L., Chen H., Guner N. The conditioned impact of recession news: A time-series analysis of economic communication in the United States, 1987–1996 // International Journal of Public Opinion Research. 2002. Vol. 14. No. 1. P. 19–36.

Анастасия КАЗУН
Оксана ДОРОФЕЕВА

Сообщения СМИ и результаты кандидатов на выборах президента РФ — 2018: Для кого всего важнее региональные новости?

Введение

Результаты выборов президента РФ 2018 года не были неожиданными. Предшествовавшие дню голосования опросы демонстрировали существенно более высокую поддержку Владимира Путина по сравнению с другими кандидатами². Вместе с тем даже участники предвыборной гонки, не рассчитывающие на победу, могли вести «борьбу за процент», исход которой зависел от множества факторов. В числе прочего на электоральное поведение людей могли влиять СМИ. Активное освещение в СМИ может создавать для политиков дополнительные преимущества. Помимо повышения известности и узнаваемости средства массовых коммуникаций формируют образ кандидатов, представления об их личностных качествах, которые порой имеют даже большее значение при осуществлении электорального выбора, чем реальная квалификация политика³. Кроме того, именно СМИ могут конструировать связи между кандидатами и вопросами повестки дня⁴, формируя ассоциативное владение повесткой (associative issue ownership) — спонтанную идентификацию участника избирательной кампании

с тем или иным вопросом⁵. В данной работе мы проанализируем особенности освещения кампаний кандидатов на президентских выборах 2018 года в федеральных и региональных российских СМИ. Особое внимание будет уделено оценке влияния новостей в региональной прессе на результаты кандидатов в регионе. Региональный разрез анализа того, какую роль может сыграть освещение в СМИ в результатах кандидатов на выборах, связан с тем, что отечественными исследователями был отмечен новый рост территориального разнообразия в электоральном поведении россиян, регионализация электорального пространства⁶.

Исследовательский интерес к связи числа сообщений о кандидатах в печатных изданиях с результатами президентских выборов в регионе отчасти обусловлен основными положениями теории повестки дня, согласно которым интенсивность освещения того или иного вопроса может оказывать влияние на представления людей об их важности⁷. При проверке данной гипотезы на российских данных была выявлена высокая роль региональных печатных изданий в привлечении внимания к различным событи-

¹ Статья написана в рамках проекта «Неформальные практики организации и проведения избирательных кампаний в современной России» при поддержке Фонда социальных исследований «Хамовники»

² Выборы-2018. Исследование ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. https://wciom.ru/news/ratings/vybory_2018/

³ Aldering L., Vliegenthart R. Political Leaders and the Media. Can We Measure Political Leadership Images in Newspapers Using Computer-Assisted Content Analysis? // *Quality & Quantity*. 2016. No. 50(5). P. 1871–1905; Bean C. The Electoral Influence of Party Leader Images in Australia and New Zealand // *Comparative Political Studies*. 1993. No. 26(1). P. 111–132.

⁴ Guo L., Vargo C. The Power of Message Networks: A Big-Data Analysis of the Network Agenda Setting Model and Issue Ownership // *Mass Communication and Society*. 2015. No. 18(5). P. 557–576.

⁵ Казун А.Д. Кому принадлежит повестка дня? Обзор теории issue ownership // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 109–123; Walgrave S., Lefevere J., Tresch A. The Associative Dimension of Issue Ownership // *Public Opinion Quarterly*. 2012. No. 76(4). P. 771–782; Walgrave S., De Swert K. Where Does Issue Ownership Come From? From the Party or from the Media? Issue-party Identifications in Belgium, 1991–2005 // *Harvard International Journal of Press/Politics*. 2007. No. 12(1). P. 37–67.

⁶ Туровский П.Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2012. № 3. С. 100–120.

⁷ McCombs M., Eyal C., Graber D., Weaver D. Media Agenda-Setting in the Presidential Election. N.Y., 1981; McCombs M., Shaw D. The Agenda-setting Function of Mass-Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. No. 36(3). P. 176–187.

ям¹. Таким образом, более активная дискуссия по тому или иному поводу может воздействовать на общественное мнение и электоральное поведение.

Впрочем, логично предположить, что внимание региональных печатных изданий имеет неодинаковый эффект на результат лидеров и аутсайдеров избирательной гонки. Так, предшествующие исследования демонстрируют, что внимание СМИ к вопросам, ассоциируемым с теми или иными политиками, по-разному влияет на власть и оппозицию. Правящие партии теряют голоса, когда в новостях освещаются проблемы, наиболее компетентной в которых воспринимается оппозиция, но могут существенно не выигрывать от внимания к «собственным» вопросам². Тогда как оппозиция выигрывает от внимания СМИ к ассоциируемым с ней сюжетам, однако не теряет поддержку вследствие активного обсуждения прочих событий. В данной работе мы постараемся ответить на вопрос, кто же, лидеры или аутсайдеры, больше выигрывают от новостей в региональной прессе, публикуемых накануне выборов.

Теоретическо-методологическая основа исследования

Политическое поведение формируется под влиянием множества разнообразных факторов³. В числе прочего следует отметить влияние политической системы страны⁴, манипуляций и фальсификаций при проведении выборов⁵. Кроме того, согласно теории экономического голосования (economic voting), политическое поведение может быть связано с состоянием национальной экономики⁶ и оценкой собственного материального благополучия⁷. Впрочем,

отдельные исследования показывают, что теория экономического голосования ограниченно применима к описанию ситуации в России⁸. Значение также имеет то, с какими вопросами повестки дня ассоциируются кандидаты⁹ и насколько они воспринимаются как способные эти вопросы решить¹⁰.

Вместе с тем и представления об экономической ситуации, по крайней мере на уровне страны в целом, и ассоциации между политиками и наиболее значимыми проблемами, с которыми сталкивается общество, испытывают значительное влияние массовых коммуникаций¹¹. Можно утверждать, что основную информацию о политике люди получают из сообщений СМИ¹². Таким образом, изучая избирательные кампании, логично уделять внимание медиа-образам кандидатов.

В данном исследовании мы рассматриваем освещение кампаний кандидатов на президентских выборах 2018 года в российских СМИ, а также анализируем связь между числом сообщений о кандидатах в региональных печатных изданиях и результатами на выборах, полученными кандидатами в регионах. Первая часть эмпирического раздела исследования посвящена анализу дискуссии о кандидатах в СМИ. Мы используем такие индикаторы, как количество публикаций в федеральной и региональной прессе, в том числе тех, где кандидат выступал в главной роли, и их тон, т.е. долю позитивных и негативных новостей. Цель этого раздела состоит в том, чтобы описать ситуацию в целом, обозначить контекст, в котором будет анализироваться дискуссия в дальнейшем. Данные относительно освещения кампаний кандидатов

¹ Казун А.Д. Откуда берется повестка дня? Роль СМИ в конструировании значимости событий // Вестник общественного мнения. 2017. № 1–2. С. 182–189.

² Thesen G., Green-Pedersen C., Mortensen P.B. Priming, Issue Ownership, and Party Support: The Electoral Gains of an Issue-Friendly Media Agenda // Political Communication. 2017. No. 34(2). P. 282–301.

³ Трегубов Н.А. Факторы голосования: вопросы классификации и анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 119–134.

⁴ Norris P. Electoral Engineering: Voting Rules and Political Behavior. Cambridge University Press, 2004.

⁵ Harvey C.J. Changes in the menu of manipulation: Electoral fraud, ballot stuffing, and voter pressure in the 2011 Russian election // Electoral Studies. 2016. No. 41. P. 105–117.

⁶ Hansford T., Gomez B. Reevaluating the sociotropic economic voting hypothesis // Electoral Studies. 2015. No. 39. P. 15–25; Rogers J. A communitropic theory of economic voting // Electoral Studies. 2014. No. 36. P. 107–116.

⁷ Elinder M., Jordahl H., Poutvaara P. Promises, policies and pocketbook voting // European Economic Review. 2015. No. 75. P. 177–194.

⁸ Туровский П.Ф., Гайворонский Ю.О. Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 3. С. 42–61.

⁹ Tresch A., Lefevre J., Walgrave S. 'Steal me if you can!' The impact of campaign messages on associative issue ownership // Party Politics. 2015. No. 21(2). P. 198–208; Walgrave S., Lefevre J., Tresch A. The Associative Dimension of Issue Ownership // Public Opinion Quarterly. 2012. No. 76(4). P. 771–782.

¹⁰ Stubager R. What is Issue Ownership and How Should We Measure It? // Political Behavior. 2017. No. 40 (2). P. 345–370.

¹¹ Burscher B., van Spanje J., de Vreese C.H. Owning the issues of crime and immigration: The relation between immigration and crime news and anti-immigrant voting in 11 countries // Electoral Studies. 2015. No. 38. P. 59–69; Walgrave S., De Swert K. Where Does Issue Ownership Come From? From the Party or from the Media? Issue-party Identifications in Belgium, 1991–2005 // Harvard International Journal of Press/Politics. 2007. No. 12(1). P. 37–67.

¹² Graber D. Mediated Politics and Citizenship in the Twenty-First Century. Annual Review of Psychology. 2004. No. 55(1). P. 545–571; Norris P., LeDuc L., Niemi R.G. Introduction: Building and Sustaining Democracy // Comparing Democracies. 2010. No. 3. P. 1–21.

в прессе получены из ресурса «Медиалогия»¹, агрегирующего более 40 тысяч русскоязычных СМИ, в том числе 2040 печатных газет, а о числе сообщений двух крупнейших российских телеканалов — из ресурса Factiva, содержащего транскрипты новостных телепередач. В качестве периода, за который будет анализироваться число публикаций, была выбрана самая активная фаза информационной кампании — месяц до выборов, с 18 февраля по 17 марта 2018 года.

Чтобы выяснить, как связаны освещение кампаний кандидатов в региональной прессе и их результаты на президентских выборах 2018 года, использовались линейные регрессии, в которых зависимой переменной выступал результат кандидата на выборах по регионам (в процентах), а независимой — количество публикаций о кандидате в региональных СМИ. Таким образом, наблюдения представляли собой регионы РФ. Независимая переменная была сформирована на основании данных ресурса «Медиалогия», а зависимая — на основании статистики Центральной избирательной комиссии РФ².

В качестве контрольных переменных были взяты валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения на 2015 год и доля городского населения в регионе в 2016 году. Валовый региональный продукт здесь используется для контроля над «экономическим голосованием», т.е. влияния экономической ситуации на электоральное поведение. Возможно, более «благополучные» регионы будут голосовать иначе, например демонстрируя более высокую поддержку власти. Поскольку ВРП значительно варьирует-

ся между регионами в том числе из-за различий в численности населения субъектов РФ, мы берем среднедушевой показатель, чтобы нивелировать эффект размера региона. Доля городского населения используется как контрольная переменная, поскольку предыдущие исследования показывают, что для России характерны различия в электоральном поведении между городом и селом, село более политически лояльно действующей власти³. Контрольные переменные созданы на основе наиболее свежих статистических данных Федеральной службы государственной статистики⁴. Ограниченное число наблюдений не позволяет нам использовать в моделях более широкий спектр контрольных переменных.

Выборы президента 2018 года в российских СМИ

Освещение кандидатов в СМИ: интенсивность, тон и главная роль

В соответствии с теорией повестки дня мы предполагаем, что интенсивность освещения в СМИ программ участников предвыборной гонки может оказывать влияние на то, насколько важной считают электоральную повестку кандидатов россияне, а характер дискуссии формирует образы политиков. В совокупности эти факторы могут оказаться значимыми для электорального поведения.

Вполне согласовывается с этой теорией наблюдение, что действующий на изучаемый период времени президент (и победитель на выборах 2018 года) В. Путин имел явное преимущество в освещении в СМИ — как в прессе, так и на крупнейших телеканалах (см. табл. 1).

Таблица 1

ЧИСЛО СООБЩЕНИЙ О КАНДИДАТАХ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2018 ГОДА

	Результат на выборах	Число сообщений		
		Федеральная пресса	Региональная пресса	Телевидение («Первый канал» и «Россия»)
Бабурин С.	0,65	51	472	71
Грудинин П.	11,77	247	1398	75
Жириновский В.	5,65	161	958	82
Путин В.	76,69	1389	11190	519
Собчак К.	1,68	203	971	76
Сурайкин М.	0,68	58	417	79
Титов Б.	0,76	69	522	82
Явлинский Г.	1,05	102	585	66

¹ Ресурс «Медиалогия». [Электронный ресурс]. <http://www.mlg.ru/>

² Сайт Центральной избирательной комиссии РФ. [Электронный ресурс]. <http://www.cikrf.ru>

³ Туровский Р.Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2012. № 3. С. 100–120.

⁴ Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru

При этом значительная часть сообщений о политике могла быть напрямую не связана с избирательной кампанией, поскольку СМИ освещали действия В. Путина не только как кандидата на выборах, но и в качестве главы государства. Тем не менее даже такие сообщения могли оказывать влияние на течение предвыборной гонки, привлекая большее внимание к деятельности президента и презентуя его как наиболее активного и компетентного кандидата. Остальные участники избирательной кампании оказываются слабо дифференцированы с точки зрения числа новостей на телеканалах, в которых они были упомянуты, их показатели варьируются от 66 (Г. Явлинский) до 82 (В. Жириновский, Б. Титов) сообщений за месяц.

Информация о числе сообщений о кандидатах в федеральной и региональной прессе получена из ресурса «Медиалогия», а о числе сообщений на двух крупнейших российских телеканалов — из ресурса Factiva.

Несколько иначе выглядит ситуация в печатных СМИ. В прессе существенно различается не только число публикаций о В. Путине и об остальных кандидатах — все участники избирательной гонки получают разное количество внимания. В исследовании российского медиаландшафта, проведенном «Левада-Центром» в 2016 году, был сделан вывод, что факт смотрения или несмотрения федеральных телеканалов может определять политические предпочтения россиян¹. Вероятно, расхождения во внимании прессы и телеканалов к участникам предвыборной гонки могут отчасти объяснять этот эффект. Телевидение активно освещает деятельность действующего национального лидера, тогда как остальные кандидаты получают значительно меньшее и практически одинаковое внимание. Это может создавать у телезрителей впечатление, что есть всего один кандидат, поскольку остальные практически отсутствуют в повестке, и близкое число сообщений об участниках предвыборной гонки создает иллюзию отсутствия альтернативы. Фактически телеканалы подчеркивают, что есть действующий президент и все остальные кандидаты, никто из которых не может восприниматься как достойный соперник. В результате более половины россиян не видят альтернативы В. Путину на посту президента РФ², а 15% населения были

готовы проголосовать за кандидата, о котором ничего не слышали, в случае если его поддержит действующий президент³. В прессе В. Путин также является наиболее обсуждаемым кандидатом, внимание к прочим участникам предвыборной гонки варьируется. Это позволяет предположить, что другие политики или, по крайней мере, некоторые из них также имеют в печатных изданиях собственную повестку, а не эпизодически упоминаются в общем списке альтернативных действующему президенту кандидатов.

Вторым по количеству сообщений в печатных СМИ является кандидат от КПРФ П. Грудинин, за ним следуют кандидаты, которые уже были известны россиянам, — депутат и руководитель фракции ЛДПР Государственной думы В. Жириновский и К. Собчак, которая не занимала государственных должностей, но была знакома населению в качестве журналистки и телеведущей. Г. Явлинский, уже участвовавший в президентских выборах ранее, также получил большее освещение, чем кандидаты, которые прежде не боролись за должность президента и не были известны широкой публике, — М. Сурайкин, Б. Титов и С. Бабурин⁴. Мы видим, что за исключением П. Грудинина освещение кампании кандидата в прессе в последний месяц предвыборной гонки в значительной мере совпадает со «статусом» кандидата как медиаперсоны в прошлом, его/ее известностью до начала президентской кампании. Таким образом, возникает эффект Матфея⁵ — уже известные кандидаты получают большее внимание СМИ, еще сильнее упрочняя свои позиции, тогда как новые и незнакомые россиянам участники гонки могут испытывать трудности в борьбе за повестку дня и освещение. Впрочем, это правило не выполняется в случае П. Грудинина, позволяя предположить, что, если кандидату удастся успешно «захватить» повестку и завоевать внимание СМИ, то он может успешно выступить на выборах.

Неравенство кандидатов в президенты в медиапространстве также проявляется в отсутствии у большинства участников гонки собственной повестки в СМИ — они редко фигурируют в публикациях в региональной прессе в главной роли. Так, для четырех кандидатов

³ Президент Семенов. [Электронный ресурс]. Исследование «Левада-Центра». <https://www.levada.ru/2017/09/20/prezident-semenov/>

⁴ Электоральный рейтинг этих кандидатов в декабре 2017 года не достигал 1%. Рейтинг возможных кандидатов в президенты. Пресс-выпуск «Левада-Центра». [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2017/12/13/17249/>

⁵ «...ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:29).

¹ Российский медиаландшафт — 2017. Исследование «Левада-Центра». [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440/>

² Более половины россиян не видят альтернативы Путину. Исследование «Левада-Центра». [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2017/10/10/bolee-poloviny-rossiyan-ne-vidyat-alternativy-putinu/>

из восьми доля новостей, в которых они выступают в качестве ключевых субъектов, не превышает 10% (см. табл. 2). Таким образом, значительная часть участников избирательной кампании упоминаются в сообщениях СМИ преимущественно эпизодически. Исключение здесь составляют В. Путин (41,1%) и П. Грудинин, который даже опережает действующего президента по доле публикаций, где он предстает в главной роли (48,7%). Кроме того, публикации о Грудинине также наиболее оценочные: для этого кандидата очень высока доля как позитивно, так и негативно окрашенных статей. Другие участники предвыборной гонки, публикации о которых зачастую не нейтральны, — это Жириновский и Собчак, а также Титов, в отношении которого было написано сравнительно много негативных статей. В случае Собчак высокая оценочность сообщений СМИ может быть отчасти связана с гендером: несмотря на то что в последнее время в западных исследованиях отмечается снижение гендерных различий в освещении кандидатов на выборах¹, в России ситуация может существенно отличаться. Например, согласно данным «Левада-Центра», число тех, кто хотел бы более активного участия женщин в политике, в последние 10 лет плавно снижается², и большинство россиян против того, чтобы президентом стала женщина³. Вероятно, в этой

связи логично обратиться к более ранним исследованиям особенностей освещения кампаний кандидатов на выборах, согласно которым женщины получают меньше внимания СМИ в целом и характеризуются более негативно, публикации о них чаще фокусируются на внешности и личной жизни и отражают гендерные стереотипы⁴. Хотя Собчак и получает сравнительно много внимания региональной прессы (возможно, за счет высокой известности до начала избирательной кампании), она один из трех кандидатов (вместе с Грудининым и Титовым), у которых доля негативных медиасообщений превышает долю позитивных. Таким образом, российские медиа, освещая избирательную кампанию, могут воспроизводить гендерные установки, характерные для нашего общества. Однако возможно и альтернативное объяснение наблюдаемых тенденций, связанное с личными особенностями К. Собчак, а также спецификой ее предшествующего медиаобраза (вела реалити-шоу «Дом-2», снималась в низкорейтинговых российских комедиях и т.д.). Так или иначе, но преобладание оценочных публикаций может быть важным фактором конструирования общественного мнения, влияющим на электоральное поведение, поскольку негативные публикации сильнее воздействуют на аудиторию, равно как и сообщения, в которых используются яркие обра-

Таблица 2

ПУБЛИКАЦИИ О КАНДИДАТАХ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2018 ГОДА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

	Главная роль	Позитив	Негатив
Бабурин С.	10,4%	3%	1%
Грудинин П.	48,7%	14%	17%
Жириновский В.	22,1%	10%	9%
Путин В.	41,1%	6%	2%
Собчак К.	29,7%	12%	13%
Сурайкин М.	8,2%	3%	1%
Титов Б.	10,2%	4%	11%
Явлинский Г.	9,7%	5%	2%

¹ *Brooks D.J.* He Runs, She Runs: Why Gender Stereotypes Do Not Harm Women Candidates. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2013; *Dolan K.* Gender Stereotypes, Candidate Evaluations, and Voting for Women Candidates: What Really Matters? // *Political Research Quarterly*. 2014. No. 67(1). P. 96–10; *Hayes D., Lawless J.L.* A Non-Gendered Lens? Media, Voters, and Female Candidates in Contemporary Congressional Elections // *Perspectives on Politics*. 2015. No. 13(1). P. 95–118.

² У женщин все меньше шансов на успех в большой политике. Исследование «Левада-Центра». [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2017/11/07/u-zhenshhin-vse-menshe-shansov-na-uspeh-v-bolshoj-politike/>

³ Россияне против женщины-президента. Исследование «Левада-Центра». [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2017/03/03/rossiyane-protiv-zhenshhiny-prezidenta/>

⁴ *Kahn K.F.* Does Being Male Help? An Investigation of Gender and Media Effects in U.S. Senate Races // *Journal of Politics*. 1992. No. 54(2). P. 497–517; *Kahn K.F.* The Political Consequences of Being a Woman: How Stereotypes Influence the Conduct and Consequences of Political Campaigns. New York: Columbia University Press, 1996.

зы (что может быть характерно для оценочных статей)¹.

Из этого следует, что освещение кампаний кандидатов в президенты в СМИ неодинаково: некоторые кандидаты получают большее внимание масс-медиа, чем другие, чаще оказываются в центре новостных сообщений. Несмотря на то что для освещения кандидатов в региональной прессе характерен нейтральный тон (публикаций, имеющих позитивный или негативный тон, немного для всех кандидатов) и в целом большинство статей имеет, вероятно, чисто информационный характер и избегает оценок, некоторые кампании освещались более эмоционально. Все это могло сыграть определенную роль в формировании общественного мнения о кандидатах. Далее мы рассмотрим, как интенсивность дискуссии о кандидатах в региональной прессе влияла на их результаты на выборах.

Освещение кампаний кандидатов региональными СМИ и их результаты на выборах

Рассматривая связь между освещением в региональной прессе и результатом на выборах для кандидатов в президенты в 2018 году, следует отметить, что внимание региональных медиа играет меньшую роль в электоральном поведении, чем можно было бы предположить исходя из теории повестки дня. Число сообщений в региональной прессе за месяц перед выборами значимо не влияет на результаты участников

гонки, которые в этот период были хорошо известны широкой публике и входили во власть (В. Путин, В. Жириновский) (см. табл. 3). Поскольку эти политики имели высокий уровень узнаваемости, число упоминаний в СМИ не имело для них столь заметного эффекта, как если бы кандидатам нужно было «познакомиться» с аудиторией. Кроме того, в их отношении россияне могли иметь уже сформированное мнение, что способствует возникновению эффекта селективного восприятия информации², когда люди обращают большее внимание на сведения, соответствующие их взглядам. Таким образом, СМИ играют меньшую роль в формировании оценок этих кандидатов.

Незначима роль прессы и для Ксении Собчак. Это можно объяснить ее известностью и уже сформировавшимся у россиян образом (правда, не в качестве политика, а как журналистки и телеведущей). Кроме того, поскольку для Собчак ключевым каналом коммуникации с целевой аудиторией являлся Интернет (в том числе «Инстаграм»), освещение в прессе могло не быть значимым для ее кампании. Для кандидатов, набравших минимальное число голосов (С. Бабурин, М. Сурайкин, Б. Титов), освещение в региональных СМИ также не играет особой роли, кандидаты остаются малоизвестными и не получают поддержки населения. Возможно, это связано с тем, что они редко оказываются на главных ролях даже в публикациях, содержащих их упоминания, оказываясь в результате

Таблица 3
РЕГРЕССИОННЫЕ МОДЕЛИ

	Бабурин	Грудинин	Жириновский	Путин	Собчак	Сурайкин	Титов	Явлинский
Число сообщений	0,005' [0,003]	0,053* [0,026]	-0,014 [0,014]	-0,004 [0,005]	0,002 [0,002]	0,004 [0,03]	0,004 [0,004]	0,014* [0,006]
Доля городского населения (%)	0,004* [0,002]	-0,027 [0,042]	0,064** [0,019]	-0,109' [0,060]	0,025** [0,005]	0,003 [0,002]	0,008** [0,003]	0,015** [0,005]
ВРП на душу населения (Ln)	0,001 [0,037]	1,700* [0,885]	0,778* [0,381]	-2,706* [1,195]	0,113 [0,107]	-0,015 [0,044]	0,000 [0,052]	0,009 [0,094]
Константа	0,292 [0,414]	-8,501 [9,663]	-8,132 [4,305]	119,053** [13,489]	-1,752 [1,206]	0,586 [0,501]	0,091 [0,583]	-0,382 [1,059]
R2	0,143	0,098	0,283	0,2	0,35	0,026	0,178	0,238

Примечание. Представлены линейные регрессионные модели, зависимая переменная — результат кандидата на президентских выборах 2018 года в регионе (в процентах). Уровень значимости: **—0,01, *—0,05, '—0,1.

¹ De Vreese C., Boomgaarden H., Semetko H. (In)direct Framing Effects: The Effects of News Media Framing on Public Support for Turkish Membership in the European Union // *Communication Research*. 2011. No. 38 (2). P. 179–205; Goidel R., Langley R. Media Coverage of the Economy and Aggregate Economic Evaluations: Uncovering Evidence of Indirect Media Effects // *Political Research Quarterly*. 1995. No. 48(2). P. 313–328; Williams A. Metaphor, Media, and the Market // *International Journal of Communication*. 2013. No. 7. P. 1404–1417.

² Hall S. Encoding, decoding in the television discourse // *Culture, Media, Language*. London: Hutchinson, 1980. P. 128–138.

на задворках предвыборной повестки. Кроме того, их результаты настолько малы, что их вариативность по регионам крайне низка. Таким образом, сложно анализировать роль СМИ в данном случае.

Вместе с тем освещение в региональных СМИ оказалось значимым предиктором результатов для двух кандидатов — Грудина и Явлинского. Значимость сохраняется при контроле ВРП на душу населения и удельный вес городского населения в регионе. Несмотря на то что Г. Явлинский давно присутствует на российской политической арене, его показатели отличаются от остальных ранее известных россиянам кандидатов — Путина, Жириновского, Собчак. Это может быть связано с тем, что Явлинский уже не занимает заметных государственных должностей. Так, политик являлся руководителем фракции «Яблоко» в Государственной думе (1994–2003) и в Законодательном собрании Санкт-Петербурга (2011–2016). Однако в последние годы Явлинский занимает менее заметное место на политическом ландшафте страны. Не получая значительной поддержки на выборах, он исчезает из повестки после завершения избирательных кампаний, поэтому внимание медиа в предвыборный период оказалось для него значимым, напомнив о кандидате.

Таким образом, для оппозиционных кандидатов, в том числе новых игроков на политической арене, доступ к региональной прессе может стать значимым фактором, влияющим на результаты выборов. Можно предположить, что региональные СМИ более достижимы для альтернативных кандидатов, чем федеральные телеканалы, в значительной степени контролируемые государством. Печатные издания в регионах могут позволить кандидатам, которые не выступают на выборах как «спойлеры», а действительно стремятся приобрести поддержку населения, достичь широкой аудитории. Альтернативой региональным изданиям могут быть социальные медиа — блоги и аккаунты в Интернете. Однако этот канал коммуникации еще не имеет такого широкого охвата и позволяет достичь только определенной аудитории. Впрочем, роль подобных ресурсов со временем увеличивается: все большая часть населения отмечает, что узнает новости преимущественно из интернет-изданий и социальных сетей¹. Следовательно, несмотря на подчеркиваемую

¹ Доверие СМИ и готовность высказывать свое мнение. Исследование «Левада-Центра». [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2016/08/12/14111/>

многими исследованиями ограниченную независимость российских СМИ², отдельные ресурсы все же могут обеспечивать население альтернативной информацией.

Заключение

Анализ дискуссии об участниках президентских выборов 2018 года в российских федеральных и региональных СМИ демонстрирует неравенство кандидатов в медиапространстве. И телевидение, и пресса уделяют существенно большее внимание В. Путину по сравнению с другими участниками гонки. Остальные кандидаты получают практически равное внимание телевидения и более заметно дифференцируются прессой. В целом наиболее активное освещение избирательной кампании кандидата, который также является действующим президентом, закономерно. Проведенные ранее исследования показывают, что партии, находящиеся у власти, имеют большие возможности для того, чтобы начать упоминаться в контексте наиболее актуальных вопросов повестки дня и восприниматься компетентными³. Кроме того, президент не только реагирует на общественную повестку, но и конструирует ее. Постоянное присутствие в информационном пространстве позволяет ему в значительной степени определять основные темы публичной дискуссии⁴. Иными словами, президент не только говорит о том, что важно для людей, но и формирует представления населения о важном. Впрочем, большее внимание СМИ к действующему президенту может быть связано также с той ролью, которую он играет в политике в настоящее время, а не с той, которую планирует играть в будущем. Например, освещая избирательную кампанию в США 2012 года, российские СМИ уделяли большее внимание Б. Обаме, а не его сопернику М. Ромни⁵. Очевидно, что в данном случае интенсивность дис-

² *Fredheim R.* The Loyal Editor Effect: Russian Online Journalism after Independence // *Post-Soviet Affairs*. 2017. No. 33(1). P. 34–48; *Vartanova E.* The Russian Media Model in the Context of Post-Soviet Dynamics // *Comparing Media Systems Beyond the Western World*. New York: Cambridge University Press. 2012. P. 119–142.

³ *De Bruycker I., Walgrave S.* How a New Issue Becomes an Owned Issue. Media Coverage and the Financial Crisis in Belgium (2008–2009) // *International Journal of Public Opinion Research*. 2014. No. 26(1). P. 86–97; *Green J., Jennings W.* The Dynamics of Issue Competence and Vote for Parties in and out of Power: An Analysis of Valence in Britain, 1979–1997 // *European Journal of Political Research*. 2012. No. 51(4). P. 469–503.

⁴ *Cohen J.* Presidential Rhetoric and the Public Agenda // *American Journal of Political Science*. 1995. No. 39(1). P. 87–107.

⁵ *Kazun A.D., Kazun A.A.* Friend Who Was Supposed to Lose: How Donald Trump Was Portrayed in the Russian Media? / NRU Higher School of Economics. Series PS “Political Science”. 2017. No. WP BRP 51/PS/2017.

куссии объясняется не влиянием Б. Обамы на российские СМИ.

Впрочем, проблема неравенства кандидатов в СМИ на выборах президента России в 2018 году существенно более многогранна. Большинство участников предвыборной гонки крайне редко оказываются на главных ролях в новостных сообщениях. Таким образом, многие кандидаты упоминаются в СМИ лишь эпизодически, в списке с другими политиками, что не позволяет им «захватить» заметную часть повестки дня. Различным является и тон дискуссии. Так, наиболее оценочными оказываются публикации в прессе о П. Грудинине и К. Собчак, в отношении которых наиболее часто публиковались как позитивные, так и негативные статьи. Все вышесказанное может формировать общественное мнение и электоральное поведение.

Число упоминаний кандидатов в президенты в региональной прессе оказывает значимое влияние на результаты П. Грудинина и Г. Явлинского. Для кандидатов, которые на протяжении длительного времени находятся во власти (В. Путин и В. Жириновский) или занимают другую публичную позицию (К. Собчак), дискуссия в региональных СМИ оказывается незначимой. Возможно, отчасти это объясняется опорой кандидатов на другие каналы коммуникации, в том числе на федеральные СМИ и Интернет. В случае с кандидатами, набравшими наименьшее число голосов (менее 1%), также не было обнаружено статистически значимого влияния сообщений в региональных газетах на результаты выборов. Отчасти это может объясняться низкой вариативностью голосов за кандидатов в регионах. Кроме того, кандидаты-аутсайдеры могли вести менее активную избирательную кампанию, не приобретая высокой узнаваемости.

Список литературы

1. *Aaldering L., Vliegthart R.* Political Leaders and the Media. Can We Measure Political Leadership Images in Newspapers Using Computer-Assisted Content Analysis? // *Quality & Quantity*. 2016. No. 50(5). P. 1871–1905.
2. *Bean C.* The Electoral Influence of Party Leader Images in Australia and New Zealand // *Comparative Political Studies*. 1993. No. 26(1). P. 111–132.
3. *Brooks D.J.* He Runs, She Runs: Why Gender Stereotypes Do Not Harm Women

- Candidates. Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 2013.
4. *Burscher B., van Spanje J., de Vreese C.H.* Owing the issues of crime and immigration: The relation between immigration and crime news and anti-immigrant voting in 11 countries // *Electoral Studies*. 2015. No. 38. P. 59–69.
5. *Cohen J.* Presidential Rhetoric and the Public Agenda // *American Journal of Political Science*. 1995. No. 39(1). P. 87–107.
6. *De Bruycker I., Walgrave S.* How a New Issue Becomes an Owned Issue. Media Coverage and the Financial Crisis in Belgium (2008–2009) // *International Journal of Public Opinion Research*. 2014. No. 26(1). P. 86–97.
7. *De Vreese C., Boomgaarden H., Semetko H.* (In)direct Framing Effects: The Effects of News Media Framing on Public Support for Turkish Membership in the European Union // *Communication Research*. 2011. No. 38(2). P. 179–205.
8. *Dolan K.* Gender Stereotypes, Candidate Evaluations, and Voting for Women Candidates: What Really Matters? // *Political Research Quarterly*. 2014. No. 67(1). P. 96–10.
9. *Elinder M., Jordahl H., Poutvaara P.* Promises, policies and pocketbook voting // *European Economic Review*. 2015. No. 75. P. 177–194.
10. *Fredheim R.* The Loyal Editor Effect: Russian Online Journalism after Independence // *Post-Soviet Affairs*. 2017. No. 33(1). P. 34–48.
11. *Goidel R., Langley R.* Media Coverage of the Economy and Aggregate Economic Evaluations: Uncovering Evidence of Indirect Media Effects // *Political Research Quarterly*. 1995. No. 48(2). P. 313–328.
12. *Graber D.* Mediated Politics and Citizenship in the Twenty-First Century. *Annual Review of Psychology*. 2004. No. 55(1). P. 545–571.
13. *Green J., Jennings W.* The Dynamics of Issue Competence and Vote for Parties in and out of Power: An Analysis of Valence in Britain, 1979–1997 // *European Journal of Political Research*. 2012. No. 51(4). P. 469–503.
14. *Guo L., Vargo C.* The Power of Message Networks: A Big-Data Analysis of the Network Agenda Setting Model and Issue Ownership // *Mass Communication and Society*. 2015. No. 18(5). P. 557–576.
15. *Hall S.* Encoding, decoding in the television discourse // *Culture, Media, Language*. London: Hutchinson, 1980. P. 128–138.

16. *Hansford T., Gomez B.* Reevaluating the sociotropic economic voting hypothesis // *Electoral Studies*. 2015. No. 39. P. 15–25.
17. *Harvey C.J.* Changes in the menu of manipulation: Electoral fraud, ballot stuffing, and voter pressure in the 2011 Russian election // *Electoral Studies*. 2016. No. 41. P. 105–117.
18. *Hayes D., Lawless J.L.* A Non-Gendered Lens? Media, Voters, and Female Candidates in Contemporary Congressional Elections // *Perspectives on Politics*. 2015. No. 13(1). P. 95–118.
19. *Kahn K.F.* Does Being Male Help? An Investigation of Gender and Media Effects in U.S. Senate Races // *Journal of Politics*. 1992. No. 54(2). P. 497–517.
20. *Kahn K.F.* The Political Consequences of Being a Woman: How Stereotypes Influence the Conduct and Consequences of Political Campaigns. New York: Columbia University Press, 1996.
21. *Kazun A.D., Kazun A.A.* Friend Who Was Supposed to Lose: How Donald Trump Was Portrayed in the Russian Media? / NRU Higher School of Economics. Series PS “Political Science”. 2017. No. WP BRP 51/PS/2017.
22. *McCombs M., Eyal C., Graber D., Weaver D.* Media Agenda-Setting in the Presidential Election. N.Y., 1981.
23. *McCombs M., Shaw D.* The Agenda-setting Function of Mass-Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. No. 36 (3). P. 176–187.
24. *Norris P.* Electoral Engineering: Voting Rules and Political Behavior. Cambridge University Press, 2004.
25. *Norris P., LeDuc L., Niemi R.G.* Introduction: Building and Sustaining Democracy // *Comparing Democracies*. 2010. No. 3. P. 1–21.
26. *Rogers J.* A communitropic theory of economic voting // *Electoral Studies*. 2014. No. 36. P. 107–116.
27. *Stubager R.* What is Issue Ownership and How Should We Measure It? // *Political Behavior*. 2017. No. 40 (2). P. 345–370.
28. *Thesen G., Green-Pedersen C., Mortensen P.B.* Priming, Issue Ownership, and Party Support: The Electoral Gains of an Issue-Friendly Media Agenda // *Political Communication*. 2017. No. 34(2). P. 282–301.
29. *Tresch A., Lefevere J., Walgrave S.* ‘Steal me if you can!’ The impact of campaign messages on associative issue ownership // *Party Politics*. 2015. No. 21(2). P. 198–208.
30. *Vartanova E.* The Russian Media Model in the Context of Post-Soviet Dynamics // *Comparing Media Systems Beyond the Western World*. New York: Cambridge University Press. 2012. P. 119–142.
31. *Walgrave S., De Swert K.* Where Does Issue Ownership Come From? From the Party or from the Media? Issue-party Identifications in Belgium, 1991–2005 // *Harvard International Journal of Press/Politics*. 2007. No. 12(1). P. 37–67.
32. *Walgrave S., Lefevere J., Tresch A.* The Associative Dimension of Issue Ownership // *Public Opinion Quarterly*. 2012. No. 76(4). P. 771–782.
33. *Williams A.* Metaphor, Media, and the Market // *International Journal of Communication*. 2013. No. 7. P. 1404–1417.
34. *Казун А.Д.* Кому принадлежит повестка дня? Обзор теории issue ownership // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 4. С. 109–123.
35. *Казун А.Д.* Откуда берется повестка дня? Роль СМИ в конструировании значимости событий // *Вестник общественного мнения*. 2017. № 1–2. С. 182–189.
36. *Трегубов Н.А.* Факторы голосования: вопросы классификации и анализа // *Политическое исследование*. 2017. № 3. С. 119–134.
37. *Туровский Р.Ф.* Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // *Политика: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2012. № 3. С. 100–120.
38. *Туровский Р.Ф., Гайворонский Ю.О.* Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? // *Политика: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2017. № 3. С. 42–61.

Леонид АШКИНАЗИ
Григорий ГОЛОВИН

Исследование пассивного словарного запаса носителей русского языка посредством Интернета

Постановка задачи и методика

Словарный запас, как пассивный, так и активный, является основой коммуникативных возможностей человека. Он — «отпечаток» общества на человеке, во многих ситуациях именно его мы применяем для опознания социального слоя, к которому принадлежит собеседник, и определения стиля коммуникации. Пассивный словарный запас, то есть слова, смысл которых известен человеку, влияет на возможность общения и определяет возможность приобщения к культуре, например, чтения книг.

Интернет представляет удобную возможность для многих видов социологических исследований. Например, для изучения «следа» общества, то есть текстов и изображений; для изучения структуры общества, то есть отдельных сообществ и связей; наконец, для обычных опросов. Во всех случаях необходимо учитывать особенности Интернета как источника информации — любой способ общения «отбирает» общающихся и влияет на них, поэтому Интернет накладывает отпечаток на обычные сообщества, влияя на состав, содержание и стиль общения. Отличия интернет-аудитории любого опроса от генеральной совокупности не сводятся к половозрастным и региональным, которые вообще с годами уменьшаются. Главное различие возникает из-за взаимодействия психологии респондента и ситуации опроса; это взаимодействие значительно влияет на вероятность ответа. В случаях, когда доля ответивших мала, само количество ответивших не означает репрезентативности — важно, чем именно определяется факт ответа и как это связано с исследуемыми параметрами. Например, на сайте lib.ru (крупнейшая сетевая русскоязычная библиотека) оценки текстам ставит менее 0,1% читателей, хотя для этого нужно совершить всего два клика. На некоторых сайтах совершаются те или иные попытки побуждения к участию в опросах, однако реакция респондента опять же определяется его психологией. Поэтому при со-

циологических опросах через Интернет главное — понять, кто именно отвечает на вопросы, как охарактеризовать эту реальную выборку и как особенности выборки влияют на результат исследования.

Мы исследовали связь пассивного словарного запаса пользователей Интернета (носителей русского языка) с различными их характеристиками. Главное свойство нашей выборки — опрашивались люди, которым интересен их словарный запас. Поэтому демографические, биографические и прочие параметры полученной совокупности ответивших представляют интерес для ответа на вопрос, каким людям интересен их словарный запас, для кого он важен. Данные для исследования получены на сайте www.myvocab.info, где реализован первый адаптивный тест на словарный запас русского языка. Исследование было выполнено в 2015–2017 годах как инициативное, не поддержанное какими-либо грантами или институциями.

Поскольку рекламы сайта мы не вели, выборка фактически состояла из тех, кто почему-то заинтересовался словарным запасом (не важно — своим, чьим-то, теорией и т. д.) и задал любой поисковой системе соответствующий запрос. Далее действовал метод снежного кома — люди делились ссылкой на сайт в социальных сетях и форумах. Так, сами собой отбирались люди, которые были готовы потратить около пяти минут на тест и столько же — на заполнение анкеты. Какое-либо «побуждение к ответу» не применялось, в результате на анкету отвечали 85% прошедших тест; это является признаком высокой заинтересованности, а также означает, что размер анкеты на сайте был выбран правильно. Вопросы анкеты время от времени обновлялись.

Методика теста и его валидация подробно описаны в [Головин, 2015]. Тест основан на общепринятом статистическом подходе [Read, 2000] и строится на предположении, что вероятность знания респондентом слов, использу-

емых в языке (в книгах, телепередачах, речи) одинаково часто, примерно одинакова. Это позволяет делать оценку словарного запаса, проверяя знание небольшого количества специально отобранных тестовых слов, каждое из которых представляет целую группу примерно одинаковой частотности. На первом этапе теста респонденту предъявлялся список из сорока слов разных уровней сложности, от высокочастотных («кошка») до низкочастотных («амбивалентность»). Респондент отмечал слова, которые считал знакомыми (согласно инструкции к тесту, знакомыми нужно было считать слова, хотя бы одному значению которых респондент мог дать определение). По результатам первого этапа делалась оценка словарного запаса респондента. На втором этапе респондент получал новый список из восьмидесяти слов с разбросом частотностей значительно меньшим, чем на первом этапе. Респондент опять отмечал знакомые слова. Затем по результатам обоих этапов делалось уточнение оценки словарного запаса. Таким образом, первый этап давал приблизительную оценку, а второй ее уточнял. Среди восьмидесяти слов второго этапа были четыре ловушки — слова, похожие по звучанию на реальные, но на самом деле не существующие («амбивильность»). Слова-ловушки помогали определить, насколько внимательно респонденты подходили к тесту. При анализе использовались данные респондентов, не сделавших ложных распознаваний. Частотность тестовых слов рассчитывалась с помощью Национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка, электр. ресурс]. Оценка словарного запаса, которая делалась после первого и второго этапов теста, основана на оценке параметров логистической функции знания респондента с последующим ее интегрированием. После теста респонденты отвечали — если они этого хотели — на вопросы анкеты.

Влияние базовых характеристик — возраста, образования и пола — на величину словарного запаса

На предварительном этапе исследования 123 тыс. респондентов ответили на вопрос о поле, возрасте и образовании. При этом были получены следующие результаты (часть их приведена в прежних публикациях авторов [Ашкинази, Головин, 2016; Головин, 2015]).

Во время обучения в школе подросток узнает по десять слов в день. К моменту выпуска из школы подросток в среднем знает 51 тыс.

слов. После выпуска из школы и до достижения среднего возраста человек узнает три новых слова в день. После 55–60 лет (данный возраст примерно совпадает с выходом на пенсию) словарный запас несколько снижается. Заметим, что читающие люди читают и после 45–55 лет, а после выхода на пенсию, возможно, даже больше. Гипотеза — в этом возрасте стабилизируется круг чтения, поэтому пополнение словаря прекращается.

Для определения влияния образования была выделена группа старше 30 лет (65 тыс. респондентов). Оказалось, что в этой группе закончившие среднюю школу респонденты знают в среднем на 2–3 тыс. слов больше, чем не закончившие. Словарный запас у получивших среднее или среднее специальное образование практически не различается и составляет в среднем 75 тыс. слов. Учившиеся в университетах и институтах (но не обязательно закончившие их) знают в среднем 81 тыс. слов. Возможно, дело не только в самом влиянии обучения, но и в том, что стремятся к высшему образованию люди, уже имеющие больший словарный запас. Обладатели ученой степени знают в среднем 86 тыс. слов.

Однако разброс внутри каждой группы с одинаковым образованием значительно больше, чем разница между средними значениями для разных групп. Например, 20% респондентов с незаконченным средним образованием имеют словарный запас, превышающий словарный запас половины респондентов с научной степенью. Возможно, они читают больше и разнообразнее, и это увеличило их словарный запас.

Заметим, что, согласно [Смолякова, 2012], 75% россиян имеют образование не выше среднего, а в нашей выборке таких лишь 20%; высшее образование имеют 23% россиян, у нас же таких 65%; по графе «неоконченное высшее» различие составляет порядок (!) — 1,5% и 15%. По-видимому, интерес к словарному запасу особенно свойственен студентам.

При анализе того, какие зависимости действуют в разных возрастных группах (см. ниже), мы разделяли респондентов на группы 0–12 (дети), 13–18 (подростки), 19–30 (молодые), 31–55 (взрослые) и 56–120 лет (зрелые). По данным [Одинцова, 2011] в «населении» Интернета эти группы составляют соответственно около 10%–10%–45%–30%–5%, в нашем исследовании это 0,5%–9%–58%–25%–8%, то есть интерес к своему словарному запасу просыпается после школы.

Доля женщин среди пользователей Интернета, по разным источникам, составляет порядка 40%, в нашем исследовании — от 50 до 63% в разных возрастных группах. Женщины заметно больше мужчин интересуются своим словарным запасом, но сам пол респондента на словарный запас заметно не влияет. Получившиеся в результате исследования величины пассивного словарного запаса кажутся преувеличенными. Это следствие того, что в тесте все производные слова учитывались отдельно (например, «работа» и «работать» или «город» и «городской»).

Из наших респондентов можно сформировать подвыборку по образованию, наличию книг и чтению, совпадающую со всем населением. Если это проделать, то среднее значение словарного запаса уменьшается на треть — с 68 до 46 тыс. слов. В принципе можно было бы дополнить анкету вопросами, позволяющими сконструировать выборку по обычным правилам, но делать это нет смысла, потому что наиболее существенное отличие, как и указано выше, состоит в интересе к словарному запасу и в готовности тратить время на анкету.

Далее на сайте последовательно размещались короткие (чтобы не предъявлять слишком больших требований к энтузиазму респондентов) анкеты. Полученные результаты состоят из двух «слоев» — данные собственно о выборке (кто эти люди) и данные о влиянии особенностей биографии и образа жизни на словарный запас. Все данные приведены в процентах от полного количества респондентов, отвечавших на конкретный вопрос, и округлены до целых.

Связь факторов биографии и словарного запаса

Читать эту таблицу можно двумя основными способами. Соседние четыре ячейки по вертикали — это распределение ответов на данный вопрос в данной возрастной группе, соседние пять ячеек по горизонтали — эффект возраста в выборе данного ответа на данный вопрос. При этом изменение первого числа в ячейке — это именно влияние на словарный запас, а изменение второго — характеристика наших респондентов. Отметим некоторые эффекты, перечислив их примерно в порядке убывания степени влияния на словарный запас.

Важным фактором, влияющим на величину пассивного словаря, является отношение к чтению в детстве, причем чем моложе респонденты, тем сильнее эффект. Словарный запас подростков, ответивших на вопрос «любили ли

вы в детстве читать?» — «да, предпочитал именно это», на 30% больше запаса тех, кто ответил «нет, были дела интереснее». Для более старших респондентов эффект падает до 20%, все равно оставаясь значительным. Можно предположить, что этот фактор влияет на словарный запас всю жизнь. Само по себе отношение к чтению в детстве сильно зависит от возраста респондентов — чем они моложе, тем меньшая доля их предпочитала чтение другим занятиям. Так, более 66% взрослых респондентов предпочитали чтение, тогда как среди детей и подростков эта доля падает до 33%.

Влияние на словарный запас внепрограммного чтения оказалось предсказуемо — во всех возрастных группах при увеличении такого чтения словарный запас увеличивается (от 23% у детей до 13% у зрелых респондентов). Количество такого чтения сильно зависит от возраста. Подростки чаще всего говорят «1–2 книги в месяц», зрелые чаще всего говорят «1 книга в неделю и более». То есть теперешние подростки стали существенно меньше читать «не по программе». С одной стороны, сказывается экзаменационный прессинг, эффект ЕГЭ. С другой — сейчас благодаря Интернету подросткам доступно гораздо больше развлекательной и познавательной информации. Развлекательная часть не связана со школьной программой, а познавательная бывает и связана, и не связана, но как раз не связанная может быть более привлекательной по чисто психологическим причинам.

Интерес к обучению в школе меняется с возрастом респондентов в нашей выборке. Для детей (≤ 12 лет) он довольно большой: 40% отвечают на вопрос «насколько интересно было вам учиться в школе?» — «скорее интересно», и только 19% — «скорее скучно». При этом словарный запас у тех, которым скучно, несколько больше, чем у тех, которым интересно. Подвыборка детей довольно небольшая (96 человек), чтобы утверждать, что эффект действительно есть, но можно предположить, что более развитым детям скучно в школе, потому что учеба дается слишком легко. У подростков интерес к школе закономерно снижается (так как появляются другие интересы), но потом с возрастом начинает расти. Возможно, рост связан с эффектом «розовых очков», когда человек склонен идеализировать собственное прошлое. Словарный запас у подростков и старше положительно скорелирован с интересом к учебе, но эффект слабый и падает с возрастом — от 10% у подростков до практически нуля у зрелых.

Таблица 1

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ БИОГРАФИИ НА СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС (результаты опроса 18 713 респондентов)

Вопрос	Варианты ответа	Средний словарный запас, слов; доля респондентов, выбравших данный вариант ответа				
		Дети (≤12 лет) 96 респ.	Подростки (13–18 лет) 1761 респ.	Молодые (19–30 лет) 10 672 респ.	Взрослые (30–55 лет) 4697 респ.	Зрелые (≥56 лет) 1487 респ.
Любили ли вы в детстве читать?	да, предпочитал именно это	44 019; 33%	54 271; 33%	71 823; 42%	83 216; 66%	84 543; 69%
	скорее да, чем нет	39 136; 20%	48 743; 31%	65 012; 27%	75 609; 22%	75 313; 22%
	скорее нет, чем да	41 904; 22%	45 217; 26%	58 618; 23%	68 352; 9%	70 891; 7%
	нет, были дела интереснее	27 678; 25%	39 918; 9%	54 210; 8%	65 385; 2%	62 505; 2%
Насколько интересно было вам учиться в школе?	скорее интересно	36 570; 40%	52 360; 28%	69 373; 32%	81 177; 35%	82 603; 48%
	бывало и так, и этак	36 301; 33%	47 639; 54%	63 960; 49%	79 478; 47%	79 708; 39%
	скорее скучно	43 994; 19%	47 824; 17%	63 643; 19%	77 604; 17%	81 733; 12%
	не помню	44 158; 8%	21 180; 1%	52 299; 1%	77 551; 1%	62 892; 1%
Много ли вы читали «не по программе», когда учились в школе (или много ли читаете «не по программе», если учитесь сейчас)?	менее одной книги в месяц	29 969; 30%	43 373; 32%	57 008; 34%	67 325; 21%	76 052; 7%
	одну–две книги в месяц	32 604; 25%	47 674; 39%	63 126; 33%	75 884; 29%	75 577; 27%
	одну книгу в неделю или более	37 592; 28%	50 492; 17%	69 131; 18%	81 105; 39%	85 917; 56%
	не помню	23 712; 17%	37 159; 12%	52 091; 15%	64 669; 11%	71 688; 9%
Много ли книг было в доме, в котором вы выросли?	я помню, что много	39 475; 52%	51 369; 58%	67 930; 69%	81 272; 75%	83 990; 64%
	наверное, да, но точно не скажу	37 838; 21%	47 553; 23%	62 300; 16%	76 879; 12%	77 613; 13%
	кажется, мало	39 694; 16%	43 792; 16%	58 503; 13%	73 849; 12%	76 094; 22%
	не помню	33 686; 11%	35 785; 3%	48 973; 1%	70 733; 1%	63 449; 1%
Как относились те, кто вас растил, к вашему чтению?	сильно поощряли	37 438; 44%	52 310; 31%	69 754; 35%	82 502; 42%	84 110; 44%
	поощряли умеренно	36 888; 24%	48 319; 40%	65 588; 37%	79 718; 34%	79 593; 30%
	нейтрально	43 385; 20%	45 897; 25%	59 306; 24%	72 617; 19%	76 982; 19%
	советовали беречь зрение	40 832; 12%	47 061; 4%	67 081; 4%	82 960; 6%	81 402; 6%
Читали ли вам в детстве на ночь?	всегда или почти всегда	37 225; 33%	50 964; 22%	69 084; 17%	82 258; 15%	84 469; 14%
	довольно часто	37 391; 31%	49 733; 36%	67 312; 38%	81 604; 37%	82 752; 30%
	редко или никогда	42 670; 26%	47 568; 32%	63 412; 34%	77 485; 33%	79 336; 39%
	затрудняюсь ответить	35 196; 9%	44 058; 9%	60 856; 11%	77 556; 14%	80 018; 17%
Часто ли в юности вы разговаривали с родителями «на отвлеченные темы», «вообще о жизни», «о разных сложных ситуациях» и т. п.?	часто, регулярно	34 501; 10%	51 742; 31%	67 359; 27%	81 018; 20%	83 036; 18%
	время от времени, бывало	35 890; 47%	49 174; 45%	66 164; 43%	80 537; 43%	82 592; 47%
	редко или никогда	45 709; 29%	45 055; 18%	64 244; 25%	75 922; 31%	80 415; 31%
	не помню	28 417; 14%	44 172; 7%	61 111; 6%	73 743; 5%	72 420; 4%
Часто ли вы видели в детстве своих родителей с книгой?	иное	18 166; 7%	37 949; 6%	52 275; 3%	65 722; 2%	74 499; 5%
	очень редко	31 751; 27%	45 407; 31%	57 166; 29%	68 746; 17%	76 702; 22%
	время от времени	33 845; 34%	46 980; 41%	60 740; 42%	75 422; 40%	80 549; 30%
	почти ежедневно	32 449; 32%	48 766; 22%	64 580; 26%	77 216; 41%	84 445; 43%

Сопоставляя вопросы, относящиеся к родителям, мы видим стабильную ситуацию — все дома были «книжные», все родители были читателями и поощряли чтение детей. Количество книг в доме, в котором выросли респонденты, влияет на словарный запас существенно, причем влияние с возрастом ослабевает, но остается на всю жизнь: для подростков влияние — 20%, для остальных — 10%. Отношение родителей к чтению детей, то, часто ли респонденты видели своих родителей с книгой, и чтение на ночь также влияют на словарный запас, но слабее — оно способно увеличить словарный запас на 9–15%, 6–12% и 6–8% соответственно.

Ответ на вопрос, часто ли в юности вы разговаривали с родителями «на отвлеченные темы», «вообще о жизни», «о разных сложных ситуациях» и т. п., показывает, что с девочками общаются больше и вообще с ходом времени (то есть для более молодых респондентов) внутрисемейное общение несколько увеличивается. Возможно, это одно из проявлений сдвига социальных связей внутри семьи, который отмечали многие авторы. С другой стороны, на размер словарного запаса такое общение практически не влияет (значительная разница наблюдается только для детей; это, вероятно, артефакт небольшой выборки). Скорее всего, при общении внутри семьи (как и вообще при общении) используется довольно ограниченный лексикон, дающий малый вклад в общий пассивный словарный запас.

Сопоставляя ответы респондентов разных возрастов, можно сделать два общих вывода.

Во-первых, роль чтения падает (см. вопросы «Любили ли вы в детстве читать?», «Много ли вы читали “не по программе”, когда учились в школе?», «Часто ли вы видели в детстве своих родителей с книгой?»); это происходит из-за конкуренции со стороны новых источников информации и видов развлечений. Несмотря на это, чтение по-прежнему поощряется родителями (см. вопросы «Как относились те, кто вас растил, к вашему чтению?», «Читали ли вам в детстве на ночь?»). Во-вторых, с детьми стали больше заниматься и общаться. Сейчас своим детям читают на ночь в два раза больше родителей, чем 25 и более лет назад. Возможно, у родителей появилось больше времени и ресурсов, чтобы тратить их на детей; обсуждение этого многофакторного феномена выходит за рамки данной статьи.

Связь характера культурного потребления и словарного запаса

Таблица построена так же, как предыдущая. Отметим некоторые эффекты.

Отличия наших респондентов по наличию книг в доме существенны: по данным [ВЦИОМ, 2013], не более ста книг имеют дома 63% россиян, а у нас таких лишь 37%; более ста книг имеют дома 37% россиян, у нас же таких 63%; более пятисот книг — 6%, у нас таких 23%. Размер наличной домашней библиотеки увеличивает пассивный словарь монотонно без насыщения, словарь растет во всех группах на 24–27%. Это второй из двух самых сильных факторов влияния.

Таблица 2

ВЛИЯНИЕ ХАРАКТЕРА КУЛЬТУРНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ НА СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС (результаты опроса 13 038 респондентов)

Вопрос	Варианты ответа	Словарный запас, слов; Доля респондентов, выбравших данный вариант ответа				
		Дети (≤12 лет) 176 респ.	Подростки (13–18 лет) 2912 респ.	Молодые (19–30 лет) 7051 респ.	Взрослые (30–55 лет) 2599 респ.	Зрелые (≥56 лет) 300 респ.
Сколько примерно книг у вас в доме? (считайте, что на одной полке в среднем помещается около 40 книг в один ряд)	более 1000	46 200; 6%	52 887; 6%	69 185; 5%	86 410; 11%	86 506; 20%
	от 500 до 1000	31 693; 24%	50 677; 11%	68 330; 11%	82 580; 14%	84 556; 18%
	от 200 до 500	30 560; 16%	46 121; 22%	64 335; 22%	79 357; 24%	81 776; 32%
	от 50 до 200	45 831; 12%	44 394; 33%	59 932; 32%	74 276; 29%	77 612; 22%
	менее 50	56 418; 26%	40 606; 20%	56 184; 25%	68 116; 18%	71 424; 6%
Сколько в среднем книг в месяц вы читываете (бумажных и электронных)?	затрудняюсь ответить	32 794; 16%	39 192; 9%	57 648; 5%	74 746; 4%	83 762; 2%
	больше десяти	47 937; 6%	53 092; 6%	67 822; 2%	85 755; 4%	89 552; 6%
	от пяти до десяти	29 152; 14%	52 475; 13%	68 631; 7%	85 697; 9%	87 476; 13%
	две, три, четыре	36 264; 34%	47 470; 39%	64 308; 38%	80 103; 39%	82 404; 48%
	одну или менее	48 362; 36%	38 479; 35%	58 110; 48%	72 262; 45%	76 901; 29%
затрудняюсь ответить	39 856; 10%	38 658; 7%	53 263; 4%	71 160; 4%	78 755; 5%	

Вопрос	Варианты ответа	Словарный запас, слов; Доля респондентов, выбравших данный вариант ответа				
		Дети (≤12 лет) 176 респ.	Подростки (13–18 лет) 2912 респ.	Молодые (19–30 лет) 7051 респ.	Взрослые (30–55 лет) 2599 респ.	Зрелые (≥56 лет) 300 респ.
		Какие книги вы читаете чаще – бумажные или электронные?	затрудняюсь ответить	23 704; 16%	35 533; 8%	48 886; 5%
	примерно одинаково часто	31 762; 14%	48 775; 23%	63 831; 25%	78 661; 20%	86 036; 18%
	чаще бумажные	32 141; 56%	46 503; 49%	58 926; 37%	73 137; 43%	80 545; 65%
	чаще электронные	39 692; 13%	47 456; 20%	61 395; 33%	76 941; 31%	83 067; 12%
Какую литературу вы читаете чаще — художественную или познавательную (научную, научно-популярную)?	затрудняюсь ответить	22 762; 14%	35 865; 8%	46 594; 6%	64 215; 5%	75 864; 4%
	примерно поровну	35 505; 22%	48 604; 28%	6 3866; 26%	77 911; 29%	84 747; 35%
	чаще познавательную	41 453; 16%	45 115; 13%	57 881; 20%	71 660; 22%	73 893; 19%
	чаще художественную	29 162; 47%	47 093; 51%	61 230; 49%	75 592; 44%	81 799; 42%
Пользуетесь ли вы аудиокнигами?	не использую	28 657; 57%	45 800; 68%	59 411; 69%	74 557; 65%	81 383; 76%
	не слишком часто	37 195; 32%	47 196; 29%	62 427; 27%	75 470; 28%	81 986; 19%
	да, постоянно	31 527; 11%	50 418; 3%	64 217; 4%	74 591; 7%	73 852; 5%
Сколько в среднем часов в день вы пользуетесь телевизором?	от пяти до десяти	66 102; 8%	31 749; 4%	51 660; 2%	69 877; 3%	76 346; 4%
	два, три, четыре	30 715; 24%	40 441; 22%	56 046; 15%	75 071; 24%	80 499; 47%
	один час или менее	28 916; 38%	46 101; 36%	59 728; 32%	76 399; 35%	82 472; 33%
	не смотрю телевизор	56 817; 22%	47 692; 35%	64 217; 50%	79 451; 36%	86 829; 14%
	затрудняюсь ответить	56 700; 8%	45 236; 2%	53 382; 2%	74 288; 2%	71 845; 2%
Сколько в среднем часов в день вы пользуетесь Интернетом (не по работе)?	один час или менее	33 486; 44%	42 461; 9%	61 434; 8%	74 857; 19%	81 290; 24%
	два, три, четыре	40 035; 34%	45 791; 44%	62 757; 51%	78 032; 59%	81 981; 62%
	от пяти до десяти	53 598; 22%	44 668; 47%	59 634; 41%	76 109; 22%	82 618; 14%
Часто ли вы в жизни используете иностранные языки?	не пользуюсь	26 206; 25%	42 223; 10%	53 317; 11%	69 747; 21%	74 819; 25%
	редко	37 767; 32%	45 064; 31%	60 266; 35%	76 989; 33%	82 428; 24%
	время от времени	36 482; 32%	49 302; 41%	63 873; 35%	78 576; 26%	85 059; 24%
	постоянно	30 870; 11%	52 011; 19%	66 249; 19%	80 884; 20%	87 924; 27%

Отличия по чтению: по данным [ФОМ, 2012], менее одной книги в месяц читают 50% россиян, в нашей выборке таких лишь 5%; читают более двух в месяц 10%, у нас таких 95%. Чтение бумажных и электронных книг увеличивает словарь монотонно на 18–20%, причем чтение и размер библиотеки дома влияют на словарь независимо, хотя между собой они, естественно, коррелируют.

Предпочтение чтения бумажных или электронных книг и влияние этого на словарный запас оказалось неожиданным. Распределение преимущественного способа чтения по группам респондентов таково — бумажные книги читают чаще электронных в среднем возрасте 40%, а среди подростков и зрелых — 50–65%. По-видимому, для подростков более существенно школьное чтение, а оно в значительной мере бумажное; для самых старших существенна традиционность.

Неожиданным оказалось влияние предпочтительной технологии чтения на словарный запас. Это влияние оказалось качественно одинаковым во всех возрастных группах, причем наименьший словарный запас оказался у респондентов, которые на вопрос о предпочтении затруднились в ответе, то есть у тех, кто не рефлектирует и не придает чтению значения. Среди остальных наибольший словарный запас оказался у тех, кто читает примерно одинаково часто те и те. Скорее всего, это связано с более разносторонними интересами тех, кто пользуется разными носителями (например, художественные книги покупает бумажные, а литературу по работе скачивает).

Предпочтение художественной или познавательной (научной, научно-популярной) литературы не зависит от возраста, а с точки зрения влияния на словарный запас картина оказалась похожей на предыдущий пункт. Влияние каче-

ственно одинаково во всех возрастных группах, и наименьший словарный запас оказался у тех, кто на вопрос о предпочтении затруднился в ответе. Среди остальных наибольший словарный запас у тех, кто читает примерно поровну те и те. Скорее всего, это опять же связано с более разносторонними интересами тех, кто читает разнообразную литературу.

Рассмотрим пользование телевизором и его влияние. По данным [ФОМ, 2014], не смотрят телевизор вообще 2% россиян, у нас же респондентов, заявивших об этом, оказалось в двадцать раз больше (!) — 43%; смотрят до часа в день 18%, а у нас таких 31%; смотрят 1–3 часа в день 45%, у нас же таких 12%; более трех часов в день 34%, а у нас таких 14%.

Телевизор уменьшает словарь монотонно без насыщения, причем словарь взрослых уменьшается на 10%, молодых — на 17%, подростков — на 26%, растущий организм более подвержен влияниям. Библиотека дома отчасти защищает от влияния телевизора на словарь — при библиотеке 200–500 и более книг уменьшение словаря при увеличении времени пользования телевизором пропадает. Гипотеза — владельцы библиотек смотрят другие передачи. Однако чтение само по себе, как ни странно, не защищает от влияния телевизора на словарь. По-видимому, библиотека дома — это традиция чтения и чтение в детстве, начитанность, а чтение само по себе при заметном пользовании телевизором — это чтение, которое не добавляет словарь и которое иногда называют «жвачка для глаз».

Что касается словарного запаса, пользователи телевидения во всех возрастных группах образовали два кластера — те, кто смотрит музыкальные, спортивные, юмористические передачи, и те, кто смотрит информационные, художественные и познавательные. Внутри кластера различия в словаре составили 2–5%, между кластерами — 10–20% (большое число относится к младшим, более подверженным влиянию возрастам).

Отличия по пользованию Интернетом: из сопоставления с данными [Бродовская, 2013] видно, что активных пользователей Интернета в нашей выборке существенно больше — пользующихся в среднем два часа в день и более среди россиян около 38%, а в нашей выборке их 84–88%, причем почти одинаково во всех возрастных группах. Пользование Интернетом на словарный запас влияет слабо.

Частота использования иностранного языка заметно коррелирует со словарным запасом,

активное пользование соответствует увеличению словарного запаса на 25% для подростков и молодых и на 15% для взрослых и зрелых. Отметим, что вообще молодежь чаще пользуется иностранным языком. Только 10% подростков не пользуются языком вообще, тогда как для зрелых это 25%. При этом постоянно используют язык 27% зрелых, тогда как у подростков это число — 18%, то есть зрелые используют иностранный язык чаще по необходимости, но тогда уж постоянно — скорее всего в связи с работой. У пользующихся иностранным языком словарный запас в среднем больше, чем у не пользующихся, а само увеличение зависит от типа использования. Эффект различен в разных возрастных группах и зависит от частоты использования, но в среднем можно считать, что у использующих иностранный язык для общения или слушания радио, ТВ словарный запас больше на 5%, для общения и слушания или чтения — на 10%, для чтения в сочетании со слушанием и/или общением — на 15%.

Роль образования

Поскольку влияние уровня образования самого респондента на словарь в целом существенно, мы ожидали заметного влияния уровня и типа образования самого респондента и его родителей, связь уровней и типов образования родителей и детей. Однако тип высшего образования самого респондента на словарь влияет слабо, гуманитарное, математическое и техническое почти равноценны с точки зрения влияния на словарный запас. Естественно-научное коррелирует с большим на 5–10% словарным запасом, но для высшего незаконченного эффект сильнее, чем для высшего. Так что это, возможно, влияние не самого образования, а корреляция круга интересов с выбором типа образования. Соответственно, и влияние типа образования родителей на словарный запас детей не превосходит 5–10%, причем больший словарный запас соответствует, что ожидаемо, ситуации, когда у родителей разный тип образования.

Ассортативность по образованию, то есть совпадение уровней образования родителей при ответе на вопрос, «какой уровень образования был у тех, кто вас растил и воспитывал?», характеризуется следующими цифрами. Для среднего и среднего специального образования — 85–95%, для высшего образования — 70–77%, для ученой степени — 24–29%. Это скорее всего проявление того, что человеку с ученой степенью труднее найти себе партнера

с ученой степенью. При несовпадении уровней максимум, естественно, приходится на пары с «соседними» уровнями.

Наивысший уровень образования родителей влияет на уровень образования детей, но не сильно («образовательный лифт» работает). Так, если наивысший уровень образования родителей — среднее и среднее специальное, то доли детей, ответивших, что их образование среднее и среднее специальное—высшее—ученая степень, составляют 32%—31%—2%, а если наивысший уровень образования родителей — высшее, то, соответственно, 22%—35%—2%, то есть уменьшается доля с меньшим уровнем образования. Если же наивысший уровень образования родителей — ученая степень, то у детей 17%—28%—18%, то есть опять уменьшается доля с обоими меньшими уровнями.

С наследованием типа высшего образования дело обстоит так. Лучше всех передают по наследству свой тип образования гуманитарии — если среди родителей был гуманитарий, 56% детей пойдут «по той же дорожке» (18% — в технари, 7% — в естественники, 5% — в математики). На втором месте по живучести — технари: если среди родителей был технар, «по той же дорожке» пойдут 35% детей (34% — в гуманитарии, 9% — в естественники, опять же 5% — в математики). Еще хуже дела у естественников — по тому же естественному пути пойдут 25% детей (29% — в гуманитарии, 18% — в технари, 8% — в математики). Наконец, если среди родителей был математик, то в математики подадутся лишь 20% (37% — в гуманитарии, 11% — в технари, 10% — в естественники).

Уровень образования двух родителей влияет очевидно — чем он выше, тем больше словарный запас детей. Эффект от «два средних образования» до «две степени» составляет 10—15%, для подростков — даже 25%. Причем в среднем половина эффекта достигается при одном высшем образовании, а вторую половину приносит второе высшее, даже неоконченное; дальнейшее повышение малоэффективно. Естественно, заметнее действует сочетание образования родителей и респондента. Эффект от «два средних образования» до «две степени» составляет 30% для молодых и 20% для взрослых. Возможно, максимальное значение могло бы быть достигнуто при трех высших образованиях в трех разных областях.

Выводы

Можно заключить, что словарный запас наиболее интересен активным пользователям

Интернета с высшим образованием и студентам, имеющим относительно много книг дома, много читающим, не пользующимся или мало пользующимся телевизором. Большинство из них помнят, что в отчем доме было много книг, чтение поощрялось, им читали, они любили читать, учиться в школе было интересно.

Сильнее всего коррелируют с пассивным словарем:

- возраст;
- наличие библиотеки дома, любовь к чтению в детстве, высшее образование родителей и респондента (эффекты до 30%);
- активное использование иностранного языка (эффект до 25%);
- образование респондента, библиотека в отчем доме, чтение вообще и чтение не по школьной программе (эффекты до 20%);
- уровень образования родителей (10—15%, для подростков — 25%);
- пользование телевизором вообще и телевизионные вкусы (эффекты до 15%);
- вкусы и технология чтения (бумага или экран) и пример родителей (эффекты до 10%).

Можно ли на основании этих данных сделать вывод, как влиять на словарный запас свой или своих детей и/или учеников? Среди перечисленных параметров есть те, которыми мы управлять не можем. Но есть параметры, которыми мы можем управлять, некоторыми для себя, некоторыми для своих детей и/или учеников. Причем в каких-то случаях функциональная зависимость представляется очевидной — это группа факторов, связанных с библиотекой и чтением. В некоторых она считается общеизвестной — это роль образования. В иных случаях, хотя корреляция есть, прямая функциональная зависимость не исключена, но маловероятна (телевизионные вкусы, пользование иностранным языком).

Замечание о роли чтения и словаря в социуме

Роль словаря в социальном взаимодействии общеизвестна. Связь размера домашних библиотек и словаря, которой следовало ожидать и которая подтвердилась, указывает на роль библиотек в социальном взаимодействии. Действительно, в течение многих десятилетий чтение служило в определенном социальном слое методом опознания, определения принадлежности к группе. Даже само применение этого метода уже само по себе кое-что значило — оказавшись в новом доме, «нормальный человек» при удобном случае шел к книжным полкам, и «все становилось ясно». Впрочем, на

полках держали не все, и это тоже говорило и о режиме, и об обществе, и о конкретном человеке, и о круге посетителей. Сам по себе размер домашней библиотеки был важным признаком. Это было показано в серии работ Б.В. Дубина [Дубин, 2017].

В новое, условно говоря, интернетное время многое изменилось. Собрать библиотеку стало много проще, некоторые сетевые библиотеки имеют кнопку «скачать библиотеку целиком». Однако зачем это делать, если можно в любой момент скачать, просмотреть, прочесть. Разумеется, блокировки, угрозы отключения и прочее вносят свою специфику, но можно сказать, что размер домашней библиотеки стал слабее выполнять функцию маркера. Возможно, еще и потому, что книжные полки были очевидны, а содержание HDD/SSD — для законопослушного гостя — нет.

Возникает естественный вопрос: что может прийти ему на смену, что идет и что придет? Один вариант — возрастает важность другого механизма распознавания, а именно по словарю; заметим, что при контакте сопоставляется активный словарь одного с пассивным другого. Этот механизм хорош тем, что применялся всегда, опробован и доказал эффективность. Второе его преимущество — преемственность: как показано выше, словарь связан с традиционными элементами культуры — размером библиотеки, отношением к чтению, образованием.

Другой вариант — возрастает важность еще одного механизма, а именно цитирования. В давние времена по одной фразе из Булгакова или братьев Стругацких люди узнавали друг друга. Этот механизм в некотором смысле даже более «строг», чем просто число полок с книгами, он измеряет активное освоение литературы, ее употребление на практике. Оба механизма работают и в Интернете, хотя ситуация изменилась. Кроме того, кажется, что роль этого механизма опознания в интернетное время уменьшилась из-за увеличения разнообразия доступных источников. Все это еще должно быть изучено, но видно, что методы опознания есть и социальная проблема лишь в том, чтобы у данных методов были пользователи.

Впрочем, само наличие метода тоже консолидирует и охраняет.

Один из авторов (Л.А.) благодарен Б.В. Дубину и М.Л. Гайнер за возможность поучиться у них отношению к книге и слову.

Список литературы

1. *Read J.* Assessing Vocabulary. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
2. *Ашкинази Л.А., Головин Г.В.* Исследование пассивного словаря посредством Интернета // V Всероссийский социологический конгресс. Москва, Россия, 2016.
3. *Бродовская Е.В., О.Е. Ш.* Российские пользователи и непользователи: соотношение и основные особенности // Мониторинг общественного мнения экономические и социальные перемены. 2013. Т. 115. № 3. С. 5–15.
4. ВЦИОМ. Россияне стали читать больше [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1138> (дата обращения: 07.12.2018).
5. *Головин Г.В.* Измерение пассивного словарного запаса русского языка // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3(115). С. 148–159.
6. *Дубин Б.В.* Книга, чтение, библиотека. Тенденции недавних лет и проблемы нынешнего дня // Очерки по социологии культуры. Избранное. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 158–186.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru/> (дата обращения: 07.12.2018).
8. *Одинцова А.М.* Информационная безопасность подрастающего поколения [Электронный ресурс]. URL: <http://pedsovet.su/load/247-1-0-12387> (дата обращения: 03.12.2018).
9. *Смольякова Т.* Я начальник, а кто ты? [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/12/11/laikam.html> (дата обращения: 03.12.2018).
10. ФОМ. О чтении. Еженедельный опрос «ФОМнибус» [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/posts/download/10951> (дата обращения: 03.12.2018).
11. ФОМ. Время у телевизора. Еженедельный опрос «ФОМнибус» [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/posts/download/11535> (дата обращения: 03.12.2018).

Евгения ЛЁЗИНА

Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы

В 2018 году исполнилось 70 лет одному из самых значимых политических и юридических начинаний XX столетия, которое навсегда изменило и международную политику, и юриспруденцию: программе денацификации, проводившейся союзниками по антигитлеровской коалиции в последние месяцы войны и в первые годы после ее окончания.

Эта программа стала первым значительным опытом демократизации бывшей диктатуры. Она включала устранение нацистской идеологии и символики из общественной жизни, демонтаж основных нацистских институтов — партии, полиции, судебных органов, общественных организаций, привлечение к уголовной ответственности бывших руководителей Третьего рейха, а также удаление из госадминистрации, гражданской службы, экономических структур бывших нацистских лидеров, активистов и пособников.

Так случилось, что конкретные меры программы денацификации не слишком хорошо известны в России. Как правило, она ассоциируется с судебными разбирательствами в рамках Нюрнбергского процесса. Хотя Международный военный трибунал в Нюрнберге действительно стал главным символом переходного правосудия в послевоенной Германии, именно массовая программа денацификации кадров, уникальная по структуре и масштабу, стала предшественницей всех подобных мер, реализованных впоследствии в разных частях мира.

Начало демократической послевоенной трансформации Западной Германии было положено союзниками по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Именно союзники сформулировали в августе 1945 года в Потсдамском соглашении и реализовали впоследствии принципы, вошедшие в историю как политика четырех «Д»: демилитаризация, денацификация, демократизация и декартелизация.

Ниже приводится обзор основных денацификационных мер, осуществленных в западных оккупационных зонах. Среди них можно выделить три приоритетных направления: очищение государственной службы и бизнеса от нацистских служащих, автоматические аресты и интернирование наиболее активных нацистов, а также привлечение к уголовной ответственности руководства Третьего рейха.

Оговоримся, что, хотя приблизительно те же механизмы были реализованы и в советской оккупационной зоне, анализ советской денацификационной программы останется за рамками данного исследования (за исключением тех моментов, где принятые в советской зоне меры прямо пересекались с решениями западных союзников и где возможны сравнительные данные). Прежде всего это связано с тем, что цели, которые ставились советской администрацией на подконтрольной ей территории, в основном отличались от целей, которые ставились союзниками в западных зонах. Демонтаж прежней системы в первую очередь должен был способствовать советиза-

ции восточной части Германии, максимально быстрой и всеобъемлющей перестройке всех сфер общественной жизни в ней по советскому образцу¹.

Поскольку главная инициатива в разработке денацификационных мер принадлежала американцам, мы подробнее остановимся на рассмотрении механизмов, выработанных именно американской стороной и применявшихся с некоторыми вариациями также в британской и французской зонах².

Еще в 1942 году Управление стратегических служб США (УСС)³ привлекло к подготовке мер по денацификации немецких ученых, вынужденных эмигрировать из Третьего рейха после прихода нацистов к власти. В Центрально-европейской секции УСС, в частности, работали выходцы из знаменитой Франкфуртской школы⁴: политолог, социолог и юрист Франц Нойманн, автор опубликованного в 1942 году фундаментального исследования о Третьем рейхе «Бегемот: структура и практика национал-социализма», политолог Отто Кирххаймер и философ Герберт Маркузе. Именно эти немецкие интеллектуалы-эмигранты создали широкомасштабную программу демократизации Германии. В частности, группа Нойманна — Маркузе составила скрупулезные «черные списки» активных нацистов, которых предстояло отстранить от руководящих постов после капитуляции нацистского рейха, а также «белые» списки возможных замен, включавших тех лиц, чей «характер, профессиональная репутация, опыт и политическая надежность делали их особенно подходящими для замещения ответственных должностей»⁵. Кроме того, были подготовлены списки из 220–250 тысяч должностей, обладатели которых подлежали автоматическому аресту и последующему интернированию в целях обеспечения общественной безопасности⁶.

¹ Подробнее о советизации Восточной Германии и других стран Центральной и Восточной Европы см.: *Петров Н.В.* По сценарию Сталина. Роль органов НКВД — МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. М.: РОССПЭН, 2011. С. 16–162.

² Политике денацификации посвящена обширная литература. В частности, книга историка Перри Биддискомба подробно рассматривает денацификацию во всех четырех оккупационных зонах. См.: *Biddiscombe P.* The Denazification of Germany 1945–48. The History Press Ltd., 2006.

³ УСС было создано в 1942 году, а в 1945-м оно было преобразовано в Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США.

⁴ Имеется в виду действовавший при Франкфуртском университете Институт социальных исследований (Institut für Sozialforschung), почти в полном составе эмигрировавший в США после 1933 года.

⁵ Цит. по: *Biddiscombe P.* Op. cit. P. 23–24.

⁶ Op. cit.

Помимо очищения государственной администрации, политической сферы, судебной системы, системы образования, армии, полиции и других структур от активных сторонников нацизма программа денацификации, по замыслу ее разработчиков, должна была подорвать экономическую базу нацистского режима: от руководства стратегическими предприятиями устранились те, кто содействовал его укреплению и поддержанию. Как объяснял Герберт Маркузе, «для того, чтобы денацификация была эффективной, должно произойти нечто большее, чем чистка персонала и отмена нацистского законодательства <...> — должен был быть нанесен удар в корень немецкого фашизма через искоренение экономических основ антидемократической политики немецкой крупной промышленности»⁷. В результате сотрудниками Центрально-европейской секции УСС были подготовлены списки из 1800 руководителей бизнеса и промышленности, которых тоже предстояло арестовать и привлечь к уголовной ответственности за их соучастие в преступлениях Третьего рейха. Выработанные экспертами УСС меры легли в основу нормативных документов — законодательных актов, директив и инструкций, — изданных и реализованных впоследствии американским военным командованием⁸.

Ликвидация нацистских структур и удаление нацистов и милитаристов с государственных должностей и ответственных постов в наиболее важных частных предприятиях

Отстранение бывших членов национал-социалистической партии (НСДАП) и ее аффилированных структур с официальных государственных постов и влиятельных должностей в коммерческих структурах было призвано способствовать изменению немецкого общества и препятствовать возрождению нацистской идеологии и институтов в будущем.

Американцы приступили к денацификации, как только их войска заняли первые населенные пункты на территории Германии осенью 1944 года. Специально созданные для этой цели подразделения начали проверки местных чиновников и госслужащих на предмет их причастности к нацистским структурам. Проверки проводились с помощью объемных анкет (Fragebogen),

⁷ Op. cit.

⁸ Подробнее об участии УСС в подготовке денацификации см.: *Laudani R.* (ed.) Secret Reports on Nazi Germany: The Frankfurt School Contribution to the War Effort. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2013.

также разработанных Центрально-европейской секцией УСС и состоявших из 131 вопроса, касавшегося трудовой деятельности, партийной аффилиации, политической активности, членства в организациях и других биографических аспектов. Представленная в анкетах информация впоследствии перепроверялась с помощью архивных, контрразведывательных и иных доступных данных. На основе этих сведений сотрудники спецподразделений принимали решения о санкциях в отношении должностных лиц, относя их к одной из пяти категорий: 1) обязательное удаление; 2) дискреционное удаление, неблагоприятные рекомендации; 3) дискреционное удаление, отсутствие неблагоприятных рекомендаций; 4) отсутствие доказательств нацистской деятельности; 5) наличие доказательств антинацистской деятельности¹.

Секретная директива 1067, изданная Объединенным комитетом начальников штабов (*Joint Chiefs of Staff, JCS*) вооруженных сил США в апреле 1945 года, уточняла правила санкций. Согласно директиве, удалению и исключению «с государственных должностей и с позиций особой значимости в полуобщественных и частных предприятиях, таких как: 1) гражданские, экономические и трудовые организации; 2) корпорации и другие организации, в которых правительство или его подразделения имеют большой финансовый интерес; 3) промышленность, торговля, сельское хозяйство и финансы; 4) образование; 5) пресса, издательства и другие агентства, распространяющие новости и пропаганду», подлежали «все члены нацистской партии, являвшиеся более чем номинальными участниками своей деятельности, все активные сторонники нацизма или милитаризма и все другие лица, враждебные союзным целям» (§6 (с))².

Критерии выявления активных партийцев и сторонников нацизма, подлежавших обязательному отстранению от работы, были определены в директиве 1067 следующим образом: «Лица должны рассматриваться в качестве более чем номинальных участников в деятельности партии, а также в качестве активных сторонников нацизма или милитаризма в тех случаях, если они: 1) занимали должности или были иным образом активны в партии и в ее подчиненных организациях или же в организациях, поддерживающих принципы милитаризма, на любом

уровне от местного до национального; 2) санкционировали или участвовали в любых нацистских преступлениях, расовых преследованиях или дискриминации; 3) были убежденными последователями нацизма или расового и милитаристского учения или 4) добровольно оказывали существенную моральную или материальную поддержку либо политическую помощь любого рода нацистской партии или нацистским должностным лицам и лидерам»³.

В дополнение к этому изданное в декабре 1944 года «Руководство для военной администрации в Германии» содержало списки нацистских политических организаций, подлежавших ликвидации (в них содержалось 27 наименований структурных подразделений партийного аппарата, 5 типов региональных и местных отделений партии, 26 наименований профессиональных, политических и других партийных организаций, а также 8 парамилитаристских и полицейских организаций). Кроме того, «Руководство» содержало списки чиновников и государственных служащих, подлежащих увольнению или временному отстранению от должности; списки позиций в нацистских партийных организациях и структурах и отношениях к партии, которые должны были служить основанием для дисквалификации, а также квазиправительственных позиций, с которых должны были быть удалены главные должностные лица⁴.

Упомянутая выше директива JCS 1067 также ставила перед военным губернатором американской оккупационной зоны задачу уничтожить нацистские институты и очистить общественные структуры от нацистской идеологии. В первую очередь ликвидировалась «нацистская партия, ее формирования, аффилированные ассоциации и контролируемые организации, а также все нацистские общественные институты, которые были созданы в качестве инструментов господства партии» и запрещалось их возрождение в любой форме (§6 (а)). Отменялись «законы, направленные на установление политической структуры национал-социализма и основы гитлеровского режима и все законы, указы и постановления, вводившие дискриминацию по признаку расы, национальности, вероисповедания или политических убеждений» (§6 (б)).

Также распускались все структуры вооруженной организации нацистской партии (СС)

¹ OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 — 30 April 1948. No. 34. 1948. P. 3.

² Joint Chiefs of Staff Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation Regarding the Military Government of Germany (JCS 1067/6), 26 April 1945. URL. <<https://usa.usembassy.de/etexts/ga3-450426.pdf>>

³ Op. cit.

⁴ Handbook for Military Government in Germany Prior to Defeat or Surrender. Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Force, Office of the Chief of Staff, December 1944. P. 275, 278, 281–289.

и тайной политической полиции (гестапо), вооруженные силы (вермахт) и парамилитаристские формирования (СА и др.) (§12). Уголовная полиция и полиция общественной безопасности переходили под контроль военного командования и могли возобновить работу лишь после того, как оттуда увольнялись все нацистские кадры. Закрывались также и все чрезвычайные суды, включая народные (*Volksgesichtshof*) и специальные (*Sondergerichte*), действовавшие в Третьем рейхе. Кроме того, временному закрытию подлежали уголовные, гражданские и административные суды: они могли возобновить работу под жестким контролем военной администрации только после проверки персонала и их «очищения от любых нацистских проявлений» (§11). На таких же условиях, то есть после тщательной денацификации преподавательского состава, могли возобновить работу учреждения начального, среднего и высшего образования. При этом в них запрещалось использовать учебные пособия и программы, основанные на нацистском и милитаристском учениях. Американское оккупационное правительство объявило о намерении создать скоординированную систему контроля над немецким образованием и разработать программу переориентации «для ликвидации нацистских и милитаристских доктрин и поощрения развития демократических идей» (§14).

В сентябре 1945 года в американской зоне был введен дополнительный законодательный запрет нанимать бывших членов нацистской партии или ее дочерних организаций, включая СС, СА, гитлерюгенд и проч., на любые руководящие должности в коммерческих структурах¹.

Стоит отметить, что американцы не только опережали союзников по коалиции в реализации денацификационных мер, но и постоянно настаивали на унификации политики во всех четырех оккупационных зонах². Со временем программа денацификации, разработанная американцами, стала общей политикой союзников. Практически дословно цитируя директиву JCS 1067, решение Потсдамской конференции от 1 августа 1945 года провозглашало: «Все члены нацистской партии, которые были больше, чем номинальными участниками ее

деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или полуофициальных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии»³.

5 июня 1945 года был создан Контрольный совет в Германии (также известный как Союзный контрольный совет, или СКС) — совместный орган четырех союзников в составе главнокомандующих оккупационными войсками СССР, США, Великобритании и Франции. Контрольным советом были изданы директивы и законы, призванные искоренить нацистские проявления в общественной жизни Германии, во многом аналогичные принятым ранее в американской зоне. Так, закон № 1 СКС от 20 сентября об отмене нацистского законодательства и закон № 2 СКС о роспуске и ликвидации НСДАП и ее дочерних организаций от 10 октября фактически воспроизводили ранее принятые военным командованием США законы № 1 и № 54. А директива № 24 СКС «Об устранении нацистов и других лиц, враждебных союзным целям» — апрельскую директиву JCS 1067, а также изданную в июле 1945 года директиву «Устранение и исключение нацистов и милитаристов»⁵. Директива № 24 СКС уста-

³ Цит. по: Протокол Берлинской конференции трех держав, 1 августа 1945 г. Опул. в: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. В 6 т. Т. VI. М.: Изд-во политической литературы, 1984. С. 431.

⁴ The Control Council Law No. 1 “Repealing of Nazi Laws”, 20 September 1945. In: Enactments and Approved Papers of the Control Council and Coordinating Committee. Allied Control Authority, Germany (1945–1948). Legal Division of the Office of the U.S. Military Government for Germany, 1945. Vol. I. P. 101–104. The Control Council Law No. 2 “Providing for the Termination and Liquidation of the Nazi Organizations”, 10 October 1945. In: Ibid. Vol. II. P. 131–132. Cf. Military Government Law No. 1 “Abrogation of Nazi Laws.” In: Military Government-Germany, Supreme Commanders Area of Control. Proclamation, Laws, Orders, Ordinances and Notices. Directives and Instructions to German Police. Reproduced by Ninth US Army, 7 November 1944. P. 7–9. Military Government Law No. 5 “Dissolution of Nazi Party.” In: Ibid. P. 15–17.

⁵ Директива USFET от 7 июля 1945 года, определяя степень виновности членов нацистской партии, установила дату вступления в НСДАП с 1 мая 1937 года, чтобы разделить активных нацистов, удаление или исключение которых было обязательным, от номинальных нацистов, удаление или отстранение которых от работы являлось дискреционным (§2 (b)). В прежних инструкциях для тех же целей использовалась дата вступления в НСДАП до или после января 1933 года, то есть до или после прихода нацистов к власти. USFET Directive, Removal of Nazis and Militarists, 7 July 1945. In: OMGUS, Denazification (Cumulative Review). Report of the Military Governor. 1 April 1947 — 30 April 1948. No. 34. 1948. P. 23–37.

¹ Military Government-Germany, United States Zone, Law No. 8 “Prohibition of Employment of Members of Nazi Party in Positions in Business Other than Ordinary Labor and for Other Purposes” and Regulation No. 1 under the Law, 26 September 1945. In: OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 — 30 April 1948. No. 34. 1948. P. 49–52.

² Plischke E. Denazification Law and Procedure // The American Journal of International Law, Vol. 41. No. 4. October 1947. P. 809.

навливала единую политику денацификации во всех четырех оккупационных зонах¹.

По разным оценкам, специальным подразделениям американской военной администрации удалось рассмотреть в 1945–1946 годах чуть более 1,6 млн анкет и отстранить от должности или не допустить к ответственной работе около 375 тысяч человек, что означало удаление с государственной службы около 40% персонала². В британской зоне к лету 1946-го были рассмотрены 870 тысяч анкет, и около 200 тысяч человек были либо не допущены к ответственной работе, либо столкнулись с ограничениями различного характера. Еще приблизительно 195 тысяч человек подверглись различным штрафам и ограничениям во французской зоне. Больше всего уволенных или не допущенных к работе оказалось в советской зоне: в марте 1947 года таковых насчитывалось уже 390 тысяч человек³.

С марта 1946 года в американской зоне начался второй этап денацификации. Американская политика предполагала постепенную передачу управления страной в руки самих немцев. Соответственно полномочия по денацификационным проверкам передавались немецким земельным правительствам. 5 марта 1946 года был принят разработанный министерствами юстиции входивших в американскую зону земель Бавария, Гессен и Баден-Вюртемберг закон «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма» (закон № 104), принципы которого в октябре того же года были распространены директивой СКС № 38 и на другие зоны оккупации⁴.

На основании закона № 104 в каждой земле (*Land*) были созданы министерства политического освобождения, а в каждом городе и округе (*Kreis*) — судебные трибуналы (*Spruchkammer*) и апелляционные трибуналы для пересмотра решений. Судебные трибуналы состояли как минимум из трех членов — пред-

седателя и не менее двух консультантов не моложе 30 лет. Также при трибунале работал прокурор, который отвечал за прием и изучение регистрационных форм, заявлений, разоблачительных сведений и другой информации, касавшейся ответственных персон, проводил расследования и выступал в трибунале в качестве обвинителя (ст. 33). Все члены трибунала назначались на должности министром политического освобождения, на которого была возложена основная ответственность за реализацию закона (ст. 24, 25, 26). В законе уточнялось, что министры, как и все причастные к денацификации чиновники, должны «быть известны как оппоненты нацизма и милитаризма, отличаться безукоризненностью, честностью и справедливостью» (ст. 28).

По новым правилам каждый немец, достигший 18-летнего возраста, должен был зарегистрироваться, заполнить подробную биографическую анкету (*Meldebogen*) и пройти через процедуру проверки. Судебные трибуналы принимали решения о причислении зарегистрировавшихся к одной из пяти категорий, каждая из которых подробно описывалась в законе: 1) главные виновные (*Hauptschuldige*); 2) виновные (активисты, милитаристы, извлекатели выгоды) (*Belastete*); 3) незначительно виновные (*Minderbelastete*); 4) попутчики (*Mitläufer*) и 5) невинные (*Entlastete*), и о присуждении наказаний⁵. Всего было создано 545 судебных трибуналов по денацификации со штатом 22 тысячи человек. Приблизительно за два года, к концу мая 1948 года, в американской зоне, где проживало чуть более 17 млн человек, зарегистрировалось около 13,2–13,4 млн немцев. Из них около 3,3–3,6 млн человек (или около 27%) так или иначе подпадали под действие закона, то есть состояли ранее членами НСДАП или ее аффилированных организаций и соответственно должны были предстать перед судебными трибуналами⁶.

Однако вскоре обнаружилось, что подход немецких судебных трибуналов к денацификации существенно отличался от американского. Немецкие денацификационные органы вы-

¹ Control Council Directive No. 24 "Removal from Office and from Positions of Responsibility of Nazis and of Persons Hostile to Allied Purposes" of 12 January 1946. In: Enactments and Approved Papers of the Control Council and Coordinating Committee. Allied Control Authority, Germany (1945–1948). Legal Division of the Office of the U.S. Military Government for Germany, 1945. Vol. II. P. 46–16.

² "Now It's Up to the Germans". U.S. Office of Military Government for Germany, Weekly Information Bulletin No. 49. July 8. 1946. P. 13.

³ *Biddiscombe P.* Op. cit. P. 114, 172, 143.

⁴ Law for Liberation from National Socialism and Militarism, (German legislation), 5 March 1946. In: OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 — 30 April 1948. No. 34, 1948. P. 52–98. Allied Control Authority Control Council Directive No. 38 The Arrest and Punishment of War Criminals, Nazis and Militarists and the Internment, Control and Surveillance or Potentially Dangerous Germans, 12 October 1946. In: *Ibid.* P. 114–137.

⁵ Подробный разбор критериев определения виновности и предусмотренных наказаний см. в: *Кун Г.* Возвращение из преисподней: денацификация послевоенной Германии // Историк и художник. № 12. 2007. [Электронный ресурс.] <<http://polit.ru/article/2007/07/04/kun/>>

⁶ *Romeike S.* Transitional Justice in Germany after 1945 and after 1990 // International Nuremberg Principles Academy, Occasional Paper No. 1. 2016. P. 24. Denazification Summary. Excerpt of OMGUS Report, prepared by the Civil Administration Division covering 18-month period // Information Bulletin, magazine of U.S. Military Government in Germany, No. 169. September 6. 1949. P. 28.

носили более мягкие приговоры, причисляли подозреваемых к более низким категориям виновности, нередко пересматривая уже вынесенные решения американских трибуналов, затягивая рассмотрение дел и проч. Как объяснял исследователь денацификации Уильям Гриффит, ответственные за денацификацию немецкие министры, будучи подотчетны земельным парламентам (ландтагам), партиям и избирателям, зависели от общественного мнения, а немецкое общество оказывало все большее сопротивление денацификационным мерам¹.

Неэффективность работы трибуналов и частая несправедливость выносимых приговоров (слишком мягкие для главных нацистов и слишком суровые для номинальных) дискредитировали весь процесс в глазах тех немцев, которые изначально были сторонниками денацификации. Как уточняет историк, автор книги «Денацификация Германии 1945–48» Перри Биддискомб, поддержка принимавшихся мер начала сокращаться, «как только стало ясно, что денацификация реализуется непоследовательно и что отдельные нацисты могут сохранять или заново получать свои посты»². В результате доля жителей американской зоны, довольных денацификацией, сократилась с 57% в начале 1946 года до 32% в 1947-м, а к 1949-му упала до 17%³. Даже те, кто изначально был уверен в необходимости очищения общества от нацистских кадров, со временем проникались все большим скепсисом в отношении проводившейся политики.

Тому были реальные основания. Процесс денацификации в руках немецких исполнителей постепенно превращался в фарс. И дело не только в колоссальной перегруженности трибуналов, буквально заваленных десятками тысяч анкет, но и в атмосфере неприятия, интриг и давления, которая формировалась вокруг денацификационных органов и персонала.

Сильнее других были заинтересованы в затягивании судебных разбирательств крупные нацисты, стремившиеся избежать наказания. Лица, причисленные к двум первым категориям виновности, могли быть отнесены к более низкой категории на основании представляемых ими доказательств (ст. 34, 39 закона № 104). Поэтому «скоро трибуналы наводнило огромное количество всевозможных сертификатов, оправдательных бумаг, рекомендатель-

¹ Griffith W.E. The Denazification in the United States Zone of Germany // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 267. January 1950. P. 71.

² Biddiscombe P. Op. cit. P. 191, 193.

³ Ibid.

ных писем о том, что обвиняемый вел образ жизни истинного христианина и не был активным нацистом»⁴. Эти «обеляющие» нацистов свидетельства стали известны как «персил-удостоверения» (Persilscheine), по названию популярного моющего средства. Возникла ситуация круговой поруки, когда местные жители оказывали друг другу услуги в денацификационных судах, выступая там в качестве свидетелей «добропорядочности» и «благонадежности» соседей, родственников и сослуживцев. Процветал черный рынок, где наиболее богатые и влиятельные могли приобрести справки, помогавшие «очиститься» и попасть в категорию номинальных нацистов. Критикуя реализацию программы, исследователь денацификации в Баварии Лутц Нитцхаммер назвал ее «фабрикой по производству попутчиков» (Mitläuferfabrik)⁵.

Мелкие же нацисты стремились как можно быстрее реабилитироваться и вернуться к работе (закон накладывал ограничения на трудоустройство до вынесения приговора). В результате трибуналы оказались перегруженными разбирательствами по делам рядовых членов партии, в то время как наиболее высокопоставленным партийцам и чиновникам нередко удавалось замести следы и избежать ответственности.

В трибуналах существовала также проблема кадров. В ранней статье о денацификации Элмер Плишке приводил высказывание министра политического освобождения одной из земель: тот сетовал, что должен назначить «10 тысяч политически надежных и опытных немецких судей», но «понятия не имеет, где найти даже малую долю от этого числа»⁶. В результате трибуналы зачастую комплектовались бывшими членами нацистской партии: по данным одного из отчетов 1948 года, примерно 60% судей и 76% прокуроров в денацификационных судах Баварии сами в прошлом являлись членами НСДАП⁷.

Для сокращения нагрузок и ускорения работы трибуналов американскому командованию пришлось пойти на смягчение условий денацификации. Уже в 1946 году были объявлены две амнистии: в августе от денацификации были освобождены молодые люди младше 28 лет, родившиеся после 1 января 1919 года, а 24

⁴ Niethammer L. Die Mitläuferfabrik. Die Entnazifizierung am Beispiel Bayerns. 2. Auflage, Bonn, 1982.

⁵ Жаронкина Е.А. Политика американских оккупационных властей по денацификации и демократизации Западной Германии (1945–1949). Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. С. 119.

⁶ Plishke E. Denazifying the Reich // Review of Politics. Vol. 9. No. 2. April 1947. P. 170.

⁷ Herz J.H. The Fiasco of Denazification in Germany // Political Science Quarterly. Vol. LXIII. No. 4. 1948. P. 591.

декабря были амнистированы бывшие нацисты с низким доходом и инвалидностью. В обоих случаях под амнистию попадали лишь те, кто не был отнесен к двум первым категориям виновности и не обвинялся в военных преступлениях. Так называемые молодежная и рождественская амнистии освободили от денацификации около 2 млн человек¹.

Всего к июню 1948 года были амнистированы около 2,4 млн немцев, а перед трибуналами предстали около 950 тысяч человек². Из них главными виновными были признаны лишь 1635 человек, виновными — 21 965, незначительно виновными — 106 200, попутчиками — 483 598, остальные же, приблизительно 333 тысячи, были либо признаны невиновными, либо производство по их делам по разным причинам было прекращено. К различным срокам заключения были приговорены лишь 9600 человек, большинство отделались штрафами³. Еще более мягкими оказались результаты проверок во французской зоне: рассмотрев 670 тысяч дел, судебные трибуналы отнесли только 13 человек в первую категорию, 936 — во вторую, 16 826 (2,5%) — в третью, 298 789 (15%) — в четвертую, а 52% дел были просто прекращены⁴.

Между тем усиливалось противостояние между западными странами и Советским Союзом. В ответ на решение включить Западный Берлин в сферу действия «плана Маршалла» СССР устроил транспортную блокаду, длившуюся с июня 1948-го по май 1949-го. На этом фоне программа денацификации постепенно сворачивалась. В письме американского военного правительства земельным военным губернаторам от 27 марта 1948 года говорилось о необходимости ускорить завершение денацификационных судов в американской зоне, поскольку «с точки зрения целей военного правительства в Германии важно, чтобы эта программа была окончена быстро»⁵. Согласно прилагаемым к письму вторым за полгода по-

правкам к закону о денацификации (первые были приняты в октябре 1947-го) те лица, кто не классифицировался как главные виновные, но состояли ранее членами преступных организаций, могли теперь быть отнесены к категории попутчиков, а затем амнистированы или оштрафованы. С попутчиков также были сняты ограничения по трудоустройству в период ожидания решений трибуналов⁶.

В конце мая 1948 года американская военная администрация почти полностью сняла контроль над денацификацией (англичане официально завершили программу еще в январе того же года), а немцы обрели практически полную независимость и постарались свернуть процесс как можно быстрее. В преддверии первых выборов в Бундестаг, прошедших в западных землях в августе 1949-го и ознаменовавших образование нового независимого государства — Федеративной Республики Германия (ФРГ), денацификация кадров была почти полностью завершена.

Аресты и интернирование членов нацистских организаций. Судебные процессы над военными преступниками. Международный военный трибунал и последующие Нюрнбергские процессы

Параллельно с очищением от нацистских кадров проводились аресты десятков тысяч фактических или предполагаемых военных преступников, а также тех, кто представлял, по мнению военной администрации, возможные угрозы безопасности в период оккупации. Директива JCS 1067 определяла, что обязательно «автоматическому аресту» (*Automatischer Arrest*) подлежали, в частности: 1) должностные лица нацистской партии НСДАП и ее формирований, аффилированных ассоциаций и контролируемых организаций, начиная с уровня лидеров местных групп (*Ortsgruppenleiter*) и должностных лиц эквивалентного ранга; 2) все сотрудники политической полиции, включая гестапо и Службу безопасности СС; 3) офицерский и младший офицерский состав Ваффен СС и все члены подразделений СС; 4) все офицеры Генерального штаба; 5) офицеры полиции, имеющие звания выше лейтенанта или занимающие соответствующие этим званиям посты; 6) кадровые офицеры СА; 7) ведущие должностные лица всех министерств и другие высокопоставленные чиновники, начиная с уровня глав городских и сельских администраций (*Bürgermeister*), и должностные лица эквивалентного ранга, а также лица, которые

¹ *Plischke E.* Denazification Law and Procedure // *The American Journal of International Law* Vol. 41 No. 4 October 1947. P. 826.

² Denazification Summary. Excerpt of OMGUS Report, prepared by the Civil Administration Division covering 18-month period // *Information Bulletin*, magazine of U. S. Military Government in Germany, No. 169. September 6. 1949. P. 28.

³ *Cohen D.* Transitional Justice in Divided Germany after 1945. In: *Elster J.* Retribution and Reparation in the Transition to Democracy. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 75. *Biddiscombe P.* Op. cit. P. 61.

⁴ *Cohen D.* Op. cit. P. 80.

⁵ OMGUS Letter to the Land Military Governors, U.S. Zone, Subject: Expediting Completion of Denazification Trials In the U.S. Zone, 27 March 1948 In: *OMGUS, Denazification (Cumulative Review)*, Report of the Military Governor, 1 April 1947 — 30 April 1948. No. 34. 1948. P. 150–163.

⁶ *Herz J.H.* Op. cit. P. 576. *Biddiscombe P.* Op. cit. P. 80.

занимали аналогичные должности, будь то гражданские или военные, в администрации стран, оккупированных Германией; 8) нацисты и нацистские сторонники, занимающие важные и ключевые позиции: а) в национальных и региональных гражданских и экономических организациях; б) в корпорациях и других организациях, в которых правительство имело крупные финансовые интересы; в) в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и финансах; г) в образовании; д) в судебной системе; е) в прессе, издательствах и других агентствах, распространяющих новости и пропаганду¹; 9) все судьи, прокуроры и должностные лица Народного суда (*Volksgesichtshof*), специальных судов (*Sondergerichte*) и других чрезвычайных судов, созданных нацистским режимом; 10) любой гражданин любой из стран Объединенных наций или связанных государств, предположительно совершивший преступления против своего национального законодательства в поддержку немецких военных усилий; 11) любое другое лицо, чье имя или должность указаны в списках, представленных Объединенным комитетом начальников штабов, или о котором поступит отдельное уведомление»².

Это был неполный список: директивой 1067 военный губернатор наделялся правом «арестовывать и удерживать под стражей до судебного разбирательства со стороны соответствующего квазисудебного органа», который должен был быть создан им же, «всех лиц, которые могли поставить под угрозу выполнение целей военного командования» (§8).

В «Руководстве для военной администрации в Германии» 1944 года содержались списки должностных лиц нацистской партии, правительства, полиции и парамилитаристских структур, подлежавших интернированию с приблизительными оценками их численности. Наиболее массовыми категориями, подлежавшими интернированию согласно этому документу, были: весь персонал гестапо и СД (по 15 тысяч человек); все офицеры СС (8 тысяч); все офицеры Ваффен СС (60 тысяч); офицеры СА выше ранга штурмбаннфюрера (30 тысяч);

офицеры гитлерюгенда выше ранга штаммфюрера (20 тысяч); члены Национал-социалистического механизированного корпуса (НСМК) в ранге штаффельфюрера и выше (10 тысяч); офицеры Национал-социалистического авиакорпуса (НСФК) в ранге штурмбаннфюрера и выше (5 тысяч); все члены партии в ранге берайхсляйтера и выше (30 тысяч); руководители немецкой военной и гражданской администрации в оккупированных странах и территориях (3 тысяч) и др.³

По разным оценкам, в западных зонах оккупации были таким образом арестованы от 200 до 250 тысяч человек (примечательно, что эти цифры совпадали с предложениями группы Нойманна — Маркузе из УСС), из них 100 тысяч арестов были произведены в американской зоне и около 90 тысяч — в английской⁴.

Как и в случае с денацификацией нацистских кадров, политика в отношении нацистов, подвергшихся автоматическому аресту и интернированию с момента начала оккупации, постепенно смягчалась в ситуации назревающей холодной войны. В феврале 1946 года категории подлежавших обязательному аресту были существенно сокращены. Те, кто по новым правилам не попадал под автоматический арест, должны были пройти проверку. Те, кто не подозревался в военных преступлениях и не привлекался судом в качестве свидетеля, были освобождены. В октябре 1946 года все лагеря для интернированных гражданских лиц были переданы в руки немецких властей, которые могли судить на основании закона № 104. На начальном этапе, как следует из отчетов военного губернатора, дело продвигалось очень медленно: до конца марта 1947 года немецкими трибуналами были вынесены приговоры лишь в отношении 262 интернированных из 50 747 оставшихся под стражей (включая 26 212 бывших офицеров СС, 17 471 члена нацистской верхушки, 1430 гестаповцев, 740 членов СД и 4894 представителей других категорий)⁵. В 1947–1948 годах, в контексте усиливавшегося противостояния с СССР и стремления западных союзников как можно быстрее завершить денацификацию в своих зонах, процесс освобождения интернированных был ускорен: чаще всего они освобождались с учетом отбы-

¹ В пункте 8 содержалось следующее уточнение: «Как правило, в отсутствие доказательств обратного, можно исходить из того, что лица, занимающие подобные должности, являются нацистами или нацистскими сторонниками».

² Joint Chiefs of Staff Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation Regarding the Military Government of Germany (JCS 1067/6). 26 April 1945. In: OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 — 30 April 1948. No. 34. 1948. P. 15–16.

³ Handbook for Military Government in Germany prior to defeat or surrender. Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Force, Office of the Chief of Staff, December 1944. P. 286–288.

⁴ Romeike S. Op. cit. P. 22–25. Cohen D. Op. cit. P. 59–88.

⁵ OMGUS, Denazification (Cumulative Review). Report of the Military Governor. 1 April 1947 — 30 April 1948. No. 34. 1948. P. 6–7.

тых сроков или приговаривались к штрафам. Так, в конце июля 1948 года в лагерях американской зоны оставались лишь 3542 человека, из которых 1390 отбывали сроки, назначенные трибуналами¹. А к концу года число интернированных исчислялось лишь несколькими сотнями².

Для сравнения: в советской зоне интернированию были подвергнуты 150 тысяч человек, из которых 17 тысяч были осуждены советскими военными трибуналами. Находясь в заключении, 44 тысячи интернированных погибли от ужасных условий содержания и болезней, а около 25 тысяч были депортированы в СССР и Польшу на принудительные работы³.

Помимо автоматического ареста и последующего интернирования в специально организованные лагеря по факту принадлежности к ключевым организационным структурам Третьего рейха, союзники занимались активным поиском отдельных подозреваемых в военных преступлениях, которые впоследствии должны были понести личную ответственность за свои деяния, представ пред судом.

Два различных типа помещения под стражу — задержание с последующим интернированием подлежащих «автоматическому аресту» и аресты подозреваемых в тяжких преступлениях — были определены директивой Контрольного совета № 38 от 12 октября 1946 года «Арест и наказание военных преступников, нацистов и милитаристов; интернирование, контроль и надзор за потенциально опасными немцами». Среди целей этого документа, устанавливавшего общую линию поведения союзников в период оккупации Германии и согласовывавшего «некоторые детали в отношении определения категорий и характера наказаний и санкций», были указаны: «а) наказание военных преступников, нацистов, милитаристов и промышленников, которые вдохновляли и поддерживали нацистский режим; б) полное и окончательное уничтожение нацизма и милитаризма путем изоляции видных участников или сторонников этих идей и путем ограничения деятельности этих лиц; в) интернирование немцев, которые, не являясь виновными в определенных преступлениях, считаются опасными для союзных целей, а также

контроль и надзор над другими, которые считаются потенциально опасными»⁴.

Результатом совместных усилий союзников по привлечению к уголовной ответственности руководителей Третьего рейха стал Международный военный трибунал (МВТ) в баварском Нюрнберге. Трибунал, организованный после долгих согласований в ходе нескольких встреч «большой тройки», был создан на основании Устава, выработанного и утвержденного правительствами государств-союзников в ходе Лондонской конференции 8 августа 1945 года.⁵

Трибуналу предшествовал длительный подготовительный процесс. В октябре 1943 года на Московской конференции союзниками была принята «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», в которой подчеркивалось, что главные нацистские преступники, «преступления которых не связаны с определенным географическим местом», «будут наказаны совместным решением правительств-союзников» (остальных виновных в преступлениях было решено отсылать в те страны, где преступления были совершены, «чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран»)⁶.

Ключевая роль в разработке проекта и подготовке международного трибунала принадлежала американским юристам. Первый проект соглашения о создании МВТ был представлен американцами 3 мая 1945 года на совещании руководителей внешнеполитических ведомств Советского Союза, США и Великобритании в Сан-Франциско. С 26 июня по 8 августа того же года в ходе конференции представителей СССР, США, Великобритании и Франции в Лондоне проводились выработка соглашения и Устава МВТ, согласование позиций относительно предъявленных обвинений, выявление и систематизация доказательств, определение

¹ Monthly Report of the Military Governor, U.S. Zone. No. 37. July 1948. P. 9.

² Cohen D. Op. cit. P. 69–70.

³ История Германии. В 3 т. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. М.: КДУ, 2008. С. 346.

⁴ Директива Контрольного совета в Германии № 38 «Арест и наказание военных преступников, нацистов и милитаристов; интернирование, контроль и надзор за потенциально опасными немцами» от 12 октября 1946 г. [Электронный ресурс]. <<http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/19461012.htm>>

⁵ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, принятый 8 августа 1945 года в Лондоне. Опул. в: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М.: Госполитиздат, 1955. С. 165–172.

⁶ Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства (Москва, 19–30 октября 1943 г.). Секретный протокол Московской конференции (п. 18 о принятии Декларации). Опул. в: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. В 6 т. Т. 1. М.: Изд-во политической литературы, 1978. С. 363–364.

функций и обязанностей трибунала. К концу лета был также согласован список главных военных преступников, опубликованный 29 августа¹.

Международный военный трибунал, созданный в Нюрнбергском Дворце юстиции и заседавший с 20 ноября 1945-го по 1 октября 1946-го, рассматривал дела 24 ключевых руководителей Третьего рейха, точнее, тех из них, кто к этому моменту оставался в живых и по поводу включения которых в список обвиняемых союзникам удалось достигнуть консенсуса. Эти высокопоставленные нацисты обвинялись в заговоре с целью захвата власти, преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности (преступления, подпадающие под юрисдикцию трибунала, определяла ст. 6 Устава).

В результате длившихся почти год судебных разбирательств 12 обвиняемых были приговорены трибуналом к смертной казни: Герман Геринг (рейхсмаршал, главнокомандующий военно-воздушными силами Германии (1935–1945)), Йоахим фон Риббентроп (министр иностранных дел нацистской Германии (1938–1945)), Вильгельм Кейтель (начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Третьего рейха (1938–1945)), Эрнст Кальтенбруннер (руководитель Главного имперского управления имперской безопасности, РСХА (1943–1945)), Альфред Розенберг (один из главных идеологов НСДАП, рейхсминистр восточных оккупированных территорий (1941–1945)), Ганс Франк (генерал-губернатор оккупированной Польши (1941–1945)), Вильгельм Фрик (рейхсминистр внутренних дел (1933–1943), рейхспротектор Богемии и Моравии (1943–1945)), Юлиус Штрейхер (гауляйтер Франконии, главный редактор антисемитской газеты «Штурмовик», *Der Stürmer* (1923–1945)), Фриц Заукель (гауляйтер Тюрингии (1927–1945)), генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы (1942–1945)), Альфред Йодль (начальник Штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вооруженными силами (ОКВ) (1939–1945)), Артур Зейсс-Инкварт (канцлер Австрии (1938), рейхскомиссар Нидерландов (1940–1945)), Мартин Борман (начальник Партийной канцелярии НСДАП (1941–1945), личный секре-

тарь фюрера, был приговорен к смерти заочно). Трое обвиняемых были приговорены к пожизненному лишению свободы: Рудольф Гесс (заместитель фюрера в НСДАП (1933–1941)), Эрих Редер (главнокомандующий военно-морским флотом Третьего рейха (1935–1943)) и Вальтер Функ (имперский министр экономики (1938–1945)).

Бальдур фон Ширах (глава гитлерюгенда (1933–1940) и гауляйтер Вены (1940–1945)), а также Альберт Шпеер (рейхсминистр вооружений и боеприпасов (1942–1943) и рейхсминистр вооружений и военного производства (1943–1945)) были приговорены к 20 годам лишения свободы, Константин фон Нейрат (министр иностранных дел Германии (1932–1938) и рейхспротектор Богемии и Моравии (1939–1943)) — к 15 годам, а Карл Дениц (командующий подводным флотом (1939–1943) и главнокомандующий военно-морским флотом нацистской Германии (1943–1945)) — к 10 годам. Трое обвиняемых — Ганс Фриче (руководитель отделов радиовещания и внутригосударственной прессы в Министерстве народного просвещения и пропаганды (1933–1945)), Ялмар Шахт (имперский министр экономики (1934–1938)) и Франц фон Папен (рейхсканцлер Германии (1932), посол в Австрии (1934–1938) и Турции (1939–1944)) — были оправданы. Глава Германского трудового фронта и заведующий Организационным отделом НСДАП Роберт Лей покончил с собой до начала процесса, а промышленник, глава концерна «Фридрих Крупп» Густав Крупп признан неизлечимо больным и дело в отношении него было прекращено до суда.

Обвинялись также группы или организации, к которым принадлежали подсудимые. Однако лишь четыре структуры из восьми были признаны преступными: руководящий состав НСДАП, охранные отряды партии (СС), тайная политическая полиция (гестапо) и служба безопасности партии (СД) (дела двух последних рассматривались совместно). Подробнее о принципах признания нацистских организаций преступными в ходе Нюрнбергского процесса речь еще пойдет в дальнейшем.

После основного процесса американские власти провели в своей зоне оккупации в 1946–1949 годах серию из 12 судебных процессов, вошедших в историю как «последующие», или «малые», Нюрнбергские процессы. Они проводились на основании предоставленного законом № 10 Контрольного совета всем союзникам права самостоятельно судить нацистов

¹ Подробнее о подготовке МВТ и о согласовании интересов союзниками см.: Taylor T. *The Anatomy of the Nuremberg Trials: A Personal Memoir*. Skyhorse Publishing, 1993. Ch. 2–5. P. 21–116. Лебедева Н.С. Дорога в Нюрнберг // Нюрнбергский процесс в документах российских архивов. [Электронный ресурс.] <<http://nurnberg.rusarchives.ru/predislovie>>

в пределах своей оккупационной зоны¹. Поскольку Нюрнберг находился в американской зоне, последующие судебные разбирательства были проведены военными судами США в стенах того же нюрнбергского Дворца юстиции, где ранее заседал МВТ. В ходе этих разбирательств перед американскими военными судами предстали нацистские судьи; медики, обвинявшиеся в принудительной эвтаназии, стерилизации, принудительных медицинских экспериментах и убийстве заключенных; представители военного командования Третьего рейха; чиновники Главного административно-хозяйственного управления СС; генералы Юго-Восточного фронта; ведущие промышленники нацистской Германии (процессы по делам собственников и сотрудников концернов Фридриха Флика, Альфреда Круппа и «ИГ-Фарбен»); крупные государственные чиновники; руководители различных министерств и ведомств (по названию улицы в Берлине, где располагалось большинство правительственных учреждений, этот процесс вошел в историю как «дело Вильгельмштрассе»); ответственные за реализацию нацистской расовой политики; бывшие офицеры айнзацгрупп — специальных подразделений СС и СД, созданных для уничтожения «врагов» рейха, и некоторые другие категории обвиняемых (в общей сложности приговоры были вынесены в отношении 184 человек)².

Всего за оккупационный период американские военные трибуналы возбудили уголовные дела в отношении 1941 и вынесли приговоры в отношении 1571 человека (324 из них были приговорены к смертной казни, 247 — к пожизненному заключению, 946 — к различным тюремным срокам). Американцы, в частности, провели процессы против 1021 бывшего сотрудника администрации и охраны концлагерей Дахау, Миттельбау-Дора и Флоссенбург. Еще 1085 человек были привлечены к уголовной ответственности в английской зоне (240 из них приговорены к смертной казни), в том числе персонал концлагерей Белзен, Нойенгамме и Равенсбрюк. В свою очередь, француз-

ские военные трибуналы вынесли приговоры в отношении 2107 человек (104 из них были приговорены к смертной казни). Во французской зоне, в частности, прошли процессы по делу сотрудников концлагерей Нацвейлер и Равенсбрюк, а также процесс по делу сталелитейного промышленного магната Германа Рёхлинга, которого называли «фюрером военной экономики»³. В отношении некоторых подозреваемых, кого не удалось обнаружить и задержать, приговоры выносились *in absentia*, в отсутствие подсудимых. В итоге западные союзники в период оккупации привлекли более 5 тысяч немцев к уголовной ответственности за преступления периода Третьего рейха.

Уголовные дела по нацистским преступлениям могли также рассматриваться немецкими судами: тем же законом СКС № 10 от 20 декабря 1945 года им предоставлялось право возбуждать такие дела по разрешению оккупационных властей. Однако юрисдикция немецких судов была ограничена преступлениями, совершенными немцами против немцев или лиц без гражданства (то есть они не могли проводить разбирательства по наиболее тяжким преступлениям, совершенным немцами против других народов и людей других национальностей). До конца 1949 года немецкие суды осудили 4667 нацистских преступников главным образом за такие преступления, как «доносы (составляли 38% всех ранних нацистских судебных процессов); расстрелы политических заключенных и «пораженцев» незадолго до окончания войны; преступления против немецких евреев (особенно во время «Хрустальной ночи»); преследования политических оппонентов; в рамках нескольких судебных процессов рассматривались случаи «эвтаназии», то есть убийств людей с психическими и физическими особенностями и пациентов психиатрических клиник»⁴.

Существовала еще юридическая проблема осуждения членов преступных организацией Третьего рейха. Закон № 10 прямо определял в качестве преступной деятельности «принадлежность к определенным категориям внутри группы или организации, объявленной МВТ преступной» (§1(d)), и устанавливал возможность наказания за принадлежность к преступной организации (в §3 перечислялись наказа-

¹ Закон № 10 Контрольного совета в Германии о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности (20 декабря 1945 г.). Оpubл. в: Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1987. С. 159–164.

² Подробнее о Нюрнбергских процессах см. воспоминания главного обвинителя от США на последующих Нюрнбергских процессах Телфорда Тейлора. Taylor T. The Anatomy of the Nuremberg Trials: A Personal Memoir. Skyhorse Publishing, 1993. См. также: Heller K.J. The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law. Oxford: Oxford University Press, 2011.

³ Rückerl A. The Investigation of Nazi Crimes 1945–1978. A Documentation. Trans. Derek Rutter. Heidelberg: C. F. Müller, 1979. P. 28.

⁴ Romeike S. Op. cit. P. 15. Eichmüller A. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen durch westdeutsche Justizbehörden seit 1945. Eine Zahlenbilanz // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Vol. 56. No. 4. 2008. S. 626.

ния от штрафа и конфискации имущества до смертной казни).

Устав МВТ также предусматривал, что лица, совершая международные преступления, могли действовать как «индивидуально», так и «в качестве членов организации» (ст. 6). Кроме того, в Уставе оговаривалось, что «при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может <...> признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией» (ст. 9).

Однако вынесенный 1 октября 1946 года приговор МВТ в целом отклонил принцип коллективной ответственности, утверждая, что «преступная виновность является личной и следует избегать массовых наказаний»¹. Относительно понятий «преступной организации» в приговоре содержалось уточнение: «Преступная организация аналогична преступному заговору в том, что по существу они предполагают сотрудничество ради преступных целей. Должна существовать группа, связанная и организованная для осуществления общей цели. Эта группа должна быть создана или использована в связи с совершением преступлений, предусмотренных Уставом»².

В приговоре Трибунала признавалось, что такие группы и организации, как руководящий состав нацистской партии, тайная политическая полиция (гестапо) и служба безопасности партии (СД), а также охранные отряды партии (СС), преследовали цели или использовались для целей, преступных с точки зрения Устава МВТ. При этом в приговоре уточнялось, кто из членов организации может быть привлечен к ответственности в качестве членов группы, а кто нет. МВТ квалифицировал в качестве преступных группы, состоявшие из тех членов политического руководства, СС, гестапо и СД, которые либо занимали высокие и ответственные посты в них (они перечисляются в тексте приговора), либо «вступили в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, либо тех, которые как члены организации лично принимали участие в совершении подобных преступлений»³. «Это решение, — указывалось в Нюрнбергском приговоре, — должно исключить тех лиц, которые не были осведом-

лены о преступных целях или действиях организации, и тех, которые были призваны в эту организацию государственными органами, за исключением тех случаев, когда они были лично замешаны в совершении действий, объявленных преступными в соответствии со ст. 6 Устава, в качестве членов этой организации. Формальное членство не подпадает под действие этого решения»⁴.

Что касается правоприменения в этой области, союзники, за исключением англичан, в основном рассматривали членство в организациях в рамках общего производства по денацификации (на основании уже упоминавшейся директивы № 38). Как уточняет исследователь денацификации Дэвид Коэн, только британская зона проводила систематическую политику уголовного судопроизводства по членству в преступных организациях, создав для этой цели специальные трибуналы (*Spruchgerichte*) в лагерях для интернированных. К октябрю 1949 года эти трибуналы привлекли к ответственности 24 154 члена руководящего корпуса нацистской партии, СС, гестапо и СД, из которых 15 724 человека были осуждены, 5614 получили наказание в виде лишения свободы, а остальные приговорены к различным штрафам⁵.

Заключение

Смысл программы денацификации в западной части Германии обобщил социолог Лев Гудков. Она «предполагала несколько важнейших социально-политических шагов, осуществленных юридически-правовым путем и направленных на то, чтобы сделать невозможным процесс социокультурного воспроизводства прежних отношений: а) первоначально административное, затем юридически оформленное отеснение прежних нацистских кадров от собственно государственного управления, запрет на занятие соответствующих позиций в органах исполнительной власти и возможность выборов в структуры законодательной власти, а также суда, в меньшей степени — армии, полиции и еще некоторых ключевых институтов; б) недопущение их к репродуктивным системам общества — прежде всего к преподаванию в высшей и средней школе и механизмам формирования общественного мнения (в первую очередь к СМИ), ограничение влияния на культуру, литературу, искусство (временный запрет на публикацию); в) практика осуждения и уголовного преследования нацистских пре-

¹ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 8. М.: Юридическая литература, 1999. С. 638.

² Там же. С. 639.

³ Там же. С. 644, 649–650, 655.

⁴ Там же. С. 639.

⁵ *Cohen D.* Op. cit. P. 71.

ступников (прежде всего идеологов нацизма и функционеров высшего и среднего ранга), цепь международных, а затем и собственно германских трибуналов и судебных процессов разного уровня, установивших — первоначально внешним и принудительным образом — морально-правовую ответственность за участие в преступлениях тоталитарных режимов, внутренне с трудом принимавшуюся и усваиваемую населением»¹.

Впервые в истории — в рамках Нюрнбергского процесса и последующих судебных разбирательств — в отношении политики геноцида и агрессивной войны была вынесена не только нравственно-этическая оценка, но и сформулирована юридическая позиция, ставшая основой международного права. Отныне массовые преступления против граждан больше не оставались исключительно внутренним делом государства, но могли преследоваться в международном правовом порядке. В 1950 году на основании решения МВТ Комиссией международного права по поручению Генеральной Ассамблеи ООН были сформулированы Нюрнбергские принципы, которые способствовали развитию международного уголовного права и легли в основу деятельности международных уголовных судов (в том числе созданного в 2002 году постоянно действующего Международного уголовного суда)².

Примечательно, что привлечение к уголовной ответственности руководителей Третьего рейха также нашло отклик у большинства жителей Германии, несмотря на общее неприятие оккупации. Согласно опросам американской военной администрации, проведенным с октября 1945-го по август 1946-го, абсолютное большинство жителей американской зоны (в среднем 80%) считали Нюрнбергский процесс справедливым, и лишь 4–6% — несправедливым. После того как приговор был оглашен, 55% сочли вынесенные вердикты в целом справедливыми, 21% — слишком мягкими, 9% — слишком жесткими. Более половины полагали, что обвинение в преступной деятельности также следовало предъявить нацистским организациям: доля поддерживавших такое мнение составляла 56% в октябре

¹ Гудков Л.Д. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка // Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. С. 432–433.

² Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала. (Приняты в 1950 г. на второй сессии Комиссии международного права ООН). Опубл. в: Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. М.: БЕК, 1996. С. 101–102.

1945-го, 60% в декабре 1945-го и 59% в октябре 1946-го³.

Если значимость «судебной» части программы денацификации была почти единогласно признана юристами и историками, очищение государственных публичных институтов от нацистских кадров удостоилось более противоречивых оценок. Главным недостатком этой части программы с точки зрения замысла, по мнению большинства экспертов, являлось чрезмерное расширение ее объема. Как обобщил выводы большинства наблюдателей историк денацификации Перри Биддискомб, программа не должна была включать рядовых членов партии, а затрагивать только руководящее звено, а также активных сторонников режима, способствовавших его укреплению, независимо от их партийной принадлежности⁴. В том виде, в котором она была реализована, денацификация напоминала, словами Биддискомба, «ковровую бомбардировку», вызвав нехватку специалистов во многих областях и значительно ухудшив функционирование администрации и экономики⁵. Например, к 1946 году в американской зоне были уволены около 50% учителей, а некоторых регионах доля уволенных педагогов достигала невероятных 90%⁶.

Среди других слабых сторон денацификации, как правило, отмечают такие проблемы в ее реализации, как затянутость процесса, перегруженность трибуналов незначительными делами и возможность избежать наказания для крупных нацистов. Все это приводило к долгосрочной дискредитации денацификации в глазах жителей страны, что нашло отражение и в данных социологических опросов. Так, Институт изучения общественного мнения в Алленсбахе дважды — в 1948-м и 1953-м — проводил опросы с целью выявить динамику восприятия процесса денацификации жителями Западной Германии (табл. 1). В августе 1948 года, когда оккупация еще продолжалась, а программа денацификации была уже фактически свернута, положительно оценивали процесс очищения различных институтов от нацистских кадров лишь 14% опрошенных, полагавших, что в целом денацификация достигла поставленной цели. Наибольшую популярность в 1948 году имела позиция, согласно которой «денацификация была необходима,

³ Merritt A.J.; Merritt R.L. (eds.) *Public Opinion in Occupied Germany*. Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 1970. P. 34–35.

⁴ Biddiscombe P. *Op. cit.* P. 217–218, 220.

⁵ Ibid.

⁶ Puaca B. *Learning Democracy: Education Reform in West Germany, 1945–1965*. New York: Berghahn, 2009. P. 15.

Таблица 1

КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ УТВЕРЖДЕНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОЦЕССА ДЕНАЦИФИКАЦИИ ЛУЧШЕ ВСЕГО ВЫРАЖАЮТ ВАШЕ СОБСТВЕННОЕ МНЕНИЕ? (в % от числа опрошенных)

	1948 VIII	1953 XI
Денацификация была необходима и достигла поставленной цели	4	5
Денацификация имела множество изъянов, но в целом она достигла своей цели	10	12
Денацификация была необходима, но она была плохо реализована	39	23
Денацификация была ненужной и плохо реализованной	31	26
Денацификация была не чем иным, как крючкотворством, обманом и придирами оккупационных властей	9	14
Не знаю / Затрудняюсь ответить	7	20

но она была плохо реализована» (39%), 31% респондентов считали, что «денацификация была ненужной и плохо реализованной» (31%), и еще 9%, что она «была не чем иным, как крючкотворством, обманом и придирами оккупационных властей» (таким образом, доля негативных оценок достигала 40%). Спустя пять лет, когда оккупация являлась уже делом прошлого, доля разделявших мнение о необходимости денацификации, но считавших, что она была плохо реализована, сократилась до 23% (на 16 п.п.), но произошло это, по всей видимости, за счет затруднившихся с ответом, доля которых выросла с 7 до 20%. При этом негативная оценка этого процесса сохранилась на уровне 41%, а позитивная выросла всего на 3 п.п. — до 17%¹.

Скепсис большинства историков в отношении политики денацификации связан также с тем фактом, что после завершения денацификационного процесса под контролем союзников все быстро вернулось на круги своя. Так, по данным Уильяма Гриффита, уже к 1950 году от 40 до 80% нацистов в различных сферах вернулись на свои посты². И все приговоренные к разным срокам тюремного заключения высокопоставленные чиновники и военные были либо амнистированы, либо освобождены досрочно в период 1949–1951 годов.

Таким образом, важно зафиксировать проблематичность политики денацификации как в концептуальном плане (слишком расширительный подход, включение в программу рядовых членов партии), так и в плане реализации, особенно с момента передачи программы в руки немецких земельных правительств. Расчет американцев на эффективную реализацию денацификации немецкими властями не оправдался. Ретроспективно обращаясь к анализу этих мер,

очевидно, что немецкие исполнители саботировали процесс, затягивая его и превращали в фактическую реабилитацию, обеление нацистских кадров. В то же время шансы на успех в контексте послевоенной оккупации могла иметь только быстрая, решительная и разумно ограниченная по объему программа очищения общества от нацистских активистов и пособников³. В контексте набиравшей обороты холодной войны, руководствуясь новыми интересами в Европе и подталкиваемые необходимостью ускорения экономического развития западной части Германии, западные союзники не были готовы настаивать на последовательном проведении денацификационных мер.

Тем не менее, несмотря на все проблемы и сложности в реализации программы денацификации, важно, что, как справедливо отметила Барбара Маршалл, «союзниками была создана рамка, которая позволила немцам впоследствии самостоятельно осуществить процесс социальных и политических изменений»⁴.

Список литературы

1. Гудков Л.Д. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка. Оpubл. в: Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. С. 362–447.
2. Жаронкина Е.А. Политика американских оккупационных властей по денацификации и демократизации Западной Германии (1945–1949). Дисс. ... канд. ист. Наук. Томск, 2009.
3. История Германии. В 3 т. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: КДУ, 2008.

³ Cohen D. Op. cit. P. 82.

⁴ Marshall B. The Democratization of Local Politics in the British Zone of Germany: Hanover 1945–47 // Journal of Contemporary History. Vol. 21. No. 3. July 1986. P. 414, 447.

¹ Noelle-Neumann E.; Neumann E.P. (eds.) The Germans: Public Opinion Polls 1947–1966. Allensbach, Verlag für Demoskopie, 1967. P. 219.

² Griffith W.E. Op. cit. P. 74.

4. *Кун Г.* Возвращение из преисподней: денацификация послевоенной Германии // Историк и художник. № 12. 2007. [Электронный ресурс]. <<http://polit.ru/article/2007/07/04/kun/>>
5. *Лебедева Н.С.* Дорога в Нюрнберг // Нюрнбергский процесс в документах российских архивов. [Электронный ресурс]. <<http://nurnberg.rusarchives.ru/predislovie>>
6. Международное публичное право. Сборник документов. В 2 т. М.: БЕК, 1996.
7. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. М.: Юридическая литература, 1987–1999.
8. *Петров Н.В.* По сценарию Сталина. Роль органов НКВД — МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. М.: РОССПЭН, 2011.
9. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М.: Госполитиздат, 1955.
10. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. В 6 т. М.: Изд-во политической литературы, 1978–1984.
11. *Biddiscombe P.* The Denazification of Germany 1945–48. The History Press Ltd., 2006.
12. *Cohen D.* Transitional Justice in Divided Germany after 1945. In: Elster, Jon. Retribution and Reparation in the Transition to Democracy. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 59–89.
13. Denazification Summary. Excerpt of OMGUS Report, prepared by the Civil Administration Division covering 18-month period // Information Bulletin, magazine of U.S. Military Government in Germany. No. 169. September 6. 1949.
14. *Eichmüller A.* Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen durch westdeutsche Justizbehörden seit 1945. Eine Zahlenbilanz // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Vol. 56. No. 4. 2008. S. 621–640.
15. Enactments and Approved Papers of the Control Council and Coordinating Committee. Allied Control Authority, Germany (1945–1948). Legal Division of the Office of the U.S. Military Government for Germany, 1945. Vols. I–II.
16. *Griffith W.E.* The Denazification in the United States Zone of Germany // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 267. January 1950. P. 68–76.
17. Handbook for Military Government in Germany Prior to Defeat or Surrender. Supreme Headquarters, Allied Expeditionary Force, Office of the Chief of Staff, December 1944.
18. *Helle K.J.* The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law. Oxford: Oxford University Press, 2011.
19. *Herz J.H.* The Fiasco of Denazification in Germany // Political Science Quarterly. Vol. LXIII. No. 4. 1948.
20. *Laudani R.* (ed.) Secret Reports on Nazi Germany: The Frankfurt School Contribution to the War Effort. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2013.
21. *Marshall B.* The Democratization of Local Politics in the British Zone of Germany: Hanover 1945–47 // Journal of Contemporary History. Vol. 21. No. 3. July 1986.
22. *Merritt A.J., Merritt R.L.* (eds.) Public Opinion in Occupied Germany. Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 1970.
23. *Niethammer L.* Die Mitläuferfabrik. Die Entnazifizierung am Beispiel Bayerns. 2. Auflage, Bonn, 1982.
24. *Noelle-Neumann E.; Neumann E.P.* (eds.) The Germans: Public Opinion Polls 1947–1966. Allensbach, Verlag für Demoskopie, 1967.
25. “Now It’s Up to the Germans”. U.S. Office of Military Government for Germany, Weekly Information Bulletin. No. 49. July 8. 1946.
26. OMGUS, Denazification (Cumulative Review), Report of the Military Governor, 1 April 1947 – 30 April 1948. No. 34. 1948.
27. *Plischke E.* Denazification Law and Procedure // The American Journal of International Law. Vol. 41. No. 4. October 1947. P. 807–827.
28. *Plischke E.* Denazifying the Reich // Review of Politics. Vol. 9. No. 2. April 1947. P. 153–172.
29. *Puaca B.* Learning Democracy: Education Reform in West Germany, 1945–1965. New York: Berghahn, 2009.
30. *Romeike, Sanya.* Transitional Justice in Germany after 1945 and after 1990 // International Nuremberg Principles Academy, Occasional Paper. No. 1. 2016.
31. *Rücker A.* The Investigation of Nazi Crimes 1945–1978. A Documentation. Trans. Derek Rutter. Heidelberg: C.F. Müller, 1979.
32. *Taylor T.* The Anatomy of the Nuremberg Trials: A Personal Memoir. Skyhorse Publishing, 1993.

Лев ГУДКОВ

Вторичный, или возвратный, тоталитаризм

Предварительные замечания

Лет двадцать назад в Перудже, в Итальянском университете для иностранцев, я читал лекции о советской системе, о причинах ее краха, о горбачевской перестройке и реформах Ельцина. Уже под конец своего рассказа о накопившихся и неустраняемых противоречиях планово-распределительной экономики и тотального государства, парализовавших волю людей и их способность к изменениям, я был сбит с толку неожиданным вопросом недоумевающего немецкого студента, явного левака, анархиста или троцкиста: «А зачем существует такая система?» «Зачем?» (не причинно-следственная форма: «Почему?» или функциональная: «Как?», а целевая: «Зачем?»). Меня обескуражила сама постановка вопроса: какова цель такой системы и кто ее мог поставить? Подразумевалось: кому нужна такая система? За меня ответил (вопросом на вопрос) мой коллега, историк и социолог Виктор Заславский: «А зачем немцы гнали один за другим эшелоны с евреями в Освенцим, когда их Восточный фронт испытывал острую нехватку транспорта для снабжения воюющей армии?»¹

Телеологическая постановка вопроса в силу своей архаичности вскрывает проблему смысла коллективных человеческих отношений, а значит, и соотношения мотивов и ценностей, которыми руководствуются люди (в том числе и значимости насилия). Другими словами, когда речь заходит о коллективной или институци-

ональной рациональности, структуре гораздо более сложной и разнородной, чем инструментальное взвешивание «цель — средства», которым обычно ограничиваются российские исследователи, экономисты и политологи, непригодными, точнее, бессмысленными оказываются простые одномерные модели вроде «человека экономического» или любимая нашими экономистами и психологами «пирамида Маслоу» — условный образ голого дикаря с точки зрения культурной антропологии и культурного же символизма. Почему обыватель поддерживает и одобряет режим Путина, но одновременно готов протестовать против пенсионной реформы, требует отправить в отставку правительство Медведева, разделяет самые примитивные антизападные стереотипы и демагогию официальной пропаганды и вместе с тем хочет «нормализовать отношения» с западными странами, верит в то, что Майдан организован ЦРУ, в восторге от аннексии Крыма, но не хочет платить за это? Список таких вопросов (касающихся, например, убежденности в тотальной коррумпированности государства, эгоизме и жадности высших чиновников и всего политического класса) можно продолжать и продолжать, но ответов на них не находится.

Одно из возможных объяснений подобной способности самоизоляции исследователей состоит в том, что предлагаемые для интерпретации схемы человеческого поведения не собираются учитывать многослойность оснований человеческой мотивации, то, что системы нормативной регуляции и гратификации поведения могут включать разные пласты культурных значений, имеющих разную временную длительность и разные символические горизонты. Большая часть политологических рассуждений российских комментаторов строятся на сиюминутных реакциях общества на те или иные события, действия властей, депутатов, заявления зарубежных политиков, то есть объяснения строятся на модели простейшей рациональности «стимул — реакция», «потребности — удовлетворение». Эта бедность социологического воображения оборачивается тем, что интерпретаторами не осознается действие институтов,

¹ Совсем недавно я натолкнулся на такие же аргументы в только что вышедшей на русском языке книге Х. Арндт: «Если исходить из того, что большинство наших действий имеют утилитарный характер и что наши злодеяния берут начало в некотором “преувеличении” личной выгоды, то мы вынуждены заключить, что этот конкретный институт тоталитаризма недоступен человеческому пониманию. Если же, с другой стороны, отвлечься от любых норм, которых мы обычно придерживаемся, и рассматривать исключительно фантазмы идеологических утверждений расизма в их логической чистоте, то нацистская политика истребления оказывается более чем осмысленной. <...> Существенной оказывается их [лагерей] антиутилитарная функция, тот факт, что даже крайне критические ситуации в ходе военных действий не могли оказать влияния на эту “демографическую политику”. Нацисты как будто бы были убеждены, что поддерживать работу фабрик смерти было важнее, чем выиграть войну». Арндт Х. Методы социальных наук и изучение концентрационных лагерей. // Арндт Х. Опыты понимания 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М.: Институт Гайдара, 2018. С. 397, 398.

вбирающих в себя смысловые значения большого времени — социально-культурные пласты предшествующих исторических периодов, которые проходило общество, и соответственно действующие институциональных структур, имеющих разные формы своей «культурной записи», разную систему артикуляции и публичного осознания. Значительная часть массового поведения в принципе не может быть истолкована однозначно («рационализирована» в категориях цель — средства), поскольку социальные механизмы регуляции могут включать такие положения, которые «убирают» или «прячут» от внешнего наблюдателя некоторые мотивы и интересы действия субъекта. Встроенные в цепочку внешних смысловых оправданий (для себя, для других) эти моменты поведения образуют как бы «бессознательные» императивы действия, раскрываемые лишь путем специальных реконструкций, похожих на приемы психоанализа. Но именно это «подсознание» (или коллективное бессознательное, **Id** социальной массы) представляет собой глубоко интернализированный коллективный опыт, часто табуированный и не подлежащий публичной артикуляции и интерпретации, социальные нормы, воспроизводимые целыми поколениями, пережившими сталинский террор, принудительный и закрепленный порядок работы, бедность повседневной жизни. То, что интерпретаторы называют «неискренностью» в ответах респондентов при социологических опросах или «страхом», должно пониматься как проявления структур рациональности, неизвестной этим толкователям.

С точки зрения *объективных* национальных интересов (которые нетрудно отождествить с реальными интересами населения¹) такие действия российских властей, как война в Сирии, присоединение Крыма, война в Донбассе, установление протектората над Абхазией, Южной Осетией и Приднестровьем, поддержка Ирана, конфронтация с самыми развитыми странами в мире, являющимися для России источником технологических новаций, инвестирования капитала, правового просвещения, социального подражания и т.п.), иррациональны, абсурдны и

¹ «Объективными» их можно считать в силу того, что они присущи абсолютному большинству населения, горизонт существования которого определен практическими заботами повседневной жизни. Диапазон их невелик (из-за ограниченности самих запросов): от пожеланий «жить не хуже других» до норм физического выживания («средств хватает только на еду»). Они «реальны», поскольку на них в своих политических заявлениях ориентируются руководство и ведущие политики, обещающие в своих долгосрочных планах повысить благосостояние и качество жизни населения России.

вредны. Как считает население, приоритетными целями политики правительства должны быть достижение высокого уровня благосостояния (или, по крайней мере, не ухудшение достигнутого), качество и доступность здравоохранения, бесплатное образование, развитие социальной инфраструктуры (строительство хороших дорог, газификации, канализации и т.п.).

С точки зрения правящего сегодня в России режима «национальные интересы» включают в себя совершенно другие ценностные значения — величие Державы, геополитические планы, принуждение других стран к «уважению» России. Но как раз они, а не что-нибудь иное, вызывают одобрение россиян, обеспечивая массовую поддержку власти. Представление о мощи Государства, опирающееся на военную силу, на угрозу применения ядерного оружия, означает высокую ценность насилия как такового в массовом сознании, символически выраженную авторитетом соответствующих институтов². Разумеется, россияне сознают значимость таких оснований престижа страны в мире, как качество жизни населения, экономическое, технологическое или научное развитие, культурное наследие³. Но понимание того, что Россия в настоящее время не может даже надеяться когда-нибудь сравняться с развитыми странами, заставляет их (во внутреннем театре кривых зеркал, льстящих представлений о себе) переворачивать иерархию приоритетов, ставя на первое место понятие воинской славы и национальной чести. Героизация насилия как условие признания величия страны — обратная сторона сознания коллективной ущербности, требующей компенсации. Идеологическая эксплуатация этих комплексов была и остается одним из наиболее частных способов массовой мобилизации в интересах правящих элит. Мотивы тут могут быть разными — сохранение своей власти или, напротив, борьба за власть конкурирующих партийных групп.

Насилие в этом плане есть механизм варварского самоутверждения (в смысле тождественный эпохе варварства), активизирующий глубоко лежащие слои культуры и архаические образцы поведения. Говоря о «варварстве», я, конечно, отдаю себе отчет в том, что такое «вар-

² См. ОМ-2016, с. 138–140, табл. 14.15–14.19, 14.1.11–14.1.20; ОМ-2017, с. 35, табл. 3.1.9–3.1.10, 9.2.5, график 9.5.1. В сентябре 2018 года авторитет (влиятельность) социальных институтов в общественном мнении распределялся следующим образом: 1) армия (66%); 2) президент (58%); 3) ФСБ и другие виды политической полиции (50%); 4) религиозные организации, РПЦ (48%) и т.п. Профсоюзы, политические партии, парламент, правительство называли в этом отношении от 16 до 27%.

³ См. ОМ 2017, с. 35, табл. 3.1.14–3.1.16.

варство» прошло через разные фазы идеологического рафинирования и сублимации, разнообразных средств оправдания применения силы — военной и полицейской (империи, социализма, православного русского мира и т.п.) и расширения сферы их действия. Функция такого варварства может и должна пониматься совершенно в духе гоббсовского Левиафана как транслирование суверенитета тотальному государству через стерилизацию и устранение многообразия ценностей, автономии и значений подданных, присвоения их значимости только одной инстанцией — вертикально структурированной властью, апроприирующей и монополизирующей право утверждать, что важно для всех, а что нет, кто свой, а кто чужой¹. Для меня здесь важно, что все подобные переинтерпретации в конечном счете нанизаны на одну ось — всякий раз они оказываются лишь своеобразной апологией архаического «права сильных» и обеспечением единодушия подданных, консолидированных своим общим участием в насилии (пусть даже это насилие носит характер демонстративного одобрения милитаристской политики руководства страны, пассивного соучастия в изгнании «дьявола» — проклятия и осуждении тех, кто превращен во врага народа или вражескую страну, кто стал благодаря суду или пропагандистской инквизиции «отродьем рода человеческого», отщепенцем, кто принеся или превращен в «жертву отпущения»)².

Теоретической проблемой для понимания тоталитаризма является само сочетание этих разнородных слоев (символических значений целого и повседневного благополучия) массовых представлений, поскольку с этим связана сама специфика и устойчивость нынешнего российского режима. Важно подчеркнуть, что мы имеем дело не с периодической переоценкой ценностей (пересмотром соотношения курсов разных благ, повседневной частной или общей коллективной жизни), а функциональным механизмом перевертывания взаимосвязанных

и рутинных компонентов системы представлений, сочетания коллективных символов и частных интересов. Симптомом этого переворачивания в актах одобрения силовой политики Кремля является перемена мест у причины и следствия: собственная политика милитаризации и провоцирования конфликтов оправдывается тем, что только таким образом (превентивным захватом чужих территорий, поддержкой «зеленых человечков», защитой от международного терроризма, развертыванием ракетных комплексов на западных границах, участием в межплеменной и конфессиональной розни на Ближнем Востоке и проч.) можно «предотвратить большую войну», которой угрожает русофобский Запад. Тем самым обеспечивается не только декларативная солидарность с властью, но и самоутверждение масс.

Сами по себе аргументы типа «хочешь мира, готовься к войне» известны и понятны. Взятое в отдельности это обстоятельство неинтересно. Для нас существенно то, что идея насилия кладется в основание социального порядка и легитимности режима, решения возникающих многообразных проблем отношений власти и населения: государственного регулирования экономических отношений, ужесточения уголовного наказания, расширения применения смертной казни, усиления цензуры, одобрения или, по меньшей мере, согласия на санкции против других стран, даже если это бьет по благосостоянию и потреблению самих людей. Мало кто в России ставит под сомнение право государства вмешиваться в сферы частной, общественной жизни (науку, культуру, мораль, искусство), обсуждать правомочность введения тех или иных налогов, права собственности и проч. Практически никто не задает вопросов о легитимности налоговой системы — праве изъятия большей части доходов граждан («узаконенный грабеж», как его называют историки³),

³ *Адамс Ч.* Влияние налогов на становление цивилизации. Москва; Челябинск: Социум-Мысль, 2018. Гл. 38 «Для чего предназначены конституции». С. 543–557. Сегодня в России с 1 рубля доходов государство забирает себе в виде различных налогов более 65 копеек: налог на доходы физических лиц (13%) платит сам гражданин (считается, что «лично», но обычно эти суммы автоматически вычитаются при получении зарплаты, гонораров и прочих денежных поступлений); еще три налога платит работодатель (в Пенсионный фонд России — 22%, в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования — 5,1%; в Фонд социального страхования — 2,9%). Налог на добавленную стоимость — 18% (с 1 июля с.г. — 20%) — платят все потребители. Итого — 63%. Кроме того, к ним нужно прибавить имущественные налоги (на недвижимость, землю и др.), транспортный налог на автовладельцев и компании, занимающиеся грузоперевозками (включая сборы на «Платон»), которые опосредованно ложатся на всех потребителей, акцизы на топливо, вино, табак, штрафы и т.п.

¹ «Недемократические режимы не просто *de facto* ограничивают свободу меньшинств, но и, как правило, четко прописывают юридические ограничения, оставляя простор для интерпретации таких законов не объективным независимым органам, а самим правителям, которые к тому же применяют их крайне избирательно». *Линц Х.* Тоталитарные и авторитарные режимы. Введение // Неприкосновенный запас. 2018. № 4. С. 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2018/4/totalitarnye-i-avtoritarnye-rezhimy.html>.

² О необходимости «жертвы», соучастия в преступлении, убийстве или изгнании «козла отпущения» как условия конституирования коллектива и поддержания солидарности см.: *Жерар Р.* «Насилие и священное». М.: НЛО, 2000 и 2010; *Жерар Р.* «Козел отпущения». СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2010.

более того, большинство россиян и не знают, сколько и каким образом государство забирает у них денег, на что они идут, поскольку государство и не собирается отвечать на них, закрывая значительную часть данных о расходах бюджета, фальсифицируя данные статистики и т.п. Именно тотальная безгласность налогового крепостного права лучше, чем любые другие характеристики социального поведения, говорит о тотальной природе российского режима. Автоматические вычеты налоговых сумм из зарплаты работников, репрессивный характер налоговой службы по отношению к бизнесу и к НКО хорошо сочетаются с полным произволом в установлении налогов и расходами бюджета правительством и региональной администрацией¹.

Ресурсы крымской патриотической мобилизации, как показывают данные опросов общественного мнения 2018 г., исчерпаны. Многие наблюдатели, указывая на явные признаки подступающей долгосрочной депрессии в экономике, на рост социального раздражения и массового недовольства, говорят о недооценке протестного потенциала, о надвигающихся политических изменениях в России². Публицисты продолжают гадать о том, что нас ждет после ухода Путина в 2024 г. Радикально настроенные оппозиционеры заявляют об «агонии путинского режима»³. Жесткость суждений и оценок положения дел в России заметно выше у тех, кто раньше, при Ельцине, был во власти, но оказался выкинутым или вытесненным оттуда путинской генерацией функционеров, или у тех, кто уехал в последние годы из страны.

Ход мысли рассуждающих в таком духе прост и кажется логически безупречным: не-

довольство населения снижением уровня жизни рано или поздно (скорее даже в ближайшее время) породит массовые выступления против коррумпированного режима, эрозию легитимности режима или ее утрату, а это неизбежно приведет к смене власти в результате раскола элит, конфликта интересов влиятельных группировок, составляющих ближайшее окружение Путина, теряющих свои активы из-за санкций, международной изоляции страны, которая будет только усиливаться по мере продолжения агрессивной политики России. Положение дел (в этой картине происходящего) будет усугубляться из-за того, что высшее руководство страны, продолжая свои геополитические игры, постепенно теряет чувство реальности, что грозит ввергнуть страну в военные авантюры, которые не могут кончиться не чем иным, как катастрофой⁴. В лучшем случае это будет позорный мир, близкий к поражению (как это было в Афганистане или Чечне), или крах экономики, не выдержавшей новой гонки вооружений, разорение населения. Эффективность государственного управления явно снижается из-за накапливающейся некомпетентности правящей бюрократии, причина которой — негативные последствия подбора кадров по критерию личной беспринципности и лояльности, не контролируемые и не признаваемые властью, а также коррупция, разъедающая исполнительскую дисциплину управления, ведущая к скрытой децентрализации власти⁵. Попытки руководства бороться с этими явлениями путем ужесточения выборочных наказаний отдельных чиновников, перераспределением власти в регионах в пользу силовиков (доля силовиков в региональной администрации постоянно увеличивается) воспринимаются населением с недоверием и никак не влияют на укрепление доверия и легитимности режима. Участившиеся в последние годы показательные процессы против высокопостав-

¹ В советское время (даже не при Сталине, а уже при Хрущеве) налоги на частных, ЛПХ колхозников и горожан в малых городах и ПГТ разоряли страну, вели к бегству сельского населения в города, создавая условия для хронического голода или дефицита продуктов питания.

² См. аналитический доклад «Стресс-тест на пол-России. Технологии электорального доминирования и их ограничения. Анализ региональных выборов 2018 г.». Авторы Н. Зубаревич, А. Кынев, Н. Петров, К. Рогов. М.: Либеральная миссия. 01.10.2018. URL: <https://www.liberal.ru/apops/7275> и Рогов К. Дрейф на льдине, не похоже на Крым // «Новая газета». № 1. 09.01. 2019. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/01/08/79126-dreyf-na-ldine-ne-pohozhe-na-krym>

³ См., например, одно из многих подобных заявлений, сделанных Гарри Каспаровым: «Мы присутствуем при агонии режима Путина» // Радио «Свобода», 14 декабря 2018 г. URL: <https://www.svoboda.org/a/29654496.html>. Следует отметить, что чем меньше поддержка таких партий, тем более категоричным становится тон прогнозов их политических лидеров. При этом сам по себе гипотетический уход Путина у говорящих не вызывает сомнений. Одновременно заметно усилился и градус славословия на федеральных каналах ТВ в честь бессменного президента и его великих свершений.

⁴ Здесь и шантаж западных стран угрозой применения ядерного оружия, и провоцирование конфликтов в разных частях мира, и демонстративное военное сотрудничество с Ираном и другими диктаторскими режимами, и поддержка правых сил в Европе, и хакерское вмешательство во внутренние дела разных стран. В какой степени такие угрозы являются пропагандистским блефом, присущим тоталитарным режимам, а в какой представляют собой реальную опасность для мирового сообщества и населения России, сказать невозможно.

⁵ Широко разрекламированные нацпроекты, ставшие важной частью популярности президента, оказались невыполненными, как и предсказывали эксперты; новые обещания и планы, еще менее подкрепленные какими бы то ни было реальными расчетами и ресурсами, лишённые каких-то конкретных показателей, воспринимаются обществом все с большим равнодушием.

ленных коррупционеров (как и против протестующих активистов гражданского общества, пользователей Интернета) порождают страх и чувство нестабильности внутри бюрократии, но ничего не меняют в самой организации власти и управления¹. Перераспределения влияния внутри кремлевских кланов от «экономистов» и «технократов» к «силовикам», становящихся для Путина единственной гарантией его власти и личной безопасности, лишь подчеркивают значение происходящих изменений: ставка делается на стерилизацию выражения недовольства, любых факторов критики режима, дестабилизации сложившегося социального порядка, с одной стороны, и усиление пропаганды, идеологической доктринации населения для сохранения легитимности власти — с другой².

Трудности концептуального определения путинского режима: поиски термина

Для нашего анализа важно отметить, что в сознании критиков режима моделью для всех случаев быстро нарастающего краха деспотической власти служат события конца 1980-х — начала 1990-х гг. (общественное и национальное брожение в СССР, коллапс коммунистической системы и всего соцлагеря, свержение режима Чаушеску и т.п.). Дополнительными аргументами, подкрепляющими уверенность говорящих, могли быть более ранние примеры демократического транзита в Латинской Америке, успешные реформы (после целой серии студенческих выступлений против военных автократий) в Южной Корее, Тайване или быстрота развития событий в арабских странах («цветные революции», «арабская весна»), падение Каддафи, недавние события в Армении и проч. Других аналогий или концептуальных образцов для объяснения «предстоящих событий», кроме «демократического транзита» или «демократической революции», вроде бы нет. Поэтому напряженные ожидания «вот-вот начнется» заставляют раз за разом пе-

реоценивать силу и смысл отдельных протестных акций и движений³.

Некоторым оправданием интеллектуальной слабости российского экспертного сообщества может быть то, что и в мировой политологии особого концептуального разнообразия, необходимого для описания и анализа процессов в посткоммунистическом мире, также не было и нет, интерес к ним заметно ослаб вместе с ощущением угрозы для Запада, исходящей от СССР. Если отвлечься от явного недостатка информации о том, что происходило в закрытом обществе соцлагеря в 1950—1980 гг., можно сказать, что степень и характер интереса к событиям в СССР определялись ощущением той опасности (военной, идеологической), которую представляли тоталитарные режимы для демократических стран.

В послевоенные годы (с 1950 г. по конец 1960-х или даже до начала 1970-х) изучение тоталитаризма политологами, историками, экономистами, социологами не было академическим занятием, мотивированным чисто отвлеченным интересом. В условиях послевоенного противостояния двух мировых систем — западной демократии и советского блока — крайне важно было адекватно оценивать потенциал тоталитарного режима, провозгласившего своей миссией уничтожение западного мира, мобилизовавшего все свои ресурсы для создания мощнейшей военной машины, включая готовность применить ядерное оружие, поддерживавшего в разных регионах мира радикальные социалистические движения и партии. Понимание возможных векторов эволюции тоталитаризма требовало работы сразу в двух направлениях. Первое было связано с глубоким исследованием природы тоталитарных систем, истории их возникновения, описания различных типов господства, институциональной структуры и функциональных особенностей организации власти, пропаганды, влияния идеологии, механизмов массовой мобилизации, террора и др. Второе — с анализом способ-

¹ См. серию статей Н. Петрова в «Ведомостях» (от 22.08.2018, от 30.08.2017 и от 05.09.2017): «Путинская перестройка»; «Репрессии стали механизмом контроля элиты»; «Методы репрессий отработываются в регионах» (URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/23/730610-putinskaya-perestroika>; <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/30/731537-repressii-kontrolya-eliti>; <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/06/732503-metodi-repressii>).

² Достаточно указать на законопроект о наказании за проявление неуважения к чиновникам, который вначале получил отрицательный отзыв в ряде ведомств, но затем был одобрен ими же и прошел уже вторые чтения в Госдуме.

³ Так было в момент вспыхнувших, казалось бы, совершенно неожиданно массовых антипутинских демонстраций после выборов 2011 г., давших повод многим политологам упрекать социологию, не способную спрогнозировать массовые волнения и изменения. Предостережения о быстром исчерпании протестного потенциала из-за отсутствия социальной организации движения и неспособности к консолидации, вытекающие из социологического анализа общества и его институциональной системы, не принимались во внимание, равно как и характер крайне националистических первых выступлений против системы (Кондопога, Манежная и др.). Вера в предопределенность и неизбежность демократических и рыночных изменений ограничивали и без того скудный теоретический ресурс наших политологов.

ности демократических институтов западных стран к сопротивлению экспансии тоталитаризма и собственному прогрессирующему развитию, готовности к инновациям, изменениям, адекватным ответам на вызовы нового времени — формированию более справедливого общества. Подавление восстаний или оппозиционных движений в соцстранах (Венгрия 1956 г., Пражская весна, спорадические волнения в Польше в 1956-м, 1967–1968-м и 1970–1971-м, завершившиеся только к 1980 г. появлением «Солидарности» и др.) лишь усиливало значимость и своеобразие западных политических институтов — представительской демократии, независимого суда, свободы прессы, гражданских организаций, постоянно апеллирующих к моральной оценке политики, включая политику прошлого.

Реформы 1990-х гг. завершились путинским поворотом к агрессивному традиционализму, национализму и экспансионистской внешней политике, ликвидацией многопартийности и свободы коммуникаций, доминированием государства в экономике, шельмованием и подавлением не только оппозиции, но и ее социальной почвы — гражданского общества. Нынешнее нарастание интенсивности и объема государственного насилия, сопровождающееся демагогией и циничной пропагандой (которые тоже должно рассматривать как особый вид насилия), независимыми российскими исследователями воспринимается и описывается как вторичное, сопутствующее явление укрепления авторитаризма. Это, дескать, издержки случайно возникшего, необязательного с точки зрения истории (или, что то же самое, логики транзита) авторитарного правления, основанного на кланово-бюрократическом распределении сырьевой ренты. Это временная задержка, откладывание прихода демократии. Насилие здесь мыслится как сопутствующий феномен или условие сохранения власти, оно как бы не имеет самоценного или самодостаточного характера, а потому не может считаться конститутивным свойством путинского режима (и не считается таковым). Ничего специфического или особенного, согласно мнению абсолютного большинства российских экспертов или зарубежных политологов, в этом режиме нет¹. На-

¹ «Нормальная развивающаяся страна», по определению А. Шлейфера и Д. Треймана (*Shleifer A., Treisman D. A Normal Country // Foreign Affairs*. 2004. Vol. 84. No. 2. P. 20–38, рус. пер.: Эковест, 2004. Т. 4. № 1. С. 44–78). Резкая критика подхода авторов последовала почти сразу же: *Розенфилд С.* Ненормальная страна // Эковест. 2004. Т. 4. № 2.

против, немногие другие — критики Путина, маргинальные в силу своей непримиримости — вписывают его режим в ряд крайних форм диктаторских или фашистских систем господства. Но в российском экспертном сообществе такая квалификация расценивается как неприличная резкость публицистов и выход за рамки профессионализма.

Проблема диагноза и теоретического описания путинского правления и тем более его концептуального определения возникла не сразу. Даже после возобновления войны в Чечне, разгрома НТВ и «дела ЮКОСа» еще долгое время сохранялись иллюзии по поводу намерений Путина продолжать прежний курс рыночных и демократических реформ². Так или иначе, но причины реверсного движения остаются непонятыми, все сводится к случайным обстоятельствам, главным образом к особенностям личности Путина, стилю его руководства, к мотивам реванша старой номенклатуры (в первую очередь силовых структур) и интересам сохранения власти у новой правящей элиты, возглавляемой выходцами из тех же спецслужб и армии. Главной причиной этого я бы считал отказ в признании неудачи (институциональной) модернизации России, что, в свою очередь, требует развернутого объяснения.

Трудности концептуального определения заключаются в первую очередь в том, что применительно к данному конкретному случаю (путинской России) требуется соединить задачи идеографического и номографического определения, описать режим в методологически строгих категориях, с одной стороны, и подвести полученное описание под общие типологические конструкции социально-политических процессов и систем, разработанных политологами в последние десятилетия XX в., — с другой. Если первая задача не вызывает каких-либо особых затруднений (накоплен значительный массив данных о различных аспектах путинской политики в самых разных сферах общественной жизни, от армии и экономики до суда над деятелями искусства и блогерами, арестованными за «экстремизм» и «возбуждение ненависти к социальной группе С. 350–366. Даже в 2008–2009 гг. в дискуссиях на «Ходорковских чтениях» в предлагаемых сценариях эволюции России преобладали варианты умеренного реформизма. Суждения о неизбежности усиления репрессий в России, вытекающие из логики самого путинского режима, воспринимались тогда аудиторией с большим скептицизмом и сопротивлением.

² *Гудков Л.* Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения. 2009. № 3 (101). С. 6–21.

сотрудников правоохранительных органов» или к чиновникам, к президенту и т.п.), то вторая, теоретическая, характеристика нынешнего российского режима и общества, напротив, повергает исследователей в состояние растерянности и прострации, демонстрируя их аналитическую несостоятельность или беспомощность.

Многие политологи и экономисты (о публицистах сейчас не говорим) пытаются так или иначе квалифицировать сложившуюся систему господства, персонифицируемую Путиным. Этот ряд открывается понятиями «суверенная демократия», *неофеодализм*, *гибридный режим* (то есть «сочетающий черты диктатуры и демократии»), «электоральная демократия», *авторитарный режим*, *милитократия*, *корпоративное государство*, «мягкий фашизм», *фашизоидный авторитаризм*, *плутократический авторитаризм*, *клетократия*, *мафиозное государство* и т.п. Число подобных определений (все чаще пейоративных) постепенно увеличивается, что говорит о неудовлетворенности исследователей имеющимися характеристиками путинизма. Расширяющееся в мире открыто негативное отношение к нашему национальному лидеру и сформированному им режиму уже нельзя спрятать или нейтрализовать отговорками о традиционной русофобии. Такое отношение все шире проникает в российские СМИ и соответственно в публичное пространство¹.

¹ По ряду соображений я привожу лишь те высказывания, которые прозвучали в «солидной» российской печати, не вызывающей упреков в «экстремизме» или «продажности»: См., например: «Его считают ключевой фигурой огромной постсоветской бандитской клетократии и самым богатым человеком на планете... Хотя он и выглядит как домовый эльф Дотти, на самом деле он безжалостный тиран», — писал Борис Джонсон в декабре 2014 г., за полгода до своего назначения министром иностранных дел Великобритании. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/galleries/2018/07/09/775021-10>; Побывавший с визитом в Москве в составе делегации членов конгресса США сенатор Джон Кеннеди заявил, что иметь дело с российским правительством все равно что «иметь дело с мафией», сообщает Associated Press. Делегация американских законодателей впервые с 2016 г. побывала в Москве с 30 июня по 4 июля, об итогах поездки сенатор рассказал 9 июля в Вашингтоне. «В России нет политической философии. Это как задаваться вопросом, в чем состоит политическая философия мафии», — сказал Кеннеди. «Их философия — это деньги и власть. Такова философия Путина. Он правит железной рукой. Он диктатор», — добавил сенатор. «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/world/20180710/1524277823.html>; то же в <https://www.rbc.ru/politics/10/07/2018/5b44444f9a7947d31ed31d51>; <http://nsn.fm/hots/posetivshiy-ri-senator-ssha-sravnil-pravlenie-putina-s-mafiey.html> «Главный вектор все более ярого и реваншистского национализма в официальной политике Российского государства является реставрационным, а не революционным, как в фашизме». Умланд А. Является ли путинский режим фашистским? Западно-российский клиент? Те-

Дискуссии о том, является ли путинизм разновидностью фашизма или нет, начались примерно десять лет назад после объявления Путиным антизападного курса, усиления цензуры, традиционалистской и имперской риторики в выступлениях кремлевских политиков и СМИ, после войны с Грузией и нарастания конфронтационного тона в отношении к Украине. С аргументами за и против выступали многие известные политологи и публицисты — З. Бжезинский, А. Мотыль, Л. Люкс, В. Иноземцев, Т. Становая и многие другие². В последнее время на эти споры начала накладываться озабоченность многих аналитиков резким ростом крайне правых популистов в Европе и в США³.

Дело не в поиске выразительного слова (чаще обусловленного моральным неприятием путинизма), а в выборе термина, удовлетворяющего потребности в точности и адекватности. Вопрос: адекватности чему? Отличие терминологически закрепленного понятия от оценочной характеристики заключается в том, что **термин** предполагает: а) связь с исходной теорией, в которой он получает дефиницию и методическое ограничение; б) возможность разворачивания объяснительного или дескриптивного потенциала определяющей его концепции, конструкции, фиксируемой этим понятием, а значит, в) операционально последовательную работу, предписываемую логикой теории. В то время как трудности оценочного слова-характеристики (допустим, «чеккистская клетократия» или «фашизоидный режим») не сводятся исключительно к пейоративной функции — акценте на негативных коннотатах, которые оно затрагивает, они указывают на многие **фактические** (подтвержденные, доказанные) особенности данной системы господ-

ствующие споры о «фашизме» и «империализме» Кремля // «Гептер». 2018. 7 мая. URL: http://gefter.ru/archive/24860?_utl_t=fb; см. также: Umland A. Russischer Nationalismus. Der postsowjetische politische Diskurs und die neue faschistische Gefahr // Phase 2. Zeitschrift gegen die Realität. 2019. 13.01. URL: <https://phase-zwe.org/hefte/artikel/russischer-nationalismus-644/>

² Иноземцев В. Вставай, страна огромная: как фашизм возвращается 70 лет спустя. URL: <http://daily.rbc.ru/opinions/politics/22/06/2015/5582da729a794713ec1a6b91>

³ «Слово «фашизм» теперь — на фоне глобального подъема крайне правых демагогов вроде Дональда Трампа, Марин Ле Пен, Виктора Орбана, Нарендры Моди и Реджила Тайипа Эрдогана — вертится у всех на языке. ... Мы все глубоко инвестировали себя в идеологию и психологию фашизма». Синг Чаудхари А., Шапп Р. Рейх суперменеджеров. Американские ученые против американских политиков: вердикт без суда? // Los Angeles Review of Books. 2016. November. No. 7 (русский перевод на сайте «Гептер» от 06.12.2017).

ства, привлекая внимание к отношениям между составляющими ее звеньями или внешними структурами)¹. Другое дело, что в дальнейшем такие связи не могут последовательно разрабатываться, поскольку функция оценки — побуждение к практическому действию, осуждению режима или апелляция к негативной консолидации против него, а не объяснение (понимание смысловых связей). В этом плане оценка, **оценочное суждение** дает лишь однократный эффект, если рассматривать его с точки зрения логики исследования. Яркий эпитет может возбудить исследовательский интерес, но само по себе оценочное высказывание не предполагает *методического предписания действия и продолжение понятийной работы*, то есть указания на возможности подключения логических инструментов других достоверных или проверенных теорий и концепций к интерпретации значимых в проблемном отношении эмпирических наблюдений и фактов. У меня возникает несколько принципиальных возражений против такого рода научной работы.

Во-первых, стремление дать однозначную (сущностную) характеристику путинской системе господства и закрепить ее типологическое сходство с рядом других недемократических режимов (деспотических, диктаторских, несвободных) ведет к гипостазированию, опредмечиванию определения, лишая режим своеобразия и индивидуальности (идеографических характеристик), равно как и необходимости учитывать его изменения. Упрощение (или смысловое обеднение содержания) удобно, если познавательный процесс сводится, как это принято в современных социальных и политических науках, к фиксации отклонений от общей модели или схемы трактовки социальных процессов в развивающихся или переходных странах, когда за образец принимается нормативная модель завершенной модернизации (вестернизации, европеизации). Такая манера или установка

¹ Dawisha K. Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia? N.Y., Simon & Schuster. 2014; «Путинская клептократия» — интервью с Карен Дауиша // Радио «Свобода». 29 августа 2017 г.; Mommson M. Das Putin-Syndikat; München, C.H. Beck, 2017. Мадьяр Б.: «...то, что крадут клептократы, — это доходы, денежные потоки. Дальше идет хищническое государство, когда вы не просто нелегально перенаправляете потоки доходов, но и забираете чужую собственность, раздавая ее другим членам своей "политической семьи"». «Мафиозное государство» — это не просто клептократия, а хищнический режим, где процветает ярко выраженное централизованное рейдерство. Это то, что случилось в России и в Венгрии». Мадьяр Б. «Мафиозное государство. Россия уже прошла точку невозврата». URL: <https://www.colta.ru/articles/mostly/18126-balint-madyar-mafioznoe-gosudarstvo-rossiya-uzhe-proshlo-tochku-nevozvrat>

интерпретаторов соответствует нормам и духу профессионального сообщества, консенсусу — сложившейся в конце 1970—1980-х гг. парадигмы *транзитологии*, получившей свое завершение и полную концептуальную рутинизацию в операциональной методике измерения ценностей Р. Ингельхарта². С методологической точки зрения преобладание таких установок является симптомом познавательного тупика или отказом от познания, превращения научной деятельности в решение типовых задач с готовым ответом. Обратной стороной этой когнитивной ситуации оказывается мода на Big Data, то есть возвращение к давно прошедшим стадиям философии науки — парадигме эмпирического индукционизма, в рамках которой предполагается, что накопление описательных, «эмпирических» данных может служить основанием и толчком для теоретической генерализации и построению гипотез, что сам обильный материал (должным образом статистически обработанный) даст стимул для больших законообразных обобщений. То, что факт уже содержит теоретические послышки, что эмпирические данные конституированы определенным теоретическим и концептуальным интересом, при этом явно не создается, не понимается, а потому и не принимается во внимание. (В строгом смысле такое положение вещей в науке означает вторжение экстранаучных сил и влияний, внешних по отношению к академической среде интересов.) Наивность такого образа мысли маскируется претензией на новизну подхода, значимой в условиях академической конкуренции за научный авторитет, или для влиятельных представителей внешних по отношению к науке инстанций.

Во-вторых, каждое из подобных определений путинизма оказывается статичным и вневременным (или безвременным). Хотя навешивание концептуальных или оценочных ярлыков позволяет дилетанту ориентироваться в массе разнородных сведений, статичность определения закрывает возможности для понимания динамики этой социальной системы, *ее генезиса*

² В ведущих российских университетах такой подход почти единодушно считается единственно научным; здесь совпадают интересы преподавателей — эпигонов западной мысли и властей, нуждающихся в признании России «нормальной развивающейся» страной, такой же, как «все» или как многие другие (что должно снять упреки в эксцессах авторитарного плутократического правления). Другими словами, проблема в том, как соединить «нормальную страну» и «Великую державу». Первая трактовка предназначена для условно внешнего потребителя (российского обывателя, смотрящего на себя как бы «чужими глазами») и тем самым идентифицирующегося с этим «мнением», вторая — для внутреннего, горделивого.

и последующей эволюции. Поэтому неизбежным дополнением к такой установке становятся иллюзии внезапного изменения (краха режима, демократизации общества, доброй воли каких-то реформаторов из числа раскольников в путинском окружении), вера в «черных лебедей» (не менее модной посылки российской оппозиции), в то, что внезапный взрыв массового недовольства и возмущения сметет в близком будущем режим. Мотивы этой веры — субкультурные ценности и желания смены власти (перенос собственных представлений о том, что аморальная политика коррумпированных и некомпетентных чиновников не имеет достаточной поддержки в населении). Фактических оснований для этих взглядов нет, но... «тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Поэтому отрицаются все факты и данные, расходящиеся с подобной установкой.

Возражения третьего типа (с методологической точки зрения самые существенные) сводятся к тому, что режим господства (и общество) при таких определениях мыслится как целостное, однородное и одномерное образование, как *антропоморфный субъект действия* по отношению к таким же однородным и плоским в смысловом плане сущностям — «обществу» (= российскому населению) или другим странам (в первую очередь самым развитым и влиятельным в мире, гипостазированным «Западу», США, «Европе», «Китаю», исламскому миру и т.п.). Антропоморфизация режима закрывает методические и теоретические возможности иного подхода, более адекватного для социологической работы: рассмотрение режима (системы господства) как структуры взаимодействия обладающих разным пониманием ситуации, видением партнера, мотивами и интересами акторов, то есть анализом ситуации в категориях борьбы, повиновения, условного консенсуса, взаимной манипуляции друг другом, готовности к обману и быть обманутыми, адаптации и т.п.

Постановка вопроса: есть ли выход из тоталитаризма?

В 1951 г. Дэвид Рисмен, один из самых авторитетных американских социологов 1950–1960 гг., утверждал, что разложение тоталитаризма будет происходить под влиянием роста и расширения масштабов коррупции, теневой экономики, политической апатии населения, которые он рассматривал как признаки процессов деидеологизации¹. Исходя из личного

опыта (в 1931-м он приезжал в СССР), Рисмен утверждал, что идеологические фанатики со временем должны уступить место беспринципным и коррумпированным чиновникам, функционерам, озабоченным уже не планами реализации утопии коммунистического общества, а повседневным самосохранением своего положения и собственным обогащением.

Тем самым, если я не ошибаюсь, Д. Рисмен первым поставил вопрос, какие внутренние факторы, порождаемые самим характером функционирования таких режимов, могли бы привести к трансформации или распаду тоталитарных систем. Можно спорить, оправдался его прогноз или нет (после этого заявления советская система прожила несколько больше, чем до того), и приводить аргументы за и против, ссылаясь на различные свидетельства, документы или литературные произведения²,

и в большей степени ее способность служить антидотом к идеологическому фанатизму». *Riesman D. Some Observation on the Limits of Totalitarian Power / Riesman D. Abundance for what? And other Essays.* Anchor Books Edition; Doubleday & Company, Inc., Garden City, New York, 1965. P. 80. В основе цитируемой статьи положен доклад, прочитанный им в Нью-Йорке в 1951 г. на 2-й конференции по тоталитаризму, организованной Американским комитетом за свободную культуру. Первая публикация доклада состоялась в: *The Antioch Review.* 1952. Vol. 12. No. 2. P. 155–168.

² Самым известным в советское время «документом» такого рода, а именно свидетельством сосуществования разновременных культурных и временных пластов, нормативных систем, адаптивных механизмов, гетерогенных социальных и моральных представлений складывающегося тоталитарного социума, следовало бы считать романы И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» (1928) и, в еще большей мере, «Золотой теленок». Работа над последним началась в 1928 г., публикация, первоначально за рубежом, — в 1931-м, в СССР — в 1933-м. Пример А. Корейко, скромного служащего советской бюрократической конторы «Геркулес», позволил авторам обозначить схемы крупномасштабных коррупционных операций и взаимоотношений, напоминающих сегодняшние махинации высших российских чиновников и олигархов. Можно сослаться на совсем раннюю работу Б.Д. Бруцкуса (Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // «Экономист». Пг. 1922. № 1–3; вскоре после этой публикации он был выслан из России по распоряжению Ленина в числе других пассажиров «философского парохода»), в которой он, задолго до Я. Корнаи, делал вывод о неизбежной дефицитности формирующейся советской социально-экономической системы, вытекающей из самой сути государственного директивно-планового распределения. Хронический дефицит, который он как экономист-практик фиксировал эмпирически и каждодневно, таил в себе непрременный административный произвол и бюрократические злоупотребления, которые с течением времени должны были закрепиться в виде статусных привилегий и социального неравенства. Еще более радикально-критические выводы в это же время (в 1922 г.), обоснованные уже чисто теоретически, были сделаны Л. фон Мизесом «*Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Sozialismus*» (рус. пер.: *Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ.* Москва: Catalaxy, 1994; Москва; Челябинск: Социум, 2016). Впрочем, в каком-то смысле не менее «авторитетным» свидетельством, можно считать работы тех же лет самого В. Ленина, где он пишет о необходимости систематических чисток госаппарата и борьбы с совбюрами.

¹ «Мы должны пересмотреть и по-иному оценивать роль коррупции в обществе, в меньшей степени подчеркивая ее негативные свойства»

но мне в данном случае важнее подчеркнуть изменения в самой логике тогдашнего анализа тоталитарных режимов.

«Тоталитаризм» предшественниками и современниками Рисмена (как и сегодня) мыслился как своего рода идеологический и институциональный монолит, опирающийся на массовую поддержку и признание, который можно разрушить лишь в результате военного поражения, как это было с нацистской Германией или фашистской Италией. Представляемая воображением «незыблемость» сращения «государства и общества», их единство и целостность, подразумеваемые в самой идее и метафоре «тотальности» подобных режимов, семантически не допускали какого-либо концептуального хода, предполагающего их внутреннее изменение. Эта ригидность понятийной конструкции во многом стала причиной не только критики теорий тоталитаризма, но и отказа от самой этой концепции¹. Хотя и до Рисмена были исследователи, которые указывали на неоднородность тоталитарных систем, наличие различных групп интересов, ведомственных кланов, борющихся между собой, идеологических течений, но на них мало кто обращал внимание из тех, кто работал с понятиями тоталитаризма (точнее, не делались необходимые выводы из подобных наблюдений и высказываний)². В то время усилия исследователей тоталитаризма были сосредоточены на том, чтобы фиксировать и описывать эмпирические характеристики таких принципиально новых для того времени специфических образований, как нацизм, фашизм и советский коммунизм, выделяя их общие черты, схожесть их структуры и функционирования.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. еще были неясны судьбы восточноевропейских стран, включенных в общие границы соцлагеря, непонятным было будущее Китая, оказавшегося под руководством Мао Цзэдуна. Еще не были введены в научную дискуссию две принципиально

важные в теоретическом плане работы: «Истоки тоталитаризма» Х. Арндт (книга еще не вышла из печати, хотя сам текст был закончен в 1949 г.) и доклад о «тоталитарном синдроме» К. Фридриха (1953), в котором были сформулированы программные тезисы для сравнительно-типологических исследований и анализа институциональных структур репрессивных режимов (это будет сделано лишь в 1956-м в совместном докладе К. Фридриха и З. Бжезинского). Но Рисмен, не затрагивая в теоретическом плане природу тоталитаризма, уже тогда задался вопросом: где искать факторы изменения подобных социальных систем? Идея коррупции³ здесь важна именно в методологическом плане как одно из решений при поисках способов теоретической фальсификации тезиса о *тоталитаризме как идеократии*, то есть воспроизводстве идеологических ресурсов массовой поддержки репрессивного режима.

Но уже после кубинского кризиса 1962 г. осознание угрозы гарантированного самоуничтожения противоборствующих сторон и достижение ядерного равновесия сместили фокус интереса ученых. Стало понятным, что противостояние двух систем — это надолго, что перспективы развития будут определяться человеческим потенциалом каждой из них, способностью генерировать идеи, ресурсами технологического развития, а значит, качеством образования, возможностями воображения, прогнозирования, предвидения, в конечном счете культурой и моралью общества. Однако постепенное ослабление внимания к угрозе, исходящей от тоталитаризма, до определенного момента не сказывалось на углубленном изучении исторических и идеологических факторов его формирования.

В 1960–1970-х гг. главным предметом изучения политологов и социологов стали вопросы функционирования демократических институтов в различных странах (политическая антропология, политическое поведение, вопросы парламентаризма), модернизации в самом широком плане, включая процессы деколонизации, появление постиндустриального массового и потребительского общества⁴. Безусловно

¹ Обвинения в «идеологической предвзятости» (тоталитаризм как оценочное понятие, как идеологический инструмент холодной войны), с моей точки зрения, сыграли здесь вторичную роль. Главное — невозможность на тот момент концептуального развития понятия.

² Э. Френкель (*Fraenkel E. The Dual State. New York, 1941*) описывает нацистское «двойное государство» как амальгаму или множество секторов с собственными, хотя и ограниченными суверенитетами. Фюрер играет здесь роль арбитра между разными силовыми структурами и группами интересов; см. также: *Neumann F. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism (New York, 1942; рус. пер.: Нойманн Ф.Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944. СПб.: Владимир Даль, 2015); Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933–1945. Oxford, 1983.*

³ «Я буду обсуждать апатию, коррупцию, свободное предпринимательство, преступность и т.п. угрозы системы безопасности Советов...». *Рисмен Д.* Цит. соч. С. 78.

⁴ Приводимые здесь и ниже работы никоим образом не претендуют на какую-либо библиографическую полноту, это не более чем способ напомнить читателю о времени появления самых авторитетных исследований и дискуссионных компендиумов, таких как: *Masse und Demokratie. Hrsg. von A. Hunold, Erlench-Zürich, 1957; Липсет М.* Политический человек. Социальные основания политики (первое издание

ное лидерство западных стран (США, Европы, Японии, «азиатских тигров», Австралии) показали однозначный характер направленности мирового развития, хотя сама по себе модель модернизации претерпела значительные изменения, стала многомерной, демонстрируя разные социально-экономические траектории быстрой и прогрессирующей эволюции, усложнения социальной структуры обществ этих стран. «Политически это была альтернатива социалистическим идеям, которым США активно противостояли в странах тогдашнего третьего мира. В плане теории основатели школы модернизации (Люсиан Пай, Уолт Ростоу, Эдвард Шилз, Габриэль Алмонд, Сэм Хантингтон) постулировали, что существует только один, и только один, путь к развитой современности, на стадии которой классовые конфликты затухают и сменяются политическим плюрализмом и спокойно ассимилируют меньшинства, экономика вступает в устойчиво бескомпромиссную динамику роста, массовое потребление удовлетворяет потребности населения, а на смену чадающим фабрикам и заводам приходит постиндустриальная футурология»¹.

В 1970-е гг. идея тоталитаризма как полного синтеза государства и общества («партии-государства», «общества-государства», корпоративного государства), означающего

“Political man. The social bases of Politics” — в 1960 г.; рус. изд.: М.: Фонд «Либеральная миссия»; «Мысль», 2016); *Parliamentarismus*. Hrsg. von K. Kluxen. Köln, Kiepenheuer & Witsch, 1967; *Huntington S. Political Order in Changing Societies* (1968; рус. пер.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004). *Putnam R.D. The Beliefs of Politicians: Ideology, Conflict, and Democracy in Britain and Italy*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall (1976); *Putnam R.D. Bureaucrats and Politicians in Western Democracies* (with J.D. Aberbach and B.A. Rockman, 1981); *Demokratie am Wendepunkt. Die demokratische Frage als Proekt des 21. Jahrhunderts*. Berlin, Siedler Verlag, 1996 (особый интерес представляют опубликованные здесь статьи К. Оффе, К. фон Бейме, А. Этциони, Ч. Тэйлора, К. Брахеера, П. Харди и других именитых авторов). Я хотел бы подчеркнуть еще одно обстоятельство: разрыв во времени оригинальных первоизданий подобных работ и их перевода на русский язык, соответственно длительность времени (лаг) вероятной рецепции идей авторов более широкой публикой в России, с одной стороны, а также кем был подготовлен перевод — с другой (МШПИ, фонд «Открытое общество» Дж. Сороса, позднее РОССПЭН и «Либеральная миссия»). Особых дискуссий в России вокруг самих работ, критического разбора их или адекватности, пригодности выдвинутых принципов и подходов для российской проблематики не было. В очень охлажденном и догматическом виде эти идеи представлены лишь в некоторых: *Пшевворский А. Переходы к демократии // Путь*. 1993. № 3. (URL: <http://read.virmk.ru/p/Pshevovski.htm>); *Пшевворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М., 1999.

¹ *Дерлугьян Г. «Демократия как озеро»*. Предисловие к русскому изданию книги Ч. Тилли «Демократия». М., 2007. С. 7.

массированное проникновение государственной системы, массового управления в сферы общественной жизни, ранее не подлежащие идеологическому, полицейскому, партийному, административному контролю (экономика, производство, мораль, семейная жизнь, воспитание и образование, религиозное поведение, культура, наука, социальная мобильность, правовая и судебная системы и т.п.), подверглась острой (хотя и не слишком основательной) критике левыми идеологами и политиками (социал-демократическими и коммунистическими партиями), рассматривавшими эти доктрины не как научную парадигму, а как закамуфлированные под научные теории идеологические акции холодной войны. Два обстоятельства способствовали подобному отношению к концепции тоталитаризма. Первое — отталкиваясь от самого факта, что неприятие тоталитаризма стало конститутивным основанием для новой послевоенной демократической государственности во многих странах, прошедших через тоталитарные системы господства (Германия, Италия, Франция), а значит, озабоченных мерами, делающими недопустимым возвращение к практикам тоталитарных режимов. В этом плане идеология демократии (как антитоталитарная политическая система) стала частью блокового мышления (прежде всего в США и Великобритании) и противостояния двух систем — капитализма и социализма. Поэтому левые отвергли в целом и всю парадигму тоталитаризма, включая и те теории, которые рассматривались в качестве методологии исследований репрессивных режимов, а не только как социально-политические описания конкретных исторических систем (нацизма, Советского Союза и проч.).

Второе — неприятие генерализованных понятий в социально-политических науках или сравнительно-типологических конструкций, характерное для работы историков с их приверженностью идеографическим способам обращения с историческим материалом, точно так же вызывало отторжение многих ученых от социально-философского подхода, представленного прежде всего работами Х. Арндт, Р. Арона и других исследователей фашизма, нацизма и советского коммунизма. Наиболее значимым в этом плане стало появление школы «ревизионистов» (Шейла Фитцпатрик и др.), подвергших критике или поставивших под сомнение сам тезис о тоталитаризме как «идеологическом

монолите»¹. Историки этого направления стремились показать неоднородность убеждений, двойственность норм повседневной жизни в условиях нацистской Германии и в еще большей степени при сталинизме 1930–1950-х и в хрущевском или брежневском СССР. Позднее их подход был подхвачен и российскими историками (Е. Зубковой и многими другими, описывающими советскую повседневность, праздники, быт). В итоге в исторических и отчасти политических науках за тоталитаризмом закрепилось представление только как о режиме «идеократии» и террора. Эта позиция сохранилась практически без изменений и в постсоветские годы, особенно в конце 1990-х и в 2000-е. Массовые выступления рабочих против тоталитарных режимов в соцстранах², многочисленные этнонациональные конфликты, религиозная жизнь и религиозное инакомыслие, появление в конце 1950-х — начале 1960-х диссидентского движения, самиздата, наконец, открытый политический протест в сочетании с подпольными или неподцензурными организациями в СССР ставили под вопрос само обсуждение существования такого явления, как «тоталитарное общество-государство».

Речь в данном случае идет не просто об абстрактных понятиях кристаллизации наследия эпохи Просвещения и европейского модерна. Важно подчеркнуть, что этот круг общественно-правовых представлений соединился с трагическим опытом осмысления Второй мировой войны, осознанием последствий тоталитарных режимов и преодоления соблазна тоталитарных идеологий. Можно сказать, что демократия в вышеуказанном смысле (при всех различиях ее конкретных государственно-правовых форм) в послевоенное время стала рассматриваться как единственная система, защищающая общество от узурпации власти и геноцида, государственного насилия. Поэтому связь между аттрактив-

¹ Отвечая на это, Х. Линц указывал, что ограниченная гетерогенность разных групп интересов в условиях тоталитарных режимов не меняет характера этой системы. «Плюрализм тоталитарных систем — это не общественный плюрализм, а плюрализм политический, причем исключительно внутри правящей политической элиты... участники этих конфликтов искали и находили союзников среди военных, бюрократов и бизнесменов, но было бы большой ошибкой считать перечисленных выше людей или организации представителями донацистских структур германского общества. То же самое, вероятно, можно сказать и о борьбе разных фракций Политбюро или ЦК после смерти Сталина». Линц Х. Тоталитарные и авторитарные режимы // Неприкосновенный запас. 2018. № 4 (курсив мой. — Л.Г.).

² Берлин, 1953 г., Венгрия 1956 г., Чехословакия 1968 г., Польша 1956 и 1970 гг., появление «Солидарности» и т.п.), отрывочная информация о массовых волнениях в СССР, самым известными из которых были события в Новочеркасске.

ностью либеральных или демократических ценностей и вестернизацией (транзитом) виделась как самоочевидная неизбежность. Именно подобная философия лежала в основе всей политологии 1980–1990-х гг.³ Главная задача социальных наук на тот момент сводилась не только к систематизации того, что было наработано ранее, к выработке более или менее упорядоченной и логически непротиворечивой системы понятий эволюции государственных систем (от традиционалистского абсолютизма до либеральной демократии), их формализации до степени, допускающей количественное измерение, математическую обработку больших объемов данных, но и к классификации важнейших отклонений от демократии, интерпретируемых прежде всего в качестве переходных фаз или временных девиаций. Позже появились эклектические понятия, призванные снять нарастающую когнитивную или объяснительную недостаточность основных инструментов этого подхода: «гибридные режимы», «электоральная демократия», вплоть до полной бессмыслицы, вроде нелепого по самой своей сути словообразования — «промежуточные институты» (выражение Е. Шульман)⁴.

Но уже к середине 1980-х ситуация начала меняться. Полномасштабный социальный, экономический, политический и национальный кризисы в СССР, распад военных режимов, переходных диктатур, возникших в ходе различных кризисов модернизации в Азии,

³ См., например, солиднейший компендиум *A New Handbook of Political Science* (Oxford University Press, 1996), подготовленный Р. Гудинимом Х.В. Клингеманном, представляющий собой аналитический обзор основных проблемно-тематических разработок и концептуальных подходов в политологии, существовавших в середине 1990-х гг. Как пишет инициатор и научный редактор русского издания («Политическая наука: новые направления». Вече-Москва, 1999. 816 с.) Е. Шестопал, к моменту перевода на русский язык «американоцентризм современной политической науки в определенном смысле уже исчерпал себя. Несомненны успехи американской и западноевропейской политологии как в постановке, так и в трактовке многих проблем современного политического процесса. Но исследователи стран бывшего второго и третьего мира не могут прямо воспользоваться теоретическими наработками, сделанными на материалах индустриально развитых демократий» (с. 11). Трактовка политического поведения в западной политологии поэтому строилась преимущественно на аналогиях с экономическим поведением (модели «рационального выбора», различия в поведении «избирателей-вкладчиков» и «избирателей-потребителей» (там же, с. 277) и т.п. Характерная черта эпохи: этот уникальный энциклопедический ридер издан при финансировании и поддержке фонда «Открытое общество» Дж. Сороса, спустя несколько лет объявленного нежелательной организацией в России, «ведущей подрывную деятельность против российского государства».

⁴ Шульман Е. Демократизация по ошибке. Как самосохранение власти приводит к переменам. Московский центр Карнеги. 07. 12.2017. URL: <http://carnegie.ru/commentary/74926>

Латинской Америке, Африке определили новый круг исследовательских задач по описанию и анализу устойчивости авторитарных форм правления.

Начавшийся кризис советского социализма — горбачевская политика «перестройки и гласности», демократизация политической жизни, а затем общий распад советской системы и соцлагеря в 1989–1991 гг. — снял вопрос о проблематике тоталитаризма, причем не только о будущем таких режимов или тем более о характере их эволюции, типах изменения или институциональной реконфигурации, но даже и вопрос об их появлении, становлении или функционировании. Само обращение к понятийному языку парадигмы тоталитаризма в начале 1990-х в западных социальных науках стало казаться архаической манерой, рудиментом эпохи холодной войны. Этот словарь оказался неадекватным для анализа текущей политики в западных странах. Зависимость российских политологов и социологов от моды в западных социальных науках обернулась тем, что эти оценки концептуального аппарата тоталитаризма были некритично перенесены в практику постсоветских исследований.

Сравнительно недолгая история постсоветского развития говорит, что эволюция разных государств на постсоветском пространстве шла в основном по двум линиям. Первая наблюдалась там, где до аннексии этих государств СССР уже было свое национальное государство, гражданское общество, религия и церковь, соответственно свои культура и история, — это страны Центральной и Восточной Европы (демократические, как в довоенной Чехословакии, или консервативные и авторитарные, как в Польше или в Балтии, или даже близкие к фашизму, как в Венгрии и Румынии), отчасти — Украина, Грузия, Армения (в последнем случае благодаря армянским общинам в других странах). Вторая — где советская система, новая империя была инкубатором национальных элит и государственности советского типа, это государства, возникшие после краха СССР в Средней Азии, Казахстане, Молдавии, Азербайджане, в очень большой степени воспроизводившие особенности советской тоталитарной системы. Предпосылки успешного демократического транзита с большей вероятностью можно найти там, где сильнее проступают следы прежней социальной и культурной структуры, где сохранились основания для социальной — групповой, этнонациональной, классовой, региональной — автономии и дифференциации, где

представлено какое-то разнообразие легально признанных групповых интересов и социальных движений, а значит, где есть люди, сознающие личную ответственность за положение дел в будущем и готовые отстаивать свои мнения и права на участие в публичной деятельности и занятиях¹.

В первом случае можно говорить о различных модификациях репрессивного Советского государства, о деспотиях или диктатурах, во втором — о трудном, но не безнадежном движении к демократии и свободе, которое может быть поддержано помощью других демократических государств и обществ². В первом случае эта помощь оказывается бесполезной.

Таким образом, как минимум на два десятилетия после краха СССР тема «тоталитаризм» (как и дисфункциональных явлений «догоняющей модернизации») исчезла из поля интересов западных социальных ученых. На первый план вышла тематика перехода, практической транзитологии, сравнительный анализ различных вариантов демократизации незападных или полужападных стран, «столкновения цивилизаций», поиск историко-культурных факторов сохранения немодерных форм социальной организации, равно как и антилиберальных установок внутри современных обществ. Главными понятийными инструментами (своего рода полюсами или разметкой аналитической шкалы) стали категории «авторитаризм», «авторитарные режимы» и либерализм, демократия, электоральное поведение, защита прав человека, толерантность, мультикультурализм, аккумуляция и т.п.

Основные усилия ученых в сфере социально-политических дисциплин, начиная с конца 1980-х, были направлены на описание транс-

¹ См., например, интересные работы Н. Коровицыной — историка процессов социальной трансформации в Чехословакии: *Коровицына Н.В.* Агония соцмодернизации. Судьба двух поколений двух европейских наций. М.: Наука, 1993; *Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М.: Наука, 1999; *Коровицына Н.В.* Восточноевропейский путь развития: социокультурные контуры. М.: Наука, 2003; *Коровицына Н.В.* «С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития» М.: Наука, 2003; *Коровицына Н.В.* «Бархатные» революции как феномен массового сознания восточноевропейцев // Революция 1989 г. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Взгляд через десятилетие. М.: Наука, 2001.

² Эти обстоятельства, разумеется, не являются гарантией успешности перехода к демократии, даже при условии вступления в европейские структуры. См.: *Крыстев И.* [И. Крастев]. «Превращение» Центральной Европы. Почему подражание Западу неизбежно ведет к национальному resentimentу // IPG. Международная политика и общество. 30.01.2019. URL: <https://www.ipg-journal.io/rubriki/evropeiskaja-integracija/statija/show/prevrashchenie-centralnoi-evropy-715/>

формации авторитарных и репрессивных режимов, институциональных реформ, на появление в этих странах относительно свободных выборов, увеличение доли представительских институтов, расширения сферы публичности, свободы печати, ослабления государственного контроля в разных социальных сферах, включая экономику, образование, гражданское общество¹.

Способ осмысления идущих процессов сохранял свой нормативный в методическом плане характер: различные формы социально-политической организации и общественных структур сравнивались с (мысленным, идеализированным) эталоном процессов или институциональных структур западных стран (британских, американских, шведских и т.п. институтов), а отклонения рассматривались как факторы препятствия, иррационального традиционализма, редуцируемых к религии, национальному прошлому, централизации власти и т.п. Подход американских политологов того времени оставлял за рамками исследования какие-либо проблемы развития, лежащие вне парадигмы транзитологии. В первую очередь это касалось постсоветского пространства. Коллапс советской системы в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и последовавшая за этим эйфория на Западе («конец истории») отодвинули на задний план проблемы природы и истоков тоталитаризма. Стремительный рост экономической мощи Китая укреплял надежды на то, что рост благосостояния, в первую очередь формирование китайского среднего класса, рано или поздно приведет к либерализации и размыванию диктатуры КПК, внутренней модернизации, появлению более открытого общества и т.п., тем более что развитие современных информационных технологий давали все основания для такого оптимизма.

На первых порах нормативный (и, что не менее важно, идеологически предвзятый) характер такого подхода был не слишком очевиден. Западные модели демократии (американской в первую очередь, но также и англосаксонской — австралийской, новозеландской и т.п.) и западноевропейского правового государства рассматривались как «естественные блага», представляющие несомненную («самооче-

¹ *Huntington S.P.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century (1991; рус. пер.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003); *Латнем Р.* (в соавт. с Р. Леонарди и Р. Нанетти). Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии (оригинал — Princeton University Press, 1993; рус. пер.: М.: Ad Marginem, 1996, Библиотека МШПИ); *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order (1996; рус. изд.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003).

видную») ценность, якобы значимые для всех «нормальных» и «современных людей». В этот комплекс идей и представлений входило и понятие общества, защищенное разделением властей, и открытая политическая конкуренция партий, и свободомыслие, публичность (хабермасовская интерпретация *Öffentlichkeit*), критический рационализм, свобода печати и слова, защита прав человека во всех мыслимых планах, включая и полный разрыв с традиционными воззрениями на мораль, коллективную идентичность, универсализм ценностей и ментальных практик.

Теории модернизации порождали (не у исследователей, а у широкой публики) надежды или иллюзии на постепенное сближение двух систем или даже на их конвергенцию, порождаемые пониманием границ конфронтации в эпоху холодной войны, которые ставятся, несмотря на всю гонку вооружений, самим фактом наличия ядерного оружия у двух супердержав, угрозы безусловного взаимного уничтожения при переходе «красной черты». Поражение СССР, крах социалистической системы не просто дискредитировали саму идею коммунизма, равно как и других тоталитарных идеологий и систем, но и резко ослабили страх перед еще одной мировой войной. Рост благосостояния в конце 1980-х и в 1990-е заставил население развитых стран забыть о прежних угрозах гарантированного уничтожения в случае новой войны, а длительный период благополучия, усиление европейской интеграции явно ослабили хроническое сознание внешней угрозы, исходящей от СССР. Ослабление факторов негативной консолидации привело к тому, что актуальную государственно-политическую повестку стали определять внутренние, локальные, социальные проблемы, существовавшие и ранее, но теперь вышедшие на первый план.

Но главное — в ходе смены поколений и длительного периода процветания, стабильности государства оказался забыт опыт катастроф, притупился страх перед государственным насилием, террором и т.п. явлениями, казавшимися либо давно ушедшими в прошлое (в Европе), либо существующими где-то за пределами общества современных стран — в Африке (Руанда, Сомали, Эфиопия, Нигерия, Ливия), в Азии (Афганистан, Пакистан, Рохинджа), Палестине, Ираке, Ливане, Сирии и т.п.

Даже глубокое разочарование в способности постсоветских стран быстро перейти к демократическим формам организации государства (наступившее после некоторого периода

надежд и явных планов институциональных реформ в первой половине 1990-х) не изменило доминирующую парадигму в социальных и политических науках. Некоторая настороженность стала расти лишь после явного успеха европейской интеграции, включения бывших социалистических государств в состав ЕС и открывшейся перспективы расширения ЕС за счет присоединения к нему в будущем других республик бывшего СССР (Грузии, Украины). Одновременно рост влиятельности популистских правых партий, критика Евросоюза новыми ее членами, демонстративная оппозиция общему курсу ведущих государств в ЕС (Германии), проявляемая Польшей и Венгрией, и, наконец, обострение внутренних отношений в связи с волной миграции в ЕС противников Евросоюза и евроинтеграции, «Брекзит» и т.п. несколько озадачили современных политологов, но еще не привели к концептуальным изменениям в принятых парадигмах социальных наук.

Преобладание скрытого нормативного подхода в ориентированных на американскую политологию социальных науках ведет к сокращению понятийных инструментов для объяснения многообразия социально-политических форм и культуры в западных обществах. По существу, мы имеем дело здесь с системой координат, в которой все описываемые явления располагаются в поле, представляющем собой набор шкал или континуумов, где один из полюсов задан генерализованными образцами современности (обозначенных экстремными понятиями завершенной модернизацией, полноценной демократией, свободной рыночной экономикой, правовым государством с четким и устойчивым разделением властей), а любые возможные оппозиционные полюса — моделями традиционных автократий, диктатурами, деспотиями, тоталитарными режимами с неразделенными понятиями власти и собственности, полным произволом, террором, отсутствием свобод и незащищенностью подданных от насилия. Вся система интерпретации в таких случаях сводится к подгонке описываемого идентифицируемого явления под определенный класс таксономии и размещению его в соответствующем участке таблицы. Эта американистская логика свойственна не только политологии, но и экономическим наукам, построенным на основе линейных моделей модернизации, в упрощенном и прагматически ориентированных вариантах — транзитологии, так называемых исследованиях ценностей и др. Отсюда берут начало все те усилия втиснуть в

логические нормативные схемы не укладывающееся в них содержание, что порождает понятийные химеры и монстры — «гибридные режимы», «неполноценные демократии», «неопатримониализм» и проч. Все содержательные проблемы, которые непременно возникают в ходе конкретной эмпирической работы социологов, историков, политических аналитиков в той или иной стране, решаются путем теоретической контрабанды и неявного введения в объяснительный процесс других подходов, которые можно назвать более или менее упрощенными вариантами «понимающей социологии», то есть учета субъективных смыслов конкретных действующих акторов или групп.

Примером такой работы может служить чрезвычайно неопределенное понятие — «авторитаризм», «авторитарный режим»; сюда попадают любые недемократические государственные или политические системы с разной институциональной структурой, идеологией, разной степенью репрессивностью и государственного контроля над обществом. «Авторитарными» оказываются правление Туркменбаши, Виктора Орбана, генерала де Голля, Маркеса на Филиппинах, Ли Куан Ю в Сингапуре, Р. Мугабе или Мобуту в Африке, политический строй в Египте, Ираке, Алжире, Ливии (при Каддафи), сукартовская Индонезия, путинизм, латиноамериканские военные режимы и т.п., то есть все государственно-политические системы, которые не являются традиционными абсолютистскими монархиями или современными западными демократиями. При ближайшем рассмотрении определения «авторитарный» «авторитаризм» оказывается остаточной, недифференцированной категорией социальных наук, куда попадают различные феномены, не подлежащие или не нуждающиеся в специальном разборе. Единственный общий признак — стиль правления. Но что это, президентциализм, персонализм, диктатура, тоталитарная система или традиционалистский уклад, сказать нельзя. На попытку Х. Линца детализировать и уточнить структуру этих понятий, сделав акцент на технологии господства, а значит, необходимости учета своеобразия и функций институциональной структуры этих режимов, меняющейся роли идеологии, господствующей партии и т.п. (что позволяло отделить авторитаризм от тоталитаризма и ввести новые подклассы недемократических правлений в виде султанизма, патримониализм и т.п.), мало кто из российских исследователей обращал внимание.

Авторитаризм. Проблемный контекст понятия

Интуитивно большинство исследователей ощущают проблемы, вызванные понятийной неясностью этих понятий и порождаемыми трудностями анализа и интерпретации конкретных явлений, что проявляется в обращении к разнообразным аналитическим суррогатам в виде «гибридных режимов», «имитационной демократии», «персонализма» и т.п. уточнениях, определениях и пояснениях основного понятия. Понятия авторитаризма, авторитарного режима и производные от него не являются дескриптивными инструментами. Это понятия из разряда описанных выше скрыто нормативных конструкций, указывающих на меру дистанцированности рассматриваемого явления от желаемого образца. Но такое его предназначение не решает главной теоретико-методологической проблемы — получения аналитического инструмента для понимания своеобразия и типологии «недемократических» систем господства, использующих разные технологии насилия и принуждения для обеспечения своего существования.

Единственное средство прояснения смыслового поля понятия — начать с истории его употребления.

Успех этого направления (исследования «Авторитарная личность», «Психология политики», работы Э. Фромма, А. Адлера, Г. Маркузе и других политических философов, психоаналитиков, социологов) обязан тем, что методологически здесь снимались многие вопросы, требовавшие специального рассмотрения (генезиса институтов, воспроизводимости и ретрансляции тех или иных феноменов и проч.), то, что позже было развернуто и объединено под общей шапкой «проблематика культуры», с течением времени занимающей все большее место в социальных и гуманитарных исследованиях. Но для 1950–1960-х гг. задача стандартных переменных в объяснениях функционирования социальных систем и процессов была существенно важнее, чем обращение к внешним, «экзотическим» — социальным, культурно-историческим — аргументам. Время веберовского ренессанса еще не наступило. Поэтому черты определенной конструкции личности были перенесены на множество репрессивных или диктаторских режимов, ставших свалкой для целого класса недемократических систем.

Как собственно концептуальное понятие или термин оно возникло в 1930-х — первой половине 1940-х гг. в среде исследователей, груп-

пировавшихся вокруг неомарксистской франкфуртской школы и вынужденных эмигрировать из Германии после прихода Гитлера. Для их подхода в первую очередь характерно сочетание марксизма (редукция объяснения к классовому положению наблюдаемых субъектов действия) и психоанализа (фрейдомарксизм). Само слово первоначально предполагало ясный контекст употребления: установление соответствия и взаимосвязи между социально-психологическим типом личности (обусловленного социальным положением индивида, особенностями его социализации, социального контроля, его aspirationами, комплексами) и политической системой, символически представленной фигурой харизматического вождя, фюрера, дуче и политической партией, программные лозунги которой «диагностируют» для фрустрированного субъекта главные проблемы его существования, позволяют идентифицироваться с «движением» и тем самым снимают, разгружают травмирующее его чувство собственной несостоятельности.

Такие разработки находились в русле общих для социологии и психологии того времени поисков решения одной методологической и теоретической задачи: обнаружения социально-психологической связи между социальной системой и типом личности (базовой личности, национального характера, среднего или массового человека и проч.), институциональной селекции адекватных для тех или иных институтов антропологических типов. Оно позволяло объяснять массовую популярность фашизма (или нацизма, позже они стали разводиться) у определенных групп населения Германии, аттрактивности риторики Гитлера, расовой идеологии и пропаганды, отвечающих определенным комплексам ущемленности, рессантименту и фрустрациям, снимаемых отождествлением себя и фюрера, агрессивного националистического движения или партии.

Центральную роль в этом тематическом контексте играет «вождь», на которого проецируются компенсаторные значения генерализованного «отца» как носителя доминантного авторитета, контролирующего «супер-эго». Такой ход оказывается остроумным, понятным и результативным в условиях поднимающегося фашизма или нацизма в Германии. Рамки этого подхода определяет интерес к фашизоидному типу личности — фрустрированному человеку, тревожному, социально незащищенному, а потому готовому как к подчинению, так и к применению насилия, легко внушаемому, до-

вольствующемуся готовыми и доведенными до примитива стереотипными черно-белыми представлениями о реальности, склонному к расистской или классовой идеологии, в центре которой лежит образ «врага», с которым надо бороться и который должен быть уничтожен, ликвидирован, устранен для всеобщего спасения и процветания целого и проч. Соответственно тематика исследований этого рода охватывала задачи изучения массовой социализации и травматического опыта подавляемых или депримируемых групп населения, ксенофобии, роль трансферта иллюзий и ответственности на вождя, имморализм новых движений, специфику социальных организаций, отбирающих и вбирающих в себя людей этого типа, их коллективную идентичность, ограниченность культурных ресурсов, милитаризм, проективную идеологию молодости, силы, маскулинности и т.п.¹

Такой тип личности, массового человека, «частицы толпы» неявно противопоставлялся романтическому образу свободной личности, художника или независимого интеллектуала, нищезанятого нонконформиста, бунтаря или элиты, задающей образцы поведения и мышления для пассивных в творческом плане групп населения, обладающей авторитетом в силу своих достижений или способностей влияния на массы². Поэтому первоначально поиски причин успеха фашизма шли в направлении психологических особенностей личности, утратившей связи с традиционными образованиями (семьей, деревенской общиной, религиозными, региональными или этнонациональными структурами) в ходе интенсивных процессов индустриализации, урбанизации и катастрофических последствий Первой мировой войны. Для исследователей этого направления были неинтересны другие типы личности, характерные для эпохи модерности, процессов модернизации, а именно инженера-менеджера, предпринимателя-трудоголика, ответственного политика консервативного, либерального или социально-христианского толка, судьи, убежденного в объективности всеобщего права, теолога, озабоченного современными социальными вопросами, движимого чувствами сострадания к рабочему классу и жаждой справедливости, и т.п. Только авторитарная личность в образе фюрера-некро-

фила или промышленного рабочего, школьного учителя и т.п.

Позже психологические характеристики господства стали переноситься на систему власти и организации общества, что лишило само понятие какой-либо терминологической определенности. Гораздо чаще в социальных науках здесь оперируют более размытым понятием авторитаризма, рассматриваемым на фоне латентной парадигмы модернизации (или вестернизации). В логике этого общего подхода авторитарные режимы чаще всего интерпретируются как закономерные последствия укрепления централизованного бюрократического аппарата государства. Они появляются в результате краха традиционных социальных структур (после антиколониальных движений или длительного периода внутренней конфронтации с участием вооруженных формирований), массовизации традиционного социума и включения их в мировой рынок, оказывавшего глобализационное воздействие на население, сопротивляющееся изменениям. Считалось, что режимы (системы господства и управления), называемые авторитарными, как правило, возникали в ходе рутинизации военных переворотов, следующих после глубокого социально-экономического кризиса, падения легитимности предшествующих структур господства, или антиколониальных движений. В ряде случаев они опирались на определенные этнические или родоплеменные структуры, конфессиональные или социальные группы, принимающие вид «партии» (например, на молодых офицеров или командование антиколониального «революционного» движения), легитимирующих себя в роли модернизационной элиты. В большинстве случаев их экономические ресурсы и материальная база существования режима были ограничены: как правило, это был экспорт сырьевых ресурсов или монокультурной сельскохозяйственной продукции, создающих своего рода ренту для обеспечения правящих кланов или групп. Относительная длительность существования авторитарных систем данного типа вынуждала отличать их от нестабильных «несостоявшихся государств» (failed state), распадавшихся на отдельные территории, находящихся под контролем враждующих между собой кланов и вооруженных группировок (Сомали, Судан, ДРК).

С утратой понятийной (проблемной) ориентированности слова «авторитарный», «авторитаризм» оказались удобными для публицистов конвенциональными средствами маркировки

¹ См., например, характерную для этого подхода работу Х. Айзенка «Психология политики» (1954), впервые изданную на русском языке в 2016 г. фондом «Либеральная миссия».

² Ср. с этим творчеством российских писателей-циников — Н. Коновова, В. Сорокина, Э. Багирова и др.

неопределенного множества недемократических режимов. Характеристика «авторитарный режим» применительно к различным социально-политическим системам обозначает сегодня скорее специфический стиль господства и управления — правовой произвол или диктат персонального правителя (национального лидера, президента, вождя, диктатора), ограничение конституционных принципов, опору на военных или парамилитарные образования, традиционалистскую, фундаменталистскую конфессиональную или националистическую риторику и т.п.¹

Устойчивая бедность антропологических типов, представляемых политологией (и отчасти социологией) того времени обусловлена отсутствием внимания к институциональным и организационным формам новых режимов (то есть тем, чем занялись исследователи, работающие в парадигме тоталитаризма). Для того, чтобы выделять специфику собственно авторитаризма, надо было бы провести методологический анализ разнообразных вариантов концепций тоталитаризма (институциональной структуры идеологических репрессивных режимов), появившихся к концу 1960-х гг. Эта работа нашла отражение в многочисленных сборниках докладов на конференциях, на которых разбирались концепции тоталитаризма.

В сжатом и систематическом виде итог этой работы представил Х. Линц, давший более сложную (уже не связанную с психологией) характеристику авторитарных режимов в их отличии от режимов тоталитарных². В его трактовке авторитарные режимы — это один из ви-

¹ Полезный для русского читателя и информативный разбор авторитарных режимов с точки зрения конституционного права представлен в монографии Е. Лукьяновой и И. Шаблинского. (Авторитаризм и демократия. М.: Либеральная миссия, Мысль, 2018). Авторы так определяют центральное понятие своего анализа: «Под авторитарным политическим режимом мы понимаем режим, обеспечивающий неограниченную власть одного лица и его бюрократической группы над государственным аппаратом и СМИ, имитирующий иногда в целях легитимации демократические процедуры либо использующий в тех же целях лишь харизму правителя, подкрепленную силой репрессивного аппарата» (с. 18). «Под имитационным (гибридным) политическим режимом мы понимаем режим, который в процессе обеспечения неограниченной власти одного лица и его клана допускает деятельность некоторых независимых от власти институтов (СМИ, общественных объединений и т.п.), не имеющих, впрочем, реального влияния» (с. 23).

² Linz J.J. Totalitarianism and Authoritarian Regimes // Handbook of Political Sciences. Vol. 3. 1975. Ed. by F. Greenstein and W.N. Polsby. Addison; Wesley. P. 175–411. Совсем недавно вышел перевод части этой работы в журнале издательства НЛО: Линц Х. Тоталитарные и авторитарные режимы. Введение // Неприкосновенный запас. 2018. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2018/4/totalitarnye-i-avtoritarnye-rezhimy.html>. Цитаты даются по этой публикации.

дов репрессивных институциональных систем господства³. «Два главных измерения в нашем определении авторитарных режимов — степень или вид ограничения политического плюрализма, а также степень, в какой режим основывается на политической апатии и демобилизации, либо ограниченной и контролируемой мобилизации населения»⁴. За образец или модель авторитаризма он взял правление генерала Франко, установившееся после победы над республиканцами в гражданской войне. Авторитарные режимы опираются на традиционалистские институты и консервативные группы общества — аристократию, церковь, армию, используя репрессии в относительно ограниченном объеме только для нейтрализации оппозиции (подрывных элементов), контроля над СМИ и обеспечения пассивности масс. Этот тип режимов отличается от тоталитарных (как и от некоторых других диктаторских форм господства, например, неопатримониального султанства) тем, что идеология здесь играет сравнительно незначительную роль, по своему характеру она ретроориентирована, эклектична и не претендует на обоснование тотальной трансформации общества. Допускается даже некоторый плюрализм взглядов, но лишь в вариациях националистической легитимации власти. Главные усилия режима этого типа направлены на поддержание состояния аполитичности населения, отчуждения общества от политики. Тем самым Х. Линц указывает на необходимость учитывать социально-исторические особенности институциональных составляющих режимов разного

³ «Общества различаются не только тем, как в них устроена политическая жизнь, но и устройством властных отношений в иных сферах». Линц Х. Цит. соч. С. 17.

⁴ Там же: «Можно выделить множество подтипов, различающихся тем, кто участвует в ограниченном плюрализме и как эти участники организованы, а также уровнем и типом их участия. Мы будем различать: бюрократическо-милитаристские авторитарные режимы, формы институционализации авторитарных режимов, которые мы называем «органическим этатизмом»; мобилизационные авторитарные режимы в постдемократических обществах, примером которых во многих отношениях является итальянский фашизм; мобилизационные авторитарные режимы в государствах, только что обретших независимость; наконец, посттоталитарные авторитарные режимы. Разумеется, эти идеальные (в веберовском смысле) типы не описывают в полной мере ни одного конкретного режима, поскольку в реальности политические режимы возникают усилиями лидеров и общественных сил, имеющих противоречивые представления о государственном устройстве, причем приоритеты и общие представления о цели у них постоянно меняются. Любой режим — результат явных и скрытых разнонаправленных тенденций, поэтому всегда представляет собой смешанную форму. Тем не менее близость к той или иной форме всегда имеется. В этом смысле в рамках нашей типологии трудно точно поместить даже какую-то одну страну в каждый конкретный момент».

типа, что сближает его методологию с социологией М. Вебера, из принципов которой он исходил¹. Методологически важно подчеркнуть, что построенные им типы политических режимов не соответствуют в полной мере ни одной из реальных систем господства ни в какой исторический момент описания последних. Как говорил М. Вебер, мы можем фиксировать лишь некоторую степень приближения к мысленно сконструированной модели (в этом, безоценочном, смысле — к «идеальному типу»), то есть утверждать большее или меньшее соответствие эмпирически описываемого режима условной схеме. Другими словами, подход Х. Линца — это выработка концептуального языка для описания текущей действительности. Поэтому даже у него в силу необходимости возникают такие логические кентавры, как «посттоталитарные авторитарные режимы».

Итак, суммируем некоторые принципиальные характеристики авторитаризма. Режимы, относимые обычно к классу авторитарных, представляют собой различные по формам и структуре типы господства и массового управления, в которых функции власти сконцентрированы у одной персоны (каудильо, национального лидера, президента, генерала), независимо от способа, которым он пришел к власти, легально или узурпировав ее в результате насильственного захвата либо путем сочетания того и другого. Реже власть в таких режимах сконцентрирована у властвующей клики. У населения отсутствуют возможности и средства политического контроля над властью, другими словами, нет легальных средств ограничения насилия, используемого правящими группировками, кланами, элитами. Это значит, нет дееспособного и независимого от лидера и его окружения парламента, судебная система направлена на защиту интересов власти и не может рассматриваться как самостоятельный и авторитетный институт правоприменения и правосудия, нет свободной конкуренции

¹ В российских политологических работах, описывающих действующий режим, линцевская типология недемократических режимов, в том числе его конструкция авторитарного правления, практически не используется в качестве операционального инструмента анализа (возможно, в силу ясности своей системы референции и самооценки), хотя охотно цитируется в общих университетских курсах. Эпигонский характер российской политологии отразился в том, что такого рода инструменты (авторитаризм и ему подобные) некритически, то есть без специальной проработки, были использованы для анализа процессов постсоветской эволюции. Чужой проблемно-смысловый контекст был перенесен на постсоветскую тематику, что привело к множеству интеллектуальных тупиков и ложных ходов.

политических партий, нет независимых СМИ, а значит, нет и свободно формируемого общественного мнения. Поэтому наиболее частый операциональный признак авторитаризма — отсутствие реальной парламентской оппозиции — является негативной, а не собственно содержательной характеристикой (определение идет от противного, от нормативного представления о демократии). При этом, конечно, номинально все признаки «демократии» (электоральной демократии, работающей как механизм периодической легитимации режима) могут иметь место.

От авторитаризма к тоталитаризму

Есть только одна возможность выйти из этих методологических антиномий — попробовать посмотреть на российское общество-государство в эволюции его институтов, включить сегодняшний день в исторический процесс изменения институтов и человека. Я не имею в виду возможный тезис подмены социологии альтернативной историей СССР (которой все равно нет по тем же причинам, почему нет и социологии). Речь о другом: единственной сколько-нибудь развернутой теоретической парадигмой советской системы и ее краха в настоящее время оказывается концепция тоталитаризма. Но этот подход встречает сильнейшее сопротивление с самых разных сторон.

Нежелание работать с теориями тоталитаризма вызвано закрепившимся оценочным отношением к этому понятию, его девальвацией в риторике новых левых в конце 1960-х и в 1970-е гг., идеологической критикой еврокоммунистов и советских борцов с западной наукой, протестовавших против отождествления нацизма и советской системы, считавших понятие тоталитаризма инструментом холодной войны. Дополнительным аргументом в неприятии этого подхода было негативное отношение историков, прежде всего немецких, к генерализованным понятийным конструкциям социологов, политологов и экономистов, которые, огрубляя историческое многообразие исторической реальности, отождествляли нацизм и сталинизм, нацизм и фашизм, режим Франко и репрессивные восточноевропейские режимы в Венгрии, балтийских государствах межвоенного времени². Определенная правота за ними,

² Такого рода методологические недоразумения, обусловленные разной направленностью и задачами исследовательской работы в разных дисциплинарных областях, чрезвычайно характерны и труднопреодолимы, поскольку связаны с профессиональными установками,

безусловно, стояла, поскольку с легкой руки многих исследователей и философов «тоталитаризму» грозила участь стать безразмерным понятием. Например, К. Поппер употреблял его как синоним тотальной идеологической ментальности, которую обнаруживал уже в утопиях Платона, другие находили его в Месопотамии, в Средневековье и т.п., ряд экономистов применял его для характеристики советской системы планового государственного регулирования.

Но то были возражения академического порядка, реакция на выход теоретической дискуссии во внеучные — околполитические, публицистические — сферы. Начиная с конца 1950-х понятие «тоталитаризм» получает широкое хождение в интеллигентской среде¹ (в особенности после выхода фундаментального труда Х. Арендт «Истоки тоталитаризма», 1951²). С тех пор большинство заинтересованной публики связывает понятие тоталитарных режимов с гитлеровским нацизмом (1933–1945 гг., до краха его в результате военного поражения) и сталинизмом (1928–1953 гг.). Хотя образованная публика в России мало и плохо знакома с аргументами и построениями Х. Арендт, в многократно опосредованном, стертом и банализи-

ценностными конвенциями группового самоопределения. Наиболее примечательными в этом плане оказались работы американских историков-«ревизионистов», продемонстрировавших гораздо большую сложность устройства повседневной жизни и репрессивных практик в странах классического тоталитаризма, отсутствие идеологического монолитного единства общества и государства и т.п. Все это очень важные и доказательные вещи для критики тоталитаризма, если только рассматривать тоталитаризм как эмпирическое описание конкретной системы господства.

¹ Само слово «тотальный» в научный оборот в специфическом политическом контексте было введено в 1923 г. Дж. Амэндолой и П. Гобетти для характеристики фашистского движения в Италии и почти сразу же было подхвачено Б. Муссолини, придавшем ему позитивный идеологический смысл. Через несколько лет понятие «тоталитарный» и производные от него — «тоталитаризм» и др. — прочно вошли в состав научного словаря социальных наук. Анализ теорий, составляющих парадигму тоталитаризма, см.: *Випперман В.* Европейский фашизм в сравнении, 1922–1982. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. *Гудков Л.* «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.* М., 2001. № 5. С. 19–29; № 6. С. 20–29. Появление этой статьи было вызвано потребностью пересмотреть имеющиеся концептуальные средства для описания формирующегося режима Путина. См. также: *Gudkov L.* Russia — A Society in Transition? // *Telos.* 2001. Summer. No. 120. P. 9–30.

² Рукопись Х. Арендт была закончена в 1949 г., когда архивные материалы о советской системе были малодоступны, о чем она пишет в предисловии к своей работе. Х. Арендт относит к тоталитарным режимам только гитлеровский нацизм и сталинизм, не считает тоталитарными ни режим Франко, ни итальянский фашизм, ни другие диктаторские или деспотические системы. Немецкое, несколько расширенное издание, вышло в 1955 г. После второго американского издания (1958) книга была переведена на более чем 70 языков.

рованном виде ее идеи вошли в современный дискурс. Для неспециалиста семантика слов «тоталитаризм», «тоталитарный» неразрывно ассоциируется с двумя смысловыми компонентами: первый — *массовый террор*, приобретший систематический характер, второй — *тотальная идеология*, с успехом навязываемая обществу, превращенному таким образом в идейный, мировоззренческий коллективный монолит. Вопреки интенции авторов первых работ, делавших акцент на появление принципиально новых форм господства и организации общества, социализации, милитаризации общества, однопартийной диктатуре³, послевоенная Европа последовала за немецкими учеными-эмигрантами в США или Великобританию (Э. Френкель, Р. Левенталь, франкфурты и др.) в их стараниях осмыслить причины варварства Второй мировой войны и беспрецедентного, идеологически обосновываемого уничтожения нацистами евреев, сопоставляя их с масштабными репрессиями в Советской России (прежде всего с Большим террором, московскими процессами, чистками, позднее обращаясь уже к опыту изучения коллективизации, практикам ГУЛАГа, характеру форсированной индустриализации, организации ЧК — НКВД — КГБ, искусственному голоду 1930-х и 1940-х)⁴. Тем самым социально-исторический контекст трактовок тоталитаризма заметно расширился — от чистого описания экстраординарных институциональных практик захвата власти к философскому, антропологическому, экзистенциалистскому осмыслению патологии модерности.

Все прочие варианты тоталитарных режимов (итальянский фашизм, Испания времен генерала Франко, салазаровская Португалия, коммунистический Китай, Куба при Кастро, Иран при аятоллах, Ирак при Хусейне, Камбоджа при Пол Поте, хошиминский Вьетнам, СССР при Хрущеве и Брежневе, восточноевропейские страны соцлагеря, в котором коммунисты установили схожие с советским режимы, и множество других феноменов) остались

³ Работы В. Гуриана, Л. Бассо, Л. Стурци, Ф. Боркенау, С. Ноймана, В. Райха, И. Силоне, А. Кестлера, Дж. Оруэлла, Л. Шапири и других авторов — философов, политологов, психоаналитиков, писателей.

⁴ Значительно позже, уже после появления «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына, поле тоталитаризма стало расширяться за счет работ о практиках коммунистов в других странах (в странах Восточной Европы, в Китае при Мао Цзэдуне, во Вьетнаме, в полпотовской Камбодже, в Латинской Америке, в Африке и др.). См.: *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж-Л., Пачковский А., Бартосек К., Марголин Дж-Л.* Чёрная книга коммунизма [95 миллионов жертв большевизма]. М.: «Три века истории», 2001.

в стороне и обычно не считаются достаточно «тоталитарными» или причисляются к ним с большими оговорками и исключениями. Большая часть из них сваливается в общую кучу репрессивных, недемократических авторитарных режимов, не подлежащих дальнейшему анализу. В советское время понятие «тоталитаризм» было табуированным (именно в силу ассоциаций советской системы с нацизмом), и такое отношение к нему в значительной степени сохраняется и в постсоветской России. Работ как обзорного, так и сравнительно-типологического рода крайне мало¹, тем более ставящего вопрос о рецидиве тоталитаризма при Путине. Поэтому в ходу различного рода понятийные суррогаты, в первую очередь «авторитаризм», «авторитарный режим» — слово-паразит, которым заменяют при всяком случае необходимость говорить о диктатуре.

Подход Х. Линца заключается в методологическом требовании выделять институциональные, ролевые и групповые основания, следовательно, особенности технологий господства для типологизации авторитарных режимов. Поэтому в отличие от психологических или психоаналитических трактовок проблемы господства и подчинения он обладает гораздо большим эвристическим потенциалом. Правильнее было бы сказать, что это самая сильная из теорий авторитаризма, поскольку проблематика господства здесь теряет почти все связи с идеями авторитарной личности. Однако для наших целей — анализа трансформации советской системы и превращения ее в путинизм (через переходное ельцинское правление) — мы все равно, даже следуя его рекомендациям (выделять из общего ряда авторитарных форм особый тип «посттоталитарного авторитаризма»), будем вынуждены исходить из ресурсов теории тоталитаризма, чтобы учитывать анамнез или истории этой институциональной системы². Другими словами, парадигма тоталитаризма здесь принимает на себя роль концепции, направляющей внимание исследователя на специфические предметные области, позволяющие проследить генезис как институтов этого

режима, так и их идеологическое обоснование. Тем самым открывается возможность не просто компенсировать слишком высокую степень генерализации общих понятий современной политологии, но и переводить универсальные конструкции с их неявной нормативной функцией (фиксации отклонений от эталона демократии или модерности) в идеальные типы, построенные с учетом мотивации акторов. Только это методологическое обстоятельство позволяет переходить к понятиям, сочетающим идеографические способы описания с интерпретацией низкой степени генерализации, сохраняя при этом заданную парадигмой теоретическую перспективу. Сегодня, кроме парадигмы тоталитаризма, для объяснения процессов на постсоветском пространстве нет какой-либо другой совокупности теорий, которые последовательно связывали бы между собой различные сферы социальной, культурной, правовой и экономической жизни. Они либо не разработаны до сих пор, либо представлены в слишком общей, а потому схоластической форме (вроде концепции институциональных матриц, цивилизационного подхода и т.п.). Не учитывая отечественного прошлого, российские социологи попадают в различного рода диалектические мнимости или понятийные ловушки, пытаясь диагностировать и описывать такие фантомные вещи, как российский средний класс, гражданское общество, оппозиция, партийный плюрализм и т.п.

Рассмотрим объяснительные возможности парадигмы тоталитаризма³.

Основной массив исследований тоталитарных систем связан с предметным изучением институциональных характеристик двух режимов — германского нацизма (реже фашистского режима Муссолини) и СССР, их сопоставления, включая его вариации в странах Восточной Европы, навязанные Сталиным после ялтинского раздела сфер влияния. Большая часть работ этого направления посвящена периоду 1930—1950-х гг., времени полного развертывания режимов, послуживших «классическим примером» тоталитаризма, от которого

¹ Я не имею в виду одноименные разделы в учебных университетских курсах по истории политических учений. Из вышедших относительно недавно (но все же почти 15 лет назад!) серьезных работ российских авторов могу упомянуть только книгу: *Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г. Феномен тоталитаризма. Политическая теория и исторические метаморфозы.* М.: Наука, 2005 (тираж 480 экз.).

² Линц многократно предупреждает, что различия между «авторитаризмом» и «тоталитаризмом» условны и гораздо менее значимы, чем различия между демократическими и недемократическими режимами. *Линц Х.* Цит. соч. С. 5.

³ Надо говорить именно о «парадигме», поскольку на протяжении XX в. сложилось множество различающихся теорий или версий тоталитаризма, объединяемых не столько общим словом «тотальный», сколько своеобразием репрессивных систем господства, возникших в это столетие. Изменения в системе политической власти (кадры, практики, законодательство, административное управление), обозначившиеся в последние годы правления Ельцина и в особенности с приходом к власти Путина, резко расходились с прежним курсом команды «демократов и реформаторов», что потребовало возвращения к теориям тоталитаризма и их пересмотра с учетом новых явлений.

отталкиваются любые трактовки современных репрессивных режимов, вне зависимости от того, принимают исследователи саму концепцию тоталитаризма или нет. Авторы подобных исследований, особенно раннего периода становления парадигмы, сосредоточиваются на обстоятельствах *формирования* фашистского государства в Италии, нацизма в Германии или советской системы в СССР. Преимущественно это историки, включающие в свой аппарат готовые политологические или социологические конструкции и понятия, позволяющие соединить или упорядочить полученный ими обширный эмпирический материал. Реже это делают политологи, пытающиеся в самом общем виде классифицировать репрессивные или диктаторские системы господства, как правило, описывая их ретроспективно, задним числом, а не в состоянии их актуального функционирования. Социологи не участвуют в этой работе.

Предметом описания было насильственное подавление многопартийности, парламентаризма, становление однопартийной системы, сращение партии с государственным аппаратом, уничтожение противников партии, а затем расширение масштабов террора посредством парамилитарных объединений и подчинения судебной-правовой системы правящей партии и фюреру, вождю.

Следующая (в логическом плане) фаза исследований была связана с изучением новых организационных структур (корпоративного государства, плановой государственной экономики, объединения всех общественных институтов в единое целое, ликвидация предшествующих форм объединений и ассоциаций), новые практики социализации, механизмы массовой мобилизации и др. Далее за ней последовала целая серия работ, касающаяся организации институтов террора (тайной политической полиции, концлагерей, чисток), с одной стороны, и анализа тотальной эсхатологической или миссионерской идеологии, ее функций, внутренней структуры, механизмов воздействия, институтов пропаганды и их внутренних изменений — с другой.

Очень важную роль для осознания данной проблематики в 1950–1960-е гг. сыграла книга «Истоки тоталитаризма» Х. Арндт. Она предложила развернутую концепцию возникновения и функционирования тоталитарных режимов. Арндт связала две линии рассмотрения: характер новых идеологий и практики тотального, обосновывающего себя террора.

Опорные тезисы ее заключались в том, что тоталитарные *движения* (отметим значимость этого понятия для нее) возникают в ситуации резкого ослабления значимости или распада традиционных структур организации социума. Процессы индустриализации и урбанизации, размывающие нормы аграрных сообществ, сопровождающиеся падением авторитета религиозных институтов, обычной морали, значительно усилились после краха империй, кризиса традиционного государства и упразднения сословных институциональных структур. Катализатором стали катастрофические социальные последствия мировой войны, экономический кризис, безработица, галопирующая инфляция и др. Появление больших человеческих масс, выбитых из привычной жизненной колеи, в особенности прошедших через войну, привычных к оружию и готовых к насилию как «нормальному» инструментальному способу поведения и решению проблем, утративших какие-либо сдерживающие агрессию представления, было абсолютно новым явлением в Европе. Эта раздраженная и возбужденная социальная плазма требовала от существующих институциональных авторитетов — властей, политиков, лидеров оппозиционных партий — объяснения, удовлетворения и компенсации за переживаемые лишения и страдания, но не находила их. Отсюда — ресентиментное признание полной их несостоятельности, убеждение в лживости и продажности прежней парламентской демократии, банкротство старого государства как такового и высокая привлекательность всякого рода демагогов, предлагавших простые и универсальные объяснения и средства спасения. Восстановление состояния коллективной интеграции могло быть достигнуто лишь посредством новых идеологических форм, способных отвечать запросам дезориентированных и фрустрированных изменениями людей, потерянных и лишенных привычных регуляторов и норм поведения.

Реакцией на эти изменения стали пандемические движения (пангерманизм, панславянизм и т.п.), давшие толчок идеологической универсализации прежних буржуазных «национализмов» и ксенофобий (в первую очередь антисемитизма), выстраивающихся по мысленным образцам всеохватывающих империй. Империя понимается здесь не просто как вид одного из больших европейских государственных образований, а идеальная форма всеобщей принудительной милитаристско-бюрократической организации коллективной жизни, механизм

интеграции населения для борьбы с внешним и внутренним врагом, колониальной экспансии. Травмированное и извращенное сознание сосредоточивалось на идее полного уничтожения своих врагов, антиподов движения, очистке общества от вредных элементов как условия формирования новой общности и достижения всеобщего счастья. Этими врагами (независимо от типа режима) могли быть чуждые расы или социальные классы, а также их пособники. Маниакальная сосредоточенность на врагах стала основным двигателем тотального террора, со временем приобретшим автономный и как бы иррациональный (для внешнего наблюдателя) характер.

Все тоталитарные идеологии включают три основных компонента: архаическое и идеализированное представление об исходной коллективной целостности, утраченной к настоящему времени (почва, народ, этноконфессиональная или социальная общность), образ врага, приобретающего характер метафизического зла, демонической силы, асоциального начала, подлежащего полному уничтожению и искоренению, и опрокинутая в будущее утопия возрожденной или заново выстроенной (архаической) коллективности — принципиально нового, небывалого в истории общества, точнее, желанного социального единства, идеального коллективного бесконфликтного состояния. Последнее должно быть достигнуто с помощью новых политических средств — полного господства Движения, возглавляемого партией, и стоящим над всеми вождем, идеологической социализации народа, обеспечиваемой функционированием партийных средств коммуникации (массовой пропаганды, школьным образованием, воспитанием в системе корпоративных организаций — спортивных, юношеских, женских, досуговых и проч.). «Тотальный террор, по Арндт, не был инструментом политического строя или орудием геноцида... Тотальный террор предназначался для избавления личности от психологического груза и для разрушения индивидуальной свободы и ответственности. Это была форма “радикального зла”, которое стремилось искоренить не евреев или кулаков, но сами условия... существования человека. <...> Как и отдельные индивиды, ее члены, масса в целом лишена конкретных интересов и определенных целей. <...> Масса не сплочена осознанием общего интереса и ей не хватает специфической классовой характеристики, которая выражается в установленных и достижимых целях. В отличие от других групп масса решительно аполи-

тична, она не вдохновляется общими интересами, не заинтересована в каких-то целях»¹.

Поэтому не собственно содержание идеологии (оно меняется с течением времени, внутренне противоречиво и эклектично), а принудительность ее внедрения, обеспечиваемое и поддерживаемое строго иерархически организованной партийно-государственной бюрократией, придает тоталитарному обществу-государству вид некоей сплоченной и солидарной целостности. Пропаганда давала массам (отдельному существованию фрустрированного и изолированного индивида) возможность самоопределения и уважения, базирующуюся на значимости и важности той функции, которую составляющие массу индивиды выполняли во всем социальном целом, порождая мнимое чувство солидарности или иллюзию органического единства. Отдельные маргиналы, не способные или не желающие слиться с народом, подлежат изоляции в концлагерях тайной политической полиции, не нуждающейся в силу своей экстраправовой функции (и статуса чрезвычайной, секретной, особой службы или ведомства) в какой-либо сложной процедуре судебного разбирательства, или уничтожению.

Вместе с тем разделяемое большей частью социализированного таким образом населения представление об особой своей миссии (страны, народа) в мире, истории человечества придает социальным низам, массам чувство специфического величия и самоуважения, высокомерия по отношению к другим группам, этносам или странам, компенсируя им тем самым все трудности или дефициты повседневной жизни. Тотальная идеология, выводя смысл происходящего из естественных законов природы (борьбы рас за существование) или железных законов истории (классовой борьбы), объясняет сверхличную или объективную необходимость насилия и уничтожения социальных групп, народов, классов или слоев. Тем самым она не только придает смысл государственному насилию, нормализует его (но не само отдельное преступное действие — не санкционированное убийство отдельного еврея или буржуа подлежат уголовному наказанию), однако только при условии всеобщности, а значит, безличности такого насилия. Тотальный террор делает каждого отдельного индивида соучастником, одновременно снимая с него ответственность за государственные преступления и уничтожая вместе с чувством вины (какого-либо этического или даже остаточного смутного

¹ Корни Р. Страх. История политической идеи. М.: Территория будущего, 2007. С. 122, 123 (ссылка).

психологического дискомфорта) само сознание происходящего у отдельного индивида, превращая его в бессмысленное и примитивное социальное существо, ограниченное только кругом своих непосредственных забот о существовании и отношениях с начальством. Тем самым разрушенными оказываются сами основы западной или даже христианской цивилизации, базирующейся на принципах индивидуализма и субъективности сознания.

Тоталитарная идеология, таким образом, в условиях закрытого и репрессивного социума создает, с точки зрения прежних либеральных или даже буржуазно-консервативных наблюдателей, совершенно особый целостный и непротиворечивый искусственный мир реальности происходящего и прошлого. Она позволяет объяснять любые события и явления на своем собственном языке и в параноидальной логике скрытых сил, конспирологии, исходя из посылки, что в основе поведения людей лежат мотивы всеобщей и не имеющей исключений борьбы за господство, ресурсы и выживание¹.

Х. Арндт прежде всего политический философ, а не политолог и не социолог (это обстоятельство имеет принципиальное значение для понимания ее анализа и исследования тоталитаризма). В основе ее размышлений о трагедии современности лежит твердое убеждение в этическом характере политики, ее интенциональной ориентированности на общее благо, составляющей онтологическое основания европейской цивилизации². В этом она продолжает

¹ К этому же пониманию тоталитаризма был близок и Дж. Оруэлл. Ср. отрывок из его «1984»: «Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев ангсоца, но и сделать невозможными любые иные течения мысли. ...Новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли, и косвенно этой цели служило то, что выбор слов сводили к минимуму. Выразить неортодоксальное мнение сколько-нибудь общего порядка новояз практически не позволял; еретическое высказывание, разумеется, было возможно — но лишь самое примитивное, в таком примерно роде, как богохульство... Но это высказывание, очевидно нелепое для ортодокса, нельзя было подтвердить никакими доводами, ибо отсутствовали нужные слова. Идеи, враждебные ангсоцу, могли посетить сознание только лишь в смутном, бессловесном виде и обозначить их можно было не по отдельности, а только общим термином, разные ереси свалив в одну кучу и заклеив совкупно». *Оруэлл Дж.* 1984 и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989, 2001. С. 200 и 207.

² Поэтому у нее политика ограничена определенными институциональными рамками и сферами (конкуренцией парламентских партий в соответствии с установленными четкими правовыми нормами, под защитой независимого суда и свободы прессы). В этом ее трактовка принципиально отличается от децизионистского понимания политики как борьбы за власть в любой форме и в любой сфере, характерное для всех недемократических репрессивных режимов. Это же представление полностью доминирует в России, разделяемое и властями, и их критиками.

традиционные тематические линии размышлений европейских мыслителей. Поэтому главный вопрос, занимающий ее, состоит в том, что такого случилось в современности, что возникает «радикальное человеческое Зло» (то есть то зло, к носителям которого, преступникам и участникам тотального террора, нельзя применять, по выражению К. Ясперса, критерии и нормы морального осуждения)? Почему в XX в. так легко и быстро оказались разрушенными моральные нормы и принципы гуманности Просвещения, на которых выстраивалась, расширялась европейская культура и общество?

В поисках ответа она отходит от первоначальной тематики «Истоков тоталитаризма», погружаясь в поздних работах уже в чисто философский анализ этих проблем. В конечном счете ее диагноз заключается в том, что процессы массовизации³ разрушили и лишили обывателя «способности к суждению» (в кантовском смысле). Речь в данном случае идет не только о способности к социальному воображению (а значит, и способности к эмпатии), но и связанной с этим этики, то есть ответственности перед другими людьми, идеи общего дела, блага, ограничения зла и вытекающих отсюда императивах коллективного поведения. В этом плане для нас (для дальнейшего анализа путинизма) гораздо большее значение, чем ее размышления над взаимосвязью идеологии и террора, имеет книга «Банальность зла. Процесс Эйхмана в Иерусалиме», которую она закончила в 1963 г. и тогда же опубликовала. Книга вызвала грандиозный скандал и полное неприятие еврейской общественности, подвергнувшей Арндт остракизму. Она совершенно иначе (и социологически!) повернула тему тоталитаризма. Главное здесь было в том, что, как полагала Арндт, преступления такого масштаба, как Холокост (или ГУЛАГ, сталинский террор и репрессии), недоступны пониманию и обычным человеческим оценкам. Это не про-

³ Проблемы, которые принесло появление нового, бесструктурного массового общества, в первую очередь явления тотальной мобилизации, довольно рано, еще до Второй мировой войны, были диагностированы европейскими философами и интеллектуалами. Об этом, каждый по-своему, писали Х. Ортега-и-Гассет, Э. Юнгер, К. Шмитт и др. Но оценивали они их очень по-разному. Если Ортега-и-Гассет утверждал, что «масса — это всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, "как и все", и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» (*Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: AST Publishers, 2016. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=81182&p=1>), то Шмитт на этом выстроил вполне тоталитарное учение о праве и об абсолютном суверенитете власти (государства), политики, конституированное от идеи «врага», которое во многом было рецептировано нацистами.

сто очень большое злодейство, совершенное извергами рода человеческого. С точки зрения их исполнителей (так заявляли после войны почти все привлекаемые к суду нацисты), массовые убийства вообще не являются индивидуальными преступлениями, это работа, чисто бюрократическое функционирование человеческой машины, со своими тяжелыми и неприятными сторонами, но это исполнение указаний и приказов вышестоящих инстанций¹. Нахождение в тотальной бюрократической структуре, легитимированной исключительно идеологическими задачами, упраздняет у исполнителя индивидуальное моральное сознание, снимая с него личную ответственность за свои действия и представление о возможности собственного выбора.

С точки зрения Арндт, правящие элиты в тоталитарных режимах после революционного захвата власти радикально изменили социальную структуру социума, распределяя различные группы (расовые, классовые, партийные, возрастные, половые, ведомственные, региональные, трудовые) иерархическим образом, то есть устанавливая своего рода вертикаль общественного авторитета, значимости и престижа. При этом более высокая группа, располагаясь над другой или другими, получала больше возможностей распоряжаться ресурсами, наделяла себя более высоким статусом и более широкими властными полномочиями. Для ниже лежащих социальных групп это означало не просто ориентацию снизу вверх на высшие статусные группы, но и предопределяло признание их в качестве носителей более высоких достоинств, а значит, и соответствующих прав, добродетелей и образцов поведения, что снимало с подчиненных чувство ответственности за происходящее, уничтожая тем самым какие-либо представления о всеобщей значимости моральных норм. «Идеология была нравственным наркотиком, изменявшим чувство этической

¹ Актуальность такой постановки вопроса крайне значима для российской публики, которая не дозрела до обсуждения подобных моральных проблем. Достаточно указать на функционирование нашей судебной системы, Басманного суда или прокуратуры, которая абсолютно бесстрастно, чисто формально подбирает юридические обоснования для осуждения тех, кого вышестоящие инстанции считают нежелательными элементами или у кого они намерены отнять собственность. В данном случае дело, конечно, не в масштабах преступлений (кто в данном случае может квалифицировать такое поведение «правоохранительных органов» и защитников закона, как преступление, или даже квалифицировать действия судьи Данилкина как отвратительное в моральном плане?), а в самом принципиальном характере функционирования акторов социального института, сохраняющего все особенности части тоталитарной системы.

действительности своих поборников, так что они могли совершать ужасные вещи с минимальными угрызениями совести. Она замораживала или облегчала их нравственные чувства, ограждая их от реальности того, что они делали. В «Истоках» Арндт утверждала, что идеология создавала мнимую реальность для тех, кто больше не верит в этот мир и в свое собственное существование. В «Эйхмане» идеология была также фикцией, но фикцией политически инструментальной: она давала возможность личности победить ее «врожденное отвращение к совершению ужасных преступлений»².

Утрата этического начала в политике не только открывала дорогу для тотального — рационально организованного — насилия, но и условия его принятия, внутреннего оправдания атомизированным и дезориентированным индивидом. Идентификация с идеологическим движением, партией, захватившей всю власть в стране, освобождала его от состояния анонии и фрустрации. Присоединение большинства к ставшей тотальной и безальтернативной государственной версии реальности меняло в обществе характер и модальность социальной идентификации, порождая в маргиналах и отщепенцах чувство дискомфорта, одиночества и тревоги. Установленный порядок так или иначе принимался и становился внутренне легитимным, что предопределяло безальтернативность тоталитарной системы и ее устойчивость (для коммунистической системы на долгие десятилетия). Тем самым Арндт показывала, что возникающая на первый взгляд пассивность населения в тоталитарных обществах (отсут-

² Корни Р. Страх. История политической идеи. М.: Территория будущего, 2007. С. 143–144. «Эйхман искренне верил в авторитет лучших людей общества, в то, что их мнения были достойны уважения и подражания. А еще у них была власть, так что все это заставило его присоединиться к верованиям, сопровождавшим эту власть. Эти парные элементы в идеологическом структурировании Эйхмана — искреннее и инструментальное, мораль и карьеризм — были нераздельны, поскольку в глазах Эйхмана успех был нравственным благом, стандартом, по которому оценивалось достоинство людей». Там же, с. 146–147. «Он и вправду к концу стал приверженцем успеха, по его представлениям, основного мерила "хорошего общества"». И потому для него типичными были последние слова о Гитлере: ...Гитлер, сказал он, «мог быть не прав во всем, но одно несомненно: этот человек оказался способным подняться от ефрейтора немецкой армии до фюрера почти восьмидесятиmillionного народа... Сам по себе его успех уже доказал, что я должен подчиняться этому человеку». Его совесть действительно успокоилась, когда он увидел, с каким рвением и энтузиазмом «хорошее общество» реагирует на его действия. Ему «не надо было заглушать голос совести», как было сказано в заключении суда, и не потому, что совести у него не было, а потому что она говорила «респектабельным голосом», голосом окружающего его респектабельного общества». Арндт Х. Банальность зла. С. 188–189.

ствие какого-либо сопротивления насилию или преступлениям государства) — не политическая апатия, не равнодушие или безучастность, а старание следовать своим социальным, профессиональным, должностным, то есть функциональным обязанностям. Это лишь для стороннего наблюдателя, пытающегося как-то рационально объяснить поведение массы населения в условиях тотального террора, всеобщий конформизм или оппортунизм, общественная пассивность обусловлены страхом перед наказанием за несогласие. Более важная причина заключается в том, что такая апатия (аполитичность), функционально равнозначная поддержке преступлений режима, представляет собой рутинное, социально одобряемое поведение, gratification которого задана соображениями карьеры, групповыми конвенциями коллег по работе, коррупцией, общими требованиями окружающей среды¹.

Военное поражение Гитлера и фашистской Италии, а также фашистских режимов в Венгрии и Румынии, а до того полуфашистских режимов в Прибалтике в результате советской оккупации этих стран перед Второй мировой войной создали ложное представление, что тоталитаризм был экстраординарным явлением в мировой истории, ограниченным лишь этими странами. Напротив, длительное существование, а значит, неизбежные изменения внутренней политики режимов Франко и Салазара заставили многих аналитиков вывести их из класса тоталитарных. Военный крах или военный переворот (как в Португалии) представляется большинству историков логическим концом существования подобных режимов. Это снимало вопрос о характере репродукции тоталитаризма. Поэтому никаких идей, чем (логически) заканчиваются тоталитарные системы, у них не возникало. А это ключевой вопрос для всего постсоветского развития, на который у современных социальных исследователей ответа нет. Есть некое априорное убеждение, что все репрессивные и демократические режимы в конечном счете должны преобразоваться в демократии, но подтверждения этому нет (вопреки тезису «конца истории»). Таким образом, представление о тоталитаризме как режиме «идеократии» закрывает возможности понимания того, где искать выход из тоталитаризма.

¹ Эта недооценка «позитивных» латентных значений тоталитаризма закрывает возможности для понимания сохранения рудиментов тоталитаризма (например, одобрения Путина при явно негативной оценке нынешнего государства в целом).

Совершенно иным (и во многом более продуктивным) представляется подход, предложенный в середине 1950-х гг. К.-Й. Фридрихом и З. Бжезинским. Их выступления отметили принципиально новую фазу в исследованиях репрессивных режимов тоталитарного плана. В отличие от спекулятивно-философского труда Х. Арндт, они строили свой подход на анализе и осмыслении уже проделанных работ, прежде всего описания различных институциональных практик тоталитарных режимов, организации власти (сращения партии и государства), идеологической индоктринации через пропаганду, СМИ, систему общественных организаций (от детских и юношеских, женских, спортивных, трудовых фронтов вплоть до ячеек на предприятиях или по месту жительства), функции террора, соотношений экономики и политики и т.п. Можно сказать, что они систематизировали и обобщили более ранние исследования различных сфер тоталитарных систем господства. По существу, они перешли от задачи предметного описания отдельных, исторически конкретных режимов (что было принято политическими историками в качестве само собой разумеющейся исследовательской программы, приведшей к множеству методологических противоречий и антиномий (несоответствию генерализованной теории эмпирическому материалу) к *идее метода исследования*: сравнительно-типологического институционального анализа различных тоталитарных режимов. Тем самым они предложили не схему описания конкретных видов репрессивных систем господства, а специализированный язык (аппарат генерализованного сопоставления) для междисциплинарного изучения различных идеологических и репрессивных режимов XX в., суммировав их основные характеристики в теоретической схеме «тоталитарного синдрома»².

Авторы выделили следующие составляющие «синдрома»:

1) однопартийная система, сращение партии и государственного аппарата, в результате которого меняется сам принцип комплектования управляющих кадров бюрократии (не по принципу компетентности квалификации, а по критериям идеологической выдержанности и партийной лояльности), тем самым обеспечи-

² *Fridrich C.J., Brzesinsky Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.), 1956; 1965.* Число признаков тоталитарного синдрома, первоначально ограниченное шестью, в дальнейшем постоянно увеличилось, авторы (главным образом К. Фридрих) добавляли все новые характеристики, пытались учесть и замечания критиков, и новый материал, полученный историками в ходе работы в архивах.

вадается контроль над социальной структурой и мобильностью в обществе, управление социальными процессами; принципиально важным здесь оказывается трансформация права и судебной системы, отказывающейся от правового универсализма как достояния европейской культуры Просвещения; ликвидация любой общественной или политической деятельности, не согласованной с органами власти;

2) миссионерская, эсхатологическая идеология¹ будущего, излагающая программу построения небывалого в истории общества «нового типа», выступающая как основа для всеобщей идейной доктринации и дрессировки населения, в первую очередь молодежи, которая тем самым становится строительным материалом «светлого будущего» и наиболее преданным контингентом режима, поскольку именно для молодежи здесь открываются социальные лифты;

3) харизматический вождь, национальный и одновременно партийный лидер, обладающий всей полнотой власти и определяющий цели и средства политики, единолично задающий ориентиры и приоритеты национально-государственной деятельности, решающий все важнейшие вопросы, обладающий высшим авторитетом во всех ключевых вопросах существования страны, которые на данный момент признаются таковыми;

4) разветвленная тайная политическая полиция, обеспечивающая контроль фюрера, вождя, лидера над партией и населением в целом, устрашающая и дисциплинирующая население; ее воздействие предполагает у нее наличие чрезвычайных полномочий (то есть практики, выходящие за рамки «закона для всех») и самые жестокие средства принуждения или насилия, включая и безусловность уничтожения тех, кого режим признает «врагом» или «лишним» членом сообщества;

5) государственно-партийная монополия на все средства массовой информации, превращение печати, радио, ТВ и прочих информационных каналов в орудие идеологической пропаганды, агитации и мобилизации населения, его «воспитания» в духе «преданности партии-государства» и «патриотизма», манипуляция массовым сознанием, наказание за использование альтернативных источников информации и интерпретации, подавление альтернативных конструкций реальности, прошлого и будущего

¹ На деле идеология не только будущего, но и прошлого, точнее, создающая замкнутую в себе и все объясняющую собой диалектику причин и следствий.

го, другими словами — монополия на основные виды межличностной коммуникации в массовом индустриальном обществе;

6) массовый террор, широкомасштабные репрессии не только против отдельных групп населения, признанных «врагами народа» (по этническому, классовому, религиозному, культурному, политическому или иным социальным характеристикам), но и против всего населения в целом, служащий для обеспечения покорности и управления подданными в целях, поставленных вождем и партией;

7) плановая государственная экономика, обеспечивающая мобилизацию ресурсов и выбор средств для достижения поставленных режимом целей, подчинение хозяйственно-экономической деятельности политике (геополитики, экспансии, милитаризации, реализации идеологических программ и т.п.);

8) монополия на боевое оружие, использование парамилитарных формирований для захвата власти и уничтожения противников режима.

Таким образом, «тотальность» как определяющая черта тоталитарных режимов должна была бы усматриваться, если следовать мысли авторов, не только или не столько в репрессивных практиках или в терроре, приобретающем у историков иррациональный характер, объясняемый поэтому персоналистически психологическими причинами, личностной патологией², сколько в *соподчинении и взаимосвязи деятельности всех социальных институтов*, от партии-государства до детских садов, от армии до культуры, а значит, распространении оправданного государственного принуждения на те области, которые до возникновения тоталитарных режимов не входили в компетенцию государства или входили в ограниченном объеме (по крайней мере, в европейских и более цивилизованных странах, таких как Германия или Италия; для России этот вопрос остается проблематичным): образование, религия, мораль, то есть воспитание детей и внутрисемейные отношения, гражданское общество, партийная организация, профсоюзы, публичная деятельность, искусство, спорт, сфера частного права, экономика и организации предпринимателей, культура, наука, мода и т.п. Поэтому Дж. Джентиле в од-

² Такое понимание сохраняется даже у наших ведущих историков сталинизма, например, у О. Хлевнюка, внесшего значительный вклад в описание и документирование становления тоталитарного режима. См.: Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы М.: РОССПЭН, 1996; Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.

ной из своих статей утверждал, что фашизм — это не политический строй, а тотальный образ жизни.

Впечатление иррациональности таких систем создается из-за того, что при тоталитарных режимах радикально меняются масштабы использования средств бюрократического управления (инструментально-рациональной, технической организации управления массовым поведением). Провозглашаемые лозунги — быстрая, форсированная модернизация страны (построение Третьего рейха или социализма) для достижения благоденствия народа, его величия, славы и счастья вступают в противоречие с фактическими целями господства, возвращением к домодерному или даже архаическому типу отношений власти и подданных. Советское прикрепление населения к рабочим местам, внеэкономическое принуждение, коллективное заложничество, военная экспансия, колониальная манера администрирования, массовые репрессии, дискриминация и выселение целых социальных групп или классов, концлагеря, убийства как способ решения проблем — все это представляет собой гораздо более примитивные техники власти, чем было до появления тоталитарных структур. Административный произвол, иерархическая система привилегий и проч. — все это было и раньше, до «революции».

Новым оказываются масштабы государственного насилия, а значит, способ его организации — фабричный, промышленный, технологичный. Это означает, что произошло стирание границ, барьеров между разными институциональными сферами. «Рационалистическое», или «научное», обоснования решения социальных (человеческих, моральных) проблем прикладывается для обоснования решений и практик, отвечающих целям и идеологическим интересам диктатуры (или ее отдельных ведомств), свободных от традиционных этических, религиозных или правовых ограничений. Другими словами, для снятия комплексов, порожденных травмами догоняющей модернизации, используются средства, которые сами по себе усиливают эти травмы. Понимание иллюзорности и несбыточности достижения тех благ, которые развитые, «модерные» страны получили в ходе длительного процесса развития их институциональной системы, непрерывного ее усложнения, вызывает сильнейшее ресентиментное неприятие тех ценностей, которые инициировали саму модернизацию. Получается замкнутый круг — жесткость системы

господства становится фактором возникающих проблем, связанных с ее неадекватностью человеческим отношениям, становящихся все более многообразными.

Но именно поэтому тоталитарные режимы, если брать длительные периоды времени наблюдения, таят внутри себя неизбежные противоречия и нестабильность, угрозу катастрофы (военного поражения или внутреннего переворота) и собственный крах. Их узким местом оказывается персональный характер власти (на всех уровнях, но прежде всего высшей), не сочетающийся с задачами форсированного (догоняющего) развития, что требует других размерностей времени, других форм социальной организации, наличия институциональных механизмов воспроизводства социальных отношений, а здесь этого нет. Харизматическому лидеру не может быть эквивалентов и замены, как определял этот тип господства Вебер, отсюда проблема рутинизации (институционализации харизмы, превращения ее в традицию или бюрократическую структуру). Периодически возникающие критические точки в эволюции тоталитаризма объясняются невозможностью выработки механизмов упорядоченной (правовой) смены, передачи власти¹.

По отношению же к СССР общая концепция тоталитаризма как террористического режима (тематика Большого террора, организация партии-государства, деятельность НКВД — КГБ) дополняется или конкретизируется тезисом о функциональной специфике этого режима — об идеологии форсированной милитаристской модернизации или закрытого репрессивного «военно-промышленного общества», людей, живущих сознанием конфронтации с остальным миром и постоянной угрозы нападения извне. Но из-за этого анализ своеобразия институциональной его структуры по-

¹ В истории тоталитарных режимов представлены разные варианты воспроизводства власти — верхушечный переворот (например, разгром троцкистской оппозиции Сталиным, уничтожение Берии его более слабыми конкурентами после смерти Сталина, разгром «антипартийной группы» Хрущевым и отстранение в дальнейшем самого Хрущева, смерть Брежнева и случайный перебор кандидатов в преемники и проч., что включает совершенно другие интересы поддерживающих систему господства групп — сохранение власти, иммунизация номенклатуры от террора и т.п., частичная деидеологизация режима, дискредитация и опорочивание предшественников) или, реже, по принципиальным особенностям природы самих тоталитарных режимов как парадоксальной реакции на кризис модернизации — партикуляристское архаическое по форме наследование родственниками вождя (как в Северной Корее, на Кубе, в Азербайджане) или внутриклановых или аппаратных интриг в узком кругу высшего руководства (как в Китае, Туркмении, Узбекистане).

степенно замещается проблематикой холодной войны и противостояния двух мировых систем. Такой сдвиг интерпретаций советского коммунизма может объяснять быструю утрату интереса историков к теории тоталитаризма сразу после распада СССР.

Вопрос о будущем тоталитарных режимов после краха СССР (объясняемого истощением внутренних ресурсов режима из-за гонки вооружения, разорившей страну и подорвавшей массовую поддержку власти, или несостоятельностью плановой социалистической экономики, ее неспособностью к технологическим инновациям и развитию) становится при этом как бы излишним и снимается с научной повестки дня. Задачи историка в проблемном поле изучения тоталитаризма кажутся на этом исчерпанными, и эстафета передается прикладной политологии, от которой ожидаются рецепты и разработки политических решений для интеграции посттоталитарных обществ в пространство современных демократий.

Казалось бы, потенциал теории тоталитаризма исчерпан. Итог подведен Х. Линцом: «Итак, я буду считать систему тоталитарной, если она удовлетворяет следующим условиям:

1. Наличествует единый, однако не монолитный центр власти, и любой плюрализм институций или групп, если он существует, получает свою легитимность именно из этого центра, им опосредуется и возникает в большинстве случаев в силу политической воли центра, а не является результатом развития общества в дототалитарный период.

2. Имеется единственная, автономная и более или менее проработанная в интеллектуальном плане идеология, с которой идентифицирует себя правящая верхушка или вождь, а также обслуживающая высшее руководство партия. Политика, которую проводит правительство, опирается на идеологию, любые проводимые меры оправдываются ссылкой на нее. Идеология имеет определенные границы, и преступить их значит вступить в сферу инакомыслия, которое не остается безнаказанным. Идеология не сводится к какой-то конкретной программе или определению общего политического курса, но претендует на окончательное осмысление общества, понимание его исторической цели и объяснение всех общественных явлений.

3. Звучат постоянные призывы к активной мобилизации и широкому участию граждан в реализации политических и коллективных общественных задач; это участие реализуется

через единственную существующую партию и множество подчиненных ей групп, оно поощряется и награждается. Нежелательными считаются пассивное подчинение и апатия, отход на позиции маленького человека, «хата которого с краю», характерные для авторитарных режимов»¹.

Концептуальная работа в рамках этой парадигмы фактически остановилась при первых признаках ослабления СССР (после смерти Сталина и прекращения практики массового террора и ликвидации ГУЛАГа, попыток десталинизации при Хрущеве и экономических реформ Косыгина, появления правозащитного движения), после Пражской весны, подавления рабочих волнений в соцстранах и т.п. Понятие тоталитаризма превратилось в идеологическое клише². Европейские и американские исследователи тоталитаризма фактически подвели черту под этим направлением, занявшись углубленным историческим анализом германского нацизма и итальянского фашизма и сталинизма³.

Но, на мой взгляд, подобное сужение и предметных, и исторических рамок изучения существенно обедняет эвристический объяснительный потенциал концепции тоталитаризма как междисциплинарной методологии сравнительного анализа репрессивных систем, основанных на сращении господствующей партии и государственного аппарата или моделей

¹ Линц Х. Тоталитарные и авторитарные режимы // Неприкосновенный запас. 2018. №4. С.20

² Как пишет Випперман, «идеологический момент был обусловлен как антифашизмом, так и антикоммунизмом. После 1945 г. «демократическое» понятие «тоталитаризм» получило статус государственно-идеологического принципа, поскольку борьба с тоталитаризмом была закреплена в Основном законе ФРГ». Wipperman W. Totalitarismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. Darmstadt, Primus Verlag, 1997. S. 111. См. также: Випперман В. Европейский фашизм в сравнении, 1922–1982. Новосибирск, 2000 (немецкое издание 1983 г.). См. также: Умланд А. Теоретическая интерпретация фашизма в работах В. Виппермана // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 205–210.

³ Griffin R.D. The Nature of Fascism. London. Routledge 1993; International fascism: theories, causes, and new consensus. Ed. by R. Griffin. London, Arnold, 1995; Siegel A. Introduction. — In: The Totalitarian Paradigm After the End of Communism. Toward a Theoretical Reassessment. Ed. by A. Siegel. Amsterdam — Atlanta, GA: Rodopi, 1998. P. 24–35; Stalinism and Nazism. Dictatorships in Comparison. Ed. by J. Kershaw and M. Lewin. Cambridge 1997; Gregor A.J. The Faces of Janus: Marxism and Fascism in the Twentieth Century. Yale Univ. Press. New Have, 2000; Gregor A.J. Interpretations of fascism. New Brunswick N.Y., Transaction books, 2007; Hohendahl P. U. Critical Theory and the Challenge of Totalitarianism. P. 8–31 // Telos. 2006. Summer (тематические номера посвящены как раз проблематике перехода немецкого общества от тоталитаризма к демократии: Germany after the Totalitarianism. P. 1. No. 135. P. II. 2006. No. 136).

«общества-государства». Из поля внимания при этом выпадают не только все «неевропейские» коммунистические или национал-социалистические режимы (Китай, Вьетнам, Северная Корея, Куба и др.), но и множество переходных или смешанных форм, включая и некоторые ближневосточные или африканские системы репрессивного правления с сильной партийно-государственной идеологией (Ирак, Иран и др.). Сосредоточение лишь на изучении различных аспектов становления и функционирования нацизма, фашизма и сталинизма оборачивается тем, что с повестки дня снимается вопрос о будущем тоталитарных режимов, уходит на задний план теоретическая проблема эволюции таких режимов. А это значит, что сами режимы мыслятся как «однородные целостности», своего рода идеологические монолиты, что справедливо подвергалось сомнению и критике историками-ревизионистами. Однако из этого делался неправильный вывод: вместо того, чтобы разбирать характер неоднородности и противоречий между разными подсистемами, делалось заключение о неверности самой концепции тоталитарных социумов. Тем самым закрывалась возможность видеть различия в траекториях развития разных институтов внутри этих режимов, что, по моему мнению, представляется даже более важным обстоятельством, чем необходимость расширения типологического диапазона исследуемых тоталитарных форм.

Участники теоретических дискуссии о тоталитаризме, происходивших в 1960–1970-е, не смогли дать ответа на самый важный концептуальный вопрос, имеющий также огромное практическое значение: **есть ли выход из тоталитарных режимов и какова могла бы быть логика подобной трансформации, если не считать воздействия внешних факторов, определяющих их крушение?** Как я полагаю, именно теоретическая слабость понятия «авторитарные режимы» и вытекающая отсюда логическая неопределенность ответов на поставленный вопрос о будущем советского тоталитаризма могут служить объяснением паралича социальных наук, занимающихся постсоветскими процессами.

Явные свидетельства неудачи демократизации государств, образовавшихся на руинах советской системы, подталкивают к мысли, что отказываться от концепции тоталитаризма преждевременно. Напротив, новые явления в этих регионах совершенно недвусмысленно требуют своего объяснения, которое должно

начинаться не с чистого листа, а продолжать уже имеющиеся теоретические разработки, вытекать из них. Необходимо существенное дополнение и развитие теории тоталитаризма за счет включения в нее объяснения последующих процессов разложения и дегенерации тотальных репрессивных систем и, следуя из их логики, определения перспектив трансформации этих режимов.

Тоталитаризм как парадигма. Три фазы эволюции научной парадигмы

Как всякая научная парадигма, тоталитаризм обладает собственной логикой развития и эволюции. Складывание любой парадигмы в науке начинается с накопления «аномальных» фактов — отдельных наблюдений и констатаций «отклонений» от ожидаемых явлений различного рода (вероятных, «закономерных», «типичных» в соответствии с принятыми в сообществе теориями, концепциями, учениями, являющимися основой ценностного консенсуса сообществ)¹. Когда масса подобных девиаций оказывается значительной, наступает понимание, что эти явления — не случайность, не ошибки описания или измерения, а устойчивые феномены, научное сообщество раскалывается, возникает группа маргиналов и возмутителей спокойствия, которые настойчиво пытаются собрать, систематизировать и обобщить не укладывающиеся в прежние концепции явления. Эту начальную стадию новой парадигмы можно назвать формированием *индукционистского* метода, когда доминирующей мотивацией (и научной идеологией) становится принцип «мы собираем и описываем факты; теории рождаются из обобщения; мы не привносим в материал свои теоретические установки и посылки, а они возникают из генерализации эмпирического материала».

Вторая фаза логико-методологического развития парадигмы отмечена серьезными дискуссиями о результативности и границах значимости появившихся обобщений: накопленный материал начинает сопротивляться и противоречить исходным допущениям и первичным генерализациям, которые сталкиваются между собой. Методологическая критика и самоанализ ученых вскрывают ценностную направленность отбора эмпирических обстоятельств в процессах сбора и описания матери-

¹ Кун Т. Структура научных революций. М.: Наука, 1975; Гудков Л. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М.: Русина, 1994 (ч. II. «От рациональности сущего к субъективной рациональности. С. 277–350).

ала¹. В ходе подобных внутридисциплинарных дискуссий становятся ясными несколько важнейших моментов научной работы, в первую очередь зависимость *конституирования факта от латентных концептуальных и ценностных посылок ученого*. Методологическая критика должна выявить и показать обусловленность явления, признака, характеристики, которым придается статус «эмпирического материала» (то есть полученного в соответствии со строгими критериями достоверности, проверяемости — устойчивости результата при многократных пробах и замерах), предшествующими априорными теоретическими посылками, являющимися мотивационными критериями отбора и проверки материала. Только в рамках подобного соответствия устанавливается возможность и степень *интерпретируемости* данных, соответствия их принятым принципам объяснения. Выявление этой скрытой связи факта и определенной теории, оправдывающей значимость того или иного эмпирического обстоятельства, получает название логико-методологической процедуры *верификации эмпирических результатов*.

Эта фаза научной работы (экспликация неявной методической «тавтологии») достаточно короткая и неустойчивая, поскольку скоро дискуссия о значимости интерпретации подталкивает исследователей к необходимости сопоставления уже не отдельных эмпирических данных (фактов) с объясняющей их концепцией, а сопоставления имеющихся в распоряжении альтернативных теорий и концепций одних и тех же множеств или агрегатов собранных данных. Встает задача оценки объяснительной результативности теории, ее адекватности, определении границ исходных расходящихся, конкурирующих между собой концептуальных систем.

Следствием этой теоретико-методологической дискуссии внутри научного сообщества оказывается признание равнозначимой объяснительной силы разных концепций, то есть понимание зависимости факта от метода его описания (конструирования), эффект «дополнительности», требование одновременного

¹ Направленность познания, обусловленную теоретическим интересом исследователя, его проблемной ситуацией, не следует путать и смешивать с практическими оценками исследователей: регулятивная роль ценностей исследователя («познавательный интерес») играет роль прожектора, направляющего внимание в условиях темноты на те или иные обстоятельства, подлежащие отбору и последующей интерпретации в категориях принятых или разрабатываемых теорий и концепций. Практическая оценка, напротив, никак не связана с процессами познания (отбора и объяснения), ее значимость определяется ситуацией практического действия (взаимодействия с другими).

учитывания исходной познавательной установки исследователя для оценки значимости эмпирического результата, ограниченности нашего объяснения. Иными словами, если претендующее на статус эмпирического интерпретационное высказывание или суждение не может быть опровергнуто или иначе интерпретируемо в другой системе категорий, оно расценивается как «метафизика» (или «идеология»), а значит, как не подлежащий *«фальсификации»* (так была названа эта методологическая процедура) внетеоретический компонент научного объяснения². Эти элементы никоим образом нельзя считать *ненаучными резидуумами*, которые должны быть исключены и отвергнуты. Напротив, без них никакая продолжительная (институциональная) работа в науке невозможна и непродуктивна, поскольку эти компоненты являются проявлениями в научной сфере влияния внешних социальных сил — интересов общества в научном знании, проекцией культурных представлений, партийных или групповых интересов, самих смыслов человеческой деятельности и существования. Без них собственно научная работа превращается в игру в бисер, похожую на шахматы, музыку, математику или чистую гимнастику ума.

Как только появляются первые признаки такого состояния научной дискуссии, можно говорить о наступлении третьей фазы эволюции соответствующей научной парадигмы: фазы *«конвенционализма»*. На этой стадии ставшая чрезвычайно рафинированной, изошренной и рефлексивной внутридисциплинарная методологическая критика научилась отделять «метафизические» компоненты концепции от объясняющего тот или иной объем эмпирического материала содержания теории. Методологически это выражается в способности «взять в скобки» (как это принято у феноменологов, применить операцию «эпохэ»), отделить содержание описываемого явления от того, что определяет его существование, признание его фактичности (техники удостоверения его действительности). Это предполагает способность

² Причем это никак не связано с философскими позициями мыслителей. Так, критический рационалист К. Поппер полагает, что причины тоталитаризма следует искать в самих истоках европейского мышления, например, в платоновской идее социальной инженерии (Поппер К. Открытое общество и его враги. М., Международный фонд «Культурная инициатива»; 2009). Со своей стороны, ведущие авторы франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно (Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997) возводили причины тоталитаризма к просвещенческому техническому рационализму как основе тотального овладения миром.

отделять и нейтрализовать элементы *экзистенциальной предикации*, которые задают статус «истинности» конкретному утверждению, от объясняемого теорией фактического содержания. Благодаря этому становится возможными согласования между собой уже не отдельных эмпирических суждений, а согласований *теорий как гетерогенных* (то есть имеющих разные источники происхождения, разный генезис, разные ценностные мотивации знания) систем объяснения и интерпретации различных групп фактов, не могущих быть между собой соединенными и гармонизируемыми.

На этой стадии мы имеем дело уже не с конкретными теориями, концепциями или их категориями (школами, сторонниками того или иного подхода), а с выработкой *метода согласования* различных теорий или научных школ. Суть его сводится к тому, что ни одна из предлагаемых или выдвигаемых систем объяснения не может дать полностью исчерпывающего, закрытого объяснения сколько-нибудь значительной массе эмпирического материала; в социальных науках — примирить исторические (идеографические, каузальные) методы и подходы с генерализующими методами (номографическими, законосообразными, статистическими способами работы и функционалистскими объяснениями) и дисциплинами. Всякая подобная попытка дать целостную, монистическую и внутренне непротиворечивую картину описываемой реальности заканчивается диалектическими мнимостями, идеологическими построениями или чем-то вроде историко-софских спекуляций на научные темы. Здесь проступают пределы данной научной парадигмы, охватывающей ставшее необозримым множество рабочих гипотез, интерпретаций, теорий и концепций в какой-то одной предметной сфере исследований. На этой стадии можно говорить уже только о том, в какой степени (и в каком отношении, в перспективе какой проблематики) является адекватной та или иная теория или их группы для осмысления и интерпретации соответствующего набора фактических наблюдений, описаний и генерализаций. Другими словами, этот момент сигнализирует о том, что наступает фаза сравнительно-типологического анализа различных систем описаний, требующего в качестве обязательного условия указания на субъективный характер исследовательского отбора (принцип дополненности, учет наблюдателя в измерении, идеологических и антропологических установок, мотивировок генезиса теории и т.п.).

Содержательным признаком наступления третьей фазы в эволюции парадигмы тоталитаризма можно было бы считать появление узкодисциплинарных (а не историко-софских, не спекулятивных) постановок вопросов о причинах (генезисе) появления или формирования конкретных тоталитарных систем. В этой ситуации уже недостаточно говорить о конкретных предпосылках успеха Гитлера и нацистской партии (веймарского синдрома, экономического коллапса Германии, политики Антанты, дискредитации республиканской демократии и т.п.), в нашем случае исторического описания условий «октябрьской катастрофы 1917 года». Здесь требуется переход к более общим теориям модернизационной неудачи России, сочетающим культурологические исследования внутренних противоречий между аграрным коммунизмом основной массы населения с ее традиционно-магическим православием и тончайшим слоем носителей европейской политической культуры, не справившихся в условиях затяжной войны и краха монархии с решением задач трансформации политической системы. Сворачивание на патологический путь тотальной большевистской индустриализации и полной ломки социальной и институциональной структуры стало условием и началом радикального упрощения социальной структуры, блокирования социальной дифференциации, подавлением функциональных связей и коммуникаций между разными группами и подсистемами, восстановлением жесткой вертикали господства. Собственно, это и есть процесс контрмодернизации, стерилизующий ресурсы внутреннего, имманентного развития общества и делающего его зависимым почти исключительно от внешних условий — импорта идей, технологий, оборудования, давления гонки вооружений.

Другим вариантом признаков третьей фазы парадигмы можно считать постановку вопросов о будущем тоталитарных систем, за которыми стоят вопросы о логике разложения (объяснения) режима (причин, факторов, условий, социальных сил, лидерах, об организациях, интересах и т.п.) или, что не менее важно, поиск объясняющих ответов на вопросы воспроизводства тоталитарных систем господства, источников консерватизма или реставрации, реверсного движения после кризиса. Именно эту сторону парадигмы тоталитаризма отмечал В. Заславский¹. Достоинства этого подхода обу-

¹ Заславский В. Постсоветский этап изучения тоталитаризма: новые направления и методологические тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 1 (57). С. 47.

словлены его системным характером, заставляющим аналитиков принимать в расчет взаимодействие различных институтов (права, СМИ, политических партий, гражданского общества, культуры) и сравнивать особенности их функционирования в разных странах. Как он пишет, «наиболее обещающим направлением исследований сегодня является не просто выделение и изучение наиболее значительных черт, характеристик и институтов тоталитарных режимов, а системное описание и интерпретация их как совокупности характеристик взаимосвязанных и взаимозависимых институтов, анализируемых с точки зрения *необходимости и достаточности для репродукции* тоталитарной системы»¹.

В этом плане аналитическая работа в рамках парадигмы тоталитаризма применительно к классическим ее примерам, Германии или Италии, прекратилась, поскольку вопрос о репродукции этих режимов теоретически был снят — они были разрушены в результате победы СССР и союзников. (Правда, тут же встал практический вопрос о денацификации и дефашизации этих стран, который в определенном плане заменил необходимость концептуального продумывания судьбы тоталитарных систем.) По отношению к СССР эти вопросы оказались табуированными и по существу не поднимаются до сих пор.

Если мы понимаем, как происходило формирование институциональной системы тоталитарного господства (захват власти, террор — первоначально против отдельных групп, партий, затем — классов и этнических групп и, наконец, против всего населения, ликвидация свободной прессы, замена ее пропагандой, расползание идеологического регулирования и доктринации на другие функциональные институты — управления, социализации, социального контроля, обмена и взаимодействия

с внешней средой), то мы получаем возможность видеть те линии напряжения, по которым происходит развал этой системы. И действительно, крах советского тоталитаризма произошёл в тот момент, когда террористические и силовые структуры — политическая полиция, армия, партийная организация, СМИ — оказались недееспособными с точки зрения господствующей элиты, не отказавшимися выполнять свои функции. Ни одна из этих структур в решающий момент не выступила на защиту коммунистической власти. Но именно с их регенерации (с чеченской войны, введения цензуры, отмены местного самоуправления, централизации власти, упразднения разделения ветвей власти через «управляемую демократию» и фальсификацию выборной системы, уничтожения системы партийного представительства, подавления гражданского общества, плутократического огосударствления экономики и т.п.) и началось реверсное движение — восстановление путинского модифицированного вторичного тоталитаризма.

Самой же важной задачей в социальных науках сегодня оказалась следующая: исходя из логики разложения тоталитарных режимов определить векторы институциональных изменений. Решение этой задачи позволяет ответить на волнующие всех вопросы: почему в одних случаях подобный переход происходит трудно, болезненно, но относительно успешно, тогда как в других начавшиеся процессы трансформации тоталитарных институтов обрываются и общества оказываются в череде затяжных кризисов, провоцирующих появление новых репрессивных режимов, природа и технологии господства которых плохо описаны, поняты и изучены.

Обсуждение причин краха социалистической системы, как правило, ограничивается историческим анализом политики Горбачева и его партнеров на Западе и Востоке, деятельности участников различных социальных движений и организаций сопротивления коммунистам; за этим следуют проекты и описания различных сценариев восточноевропейского транзита и обсуждение вопросов интеграции стран ЦВЕ с ЕС. Доминирование транзитологических подходов и соответствующих им моделей демократизации, как и механический перенос правовых и рыночных институтов, часто, по существу, лишь мешают пониманию тех процессов, которые происходят в настоящее время на пространстве бывшего СССР, по-

¹ Эта методологическая посылка — рассмотрение тоталитарных типов господства, исходя из перспективы или логики их воспроизводства, соответственно требование описывать их в языке развития (=структурно-функциональной дифференциации), сохранения или разложения прежней системы отношений господства, интеграции или социального контроля и т.п. — позволяет автору говорить о третьем этапе развития тоталитарных исследований, начавшемся в середине 1990-х и отличающемся от двух предыдущих: «а) характером организации научной работы и предоставлении публике ее результатов; б) введением некоторых новых методологических принципов; в) появлением новых тем и направлений исследования, которые по разным причинам не были раньше в центре исследовательского внимания» <...> «Анализ функционирования и дегенерации режимов советского типа становится принципиальным направлением современных тоталитарных исследований». *Заславский В.* Цит. соч. С. 49.

сколькx исследование в таких случаях сводится лишь к фиксации отклонений от нормативной схемы. (Вероятно, уже через какое-то время станет ясным, что и для понимания будущих событий в Китае или Вьетнаме такие транзитологические подходы будут малопродуктивными или одномерными.)

События на постсоветском пространстве (или, шире, пространстве восточного блока, соцлагеря) дают примеры обоих вариантов как успешной вестернизации и строительства демократии, так и смещения тоталитарных систем в сторону авторитаризма или квазитоталитарных традиционалистских типов господства. В первом случае (балтийские страны, Польша, Чехия) трудности переходного периода терпят именно потому, что люди солидарны, объединены сознанием «общего блага» и оправданности своего терпения, видят перспективу. Условием этой солидарности и гражданского сознания является наличие остатков прежних структур гражданского общества, неформальных объединений и память о собственной государственности до установления коммунистической системы. Во втором случае (отсутствие памяти о собственной государственности, а значит, предшествующих общественных объединений, гражданском обществе) терпение носит характер безальтернативного, неоправданного и безнадежного выживания в условиях внешнего бессмысленного принуждения, которое поэтому асоциально и избавиться от которого можно, только если постараться обойти общий порядок, попытаться решать свои проблемы в частном порядке.

Чаще всего возвратные формы репрессивных и недемократических режимов возникают после некоторого периода начальной либерализации и демократической трансформации (так было в Белоруссии, Казахстане, Азербайджане, Армении, за исключением постсоветских государств Средней Азии, в первую очередь Туркмении и Узбекистана), так обстоят дела и в России. Схожим образом развивались события и на Украине после победы антилиберальных сил на президентских выборах в 2010 г.

То, что российские сценарии консервативного номенклатурного реванша повторяются на постсоветском пространстве, говорит о том, что это не случайности, а проявление определенных закономерностей эволюции распада и регенерации тоталитарного социума, указывающие на аморфность общества, слабость его организации или ограниченность его дееспособности при более высоком организационном

потенциале институтов насилия, быстро восстанавливающихся после первого поражения и краха базовых структур принуждения¹.

Следовательно, нужны интеллектуальные ходы, позволяющие проследить не только взаимосвязь тоталитарных институтов, но и последствия такой системы организации. Теоретическая значимость такого семантического комплекса, как «тоталитарный синдром», сохраняет при этом свою силу, позволяя, например, фиксировать последовательную связь между сворачиванием массового террора и явлениями социальной склеротизации, приостановку циркуляции элит и прекращение

¹ После развала СССР во всех странах бывшего соцлагеря в первый период постсоветского существования наблюдалось резкое сокращение военных расходов, развал армии и военно-промышленного комплекса, ослабление милитаристской и экспансионистской риторики. Тем не менее склонность к применению вооруженных сил для решения политических задач сохранилась во всех бывших регионах СССР, кроме прибалтийских республик, более модернизированных и цивилизованных. В России готовность к насилию стала очевидной уже летом и осенью 1993 г. Использование армии для решения чисто политических конфликтов и столкновения групп интересов (для подавления силовым образом выступлений номенклатурной реакции в 1991-м, 1993-м, сепаратистов в 1994–2009 гг., блокирования вступления Грузии в НАТО в 2008-м, Украины — в ЕС в 2014-м и т.п.) означало первоначально несознаваемый, а потом все более открыто заявляемый отказ от возможности или перспективы развития современных институтов власти (формирования системы сдержек и противовесов, компромиссов, правовой регуляции, а значит, последовательного ограничения произвола и всевластия «исполнительной ветви» государственного аппарата). Было бы крайне близоруким полагать, что последствия концентрации власти у администрации президента и подчиненного ей правительства свелись к двум никому, кроме военных, не нужным многолетним войнам на Кавказе. Напротив, фактическое поражение российского руководства в чеченской войне и явная слабость городской, но деморализованной армии в короткой войне с Грузией резко усилили влияние самых консервативных институтов — генералитета и политической полиции, подчинивших себе аппарат, отвечавший за стратегию государственной политики. Это привело к приоритетному росту расходов на армию и ее перевооружение (без изменения в сравнении с советскими временами концепции военно-стратегического противостояния с демократическими странами), увеличению затрат на органы безопасности, к централизации управления и доминированию геополитической ментальности в руководстве страны. В 2010-е имело место резкое усиление военных расходов, реанимация геополитического мышления и пропаганды в качестве базы для легитимации режима и усиления внутреннего контроля над обществом. Рецидив тоталитаризма подготовлен и новой программой военных расходов (как и неудачей военной реформы). У других бывших республик СССР — Грузии, Молдавии, а также Армении и Азербайджана, пребывающих в состоянии перманентного вооруженного противостояния — вооруженные столкновения были обусловлены нерешенностью вопросов национально-территориального деления. Во всех случаях они привели к истощению этих стран и частичным потерям территории. В Узбекистане, Таджикистане реставрация тоталитаризма (или, может быть, правильнее сказать, реконфигурация среднеазиатской советской системы господства) была стимулирована войной с исламской оппозицией и ее разгромом.

вертикальной мобильности, постепенное замещение миссионерской и экспансионистской идеологии идеологией консерватизма (в качестве которой могут выступать антонимы экспансионизма — мирного сосуществования двух систем, международной разрядки, «хельсинкского процесса», русского национализма¹). Эта симптоматика латентной децентрализации имперской системы господства сопровождалась ростом претензий региональных и этнических элит, определившим последующий распад советской империи и другие явления². Вне контекста концепции тоталитаризма данные явления выступают как разрозненные и не связанные друг с другом события и тенденции. И это касается прежде всего определения «движущих сил демократизации», то есть тех групп, которые были заинтересованы и добивались радикальных изменений, обращаясь за поддержкой к более широким слоям населения и добиваясь институционализации и закрепления этих изменений.

В нашем случае инициатором перестроенных реформ и социальной средой их заинтересованной поддержки и проведения была *советская интеллигенция* — бюрократия среднего звена (техническая, гуманитарная, обслуживающая номенклатуру и управленческий аппарат). Ее интересами, возможностями, компетентностью, способностью воображения и практического действия и определялись ход и границы допустимой институциональной трансформации. Эта среда в ходе реформ резко поляризовалась — часть явно выиграла, получив возможности свободной работы, выезда, снятия идеологической цензуры, взаимодей-

ствия с зарубежными партнерами, приобретения собственности или занятия предпринимательством, другая (низовая) явно проиграла, утратив прежний статус, доходы и уважение в обществе. Но основная масса населения была в лучшем случае безучастна по отношению к идущим изменениям, в худшем (а таких было большинство) настроена негативно. На вопрос: «Вы согласны с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до начала перестройки (до 1985 г.)?» — в среднем на протяжении 25 лет (1991–2015 гг.) 45% опрошенных россиян говорили «да, согласны», 39% — «не согласны», 16% затруднились с ответом. Во время острых кризисов (1995–1999, 2003 гг.) доля согласных поднималась до 51–58%, в благополучные годы снижаясь до 31–36%.

Подведем некоторые итоги анализу парадигмы тоталитаризма

О наступлении третьей фазы эволюции научной парадигмы позволяют говорить начинающиеся изменения, непредусмотренные исходными теоретическими посылками. В рассмотрение начинают включаться явления, которые расходятся с основным корпусом объясняющих концепций и теорий³. Они еще не получили статус эмпирических, то есть установленных фактов, поскольку не соответствуют научным предположениям и прогнозам, вытекающим из предшествующих парадигматических построений, но уже само их накопление становится симптомом теоретического неблагополучия и вызовом для исследователей. Применительно к нашей теме: сюда должны относиться все те эмпирические наблюдения, которые выбиваются из логики теорий краха тоталитарной системы — ожиданий «третьей волны демократизации»⁴, предписываемых научным сообществом. К ним я бы отнес все отклонения, не соответствующие концепции краха тоталитарных режимов в ходе демократического транзита. В первую очередь ей противоречит признание превращения слабой демократии, введенной указами сверху после неудачного путча ГКЧП, в авторитарную систему правле-

¹ Путинская риторика «стабильности», «порядка», позднее — суверенитета и национального возрождения, православного традиционализма, «особого пути» или «русской цивилизации», антизападничества на первый взгляд воспроизводит характеристики позднебрежневской идеологии консерватизма, фазу эрозии миссионерского, революционистского учения (получившего слабый импульс к обновлению при Хрущеве) и трансформацию его в имперский русский национализм. Однако ее функции совершенно иные: путинизм как идеология предназначен для легитимации вторичного тоталитаризма, оправдания политики реставрации системы тотального господства и дискредитации, критики идеи перехода России к демократии, идеологии реформ и устранения групп, заинтересованных в изменении системы.

² Головачев Б., Косова Л., Хахулина Л. Формирование правящей элиты в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 18–24; 1996. № 1. С. 32–38; Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс / Пути российского посткоммунизма. М.: Московский центр Карнеги. 2007. С. 8–63; Гудков Л. Перерождение коммунистической номенклатуры. — В кн.: Россия на рубеже веков, 1991–2011. М.: РОССПЭН, 2011. С. 116–133.

³ «Концепция» отличается от «теории» лишь одним — теория «конституирует» эмпирические факты в форме строгих, методологически проработанных и подлежащих обязательной проверке понятий-терминов; для концепции, дающей толчок к построению индуктивистских теорий, это требование еще не обязательно или не всегда выдерживается.

⁴ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

ния (при Ельцине), а затем в восстанавливаемую при Путине тоталитарную систему¹.

Иначе говоря, третья фаза парадигмы тоталитаризма собирает все концепции и теоретические разработки, касающиеся любых вопросов воспроизводства репрессивных режимов, соответствующих схеме тоталитарного синдрома. Восстановление после сравнительно короткого периода перестройки и коллапса советской системы не означает воссоздание сталинского или брежневского тотального общества-государства. Речь о другом: об устойчивом воспроизводстве определенного набора взаимосвязанных социальных институтов, блокирующих и подавляющих постоянно возникающие императивы структурной и функциональной дифференциации общества. Эти институты, выступающие от имени государства, объявившего себя полным сувереном в стране, то есть узурпирующим правом решать, что есть закон и по отношению кому он может и должен применяться, а кто свободен от него, отказываются признавать — в моральном и правовом плане — автономность отдельных сегментов общества, групп и образований (и то, что называется гражданским обществом, и то, что образует совокупность других форм самоорганизации людей — научных, религиозных, художественных, сетевых). Тем самым разрываются сложные взаимосвязи и коммуникации между социальными группами и образованиями. Социальная жизнь в результате резко примитивизируется и лишается внутренне мотивируемой динамики развития, обуслов-

¹ Гудков Л., Дубин Б. Российские выборы: время «серых» // ИБМ. 2000. № 2. С. 17–29. Позволю себе напомнить приводимый в одной нашей старой статьи (Гудков Л., Дубин Б. Конец 90-х: затухание образовцов // ИБМ. 2001. № 1. С. 15–30) диагноз российской ситуации, данный К. Райс (тогда еще не ставшей госсекретарем США): «Если Е. Гайдар утверждает, что в стране “произошла полномасштабная социальная революция... Радикально изменилась система политических институтов и экономических отношений...”, то Райс полагает, что 90-е годы оказались временем упущенных возможностей. Она пишет “...старая советская система развалилась, и некоторые основные факторы демократического развития уже сформировались... Но эти элементы не институционализированы... а баланс власти до такой степени смещен в сторону президента, что тот зачастую управляет страной посредством указов... Экономика страны не становится рыночной, а трансформируется в нечто иное. Широкое распространение бартера, квазибанки, миллиарды рублей, припрятанные за границей или в домашних кубышках, причудливые схемы приватизации, обогатившие так называемых реформаторов, — все это придает российской экономике прямо-таки средневековый оттенок». Обстоятельства, сдерживающие развитие российского общества, не сводятся, по ее мнению, к экономике или политической системе, а к самому образу мышления. «Сдвиги же культурного характера, которые в конечном счете и создают условия для построения полноценного гражданского общества и рыночной экономики, могут растянуться на время целого поколения» (Райс К. Во имя национальных интересов // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 2. С. 115).

ленной вектором множества частных интересов. Ее заменяет политика властей, претендующих на рациональное централизованное управление социальными процессами и на оптимальное решение возникающих проблем населения и страны в целом. Подчеркну, что проблема не сводится к доминированию лишь репрессивных институтов (политической и уголовной полиции, армии, суда, прокуратуры и проч.), напротив, постановка вопроса о репродукции тоталитарной системы охватывает гораздо более широкий круг институтов и предметов регулирования и контроля, которые на первый взгляд никак не связаны с практиками насилия и принуждения, а именно: массовая школа, СМИ, культура, спорт, гражданские инициативы, церковь, семья, Интернет, досуг и др. Однако все они становятся объектом ведомственной регламентации и (номинального) контроля со стороны министерств образования, культуры, социальной политики, многочисленных комитетов и служб надзорного характера, не говоря уже о разработке депутатами парламента и региональных заксобраний репрессивного и регламентирующего рамки допустимого законодательства. Функционирование этих институтов идеологически определяется и направляется кремлевской администрацией, что придает этой политике видимость единства, последовательности и цельности (на деле превращается в хаос противоречащих друг другу отдельных актов и распоряжений, открывающий простор для коррупции и творческого произвола у нижестоящих исполнителей). Таким образом, наиболее консервативной силой (сдерживающей изменения) оказываются институты власти как институты насилия. Они не просто наиболее устойчивая часть тоталитарной системы, они сами по себе задают образцы воспроизводства для других подсистем. Они первыми возникли в ходе становления тоталитарных режимов и, судя по всему, будут последними компонентами, придающими системе целостность и воспроизводимость. Другие институциональные сегменты могут меняться и варьироваться в довольно широком диапазоне форм и отклонений, но слабость или недееспособность этих структур — институтов насилия — обрушивает всю систему господства, как это случилось в 1991 г.

Тотальность как специфическая характеристика путинского режима представлена в первую очередь *интенциями* властей предрежащих, по своему происхождению, образу мышления и корпоративной этике являющимися выходцами из КГБ. Поэтому их политические пла-

ны, намерения, интересы, образ реальности отражают ментальность конфронтации с Западом, с внутренними врагами, диссидентами, по отношению к которым допустимы любые средства и действия, включая демагогию, подлог, убийства, если они служат интересам «государственной безопасности». Дело, конечно, не в «безопасности», а в защите от критики и делегитимации тех, кто апроприировал, узурпировал власть. В этом плане паттерны советской системы принимаются не потому, что они лучше, эффективнее или идеологически оправдываемы, а потому, что Путин и его окружение ничего другого помыслить себе не могли. Подражательное использование прежних, обычных для советской системы, практик обусловлено тем, что пришедшие к власти силы не способны выдвинуть что-то свое и оригинальное, поэтому они вынуждены — в силу образования, образа мысли, компетенции, наконец, небольшого ума — обращаться к тому, что было в прошлом, к тому, что они знают благодаря общей средовой социализации того времени, обучению в советских школах и вузах или службе в соответствующих органах¹. Другими словами, они обречены на воспроизводство или повторение прежних стандартов действия и мышления. Именно таким образом происходит реставрация и репродукция тоталитарной системы.

Крах централизованной распределительной экономики (Госплана) и единой партии еще не означает краха тоталитарной системы. Изменились масштабы управления экономикой, контроль стал более опосредованным, соответствующим интересам правящего режима (обогащение правящей элиты, в первую очередь путем перераспределения госдоходов, в том числе и через нелегальные каналы). Эти наследники Ельцина получили свою власть не

¹ Учет характера социализации здесь особенно важен, поскольку время социального «импринтинга» для поколения Путина и его ближайшего чекистского окружения (рождения 1950–1953 гг.) — С. Иванова, В. Иванова, Н. Патрушева, В. Фрадкова, В. Черкесова, А. Бортникова и др. — приходится на брежневский переворот и отстранение Хрущева, разложение коммунистической идеологии, страх и усталость от сталинского террора, от обстановки хронической мобилизации. Это также начало реанимации фрондирующей (но очень тихо) интеллигенцией русского национализма и православия. Конец эсхатологической мобилирующей идеологии и желание нормализации повседневной жизни, всеобщее недовольство дефицитным социализмом, застойным потребительским аскетизмом способствовали распространению, с одной стороны, идеологического релятивизма и цинизма, а с другой — оправданием чиновниками, принадлежащими к закрытой среде особой бюрократии, своих привилегий «этосом госслужбы», что возвышает их до «нового дворянства». См.: *Солдатов А., Бороган И.* Новое дворянство. URL: <https://www.rulit.me/books/novoe-dvoryanstvo-ocherki-istorii-fsb-read-217403-1.html>.

демократическим путем, через свободные выборы, открытую конкуренцию партий и политических программ, а через кооптацию их в структуры господства, что позволило им затем последовательно трансформировать изнутри аппарат государственного управления. Никакого собственно политического процесса, идеологической конфронтации конкурентов, борьбы партий с разными программами за власть в самом конце 1990-х — начале 2000-х гг. уже не было. Пределы допустимого для разных участников были уже довольно жестко ограниченными. И коммунисты, и либералы, и сама новая власть при больном Ельцине в 1998–1999 гг. были вынуждены исходить из общих определенных реальности: очень тяжелый кризис, скудный бюджет, обусловленный ценами на нефть, а не доходами предпринимателей, демобилизация населения, армии, чиновников и проч.² Рассмотрим эти изменения по порядку, исходя из составляющих «тоталитарного синдрома».

1. *Централизация системы господства — децентрализация структуры насилия.* Установление контроля путинского окружения над государством требовало других средств (но не прямого принуждения): использование административного ресурса, политтехнологических манипуляций, шантажа противников, контроля над информацией и т.п. А это значит, что «общество», как бы ни понимать это слово, уже не принимало участие в реконструкции политической системы 1990-х, не было способным выражать какие-либо собственные предпочтения и интересы, если не считать желания предсказуемости возвращения социального порядка, которые ассоциировались с выходом из экономического кризиса, психологически более тяжелого, чем кризис начала перестройки или начала 1990-х гг. Состояние населения к этому времени характеризуется не просто апатией, унынием и усталостью от конфронтации различных постноменклатурных фракций, скандалов, но и полной дезориентированностью, безнадежностью, разочарованием в результатах перестройки и реформ. Преобладают

² «Убежденные или декларативные демократы считают себя обязанными поддерживать заведомо антидемократические действия властей (или, по меньшей мере, смиряться с ними, находя оправдание собственной слабости), а воинственно-патриотически воспитанные и ориентированные деятели вынуждены учитывать экономические и международные реалии, в какой-то мере использовать лексику и набор средств «демократического происхождения». В результате поверхность общественной жизни приобретает как бы закамуфлированный вид, и это непосредственно сказывается на распределении оценок общественного мнения». *Левада Ю.* Перспективы человека: предпосылки понимания. Ищем человека. М.: Новое издательство, 2006. С. 278.

негативные оценки изменений, переходящие в боязнь нового и сопротивление любым нововведениям¹. Обычно такая психологическая атмосфера способствует росту ожиданий «спасителя», предшествующих «приходу» и «признанию» авторитарного правителя. Но Путин — не политический лидер, возглавлявший какое-то мощное социально-политическое или общественное движение, не харизматик, а исполнительный и совершенно бесцветный на тот момент в политическом плане мелкий аппаратный функционер, лишенный какой-либо идеологической окраски. ореол политической харизмы ему был создан позднее, не ранее 2003 г., и не убедительностью собственной программы или красноречием популистского демагога, а средствами политической рекламы и пропаганды и только после того, как был установлен полный контроль администрацией над СМИ, исключая появление любой нежелательной для режима информации. Именно с этого и начался процесс расширяющегося принуждения администрацией президента к покорности — с введения цензуры (после гибели «Курска» и запрета на освещение независимыми тележурналистами военных действий в Чечне), с разгрома НТВ и захвата ОРТ; затем последовал рейдерский захват ЮКОСа, далее (после Беслана) — реформа регионального управления, ликвидировавшая, по сути, федеральные основы государственной системы России, и т.п.

Вместе с тем принципиальным отличием нынешней фазы регенерации тоталитаризма от его ранних фаз оказывается отсутствие в России революционистских тоталитарных движений, объединенных и воодушевленных стремлением радикально изменить мир, построить принципиально новое общество-государство, свободное от пороков предыдущих систем правления. Ничего подобного мы не видели в начале 2000-х и не наблюдаем сегодня. Реверсный, или вторичный, тоталитаризм, насаждаемый сверху, решает эту проблему демонстрации своей массовой опоры путем имитации такого Движения. По инициативе АП или функционеров на местах в ходе разных экспериментов и бюрократических мероприя-

¹ «...Негативное восприятие перемен — долговременный общий фон восприятия населением прошедших изменений и перспектив дальнейшего развития. Этим определяется и политическая слабость активных сторонников «курса реформ...» Тем самым сохраняется устойчивая почва для дискредитации реформ и реформаторов, для попыток вернуть страну к ситуации «до 1985 года», по крайней мере, символически». *Левада Ю.* Перспективы человека: предпосылки понимания. С. 272. Доля «сожалеющих» о распаде СССР составляет в среднем 61% (в опросах, проведенных на протяжении четверти века — с 1991 по 2018 г.). Максимум (72–72%) приходится на 1999–2001 гг.

тий создаются различные прокремлевские организации, «спонтанные выступления народа» в виде митингов и демонстраций «За Путина», «За Единую Русь» и т.п. Используется опыт взаимодействия на ранних стадиях изменений тайной политической полиции с криминальными сетями, их подчинения, заимствование у мафии ее средств и тактики — убийства, нападения, шантаж, махинации и вывод капиталов, образование фирм-прокладок и т.п. Допустимо как манипулирование этими образованиями, например, объединениями футбольных фанатов, молодежными группировками и т.п., так и, при необходимости или выходе их из-под контроля, ликвидация и уничтожение, как это было с организациями русских националистов, в особенности после Майдана.

В любом случае имеет место, с одной стороны, установление контроля над ними и их последующее инкорпорирование в структуры неявного контроля, с другой — создание множества псевдообщественных организаций, имитирующих волю народа или общества и его отдельных сегментов, — «Наши», «Местные», «Молодая гвардия», казачество, «Офицеры России», SERB, «Боевое братство», НОД, ОНФ, различные фонды и организации ветеранов спецслужб, афганцев, православных хоругвеносцев. Они образуют резервные парамилитарные организации, включая охранные агентства, из которых возникают вполне дееспособные частные военные компании (в принципе запрещенные законом), такие как «Вагнер» и др. С помощью таких группировок (Кушечка) или организаций, получивших иммунитет от уголовного преследования при нарушении законов, осуществляется рейдерский захват или передел собственности, террор, устрашение, фальсификация выборов, подавление протестов отдельных групп населения. Наконец, для аналогичных целей используются и частные, лишь с большим трудом и очень искусственно легализованные вооруженные формирования чеченцев — частная армия Кадырова, используемые для войны в Донбассе и убийств оппозиционеров и критиков Кремля.

2. *Роль силовых структур — политической полиции, армии, правоохранительных органов.* Предпосылки для регенерации тоталитарной системы начали складываться гораздо раньше прихода к власти Путина, а именно с использования Ельциным армии и спецслужб для подавления оппонентов — защитников Верховного Совета РСФСР, то есть бывших своих сторонников в борьбе с союзным руководством, с Горбачевым. Это обращение к на-

силию как способу решения политических противоречий, к практикам господства, характерным для раннего советского времени, поначалу воспринималось как временные, вынужденные ситуативные отклонения от демократических принципов. Острая конфронтация и подавление вооруженного мятежа 1993 г. ослабили (наряду с падением популярности реформ у населения) правительство демократов и самого Ельцина, а опора на генералитет и собственную охрану¹, на институциональные остатки КГБ привели не только к первой чеченской войне, но и к усилению всего силового блока — генералитета, спецслужб, сделав президента зависимым от них. Поэтому решение Ельцина дистанцироваться от реформаторов было совершенно не случайным, не ошибкой или актом личного произвола правителя. Постепенное освобождение правительства от демократов было мотивировано в условиях падающей популярности президента (на тот момент персонализированного образа легитимной государственной власти) необходимостью самосохранения и потребностью в новых опорах режима. Об этом недвусмысленно свидетельствовали поиски других (не транзитных и не демократических) оснований для легитимизации режима — был дан заказ на «национальную идею», которую «демократические» эксперты при Аналитическом управлении президента нашли в обращении к русским традициям, в православии, апологии Белого движения и реставрации имперского стиля. Можно сказать, что это был переломный момент ельцинского авторитаризма — колониальная война в Чечне зашла в тупик, ресурсы демократизации исчерпаны (рейтинг Ельцина в конце 1995 г., то есть за полгода до президентских выборов, составлял всего 4–5%).

3. *Приватизация институтов насилия.* Главное в этом процессе регенерации тоталитарных институтов — системность изменений. Речь не идет о восстановлении один к одному прежней советской модели. В изменившихся условиях (как внешнеполитических, так внутрисистемных — распад СССР и образование независимых государств на постсоветском пространстве, развал планово-распределительной директивной экономики) общий объем власти существенно сократился, однако относительно возможностей правящей группировки в узком смысле (границ произвола) он, безусловно, вы-

рос именно за счет неформальных (некодифицируемых) ресурсов действия, использования для личных целей и интересов институциональных средств и связей. Так, силовые органы, будучи в личном распоряжении главы государства и его сподвижников, контролируют собственность и экономические активы, определяют внешнеполитический курс и внутреннюю политику государства, терроризируют оппонентов и противников режима, следят за назначенными губернаторами, кадровыми назначениями во всех (по меньшей мере, ключевых) государственных ведомствах и организациях. Государственный аппарат используется для частных целей правящих кругов, включая и региональных губернаторов и администраторов². (Это отчасти напоминает приватизацию государства отдельными кланами, но только отчасти, поскольку приближенные олигархии (руководители крупнейших как госкорпораций, так и условно частных компаний) — это что-то вроде особого хранения или счета в офшорах, обшачка, заначки или губки для верховного правителя: они неполные владельцы этих активов, но держатели и распорядители, в случае нужды он может выжать их, как показал план А. Белоусова. Псевдорыночная экономика включает огромный объем государственного сектора, непродуктивного с точки зрения свободной рыночной экономики, но удовлетворяющего представления, интересы и оценки правящего класса. План не ориентирован на население, его функция — обеспечение приоритетов режима (военные отрасли, помпезные и амбициозные проекты, предназначенные для глорификации власти — спорт, армия, церковное строительство).

4. Чрезвычайно важным элементом восстановления системы тоталитарного господства стало появление *параллельных репродуктивных*

¹ Здесь интересна роль А. Коржакова, личного охранника Ельцина из КГБ, как и значение охранников Путина, ставших кадровым ресурсом для назначений на ключевые позиции регионального и ведомственного управления.

² См. характерное рассуждение известной журналистки, опубликованное не в сетях, а в открытой печати: «Нынешнее государство не имеет на самом деле единого мозга, из которого оно управляется. Оно в какой-то степени не имеет мозга вообще. Ему, как динозавру, мозг заменяют инстинкты — хватательный, стрекательный и оборонительный. Кроме того, это государство принципиально сдается в аренду социально близким. Если вы меня спросите, кто такой член путинской элиты — это человек, который может взять в аренду кусочек государства. ... Если ты убьешь, украдешь, опозоришься — с тебя никогда не спросят. Спросить могут, только если ты сделал что-то хорошее. <...> Бесспорно, творцом этой уникальной системы является лично Путин. Это его детище. Это его архитектура. Это новый феодализм, в котором приближенным и избранным делегируется право на насилие не потому, что государство не хочет творить насилие само, — оно хочет и может. Но потому, что оно не всегда хочет отвечать. Система выстроена так, чтобы не отвечать». Латынина Ю. Зомби-ленд Россия // «Новая газета». 2019. 24 янв. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/01/24/79293-zombi-lend-rossiya>

структур в институтах власти и насилия. Крах советской системы обернулся ликвидацией одного из важнейших тоталитарных институтов советского времени — института номенклатуры, то есть селекции и подготовки кадров функционеров для расстановки их на ключевые позиции в социальной структуре, их перемещения (чтобы не допускать обрастания чиновника местными связями, препятствующими исполнению командных сигналов сверху) из одной сферы в другую. Этим занимался специальный Орготдел ЦК КПСС, курировавший деятельность руководящего состава во всех ведомствах и организациях, а также работу партийных школ, отбор нужных специалистов из всех сфер. То же производили и дублирующие его органы на нижестоящих уровнях власти. Благодаря такой системе (включая и первые отделы на всех важнейших предприятиях или отделы кадров во всех учреждениях страны) обеспечивался контроль над социальной мобильностью. Восстановить этот механизм в его прежнем виде, какие бы усилия для этого ни прикладывались, при Путине не удалось. Но наиболее значимые и влиятельные ведомства (ФСБ, МВД, ФСИН, Генпрокуратура и т.п.) начали воссоздавать собственные образовательные институты (так называемые академии, по образцу военных академий советского времени) и «номенклатуры», изолированные от нежелательного влияния гражданских университетов или вузов общего профиля. Социализация в этих учреждениях обеспечивала сохранение и передачу «этики» и духа советских закрытых учреждений (КГБ как костяка административной системы в первую очередь), что, собственно, и стало условием регенерации системы¹. Профессор Е. Лукьянова

¹ Академия ФСБ, как заявлено на ее сайте, ведет свою историю от созданных в апреле 1921 г. «постоянно действующих курсов по подготовке сотрудников для службы в органах ВЧК». С 1952 г. — это вуз (Высшая школа МГБ) с трехгодичным обучением. «В настоящее время Академия ФСБ России является крупным многопрофильным учебно-научным центром. На ее кафедрах работают 40 академиков и членов-корреспондентов, более 150 профессоров и докторов наук, свыше 500 доцентов и кандидатов наук. Этот мощный научно-педагогический состав готовит кадры не только для ФСБ России, но и для Федеральной службы охраны Российской Федерации, Службы внешней разведки Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, некоторых других ведомств, а также осуществляет подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов для органов безопасности. Ученые Академии принимают активное участие в разработке комплексных целевых программ, научной экспертизе и подготовке законодательных и иных правовых актов федерального уровня. Академия быстро реагирует на изменения политической и оперативной обстановки в стране и мире, ведет значительную научно-исследовательскую работу в интересах образовательного процесса и практической деятельности органов безопасности, постоянно совершенствует учебно-методическую базу, разрабатывает новые формы и виды обучения, хранит и укрепляет лучшие традиции защитников Отечества».

объясняла крайне консервативный и склонный к репрессивности дух судейского и прокурорского корпуса тем, что кадровый подбор для соответствующих ведомств происходит главным образом за счет ресурсов самих этих ведомств, юристы с более широким профессиональным кругозором и компетентностью, получившие образование в «гражданских университетах» (например, МГУ), не имеют шансов на работу в этих органах — система их не принимает, ссылаясь на отсутствие необходимого практического опыта. Ее суждения подтверждают петербургские исследователи: судьи получают профессиональный опыт исключительно в самих судах, поднимаясь по административной лестнице от должности секретаря суда до судьи, одновременно получая образование заочно в ведомственных вузах (см. серию публикаций Extra jus в «Ведомостях» сотрудников Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге — В. Волкова, К. Титаева, И. Четвериковой, А. Дмитриевой и др.).

5. Падение популярности Ельцина как символа либерализации и лидера демократического транзита и прозападного курса объясняется не только тяжелым материальным положением основной массы населения, моральными просчетами при реализации политики приватизации, дискредитировавшей его команду реформаторов², но и неприятием его силовой политики в отношении политических противников, непрекращающейся грызней

URL: http://www.academy.fsb.ru/index_history.html. То же самое можно сказать и о закрытой системе МВД — ведомственных университетах и Академии (URL: https://mvd.ru/upload/site120/folder_page/006/882/693/Istoriya_Akademii_upravleniya_MVD_Rossii_2018.pdf; <https://xn--11aeji.xn--b1aew.xn--p1ai/>).

² «Призрак «экономического материализма», многократно опровергнутого историей XX в., сослужил скверную службу реформаторам, утешавшим себя и страну тем, что с изменением хозяйственных отношений все остальное само собой уладится и расцветет. Эта иллюзия привела, по меньшей мере, к двум тяжелым ошибкам: во-первых, это невнимание к нуждам простого, «массового» человека, лишившее реформаторов шансов на массовую поддержку, а во-вторых, это надежда на «реформаторский» потенциал недемократических властных структур и персонажей, приведшая к тому, что реформаторы трижды (при трех президентах) упустили возможность обрести собственное политическое лицо. Утраченные иллюзии перестроечных и последующих лет околореформенных конвульсий — это не просто массовое разочарование в демократических идеях и лозунгах, это показатель неудач той элитарной квазихаризматической, а на деле — бюрократической структуры, которая исполняла роль движущей силы общественных перемен. Реформаторы имели высшие показатели общественного доверия в самый трудный переломный момент 1991–1992 гг., но даже не попытались превратить кредит доверия в систему гражданских организаций, нормально работающих институтов». Ю. Левада. Перспективы человека: предпосылки понимания. — В кн.: Левада Ю. Ищем человека. М.: Новое издательство, 2006. С. 279.

околовластных группировок и развязыванием войны в Чечне. Его ставка на спецслужбы и армию являлась вполне логичным решением для авторитарного правителя, но не демократа-реформатора. Никакого другого ресурса в условиях коллапса власти и паралича управляемости, кроме экстраординарных (внеправовых) ресурсов политической полиции и манипуляции общественным мнением, у ельцинского клана не было. Все прочие ведомства могли действовать только в рамках своей компетенции, КГБ — ФСБ имели доступ к неформальной информации и инструментам внеправового и внутриаппаратного воздействия. Начиная с 1995 г. целью ельцинского режима стало самосохранение его власти любыми средствами, что и привело через пару лет к полному вытеснению из аппарата власти сторонников реформ и правового государства. Политический аппарат сам по себе стремился восстановить в новых, послекризисных условиях прежние формы массового управления для обеспечения завоеванного положения и собственного благосостояния (приватизации госсобственности, приобретения новых активов, привилегий, средств власти и проч.). К концу 1990-х в госаппарате ключевые позиции уже занимали силовики, представители консервативного второго или даже третьего эшелона советской бюрократии. Процесс рутинизации краха советской системы завершился.

6. *Интересы политического класса. Неконституционные органы власти.* Главные интересы этого утвердившегося нового политического класса заключались в удержании власти, захвате собственности, ее перераспределении, защите и сохранении полученных ресурсов господства. Назначение Путина (технического премьера и удобного преемника), не имеющего, как казалось «семье» Ельцина, собственных амбиций, символизировало для госаппарата принципиальные изменения политической системы, тенденцию реставрации прежней системы в виде уже сурковской «управляемой демократии». По существу, это означало прекращение собственно «политики». Усталость и апатия населения облегчали процесс реверсного развития. Все усилия путинской команды направлены на последовательное выдавливание следов и остатков институциональных принципов «демократии» перестроечных лет и деятельности команды «реформаторов»: остается лишь то, что соответствует интересам плутократии. Так, под видом «реформы» судебной системы и обеспечения «независимости суда» была проведена полная реорганизация этого института.

Из автономной и самостоятельной ветви власти (так она была продекларирована в Конституции 1993 г.) суд превратился в подчиненную администрации президента централизованную судебную бюрократию, продолжение полицейского государства¹. И это был лишь первый шаг к выхолащиванию Конституции. Реальная власть отдавалась АП — неконституционному органу, установившему контроль над кадровыми назначениями в регионах, процедурой выборов, законодательной инициативой депутатов, как и самой процедурой селекции кандидатов в депутаты. Очень скоро были кастрированы и полностью подчинены не только суд, но и парламент (а значит, законодательная и контрольная деятельность оказались в полной зависимости от АП), то есть восстановлена, пусть и на другой основе функционирования, вся система централизованного вертикального управления государством и общественными процессами. Вместе с этим оказались подавленными идеи гражданского контроля полиции, разрабатываемые в различных вариантах планов децентрализации полиции, создания муниципальной полиции, выборности руководителей местной полиции. Будучи подчиненными АП, правоохранительные органы — суд, следственный комитет и прокуратура — утратили вместе с независимостью и разделением компетенций свои функции обеспечения правосудия и правопорядка, превратившись, несмотря на свои межведомственные войны, в основу репрессивного аппарата.

7. Реверсивная централизация власти была бы невозможной без ликвидации федеративной системы — регионального и местного самоуправления, принципиального изменения административной системы управления на местах. Наряду с отменой региональных партий были установлены не прописанные в Конституции президентские федеральные округа, упразднившие ограниченный суверенитет республик и тем самым резко понизившие полно-

¹ Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. 2010. № 4 (106). С. 7–43; Ворожейкина Т., Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А. Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестник общественного мнения. 2014. № 3–4 (118). С. 13–69; Никитинский Л.В. Ментовское государство как вид. Неправительственный доклад в ВШЭ, март — апрель 2009 г. (URL: <https://web.archive.org/web/20090714123738/http://www.ruj.ru/authors/nikitinskiy/090319-1.htm>). Об исследованиях «Левада-центра» отношения общества к полиции см.: Гудков Л., Дубин Б., Леонова А. Милицейское насилие и проблема «полицейского государства» // Вестник общественного мнения. 2004. № 4 (72). С. 31–47; Гудков Л., Дубин Б. Приватизация полиции // Вестник общественного мнения. 2006. № 1 (81). С. 58–71.

мочия глав регионов. Выборы губернаторов то отменялись, то возвращались, делая самих губернаторов фигурами, полностью оторванными от проблем населения и региональных элит. То же через некоторое время произошло с выборами мэров крупных, принципиально важных городов — мэры фактически были заменены «сити-менеджерами». После введения муниципальных фильтров и практики селективной регистрации партий и кандидатов выборы превратились в демократический фасад административного произвола. Централизация налогов стала механизмом бюджетного перераспределения средств при полном диктате центра, то есть удавкой для местных властей. Нарастающие дисфункции такой системы управления решаются Кремлем через выборочные репрессии против вызвавших неудовольствие начальства высокопоставленных чиновников и все ускоряющуюся бешеную циркуляцию губернаторов-наместников. За последние два года сменилось более половины губернаторов. Назначенные из Москвы уполномоченные, по существу, превратили регионы в сатрапии Кремля, интересы местной власти и бизнес-элит в провинции при этом полностью игнорируются, что усиливает напряжение и недовольство на местах.

8. *Партийная система.* Конец СССР и запрещение КПСС после путча 1991 г. привели к появлению нескольких десятков мелких политических партий, состоявших из фрагментов расколотой партийной, советской и хозяйственной номенклатуры. После острой конфронтации летом и осенью 1993-го пропрезидентских и оппозирующих им партий консервативных отраслевых и региональных лоббистов, представленных большинством в ВС РСФСР, подавления вооруженных выступлений сторонников А. Руцкого и Р. Хасбулатова и принятия новой Конституции, сформировались несколько относительно крупных партий, ставших электоральными машинами. Особенность такой неустойчивой партийной системы заключалась в двойных структурах: более крупные образования, получившие представительство в Госдуме (слабеющие партия реформ ДВР, от которой постепенно отошел президент, ее дублер «Яблоко», более умеренная НДР, ставшая партией власти, компартия и заживший собственной жизнью проект КГБ крайне правой популистской партии-спойлера В. Жириновского) и их дублиеры-аутсайдеры. С приходом Путина к власти и установлением жесткого контроля над выборами многопартийная система была прорежена. Вместо тотальной

и ставшей крайне ригидной командной партийно-советской системы уже в начале 2000-х создана более гибкая структура управляемых администрацией президента псевдопартий, предназначенных в первую очередь для стерилизации демократии — нейтрализации спонтанных и независимых от власти общественных движений, групп интересов или гражданских инициатив. Опасность, исходящая от лидеров конкурентных с путинской партий, была нейтрализована с помощью тихого шантажа, угрозы уголовного преследования, подкупа и втягивания их в общую с путинской организацией систему кремлевского патроната. Функции этих «системных» партий (ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР) заключаются в том, чтобы быть: а) единой электоральной машиной для легитимации режима при сохранении видимости политического плюрализма и имитации волеизъявления народа; б) каналом вертикальной мобильности для местных элит и подбора кадров для администрации разных уровней; в) средством лоббирования региональных или ведомственных интересов. Сами по себе эти партии лишены какого-либо политического значения, поскольку в действительности не предназначены для борьбы за власть и не собираются бороться за нее. Даже будучи в Думе, они не могут заниматься распределением бюджета или контролем деятельности правительства, их действия, программы и руководство согласованы с кремлевской администрацией, это суррогаты, имитаторы партийного плюрализма. Фактически ГД превратилась в собрание отраслевых и региональных лоббистов, послушно выполняющих решения администрации президента. Отмена региональных партий и выборности губернаторов, изменение состава Совета Федерации, комплектуемого теперь не из губернаторов, а из их представителей, назначенных по согласованию с Кремлем, означало конституционный переворот и установление мягкой диктатуры. С этого момента более 70% законопроектов вносятся по инициативе правительства, что означает окончательное завершение сформированной централизованной вертикали власти и чисто номинальный декоративный парламентаризм. Остатки номенклатурной многопартийности 1990-х (такие как «Яблоко», СПС, «Родина» и мелкие организации-спойлеры) постепенно были окончательно вытеснены со сцены. Шумиха, поднимаемая критиками власти вокруг выборов и фальсификации их результатов, не имеет собственно политического значения, поскольку такая суета никак не отра-

жается на конечном распределении влияния в структурах власти. Максимум, что можно ожидать, сводится к тому, что руководители регионов или федеральные чиновники, не обеспечивающие показательный процент лояльных голосов, могут быть отстранены от должностей. Однако эта инсценировка «свободных, честных и прозрачных выборов» играет крайне важную роль в поддержании апатии населения и отчуждения большей его части от политического участия. Создавая иллюзию, что, «несмотря на все, можно постараться что-то сделать, изменить что-то в жизни людей к лучшему», этот периодический церемониал участия граждан в общественной жизни занимает внимание социально ангажированных групп населения. В определенный период примерно половина населения так или иначе следит за электоральной интригой. Оставшиеся за бортом собственно партии (в понятиях демократической системы) — мелкие инициативные организации, выросшие снизу — лишены возможности участвовать в электоральной конкуренции из-за: а) наличия различных фильтров и барьеров, блокирующих их регистрацию для участия в выборах; б) лишения их финансовых средств и организационно-технических ресурсов для агитации и работы с избирателями, блокирования им доступа к СМИ. Любые подлинные политики (то есть публичные фигуры с характерными чертами харизматических лидеров, умеющих добиваться внимания публики и выражать интересы различных социальных групп населения, как, например, А. Навальный, Д. Гудков, Л. Шлосберг и им подобные) полностью нейтрализованы посредством мощной дискредитирующей пропаганды, некоторые из них — в силу полицейского и судебного произвола, другие — через СМИ, административные и социальные сети. Сегодня российская партийная система — это театральная машина для движения декораций на политической сцене, игра или ритуал демонстрации общественной лояльности и одобрения безальтернативной диктатуры¹.

9. Путинизм как социально-политическая система был бы невозможен без введения полной монополии контроля администрации над информационной сферой, в первую очередь над федеральными каналами ТВ и круп-

нотиражными изданиями. СМИ в целом после 2001–2003 гг. лишились прежней независимости и стали элементом общей машины очень эффективной пропаганды. Ее роль постоянно возрастала, причем вторая волна принципиальных изменений произошла после массовых антипутинских демонстраций 2010–2012 гг. В ответ на них последовало резкое ужесточение законодательства и репрессивной практики по отношению к организациям гражданского общества, неформальным объединениям, усилению цензуры и отношения к деятельности информационных компаний. Те СМИ, которые вызвали неудовольствие и раздражение Кремля своими публикациями, лишались эфирных частот, принуждались к смене владельцев или состава редакций, подвергались штрафам и угрозам. Особенно агрессивной и демагогической пропаганда стала после аннексии Крыма. Сегодня Кремль контролирует 90–95% информационного времени и пространства, на долю альтернативных (независимых СМИ не осталось) каналов информации сегодня приходится не более 7–8% общей аудитории. Новым явлением стал рост объема «бла-бла-бла»-ТВ — поток развлечений, попсы и фейк-новостей, нейтрализующих раздражение населения положением дел путем переключения внимание на светские склоки и сплетни, стерилизующих массовое сознание². Интернет и сети не являются конкурентами или альтернативами официозному ТВ и печатным изданиям. Продуктивность такой машины манипулирования общественным мнением обеспечена сочетанием вытеснения или замалчивания негативной информации, изоляцией ненужных или нежелательных сообщений, с назойливой сентиментально-националистической рекламой деятельности администрации и восхвалением достижений правящего режима и непрерывного тенденциозного обличения Запада, его политики, культуры, морали, ценностей и т.п. Соединение точечных профилактических ре-

¹ См. закрытые документы ЕР, содержащие описание некоторых технологических способов работы в условиях «управляемой демократии». URL: <http://infopressa.com/2018/09/07/v-vyborah-pobejdaet-tot-kto-kontroliruet-ih-hod-sekretnyi-izbiratelnyi-plan-shtaba-edinoi-rossii/>; <https://mbk.sobchakprotivvseh.ru/region/sekretnyj-plan-shtaba-edinoi-rossii/>

² Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт-2017: основные тенденции использования СМИ. М.: «Левада-центр», 2017; *Kachkayeva A. Glamour Totalitarianism the Television Industry in the epoch of stability (2004–2007)*. — В кн.: *World of media: Медиамир, 2009; Gudkov L. Traces of Defeat. Why the Propaganda Effect Will Be Felt for a Long Time Yet Journal // Russian Politics & Law (Russian Politics at the End of 2015: Continuing Deinstitutionalization)*. 2016. Vol. 54. Is. 4. P. 386–394. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10611940.2016.1207466>. Ср.: «В России все идет обыкновенным порядком: есть провинции, в которых почти не знают того, что у нас два года продолжается война. Нигде нет недостатка ни в чем: поют благодарственные молебны, танцуют и веселятся. ... Народ, который поет и пляшет, зла не думает», — Екатерина Вторая в письме к Вольтеру (1770 г.).

прессий с господством в информационной сфере и пропагандистской демагогией дало совершенно новый эффект в манипулировании общественным мнением. То, что раньше в тоталитарных режимах достигалось всеобщим террором, капиллярной слежкой и доносами, пятиминутками «ненависти» (на непрерывных коллективных собраниях, митингах, политзанятиях и т.п.), устрашением и физическим уничтожением обывателей и функционеров системы, сегодня достигается гораздо более мягкими средствами предельно быстрого распространения сведений любого рода от угроз до дискредитации.

10. Новым явлением по сравнению с 1990-ми стало формирование **единой идеологии** — обязательного **государственного патриотизма**. Ее основные положения включают следующие тезисы органической солидарности и национального единства: 1) Россия — Великая держава, обладающая одним из двух самых больших в мире arsenалов ядерно-ракетного оружия, способного уничтожить любого врага; 2) Россия — страна с тысячелетней историей, особая цивилизация, сложившаяся на основе веры в государство как силы, создающей, конституирующей и защищающей русский народ. Русский народ — избранный, великий народ, которому предназначена особая судьба — страдать и побеждать. Поэтому он занимает особое место в мировой истории. Россия стала великой (в духовном и территориальном смыслах) в постоянной борьбе с противостоящими силами — монголами, Западом; 3) Россия — православная страна, где исторически состоялась симфония государства и церкви; именно благодаря православию она сохранила свою духовность, свои ценности, мораль и традиции. Поэтому нет и не может быть никаких противоречий между властью и народом; 4) как сказал Путин, мы — великая страна, нам нечего стыдиться своего прошлого (подразумевается прежде всего сталинский террор и гибель миллионов в ходе массовых репрессий, коллективизации, но также хроническая бедность и отсталость от развитых западных стран). У каждой страны есть свои темные страницы, но надо помнить о наших достижениях, гордиться нашими победами и вынести уроки из трагических событий российской Смуты; 5) мы сильны, пока мы едины. Страдания, жертвы, которые перенес наш народ ради сохранения государства, ради победы в Отечественной войне, не только укрепили наш дух и волю, они также дают нам моральное право диктовать свои условия другим странам,

заставлять учитывать интересы Великой страны. Те, кто отстаивает свои особые интересы, кто не готов *самоотверженно* защищать Родину, — предатели, враги народа, пятая колонна, агенты иностранных держав¹.

Эти кажущиеся нехитрыми идеи вполне действительны благодаря институтам, которые: а) их тиражируют и тем самым производят и обеспечивают постоянную массовую индоктринацию населения (СМИ и все механизмы непрерывной пропаганды, политики второго ряда, псевдообщественные некоммерческие организации); б) производят социализацию молодого поколения в принудительном и безальтернативном порядке (массовая школа и другие образовательные учреждения, выставки, коммеморационные мероприятия, массовые церемонии и праздники, памятники и городская агитация и реклама и проч.). Здесь важны два обстоятельства: тотальный охват и непрерывность воздействия.

Хотя разговоры о необходимости отмены статей, запрещающих государственную идеологию, ее возвращение и закрепление в Конституции, ведутся непрерывно с 2012 г., в том числе депутатами и судьями Конституционного суда, формально этого не произошло и скорее всего не произойдет. Демонстративное, открытое и публичное лицемерие следует расценивать как характерную черту нынешнего режима. Таков политический стиль нынешней системы господства, отличающий путинский режим от, например, брежневского, когда правители говорили то, что думали, не сомневаясь ни на секунду в своем праве на власть (речь в данном случае не об искренности тех руководителей и функционеров, а об отсутствии других представлений и мыслей). Путинский режим, испытывая сильнейший комплекс неполноценности, слабости легитимности, вынужден всякий раз демонстрировать как аргумент своей состоятельности силу, включая наглость и открытую ложь. В массовом сознании такая манера публичного поведения воспринимается скорее как позитивная характеристика национального лидера и его политиков (решительность, политическая опытность, умение и способность обыграть противника). Конечно, эта идеология эклектична, она состоит из смеси представлений, мифов и идеологием различных

¹ Слово «особый» должно всякий раз писаться курсивом и произноситься с подчеркнутой аффективностью. Здесь уместны ассоциации и с «особистами», и с нуминозным отношением к власти в целом и к отдельным чиновникам как людям, наделенным экстраординарными качествами, и т.п.

эпох, часто логически несовместимых (что отмечают критики путинского режима), как, например, реанимация Сталина и РПЦ, оправдание Белого движения и прославление органов безопасности, но именно эти ее особенности делают ее убедительной и значимой для массы населения.

Трансформация революционной, эсхатологической миссионерской идеологии большевиков в чисто консервативную идеологию брежневского времени и в еще более явном виде путинизма происходило за счет вымывания обещаний коммунистического рая, светлого будущего, когда «все будет» и «будет счастье», и замены их более приземленными, достижимыми, практическими, потребительскими представлениями о том, что доступно каждому из желаемого в соответствии с его статусом и ресурсами. Этот процесс понижающей адаптации к действительности обязательно дополняется представлениями о врагах, которые мешают нам достичь искомого состояния социального блаженства, и об объективных причинах, препятствующих достижению внутренней и внешней гармонии. Тем самым восстанавливаются внутренние разграничения между идеальным, правильным и допустимым, реалистичным, приемлемым. Структура сознания здесь более важна, чем ее содержательное наполнение, которое может сравнительно быстро меняться в соответствии с общественной конъюнктурой. Она непосредственно связана с социальным поведением и воздействует на него, работая как коллективно предписанные (а потому индивидуально не сознаваемые), априорно предписываемые нормы действия и массового поведения. Главное здесь — границы между различными зонами поведения, «своими» и «чужими», задающие как иерархическую вертикальную картину статусов, привилегий, допусков, антропологических исключений, так и социально пространственную картину фрагментированного существования разных групп и общественных особей. Роль идеологии заключается именно в этом объяснении («генезисе») или оправдании и закреплении набора разных, реальных и воображаемых социальных инклюзий и эксклюзий. Семантическое наполнение может меняться, априорные и бессознательные установки остаются.

Например, представление об «исключительности» русских, которое сложилось давно под влиянием религиозного разделение восточного православия и западного христианства, патриаршей церкви и старообрядцев,

воспроизводилось в разделении и несовместимости русской Империи и Запада, передового коммунистического строя и загнивающего капитализма, России, сохранившей свои традиционные ценности и нравственность, и Европы и Запада, утративших христианские ценности, и т.п. Сегодня оно работает не как мобилизационное представление о коммунистическом будущем, русских как двигателях мирового прогресса, а как идея «особого пути», России как «особой цивилизации», то есть как защитный барьер против «чуждых» влияний. Функциональные следствия подобной мифологизации и сакрализация прошлого заключаются прежде всего в легитимации вертикали и подавлении любых попыток самоэмансипации общества, автономизации групп, блокирования его структурно-функциональной дифференциации. Государственный патернализм продолжает в стертом и очень рутинизированном виде рудименты социализма, воспроизводя тем самым состояние зависимости населения от власти и его произвола.

Идеология государственного патриотизма при всей его примитивности создает и поддерживает фиктивную реальность мифа светлого и великого прошлого, коллективного единства, почитания воинского подвига и мифических предков — отеческих святых, мучеников православной Руси. Главное в этом процессе — утверждение идеалов самоотверженности ради государства, враги особого пути, то есть состояние культурного изоляционизма, блокирующее в массовом порядке возможности автономизации субъективности, группового своеобразия, гражданской инициативы. Без идеи презентации разнообразных групповых и частных интересов в публичном и политическом поле, как мы знаем из истории других обществ, не может быть участия в общественных делах, самой идеи *res publica*, солидарности ради достижения своих идей и интересов, а значит, и ответственности. Такая легитимация власти означает ее полную апологию, монополизацию ее права и возможности репрезентации ценностей и символов коллективного целого и тем самым получение ею иммунитета от любой критики и контроля. Другими словами, идеология консервативного антизападного патриотизма утверждает полный суверенитет режима и право господства над населением, превращенным таким образом в одномерную и бескачественную плазму.

В соответствии с этой идеологией ведется и историческая политика: государственное

насилие (в том числе колониальные войны и усмирение мятежей и бунтов) поданы как проявления величия, причем «величия целей», а не фактических достижений. Эта раздвоенность — ядерная супердержава при нищенском уровне жизни населения, если его сравнивать с благосостоянием развитых европейских стран, все равно, победителей или побежденных, вполне осознается населением, порождая неупраздненное состояние двоемыслия, гордости и стыда, высокомерия и унижения. Но и оно в конечном счете служит сохранению пассивности и покорности общества.

Глорификация русской империи (территориальные приобретения в ходе колониальных войн и захватов), героизация военных подвигов и побед русской армии (при вытеснении частых ее поражений и неудач) идут в постоянном сопровождении культа мертвых, поскольку других средств сакрализации государства кроме церемониального перечисления жертв, принесенных во имя тотального государства, нет. Именно с приходом к власти Брежнева и концом социалистических экспериментов с реформированием коммунизма началась кампания почитания ветеранов войны, «никто не забыт», получающая искренний отклик у населения, вкладывающего в него собственные традиционалистские или магические смыслы. Соединение глубоко архаических и едва ли осознаваемых значений жизни и смерти, проступающих в поминовении мертвых, в восстанавливаемых (в это же время) обычаях посещения родительских могил на кладбищах после Пасхи с идеологическими значениями Советского государства придает устойчивость и нескритичность всем отношениям населения с властью. Циничная эксплуатация властями этой потребности веры в осмысленность жизни и значимость убитых ради Отечества (неявно также и погибших в ходе террора и коллективизации) не сознается массой населения, а, напротив, принимается как должное, правильное и ожидаемое поведение «начальства». Крайне важно осознать, что инструментальное использование благоговения перед смертью (почитание мертвых) в том виде, как это практикуется путинской администрацией, ничего общего не имеет со скорбью по павшим, включая убитых во время войны из числа гражданского населения, жертв геноцида, смерти насильственных переселенцев и т.п. Прославление мистической тысячелетней России делает невозможным процесс рационализации прошлого, а значит, осознанием своей ответственности перед мерт-

выми и живыми, а значит, запрет на призывы к ответственности руководства страны, ввергнувшей население в бойню Второй мировой войны (равно как и ответственности за афганскую войну¹, обе чеченские, тайное участие в войнах в других частях света). В действительности мы имеем как раз прямо противоположную ситуацию — реанимируемый культ мертвых означает полное утверждение тождества власти и народа, консолидацию общества и государства и «забывание» особой роли режима в этой трагедии. Поэтому возникают мемориалы «всем павшим ради Отечества» — солдатам Великой Отечественной войны, воинам-интернационалистам, военнослужащим, участвовавшим в чеченской войне, в Сирии, в Украине (то есть участникам экспансионистских и колониальных войн)².

Найденная форма была признана удачной и допускающей известное расширение практик, возникающих в массах спонтанно (см. перехват бюрократией инициативы поисковиков, георгиевских ленточек, демонстраций «Бессмертный полк» и др.). Большую роль в процессе придания государству нуминозного характера сыграла РПЦ, ставшая важнейшим идеологическим департаментом путинского режима. Сакрализация абсолютно циничной власти (коррупцированного государства), если и не снимает общее раздражение, недовольство и какие-либо претензии к властям предрежащим, то, по крайней мере, отодвигает их в сторону, вытесняя из сознания актуальности.

11. *Культ национального лидера*. Централизация власти и упразднение свободных СМИ,

¹ Об оправдании афганской войны и пересмотре политической оценки решения о вводе советских войск в Афганистан см.: *Снегирев В.* Отрешение // «Новая газета». 2019. № 14. 8 фев. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/02/07/79464-otrashenie?utm_source=push

² *Дарсавелидзе Н.* Память и памятники // Знамя. 2007. № 11; *Дарсавелидзе Н.* Новые памятники в центре Москвы и на окраине // Отечественные записки. 2008. № 4 (43). Главный храм ВС РФ, который собирается строить С. Шойгу, «облачен» в военную форму. URL: <https://hram.mil.ru/>: «История России, независимость которой выкована в войнах с иноземными захватчиками, неразрывно связана с историей храмостроительства: в память о защитниках Родины испокон возводились храмы-памятники, часовни, памятные знаки и целые православные архитектурные ансамбли. Для объединения всех православных верующих военнослужащих воздвигается Главный храм Вооруженных сил Российской Федерации». «Идеей создания главного храма Вооруженных сил России является морально-психологическое обеспечение войск, и в храме будут проходить военные показательные мероприятия», — пояснил РБК руководитель центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН Роман Лункин. «Сам храм является идеологическим символом военного величия России, освященного православной идеей. И храм строится не для прихожан и не вокруг прихода. У храма другая идея создания». URL: <https://www.rbc.ru/society/04/09/2018/5b8e74c29a7947d199ba2fae>

монополия Кремля в информационной сфере, цензура привели к формированию культа Путина, превращения его в образ безальтернативного, решительного вождя или Отца нации, верховного судью, главнокомандующего, конечную инстанцию справедливости, силу, сдерживающую произвол коррумпированного чиновничества и всемогущих олигархов. Такое развитие было неизбежно при данных обстоятельствах, поскольку соответствовало внутренним интересам бюрократического аппарата, социальным инстинктам придворной обслуги. В общественном мнении все принимаемые решения замыкаются на нем (и такое мнение сохраняется даже после пенсионной реформы, воспринятой крайне негативно всем обществом). Он суверенен в своей политике и не отвечает ни перед кем за свои действия и слова. Любая критика или несогласие с ним воспринимаются как политические действия и оскорбление «национального величия», подрыв авторитета власти.

За годы путинского правления произошла кастрация интеллектуальной и творческой элит, воспрянувших было в перестройку и первые годы демократии, почувствовавших значимость и вкус свободы. Покупка лояльности происходила постепенно, через включение этих групп в систему обслуживания власти в качестве «экспертов и консультантов, разработчиков» политических и управленческих программ и проектов, в роли «групп поддержки» на выборах. Во многих случаях деятельность благотворительных фондов, организаций гражданского общества могла осуществляться только при условии использования капитала популярности этих именитых людей науки или звезд эстрады, культуры для демонстрации поддержки национального лидера, имитации народной любви к нему, что особенно важно в периоды электоральных кампаний. Нельзя упрекать этих людей в том, что они в очень конкретных ситуациях — ради спасения детей или выполнения своих научных или общественных задач — готовы идти на сделку с совестью, обслуживая таким образом циничную власть. Но в отдаленной перспективе это отзывается сильнейшими моральными поражениями общества, его развращением. Одновременно постоянному давлению подвергались ранее независимые научные институты и организации гражданского общества, вносимые в реестр иностранных агентов или просто запрещаемые как нежелательные (как, например, «Мемориал», Фонд Сороса, сделав-

ший очень многое для выживания российских ученых, поддержки культуры в самый трудный период после краха советской системы или для просвещения российского общества, или даже объединение протестующих против системы «Платон» дальнбойщиков).

12. Реставрация тоталитаризма (восстановление институтов насилия) была бы невозможна при ином моральном и психологическом состоянии общества. 1993–1994 и 1999–2002 гг. отмечены взлетом показателей социальной аномии — ростом числа самоубийств, убийств, разбойных нападений и других тяжких преступлений, увеличением количества сердечно-сосудистых заболеваний, что говорит о состоянии затаянного стресса и фрустрации в обществе, потери ориентаций и ослаблении нормативной системы. Но это внешние индикаторы неблагополучия. Не менее важны для понимания и проявления глубоко укорененного аморализма как опыта массовой адаптации к репрессивному государству, негативного отбора наиболее «пластичных» типов человека. Развал социально-нормативной системы советского тоталитаризма не породил, а лишь вывел на поверхность определенные типы человека: во-первых, «человека советского», описанного в работах Ю. Левады¹, во-вторых, не описанного социологами типа наглого политика или чиновника, получившего в распоряжения средства власти и управления, инструменты насилия, а потому почувствовавшего себя хозяином жизни, свободным от правовой ответственности. Этот социально-антропологический тип ярко представлен именно в последние месяцы многочисленными публичными скандалами по поводу высокопоставленного бандитизма и случаев поражающей коррупции (новейшие примеры — арест «сенатора» Р. Арашукова и его отца, условия отбывания наказания лидера кушевской банды, увольнение руководителя Росгеологии Р. Горринга, хамские заявления различных чиновников о бедности, поведение депутатов по поводу харассмента в отношении журналистов и т.п.). Можно сказать, что эти типы задают крайние полюса постсоветской антропологической шкалы: с одной стороны, страх, апатия, оппортунизм, двоемыслие, понижающая адаптация, фрагментарность повседневного существования и его горизонта, с другой — полное пренебрежение к согражданам («У кого нет

¹ Простой советский человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. М.: Мировой океан, 1993; Левада Ю. От мнений — к пониманию. М.: МШПИ, 2000. С. 391–570; Левада Ю. Ищем человека. М.: Новое издательство, 2006. С. 233–380.

миллиарда, пусть идет в жопу», — как говорил владелец «Миракс групп» С. Полонский¹).

13. Вопрос, является ли причиной тоталитаризма нынешний обширный некроз морали следствием приспособления к советскому тоталитаризму и принудительной адаптации к репрессивному государству или же, напротив, недоразвитость (гражданского) общества и его этики — причина тоталитаризма, — носит схоластический, умозрительный характер. Понятно, что всеобщая коррумпированность и цинизм функционально связаны с массовизацией, массовым обществом, отказом от культуры достоинства. Но не всякий процесс массификации оборачивается тоталитаризмом или фашизмом, в ряде стран действует сильнейший иммунитет против трансформации демократий в тоталитаризм, несмотря на заметные условия для развития фашизоидных или тоталитарных трендов². Более внимательные наблюдатели всегда подчеркивали принципиальное различие доминантных человеческих типов в тоталитарных режимах (СССР, например) и демократиях. Еще А. Тойнби упрекал советологов в том, что они, проводя внешние параллели и статистические сопоставления промышленного развития в СССР и в странах Запада, не учитывают моральные аспекты человеческого существования, из-за чего анализ всякий раз заходит в тупик³.

14. Так или иначе, 1990-е гг. отмечены выходом на первый план человека специфического типа — беспринципного авантюриста, игрока, социального манипулятора и демагога. Развал жесткой тоталитарной системы выводит на сцену людей, свободных от моральных и человеческих сдержек, одержимых жадностью власти, денег, наслаждений, переживающих жизнь как азартную игру, готовых к любым предприятиям, если они обещают успех, признание, восхищение и возможность соединять людей

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9_%D0%AE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87; параллель ему составляет в своем роде «человек без культуры», например, вице-адмирал Балтфлота И. Мухаметшин, который стал посмешищем (но лишь в неподцензурных сетях), заявив недавно о ненужности Канта («писал какие-то непонятные книги, которые никто из здесь стоящих не читал и никогда читать не будет»); «предал свою родину». URL: <https://ura.news/news/1052361903> (3.12.2018). В советское время он не решился бы так открыто демонстрировать свое невежество.

² Липсет М.С. Политический человек. Социальные основания политики. М., Фонд «Либеральная миссия»; Мысль, 2016, гл. IV и гл. V.

³ Urban G. Gespräche mit Zeitgenossen: Acht Dispute über Geschichte und Politik mit R. Aron, G. Mann, L. Kolakowski, A. Toynbee u.a. Weinheim-Basel, Beltz Verlag, 1982. S. 128.

(под любыми лозунгами, важно лишь, чтобы они соответствовали духу времени, *Zeitgeist*). Наиболее ярко этот тип представлен в коллективном автопортрете социальной среды наших демократов и реформаторов — образе Б. Березовского, составленном из серии интервью его окружения П. Авенем⁴. Этот же социальный типаж столь же отчетливо и характерно проявляется в другой книге, также составленной из множества интервью и самоописаний, рассказывающих о расцвете новой, «свободной», бесцензурной журналистики 1990-х⁵. Это не просто впечатляющая «история успеха», очерк нравов кратковременной эпохи, но и описание человеческой несостоятельности, банкротства и предательства. Сейчас уже понятно, что крах и аномия вряд ли могли дать другие человеческие типажи, кроме полумаргиналов, внутренне развороченных и прикормленных детей советской элиты или фигур из околономенклатурной обслуги, почуявших свой шанс и понявших, что «время делать бабки». Поэтому манипуляторы из научной молодежи, инженерно-технической интеллигенции, кооператоров примкнули к оказавшимся на волне скороспелым партиям, в первую очередь к тем, кто шел в союзниках с Ельциным, у кого был ресурс административной силы, за кем было будущее.

15. Также не трудно понять, что очень скоро этих авантюристов, людей «в случае», вытеснили чиновники из второго эшелона силовой бюрократии — дисциплинированные, алчные и свободные от приверженности какой-либо идеологии и морали функционеры из КГБ, комсомола, у которых не было своих идей, кроме сентиментальных переживаний корпоративной мифологии и сознания значимости и надежности круговой поруки. Именно они и выстроили путинский режим, легитимировав его возвращением стереотипов и представлений поздней брежневской эпохи. Этот тип низовых спецслужбовских «шестерок» со всеми комплексами ущемленности и особого (чрезвычайного) статуса КГБ (вне правовых рамок, как это и предусматривалось их спецположением и характером деятельности) не способен выработать какую-то новую идеологию, политический проект. Они хотели, умели и могли, используя свои профессиональные навыки и компетенции, самым циничным и безжалостным образом обеспечить условия для сохранения своей власти. Это и было сделано. Путин уступает

⁴ Авен П. Время Березовского. М.: АСТ, 2018.

⁵ История русских медиа 1989–2011. Версия «Афиши». М.: «Афиша», 2011.

лишь Сталину по длительности нахождения у власти, что свидетельствует о некоторой близости используемых технологий господства и управления.

Таким образом, прежние социальные установки и структуры отношений могут сохраняться, только если меняют свое смысловое оправдание. Под ними я имею в виду покорность, страх, нежелание брать ответственность за вещи, которые выходят за рамки повседневного фрагмента существования — работы на своем месте и в жестко определенных пределах и т.п., советы не соваться в политику, под которой понимается все, что может касаться отношений с властью или местной непосредственной администрацией. В социологическом плане это означает, что социальные установки и нормативные представления предшествующих эпох всплывают в новых ситуациях под действием хорошо знакомых, но как бы забытых сигналов — языка власти, апеллирующей к коллективной солидарности (национальной, государственной, производственной, ведомственной), угрозе безопасности страны (военной, террористической, действиям подрывных элементов, пятой колонны, экстремистов, педофилов, любых чужих, включая воображаемый вред от иностранной культуры).

Все эти пропагандистские ходы нынешней власти отработаны еще в советские времена, но остались мало известными или осознанными обществом: насаждение военной угрозы и утверждение изоляционистских представлений, наказания за «оскорбление» коллективных символов и чести (принижение героизма и славы, выискивание темных пятен, «заведомо ложные измышления» антисоветчиков и т.п.), подрыв коллективной морали и престижа власти, единства власти и народа, «разложение молодежи», шпионаж и прочее, повторяется ныне во всех возможных вариантах. «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Вся их действенность построена на том, что либо других (другие страны, западных писателей или политиков) обвиняют в преступлениях, совершенных российским (советским) руководством, либо действия руководства представлены как ответ на просьбу других стран, политиков, общественных сил и т.п. Аннексия представляется как добровольное присоединение к СССР или к России (оккупация Прибалтики, война против Финляндии), войны, развязанные против других стран, как оказание интернациональной помощи (Корея, Вьетнам, Египет, Сирия, Конго, Куба и т.п.), убийства перебежчиков и нежелательных

политиков за рубежом как акции справедливо-го возмездия, осуществленные непонятно кем. Так же ничего нового нет и в проведении подрывных и пропагандистских кампаний против демократических правительств посредством широко развитых сетей и «дружеских» организаций в других странах. Достаточно вспомнить теперь мало кому известную, кроме историков, практику Коминтерна и западных компартий подкупа иностранных журналистов и политиков, скрытое финансирование оппозиционных партий, подготовку диверсантов и боевиков в советских закрытых университетах и институтах и проч. Сегодня это поддержка, в том числе и финансовая, крайне правых популистов, Мадуро в Венесуэле, еще недавно — Хусейна и Каддафи.

Именно это создает привычный актуальный образ мира, общий контекст повседневного существования обычного человека, лишенного выбора или ограниченного в своих действиях, в свободе, тревожного, доверяющего только своим (в том числе своим «источникам информации», даже если это пропаганда), аполитичного и имморального.

Выводы

1. Возвратный, или вторичный, тоталитаризм проявляется как специфическая политика правящей элиты, пришедшей к власти не путем выборов, а через внутриаппаратные интриги и потому испытывающей дефицит легитимности и доверия к обществу. После узурпации власти, как показывают действия путинской администрации, происходит процесс закрепления ее через восстановление принудительного контроля над обществом: в начале путем введения цензуры и административной реформы (устранения самостоятельности регионов и кастрации политических партий, в первую очередь региональных, поскольку именно регионы на этой фазе обладают наибольшими ресурсами сопротивления централизации), манипуляций на выборах и формированием нужного состава парламента и региональных законодательных собраний. Одновременно идет захват собственности (ранее приватизированных и наиболее успешных, доходных предприятий и корпораций) и создание крупнейших госкорпораций, служащих источником средств для элиты. Но все эти действия оказываются недостаточными без воссоздания государственной идеологии, в качестве которой утверждается консервативная версия великодержавного православного и имперского национализма, насаждаемого в

качестве единой и обязательной к исполнению программы воспитания молодого поколения и индоктринации населения в целом через массивную и агрессивную пропаганду. «Тотальной» эта политика оказывается лишь в планах и намерениях режима, однако для населения она играет иную роль. Технология господства при вторичном тоталитарном режиме заключается в постоянном разрушении систем коммуникаций и институциональных взаимосвязей между социальными группами, сегментами общества, деструктуризации социальных сетей и отношений, производстве одномерной плазмы общественного сознания — состояния, которые не допускает никакой гражданской самоорганизации, солидарности, активности и ответственности за положение дел (в стране, регионе, месте жительства). Милитаристская пропаганда и угроза войны, внутренних врагов производят эффект принудительного объединения вокруг власти, тем более что режим монополизирует все символические ресурсы коллективности, включая и трансцендентные значения веры, истории, добра и смерти, отданные государственной церкви. Насаждаемая режимом идеология представляет собой эклектический агрегат представлений об органическом единстве тысячелетней России, мужающей и крепнущей в борьбе с врагами, осаждающими страну со всех сторон. Такое представление упраздняет идею сложного социального состава общества, наличия различных групп со своими частными интересами, заменяя его образом государственной, отечески заботливой власти, защищающей народ от разных бед и напастей, в том числе от утраты самобытности, духовности, традиций, веры и т.п.

2. В отличие от идеологии власти идеологические взгляды социальной элиты, обслуживающей власть, консультирующей режим, обеспечивающей его кадрами и технологиями управления, заключаются в оптимистической вере в детерминизм исторического движения всех стран, включая Россию, к демократии, открытому обществу, свободному рынку, подкрепленный транзитологическими теориями. Этот идеологический либерализм не совсем бескорыстен: он в большей степени разделяется теми, кто был во власти в начале 1990-х или способствовал проведению реформ своими знаниями и консультациями, участием в разработке политических программ и хотел бы вернуть себе утраченное авторитетное положение и роль. Поэтому сторонники транзитологических концепций применительно к российской

действительности оказываются интеллектуально весьма избирательными или слепыми в отношении явлений, которые для них неприятны. Общество оказывается без адекватного и трезвого анализа происходящих процессов. И идеологический фундаментализм имперского национализма, и либеральный транзитизм удачно дополняют друг друга, блокируя не только возможности понимания, но и необходимость представления взглядов и многообразных интересов различных социальных групп общества.

3. В этих условиях поведение основной массы населения отвечает принципам и нормам, которую можно назвать «рациональность пассивной адаптацией». «Рациональность», если следовать трактовке М. Вебера, означает внутренний порядок согласования идей и интересов, когда под «интересами» понимаются мотивы действия практического (материального или идеального) характера, направленного на обеспечение существования, обогащения, на получение престижа, признания или уважения окружающих, а под «идеями» — смысловые представления, источником которых могут быть идеологии, оправдывающие политические цели или положение вещей, мировоззренческие картины действительности, религиозные образы и вера, привычные определения социальных процессов. Сами по себе «идеи» не являются мотивами практического действия, но они могут служить оправданием, оформлением, обоснованием интересов, способствуя артикуляции целей или ориентиров действия, оказывая влияние на выбор средств или учет последствий их выбора. В ситуации, когда публичное пространство стерилизовано и представляется единственно верным и неизменным, сфера aspirations, представлений о возможном и реализуемом резко ограничивается конкретными повседневными возможностями действия конкретных социальных акторов. Другими словами, социальное пространство жестко сегментируется и фрагментируется (и не только через административные барьеры, но и теми границами, которые устанавливают себе сами люди, — границами релятивной депривации, «по Сеньке шапка»). Горизонт желаемого очерчен реалистичными (снижающими запросы) представлениями о возможном и социально данном. Это неправильно называть оппортунизмом или конформизмом, поскольку такие оценки социального поведения могут быть приложены лишь к социальным элитам — более высоким слоям и группам средней бюрократии, экспертного сообщества, пред-

принимательскому классу, то есть ко всем, у кого есть некоторые собственные ресурсы или основания для претензий на известную автономию. У большинства огосударственного населения этих ресурсов нет. Такие люди живут в очень фрагментированном (или сегрегированном) пространстве частных существований, не имея возможности изменить положение дел. Фрагментированность снимается функционированием нескольких тотальных институтов — СМИ (в первую очередь государственной телевизионной пропагандой), полицией и школой. К ним по охвату приближается и государственный контроль над экономикой, воссоздающей общее поле принудительных соподчинений и согласований. Рациональными в этом плане становятся действия индивидов, учитывающих в своем поведении нормы и предписания государственно требуемого (путем прямой артикуляции или негласным, неформальным образом) самоограничения и выражения лояльности и преданности. Другими словами, рациональным в данной ситуации оказывается поведение применительно к так или иначе понимаемым интересам власти, администрации, обладателям ресурсов принуждения (воспринимаемых как безальтернативные условия собственного поведения). Если все мысли направлены на безопасное выживание, следствием такой организации жизни (особенно если она сознается как тотальная, всеобщая) и социального порядка становится установка на простое воспроизводство, а в общесоциальном плане — отсутствие импульсов развития, стагнация, что, в свою очередь, вызывает у власти очередной позыв «любими средствами добиться решающего прорыва» (в высоких технологиях, повышении производительности труда и т.п.), «догнать и перегнать». Но мобилизационным такое общество уже не назовешь, как нельзя назвать этот социальный порядок идеократией.

4. Уровень насилия и репрессий при этом может быть сравнительно невысоким, учитывая новые технологические возможности пропаганды и информирования населения о наказаниях экстремистов и тех, кто подрывает основы конституционного строя, с одной стороны, а с другой — характер социализации многих поколений советских людей, знающих правила игры и границы допустимого разномыслия. Этим современная ситуация отличается от времени установления тоталитарной системы, когда масштабный террор должен кардинально изме-

нить цивилизационные нормы и представления о человеческом достоинстве, о том, чего не может быть и что можно ждать и требовать. Сегодня никому не надо объяснять, что «может быть всякое», и это как бы иррациональное положение лучше, чем какие-либо иные юридические или практические разъяснения, выражает опыт жизни при тоталитарных режимах. Это не страх, это то, что может быть сопоставлено с нормами «приличия» в других обществах, психологического комфорта, признания «нормальности» со стороны других.

5. В более общем теоретическом плане приходится делать вывод о том, что эволюция тоталитарных режимов ведет не к демократизации (если только нет внешних условий и предпосылок принудительного изменения системы господства, как это было в Италии и Германии после войны, или отпадения Восточной Европы, взятой под контроль западными институтами), а к рутинизации господства, к простому или сокращенному воспроизводству институциональных систем этого типа, длительной стагнации и общества, и экономики, лишенной внутренних источников роста. Его основа — не идеология, не принуждение и насилие, не следующий из этого имморализм общества, а сложившийся повседневный порядок, совокупность тысяч устойчивых и привычных взаимодействий людей, у которых просто не возникает идеи или представлений о другой системе организации жизни. Каждое отдельное обстоятельство — сервильность и ограниченность элиты, готовой уговорить себя, что отказ от демократии и обслуживание власти — это вынужденный выбор, что это даже меньшее зло, чем могло быть, негативный отбор во власть людей определенного рода, серых и циничных, исключительно по критерию лояльности и готовности к выполнению любого приказа сверху, алчность и жестокость власти, не встречающей сопротивления, последовательно разрушающей систему коммуникации, солидарных отношений в обществе и, следовательно, потенциал представлений об общем благе, социальный альтруизм и идеализм общества, безальтернативность вариантов существования основной массы населения, и т.п., — все это у каждого по отдельности и у всех вместе и создает ту систему обстоятельств и мотивов адаптивного поведения, которые определяют инерцию тоталитаризма в его консервативной стадии.

Список литературы

1. *Авен П.* Время Березовского. М., Аст, 2018
2. *Адамс Ч.* Влияние налогов на становление цивилизации. Москва-Челябинск, Социум-Мысль, 2016
3. *Айзенк Х.* Психология политики. М., фонд Либеральная миссия, 2016
4. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., Наука, 1996
5. *Арендт Х.* Опыты понимания 1930-1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., Институт Гайдара, 2018
6. *Випперман В.* Европейский фашизм в сравнении, 1922-1982. Новосибирск, 2000.
7. *Волков Д., Гончаров С.* Российский медиа-ландшафт 2017: основные тенденции использования СМИ. М., ЛЕВАДА-ЦЕНТР, 22.08.2017
8. *Ворожейкина Т., Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А.* Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестник общественного мнения, 2014, №3-4 (118), с. 13-69
9. *Головачев Б., Косова Л., Хахулина Л.* Формирование правящей элиты в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1995, № 6, с. 18-24; 1996, №1, с.32-38
10. *Гудков Л.* Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М., Русина, 1994
11. *Гудков Л.* «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия. // экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 2001, № 5, с.19-29 и №6, с. 20-29
12. *Гудков Л., Дубин Б.* Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс / Пути российского посткоммунизма. М., Московский центр Карнеги. 2007, с.8-63;
13. *Гудков Л.* Перерождение коммунистической номенклатуры. / Россия на рубеже веков, 1991-2011. М., РОССПЭН, 2011, с.116-133.
14. *Гудков Л., Дубин Б.* Российские выборы: время «серых» // ИБМ, 2000, № 2, с. 17-29. *Гудков Л., Дубин Б.* Конец 90-х: затухание образцов. // ИБМ, 2001, № 1, с. 15-30
15. *Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.* Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения, 2010, №4 (106), с. 7-43
16. *Гудков Л., Дубин Б., Леонова А.* Милицейское насилие и проблема «полицейского государства» // Вестник общественного мнения, 2004, №4 (72), с.31-47
17. *Гудков Л., Дубин Б.* Приватизация полиции // Вестник общественного мнения, 2006, №1 (81), с. 58-71.
18. *Гудков Л.* Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения, 2009, №3 (101), с. 6-21.
19. *Дарсавелидзе Н.* Память и памятники // Знамя, 2007, №11
20. *Дарсавелидзе Н.* Новые памятники в центре Москвы и на окраине // Отечественные записки, 2008, №4 (43)
21. *Дерлугьян Г.* «Демократия как озеро». Предисловие к русскому изданию книги Ч.Тилли «Демократия», М., 2007
22. *Жерар Р.* «Насилие и священное». М., НЛО, 2000 и 2010
23. *Заславский В.* Постсоветский этап изучения тоталитаризма: новые направления и методологические тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2002, №1 (57), с.47.
24. *Зубаревич Н., Кынев А., Петров Н., Рогов К.* Стресс-тест на пол-России. Технологии электорального доминирования и их ограничения. Анализ региональных выборов 2018 г. авторы М., Либеральная миссия, 1.10.2018
25. *Иноземцев В.* Вставай, страна огромная: как фашизм возвращается 70 лет спустя - <http://daily.rbc.ru/opinions/politics/22/06/2015/5582da729a>
26. История русских медиа 1989-2011. Версия «Афиши». М., Афиша, 2011
27. *Корни Р.* Страх. История политической идеи. М., Территория будущего, 2007
28. *Коровицына Н. В.* Агония соцмодернизации. Судьба двух поколений двух европейских наций. М.: Наука, 1993;
29. *Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века, М., Наука, 1999;
30. *Коровицына Н.В.* Восточноевропейский путь развития: социокультурные контуры М., Наука 2003; *Коровицына Н. В.* «С Россией и без нее: восточноевропейский

- путь; развития» (2003 г.)
31. *Коровицына Н.В.* «Бархатные» революции как феномен массового сознания восточноевропейцев. // Революция 1989 в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Взгляд через десятилетие. М., Наука, 2001
 32. *Кун Т.* Структура научных революций. М., Наука, 1975;
 33. *Крыстев И.* «Превращение» Центральной Европы. Почему подражание Западу неизбежно ведет к национальному ресентименту. // IPG. Международная политика и общество. 30.01.2019. -
 34. <https://www.ipg-journal.io/rubriki/evropeiskaja-integracija/statja/show/prevrashchenie-centralnoi-evropy-715/>
 35. *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж-Л., Пачковский А., Бартосек К., Марголин Дж-Л.* Чёрная книга коммунизма [95 миллионов жертв большевизма]. — М.: «Три века истории», 2001.
 36. *Латынина Ю.* Зомби-ленд Россия //Новая газета от 24.01.2019, - <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/01/24/79293-zombi-lend-rossiya>
 37. *Левада Ю.* От мнений – к пониманию. М., МШПИ, 2000,
 38. *Левада Ю.* Ищем человека. М., Новое издательство, 2006
 39. *Линц Х.* Тоталитарные и авторитарные режимы. Введение // Неприкосновенный запас, 2018, №4,
 40. *Мадьяр Б.* «Мафиозное государство Россия уже прошло точку невозврата» -<https://www.colta.ru/articles/mosty/18126-balint-madyar-mafioznoe-gosudarstvo-rossiya-uzhe-proshlo-tochku-nevozvrata>
 41. *Никитинский Л.В.* Ментовское государство как вид. Неправительственный доклад в ВШЭ, март-апрель 2009 (<https://web.archive.org/web/20090714123738/http://www.ruj.ru/authors/nikitinskiy/090319-1.htm>)
 42. *Нойманн Ф.Л.* Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944, СПб.: Владимир Даль, 2015
 43. Общественное мнение.2016, М., Левада-центр, 2016
 44. Общественное мнение 2017. М., Левада-центр, 2017
 45. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., AST Publishers, 2016
 46. *Оруэлл Дж.* 1984 и эссе разных лет. М., Прогресс, 1989, 2001
 47. *Патнем Р.* Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996
 48. *Петров Н.* Путинская перестройка // Ведомости от 22.08.2018 (<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/23/730610-putinskaya-perestroika>);
 49. *Петров Н.* Репрессии стали механизмом контроля элиты // Ведомости, 30.08.2017 <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/30/731537-repressii-kontrolya-eliti>;
 50. *Петров Н.* Методы репрессий отрабатываются в регионах // Ведомости 5.09.2017 <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/06/732503-metodi-repressii>).
 51. Политическая наука: новые направления. Под ред.Е.Шестопал. Вече, 1999
 52. *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М., Международный фонд «Культурная инициатива»; 2009
 53. Простой советский человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. М., Мировой океан, 1993
 54. *Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г.* Феномен тоталитаризма. Политическая теория и исторические метаморфозы. М., Наука, 2005
 55. *Райс К.* Во имя национальных интересов // Pro et Contra, 2000, Т.5, №2
 56. *Розенфилд С.* Ненормальная страна // Эковест, 2004, т.4, №2, с.350-366
 57. *Рогов К.* Дрейф на льдине, не похоже на Крым// Новая газета, 2019, №1, от 9.01 2019. -<https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/01/08/79126-dreyf-na-ldine-ne-pohozhe-na-krym>
 58. *Синг Чаудхари А., Шанн Р.* Рейх суперменеджеров. Американские ученые против американских политиков: вердикт без суда? // Гефтер, от 6.12.2017
 59. *Снегирев В.* Отрешение // Новая газета, 2019, №14 от 8 февраля- https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/02/07/79464-otreshenie?utm_source=push
 60. *Солдатов А., Бороган И.* Новое дворянство. - <https://www.rulit.me/books/novoe-dvoryanstvo-ocherki-istorii-fsb-read-217403-1.html>
 61. *Умланд А.* Теоретическая интерпретация фашизма в работах В.Виппермана // Социологический журнал, 2000, №1-2, с.205-210

62. Уmland А. Является ли путинский режим фашистским? Западно-российский клинч? Текущие споры о «фашизма» и «империализме» Кремля // Гефтер, 2018, 7 мая - http://gefeter.ru/archive/24860?_utl_t=fb; 2019, 13.01. – <https://phase-zwe.org//hefte/artikel/russischer-nationalismus-644/>.
63. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003
64. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. — М.: РОССПЭН, 2003
65. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы М., РОССПЭН, 1996
66. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010
67. Шлейфер А. Трейсман Д. Нормальная страна // Эковест, 2004, т.4, №1, с.44-78
68. Шульман Е. Демократизация по ошибке. Как самосохранение власти приводит к переменам.- Московский центр Карнеги, 7. 12.2017 - <http://carnegie.ru/commentary/74926>
69. Dawisha K. Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia? N.Y., Simon & Schuster, 2014 ;
70. Fraenkel E. The Dual State, New York, 1941
71. Fridrich C.J., Brzesinsky Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.), 1956;
72. Gudkov L. Russia – A Society in Transition? // Telos, 2001, summer, #120, p.9-30
73. Gudkov L. Traces of Defeat. Why the Propaganda Effect Will Be Felt for a Long Time Yet Journal // Russian Politics & Law (Russian Politics at the End of 2015: Continuing Deinstitutionalization Russian Politics at the End of 2015: Continuing Deinstitutionalization), 2016, Volume 54, Issue 4, Pages 386-394 - <http://dx.doi.org/10.1080/10611940.2016.1207466>
74. Kachkayeva A. Glamour Totalitarianism the Television Industry in the epoch of stability (2004—2007) // World of media: Медиамир, 2009
75. Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933—1945, Oxford, 1983
76. Linz J.J. Totalitarianism and Authoritarian Regimes// Handbook of Political Sciences. Vol.3, 1975. Ed. by F.Greenstein and W.N.Polsby. Addison; Wesley. P.175-411
77. Riesman D. Some Observation on the Limits of Totalitarian Power / Riesman D. Abundance for what? And other Essays. Anchor Books Edition; Doubleday & Company, Inc., Garden City, New York. 1965
78. Urban G. Gespräche mit Zeitgenossen: Acht Dispute über Geschichte und Politik mit R.Aron, G.Mann, L.Kolakowski, A.Toynbee u.a. Weinheim-Basel, Beltz Verlag, 1982
79. Umland А. Russischer Nationalismus. Der postsowjetische politische Diskurs und die neue faschistische Gefahr. // Phase 2. Zeitschrift gegen die Realität/ 2019, 13.01. – <https://phase-zwe.org//hefte/artikel/russischer-nationalismus-644/>.
80. Wipperman W. Totalitarismustheorien. Die Entwicklung der Diskussion von den Anfängen bis heute. Darmstadt, Primus Verlag, 1997, S. 111.

Авторы номера:

Ашкинази Леонид Александрович — кн. физ.-мат. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Московский институт электроники и математики имени А.Н.Тихонова

Богомазова Людмила Вадимовна — стажер-исследователь, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Веденяпина Дарья Сергеевна — докторант Центра исследований социальных связей (CERLIS), Университет Декарта, Сорбонна (Франция)

Головин Григорий Владимирович — кн. физ.-мат. наук, Университет Небраски-Линкольн, США

Гудков Лев Дмитриевич — доктор философских наук, директор АНО «Левада-центр»

Дорофеева Оксана Евгеньевна — стажер-исследователь, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Зоркая Наталья Андреевна — руководитель отдела социально-политических исследований, АНО «Левада-центр»

Казун Анастасия Дмитриевна - младший научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; преподаватель кафедры экономической социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ

Косова Лариса Борисовна — директор Единого архива экономических и социологических данных (ЕАЭСД), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кочергина Екатерина Владимировна — научный сотрудник, АНО «Левада-центр»

Левинсон Алексей Георгиевич — кандидат искусствоведения, заведующий отделом социально-культурных исследований, Левада-Центр

Лёзина Евгения Владимировна - научный сотрудник, Центр современной истории, Потсдам (Zentrum für Zeithistorische Forschung, Potsdam)

Паин Эмиль Абрамович — профессор, Факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Пипия Карина Джаниеровна — к.с.н., научный сотрудник, АНО «Левада-центр»

SUMMARY

Dynamics of xenophobia in the populist era: a macro social analysis trial (by Emil Pain).

Macro social analysis – which is what this article is based on – takes into consideration the influence historically long stages or cycles of ethno-political processes have on the dynamics of xenophobia. Such analysis allows to refine the evaluations made on the basis of public opinion surveys covering a rather short (for history) period of time. The main goal of this article is an attempt to provide a comprehensive interpretation of the results of sociological ranging of the Russians' hostility in regards to various ethnic phobias based on the analysis of the fundamental changes in the ethno-political situation in current day Russia compared with the 1990s and the early 2000s performed by the author. The article touches upon ethno-political trends manifesting in Russia but connected with global processes mostly seen in current times, which are often referred to as the “populism era”. The essence of populism and its influence on the xenophobia dynamic is subject to analysis herein as well.

The ethno-political situation in Russia began to slowly shift in the 2000s. Problems traditional for the empire, such as relations between ethnic territories and the imperial center as well as ethnic separatism of indigenous colonized peoples and anti-Semitism, were slowly being replaced by new problems of migrants and other isolated ethnic minorities (like gypsies), poorly integrated into the forming national community. The changes in the basic make up of the ethno-political situation which found a reflection in the xenophobia dynamics can also explain the raise of the national-populist political movement in Russia, which has shown itself in other countries of the global north as well. We tried to use Russian examples to demonstrate the diversity of populism and its controversial influence on the dynamics of xenophobia. National populism can

act as the main risk factor of xenophobia growth, whereas social populism is capable of promoting the transformation of ethnic, racial and religious phobias into civil protest activity.

Parameters of xenophobia, racism and anti-Semitism in modern day Russia (by Lev Gudkov, Karina Pipiia).

The article focuses on the issue of xenophobia in Russian society, its incidence and intensity, major objects and myths, the endorsement of social and symbolic forms of ethnic and other inequality in public opinion as well as the dynamics of such negativist sentiments.

The authors pay a special attention to the problems of marking, functioning and identifying of the “other”, the “different” by the local host population (the Russian majority) which demonstrated a greater degree of support of xenophobic, restrictive, anti-migrant policies and justification of ethnic inequality; although by and large the results of all-Russian surveys demonstrate a consolidation of the populace in its support of certain forms of xenophobia irrespective of the respondents' socio-demographic status. However the – relatively weak – influence of age-related, economic, educational and territorial affiliation of Russian citizens, interpersonal trust and address to varying information sources shouldn't be discounted either.

The results of studies demonstrate a decreased sensitivity of the populace to xenophobia and nationalism as socially meaningful issues (and therefore a lowered immunity against the possible formation of organized and institutionalized manifestations of such phenomena) as well as discrimination based thereupon, focused on the greatly reduced notions of what fascism, nationalism etc is.

Anti-Semitism in Russia: the Jewish population viewpoint (by Lev Gudkov, Nalabila Zorkaya, Ekaterina Kochergina, Evgenia Lezina).

This article analyses the results of a study conducted for the Russian Jewish Congress in 2018. 517 people over the age of 16, living in 21 towns in the Russian Federation and identifying as Jews were interviewed. The goal of the study was to establish the scale of modern day anti-Semitism in Russia and to put it into all-European context. With this goal in mind the scientists used a considerable part of the questions from the all-European survey conducted by the European Union agency for Fundamental Rights in 8 EU countries in 2012. The use of the same questions allowed to compare the views and evaluations of Russian Jews with those of Jews from other countries, that is to evaluate the modern scale of anti-Semitism in Russia in a European context.

Anti-Semitism in Europe and in Russia is similar in several ways. It's most often demonstrated in the form of offences, threats and publishing of anti-Semite materials in the media. The main platform for expression of anti-Semite views today is the Internet. Nevertheless, Russia differs from European countries in several important aspects. Firstly, the origins and nature of anti-Semitism are different. In Russia anti-Semitism is built into xenophobia and is most often expressed on a mundane level. Its carriers are average citizens and not members of certain (neo-nazi) organizations. Xenophobia in Russia is, in turn, oriented against the "ethnically different" and not Jews who are after all considered 'insiders'. Secondly, there's no anti-Zionist component in Russian anti-Semitism, unlike European countries, where waves of anti-Semitism are closely tied with Israel's policies in the Middle East.

Attitude towards Jews (by Alexej Levinson).

Focus group discussions with Russian, Moslem and Jewish respondents in several cities of RF. All three categories deny any manifestations of anti-Semitism which they understand as direct aggression against Jews. The current rules of behaviour protect Jews from this active anti-Semitism. Some Jews explain this by loyalty of Russians to their President who demonstrates friendly attitude to Jews. Among themselves non – Jewish majority often exchange anti-semitic jokes and curses. This passive anti-Semitism is not directed against Jews, it serves internal relations among Russians and Moslems presenting the norms and ways that are considered as improper among them and are labeled as 'Jewish'. Jewish observers warn that if – and as soon as – the attitude towards Jews 'on the top' changes

for bad the passive anti-Semitism transforms (back) into active so typical for Russian tradition.

Community as a key factor in constructing of Jewish identity by Russian Jews born between 1980-2000 (by Dasha Vedenyapina).

This article is about new identities experienced by Russian Jews and the construction of the Jewish community. Jewish identity in the Soviet Union was based solely on ethnicity. Soviet passports contained the graph of ethnicity and Jews were considered to be a nationality. It is important to stress on the fact that Jewish identity in the Soviet Union can be characterised as a negative one. It was through the State antisemitism that Jews were defined, being suppressed and discriminated in the social field. With the collapse of The Soviet Union, the situation changed dramatically: those who had been discriminated obtained a rare opportunity to reconstruct their Jewish identity through religion, the rebirth of Jewish tradition and equal rights with the rest of the population. With all that, the auto-definition through ethnicity still persist, among the young generation as well as among the older ones. The quantitative part of my research shows that around 50% of respondents suppose that it is one's parentage that defines one's Jewishness. In this work I also pay attention to family transmission and collective memory and their contribution to the construction of new types of identities.

I show that the identity the young generation obtained from their parents needed to be developed in the new post-soviet reality. So, they have transformed the "passive", negative Soviet-time identity into new ones, religious or secular, – the principal point is that they are "active". The construction of active identity demands the construction of the environment, the community. In the second part of the article I demonstrate the way this community functions in social, cultural and political spheres. I take the president elections of 2018 in Russia as an example of community act, following the possible trajectories of vote as well as problematizing the existence of community vote among Jews on contemporary Russia.

Within the framework of the research I took 20 interviews with Jews from different types of communities: the orthodox communities, the reformist one, as well as from so called "secular Jews" attending events in various Jewish clubs and organisations. I also distributed a questionnaire (100 answers) containing questions on the two basic topics of the research: the construction of Jewish identities and the political identity of the respondents.

Being a woman: dynamics of mass attitudes towards gender rolls (by Larisa Kosova).

The article analyzes the dynamics of gender attitudes, examines both the existing system of mass views and the influence of state social policy. Three groups of attitudes are examined: * remnants of the Soviet regulatory system; * liberal trends; * conservative tendencies, particularly intensified in recent years.

In the Soviet state, a woman was mobilized twice – as a worker and as a reproductive unit, which placed a double burden on women: full employment in the labor market did not excuse from domestic duties and child care. Normative paternity in Soviet times was reduced to a minimum of duties. The reduction of state regulation and control in the late 1980s gave rise to the emergence of new behavioral scenarios, primarily related to the reduction of the area of the forbidden, the removal of sanctimonious taboos. However, in the mid-2000s, the trend changed. Small generations entered the fertile age, which resulted in a reduction in the number of births. This circumstance served as one of the factors for changing the social policy of the Russian state and led to an increase in patriarchal attitudes.

The trends of archaization are not specific to Russia, they are present in all societies with varying degrees of severity. Analysis of survey data allows us to distinguish two poles of attitudes towards family and gender roles. If in the countries of the “old Europe” support for traditionalist views on gender and family roles is consistently reduced, in the countries of the former socialist camp there is a tendency to strengthen them. In developed European countries, the dynamics of regulatory systems were largely the result of grassroots feminist initiatives, reflected in government policy, which provided a stable trend to reduce patriarchal views on family roles and the place of women. Forcing women into the labor market in the former socialist countries did not lead to a liberalization of the system of mass ideas. On the contrary, the reduction of state control in this area provoked an increase in sympathy for the traditional division of family roles, which have recently been only strengthened by the state’s social policy.

Beliefs regarding gender roles and gender equality in Russia. An analysis of mass surveys spanning 30 years (by Ekaterina Kochergina).

The existing public opinion surveys results attest to divergent trends in the mass beliefs of Russians regarding normative gender roles, family values and attitude towards equality. A surface study of

the existing data leads to the presumption that the gender equality mindset in Russian society prevails over the conservative one.

However a more in-depth analysis of the available body of evidence demonstrates a more complex situation. Sociologists register a decrease in the support of modern views on women’s participation in political and social life, entrenchment of the woman-housewife role, a narrowing of gender scenarios in a family. The most resistant to the influence of conservative propaganda and pressure from state institutions are the core values regarding family planning. A development thereof and a transition towards egalitarian if largely declarative forms can be observed. Thanks to a wide spread of contraception and the conclusion of the demographic transition, family planning issues are dealt with by families themselves without regard to official policies. Differences in core values depending on the sex and age of the respondents is observed.

Russian Online Media Construction of the Economic Crisis of 2014 Image: a Comparative Analysis (by Liudmila Bogomazova).

This article is focused on the media construction of the recent economic crisis in Russia.

The goal of the study is achieved conducting the content analysis. 285 articles of the most cited Russian online newspapers of different information orientation (socio-political, business and mass online newspapers) were analyzed in total.

It was found that the coverage of the economic crisis in online newspapers is due to the focus on a specific audience. The socio-political newspaper publishes more articles on alternatives of ways out of the crisis and stabilization of the economy. The business media, focused on business leaders, analysts and experts, tend to cover such crisis consequence as change in the situation of the Russian industry and the private sector. Finally, the hallmark of the mass newspaper is anti-crisis advice to the public and partnership materials.

Media coverage and the results of the 2018 Russian presidential election: for which candidates is regional news the most important? (by Anastasija Kazun and Oxana Dorofeeva).

This paper is concerned with media coverage of candidates in the 2018 Russian presidential election, with the emphasis on regional printed media. Following theory of agenda-setting, we analyze the number of articles about presidential candidates in the federal and regional press and on major TV channels that demonstrate that presidential

candidates were getting unequal coverage in the media. The tone and focus of the discussion about candidates in regional print media is also considered. Vladimir Putin was getting more attention from the media, probably due to his position as the current president in that period. Other candidates got less coverage, more differentiated by the press than by television, in the way that previously known (by their political or other public activity) candidates were getting more attention than those who not yet well-known to Russians. This way new and less popular candidates did not have an opportunity to obtain agenda ownership and were overshadowed by their more well-known competitors. The disparity in media coverage is also issued by the fact that most candidates did not have their own agenda and do not play a leading role in the news which they are mentioned in. At the same time, the number of publications about candidates in the regional press is not connected to the result of the elections for candidates who are well familiar to Russians, who at that time held public posts (V.Putin, V. Zhirinovskiy) or speakers in another public function (K.Sobchak) nor for candidates-outsiders. The exception is P. Grudinin and G. Yavlinsky, the number of publications about whom is positively associated with their results. Perhaps, for opposition candidates, including new players in the political arena, access to the regional press can become a significant factor affecting the election results.

A study of receptive vocabulary by means of internet (by Ashkinazi Leonid and Grigoriy Golovin).

We present results of a large study of receptive vocabulary of native Russian speakers. More than 200000 interested in their vocabulary respondents took an adaptive online vocabulary test. The test consisted of 120 words with some non-words to control for respondents' level of attention. We analyze the features of the respondents' sample, or how they differ from the general population. Our results show that people who are most interested in their vocabulary are active users of the internet, have higher education or in the process of getting it, have significant number of books at home, like reading, and spend minimum amount of time watching TV. Most of them recall that in childhood they were surrounded with a lot of books at home, that reading was encouraged by their parents, who also read to them, and that they enjoyed reading, as well as studying at school. We also analyze factors affecting vocabulary size. We found that the strongest factor is the age of the respondents – teenagers learn up to 10 words per day until graduation from high-school, where their vocabulary reaches 51 thousand words;

then the pace goes down to full stop at retirement age. Other important factors are education level and type (both respondents' and their parents'), fondness towards reading in childhood, having significant amount of books at home (presently and in childhood), active use of a foreign language, lifestyle, and reading habits. We found that each of those factors could contribute up to 30% variation of the vocabulary size. Our results can be used to positively impact vocabulary grows of kids and teenagers. In addition, we used the data to study the connection between the type and level of parents' education with those of their children.

Denazification of West Germany. 70 years Since the Programme's Completion (by Evgenia Lezina).

The article presents an overview of the denazification measures implemented in the allied-occupied West Germany in the aftermath of WWII. The denazification programme represented a comprehensive attempt to achieve a large-scale social change in Germany. It included the elimination of Nazi ideology and symbols from public life, dismantling of the main Nazi institutions – the party, the police, the judiciary and public organizations. The paper particularly focuses on such policies as the removal of former Nazis from state administration, civil service and business enterprises; automatic arrests and internment of the most active Nazis, and the criminal prosecution of the former leaders of the Third Reich. It also discusses the outcomes of the programme and the perception of the denazification policies by the German public opinion.

Although transitional justice in post-war Germany became largely symbolized by war crimes trials, of which the International Military Tribunal at Nuremberg is best known, it was a large-scale personnel vetting, unique in structure and scale, which became the predecessor of all vetting or lustration measures implemented subsequently in different parts of the world.

Recurrent totalitarianism (by Lev Gudkov).

The failed transition of Russia to democracy and the increasing repressive tendencies of Putin's administration force sociologists and political scientists to confront the issue of conceptually defining Putin's regime. The most widespread definition of this system of government as an authoritarian or hybrid regime is not adequate and leaves many aspects of the technology of supremacy in Russia out. The author critically reviews the existing approaches to interpreting putinism, taking a closer look at the totalitarianism paradigm as the most

useful for the purpose of empirical study. However he surmises that in and of itself the paradigm has evolved greatly since the moment of its inception. The current phase of these theoretical developments has to do with the search for a conceptual model to explain the logic of totalitarianism decomposition and emergence from it.

Democratic transit is only possible in case there are remaining institutional structures and memory about the pre-totalitarian state in society, elements of civil society. In the absence of these elements the most likely outcome after an acute crisis of a totalitarian regime (like it happened in the post-soviet territory in the late 1980-es) is its partial regeneration. The driving force of this secondary totalitarianism are actually the democratic reformers, invested in staying in power to ‘continue the reforms’, but forced to call on enforcement institutions that embody the spirit of political repressions and the culture of late totalitarianism for support.

This very weakness becomes a factor in the initiative being seized by the most conservative groups and the beginning of a relapse or partial restoration of the totalitarian regime. The regeneration of the repressive system occurs on the background of total disinterest in and estrangement from politics of the majority of the population, which has lost the illusion that turning their backs on communism, would immediately bring about an ‘economic miracle’.

The technology of supremacy in the new conditions is built on several principles: a) breakdown of inter-group communication in society and the resulting suppression of social solidarity. b) elimination of free media and transition thereof into a machine of total anti-western and anti-liberal propaganda, destroying the very idea of the necessity of democratic changes in the country c) selective prophylactic repressions against the demoralized opposition and activists, civil society volunteers.

Список статей, опубликованных в 2018 году

	№	Стр.
<i>Наталья ТИХОНОВА.</i> Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика	1–2	17-29
<i>Светлана МАРЕЕВА, Екатерина СЛОБОДЕНЮК.</i> Неравенство в России в международном контексте: доходы, богатство, возможности	1–2	30-46
<i>Марина КРАСИЛЬНИКОВА.</i> О чем говорят индексы? Возможности и ограничения динамических сопоставлений данных опросов общественного мнения	1–2	47-57
<i>Клаус ГЕСТВА.</i> Советский человек. История одного собирательного понятия	1–2	58-75
<i>Владимир (Зезв) ХАНИН.</i> Выборы Президента РФ в Израиле: социально-политические аспекты	1–2	76-80
<i>Лев ГУДКОВ.</i> Патриотическая мобилизация и ее следствия	1–2	81-123
<i>Сергей НИКОЛЮК.</i> Настя Рыбка и столкновение цивилизаций	1–2	124
<i>Татьяна ЛЫСОВА.</i> Пользование Интернет-услугами и факторы, влияющие на их разнообразие	1–2	133-144
<i>Есения БОНДАРИК.</i> Свобода информации: неформальные практики регулирования СМИ в современном российском политическом процессе	1–2	145-152
<i>Елена БЕРДЫШЕВА, Анна СОКОЛОВА.</i> Измерения страдания в социальных науках: случай онкологических заболеваний	1–2	153-165
<i>Александр ЧЕПУРЕНКО.</i> О Грушине, Арендт и Леваде. Вступительное слово на 12-й ежегодной конференции имени Юрия Левады	1–3	166-168
<i>Алексей ЛЕВИНСОН, Пал ТАМАШ.</i> «...Потенциальная революция, которая в XX веке ожидала бы Россию, это не Горбачев, не перестройка, а оттепель»	1–2	169-177
<i>Борис ОРЛОВ.</i> Как пускали под нож «Лекции» Левады	1–2	178-180
<i>Эмиль ПАИН.</i> Динамика ксенофобии в эпоху популизма: опыт макросоциального анализа	3–4	17-32
<i>Лев ГУДКОВ, Карина ПИПИЯ.</i> Параметры ксенофобии, расизма и антисемитизма в современной России	3–4	33-64
<i>Лев ГУДКОВ, Наталия ЗОРКАЯ, Екатерина КОЧЕРГИНА, Евгения ЛЁЗИНА.</i> Антисемитизм в России: мнения еврейского населения	3–4	65-109
<i>Алексей ЛЕВИНСОН.</i> Об отношении к евреям в современной России	3–4	110-122
<i>Дарья ВЕДЕНЯПИНА.</i> Еврейская община как ключевой фактор в построении идентичности российскими евреями поколения 20-40-летних	3–4	123-139
<i>Лариса КОСОВА.</i> Быть женщиной: динамика массовых представлений о гендерных ролях	3–4	140-150
<i>Екатерина КОЧЕРГИНА.</i> Представления о гендерных ролях и гендерном равноправии в России. Анализ данных массовых опросов за 30 лет	3–4	151-161
<i>Людмила БОГОМАЗОВА.</i> Конструирование образа экономического кризиса 2014 года в российских онлайн-изданиях: сравнительный анализ	3–4	162-173
<i>Анастасия КАЗУН, Оксана ДОРОФЕЕВА.</i> Сообщения СМИ и результаты кандидатов на выборах президента РФ 2018: Для кого всего важнее региональные новости?	3–4	174-182
<i>Леонид АШКИНАЗИ, Григорий ГОЛОВИН.</i> Исследование пассивного словарного запаса носителей русского языка посредством интернета	3–4	183-191
<i>Евгения ЛЁЗИНА.</i> Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы	3–4	192-206
<i>Лев ГУДКОВ.</i> Вторичный тоталитаризм	3–4	207-260

List of Publications. 2018

	№	P.
Natalia Tikhonova. Subjective stratification of Russian society model and its dynamic	1–2	17-29
Svetlana Mareeva, Ekaterina Slobodenyk. Inequality in Russia in International Context: Income, Wealth, Opportunities	1–2	30-46
Marina Krasilnikova. What do indexes speak of? Potential and limitations of public opinion survey data dynamic comparisons	1–2	47-57
Klaus Gestwa. Soviet man. The History and ambivalence surrounding a collective singular form	1–2	58-75
Hanin Zeev. Presidential elections in Russia and Israel: sociopolitical aspects	1–2	76-80
Lev Gudkov. Patriotic mobilization and the consequences thereof	1–2	81-123
Sergey Nikolyuk. Nastya Rybka and the collision of civilizations	1–2	124
Tatiana Lysova. Use of Internet services and factors affecting the variety thereof	1–2	133-144
Eseniya Bondarik. Freedom of information: informal practices of mass-media regulation in contemporary political process in Russia	1–2	145-152
Elena Berdysheva, Anna Sokolova. Measuring suffering in social sciences: the case of oncology diseases	1–2	153-165
Alexandr Chepurenko. On Grushin, Arendt and Levada. Opening remarks at the 12th Yury Levada yearly conference	1–3	166-168
Alexey Levinson, Pal Tamash. Interview with Pal Tamash	1–2	169-177
Boris Orlov. How Levada's "Lectures" were scuttled	1–2	178-180
Emil Pain. Dynamics of xenophobia in the populist era: a macro social analysis trial	3–4	17-32
Lev Gudkov, Karina Pipia. Parameters of xenophobia, racism and anti-Semitism in modern day Russia	3–4	22-64
Lev Gudkov, Nalatala Zorkaya, Ekaterina Kochergina, Jane Lezina. Anti-Semitism in Russia: the Jewish population viewpoint	3–4	65-109
Alexej Levinson. Attitude towards jews	3–4	110-122
Daria Vedenyapina. Community as a key factor in constructing of Jewish identity by Russian Jews born between 1980-2000	3–4	123-139
Larisa Kosova. Being a woman: dynamics of mass attitudes towards gender roles	3–4	140-150
Ekaterina Kochergina. Beliefs regarding gender roles and gender equality in Russia. An analysis of mass surveys spanning 30 years	3–4	151-161
Liudmila Bogomazova. Russian Online Media Construction of the Economic Crisis of 2014 Image: a Comparative Analysis	3–4	162-173
Anastasija Kazun, Oxana Dorofeeva. Media coverage and the results of the 2018 Russian presidential election: for which candidates is regional news the most important?	3–4	174-182
Ashkinazi Leonid, Grigoriy Golovin. A study of receptive vocabulary by means of internet	3–4	183-191
Jane Lezina. Denazification of West Germany. 70 years Since the Programme's Completion	3–4	192-206
Lev Gudkov. Recurrent totalitarianism	3–4	207-260

